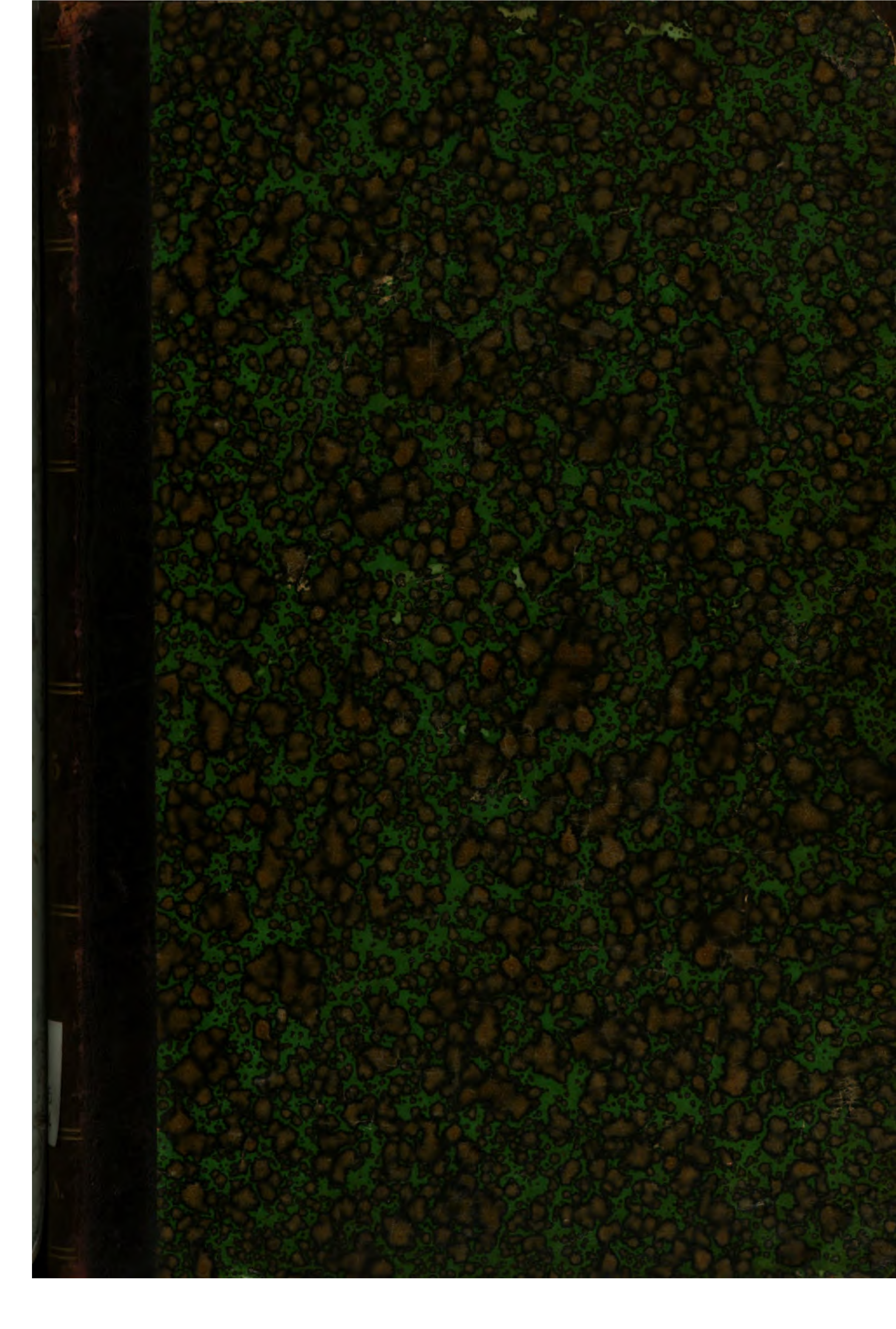


Русскія Записки

1915 г.

№ 4. АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 4. АПРѢЛЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ:

ФАНТА.

Разсказъ.

Вродѣ сказки было.

По ту сторону Средиземнаго моря, за Атласнымъ хребтомъ, подъ палящимъ солнцемъ далеко тянется пустыня Сахара. Холмами и долами и безконечными рядами, какъ снѣжные сугробы послѣ метели, какъ застывшія морскія волны, залегъ тамъ глубокій песокъ, бѣлый и мертвый.

И нѣтъ деревьевъ на холмахъ, нѣтъ воды и травы въ долахъ.

Только изрѣдка сквозь толщу песка изъ невѣдомыхъ глубинъ почвы безплодной пробиваются родники холодной воды... Тамъ три пальмы ростутъ; туда, къ пальмамъ, къ холодной водѣ тянутся караваны верблюдовъ и жмутся сѣрые, бѣдные люди: отъ палящей пустыни къ пальмамъ, къ роднику.

А кругомъ все песокъ и песокъ, холмы и долы, и волны песчаныя... Бываетъ, поднимается вѣтеръ въ пустынѣ и высоко вздымается, и краснымъ пологомъ закрываетъ солнце горячій раскаленный песокъ, отъ котораго мутятся глаза и трудно дышать и кровь идетъ изъ растрескавшихся губъ и приникаютъ къ землѣ горбатые верблюды. А когда песчаная метель долго продолжается,—пустыня начинаетъ двигаться. Сдуваются холмы и заметаются долы, и встаютъ новые холмы, и по другому тянутся волны песка...

Шелъ пустыней французскій отрядъ въ дальніе оазисы покорять тогда еще не покоренныя племена. И попалъ въ песчаную бурю и заблудился въ пустынѣ. Замело караванный путь—тропу, и старые солдаты, бывавшіе много разъ въ пустынѣ, не узнавали мѣста и потеряли знаки, по которымъ ходили раньше.

Три дня блуждалъ отрядъ безъ пищи и питья. Стали

падать солдаты, и самые сильные и мужественные изъ нихъ уже отказывались идти, и страшная смерть Сахары повисла надъ отрядомъ...

И вдругъ солдаты увидѣли,—въ пустынѣ, гдѣ не было признаковъ человѣческаго жилья,—лежитъ и спитъ, уткнувшись въ песокъ, маленькая, лѣтъ четырехъ-пяти, негритянская дѣвочка. Голенькая,—была на ней только коротенькая красная юбочка да жемчужное ожерелье на шеѣ. Должно быть, упала съ верблюда изъ какого-нибудь каравана, и не сразу хватились, забыли про нее. А когда хватились, испугавшійся бури караванъ не могъ уже или не захотѣлъ вернуться разыскивать пропавшую дѣвочку.

Когда разбудили ее, она долго что-то лепетала на языкѣ, котораго не понималъ даже старый сержантъ, знавшій мѣстныя нарѣчія. И одно слово она особенно часто повторяла: „Фанта", и упорно махала ручкой въ одну сторону.

Тогда самый высокій солдатъ въ отрядѣ взялъ ее на руки, высоко поднялъ ее надъ головой, и такъ и пошелъ впереди отряда въ ту сторону, куда махала дѣтская ручка. Долго шелъ отрядъ и все слѣдилъ, куда указываетъ маленькая ручка. И дѣвочка вывела отрядъ на дорогу и спасла его отъ смерти. Но въ томъ оазисѣ, куда пришли солдаты, мѣстные люди тоже не понимали рѣчи дѣвочки и сказали, что дѣвочка, быть можетъ, изъ того оазиса, куда шли солдаты, а, можетъ быть, и изъ еще болѣе далекихъ мѣстъ, изъ племени, котораго не знаютъ, не встрѣчали они, мѣстные люди.

Отрядъ взялъ съ собой дѣвочку и назвали ее Фантой, тѣмъ именемъ, которое она чаще всего повторяла. Она продѣлала весь походъ съ отрядомъ и скоро сдѣлалась радостью полка. Она была милая, живая и веселая и на дневкахъ во время отдыха пѣла негритянскія пѣсни и танцовала свои танцы. И была она ласковая, шла ко всѣмъ на руки и такъ смѣшно коверкала французскія имена солдатъ.

Отрядъ вернулся, наконецъ, въ Алжиръ, въ свое постоянное мѣсто, и тогда изъ-за дѣвочки вышелъ большой споръ. Солдаты собрали между собой деньги и рѣшили дать дѣвочкѣ образованіе, чтобы она оставалась дочерью полка, а полковникъ, командовавшій отрядомъ во время похода, просилъ солдатъ, чтобы дѣвочку отдали ему. Говорилъ, что онъ одинокій и богатый, что онъ беретъ дѣвочку въ дочки, отвезетъ ее къ своей матери во Францію и дастъ ей образованіе лучшее, чѣмъ могутъ дать ей солдаты. Говорилъ, что мать у него добрая и приметъ дѣвочку, какъ внучку, и что хорошо и пріютно ей будетъ жить у его матери.

Въ концѣ концовъ солдаты уступили и передали собранныя ими деньги полковнику, съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ ихъ въ банкъ и, когда дѣвочка будетъ выходить замужъ, передалъ ей, какъ приданое отъ полка.

Полковникъ отвезъ дѣвочку къ матери, а самъ вернулся дослуживать въ свой полкъ въ Африку. И солдаты знали, какъ живетъ дѣвочка, и читали письма, которыя она присылала полковнику, и привѣтствія, которыя посылала она солдатамъ. Знали, что она хорошо учится въ одномъ изъ лучшихъ институтовъ, что ей даютъ то свѣтское воспитаніе въ монастырѣ, которое даютъ своимъ дѣтямъ свѣтскіе и богатые французы, что мать полковника крѣпко привязалась къ Фантѣ и любитъ ее, какъ родную внучку.

А когда полковникъ вышелъ въ отставку,—къ тому времени дѣвочка успѣла окончить институтъ,—онъ выстроилъ въ южномъ приморскомъ французскомъ городѣ виллу въ африканскомъ стилѣ, какъ онъ привыкъ за свою долгую жизнь въ Африкѣ, и поселился тамъ со своей пріемной дочерью.

II.

Это не сказка, и нѣтъ тутъ выдумки, все записано такъ, какъ разсказывалъ полковникъ.

И я познакомился съ Фантой. Ей было восемнадцать лѣтъ; она хорошо одѣвалась, бывала въ обществѣ и училась пѣнію,—ея учительница говорила мнѣ, что у Фанты хорошее сопрано. Она высокая, тоненькая, гибкая и граціозная; у нея большіе красивые и нѣжные глаза, то веселые, то печальные.

Вся она черная, только на щекахъ выступаютъ два бѣловатыхъ пятна, какъ бываетъ бѣлый иней на темномъ камнѣ. И мнѣ все думалось, что по утрамъ она долго моетъ и третъ свои щеки, чтобы стереть черноту со своего лица. И когда заговорятъ съ ней просто и ласково, глаза ея вспыхиваютъ, какъ звѣздочки, и бѣлыя пятна становятся больше и бѣлѣе,—словно бѣлый румянецъ разливается по темнымъ щекамъ.

Она совсѣмъ француженка по привычкамъ, костюму, манерѣ держаться. Только смѣется особенно радостно и звонко-звонко, будто кругомъ нѣтъ людей, а только песокъ и солнце пустыни. Да еще, когда идетъ въ оперу или на балъ, непремѣнно надѣваетъ красное или розовое, хотя бы ленту, бантъ,—самое радостное, самое яркое.

И мои знакомыя русскія дамы говорятъ мнѣ, что, когда Фанта ѣдетъ съ ними за городъ,—съ нея слетаютъ свѣтскія благовоспитанныя манеры. Она безумѣетъ отъ простора

шири и дали. Поетъ пѣсни, скачетъ по комнатѣ, поднимаетъ невѣроятную кутерьму съ деревенскими ребятами, которые хорошо знаютъ ее; влѣзаетъ на деревья и кидаетъ оттуда конфектами въ ребятъ. И смѣется звонко-звонко, звончѣе дѣтскихъ голосовъ.

Она черная и въ этомъ рана ея сердца. И, вѣроятно, потому такъ часто печаль ложится на ея веселое оживленное личико, и жалоба смотритъ изъ ея большихъ красивыхъ глазъ. Быть можетъ, потому она такъ привязалась къ польской семьѣ, гдѣ бывало много русскихъ, къ этимъ страннымъ людямъ, которымъ не оказалось мѣста у себя на родинѣ, у которыхъ тоже печаль часто ложилась на лица и которые относятся къ ней ласково и участливо и совсѣмъ не замѣчаютъ и не даютъ ей чувствовать, что она черная.

И имъ повѣряетъ она печаль души своей. Случается, когда она остается одна съ русскими дамами, она подходитъ къ зеркалу, долго смотритъ на себя и говоритъ,—и слезы стоятъ въ ея глазахъ.

— Кругомъ всѣ бѣлыя, красивыя, хорошія,—я одна черная, страшная, дурная, уродина!..

И разсказываетъ, жалуется, какъ на балахъ она всегда слышитъ кругомъ себя шопотныя фразы дамъ:—„Ахъ, еслибы она не была такая черная“, какъ обходятъ ее кавалеры и рѣдко приглашаютъ танцовать, и приглашаютъ,—думаетъ она—только изъ уваженія къ полковнику. А она, бѣдняжка, страстно любитъ танцовать и, говорятъ, удивительно граціозно танцуетъ, и когда устраиваются благотворительные балы, ее спеціально просятъ танцовать испанскій танецъ съ шалью, который въ городѣ никто не умѣетъ танцовать такъ, какъ она танцуетъ.

Какъ-то она пришла къ моимъ знакомымъ дамамъ и по секрету разсказала, что она достала и надѣла на себя, когда была одна, бѣлокурый парикъ и напудрила лицо и долго смотрѣла на себя въ зеркало.

— Ахъ, еслибы вы видѣли меня тогда!—говорила она.— Я стала совсѣмъ, совсѣмъ другая! Я стала почти красивая!— И опять слезы дрожали на длинныхъ рѣсницахъ.

Она была ласковая и привязчивая. И, повидимому, тянули ее къ себѣ чужая печаль, чужое горе. Когда тяжко заболѣлъ старый эмигрантъ, она особенно часто навѣщала семью. Забѣжитъ хоть на минуточку, принесетъ прелестные цвѣты съ своей виллы и спрашиваетъ: „Можно ему?“ И когда услышитъ, что больному лучше, что онъ благодаритъ за цвѣты, она вспыхнетъ радостью и засвѣтятся глазки.

И въ семьѣ этой разсказывали мнѣ, какъ Фанта, когда

опасно заболѣла ея бабушка, мать полковника, нѣсколько недѣль не отходила отъ ея постели и нельзя было уговорить ее пойти погулять, уснуть отдѣльно, не въ комнатѣ больной.

Мои знакомые приглашали меня идти въ гости къ полковнику, охотно знакомившемуся съ русскими, и обѣщали показать красную юбочку и жемчужное ожерелье, въ которыхъ нашли Фанту въ Сахарѣ и которыя бережно сохраняются въ кабинетѣ полковника. Звала меня и Фанта, мило и привѣтливо, и обѣщала спѣть африканскія пѣсни, которыя она знала и, говорятъ, удивительно пѣла. Былъ назначенъ и день, но я заболѣлъ и не могъ попасть къ полковнику. А потомъ скоро уѣхалъ изъ города.

Я слышалъ потомъ, что Фантѣ дѣлалъ предложеніе сенегалецъ—офицеръ, прекрасно окончившій военное училище во Франціи и возвращавшійся къ себѣ въ Сенегалъ служить Франціи, молодой и красивый африканской красотой офицеръ, и, вопреки желанію полковника, Фанта отказала ему. Должно быть, потому, что онъ былъ черный. Должно быть, все ждетъ, что полюбитъ ее бѣлый...

С. Елпатьевскій.

Религія, ея сущность и происхожденіе.

1.

Научное изслѣдованіе религіи на Западѣ дѣло сравнительно недавнее. Еще 40—50 лѣтъ назадъ значеніе въ этой области теологической и философской спекуляціи было исключительнымъ. Только въ послѣднюю треть 19 вѣка происходитъ здѣсь рѣшительный переломъ. Возникаетъ такъ названная М. Мюллеромъ наука о религіи (science of religion), разработкѣ которой посвящаетъ свои силы длинный рядъ соціологовъ, этнографовъ, языковѣдовъ, фольклористовъ, историковъ, психологовъ и пр. Создается обширная литература, насчитывающая уже такія блестящія произведенія, какъ классическія работы Фрэзера и Р. Смита, не говоря о другихъ, менѣе видныхъ, изслѣдованіяхъ. Особенное вниманіе при этомъ естественно удѣляется вопросу о генезисѣ религіи, отъ рѣшенія котораго зависитъ въ значительной мѣрѣ взглядъ на дальнѣйшую эволюцію ея и на самую сущность ея. Этой, основной въ наукѣ о религіи, проблемой занимается и послѣдняя, капитальная книга Э. Дюркгейма объ австралійскомъ тотемизмѣ, изложенію и критикѣ которой посвящена предлагаемая статья [1]).

Въ новой книгѣ Дюркгейма, какъ и во всѣхъ его прочихъ работахъ, особенно цѣненъ соціологическій подходъ къ явленіямъ общественной жизни. Анализъ различныхъ фактовъ—даже такого, казалось бы, индивидуальнаго характера, какъ явленія самоубійства—съ общественной ихъ стороны—это лейтмотивъ всѣхъ дюркгеймовскихъ произведеній, основное правило его метода. Но это больше, чѣмъ одна лишь чисто теоретическая точка зрѣнія. Въ Дюркгеймѣ необыкновенно развито *чувство, интуиція* соціальнаго и благодаря этому онъ замѣчаетъ въ изучаемыхъ имъ явленіяхъ—будутъ ли это факты раздѣленія общественнаго труда, факты самоубійства или религіозныя представленія и обряды—такія стороны ихъ, которыя изслѣдователямъ, менѣе чуткимъ къ соціальному, просто не видны. Правда, наряду съ оригинальными удивительно

---

[1]) E. Durkheim, Les formes élémentaires de la vie réligieuse. Le système totémique en Australie.

счастливыми, обобщеніями у французскаго ученаго попадаются подчасъ рискованныя и сомнительныя сопоставленія, но эти спорныя теоріи, эти злоупотребленія соціологизмомъ не связаны органически съ исходной точкой зрѣнія Дюркгейма, являясь неизбѣжной данью сильнаго, но односторонне направленнаго, ума своей собственной теоріи.

Въ этой прямолинейности выводовъ, не останавливающейся передъ явнымъ парадоксомъ, сказывается вліяніе французской духовной традиціи съ точностью и прозрачностью ея мысли, съ ея логикой и раціонализмомъ. Раціоналистъ чувствуется въ нашемъ авторѣ даже тогда, когда онъ борется съ раціонализмомъ и его упрощенными представленіями о религіи и другихъ соціальныхъ фактахъ. У Дюркгейма, пользуясь остроумной классификаціей Дюгема, умъ „глубокій", а не „широкій"; у него достоинства и недостатки французской математизирующей мысли, исключительно сильной въ дедукціи, но въ то же время страдающей какой-то односторонностью и схематизмомъ. Однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей этого французскаго интеллектуальнаго типа былъ Тэнъ. И, не смотря на весь блескъ его литературной манеры, въ ней было что-то утомляющее, однообразное, что-то, дававшее поводъ критикамъ-недругамъ зло замѣнять слово monotonie черезъ monotainie. Этой „монотэнностью"—и въ смыслѣ архитектоники своихъ работъ и отчасти даже и въ идейномъ отношеніи—страдаетъ и Дюркгеймъ. Соціологическій методъ превращается иногда въ его рукахъ въ какой-то ариѳмометръ, дающій почти механическимъ путемъ рѣшеніе различныхъ научныхъ задачъ. Въ этомъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться ниже. Но эти чрезмѣрности и излишества не должны закрывать отъ насъ того цѣннаго, что̀ несетъ съ собой соціологическая точка зрѣнія на религію, тѣмъ болѣе, что ихъ легко убрать безъ ущерба для цѣлаго.

2.

Задачи, разрѣшеніемъ которыхъ занимается книга Дюркгейма, троякаго рода. Во первыхъ—это чисто научная проблема о возникновеніи религіи и о внутренней сущности ея. Во-вторыхъ—имѣющій для насъ большое практическое значеніе вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ религіозной эволюціи, о „религіи будущаго". И, наконецъ, философская проблема о характерѣ и значеніи такъ называемыхъ категорій.

Присутствіе теоретико-познавательной проблемы въ книгѣ объ австралійскомъ тотемизмѣ, вѣроятно, удивитъ читателя, такъ какъ трудно, на первый взглядъ, замѣтить какія бы то ни было нити, ведущія отъ теоріи религіознаго развитія къ утонченнымъ и безконечно запутаннымъ умозрѣніямъ гносеологовъ. Въ концѣ своего изложенія я еще вернусь къ этому вопросу и покажу, какимъ обра-

зомъ Дюркгеймъ связываетъ двѣ, столь разнородныя, области, какъ наука о религіяхъ и теорія познанія. Пока же я остановлюсь на проблемахъ самой религіи, начавъ съ основного вопроса о томъ, что такое религія.

Въ опредѣленіи религіи, предлагаемомъ Дюркгеймомъ въ его книгѣ, центральное мѣсто занимаетъ противоположность *„священнаго"* (sacré) и *„мірского"* (profane)[1]. Отличительная черта религіозной мысли, поего утвержденію, заключается не въ вѣрѣ въ сверхъестественное или въ божество, какъ это принимается очень распространенными опредѣленіями религіи, а въ раздѣленіи міра на двѣ области, изъ которыхъ одна охватываетъ все, что священно, а другая —все мірское. При этомъ подъ священными вещами не слѣдуетъ понимать лишь тѣ личныя существа, которыя называются богами или духами. Скала, дерево, камень—словомъ, любая вещь можетъ быть священной. Существуютъ священныя слова, священные жесты, пляски и т. д.

Но одного этого признака священности еще недостаточно, чтобы вполнѣ опредѣлить религію. Основываясь на немъ, нельзя было бы дифференцировать религію отъ магіи. Вѣдь магія, какъ извѣстно, тоже состоитъ изъ вѣрованій и обрядовъ. У нея свои миѳы, догматы, церемоніи, молитвы, жертвоприношенія и пр. Но, не смотря на все это сходство, между религіей и магіей есть и существенное различіе. Религія всегда есть дѣло нѣкоторой *коллективности*. Въ исторіи мы не встрѣчаемъ религіи безъ церкви. Церковь можетъ быть національной или международной; во главѣ ея можетъ стоять жреческая корпорація или же она можетъ быть вовсе лишена іерархіи. Но повсюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ религіозной жизнью, мы встрѣчаемъ, въ качествѣ субстрата ея, нѣкоторую опредѣленную группу. Магической же церкви не существуетъ. Чародѣй имѣетъ кліентелу, но не церковь; его кліенты совсѣмъ не связаны другъ съ другомъ, часто не знаютъ даже другъ друга.

Прибавивъ этотъ моментъ соціальности, Дюркгеймъ приходитъ къ слѣдующему опредѣленію религіи:

„*Религія—это связная система вѣрованій и обрядовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ священныя,—т. е. отдѣленныя, запрещенныя—вещи, система вѣрованій и обрядовъ, соединяющихъ въ одну духовную общину, называемую Церковью, всѣхъ тѣхъ, кто исповѣдуютъ и исполняютъ ихъ*" (с. 65).

Опредѣленіе это, въ согласіи съ „Правилами соціологическаго метода", носитъ, повидимому, чисто формальный характеръ, опираясь только на внѣшнихъ признакахъ религіи и не пытаясь предрѣшать вопроса о самой сущности ея. Но элементъ соціальности, внесенный понятіемъ о церкви, показываетъ уже, въ какомъ на-

---

[1]) См. также статью Дюркгейма „De la définition des phenomènes religieux" (Année sociologique, № 2, 1908 г.)

правленіи будетъ работать мысль Дюркгейма. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что религія для него насквозь соціальная вещь, и не только потому, что она есть дѣло коллективности, но и потому, что само ядро религіи—идея священнаго—есть цѣликомъ продуктъ общественныхъ силъ.

Но какъ же добраться до этой сущности религіи? Изучая ее тамъ, гдѣ она дана въ наиболѣе элементарномъ, не осложненномъ различными побочными вліяніями, видѣ, т. е. изучая первобытную религію. Найдутся, конечно, критики, которые станутъ утверждать, что для пониманія религіи надо обратиться не къ рудиментарнымъ формамъ ея, а къ тѣмъ зрѣлымъ, пышнымъ образованіямъ, которыя она представляетъ въ позднѣйшихъ обществахъ. Дюркгеймъ однако предпочитаетъ слѣдовать методу физиковъ, которые, желая открыть законы изучаемыхъ ими явленій, упрощаютъ ихъ, разлагаютъ ихъ на элементарные процессы. Въ соціологіи это упрощеніе дается самой природой, въ исходныхъ пунктахъ исторической эволюціи, къ изученію которыхъ и приходится обратиться.

Что касается первобытной религіи, то на счетъ ея существуютъ двѣ, весьма распространенныя, теоріи, одна — анимистическая, связанная съ именами Тэйлора и Спенсера, другая—натуристическая, творцомъ которой является знаменитый языковѣдъ, М. Мюллеръ. Я не стану здѣсь излагать всѣмъ извѣстной доктрины анимизма; я не приведу также стройной аргументаціи Дюркгейма, съ помощью которой онъ доказываетъ несостоятельность всѣхъ отдѣльныхъ гипотезъ, изъ которыхъ составлена эта теорія; я сообщу лишь заключительное соображеніе нашего автора, имѣющее принципіальное значеніе и характеризующее вообще его точку зрѣнія на проблему религіи. Еслибы анимистическая концепція была правильной, утверждаетъ онъ, то пришлось бы допустить, что религіозныя вѣрованія—это просто галлюцинаторныя представленія, не имѣющія никакой реальной основы. Согласно этой теоріи, человѣкъ, въ зависимости отъ требованій культа, подвергаетъ себя всяческимъ лишеніямъ только потому, что какая-то аберрація мысли заставляетъ его принимать свои сны за реальныя воспріятія, неподвижныя тѣла—за живыя и мы слящія существа и т. д. Но согласно основному постулату соціологіи „никакое человѣческое учрежденіе не можетъ опираться на заблужденіи и лжи: оно не могло бы въ этомъ случаѣ долго существовать“ (с. 3). Невозможно допустить, чтобы системы идей, подобныя религіознымъ, занимавшія такое значительное мѣсто въ исторіи, системы, въ которыхъ во всѣ времена народы черпали необходимую имъ для ихъ существованія энергію, были просто сѣтью иллюзій. Какимъ образомъ могла бы пустая фантасмагорія такъ сильно и такъ длительно вліять на сознаніе людей? Если возможна наука о религіи, то должна быть и соотвѣтствующая реальность, которой она занимается, ибо всякая наука есть наука о реальныхъ

явленіяхъ. Вопросъ только въ томъ, къ какому царству природы относятся реальности религіи. Анимизмъ превращаетъ ихъ въ простыя иллюзіи и призраки, подрывая тѣмъ самымъ существованіе науки о религіяхъ.

Аналогичной критикѣ Дюркгеймъ подвергаетъ натуристическую концепцію. Здѣсь источникомъ религіи признаются космическія явленія—огонь, небо и пр. Благодаря свойствамъ языка, его тенденціи къ метафорамъ, реальныя воспріятія превращаются въ особыя миѳологическія сущности: огонь становится Агни, небо—Зевсомъ, и т. д.

По мнѣнію Дюркгейма, какъ ни противоположны между собой анимизмъ и натуризмъ, они грѣшатъ по существу одной и той же ошибкой. Оба они пытаются объяснить возникновеніе понятія о божественномъ съ помощью ощущеній, вызываемыхъ въ насъ извѣстными естественными явленіями, физическими (натуризмъ) или біологическими (анимизмъ). Анимисты при этомъ исходятъ изъ явленій сна, натуристы—изъ космическихъ явленій, но и тѣ, и другіе ищутъ объясненіе дуализма священнаго и мірского въ *природѣ*,—въ природѣ или человѣка, или внѣшняго міра.

Но ни человѣкъ, ни природа сами по себѣ не носятъ священнаго характера. Слѣдовательно, внѣ человѣка и физическаго міра должна быть нѣкоторая реальность,—въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что это есть общество—по отношенію къ которой своеобразный порядокъ идей и чувствъ, образующихъ психологическое содержаніе религіи, получаетъ объективное значеніе. А это означаетъ, что подъ анимизмомъ и натуризмомъ долженъ скрываться болѣе основной и первичный культъ, относительно котораго первые являются лишь производными и частными формами. Такой культъ, утверждаетъ Дюркгеймъ, существуетъ: это—тотемизмъ.

3.

Явленія, объединяемыя теперь въ понятіи „тотемизмъ“, были впервые открыты у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки. Само слово „тотемъ“ заимствовано изъ языка одного изъ этихъ племенъ—оджибуэевъ. Но классической страной тотемизма является Австралія, какъ это показали замѣчательныя изслѣдованія Гауитта, Спенсера и Джиллена, Стрелова и др. Поэтому Дюркгеймъ при построеніи своей теоріи пользуется, главнымъ образомъ, этнографическимъ матеріаломъ, доставленнымъ изученіемъ австралійскихъ племенъ.

Въ основѣ большинства этихъ племенъ находится группа, которая занимаетъ исключительное мѣсто въ коллективной жизни и которую этнографы называютъ *кланомъ*. Австралійскій кланъ характеризуется двумя существенными чертами. Во-первыхъ, члены клана считаются связанными между собою узами родства,—

но совсѣмъ особаго вида. Это не родство по крови, а родство въ силу того, что члены клана *носятъ одно и то же имя.* Они ни отцы, ни матери, ни братья или сестры другъ другу въ нашемъ современномъ смыслѣ слова. Но они образуютъ какъ бы одну семью, и именно въ силу того, что они носятъ одно имя: они обязаны помогать другъ другу, не могутъ заключать браки между собой, носятъ другъ по другѣ трауръ, — словомъ, дѣлаютъ все то, что характеризуетъ у насъ людей, связанныхъ узами кровнаго родства.

Однако латинскій gens и греческій γένος тоже отличались тѣмъ свойствомъ, что члены ихъ, родичи, носили одно и то же имя (у римлянъ nomen gentilicium). Но для австралійскаго клана характерна та особенность, что присвоенное ему имя является также именемъ нѣкотораго опредѣленнаго вида вещей, съ которыми у клана очень тѣсныя и своеобразныя связи родства. Эта категорія вещей и есть *тотемъ* клана.

У каждаго клана свой особенный тотемъ, являющійся также тотемомъ всѣхъ его членовъ. Предметы, служащіе тотемами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ растительному или животному царству, особенно къ послѣднему. Но встрѣчаются также тотемы дождя, града, солнца, вѣтра и пр. У разныхъ племенъ существуютъ разные способы передачи тотема: въ однихъ случаяхъ онъ передается по отцовской линіи, въ другихъ—по материнской, въ-третьихъ—еще инымъ способомъ, и т. д. [1]).

Тотемъ однако не только имя. Онъ также эмблема, своего рода геральдическій знакъ. Его изображаютъ на домахъ, на лодкахъ, оружіи, могилахъ, а съ помощью татуировки запечатлѣваютъ на тѣлѣ. Особенно важную роль играютъ подобныя изображенія при различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Австралійскія племена употребляютъ во время исполненія своихъ религіозныхъ обрядовъ особыя орудія, называемыя, согласно Спенсеру и Джиллену, чурингами. Эти чуринги представляютъ собой продолговатые куски дерева или полированнаго камня, на которыхъ изображенъ рисунокъ, представляющій тотемъ данной группы. Совокупность чурингъ извѣстной тотемической группы представляетъ величайшую святыню ея. Она хранится въ особомъ потаенномъ мѣстѣ, доступъ къ которому запрещенъ непосвященнымъ (женщинамъ, дѣтямъ). Чуринги обладаютъ чудесными свойствами: онѣ излечиваютъ отъ болѣзней, содѣйствуютъ росту волосъ на бородѣ, придаютъ людямъ силу, мужество и пр. Потеря ихъ является величайшимъ бѣдствіемъ, какое только можетъ постигнуть группу.

Чуринги (равно какъ и другія орудія, употребляемыя съ религіозными цѣлями, такъ называемыя *нуртуньи и ванинги*) обязаны

---

[1]) Чтобы не усложнять изложенія, я не касаюсь здѣсь ряда вопросовъ объ индивидуальныхъ тотемахъ, о тотемахъ различныхъ другихъ соціальныхъ группъ, кромѣ клана, и т. д.

своихъ религіознымъ значеніемъ тому, что на нихъ изображена тотемическая эмблема. Именно эта эмблема священна. Тотемъ, такимъ образомъ, не есть просто коллективный значекъ. Онъ носитъ религіозный характеръ. По отношенію къ нему вещи и дѣлятся на священныя и мірскія. Онъ является даже типомъ священныхъ вещей.

Не одни только тотемическія изображенія являются священными вещами. Существуютъ реальныя существа, которыя тоже являются объектомъ различныхъ обрядовъ въ виду своихъ особенныхъ отношеній къ тотему. Таковы тотемическія животныя и растенія (и вообще существа тотемическаго вида) и члены клана. Тотемическое животное нельзя употреблять въ пищу. Запрещается также убивать его или же срывать тотемическое растеніе. Въ иныхъ случаяхъ запрещено даже прикасаться къ нимъ. Правда, существуютъ различныя смягченія и ограниченія этихъ запретовъ, иногда фактически невыполнимыхъ, какъ, напримѣръ, тогда, когда нечего ѣсть. Но способы, какими здѣсь нарушается запретъ, показываютъ всю недозволенность, „грѣховность" содѣяннаго. Такимъ образомъ тотемическое существо носитъ священный характеръ. Замѣчательно однако, что изображенія тотемическаго существа болѣе священны, чѣмъ само это существо: первыя окружены и бо̀льшимъ почтеніемъ и бо̀льшимъ количествомъ запретовъ, чѣмъ второе.

Такой же священный характеръ носятъ члены данной тотемимической группы. Причина этого, по утвержденію Дюркгейма, заключается въ томъ, что каждый человѣкъ считаетъ себя не только человѣкомъ въ обычномъ смыслѣ, но и животнымъ (или растеніемъ) соотвѣтствующаго тотемическаго вида. Человѣкъ изъ клана кэнгуру самъ тоже называется кэнгуру. Но для него это больше, чѣмъ просто имя. Для первобытнаго человѣка тожество имени означаетъ и тожество природы. Человѣкъ изъ клана кэнгуру причастенъ такимъ образомъ къ природѣ кэнгуру. Въ немъ какъ бы сосуществуютъ два существа, человѣкъ и животное. Будучи причастенъ природѣ тотемическаго животнаго, членъ клана обладаетъ соотвѣтственно и священнымъ характеромъ. Эта святость человѣка, диффузно распространенная въ организмѣ, присуща въ особенно сильной степени нѣкоторымъ органамъ и тканямъ, напримѣръ, крови, волосамъ, крайней плоти и пр.

Но кругъ религіозныхъ вещей не ограничивается въ австралійскихъ обществахъ только міромъ тотемическихъ животныхъ и членовъ клана. Онъ несравненно обширнѣе, охватывая по существу весь міръ. Ѳалесовское „все полно боговъ" цѣликомъ примѣнимо къ міровоззрѣнію тотемиста. Дѣло въ томъ, что для австралійца всѣ существующія вещи являются составной частью племени, какъ бы членами его. „Южно-австралійскій дикарь, пишетъ Файсонъ, разсматриваетъ вселенную, какъ большое племя, къ

одному изъ подраздѣленій котораго онъ принадлежитъ, и всѣ вещи, одушевленныя или неодушевленныя, находящіяся въ той же группѣ, что̀ и онъ, представляютъ части того тѣла, членомъ котораго является и онъ самъ". Вотъ, напримѣръ, классификація явленій, описанная у членовъ племени, живущаго у Мон-Гамбье. Племя это состоитъ изъ двухъ фратрій по пяти клановъ въ каждой. Между десятью кланами его и распредѣлены всѣ вещи:

Кланъ:	Вещи, относимыя къ клану:
Соколъ-рыболовъ	Дымъ, каприфолій, нѣкоторыя деревья и пр.
Пеликанъ	Черное дерево, собаки, огонь, ледъ и пр.
Воронъ	Дождь, громъ, молнія, облака, градъ, зима и пр.
Черный какаду	Звѣзды, луна и т. д.
И т. д. и т. д.	

Намъ трудно, и иногда даже невозможно, разобрать, въ силу какихъ ассоціацій мысли австраліецъ соединяетъ въ одну группу самыя противоположныя вещи, какъ ледъ, огонь и собакъ, или дымъ, деревья и каприфолій. Ясно однако, что эти классификаціи—самыя раннія изъ встрѣчающихся въ исторіи —построены по типу соціальной организаціи. Вещи, отнесенныя къ одному и тому же клану, находятся въ тѣсной родственной связи другъ съ другомъ и съ той вещью, которая служитъ тотемомъ для даннаго клана. Но такъ какъ тотемическое животное священно, то священны и вещи, помѣщенныя въ соотвѣтствующій кланъ: вѣдь онѣ, подобно человѣку, являются въ извѣстномъ смыслѣ животными того же самаго вида. Такимъ образомъ все существующее носитъ съ точки зрѣнія тотемизма, въ той или иной степени, религіозный характеръ.

Эта концепція расходится, по словамъ Дюркгейма, съ господствовавшей до послѣдняго времени теоріей тотемизма. Въ немъ видѣли религію отдѣльнаго клана, такъ что въ каждомъ племени было столько же различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга тотемическихъ религій, сколько въ немъ имѣлось клановъ. Согласно же Дюркгейму, какъ ни велика автономія культовъ отдѣльныхъ клановъ, они только въ своей совокупности даютъ систему тотемической религіи.

4.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ источникахъ тотемизма. Въ книгѣ Дюркгейма обширная глава посвящена критикѣ различныхъ существующихъ теорій тотемизма, изъ которыхъ однѣ просто отрицаютъ религіозный характеръ его, а другія признаютъ этотъ религіозный характеръ, но производятъ тотемизмъ отъ нѣкоторой болѣе ранней религіи. Не останавливаясь на этой критикѣ, мы перейдемъ прямо къ изложенію собственныхъ взглядовъ нашего автора.

Описывая вѣрованія австралійскихъ туземцевъ, мы видѣли, какъ разнообразенъ кругъ вещей, признаваемыхъ ими священными: это прежде всего изображеніе тотема, затѣмъ соотвѣтствующія ему животныя или растенія и, наконецъ, члены клана. Такъ какъ эти различныя вещи способны вызывать въ вѣрующемъ одни и тѣ же чувства (хотя и различной степени интенсивности), то, очевидно, въ немъ долженъ заключаться нѣкоторый общій имъ всѣмъ принципъ, который и является собственно объектомъ культа. Иначе говоря, „тотемизмъ есть религія не тѣхъ или иныхъ животныхъ, или тѣхъ или иныхъ людей, или же тѣхъ или иныхъ изображеній, но религія своего рода анонимной и безличной силы, которая находится въ каждомъ изъ этихъ существъ, не сливаясь ни съ однимъ изъ нихъ" (269). Эта сила не зависитъ отъ тѣхъ частныхъ субъектовъ, въ которыхъ она воплощается. Индивиды умираютъ; поколѣнія смѣняютъ другъ друга; но сила эта остается живой, постоянно одинаковой и неизмѣнной. Въ широкомъ смыслѣ слова можно было бы сказать, что она есть Богъ, служащій предметомъ поклоненія въ каждомъ тотемическомъ культѣ. „Только это Богъ безличный, безъ имени, безъ исторіи, имманентный міру, разсѣянный въ безчисленномъ множествѣ вещей" (ib.).

Но австраліецъ не представляетъ себѣ этой безличной силы въ ея абстрактномъ видѣ. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, онъ сталъ разсматривать ее подъ видомъ нѣкотораго животнаго или растенія (или же вообще нѣкоторой чувственной вещи). Съ этой точки зрѣнія тотемъ есть лишь матеріальная форма, подъ которой представляется въ воображеніи тотемиста эта безличная, разсѣянная во всѣхъ вещахъ, энергія.

Для обозначенія этой силы Дюркгеймъ, какъ Гюберъ, Моссъ и другіе соціологи французской школы, пользуется терминомъ *мана*, заимствованнымъ у меланезійцевъ. Извѣстный изслѣдователь меланезійскихъ обществъ, Кодрингтонъ, въ слѣдующихъ словахъ описываетъ это своеобразное понятіе: „Меланезійцы вѣрятъ въ существованіе нѣкоторой силы, абсолютно отличной отъ всякой матеріальной силы, которая дѣйствуетъ самыми разнообразными способами, какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону, и которой очень полезно овладѣть человѣку. Это *мана*... Это нѣкоторая сила, нѣкоторое вліяніе имматеріальнаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, сверхъестественнаго порядка; но она обнаруживается черезъ посредство физической силы или всякаго рода могущества, которымъ обладаетъ человѣкъ. Мана не связано неизмѣнно съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ объектомъ; оно можетъ быть придано всякой вещи... Вся религія меланезійцевъ заключается въ томъ, чтобы раздобыть себѣ мана или для своихъ личныхъ цѣлей, или для оказанія содѣйствія другому лицу".

Согласно обычнымъ представленіямъ, религіозное развитіе че-

ловѣка началось съ представленій о различныхъ конкретныхъ и личныхъ божествахъ. Факты тотемизма опровергаютъ эту концепцію. На мѣстѣ этихъ личныхъ существъ мы встрѣчаемъ какую-то неопредѣленную силу, разсѣянную во всѣхъ вещахъ. Духи, демоны, геніи, боги всякой степени представляютъ лишь конкретныя формы, которыя приняла эта энергія, индивидуализируясь и фиксируясь на какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ или какомъ-нибудь пунктѣ пространства.

Для полнаго рѣшенія проблемы генезиса тотемизма остается еще рѣшить вопросъ о томъ, какъ возникла идея объ этой неопредѣленной, все проникающей силѣ и изъ какихъ элементовъ она была создана первобытными людьми.

Этими матеріалами, говоритъ Дюркгеймъ, не могли, очевидно, быть ощущенія, вызываемыя вещами, которыя служили тотемами. Для этого большинство тотемическихъ существъ—такія, какъ муравей, ящерица, какаду, сливовое дерево, каприфолій и пр.—слишкомъ незначительны. Не забудемъ далѣе того, что особенной святостью отличаются не сами тотемическія существа, а различные тотемическіе символы и эмблемы. Центръ религіозности въ нихъ. Тотемъ прежде всего нѣкоторый символъ, матеріальное выраженіе нѣкоторой иной вещи.

Но, какъ мы видѣли, тотемъ выражаетъ и символизируетъ двѣ разнородныя вещи. Съ одной стороны онъ—внѣшняя, чувственная форма тотемическаго принципа (тотемическаго бога). Съ другой же, онъ эмблема и знамя клана. Такъ какъ онъ символизируетъ одновременно общество и бога, то, очевидно, что общество и богъ составляютъ нѣчто единое. „Богъ клана, тотемическій принципъ, не можетъ, слѣдовательно, быть ничѣмъ инымъ, какъ самимъ кланомъ, но гипостасированнымъ и представляющимся воображенію подъ чувственнымъ видомъ растенія или животнаго, служащаго тотемомъ“ (295).

Дѣйствительно, всякій знаетъ огромную силу авторитета, исходящую отъ общества. Мы съ дѣтства выростаемъ въ обстановкѣ всяческихъ санкцій и запретовъ, охватывающихъ всѣ детали нашей жизни. Не подчиниться имъ нельзя, хотя бы они шли даже вразрѣзъ съ самыми естественными нашими склонностями. Неподчиненіе имъ карается, если не грубо физически, какъ въ случаѣ прямого преступленія, то тяжкимъ моральнымъ наказаніемъ—отверженностью. Такимъ образомъ человѣкъ сознаетъ наличность внѣ себя какихъ-то особыхъ силъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Разумѣется, еслибы онъ могъ непосредственно видѣть, что испытываемое имъ дѣйствіе исходитъ отъ общества, то не возникла бы система миѳологическихъ представленій. Но дѣло въ томъ, что пути общественнаго вліянія черезчуръ запутанны и темны, общество пользуется слишкомъ сложными психическими механизмами, чтобы наивная мысль могла разобраться въ нихъ.

Наивный наблюдатель чувствуетъ, что на него воздѣйствуютъ, но онъ не знаетъ, кто воздѣйствуетъ, и въ результатѣ онъ создаетъ себѣ собственную идею о тѣхъ особыхъ силахъ, съ которыми онъ чувствуетъ себя связаннымъ.

Но отъ общества исходятъ не одни только запреты и санкціи. Оно является для своихъ членовъ также надежнѣйшей опорой, тѣмъ источникомъ, въ которомъ личность черпаетъ для себя новую силу и бодрость. Достаточно вспомнить для этого то особенное, приподнятое настроеніе, которое испытываетъ человѣкъ въ толпѣ, на публичныхъ собраніяхъ и пр. Существуютъ далѣе особые историческіе періоды,—такіе, какъ революціи, крестовые походы и т. д.,—когда тонифицирующее дѣйствіе общества сказывается исключительно яркимъ и длительнымъ образомъ. Люди въ это время жадно ищутъ другъ друга, собираются и встрѣчаются чаще обыкновеннаго. Это вызываетъ какое-то общее оживленіе, неимовѣрный подъемъ энергіи, направляющійся то на героическіе, то на варварскіе поступки. Но то же самое вліяніе общества—хотя и въ ослабленной формѣ—даетъ себя знать и въ обычное время въ видѣ различныхъ знаковъ одобренія, симпатіи, уваженія, сыплющихся на человѣка, исполнившаго свой долгъ, и т. д.

Такимъ образомъ мы окружены какими-то силами, не только повелѣвающими, но и помогающими, съ которыми мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Силы эти оказываютъ на насъ весьма реальное давленіе, такъ что мы вынуждены локализировать ихъ внѣ насъ, подобно объективнымъ причинамъ нашихъ ощущеній. Но по природѣ своей ощущенія, вызываемыя ими въ насъ, рѣзко отличаются отъ ощущеній, порождаемыхъ обыкновенными чувственными вещами, къ которымъ—пока мы ихъ беремъ въ ихъ эмпирическомъ значеніи—мы не испытываемъ чувствъ особеннаго почтенія и благоговѣнія. Такъ образуется міръ двухъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, реальностей, міръ священныхъ вещей и міръ вещей мірскихъ.

Если перейти отъ этихъ общихъ соображеній къ тому, что мы наблюдаемъ въ австралійскихъ племенахъ, то мы замѣтимъ слѣдующій любопытный фактъ. Жизнь австралійскихъ племенъ имѣетъ своеобразную періодичность. То населеніе разсѣивается маленькими группами, предающимися, независимо другъ отъ друга, своимъ повседневнымъ занятіямъ; то, наоборотъ, все оно собирается въ опредѣленныхъ мѣстахъ на извѣстные сроки (колеблющіеся отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ) для празднованія религіозныхъ церемоній (такъ называемыя этнографами „корробори"). Между двумя этими фазами жизни австралійцевъ существуетъ огромное различіе. Во время первой жизнь протекаетъ однообразно, медленно, тускло, заполненная заботами о пропитаніи. Но при корробори все измѣняется. Эмоціональная сторона духа, не сдерживаемая у первобытныхъ людей разумомъ и волей, беретъ

окончательно верхъ. Всѣ необыкновенно возбуждены. Малѣйшее радостное извѣстіе повергаетъ индивида въ необыкновенный восторгъ; такъ же неумѣренно онъ реагируетъ на непріятное извѣстіе: онъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій, кричитъ, воетъ, потрясаетъ оружіемъ и пр. Страсти совершенно разнуздываются. Люди выходятъ изъ нормальныхъ условій жизни. Мужья обмѣниваются женами. Половое общеніе совершается вопреки строгимъ правиламъ, регулирующимъ его въ обычное время. Безнаказанно и открыто совершаются всякаго рода кровосмѣшенія. Такъ какъ религіозныя церемоніи происходятъ обыкновенно ночью, при свѣтѣ факеловъ, то впечатлѣніе, производимое ими на участниковъ ихъ, еще несравненно болѣе усиливается.

Первобытный человѣкъ, дойдя до этого состоянія возбужденія, ужъ не узнаетъ самъ себя. Онъ чувствуетъ надъ собой какую-то силу, заставляющую его думать и поступать иначе, чѣмъ въ обычное время. Ему должно казаться, что онъ сталъ какимъ-то новымъ существомъ. И такъ какъ то же самое происходитъ и съ его сотоварищами, крики, жесты и вообще все поведеніе которыхъ говоритъ о какихъ-то исключительныхъ переживаніяхъ, то все происходитъ такъ, какъ еслибы онъ былъ дѣйствительно перенесенъ въ особый міръ, населенный невѣроятно могучими силами, захватывающими и преображающими его. Эти переживанія, повторяющіяся иногда втеченіе цѣлыхъ недѣль, не могутъ не породить въ немъ убѣжденія, что на самомъ дѣлѣ существуетъ два отличныхъ и разнородныхъ міра,—міръ обычнаго, скучнаго, повседневнаго существованія, и міръ священныхъ силъ, оказывающихъ на него такое необыкновенное дѣйствіе.

Въ подобной возбужденной соціальной средѣ и изъ самаго этого возбужденія, по мнѣнію Дюркгейма, и возникла религіозная идея. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ томъ, что въ Австраліи религіозная дѣятельность почти цѣликомъ сосредоточена и пріурочена къ моментамъ этихъ коллективныхъ торжествъ.

Такимъ образомъ кланъ могъ вызвать въ своихъ членахъ представленіе о внѣшнихъ силахъ, господствующихъ надъ ними и подымающихъ ихъ. Не трудно также понять, какъ возникло представленіе этихъ силъ въ видѣ тотема. Вѣдь тотемъ служитъ эмблемой и символомъ клана. Извѣстно, что чувства, вызываемыя какой-нибудь вещью, передаются и выражающему ее символу, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ проще и доступнѣе уму этотъ символъ. Первобытный человѣкъ не понимаетъ, что переполняющія его исключительныя чувства имѣютъ своимъ источникомъ коллективность. Онъ чувствуетъ только, что онъ живетъ какой-то особенной, необычной жизнью. Ему нужно связать эти новыя ощущенія съ чѣмъ-то объективнымъ, лежащимъ внѣ него. Но вокругъ себя, во время празднествъ, онъ повсюду видитъ эмблемы и изображенія тотема:

чуринги, нуртуньи,ванинги, татуировки на собственномъ тѣлѣ и пр.—все связано съ тотемомъ, все имѣетъ отношеніе къ нему, какъ къ нѣкоторому неподвижному центру, общему при томъ всѣмъ членамъ группы. Дикарю, естественно, должно представляться, что именно отъ тотема должны исходить тѣ таинственныя силы, съ которыми человѣкъ чувствуетъ себя въ связи.

Легко понять отсюда, какъ пріобрѣтаютъ священный характеръ тотемическія животныя или растенія и члены клана. Такъ какъ, далѣе, признакъ святости въ высшей степени „заразителенъ“, то религіозныя чувства, вызывавшіяся тотемическимъ животнымъ, передались затѣмъ его обычной пищѣ, вещамъ, которыя на него похожи, различнымъ существамъ, съ которыми онъ находится въ постоянныхъ отношеніяхъ, и пр. Такъ мало-по-малу возникли тѣ своеобразныя космологическія системы, которыя мы находимъ въ первобытныхъ классификаціяхъ.

5.

Существуетъ весьма распространенная теорія, согласно которой первоначальныя религіозныя представленія имѣли своимъ источникомъ чувства слабости и зависимости человѣка по отношенію къ окружающему его міру. Но факты, по мнѣнію Дюркгейма, не оправдываютъ этого воззрѣнія. Для первобытнаго человѣка его боги не чужаки, не враги, настроенные непріязненно по отношенію къ нему; наоборотъ, они скорѣе его друзья, родственники, естественные покровители. Въ основѣ тотемизма лежатъ скорѣе чувства радостнаго довѣрія, чѣмъ страха и угнетенности. Тотемическій культъ празднуется посреди пѣсенъ, плясокъ, различныхъ драматическихъ представленій.

Изложенная теорія генезиса религіи недоступна тѣмъ возраженіямъ, которыя вызываютъ противъ себя натуризмъ и анимизмъ. Послѣдніе пытаются оба построить идею о священномъ съ помощью ощущеній, вызываемыхъ въ насъ различными физическими или біологическими явленіями. Но это неосуществимая затѣя. Изъ ничего не можетъ получиться ничего. Впечатлѣнія, исходящія отъ физическаго міра, не могутъ дать ничего, превосходящаго этотъ міръ. И вотъ, чтобы объяснить возникновеніе священнаго при этихъ условіяхъ, теоретикамъ религіи пришлось допустить, что человѣкъ надстраиваетъ надъ данной ему реальностью какой-то нереальный фантастическій міръ съ помощью матеріаловъ, взятыхъ изъ сновидѣній или изъ обманчивыхъ метафоръ рѣчи. При этомъ, конечно, оставалось совершенно непонятнымъ то, какъ человѣчество могло втеченіе вѣковъ коснѣть въ заблужденіяхъ, которыя такъ легко замѣтить.

Съ точки же зрѣнія Дюркгейма религія перестаетъ быть какой-то непонятной галлюцинаціей, становится на прочную почву

реальности. „Мы можемъ, дѣйствительно, сказать, что вѣрующій не заблуждается, когда онъ вѣритъ въ существованіе нѣкоторой моральной силы, отъ которой онъ зависитъ и отъ которой онъ беретъ лучшую часть своего „я“: эта сила существуетъ, это—общество... Религія пріобрѣтаетъ такимъ образомъ смыслъ и значеніе, котораго не можетъ не признать и самый непримиримый раціоналистъ. Ея главная задача не состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку представленіе о физической вселенной; будь это ея существенной задачей, то было бы непонятно, какъ она могла сохраниться, ибо въ этомъ отношеніи она представляетъ лишь сѣть заблужденій. Но она прежде всего система идей, съ помощью которыхъ индивиды представляютъ себѣ общество, членами котораго они являются, и темныя, но интимныя, отношенія, которыя они поддерживаютъ съ нимъ. Такова ея главная роль. И хотя это представленіе общества метафорично и символично, но оно вовсе не невѣрно. Оно выражаетъ, наоборотъ, все то существенное, что имѣется въ отношеніяхъ, которыя должно выразить, ибо безусловно истинно то, что внѣ насъ существуетъ нѣчто, болѣе великое, чѣмъ мы, къ чему мы пріобщаемся“ (323).

Вышеизложенная теорія тотемизма еще не совсѣмъ полна. Если принять идею тотема, то все остальное, по словамъ Дюркгейма, уже вытекаетъ отсюда само собою. Но остается еще объяснить возникновеніе самой этой идеи. Иначе говоря, надо объяснить: 1) что побудило кланъ выбрать себѣ вообще эмблему, 2) почему эти эмблемы заимствованы изъ животнаго и растительнаго міровъ, а, главнымъ образомъ, изъ перваго?

Что касается перваго вопроса, то ясно, что эмблемы являются для всякой соціальной группы полезнымъ центромъ объединенія. Онѣ выражаютъ соціальное единство въ матеріальномъ видѣ, т. е. доступнымъ для всѣхъ образомъ. Но эмблемы не только полезны и удобны для того, чтобы общество могло сознать само себя; онѣ прямо служатъ для образованія этого сознанія, являются конститутивнымъ элементомъ его. Дѣйствительно, индивидуальныя сознанія, взятыя сами по себѣ, замкнуты другъ для друга; они могутъ сообщаться лишь посредствомъ внѣшнихъ знаковъ, выражающихъ внутреннія состоянія души. И особенно это примѣнимо къ коллективнымъ представленіямъ, которыя предполагаютъ постоянное взаимодѣйствіе индивидуальныхъ сознаній, осуществляемое лишь съ помощью матеріальныхъ посредниковъ (движеній, звуковъ и пр.). Кромѣ того, безъ подобныхъ символовъ, коллективныя чувства не могли бы быть прочными. Пока члены группы находятся вмѣстѣ и воздѣйствуютъ другъ на друга, коллективныя чувства сильны; но они слабѣютъ, когда личность остается одна. Символы, закрѣпляя осязательнымъ образомъ эти чувства, придаютъ имъ болѣе длительное существованіе.

Словомъ, символы не являются чѣмъ-то искусственнымъ и условнымъ, безъ чего могли бы обойтись коллективныя представленія; они являются необходимой составной частью послѣднихъ. Соціальная жизнь, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и во всѣ моменты своей исторіи, возможна лишь благодаря обширной системѣ символизма. Матеріальныя эмблемы и изображенія—это только одна изъ разновидностей этого символизма. Ту же роль символовъ могутъ играть личности (напримѣръ, вожди) или извѣстныя формулы.

Австралійскій кланъ не можетъ обойтись безъ эмблемы и символа. Его нельзя опредѣлить по его вождю, ибо центральная власть здѣсь крайне ничтожна и неустойчива. Его нельзя также опредѣлить по занимаемой имъ территоріи, ибо населеніе ведетъ бродячее существованіе. Словомъ, единство группы получаетъ здѣсь чувственное выраженіе благодаря коллективному имени, которое носятъ всѣ члены ея, и благодаря эмблемѣ, воспроизводящей вещь, означенную этимъ именемъ.

Почему же эти имена и эмблемы заимствованы почти исключительнымъ образомъ изъ животнаго и растительнаго міровъ? По мнѣнію Дюркгейма, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Эмблема, думаетъ онъ, играла въ австралійскихъ племенахъ болѣе важную роль, чѣмъ имя. Но матеріаломъ для эмблематическаго изображенія могла послужить лишь вещь, способная быть воспроизведенной съ помощью рисунка. Съ другой стороны, эта вещь должна была быть изъ числа тѣхъ, съ которыми члены клана находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Для этой роли особенно пригодны были животныя, составлявшія существенный элементъ экономической среды этихъ охотничьихъ племенъ. Растенія могли занимать лишь второе мѣсто. Еще дальше въ этомъ отношеніи стояли солнце, луна, звѣзды.

6.

Я такъ подробно остановился на теоріи генезиса тотемизма, потому что въ ней раскрываются передъ нами основныя черты концепціи религіи Дюркгейма. Недостатокъ мѣста заставляетъ меня пройти молчаніемъ все его, богатое мыслями, ученіе о возникновеніи понятія души, о дальнѣйшемъ превращеніи душъ въ духовъ и боговъ, и пр. По той же причинѣ я оставлю въ сторонѣ теорію культа, которой посвящена часть третья книги, и прямо перейду къ итогамъ и выводамъ.

Въ противоположность раціоналистамъ, Дюркгеймъ готовъ признать вмѣстѣ съ Джемсомъ, что „религіозныя вѣрованія основываются на специфическомъ опытѣ, доказательная цѣнность котораго въ извѣстномъ смыслѣ не меньше цѣнности научныхъ опытовъ хотя она и отличается отъ послѣдней. Мы тоже думаемъ, что „дерево познается по плодамъ своимъ“ и что лучшимъ доказательствомъ цѣнности его корней является его плодородіе“ (597). Но

изъ того, что существуетъ „религіозный опытъ“, прибавляетъ Дюркгеймъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, что соотвѣтствующая ему реальность совпадаетъ объективно съ тѣмъ, какъ ее себѣ представляютъ вѣрующіе. Подобно тому, какъ физикъ не принимаетъ субъективныхъ ощущеній цвѣта или звука за подлинную реальность, а ищетъ объективной причины ихъ въ колебаніяхъ эѳира или воздуха, такъ и теоретикъ религіи ищетъ причину религіознаго опыта въ нѣкоторой объективной реальности.

Этой реальностью, которую миѳологіи всѣхъ народовъ представляли себѣ въ такихъ различныхъ формахъ, является общество. Общество есть объективная, универсальная и вѣчная причина своеобразныхъ религіозныхъ переживаній. Общество развиваетъ колоссальныя моральныя силы, вызываетъ въ вѣрующемъ чувства бодрости и надежды, поднимаетъ его надъ самимъ собой. А религіозная жизнь есть потенцированная форма, какъ бы сокращенное выраженіе всей коллективной жизни. Идея объ обществѣ есть душа религіи.

Въ религіи есть такимъ образомъ нѣчто вѣчное, чему суждено пережить всѣ частные символы, въ которыхъ послѣдовательно воплощалась религіозная мысль. „Невозможно такое общество, которое не испытывало бы потребности поддерживать и укрѣплять черезъ правильные промежутки времени коллективныя чувства и коллективныя идеи, образующія ею единство и личность. Но это моральное оздоровленіе осуществимо лишь путемъ объединеній и собраній, въ которыхъ индивиды, тѣсно сближенные между собою, наново сообща утверждаютъ свои общія чувства. Здѣсь источникъ церемоній, которыя по своей цѣли, по производимымъ ими результатамъ, по употребляемымъ здѣсь пріемамъ не отличаются внутреннимъ образомъ отъ чисто религіозныхъ церемоній. Какое по существу различіе между собраніемъ христіанъ, празднующихъ главныя даты жизни Христа, евреевъ, празднующихъ исходъ изъ Египта или полученіе десятословія, и собраніемъ гражданъ въ память установленія какой-нибудь новой моральной хартіи или какого-нибудь великаго событія національной жизни?“ (610).

Въ настоящее время намъ трудно представить себѣ, въ чемъ смогутъ состоять эти празднества и церемоніи будущаго. Но это лишь потому, что мы живемъ въ переходную эпоху, эпоху духовной посредственности. „Великія вещи прошлаго, воодушевлявшія нашихъ отцовъ, не вызываютъ въ насъ того же пыла, можетъ быть, потому, что онѣ вошли во всеобщее употребленіе и стали для насъ чѣмъ-то безсознательнымъ, а, можетъ быть, потому, что онѣ не отвѣчаютъ нашимъ современнымъ требованіямъ. И однако еще ничего не создалось взамѣнъ ихъ... Старые боги дряхлѣютъ или умираютъ, а новые еще не народились“ (ib). Благодаря этому и оказалась безплодной попытка Конта создать религію изъ старыхъ, искусственно пробужденныхъ, историческихъ воспоминаній: живой

культъ можетъ зародиться лишь изъ самой жизни, а не изъ мертваго прошлаго. „Но это состояніе неопредѣленности и смутной тревоги не сможетъ длиться вѣчно. Настанетъ день, когда наши общества сызнова познаютъ часы творческаго воспламененія, во время которыхъ зародятся новые идеалы, возникнутъ новыя формулы, которыя втеченіе извѣстнаго періода станутъ служить руководителемъ человѣчеству. Переживъ подобные часы, люди извнутри самихъ себя испытаютъ потребность переживать ихъ время отъ времени въ мысли, т. е. поддерживать воспоминаніе о нихъ съ помощью празднествъ, регулярно оживотворяющихъ плоды ихъ... Нѣтъ безсмертныхъ евангелій, и нѣтъ основаній думать, что человѣчество стало отнынѣ неспособнымъ создавать новыя евангелія. Что касается вопроса о томъ, каковы будутъ эти символы, въ которыхъ выразится эта новая вѣра, будутъ ли они походить на символы прошлаго, или нѣтъ, — будутъ ли они болѣе адэкватны реальности, которую они призваны выразить, — то это вопросъ, превосходящій человѣческія способности предвидѣнія и, въ концѣ концовъ, не затрагивающій сути дѣла“ (611).

Но культъ не составляетъ всей религіи. Религія не просто система обрядовъ; она также система идей, имѣющихъ цѣлью выразить міръ. Если первая сторона религіи направлена на дѣйствіе, то вторая устремлена въ сторону мысли, познанія. Съ этой, спекулятивной, стороны религія не отличается по существу отъ науки; научная мысль есть лишь болѣе совершенная форма религіозной мысли, которая постепенно должна уступать мѣсто первой во всѣхъ областяхъ познанія, включая сюда и самое религію. Наука здѣсь натыкается на упорное сопротивленіе; но рано или поздно она справится съ нимъ и завладѣетъ и этой послѣдней твердыней.

Часто говорятъ о конфликтѣ между наукой и религіей, не давая себѣ яснаго отчета въ сущности спора. Утверждаютъ, будто наука отрицаетъ религію въ принципѣ. Но религія есть фактъ, реальность; какъ же наука станетъ отрицать ее? Кромѣ того, „поскольку религія есть дѣйствіе, поскольку она даетъ людямъ силу жизни (est un moyen faire vivre les hommes), наука не можетъ замѣнить ее, ибо, если она выражаетъ жизнь, то она не создаетъ ея; она можетъ пытаться объяснить вѣру, но тѣмъ самымъ она предполагаетъ существованіе ея. Поэтому указываемый конфликтъ существуетъ лишь на узко ограниченной площади. Изъ двухъ функцій, первоначально присущихъ религіи, одна — но только одна — стремится все болѣе и болѣе ускользнуть отъ нея: это спекулятивная функція. Наука оспариваетъ у религіи не право на существованіе, а право на догматизированіе, ту особую компетенцію, которую она приписывала себѣ въ дѣлѣ познанія человѣка и міра“ (614).

Однако, по мнѣнію Дюркгейма, религіозная спекуляція не обречена въ будущемъ на полное исчезновеніе. Въ религіи есть нѣчто

вѣчное: культъ, вѣра. Но люди не могутъ праздновать церемоній, въ которыхъ они не находятъ смысла, ни принимать вѣры, которой они не понимаютъ. Нужно оправданіе этой вѣры, нужна теорія ея. Подобная теорія должна, разумѣется, опираться на данныя наукъ, начиная съ науки объ обществѣ, этомъ источникѣ религіозной вѣры. Но однихъ позаимствованій изъ опытной науки будетъ недостаточно. Вѣдь вѣра это прежде всего порывъ къ дѣйствію, а наука, какъ бы далеко она ни развилась, всегда далека отъ дѣйствія. Наука отрывочна, незаконченна, а жизнь не можетъ ждать. Теоріи, имѣющія своимъ назначеніемъ дать „силу жизни", давать возможность дѣйствовать, вынуждены упреждать науку и преждевременно дополнять ее. Но онѣ все же должны начать съ того, чтобы познать ее и вдохновиться ею. Нельзя утверждать ничего, что̀ отрицаетъ наука, ни отрицать ничего, что̀ она утверждаетъ. Гегемонія вѣры въ религіозныхъ представленіяхъ не можетъ быть такой, какъ въ прошломъ. Отнынѣ ей противостоитъ новая сила, которая подвергаетъ ее своей критикѣ и контролю. И все заставляетъ думать, что контроль этотъ будетъ становиться все обширнѣе и дѣйствительнѣе, причемъ невозможно указать границы его будущему вліянію.

7.

Первоначально, какъ извѣстно, религія занимала мѣсто философіи и науки, которыя изъ нея и возникли. Но роль религіи въ образованіи человѣческой мысли, по мнѣнію Дюркгейма, не исчерпывается однимъ этимъ. Люди не только обязаны ей, въ значительной мѣрѣ, матеріальнымъ *содержаніемъ* своего познанія, но также и *формой*, согласно которой были выработаны эти познанія.

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій существуетъ рядъ основныхъ и господствующихъ надъ всей нашей умственной жизнью понятій, такъ называемыхъ со временъ Аристотеля категорій. Сюда относятся идеи времени, пространства, рода, числа, причины, субстанціи и пр. Категоріи соотвѣтствуютъ самымъ всеобщимъ свойствамъ вещей. Онѣ носятъ характеръ чего-то необходимаго, неотдѣлимаго отъ нормальнаго функціонированія мысли. Другія, частныя, понятія измѣнчивы и случайны; они могутъ отсутствовать въ какую-нибудь эпоху или у какого-нибудь народа. Но, когда думаешь о какомъ-нибудь предметѣ, невозможно освободиться отъ такихъ представленій, какъ время, пространство и пр. И вотъ возникаетъ вопросъ, откуда возникли категоріи съ ихъ столь отличительными свойствами?

Въ философіи существуютъ на этотъ счетъ два противоположныхъ воззрѣнія. Согласно концепціи апріоризма, категоріи не могутъ быть выведены изъ опыта: онѣ логически предшествуютъ ему и обусловливаютъ его. Онѣ представляютъ нѣкоторыя простыя,

не сводимыя далѣе ни къ чему, данныя, имманентно присущія человѣческому духу въ силу самой его структуры. Согласно же доктринѣ эмпиризма, категоріи возникли изъ индивидуальнаго опыта; онѣ созданы, построены индивидомъ изъ различныхъ элементовъ его опыта.

Но оба эти рѣшенія наталкиваются, согласно Дюркгейму, на рядъ серьезныхъ затрудненій. Что касается эмпиризма, то онъ просто игнорируетъ специфическія свойства категорій. Онъ не способенъ объяснить отличающихъ ихъ свойствъ всеобщности и необходимости, ибо данныя нашего опыта лишены этихъ признаковъ. Всякое ощущеніе или представленіе носитъ чисто индивидуальный и субъективный характеръ; мы можемъ мыслить его инымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; насъ ничто не связываетъ принудительно съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ нашего опыта, между тѣмъ какъ категоріи повелительно навязываются нашему уму.

Гипотеза апріоризма отлично объясняетъ эту сторону дѣла. Однако для этого ей приходится приписать духу особую способность подниматься выше опыта, прибавлять нѣчто свое къ тому, что̀ непосредственно дано. Но апріористы не могутъ объяснить и оправдать существованіе этой особенной способности.

Выходъ изъ этого противорѣчія дается теоріей соціальнаго происхожденія категорій, которая позволяетъ объяснить ихъ своеобразныя свойства, не прибѣгая къ вмѣшательству какихъ-нибудь сверхъопытныхъ элементовъ. Эта теорія признаетъ вмѣстѣ съ апріоризмомъ, что наше знаніе состоитъ изъ двоякаго рода элементовъ, несводимыхъ другъ къ другу. Съ одной стороны, это тѣ индивидуальныя состоянія сознанія, которыя вызываетъ въ насъ непосредственное дѣйствіе объектовъ: это—часть эмпирическая. Съ другой же стороны, мы имѣемъ категоріи, которыя являются коллективными по существу представленіями и выражаютъ прежде всего состоянія коллективности: онѣ зависятъ отъ организаціи общества, отъ его морфологіи, отъ его религіозныхъ, моральныхъ учрежденій и пр. Оба эти вида представленій отличаются другъ отъ друга такъ, какъ индивидуальное отличается отъ соціальнаго, и вывести категоріи изъ данныхъ индивидуальнаго опыта это все равно, что вывести общество изъ индивида или цѣлое изъ части. Соціальное происхожденіе категорій объясняетъ и присущую имъ необходимость. Онѣ выражаютъ наиболѣе общія отношенія вещей; еслибы люди не сумѣли сговориться между собою на счетъ такихъ основныхъ вещей, т. е. еслибы они не имѣли однородныхъ представленій о пространствѣ, времени и пр., то между ними стало бы невозможно никакое согласіе. Поэтому общество не можетъ предоставить категоріи на произволъ индивидуальнаго пониманія ихъ. Принудительная сила категорій, авторитетъ, присущій имъ, это авторитетъ самого общества, сообщающійся нѣкоторымъ способамъ

мыслить, которые являются какъ бы необходимыми условіями всякаго совмѣстнаго дѣйствія.

Если теперь мы вспомнимъ, что для Дюркгейма религіозная жизнь есть потенцированная форма коллективной жизни, то для насъ станетъ ясной связь теоретико-познавательной проблемы о сущности категорій съ наукой о религіяхъ. Категоріи „родились въ религіи и изъ религіи; онѣ продуктъ религіозной жизни" (13): таковъ тезисъ, къ которому неоднократно возвращается Дюркгеймъ на протяженіи своей работы и который онъ пытается доказать, раскрывая передъ читателемъ генезисъ идей рода, времени, причинности, силы. Возникновеніе идеи рода онъ связываетъ съ тѣми оригинальными первобытными классификаціями, которыя встрѣчаются у тотемическихъ племенъ; ритмъ соціальной жизни, данный въ періодичности праздниковъ, легъ въ основу выработки категоріи времени; изъ первоначальнаго религіознаго понятія „мана" развилась впослѣдствіи научная идея силы, и т. д. Словомъ, общество дало тѣ модели, по которымъ были построены всѣ категоріи мысли. Въ частности верховная и объемлющая всѣ остальныя категорія цѣлокупности (totalité) есть лишь абстрактная форма понятія общества [1]).

Такимъ образомъ, думаетъ Дюркгеймъ, соціологія, повидимому, призвана открыть новую дорогу для науки о человѣкѣ. До сихъ поръ изслѣдователи стояли передъ дилеммой: или объяснять высшія и отличительныя способности человѣка, сводя ихъ къ низшимъ формамъ бытія, т. е. сводя разумъ къ чувствамъ, духъ къ матеріи, и лишая ихъ, слѣдовательно, ихъ отличительныхъ свойствъ; или же связывать ихъ съ нѣкоторой, недоступной наблюденію, сверхъопытной реальностью. Источникомъ этого заблужденія было то, что въ индивидѣ видѣли вѣнецъ мірового развитія, а за нимъ уже не находилось ничего, во всякомъ случаѣ ничего такого, что̀ было бы доступно наукѣ. Но разъ познали, что надъ индивидомъ существуетъ общество и что общество не есть какая-то фиктивная и словесная сущность, а система дѣйствующихъ силъ, то открывается путь для новаго способа объясненія человѣка, который не аппелируетъ къ внѣ-опытнымъ силамъ. Источникомъ того, что̀ въ индивидѣ возвышается надъ индивидомъ, является сверхъиндивидуальная, но не сверхъопытная, а данная въ опытѣ, реальность—общество.

8.

Соціологическая концепція религіи, развиваемая Дюркгеймомъ, конечно, не нова. Достаточно вспомнить геніальныя книги Фейербаха о „Сущности христіанства" и Гюйо объ „Иррелигіи

---

[1]) „Въ основѣ, говоритъ Дюркгеймъ, понятіе цѣлокупности, понятіе общества, понятіе божества представляютъ, вѣроятно, различные аспекты одной и той же идеи" (630).

будущаго", чтобы убѣдиться, что французскій соціологъ имѣлъ предшественниковъ — и замѣчательныхъ. Но Дюркгеймъ придалъ этой соціальной теоріи религіи такую своеобразную форму, онъ такъ оригинально освѣтилъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ сторонъ религіозной жизни, что его система представляется вполнѣ самостоятельнымъ цѣлымъ. Она, кромѣ того, обоснована у него огромной массой планомѣрно подобраннаго и критически провѣреннаго матеріала, придающаго геніальнымъ прозрѣніямъ и гипотезамъ Фейербаха и Гюйо характеръ чисто научной теоріи.

Но при всѣхъ значительныхъ достоинствахъ новой работы Дюркгейма—о которыхъ мое схематическое изложеніе могло дать лишь весьма неполное представленіе — въ ней немало и слабыхъ, уязвимыхъ мѣстъ.

На нѣкоторыхъ изъ нихъ я и остановлюсь въ дальнѣйшемъ.

Начну для этого съ конца, съ вопроса о значеніи религіи для теоріи познанія и науки. Въ основѣ всѣхъ разсужденій Дюркгейма на эту тему лежитъ прежде всего довольно элементарная ошибка,— смѣшеніе послѣдовательности во времени съ причинной зависимостью. Хронологически религія, дѣйствительно, предшествуетъ наукѣ, какъ и всѣмъ почти другимъ видамъ духовной дѣятельности человѣка, лишь постепенно выдѣлившимся изъ всеобъемлющей первоначальной религіозной туманности. Но этотъ процессъ выдѣленія и дифференцированія науки шелъ подъ знакомъ непрерывной борьбы съ религіозной спекуляціей. Если довольствоваться приблизительными, грубыми классификаціями, то вмѣстѣ съ французскимъ философомъ Л. Веберомъ [1]) можно различать два типа познанія, два вида мышленія—технологическій и идеологическій. Первый беретъ начало въ практикѣ, въ борьбѣ за существованіе, въ воздѣйствіи на окружающую природу, второй—въ соціальномъ взаимодѣйствіи и въ его основномъ орудіи — словѣ. Технологическое мышленіе питаетъ науку, изъ идеологическаго же выростаютъ миѳологія, религія, магія. Въ началѣ, конечно, говоря словами Фауста, было Дѣло: даже самое первобытное общество, прежде чѣмъ начать идеологическое системостроительство, должно уже обладать извѣстной суммой техническихъ свѣдѣній, должно имѣть нѣкоторыя, хотя бы примитивныя, орудія и знать свойства различныхъ животныхъ, растеній и пр. Но этотъ скудный запасъ положительнаго знанія какъ бы тонетъ и растворяется въ массѣ легко разростающагося и систематизирующагося словеснаго творчества, накладывающаго на него свою печать и придающаго даже чисто-технологическому опыту идеологическую форму: первобытный человѣкъ, не полагаясь на одни извѣстныя ему физическія свойства окружающихъ его предметовъ, прибѣгаетъ еще къ помощи различныхъ магическихъ формулъ или религіозныхъ обря-

---

[1]) См. его книгу „Le rythme du progrès".

довъ, которымъ приписываетъ особенную дѣйственную силу. Идеологія—въ частности религія—будучи продуктомъ соціальнаго взаимодѣйствія, раньше организуется обществомъ, втягивая благодаря этому въ кругъ своего вліянія и разрозненные элементы технологическаго знанія. Это и создаетъ иллюзію того, что религіи человѣчество обязано, въ значительной степени, матеріальнымъ содержаніемъ познанія. Въ дѣйствительности же это „матеріальное содержаніе“ имѣетъ своимъ источникомъ эмпирическій опытъ повседневной борьбы за существованіе и только въ виду своей ограниченности и недостаточной организованности подпадаетъ подъ вліяніе огромной и мощной системы религіозныхъ, магическихъ и т. д. вѣрованій. Когда же, подъ дѣйствіемъ новыхъ потребностей усложнившейся соціальной среды, немногочисленные технологическіе элементы начинаютъ, въ свою очередь, разростаться и систематизироваться въ науку, то это совершается въ процессѣ борьбы и очищенія отъ идеологическаго мышленія, путемъ обращенія отъ дарового словеснаго творчества къ требующему огромныхъ затратъ умственной энергіи опытному изслѣдованію дѣйствительности. Научное мышленіе діаметрально противоположно религіозному — какъ это долженъ признать, не смотря на всѣ оговорки, и самъ Дюркгеймъ, указывая на процессъ вытѣсненія религіозной спекуляціи точнымъ знаніемъ—и, выдѣлившись изъ религіи, наука продолжала не ее, а линію развитія технологическаго знанія, только замаскированную колоссальнымъ расцвѣтомъ религіозной идеологіи. Научное понятіе силы есть естественное продолженіе и завершеніе безчисленныхъ опытовъ, продѣланныхъ первобытными охотниками, земледѣльцами, дровосѣками и пр. при преодолѣніи различныхъ формъ сопротивленія матеріи, а вовсе не развитіе мистической идеи о „мана“, эволюція которой привела къ идеологическимъ же понятіямъ о душахъ, духахъ, богахъ и пр. Научные типы классификаціи не имѣютъ ничего общаго съ тотемическими классификаціями, въ которыхъ въ силу неясныхъ для насъ часто ассоціацій идей подводились подъ одну рубрику самыя разнородныя, не связанныя между собой вещи, и они могли возникнуть только въ безпощадной борьбѣ противъ подобнаго рода произвольныхъ сближеній. И т. д., и т. д.

Всѣ эти разсужденія можно цѣликомъ примѣнить и къ вопросу о формѣ познанія, къ пестрой группѣ тѣхъ универсальныхъ идей, которыя Дюркгеймъ не совсѣмъ точно называетъ категоріями. Категоріи, по ученію французскаго автора, отличаются отъ обыкновенныхъ понятій, какъ соціальное отъ индивидуальнаго. Но вѣдь соціальное же происхожденіе, согласно ему, носятъ и религіозныя идеи. Почему же онѣ не представляютъ категоріальнаго характера? Почему онѣ не являются для нашей мысли такими принудительными, какъ идеи времени, числа и пр.? Возьмемъ, напримѣръ, понятія цѣлокупности, общества и божества, пред-

ставляющія, по словамъ Дюркгейма, различныя стороны одной и той же идеи. Какъ различны ихъ познавательное значеніе и судьба! Понятіе цѣлаго есть „категорія", принадлежа къ немногочисленному, привилегированному кружку необходимыхъ для нашего мышленія идей, понятіе общества есть обыкновенное эмпирическое понятіе, лишенное какой бы то ни было принудительности, а понятіе божества есть фикція, псевдо-понятіе, обреченное, повидимому, на исчезновеніе. То же самое отношеніе мы нашли бы, сравнивая категоріи пространства и времени съ ихъ соціально-религіозными прототипами. Такимъ образомъ признаки соціальности еще недостаточно, чтобы объяснить отличіе категорій отъ простыхъ понятій. Если уже искать объясненія этихъ отличій въ особомъ происхожденіи категорій, то гораздо проще принять во вниманіе ту черту ихъ, на которую указываетъ и Дюркгеймъ, говоря о томъ, что онѣ выражаютъ наиболѣе общія отношенія вещей. Какъ такія универсальныя отношенія сущаго, онѣ встрѣчаются несравненно чаще въ опытѣ и имѣютъ гораздо большее значеніе въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ частныя отношенія и ощущенія. Достаточно въ такомъ случаѣ указать на роль біологическаго подбора, чтобы дать болѣе раціональное объясненіе принудительности категорій, чѣмъ это дѣлаетъ Дюркгеймъ съ своимъ ученіемъ о соціальномъ происхожденіи ихъ.

Но дѣло въ томъ, что въ поднятой Дюркгеймомъ проблемѣ апріоризма или эмпиризма вопросъ о принудительности категорій и ихъ происхожденіи не играетъ вовсе главной роли. Допустимъ, что авторъ „Раздѣленія общественнаго труда" правъ въ своихъ попыткахъ вывести различныя категоріи изъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ учрежденій и понятій. Рѣшается ли однако этимъ сложная проблема апріоризма? Нисколько. Въ томъ и состоитъ основное заблужденіе „прагматизма"—одной изъ разновидностей котораго является соціальная теорія познанія Дюркгейма—что онъ ученіе о генезисѣ истины превращаетъ въ какой-то верховный критерій ея. Между тѣмъ это совершенно различныя вещи. Познаніе, взятое въ цѣломъ, можетъ быть особымъ приспособленіемъ соціальнаго организма къ условіямъ его существованія, но аппелированіе къ этому нисколько не помогаетъ намъ при рѣшеніи частныхъ вопросовъ о томъ, истинно ли ученіе Коперника или нѣтъ, правильна ли теорія Дарвина или нѣтъ, и т. д. Эти вопросы объ истинности или неистинности различныхъ научныхъ и философскихъ проблемъ рѣшаются въ предѣлахъ самой науки и философіи, ихъ собственными методами и средствами. То же самое мы имѣемъ и въ случаѣ апріоризма и его тяжбы съ эмпиризмомъ. Соціологическое рѣшеніе Дюркгейма не затрагиваетъ самаго основного въ этомъ вопросѣ. Оно можетъ, въ лучшемъ случаѣ, удовлетворительно объяснить психологическую сторону его, то, почему категоріи имѣютъ для насъ такой принудительный и

всеобщій характеръ, но оно игнорируетъ *логическій* аспектъ проблемы апріоризма, т. е. тотъ замѣчательный фактъ, что имѣется рядъ понятій, играющихъ, повидимому, роль основныхъ предпосылокъ нашего знанія. Обратимся къ примѣру, возьмемъ математику, этотъ образецъ апріорной науки. Нельзя утверждать, что разница между истинами математики и истинами какой-нибудь опытной науки по существу та же, что разница между соціальнымъ и индивидуальнымъ, и что указаніемъ на это исчерпывается сущность проблемы математическаго апріоризма. Не забудемъ, что есть такія отрасли математическаго знанія, которыя извѣстны во всемъ мірѣ лишь нѣсколькимъ десяткамъ—въ лучшемъ случаѣ, нѣсколькимъ сотнямъ—лицъ, и однако теоремы этихъ спеціальныхъ дисциплинъ столь же безусловны и необходимы, какъ безусловна для насъ таблица умноженія. Скажутъ, что эти спеціальныя истины вытекаютъ съ логической необходимостью изъ другихъ, болѣе простыхъ, положеній, приводящихъ насъ, въ концѣ концовъ, ко всѣмъ извѣстной таблицѣ умноженія,—но это то и ставитъ насъ передъ замѣчательнѣйшимъ фактомъ—въ которомъ завязанъ весь узелъ математическаго апріоризма—именно передъ фактомъ математической *дедукціи*. Оказывается, что въ математикѣ мы можемъ, исходя изъ немногихъ основныхъ предпосылокъ, тянуть безконечную нить все новыхъ и новыхъ выводовъ, столь же обязательныхъ, какъ и сами эти посылки. Примемъ вмѣстѣ съ Дюркгеймомъ, что понятіе о числѣ было построено по нѣкоторой соціальной модели. Но ученіе о соціальномъ происхожденіи понятія числа нисколько не объясняетъ намъ того, что на немъ можно было чисто логическимъ, дедуктивнымъ путемъ построить грандіозное зданіе сперва ариѳметики, потомъ алгебры, затѣмъ всего анализа съ его безконечнымъ множествомъ теоремъ. А этотъ фактъ—не затрагиваемый даже теоріей Дюркгейма—гораздо важнѣе при рѣшеніи проблемы математическаго апріоризма, чѣмъ вопросъ о происхожденіи идеи числа.

Эти замѣчанія примѣнимы и къ проблемѣ апріоризма вообще. Изъ того, что мы укажемъ источникъ категоріи времени въ ритмѣ соціальной жизни съ ея празднествами или же примемъ за начало понятія силы первобытную идею о „мана", вовсе не слѣдуетъ, что этимъ будутъ порѣшены всѣ сложные вопросы, связанные съ этими понятіями. Современное естествознаніе пытается совсѣмъ элиминировать понятіе силы, а такъ называемый принципъ относительности вноситъ такія измѣненія въ идею времени, что всѣ наши прежнія представленія о немъ буквально становятся вверхъ дномъ. При теоретико-познавательномъ разсмотрѣніи „категорій" силы и времени несравненно большее значеніе имѣютъ эти данныя современнаго естествознанія, чѣмъ указанія—къ тому же гипотетическія—соціологіи на тотъ или иной способъ ихъ возникновенія.

Повторяю: проблема генезиса познанія не несетъ отвѣта на

проблему цѣнности его. Поэтому я не могу раздѣлять радужныхъ надеждъ Дюркгейма на счетъ новыхъ перспективъ, открываемыхъ соціологіей — и особенно его религіозной соціологіей — для теоріи познанія. У соціологіи достаточно собственныхъ заботъ, чтобы взять на себя еще роль суперарбитра философіи [1]).

Переходя къ спеціально религіознымъ проблемамъ, укажу прежде всего на то, какъ слабо обоснована у Дюркгейма одна изъ главнѣйшихъ частей его теоріи тотемизма, именно возникновеніе самого тотема. Согласно Дюркгейму, нѣкоторая первоначальная эмблема коллективности — какой-нибудь знакъ, представляющій, скажемъ, условное изображеніе кэнгуру — превращается въ головахъ членовъ клана въ особую священную сущность [2]). Чтобы понять процессъ подобнаго превращенія, намъ приходится принять цѣлый рядъ мало обоснованныхъ предположеній. Во-первыхъ, надо допустить — вопреки всѣмъ вѣроятіямъ — что письменное изображеніе группы встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ имя его. Дѣйствительно, въ аргументаціи Дюркгейма, какъ мы видѣли, существенную роль играетъ тотъ пунктъ, что возбужденные члены клана видятъ повсюду вокругъ себя эмблемы группы, становящіяся центромъ сгущенія ихъ эмоцій и представленій. Но это предположеніе объ особенномъ преобладаніи письменныхъ изображеній ни на чемъ не основано. Конечно, быстротечныя звуковыя наименованія не способны къ столь разнообразнымъ матеріальнымъ воплощеніямъ, какъ письменные звуки, но они вполнѣ достаточны для „опредѣленія" племени, для отличія и обособленія членовъ группы отъ членовъ другихъ группъ. Вѣдь самымъ характернымъ отли-

---

[1]) Я здѣсь оставлю безъ разсмотрѣнія, какъ съ помощью все той же антитезы соціальнаго и индивидуальнаго Дюркгеймъ объясняетъ въ своей книгѣ и въ докладѣ, прочитанномъ во французскомъ философскомъ обществѣ (См. Bull. de la Soc. franç. de Philos. за 1913 г. докладъ: Le problème religieux et la dualité de la nature humaine) дуализмъ человѣческой природы: дуализмъ разума и чувствъ, души и тѣла, альтруизма и эгоизма. Указываемая антитеза превращается здѣсь въ какое-то научное passe-partout, легко раскрывающее всѣ тайны философіи.

[2]) Можно думать, что въ этой части своей теоріи тотемизма Дюркгеймъ вдохновлялся однимъ изъ приводимыхъ Діодоромъ объясненій египетскаго культа священныхъ животныхъ. „Такъ какъ обитатели Египта, разсказываетъ Діодоръ, были нѣкогда часто побѣждаемы своими сосѣдями, по причинѣ ихъ невѣдѣнія въ искусствѣ войны, то у нихъ возникла мысль выбрать себѣ въ битвахъ знаки для объединенія: эти знаки представляли тѣхъ животныхъ, которыхъ они почитаютъ теперь и которыхъ ихъ вожди носили на концахъ своихъ копій на виду у каждаго ряда солдатъ. Такъ какъ знаки эти значительно способствовали побѣдѣ, то они считали ихъ причиной своего спасенія. Изъ благодарности возникъ сначала обычай не убивать ни одного изъ животныхъ, представленныхъ этими изображеніями, а этотъ обычай сталъ затѣмъ религіознымъ культомъ" (см. S. Reinach, Cultes, mythes et religions, t. I, c. 23). Это раціоналистическое объясненіе превращенія военной эмблемы въ тотемистическую святыню по существу не хуже предлагаемой Дюркгеймомъ гипотезы.

чіемъ человѣческихъ обществъ другъ отъ друга является ихъ особенный языкъ. И естественно предположить, что въ функціи именно языка, т. е. въ особомъ наименованіи, находитъ свое выраженіе отличіе какого-нибудь племени отъ другихъ, а не въ рисункахъ, носящихъ къ тому же условный, символическій характеръ. Обиліе всяческихъ эмблемъ можно скорѣе выводить изъ религіозныхъ потребностей, чѣмъ, обратно, выводить религію изъ эмблемъ.

Но если и принять гипотезу Дюркгейма о первоначальномъ преобладаніи различныхъ эмблемъ, то остается еще сложный вопросъ о превращеніи этихъ знаковъ и символовъ клана въ священную сущность, являющуюся ядромъ религіи и миѳологіи. Психологическое разстояніе, отдѣляющее простую эмблему отъ святыни, слишкомъ велико, и изъ изложенія Дюркгейма не видно, какъ произошла та аберрація мысли или то чудо превращенія, благодаря которому условное изображеніе коллективности стало наполнять сердца членовъ племени страхомъ и благоговѣніемъ. Правда, въ нашихъ высоко-культурныхъ обществахъ мы нерѣдко видимъ, какъ различныя эмблемы, изображенія и пр. принимаютъ характеръ святынь. Но это имѣетъ мѣсто при наличности уже психологической категоріи священнаго, при наличности религіознаго отношенія къ міру. Разъ дана эмоція священнаго, то ужь легко понять, почему самыя безразличныя вещи обращаются при случаѣ въ святыню. Но вѣдь въ дюркгеймовской теоріи тотемизма дѣло идетъ именно о генезисѣ самой этой эмоціи, о пріуроченіи ея къ такой, по существу невинной, вещи, какъ изображеніе имени группы. Для первыхъ христіанъ изображеніе рыбы стало священнымъ, ибо ἰχθύς — по-гречески рыба — было анаграммой имени. Христа. Психологическій процессъ этого превращенія довольно понятенъ. Но за то трудно представить себѣ, какимъ путемъ изображеніе рыбы въ племени, называвшемся, скажемъ, Рыба — ибо оно питалось, главнымъ образомъ, рыбой — могло стать источникомъ священнаго. Между исходнымъ пунктомъ — эмблемой — и конечнымъ результатомъ—могучей религіозной эмоціей—не видно никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, и поневолѣ поражаетъ огромная диспропорція, существующая между первопричиной и вытекшими изъ нея слѣдствіями.

Рисуя картину такъ называемыхъ „корробори“, Дюркгеймъ подчеркиваетъ то, что въ подобной возбужденной соціальной средѣ и изъ самаго этого возбужденія и возникла религіозная идея. Но это нисколько не ослабляетъ силы сдѣланнаго мною возраженія. Психологія коллективности не есть непремѣнно религіозная психологія. Люди, сойдясь въ многочисленномъ собраніи, могутъ быть обуреваемы самыми различными чувствами: чувствами гнѣва, радости, состраданія, необузданнаго веселія, и т. д. Толпа въ театрѣ или на площади, толпа на ярмаркѣ, совсѣмъ иначе чувствуетъ чѣмъ толпа въ храмѣ. Религіозная эмоція есть лишь одна изъ воз-

можныхъ разновидностей коллективныхъ переживаній, а не неизбѣжный результатъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ психикъ.

Теорія Дюркгейма предполагаетъ далѣе наличность особаго ритма въ соціальной жизни дикарей: продолжительный періодъ будничной жизни небольшими группами здѣсь регулярно смѣняется болѣе или менѣе длительной фазой праздничной жизни всей коллективностью. Эта періодичность — играющая, какъ мы видѣли, крупную роль въ концепціи французскаго соціолога—не объяснена имъ. Возможно, что она объясняется особенными матеріальными условіями существованія австралійскихъ туземцевъ. Но возможно, что она въ той или иной мѣрѣ диктуется религіозными соображеніями, т. е., выражаясь схематически, что не религія вытекаетъ изъ корробори, а, наоборотъ, корробори вытекаетъ изъ религіи. Вѣдь и у насъ не потому вѣрующіе чувствуютъ себя религіозно настроенными, что на Пасху или въ другіе праздники они переполняютъ храмы, а потому, наоборотъ, они переполняютъ въ извѣстные дни храмы, что этого требуютъ ихъ религіозныя обязанности и чувства. Разумѣется, въ конечномъ счетѣ періодичность религіозной жизни съ ея празднествами и торжествами объясняется какимъ-то первоначальнымъ и неизвѣстнымъ намъ ритмомъ мірской жизни общества, но, пока не раскрытъ психологическій механизмъ возникновенія эмоціи священнаго, нельзя связывать съ этимъ ритмомъ зарожденіе религіозной жизни. Всегда остается возможность заподозрить подобное объясненіе въ извращеніи настоящаго порядка вещей, въ подмѣнѣ причины слѣдствіемъ и наоборотъ.

Такимъ образомъ, въ ученіи Дюркгейма не хватаетъ нѣкоторыхъ важныхъ элементовъ, объясняющихъ появленіе наряду съ эмпирическимъ, чувственнымъ міромъ сверхчувственнаго міра религіи. Дюркгеймъ, конечно, правъ, говоря, что люди объективируютъ соціальныя силы, оказывающія на нихъ такое непреодолимое давленіе. Но объективированіе само по себѣ не даетъ еще религіи. Есть множество могучихъ соціальныхъ факторовъ и силъ, носящихъ вполнѣ мірской характеръ. Возьмемъ хотя бы такое основное явленіе, какъ фактъ языка. Изъ всѣхъ окружающихъ личность и вліяющихъ на нее общественныхъ силъ это, можетъ быть, наиболѣе элементарная и повелительная. И все же съ языкомъ самимъ по себѣ не связывается никакихъ религіозныхъ идей (я имѣю въ виду именно языкъ, а не слово, которое, наоборотъ, полно для первобытной мысли—и даже не для нея одной—мистическаго значенія). Правда, мертвые языки, на которыхъ написаны священныя книги, получаютъ отъ нихъ, какъ бы путемъ зараженія, аттрибуты святости: таковъ церковно-славянскій языкъ, или церковная латынь у католиковъ, или же древне-еврейскій языкъ у евреевъ, который народомъ прямо и называется „священнымъ языкомъ“. Но эта святость вымершихъ языковъ не собственная, не самопроиз-

вольная, а заимствованная, производная. Точно также не всѣ соціальныя санкціи принимаютъ — по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе развитыхъ обществахъ — характеръ священнаго. Вопреки мнѣнію Дюркгейма, между священнымъ и мірскимъ не существуетъ вовсе абсолютнаго различія; между ними, наоборотъ, имѣется цѣлый рядъ градацій. Санкціи, выражаемыя словами: „стыдно“, „нечестно“, „неприлично“, „некрасиво“, „нехорошо“ и пр., носятъ рѣзко выраженный, принудительный и повелительный характеръ. Подчиняясь имъ, люди нерѣдко калѣчатъ свою жизнь и даже прямо губятъ свое существованіе. И все-таки онѣ ясно разнятся отъ религіозныхъ санкцій, отъ того, что̀ опредѣляется словами „грѣшно“ или „табу“. Испытывая все, подчасъ непреодолимое, давленіе ихъ, люди не приписываютъ имъ однако особаго реальнаго существованія. Конечно, пути общественнаго вліянія—какъ указываетъ Дюркгеймъ—слишкомъ запутанны и темны, чтобы наивная мысль могла усмотрѣть за этими повелѣніями и запретами голосъ коллективности, какъ таковой. Но эту коллективность она можетъ себѣ представить не только въ миѳологическомъ образѣ какой-то сверхъестественной силы, но и въ болѣе скромномъ и прозаическомъ видѣ анонимной силы общественнаго мнѣнія. При исполненіи или неисполненіи подобныхъ свѣтскихъ запретовъ всегда возникаетъ вопросъ: „что люди скажутъ?“. *Люди*, т. е. Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ и пр., а не какія-то особыя высшія существа или сущности. Я не буду останавливаться на вопросѣ о томъ имѣютъ ли первобытныя общества, или нѣтъ, такія мірскія санкціи; но наличность ихъ въ болѣе передовыхъ обществахъ показываетъ что соціальныя силы не должны принимать непремѣнно религіознаго характера. А тогда возникаетъ вопросъ, подъ вліяніемъ чего въ извѣстныхъ случаяхъ эти силы облекаются въ особое, высшее, достоинство. Иначе говоря, для религіи характерно не просто признаніе людьми наличности какихъ-то внѣ ихъ стоящихъ силъ (напримѣръ, анонимной силы общественнаго мнѣнія), а гипостасированіе этихъ силъ, ихъ овеществленіе, *фетишизированіе*.

Объяснить религію это и значитъ объяснить также эту сторону ея, т. е. истолковать, почему извѣстный видъ общественныхъ санкцій не только объективируется, но и овеществляется, отдѣляется отъ реальныхъ носителей ихъ, людей, истолковать, почему соціальные символы фетишизируются. Вернемся еще разъ къ вопросу о соціальныхъ эмблемахъ. Вотъ передъ нами разноцвѣтный кусокъ полотна, прикрѣпленный къ длинному древку—полковое знамя. Этотъ кусокъ полотна не обладаетъ никакими особенными физическими свойствами, которыя бы дѣлали его столь дорогимъ и цѣннымъ для солдатъ—онъ просто служитъ матеріальнымъ знакомъ для выраженія единства полка, онъ полковая эмблема, символъ. Символъ этотъ способенъ вызывать у группирующихся

около него людей необычайный подъемъ чувствъ, доходящій до готовности жертвовать собой ради спасенія его. Но какъ ни велики чувства любви и почтенія у солдата къ полковому знамени, они радикально отличны отъ специфическаго чувства благоговѣнія, вызываемаго религіозной святыней. У всякаго—даже наименѣе развитого—солдата есть болѣе или менѣе смутное сознаніе того, что знамя есть просто нѣкоторый знакъ, символъ полка и что оно не имѣетъ, помимо этого, какого-то отличнаго, сверхъестественнаго, значенія. Теперь спрашивается: можетъ ли полковое знамя, или, беря общѣе, соціальная эмблема, сама по себѣ—въ лишенной какого бы то ни было религіознаго фермента психикѣ—превратиться въ религіозную святыню, или нѣтъ? Другими словами: представляетъ ли религіозный фетишъ возведенный въ высшій рангъ, потенцированный соціальный символъ, или, наоборотъ, соціальный символъ есть депотенцированный, обмірщенный фетишъ? Признать первое—это значитъ допустить своего рода психологическое твореніе изъ ничего, это значитъ извратить порядокъ историческаго развитія, поставивъ въ началѣ его не поэтическіе, „пьяные" элементы духа, а прозаическія, „трезвыя" стороны его. Миѳологическое опьяненіе, ослабляясь и выдыхаясь, приводитъ къ здравому, трезвому взгляду на окружающій міръ; но возможность обратнаго процесса представляла бы какое-то психологическое чудо. Въ такое именно чудо и упирается дюркгеймовская теорія тотемизма.

Критикуя гипотезы анимизма и натуризма о происхожденіи идеи священнаго, Дюркгеймъ замѣчаетъ, что „изъ ничего не можетъ получиться ничего" и что впечатлѣнія, исходящія отъ физическаго міра, не могутъ дать ничего, превосходящаго этотъ міръ. Возраженіе это приписываетъ первобытному человѣку выработанное только современной мыслью отношеніе къ дѣйствительности. Еслибы дикарь такъ же глядѣлъ на міръ, какъ мы, то, разумѣется, онъ не могъ бы возвести надъ нимъ призрачнаго сверхчувственнаго міра. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ смотрѣлъ на него совершенно иными глазами. Оставимъ однако это замѣчаніе и посмотримъ, какъ справляется съ указанной трудностью дюркгеймовская соціальная теорія священнаго. Вѣдь одно изъ двухъ: или общество есть такая же прозаическая, земная реальность, какъ и міръ физики и біологіи—хотя, конечно, реальность sui generis—тогда „впечатлѣнія, исходящія отъ этой реальности не могутъ дать ничего, превосходящаго ее", и загадка происхожденія идеи священнаго и религіи нисколько не объяснена; или же оно, дѣйствительно, какая-то трансцендентная, мистическая реальность — но въ такомъ случаѣ мы вышли уже изъ рамокъ научнаго объясненія явленій. Уйти отъ этой дилеммы нельзя. Все эмпирическое — будетъ ли это физическій міръ, общественная жизнь и пр.—тѣмъ самымъ, что оно эмпирическое, не можетъ

дать собственными силами начало идеѣ о сверхъэмпирическомъ. Иллюзію и искаженіе дѣйствительности можетъ принести лишь воспринимающій органъ. Если онъ ничего не прибавляетъ отъ себя, то представленіе о дѣйствительности будетъ чистымъ, научнымъ, лишеннымъ слѣдовъ миѳологическаго удвоенія міра. Но разъ признано это субъективное удвоеніе міра, то въ немъ, наряду съ возбужденіемъ, вызываемымъ соціальнымъ явленіемъ корробори, найдутъ мѣсто и чисто физіологическія явленія сновидѣній, галлюцинацій, экстаза и пр. Говоря это, я не думаю вовсе защищать теорій анимизма и натуризма, сводящихъ религію къ какому-то индивидуально-психологическому явленію. Но и соціально-психологическая концепція Дюркгейма страдаетъ серьезнымъ недостаткомъ: въ ней съ огромной силой и убѣдительностью выдвинутъ моментъ соціальности, но за то психологическая сторона дѣла оставлена въ тѣни. Коллективная психика есть лишь равнодѣйствующая индивидуальныхъ психикъ; какъ и всякая равнодѣйствующая, она можетъ расходиться съ каждой изъ отдѣльныхъ составляющихъ ее силъ; но она не можетъ состоять изъ совершенно особенныхъ, новыхъ элементовъ. Поэтому, если въ отдѣльной личности нѣтъ способности къ удвоенію міра, то ея не создастъ и общество. Изъ ничего, дѣйствительно, не можетъ получиться ничего.

Но человѣкъ именно обладаетъ этой способностью удвоенія рѣзко отличающей его отъ животныхъ. Американскій зоопсихологъ Ллойдъ Морганъ воспитывалъ у себя въ кабинетѣ утиный выводокъ. Утята каждое утро купались въ особомъ оловянномъ блюдѣ. Однажды это блюдо поставили на его обычномъ мѣстѣ, но безъ воды. Утята вошли въ него, какъ всегда, и произвели всѣ свои обычные жесты полосканія. На слѣдующій день повторилось то же самое, но птицы провели въ блюдѣ уже меньше времени. На третій день они совсѣмъ отказались отъ мысли купаться въ пустой ванночкѣ. Приведя въ своей книгѣ о „Психологіи религіозныхъ явленій“ это любопытное наблюденіе, Льюба комментируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, утята на третій день отказываются отъ ставшей безполезной привычки, между тѣмъ, какъ люди, поколѣніе за поколѣніемъ, тратятъ свое время въ безчисленныхъ церемоніяхъ, часто тягостныхъ и дорого стоющихъ, имѣя въ виду результаты, которые достигаются рѣдко и которые никогда не связаны прямымъ образомъ съ самими магическими и религіозными церемоніями. Здѣсь передъ нами замѣчательный психологическій фактъ: привычки животныхъ складываются подъ повелительнымъ давленіемъ непосредственныхъ результатовъ, между тѣмъ, какъ у человѣка магія и религія развиваются, не смотря на отсутствіе обыкновенно желаемыхъ результатовъ. Самая эта способность человѣка обманывать самого себя показываетъ его пре-

восходство надъ животными. Дѣйствительно, этотъ „самообманъ" требуетъ извѣстной степени независимости отъ свидѣтельства чувствъ, предполагаетъ способность творческаго воображенія, подверженность самовнушенію, которой не встрѣчаешь у животныхъ. И, однако, какъ странно, что первый проблескъ этихъ способностей содѣйствовалъ какъ разъ погруженію человѣка въ мракъ, первобытной магіи и религіи, сдѣлавъ изъ него какого-то смѣшного безумца, на котораго онъ такъ часто похожъ по сравненію съ разсудительнымъ и практичнымъ животнымъ"! [1])

Дѣйствительно, по сравненію съ животнымъ первобытный человѣкъ представляется какимъ-то иллюзіонеромъ, галлюцинантомъ, онъ—пользуясь чьимъ-то шутливымъ опредѣленіемъ—сошедшая съ ума обезьяна. Можетъ быть, это „безуміе" человѣка, эта его способность галлюцинировать наяву является признакомъ нѣкотораго нарушенія приспособленія организма къ окружающему міру: вызванное образованіемъ и развитіемъ рѣчи огромное обогащеніе внутренняго міра, не найдя для себя готовыхъ внутреннихъ формъ, прорывалось первоначально наружу, проицировалось вовнѣ въ видѣ разнаго рода фетишизированія. А, можетъ быть, для объясненія этого факта приходится прибѣгнуть къ совсѣмъ другого рода явленіямъ. Но, каковы бы ни были причины его, изслѣдователь первобытной духовной жизни, приступая къ изученію ея, имѣетъ передъ собой, какъ основное данное, эту фетишеобразующую черту, эту способность удвоенія реальнаго міра.

Это удвоеніе дѣйствительности не слѣдуетъ, разумѣется, понимать въ духѣ анимистическаго ученія. Современные этнографы—которымъ слѣдуетъ Дюркгеймъ—показали, какую огромную роль играетъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ дикарей представленіе о всепроникающей безличной силѣ — мана. Первобытный человѣкъ не анимистъ, а динамистъ (терминъ Леви-Брюля, Льюба), какъ динамистами, а не анимистами являются и дѣти, когда они оперируютъ не навязанными имъ извнѣ представленіями. Метерлинковская „Синяя птица" съ ея анимистическими персонажами „Душа сахара", „Душа хлѣба" и пр. даетъ совершенно ложное представленіе о дѣтской психологіи, которой совершенно чуждо подобное сознательное олицетвореніе окружающихъ предметовъ. Для ребенка—какъ и для дикаря— во всемъ мірѣ разлита какая-то неопредѣленная сила, какая-то „потенціальность" — какъ выражается при описаніи австралійцевъ Гауиттъ—потенціальность подвижная, текучая, способная покидать любой предметъ, который является тогда въ дѣловомъ, прозаическомъ видѣ, но способная также сгущаться на какомъ-нибудь объектѣ, который въ такомъ случаѣ начинаетъ выдѣляться среди другихъ своими особыми таинственными—то угрожающими, то благотворными—свойства-

[1]) I. Leuba, „La psychologie des sentiments religieux", c. 84.

ми. Эта потенціальность, это „мана“ не есть вовсе исходящая отъ общества и неправильно истолкованная его членами сила авторитета—какъ это развиваетъ Дюркгеймъ,—это лишь наиболѣе элементарная форма проявленія фетишеобразующей способности человѣка. Какъ говоритъ одинъ изъ критиковъ Дюркгейма, мана—„есть лишь динамическая сторона нашихъ ассоціацій; это—наши объективированныя ассоціативныя стремленія и ожиданія“ [1]). На извѣстной степени умственнаго развитія, при преобладаніи аффективныхъ и ассоціативныхъ связей въ психикѣ, это объективированіе и фетишизированіе является неизбѣжнымъ и самопроизвольнымъ, создавая параллельно съ реальнымъ міромъ міръ религіозной фантасмагоріи.

Фетишизмъ самъ по себѣ не составляетъ, разумѣется, еще религіи. Онъ становится ею лишь въ соціальной обстановкѣ, когда коллективность направляетъ его — въ зависимости отъ условій мѣста и времени — на тѣ или иныя санкціи и символы, превращая ихъ такимъ образомъ въ особыя сверхличныя силы, переполняющія сердца вѣрующихъ священнымъ страхомъ и благоговѣніемъ. Религію поэтому можно — не претендуя, конечно, на исчерпывающую дефиницію—опредѣлить, какъ соціально-психологическій фетишизмъ, фетишизмъ коллективныхъ чувствъ и представленій (относя къ первымъ и разнаго рода санкціи). Тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ хода историческаго развитія начинаетъ усыхать фетишизмъ, тамъ изъ океана религіи начинаетъ постепенно выступать суша морали, или философской спекуляціи, или эстетическаго созерцанія, и т. д.

Указаніе на элементъ фетишизма въ религіи важно не только при рѣшеніи задачи о возникновеніи ея, но и въ вопросѣ о ея соціальной функціи. Споря съ раціоналистической теоріей религіи сводящей ее къ одной колоссальной сѣти заблужденій, Дюркгеймъ старается показать, что ея главная задача заключается вовсе не въ томъ, чтобы дать представленіе о физической вселенной, а въ томъ, чтобы дать систему идей, съ помощью которыхъ люди представляютъ себѣ общество и свои отношенія къ нему. Это представленіе, добавляетъ онъ, метафорично и символично, но нисколько не невѣрно, содержа въ себѣ все существенное разсматриваемаго отношенія. Въ дѣйствительности однако „метафора“ религіи далеко не такъ невинна, какъ это изображаетъ Дюркгеймъ. Религія вовсе не символическая, а *фетишистская* интерпретація общественнаго взаимодѣйствія—и отсюда весь тотъ длинный кортежъ предразсудковъ, суевѣрій, угнетающихъ чувствъ забитости и страха, вся та отрицательная сторона ея, которая въ глазахъ многихъ съ избыткомъ перевѣшиваетъ достоинства ея.

---

[1]) G. Belot, „Une théorie nouvelle de la religion“, Rev. philos., 1913, т. 75, стр. 359.

Отсюда же ея вѣковѣчный антагонизмъ съ наукой, которая, допуская охотно символизмъ и даже сама строясь на немъ, ведетъ за то безпощадную войну со всякаго рода фетишизмомъ.

9.

Подведу теперь итоги.

Я подписываюсь, въ общемъ, подъ дюркгеймовской критикой раціонализма въ религіи, я согласенъ съ его ученіемъ о тонифицирующей, „динамогенной“ функціи религіи (хотя, повторяю, Дюркгеймъ, по свойственному ему соціальному оптимизму, оставляетъ совершенно въ тѣни отрицательныя стороны религіознаго фетишизма), я готовъ также признать, что реальностью, которую на свой ладъ выражали всѣ религіи, было общество. Но въ религіи имѣется одинъ крайне важный элементъ, который совершенно не разсматривается Дюркгеймомъ и отъ пониманія котораго зависитъ нашъ взглядъ на историческое развитіе религіи и на вѣроятное будущее ея. Я имѣю въ виду фетишизмъ религіи и неуклонно совершающійся въ исторіи процессъ перехода отъ фетишизма къ символизму.

Соціальныя отношенія, преломляясь въ головахъ отдѣльныхъ людей, неизбѣжно принимаютъ символическій характеръ; соціальная жизнь, какъ правильно замѣчаетъ Дюркгеймъ, возможна лишь благодаря обширной системѣ символизма. Но символизмъ символизму рознь. Отношеніе человѣка къ общественной реальности и къ создаваемымъ ею въ насъ идеологическимъ миражамъ не одно и то же на протяженіи вѣковъ. Съ ростомъ сознанія и власти надъ природой человѣкъ перестаетъ мыслить свою связь съ обществомъ въ формѣ мистическихъ существъ и сущностей, перестаетъ фетишизировать свои общественныя отношенія. Всякой религіи присуща эта черта овеществленія, обожествленія соціальныхъ отношеній. Въ этомъ широкомъ смыслѣ всякая религія есть идолопоклонство, всякая религія создаетъ кумиры и фетиши. Но историческое развитіе совершается,—пользуясь старымъ, но удачнымъ противоставленіемъ—отъ идоловъ къ идеаламъ, отъ вещей къ знакамъ, отъ фетишей къ символамъ. За знамя или какую-нибудь другую соціальную (групповую) эмблему люди идутъ на смерть. Но отношеніе къ этимъ эмблемамъ иное, чѣмъ къ религіознымъ святынямъ: оно болѣе раціональное, сознательное, мірское. Знамя—это символъ коллективности, святыня же—фетишъ ея. И царство этихъ соціальныхъ символовъ все ростетъ.

Въ религіозной концепціи Дюркгейма основную роль играетъ противоставленіе священнаго и мірского. Дуализмъ этихъ двухъ міровъ—отражающій дуализмъ соціальнаго и индивидуальнаго—представляется ему радикальнымъ, абсолютнымъ, непримиримымъ. Но историческое развитіе влечетъ за собой сперва суженіе, а по-

томъ и постепенное исчезновеніе сферы священнаго. Священное все болѣе и болѣе вытѣсняется соціально-символическимъ, въ которомъ начинаетъ находить свое выраженіе новая, раціональная форма чувства соціальной связи.

Въ силу этого конфликтъ между наукой и религіей имѣетъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ это изображаетъ Дюркгеймъ. Дѣло не только въ томъ, что наука лишаетъ религію ея спекулятивной функціи. Несравненно важнѣе то, что наука подтачиваетъ корни всяческаго фетишизма, что ростъ знанія означаетъ также ослабленіе и уничтоженіе противоположности между священнымъ и мірскимъ. А религія безъ фетишизма, религія, лишенная эмоціи священнаго, не есть уже религія въ подлинномъ смыслѣ слова. Комплексъ идей и чувствъ, въ которомъ въ этомъ случаѣ выражается отношеніе личности къ обществу, а черезъ него и къ міру, можно назвать міровоззрѣніемъ, жизнеощущеніемъ или какъ-нибудь иначе; но его нельзя уже назвать религіей, разъ въ немъ отсутствуетъ специфическое религіозное чувство, сознаніе надъиндивидуальной и объективной силы, вызывающей священный трепетъ и благоговѣніе. Наличность культа, торжественныхъ обрядовъ и церемоній не мѣняетъ здѣсь дѣла. Французы ежегодно празднуютъ день взятія Бастиліи. Они—выражаясь словами Дюркгейма—„испытываютъ потребность мысленно пережить время отъ времени" тѣ единственные, незабвенные часы, когда была взята твердыня стараго порядка. Но день 14 іюля не носитъ совсѣмъ характера церковныхъ праздниковъ. И будь въ республиканскомъ календарѣ еще дюжина-другая такихъ торжественныхъ дней, осуществись затѣя дѣятелей французской революціи, мы все-таки не имѣли бы передъ собой настоящей религіи. Нельзя на всякое проявленіе жизни коллективности накладывать штемпель религіи. Политическій клубъ—не храмъ, митинговая каѳедра—не церковный амвонъ, а соціальный символъ—не религіозный фетишъ.

Истощилась ли у человѣчества способность творить новыя „евангелія"? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ изъ того, что понимать подъ словомъ евангеліе. Если имѣть въ виду великіе народные порывы энтузіазма, любви, самопожертвованія, кристаллизующіеся въ трогательныхъ или величественныхъ образахъ, въ глубокомысленныхъ и универсальныхъ символахъ, то нѣтъ, эта способность не истощилась. Правда, онѣ заставляютъ еще себя ждать, эти великія и благотворныя бури духа, правда, въ отживаемую нами эпоху духовной посредственности и синкретизма мы не знаемъ, откуда и когда онѣ явятся — но онѣ придутъ, несомнѣнно придутъ. Отольются ли онѣ въ формы новой религіи въ старинномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова? Это почти невѣроятно. Во всякомъ случаѣ шансы на это уменьшаются съ каждымъ днемъ, ибо ростъ цивилизаціи—и въ особенности капи-

талистической цивилизаціи—означаетъ непрерывное и все прогрессирующее ослабленіе фетишей.

Повторяю: эмоція священнаго атрофируется, отмираетъ. Это большой плюсъ, ибо это означаетъ ростъ сознанія собственной силы и исчезновеніе цѣлой группы угнетающихъ чувствъ, сковывавшихъ человѣческую мысль. Но здѣсь есть и свой минусъ. Эмоція священнаго не ограничивалась лишь одними отрицательными чувствами страха и безсилія. Въ ней человѣчество создало драгоцѣннѣйшій психологическій механизмъ, исключительный по своимъ результатамъ способъ преображенія дѣйствительности. И пока неясно, чѣмъ будетъ замѣненъ этотъ механизмъ. И можетъ даже возникнуть сомнѣніе: возможна ли вообще безъ примѣси фетишизма такая особенная, все преображающая, интенсификація чувствъ? Не влечетъ ли за собой всякая интенсификація, однимъ фактомъ своей исключительной напряженности, явленій „идолопоклонства“? Не видимъ ли мы, какъ блѣдны, худосочны мірскія празднества—напримѣръ, то же самое 14 іюля—по сравненію съ яркими и дѣйствительно обновляющими вѣрующихъ религіозными торжествами? Способенъ ли символизмъ грядущаго принести такія же радости, какія давалъ своимъ поклонникамъ въ прошломъ фетишизмъ?

Я не буду здѣсь развивать соображеній, которыя заставляютъ меня дать положительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ и побуждаютъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ „иррелигіи“ будущаго[1]). Человѣческая психика за время своего историческаго развитія обнаружила огромную гибкость и пластичность. Человѣчество поэтому сумѣетъ, въ концѣ концовъ, приспособиться къ новымъ, „позитивнымъ“, условіямъ своего существованія и создастъ такія соціально-психологическія образованія, динамогенное дѣйствіе которыхъ окажется эквивалентнымъ дѣйствію религіознаго фетишизма.

П. Юшкевичъ.

---

[1]) См. мою книгу „Новыя вѣянія“, с. 181 и сл.

НОЧЬ НА ТЕТЕРЕВѢ.

Въ лѣсу дрались ястребъ и воронъ.

Сначала птицъ не было видно.

Плотная листва накрывала ихъ какъ колпакомъ. Только слышались въ тепломъ зеленоватомъ мракѣ яростный клекотъ, да хриплый, корявый, какъ дубовая кора, крикъ, да тревожный трескъ обламывающихся и падающихъ внизъ сучковъ и изодранныхъ листьевъ. Летѣли, кружились межъ вѣтвей перья ястребиныя, сѣрыя, и какъ сажа черныя—вороньи...

Потомъ изъ зеленой гущи листвы вывалилось что-то живое, трепетное, похожее на продолговатый свертокъ или спеленатаго младенца... Вывалилось и со страннымъ двуголосымъ крикомъ бухнуло на землю, на траву и высокіе папоротники.

Обѣ птицы сцѣпились, тѣсно прижались одна къ другой, когтистыми лапами запутались въ перьяхъ и мясѣ и, на минуту слившись въ одно цѣлое, сорвавшись съ вѣтвей и потерявъ способность управлять крыльями, взъерошенными, раздерганными, упали, какъ тяжелый тюкъ, внизъ...

Горестный стонъ, какой-то харкающій, предсмертный, пронесся по лѣсу, низко надъ землей. Въ стонѣ было отчаяніе, ужасъ и недоумѣвающая горькая жалоба мрачнаго тирана, привыкшаго царить и властвовать и вдругъ очутившагося подъ ногой побѣдителя...

И точно для того, чтобы дать отчетливѣе отзвучать вороньей жалобѣ, чтобы полнѣе насладиться позоромъ врага, ястребъ сразу умолкъ...

— Ага! — въ ликованіи, въ безудержномъ упоеніи, прокричалъ онъ потомъ.—Ага!..

Онъ рванулся въ сторону, высвободилъ увязшіе во вражескомъ мясѣ когти и, роняя съ когтей на траву алыя капли крови, взвился вверхъ.

Въ синевѣ, надъ свѣтлой зеленью дубовъ, онъ скоро превратился въ небольшой комочекъ, сверкающій на солнцѣ, какъ стеклянный шаръ. Затѣмъ онъ исчезъ...

А побѣжденный, разбитый, опозоренный воронъ лежалъ безъ движеній, почти безъ дыханія—тамъ, куда упалъ, межъ высокими, молчаливыми папоротниками, и быстро засновали по немъ, по смятымъ и разрыхленнымъ перьямъ его, по обнаженной и окровавленной кожѣ на животѣ, торопливые муравьи.

Сознаніе уходило отъ ворона, но еще не ушло. Онъ испытывалъ гнѣвъ, стыдъ и страшную боль въ груди и въ ногахъ,—и не могъ онъ понять, какъ происходитъ то, что происходитъ сейчасъ. Идутъ вотъ люди, привлеченные трескомъ ломающихся вѣтвей да острыми криками дравшихся; прямо на ворона идутъ мальчики, а онъ однако не улетаетъ прочь, не взвивается къ верхушкамъ дубовъ, но безъ движенія лежитъ, странно-тяжелый, какъ бы придавленный къ этой осыпающейся подъ нимъ муравьиной кучѣ...

День,—а въ глазахъ темно. Лѣто,—а тѣло стынетъ... Холодно въ спинѣ и въ грудь точно напихали льду... Не оставилъ ли тамъ умчавшійся ястребъ свой острый коготь?

Ближе и ближе подходятъ мальчики. Звонче, отчетливѣе голоса... Но вдругъ голоса обрываются, все гаснетъ, все колышется;—потомъ неподвижность и тишина.

Воронъ вытягиваетъ впередъ расшибленное крыло,—точно прикрываетъ себя имъ. Крыло затрепетало, какъ листъ подъ вѣтромъ, потомъ замерло, остановилось, и уже лежитъ плотно, какъ желѣзная заслонка. Чѣмъ-то непрозрачнымъ затянуло глазъ, точно упалъ на него толстый листъ. Изъ груди ушелъ холодъ,—не вывалился ли вонъ ястребиный коготь?.. Не стало боли. Не стало звуковъ. Нѣтъ ничего.

Подошли мальчики, взяли ворона за ногу и поволокли. Шаговъ пять везли по травѣ. Затѣмъ подняли, стали изучать.

— Здохлый?

— Теплый еще... Еще онъ отойдетъ.

— А возьмемъ его домой?

На высокомъ берегу Тетерева, по скату, саженяхъ въ двухъ отъ воды, стоитъ досчатый навѣсъ. Влѣво, наверху—городъ. До него около версты. Большіе сады, дома, церкви, желтыя стѣны тюрьмы... Отдѣльные домики, бѣленькіе или синіе,—любятъ здѣсь синьку, — разсыпались безпорядочно по откосамъ, какъ отставшія отъ стада овцы. Кажется страннымъ, что овцы такъ долго стоятъ недвижно. Думается все: вотъ-вотъ тронутся овечки и побредутъ по травкѣ какой куда надо,—туда пойдутъ, сюда поскачутъ.

У самаго навѣса пусто, голая земля. Нѣту даже пригородныхъ хибарокъ,—не хватило у города соковъ дорости до

этого мѣста. Нѣту здѣсь движенія, почти не видать людей. Вотъ только подойдутъ съ конечной станціи трамвая дачники, чтобы на лодочкахъ („Олеся“, „Маруся“, „Нина“, „Адмиралъ Макаровъ“) отправиться на дачи. Больше никого.

Направо отъ навѣса лодочки еще идутъ, — „глубжина есть“. Но навѣсъ крайній пунктъ. Налѣво отъ него рѣка такъ мелка, что и малые ребятишки не питаютъ къ ней никакого уваженія: рубаху задерутъ къ горлу и идутъ въ бродъ, сверкая розовенькимъ тѣломъ. Ножонки замочатъ, а задъ сухъ.

Подъ навѣсомъ сидитъ содержатель лодокъ. А лодокъ десятка полтора. Пассажировъ перевозятъ мальчики. По утрамъ пассажировъ много: ѣдутъ за провизіей дачныя кухарки, ѣдетъ торговый и служащій людъ по дѣламъ. Вечеромъ публика возвращается домой. Содержатель лодокъ, кривой бородатый мужикъ, сидитъ у воды, грызетъ сѣмечки и собираетъ пятаки.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ сидятъ ожидающіе очереди мальчики-перевозчики. Да еще приходятъ сюда разные незанятые люди — поговорить, послушать разговоръ. Тихо здѣсь, воздухъ легкій, пахнетъ рѣкой и полемъ. Въ солнечные дни идетъ отъ рѣки свѣжесть, — пріятно. Въ дни прохладные пригрѣваетъ солнышко. Хорошо здѣсь, отдыхаетъ душа. И усядутся на каменныхъ выступахъ рыбаки, кто-нибудь изъ дачниковъ, или старенькій, сивый, мятый городовой, котораго кто-то поставилъ караулить находящійся по близости водопроводный сосунъ. Городовой этотъ человѣкъ сутулый, тощій, дряхлый. Онъ страдаетъ хроническимъ разстройствомъ желудка,—„щось у кишкахъ“. У городового сѣдые усы, морщинистая желтая физіономія и беззубый ротъ. Щеки шаршавыя, впалыя. Похоже, что когда-то ткнули въ эти щеки пальцемъ, онѣ отъ этого вошли внутрь и такъ навсегда втянутыми остались.

На старикѣ „струментъ“ — шашка и кобура съ револьверомъ. И трудно понять: для какихъ собственно таинственныхъ цѣлей разубрали такъ старика? Палить онъ будетъ? Рубить? Да подлѣ него гаркни пострашнѣе, онъ тотчасъ же и схоронится за сосунъ.

Величаютъ этого воина не совсѣмъ обычно: Теткинъ Вареникъ. Почему собственно украсили его этимъ именемъ— объяснить невозможно. Объясненій много, но всѣ они какія-то мало подходящія. А одно объясненіе имѣется и совсѣмъ конфузное, можно сказать, не вполнѣ и приличное. И такъ какъ даютъ это объясненіе по преимуществу бабы, т. е. публика неосновательная, то всего лучше, пожалуй, не приводить его совсѣмъ. Къ тому же и самъ бравый носитель

револьвера и шашки усиленно рекомендуетъ не придавать этому объясненію ни малѣйшей цѣны.

— Отто брешуть, отто по-собачьи гавчуть:

— Но отчего же, все-таки, зовутъ васъ Теткинъ Вареникъ?

— Оттого, что по собачьи гавчуть.

Вопросъ, разумѣется, и послѣ этого разъясненія остается открытымъ. Но городовой съ шашкой и револьверомъ поставленъ здѣсь не для того, чтобы разъяснять запутанные вопросы. И взыскивать со старика, значитъ, нечего.

Отъ навѣса лодки идутъ вверхъ, до „докторскихъ дачъ". Въ этомъ мѣстѣ рѣка хороша необычайно. Оба берега очень высоки. Правый—отлогій, волнистый. Отъ воды до самой верхушки онъ покрытъ ясной травкой и мелкой трелью низенькаго кустарника. Здѣсь бродятъ коровы, овцы, наслаждаются сочной травкой, солнечнымъ блескомъ, свѣжестью рѣки. Жуетъ, жуетъ корова, потомъ жевать перестанетъ, стоитъ и смотритъ задумчиво и долго впередъ себя... Потомъ огласитъ рѣчное безмолвіе долгимъ мычаніемъ—„хо-ооо-рошо!.."

Лѣвый берегъ крутъ, почти отвѣсенъ и весь какъ бы сложенъ изъ огромныхъ голыхъ гранитныхъ глыбъ. Какія странныя формы! Найдешь здѣсь и очертанія звѣрей, и какъ бы причудливыя постройки, загадочные остатки мостовъ и арокъ. Розовые оттѣнки смѣняются сиреневыми и переходятъ въ яркій, веселый цвѣтъ зеленаго малахита. Что-то нерусское есть въ этомъ пейзажѣ, капризномъ, неспокойномъ, испещренномъ вертикальными и зигзагообразными формами. Захватило невѣдомое божество въ свою могучую руку уголокъ Тироля и перебросило сюда, въ тишину и скромность гладкихъ русскихъ полей...

Надъ обрывами въ расщелинахъ зеленѣютъ травы, ростутъ огромные клены, дубы и сосны. Стелятся вьющіяся растенія и, точно веревки, опоясывающія большіе тюки, перехватываютъ эти растенія глыбы гранита, связываютъ и сливаютъ ихъ въ одно цѣлое и сплошное съ дубами и осокорями... Внизу, у самой воды, сѣрѣютъ ивы. Опустили головы и вдумчиво слушаютъ шелковый плескъ рѣки. День, два, три слушаютъ его, всегда слушаютъ.

Въ лѣсу, раскинувшемся наверху, мелькаютъ дачки—галлерейка, веранда, клумба цвѣточная, красная кирпичная труба... То здѣсь, то тамъ, на какой-нибудь кручѣ, насыпанной самимъ Господомъ Богомъ, увидишь вдругъ легкую, паутинную бесѣдочку или затѣйливый павильончикъ, похожій на грибъ или на раскрытый зонтъ. Отсюда, снизу, съ воды, даже ахнешь. И не понять ни за что, какъ могутъ

люди добраться туда. На аэропланѣ развѣ. И ужъ если добрались, то какъ не свалятся внизъ,—вѣдь такъ крутъ и высокъ, и игольчато-узокъ обрывъ... Страшно... А между тѣмъ бѣлѣетъ на самой вышкѣ тонкая женская фигура, развѣвается по ея плечамъ свѣтло-голубой кисейный шарфъ, и звенитъ дѣвичій голосъ, нѣжный, лучистый, такой же дымчато-развѣвающійся, какъ и этотъ кисейный шарфъ.

Мѣстами выступаютъ изъ воды гранитные массивы, высокіе, острые, подобные огромнымъ сахарнымъ головамъ. Стоятъ одиноко, или попарно, или по нѣскольку. А вотъ собрались они въ дружную компанію, такую многочисленную и тѣсную, что ужь не даютъ пропуска лодкамъ. Когда откроютъ гдѣ-нибудь плотины или когда пройдутъ частые ливни и въ рѣкѣ сдѣлается „большая вода", теченіе межъ этими гранитными великанами становится такимъ стремительнымъ и „верченнымъ", что и самые смѣлые лодочники отказываются здѣсь проходить: опрокинетъ и въ щепки разнесетъ любую лодку, даже „Адмирала Макарова".

Вода пѣнистая, кружится, бурлитъ, кричитъ и съ острымъ звономъ, прыгая и сверкая, стремится впередъ. Кроткія ивы, привыкшія къ пѣснямъ инымъ,—къ тихому и сладкому лепету дремоты, —слушаютъ въ тревогѣ; а вѣчно-недвижныя, каменно-спокойныя береговыя глыбы смотрятъ внимательно на эту суету и стремленіе, и вѣчно молчатъ ихъ тяжелыя гранитныя уста.

Изъ огромныхъ массъ природа сложила здѣсь странныя фигуры. Порою кажется, что онѣ полны намековъ, недосказанныхъ рѣчей, глубокихъ и волнующихъ тайнъ... Хотѣла что-то сообщить человѣку земля, и уже подала знакъ: слушай!—и уже начала свой разсказъ, такой фантастически-спутанный, такой тревожно-завлекательный и глубокій. Но сила невѣдомая, непреклонная и непобѣдимая, приказала остановиться,—и оборвалась нить...

Недодѣланными остались формы, незаконченными очертанія, не родилась настоящая рѣчь, и только отдѣльныя, напряженныя слова слышатся, да несвязныя хоть и яркія отрывистыя восклицанія... Вотъ фигура, похожая на льва: грива, узкое, длинное тѣло, и поднята кверху, для удара лапа... Такъ ее въ этихъ мѣстахъ и называютъ: рѣчной левъ. Вотъ холмикъ, напоминающій базилику: своды, алтарь... А вотъ человѣческая голова, огромная человѣческая голова съ крутымъ лбомъ, орлинымъ носомъ, крѣпко сжатыми страдающими губами и широкимъ бритымъ подбородкомъ.

Если смотрѣть на голову издали, когда подплываешь къ ней съ лѣвой стороны, а она темнымъ профилемъ выдѣ-

ляется на серебристости лѣтняго облачка, то кажется, что видишь передъ собой скорбное лицо Данте...

На Тетеревѣ странную фигуру эту называютъ: „Голова Чапскаго“. И живетъ здѣсь легенда:

Надъ обрывомъ, въ лѣсу, обиталъ когда-то маленькій бѣдный шляхтичъ Чапскій. У него была дочь подростокъ, почти дѣвочка. Знатному и сильному магнату, владѣльцу всѣхъ этихъ земель и лѣсовъ, дѣвочка приглянулась и явилось у него намѣреніе завладѣть ей... Шляхтичъ Чапскій случайно вошелъ въ бесѣдку какъ разъ въ ту минуту, когда великолѣпный магнатъ готовился осуществить свое желаніе... Откуда взялись силы! Старый, хилый человѣкъ схватилъ дороднаго магната обѣими руками, поднялъ надъ головой и понесъ къ рѣкѣ, къ обрыву... Мгновеніе,—и полетѣлъ бы внизъ со страшной кручи славный магнатъ. Но челядь мгновенно нагнала маленькаго шляхтича, вырвала изъ его рукъ своего властелина, — и ужъ не вельможа-насильникъ, а бѣдный маленькій шляхтичъ полетѣлъ со скалы въ рѣку...

Трупа бѣдняги не искали — запретилъ магнатъ искать! Но странное дѣло случилось въ эту ночь съ той скалой, гдѣ все это произошло... Верхушка скалы приняла форму головы человѣка,—форму головы оскорбленнаго и сброшеннаго съ кручи въ рѣку несчастнаго отца...

Властный магнатъ въ тотъ же день покинулъ эти края. Онъ навсегда уѣхалъ въ другія свои имѣнія,—самыя отдаленныя. А „голова Чапскаго“ стоитъ надъ Тетеревомъ до сихъ поръ.

И теперь, если рано утромъ, въ часъ солнечнаго восхода, внимательно всмотрѣться въ голову, то можно замѣтить, какъ маленькія слезинки текутъ по гранитнымъ щекамъ и какъ, падая внизъ, на повитые ползучими растеніями массивы, слезы узенькой струйкой вливаются въ старый Тетеревъ.

Мальчики-перевозчики, подобравшіе въ лѣсу раненаго ворона, принесли его своему хозяину, содержателю лодокъ.

Птицу поселили на крышѣ навѣса. Привязали веревкой за черную ногу, передъ клювомъ поставили жестянку съ водой, а въ другую жестянку насыпали жита и золотистыхъ зеренъ кукурузы...

Пять дней воронъ не ѣлъ, не пилъ, лежалъ на животѣ, какъ мертвый. И всѣ думали: не выжить птицѣ. Потомъ воронъ вдругъ сталъ на лапы и съ силой каркнулъ:

— Кррр-рраа!

— Охъ ты!..—испуганно схватился за шашку сидѣвшій

подъ навѣсомъ Теткинъ Вареникъ. — Нечиста сила!.. Отто злякался...

Попробовала птица пойти—толстая и тяжелая веревка мѣшала. Попробовала летѣть—крылья точно желѣзныя.

Кажется, и цѣлы крылья, и перья всѣ сохранились, а вотъ не слушаютъ и никакъ ими не взмахнуть... Должно быть, что-то внутри было повреждено у птицы, — можетъ быть, въ сердцѣ, въ томъ какъ разъ мѣстѣ, гдѣ собрана вся жизнь всякаго живого существа...

И оттого, что въ самомъ сердцѣ было поврежденіе, безсильная, мрачная, тяжелая, какъ изъ чернаго асфальта вылитая, недвижно сидѣла птица на крышѣ, и со злобой и ненавистью оглядывала все, что было подлѣ нея: людей, рѣку, берегъ, — вольный берегъ и вольный лѣсъ, гдѣ такъ хорошо и привольно живутъ другія птицы и гдѣ уже никогда больше не пожить ему, раненому, плѣненному, тяжелой веревкой привязанному ворону...

Весь черный былъ воронъ, отъ когтей до конца огромнаго клюва, очень похожій на зубъ бороны. Весь матовый былъ онъ и тусклый. И только круглый выпуклый глазъ блисталъ влажно, какъ чернильная капля, и отъ этого блеска простодушный и болѣзненный Матвѣй, братъ содержателя лодокъ, испытывалъ холодную жуть и даже чувство, похожее на тошноту...

— Отпустилъ бы ты птицу — просилъ онъ брата—Богъ съ ней...

И, отворачиваясь къ стѣнкѣ, чтобы братъ не замѣтилъ и не сталъ смѣяться, торопливо крестился.

— А зачѣмъ отпускать? — возражалъ лодочникъ.—Тутъ она при мѣстѣ. Она вродѣ какъ забава.

Матвѣя эта „забава“ не радовала. Онъ пересаживался подальше, къ самой водѣ...

— Може, она и не птица,—задумчиво говорилъ онъ.— Може, она нечистая сила.

— Дуракъ ты, дуракъ.

Но Матвѣй, человѣкъ хворый, терзаемый ночными лихорадками и болѣзненными видѣніями, пугливо ежился и, понижая голосъ, бормоталъ:

— А съ чего жь у ней глазъ такой?

— Какой?

— Да... такой...

И нѣтъ у него слова, чтобы выразить свою тревогу.

— Глазъ... какъ у какого несчастнаго.

— Глазъ, это правда, — подтверждаетъ Теткинъ Вареникъ. — Глазъ, какъ у душегуба... Вотъ какъ у Акима Кобылюка глазъ.

— Не дай Богъ,—ежился Матвѣй.—Ахъ, страшно!

— Дураку, може, и страшно,—спохватываясь и стараясь поддержать свое полицейское достоинство, говорилъ Теткинъ Вареникъ. — „Страшно"... Кто человѣкъ съ разумомъ, при револьверѣ и при шашкѣ, то съ чего ему будетъ страшно.

Онъ брался обѣими руками за шашку и принималъ ухъ какой бравый видъ!.. Однако на птицу, на ея влажный черный глазъ, старался не смотрѣть. Смотрѣлъ въ сторону, на водопроводный сосунъ, и дальше, къ городу, туда, гдѣ желтѣла высокая тюремная стѣна... И тревожно думалъ:

— Така проклята птица, така проклята... Кра-кра, каркаетъ сучья дочка, нарушеніе тишины и спокойствія дѣлаетъ...

Садилось солнце. Погуляло долго—ахъ, какой длинный былъ день—и собралось на отдыхъ.

Лѣвый берегъ Тетерева затянуло тѣнью и легкой зеленоватой тѣнью покрыта была почти вся рѣка, — точно прищурилась... А противоположный край ярко голубѣлъ, озаренный солнцемъ, да горѣлъ и сильно отсвѣчивалъ высокій берегъ, заросшій травой и кустарникомъ.

Въ теплой тѣни надъ водой, надъ широкими плоскими листьями лилій, среди стоячихъ желтыхъ цвѣтовъ, похожихъ на лампадки, носились стрекозы — особаго вида стрекозы, живущія, кажется, только въ этихъ краяхъ. Тѣльце длинненькое, прямое, тонкое, — все какъ дамскій мизинчикъ, а крылышки горизонтальныя, подъ прямымъ угломъ къ тѣлу, прозрачныя, сквозныя, точно изъ тюля. Отъ этихъ крылышекъ стрекоза становится похожей на крестикъ. А цвѣтъ ея—синезеленый, яркій-яркій, и переливается ломкими отблесками, точно драгоцѣнный камень.

Тиха и довольна рѣка, — ничего ей не надо! Тихо небо надъ ней, такое ясное и доброе. А на западѣ, гдѣ солнце уже подкатилось къ самой землѣ, по продолговатымъ облачкамъ побѣжалъ багрянецъ и тотъ особенный прозрачный фіолетовый цвѣтъ, который наблюдать можно только въ небѣ въ часы лѣтнихъ закатовъ.

Дню конецъ! Про это сказали лиліи на рѣкѣ и всѣ водоросли, сказали тѣмъ, что стали пахнуть особенно сильно. Отъ шелковистаго лица рѣки и отъ береговыхъ травъ и кустарниковъ идутъ сложные ароматы, — они тонки и неуловимы, какъ далекій шопотъ, какъ тихій шелестъ вотъ этихъ тюлевыхъ стрекозиныхъ крылышекъ. И нельзя оставаться равнодушнымъ къ такому аромату! Шагаешь ли берегомъ, плывешь ли въ лодкѣ, карабкаешься ли, цѣпляясь за кор-

невища, вверхъ по кручамъ,—все равно,—невольно вдругъ остановишься и глубокимъ вдыханіемъ вольешь въ себя и этотъ ароматъ, и эту голубую свѣжесть, и золотую эту теплоту... Ахъ, какъ славно!

Подъ навѣсомъ, на которомъ черной бѣдой скорчился больной воронъ, сидитъ Матвѣй и нѣсколько мальчиковъ-перевозчиковъ. Тутъ же, на глыбѣ гранита, обнявъ на колѣняхъ большую, вспухшую кожаную сумку, сидитъ еврей, разносчикъ газетъ, Хаимъ Пожаръ.

Матвѣй—человѣкъ тщедушный, очень больной, со впалой грудью, съ желтымъ высохшимъ лицомъ. Въ этомъ лицѣ много китайскаго: скулы широкія, а подбородокъ узенькій. Бороденки почти нѣтъ. Такъ себѣ, двѣ дюжины волосковъ мотаются. И усы жалкіе: надъ губой нѣсколько ниточекъ-и только у краевъ рта повисли они внизъ тоненькими мышиными хвостиками... Матвѣй сидитъ на скамьѣ, опирается обѣими руками объ доску, а короткія ноги до земли не достали и Матвѣй ими все болтаетъ,—взадъ, впередъ, взадъ, впередъ...

Хаимъ Пожаръ человѣкъ по виду такой же хилый и некрѣпкій. Сколько поколѣній должно было голодать, чтобы создать такого заморыша. Но рожа у этого носителя подобія Божьяго красная, красная, какъ апельсинъ-королекъ. И борода огненная. На Хаимѣ форменная фуражка изъ алаго сукна, какъ у начальника желѣзнодорожной станціи. Дно фуражки необычайно широкое, — цѣлая сковорода. На околышкѣ мѣдная бляха съ вырѣзанными буквами „газетчикъ"... Такъ много огненнаго, пожарнаго, въ физіономіи этого человѣка, что даже какъ будто страшно дѣлается и приходитъ въ голову: ахъ, да вѣдь надо его поскорѣй въ рѣку... А Хаимъ вотъ усѣлся еще прямо противъ заходящаго солнца и оттого апельсинной рожей своей, красной бородой и алой фуражкой горитъ такъ свирѣпо и ослѣпительно, что на него трудно глядѣть, и уже кажется, что не солнечными лучами озарены вонъ тѣ пылающіе на противоположномъ берегу кусты, а бенгальскимъ отсвѣтомъ этой бороды, этой рожи, этой широкодонной, кровавой фуражки...

— Вотъ я и говорю,—спокойно оглядывая собесѣдниковъ, заявляетъ Матвѣй: — я вотъ это же и говорю: какъ подумаешь, то кажется, что и жить невозможно; а какъ раздумаешь,—то и слава тебѣ, Господи.

— Ой нѣтъ!.. Ой нѣтъ же!—нервно вскрикиваетъ Хаимъ Пожаръ.—Я вамъ на это отвѣчу, что на счетъ жизни и таки всего вообще я имѣю себѣ такое свое мнѣніе; какъ поду-

маешь, то все очень паскудно; а когда раздумаешь, то выходитъ, что все—даже два раза паскудно.

-- Ты, Пожаръ, о! — подавшись впередъ всѣмъ старческимъ корпусомъ, говоритъ Теткинъ Вареникъ.

Онъ поднялъ передъ ноздрями,—а ноздри, какъ тунели,—согнутый въ дугу, изувѣченный указательный палецъ и сердито имъ помахалъ.

Вотъ оно, что выходитъ, когда заставляютъ людей носить большія кобуры и такіе опасные револьверы! Возьметъ иной разъ револьверъ и выпалитъ. Выпалилъ вотъ три года назадъ, въ Николинъ день, револьверъ и снесъ у ни въ чемъ не виноватаго Теткина Вареника кончикъ пальца. Остатокъ же пальца одеревенѣлъ, „скоцюрубился", прямо какъ чурбашекъ сдѣлался и ни выпрямить его, ни разогнуть... Кому пріятно! А вѣдь Теткинъ Вареникъ человѣкъ вродѣ какъ бы военный, приставленъ къ оружію и долженъ смотрѣть за порядкомъ, когда безъ пальца!

— Ты, Хаимка, не очень-то разговаривай; ты, знаешь, лучше помолчи!

— Я-жь ничего,—опасливо спохватился Пожаръ.—Развѣ я что?.. Я ничего!..

Онъ какъ будто даже поблѣднѣлъ немножко. И даже какъ будто стихъ пожаръ на его лицѣ.

Теткинъ же Вареникъ продолжалъ:

— Така ваша нація, Хаимъ... Все вамъ не такъ, все вамъ не нравится...—И затѣмъ, перемѣнивъ тонъ на добродушный и простецкій, онъ спрашиваетъ:

— А табачокъ е?

Онъ не успѣваетъ однако взять табаку изъ любезно протянутой къ нему Хаимомъ Пожаромъ табакерки. Отдергиваетъ прочь начальственную руку и проворно поднимается съ мѣста...

— Надо мнѣ тотъ... скорѣе въ участокъ... на дежурство надо...

Вретъ старый.

Какое тамъ дежурство?

Но подходитъ къ навѣсу Акимъ Кобылюкъ,—должно быть, хочетъ отдохнуть,—и бравый представитель власти считаетъ для себя болѣе удобнымъ убраться подальше... Неподходящій онъ человѣкъ для полицейскаго, этотъ Кобылюкъ! Богъ съ нимъ совсѣмъ... Дѣла у него всякія съ полиціей, счеты, а ростъ, кулаки, мускулы такіе, что хуже револьвера... Богъ съ нимъ совсѣмъ...

Ковыляющей походкой старой клячи, которую гонятъ на живодерню, Теткинъ Вареникъ отходитъ прочь и устраивается позади кирпичной стѣны водопроводнаго сосуна.

Кстати же, отъ появленія Акима Кобылюка разыгрался животъ у Вареника. Такъ рѣзать стало, что даже искривился на бокъ беззубый ротъ...

Акимъ же Кобылюкъ подходитъ къ навѣсу и садится на большую, слоистую, торчащую изъ земли котлообразную глыбу розоватаго гранита.

Акимъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, тяжелъ и, видимо, очень силенъ. Взялся онъ пальцами за гранитъ и кажется, что и пальцы гранитные...

Волосы у Акима русые, борода совсѣмъ свѣтлая, какъ свѣжая кукуруза, и глаза сѣроголубые... Блѣдноватое, свѣтлое лицо таитъ въ себѣ что-то неожиданное,—загадочное и странное. Спокойными линіями своими, ясными тонами должно бы лицо производить впечатлѣніе мягкое, тихое, вотъ какъ тихъ и мягокъ этотъ шелковый Тетеревъ. А между тѣмъ вѣетъ отъ Акима мракомъ и злобой. И правъ былъ Теткинъ Вареникъ, когда, разсуждая о больномъ воронѣ, сказалъ, что глаза у него—какъ у Акима Кобылюка...

Страннымъ, трудно объяснимымъ образомъ, черный и неподвижный больной воронъ дѣйствительно заставлялъ всегда вспоминать этого бѣлокураго голубоглазаго человѣка... Общее, одинаковое было у нихъ во взглядѣ, въ выраженіи тяжкой угрозы и неугасающей ненависти глубокихъ, слегка сощуренныхъ глазъ... Кромѣ того, оба хромали, — и воронъ, и Акимъ, — и хромали какъ-то на одинъ и тотъ же ладъ: на ходу слегка приподнимутся, такъ что лѣвое плечо сдѣлается значительно выше праваго,—а потомъ вдругъ—бухъ!—спустятся, припадутъ, точно нырнутъ куда-то...

Воронъ хромать сталъ послѣ драки въ лѣсу. Акимъ послѣ того, какъ изувѣчили его въ участкѣ.

Тѣмъ, которые знали Акима давно, было извѣстно, что пасмурное, злобное выраженіе явилось у него только въ послѣдніе годы. Раньше лицо было какъ лицо, добродушное и ясное. Даже что-то бабье было когда-то въ этомъ лицѣ. Широкая улыбка озаряла его часто, и разбѣгалось тогда около глазъ и по щекамъ такое, что дѣлало его похожимъ на веселую, молодую попадейку, ласковую и глуповатую. Голосъ въ такихъ случаяхъ становился особенно легкимъ, мальчишески звенящимъ. Теперь рѣдко видѣли улыбку на лицѣ Акима. И смѣха его никто не слыхалъ. Слыхали за то окрики, короткіе и хриплые, тяжелые, какъ кирпичи, сердитые, какъ карканіе ворона.

— Объ чемъ?—коротко буркнулъ Кобылюкъ, поднявъ къ Матвѣю и Хаиму глаза...

И по спинѣ Матвѣя, человѣка мирнаго и спокойнаго и къ Акиму мало привычнаго, точно ежовой шкурой провели.

— Э, объ чемъ,—уклончиво проговорилъ Хаимъ.

Онъ поднялъ обѣ ладони въ уровень ушей, горѣвшихъ на солнцѣ, какъ подкова, которую куютъ, и растопырилъ всѣ пальцы.—Мы себѣ такъ... вообще.

Не хотѣлось ему ввязываться въ бесѣду съ Акимомъ, жутковато было. И всего лучше было бы, еслибы ушелъ этотъ тяжелый человѣкъ подальше.

— Ну, а все-таки: объ чемъ у васъ разговоръ?

— Такъ, между прочимъ, имѣемъ себѣ разсужденіе.

Хаимъ сказалъ это тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ всегда, когда къ бесѣдѣ вынуждаютъ и когда хочешь положить конецъ разговору.

— Разныя байки... про жизнь... Какой надо себѣ имѣть въ жизни ходъ.

— Ходъ какой?

— Т. е., напримѣръ, для своей совѣсти... для души...

„Ничего, глаза у него свѣтлые... и лицо-таки вполнѣ деликатное, а прямо вотъ какъ будто уже и размахнулся надъ твоей головой, — тревожно думалъ Хаимъ, стараясь не глядѣть на Акима.—И что это такое значить... Никому отъ него никакого безпокойства, и даже имѣлъ я отъ него прошлый вторникъ очень подходящую защиту, когда напали на меня съ Чубаевской экономіи мальчишки, а все-таки... Ну вотъ, какъ еслибы, напримѣръ, сѣлъ ко мнѣ на плечи этотъ воронъ и сталъ долбить по головѣ носомъ“...

— Совѣсть, --медленно протянулъ Акимъ.—Совѣсть... А ты видалъ у кого совѣсть... Нѣту совѣсти!..—рѣзко сказалъ онъ вдругъ, стискивая цѣпкими пальцами гранитъ, на которомъ сидѣлъ.—Ни совѣсти нѣту, ни души.

Никто не возразилъ.

И съ видимо возроставшимъ раздраженіемъ Акимъ добавилъ:

— А сукиныхъ сыновъ,—это сколько угодно.

Всѣмъ сдѣлалось жутко. Точно накрыли компанію толстымъ, чернымъ покрываломъ и стало подъ нимъ людямъ душно и тѣсно... Не говорили и въ глазахъ у всѣхъ была тревога и несмѣлая досада...

Солнце между тѣмъ уже сѣло. Быстро таяло и исчезало--и въ небѣ, и на землѣ—розовое и золотистое, и властнѣе утверждалось сѣрое. Замѣтнѣе сталъ тоненькій бѣлый серпъ мѣсяца... Воронъ на крышѣ навѣса попробовалъ пройтись,—тяжелая веревка, державшая его за ногу, глухо за-

шуршала по высохшимъ доскамъ. Со злости воронъ наступилъ черной лапой на жестянку, въ которой были кукурузныя зерна. Зерна разсыпались и, подпрыгивая, покатились внизъ по скату... Водопроводный сосунъ шумѣлъ, какъ плотина; красныя кирпичныя стѣны его, на которыя уже не лился больше золотистый солнечный свѣтъ, сразу какъ-то посѣрѣли, поблекли... А, можетъ быть, поблекли онѣ оттого, что и на нихъ упалъ сумрачный холодъ Акимовыхъ глазъ Акимовыхъ словъ...

— Лодку!..—раздался издали, изъ-за сосуна, рѣзкій голосъ.—Живо ворочайся! Кто тутъ половчѣе...

Къ навѣсу, по желтой тропинкѣ, вдоль стѣны сосуна, шелъ околоточный надзиратель Стебельковъ. Совсѣмъ подстать Теткину Варенику былъ этотъ надзиратель, небольшой ростомъ, неказистый, корявый и мятый. Только много моложе былъ: лѣтъ, этакъ, тридцати, тридцати трехъ... Тоже бритый, тоже усатый, тоже сѣролицый и щуплый. Въ столицахъ такихъ полицейскихъ и не увидишь, тамъ все народъ рослый, крѣпкій. Въ провинціи же вотъ этакіе замухрышки попадаютъ довольно часто. И еслибы снять съ нихъ мундиръ, лаковые сапоги и оружіе,—какой бы печальный и несчастный видъ являли они собой... Однако, чѣмъ менѣе внушительна внѣшность такого полиціанта, тѣмъ болѣе величественъ онъ въ обхожденіи съ ввѣреннымъ ему обывателемъ. Кричитъ, ругается скверно, взятки деретъ съ остервенѣлостью, а кулаки пускаетъ въ ходъ такъ стремительно, что иной разъ вывихиваетъ собственные пальцы.

Отъ рѣзкаго, хрипловатаго, какъ бы надтреснутаго голоса Стебелькова вся компанія подъ навѣсомъ встрепенулась. Сильнѣе прочихъ забезпокоился Пожаръ. Вины за нимъ никакой не было,—„справный“ былъ онъ человѣкъ,—затрепеталъ однако такъ, какъ еслибы былъ бѣглый каторжникъ. Вскочилъ съ мѣста, сорвалъ съ головы алую фуражку и низко поклонился... Дани Стебельковъ получалъ у него полтора рубля въ мѣсяцъ,—а что могъ бы сдѣлать Пожаръ, еслибы тотъ потребовалъ и цѣлыхъ три...

— Живо, живо лодку!—стараясь быть дружелюбнымъ,—сказалъ околоточный.—Шевелись!

Два мальчика помчались внизъ, къ лодкамъ. Послѣ минутнаго колебанія привсталъ и Матвѣй. Одинъ Кобылюкъ оставался недвижнымъ на своемъ гранитѣ и на околоточнаго даже не посмотрѣлъ...

— Гресть хорошенько, хлопцы!—отрывисто прохрипѣлъ Стебельковъ съ той именно сердитой, придирчивой властностью, съ какой всегда командуютъ не платящіе за работу и за взятый товаръ полицейскіе.—Къ лѣсничему на дачу.

— Знаю, ваше благородіе. Лѣсничій сегодня именинники... Уже сколько гостей туда перевезли... И Ивана Прокофьича я только что отвезъ туда.

— Ишь ты, а ты про все знаешь,—Стебельковъ поставилъ ногу на закачавшуюся лодку. Лакированныя голенища и бѣлый китель широкими пятнами отразились въ водѣ.— Греби, братъ, молодцомъ... Ага, и ты тутъ!—крикнулъ вдругъ Кобылюку околоточный.—А мнѣ тебя какъ разъ и надо. Завтра съ утра въ участокъ приходи.

Не поднимая головы, сумрачно глядя въ сторону, на кирпичныя стѣны сосуна, Акимъ сквозь зубы проговорилъ:

— Зачѣмъ я въ участокъ? Я тамъ не служу.

— Какъ? Что?.. Ты это что?

Околоточный уже не говорилъ, а оралъ, оралъ тѣмъ визгливымъ, полнымъ злобы и наглости голосомъ, какимъ всегда орутъ люди сильные, не боящіеся возраженій, ни противодѣйствія. Насколько Стебельковъ былъ хамски-угодливъ и пресмыкательски-почтителенъ съ начальствомъ, или вообще съ видными и вліятельными въ городѣ людьми, настолько же золъ, распущенъ и бѣшено-нетерпѣливъ былъ онъ съ тѣми, кого не боялся. Не только полиціймейстеръ или помощникъ его, но даже юнкеръ Добрянскій, сынокъ городского головы, могъ сколько угодно топать на него ногами и публично осыпать матерной бранью. Стебельковъ въ этихъ случаяхъ улыбался покорно, нѣжно, даже какъ будто одобрительно и съ удовольствіемъ. Но за то, когда наскакивалъ онъ на маленькаго беззащитнаго обывателя, отвагѣ его не было конца. Онъ закипалъ и бурно гнѣвался изъ-за мельчайшаго пустяка. Сколько почтительности къ нему ни проявляй, всегда найдетъ основанія для крика, для зуботычинъ, для самой разнузданной и гадкой брани...

— Въ участкѣ не служишь? Ты не служишь?.. А магазинъ Шварценберга кто обокралъ, а?.. Можетъ быть, ты не знаешь?..

— Не знаю.

— Не знаешь?.. Сукинъ ты сынъ!. Ну, вотъ завтра утромъ придешь, я съ тобой поговорю на этотъ счетъ... Мальчикъ, греби!

Мальчикъ оттолкнулъ лодку и сразу широкая полоса лиловой вечерней воды легла между ней и берегомъ.

— А если хочешь, то я и сейчасъ тебѣ морду настукаю!.. Соскучилась по кулаку?!.

Стебельковъ поднялся съ перекладины и даже сдѣлалъ шагъ впередъ. Лодка сильно покачнулась и лѣвымъ бортомъ едва не зачерпнула воды. Потерявъ равновѣсіе, околоточный странно колыхнулся и, противъ желанія, снова опустился—

почти упалъ на перекладину. Онъ былъ такой невзрачный, плюгавый, а Кобылюкъ такой большой, сильный, широкоплечій!.. Вотъ возьметъ онъ этого кипятящагося человѣчка въ мундирѣ, переретъ на двѣ половинки и расшвыряетъ эти двѣ половинки — какъ два полѣна—по сторонамъ, одну на этотъ берегъ, другую на тотъ...

— Ты у меня поразсуждай, поразсуждай, ворюга!—истерически оралъ околоточный. — Я тебя, подлячую морду, научу разговаривать...

Мальчикъ-перевозчикъ сильно налегалъ на весла, лодку быстро уносило прочь и голосъ разъяреннаго Стебелькова доносился къ навѣсу уже нѣсколько смягченнымъ. И все же больше походилъ онъ на злобный лай, чѣмъ на голосъ человѣка.

— Некогда мнѣ сейчасъ съ тобой, а завтра ты свое получишь!.. Готовься!

Лодка уходила. Матвѣй смотрѣлъ на нее, на тускло бѣлѣвшій въ сумеркахъ бѣлый китель Стебелькова и по желтому китайскому лицу его проползло выраженіе печали и сожалѣнія.

— Ой, Боже мой!.. Ой, Боже мой!..—тихонько простоналъ Пожаръ.—Ой, зачѣмъ же это такъ...

Ему было неловко, непріятно, онъ не зналъ, куда дѣваться, и не смѣлъ взглянуть ни на Матвѣя, ни на Акима...

Акимъ же сидѣлъ мрачный, безмолвный, темный, смотрѣлъ сосредоточенно на раненаго чернаго привязаннаго веревкой ворона, а черный воронъ смотрѣлъ на Акима.

Четыре года тому назадъ на Акима Кобылюка свалилось несчастье.

Жилъ онъ на пригородной дачѣ помѣщика Забугина, былъ садовникомъ. Получалъ порядочное жалованье, имѣлъ свой огородъ, кормилъ свинью, куръ, утокъ, даже цесарокъ. Жена занималась стиркой, продавала дачникамъ овощи, яйца, и семья Кобылюка, хоть и состояла она изъ шести душъ, существовала безбѣдно. Самый младшій ребенокъ еще ползалъ, два среднихъ мальчика ходили въ школу, были у нихъ и книжки, и пеналы, и сумки, и „переснимательныя картинки“, — все какъ слѣдуетъ; а старшая дочь, Саша, училась у портнихи. Жили хорошо, спокойно и мирно.

Но вотъ случилось, что на сосѣдней усадьбѣ адмиральши Энгельбертъ увели изъ сарая корову. Корова была цѣнная, породистая, тирольская. Адмиральша очень дорожила ею и огорчалась кражей безъ мѣры... Поставила на ноги всю полицію. Ѣздила и къ губернатору, и къ ворожкѣ, и для чего-то къ жившему на окраинѣ старому татарину, о которомъ го-

ворили, что когда-то онъ былъ муллой и умѣетъ отгадывать, и обѣщала полиціи хорошую награду, если корову разыщутъ. Если же не найдутъ коровы, то пусть хоть вора откроютъ и строжайше накажутъ,—и за это пятьдесятъ рублей награжденія обѣщала распалившаяся старуха... Зла была, мстительна, очень властна и высокомѣрна и никакъ не могла помириться съ мыслью, что ее — ее, адмиральшу, вдову севастопольскаго героя, обокрали...

Полиція за розыски взялась съ усердіемъ и горячностью чрезвычайной. Однако горячности было много, а ума и знанія дѣла, должно быть, не вполнѣ достаточно. И ничего найти не сумѣли. Около калитки Кобылюка оказались между тѣмъ слѣды коровьяго навоза. Черезъ три дня послѣ увода адмиральской коровы Акимъ купилъ дѣтямъ новые полусапожки. А лавочникъ Середа, съ которымъ, впрочемъ, Кобылюкъ постоянно враждовалъ, соперничая изъ-за кліентовъ—покупателей овощей и яицъ,—лавочникъ Середа донесъ, что когда ночью „по случаю живота“ онъ вышелъ на дворъ, то видѣлъ, какъ кто-то съ фонаремъ пробирался отъ Кобылюкова жилья къ усадьбѣ адмиральши... И лѣсникъ Жмайло, кумъ Кобылюка, тоже подтвердилъ, что точно, огонекъ былъ, видѣлъ огонекъ и онъ...

— Гляжу, а оно и свѣтится. Офицыально! — съ достоинствомъ объяснилъ Жмайло. Гордъ былъ своей службой, образованностью и такъ былъ счастливъ, что съ нимъ говоритъ начальство!

А было, кромѣ всего этого, еще такъ, что въ роду Акимовомъ начитывали нѣсколько конокрадовъ. И дѣдъ его былъ судимъ и наказанъ за уводъ коней,—этому уже лѣтъ тридцать пять. И двоюродный братъ былъ лошадиный барышникъ и промышлялъ ворованными лошадьми. И дядька былъ такой, котораго накрыли въ тотъ моментъ, когда онъ у ротмистра Яхненка уводилъ тысячнаго рысака. Били дядьку тогда телѣжной осью и веревками, на которыхъ просушивали бѣлье. Ахъ, какъ били! Самая фамилія эта—Кобылюкъ—прилипла, говорятъ, къ ихъ роду оттого, что былъ онъ „по лошадиной части“. Раньше же была фамилія другая—Касьяновъ.

Власти взялись за Акима.

Уликъ противъ него серьезныхъ не было. Сапожки дѣтямъ купилъ. А надо было ребятамъ въ школу, послѣ каникулъ начиналось ученіе, вотъ и купилъ. Деньги же у Акима въ ту пору были и безъ кражи. Сорокъ пудовъ картошки онъ продалъ, это было доказано на судѣ... Коровій навозъ у калитки? Но навозъ былъ просохшій, несвѣжій, и если ужь на то пошло, то подчищенные слѣды навоза, най-

денные совсѣмъ близко отъ лавочки Середы, были очень недавняго происхожденія. Впрочемъ, коровы разныхъ владѣльцевъ каждый день проходили и около лавочки Середы, и мимо жилья Акима. И если показывалъ Середа, что кто-то ходилъ ночью съ фонаремъ, то развѣ мыслимо это, чтобы человѣкъ, идущій уводить чужую корову, сталъ освѣщать себѣ дорогу фонаремъ? Сдурѣть вѣдь надо! Ужь кто на кражу идетъ, тотъ изучилъ дорогу заранѣе и не станетъ освѣщать себя фонаремъ, выдавать себя. Плохо придумалъ свое положеніе Середа! И можетъ быть лучше бы было, если-бы у него самого сдѣлать обыскъ. Поискать,—и не нашлась ли бы гдѣ,—на погребицѣ, что ли, или на задахъ въ крапивѣ, та веревка, которою привязывали адмиральскую тирольку къ стойлу.

Акима судили,—и осудили.

Четырнадцать мѣсяцевъ тюрьмы и лишеніе нѣкоторыхъ правъ.

Вышелъ онъ изъ тюрьмы какъ будто выросшимъ,—до того сильно исхудалъ. А между тѣмъ и сгорбился.

И уже тогда появилось въ его взглядѣ и фигурѣ то особенное, сумрачное, тяжкое, что потомъ, съ годами и отъ другихъ событій, такъ сильно сгустилось и отчеканилось въ немъ и что теперь придавало ему такое удивительное сходство съ беззвучно нахохлившимся на крышѣ, побѣжденнымъ больнымъ ворономъ... Жуткій человѣкъ. Нельзя при такомъ человѣкѣ оставаться спокойнымъ. Весь свѣтлый, бѣлокурый, — а кажется, что идетъ отъ него глухая тьма и угрозой и опасностью напоена эта тьма, недобрымъ и нежданнымъ. При Акимѣ остерегайся! Не будь безпечнымъ, не впадай въ разсѣянность, постоянно карауль и его, и себя... И если какъ-нибудь не доглядѣлъ, не поберегся, не принялъ во-время оборонительныхъ мѣръ, — то кто-жь его знаетъ!—свалится на тебя что-то злое, и клюнетъ тебя прямо въ грудь черное, острое, тяжелое,—какъ тяжелъ этотъ черный клювъ чернаго ворона...

За время пребыванія Акима въ тюрьмѣ семья его обѣднѣла, опустилась. Помѣщикъ Забугинъ выселилъ ее изъ своей усадьбы,—не хотѣлъ воровъ,—и приходилось за квартиру платить. Самъ-то Забугинъ ничего, не тронулъ бы этихъ людей. Но супруга была у него женщина строгая и трусливая и все боялась, что „шайка Акимова" ограбитъ и ее. Выселила.

Жена Акимова работала теперь и за себя, и за мужа, а все трудно было ей прокормить ребятъ,—вѣдь четверо!

Старшаго мальчика, одиннадцатилѣтняго Федьку, при-

шлось взять изъ школы и пристроить перевозчикомъ. Не по возрасту, а главное не по здоровью была работа. Если лодка маленькая, пассажировъ немного, человѣка два-три,—ничего, мальчикъ гребетъ, кое-какъ справляется. Но случалось, что пассажировъ придетъ больше, шесть, семь душъ сядетъ, а лодка „Адмиралъ Макаровъ“ большая тяжелая, и тогда Федькѣ уже трудно. Пыхтитъ, пыжится, напрягается, обливается потомъ, надрываетъ свои бѣдныя, дѣтскія силенки...

— Не здужаешь?—спроситъ пассажиръ.

— Ничего,—грустно ухмыльнется Федька. Самолюбія у него тьма, и нельзя допустить, чтобы другіе перевозчики важничали передъ нимъ и считали его „здохлымъ“.—Ничего. Вы только не хилитесь на бокъ. Надо чтобы былъ равновѣсъ... Когда равновѣсъ, то ничего.

А самъ отъ усилій весь багровый и дышетъ онъ, какъ собака, которая пробѣжала верстъ десять,—часто и обрывисто. Иной разъ даже икота начнется... Быстро поднимается и опускается мокрая отъ пота грудь съ разстегнутымъ воротомъ. На груди, на черномъ съ узелками шнурочѣ, обхватывающемъ тонкую шею, мѣдный крестъ... Доведетъ мальчикъ лодку до мѣста, и чтобы успокоить трепыхающееся сердце и горящіе мускулы, тутъ же бухнетъ въ воду. Купается и пьетъ, утоляя внутреннее пламя.

Звали теперь мальчика не по имени его—Федька, и не по фамиліи—Кобылюкъ, а по поступкамъ отца—Коровнюкъ. И на всю семью наклеили эту кличку. И Акима, когда вышелъ онъ изъ тюрьмы и вернулся домой, тоже прозывали Коровнюкъ.

— Пока батьки крали лошадей, то и былъ Кобылюкъ. А какъ теперь пошло на нову моду, сталъ Акимъ на счетъ коровъ стараться, то нехай же онъ будетъ Коровнюкъ...

Новой службы Акимъ долго не могъ найти,—кому охота связываться съ воромъ? Вышелъ изъ тюрьмы на Спаса, а мѣсто получить удалось только къ Рождеству. Былъ одинъ казначейскій чиновникъ, человѣкъ рѣшительный, почти отважный, и онъ не побоялся взять на свою дачу Акима дворникомъ. Акимъ съ семьей поселился въ небольшой хибаркѣ подлѣ сараевъ и зажилъ потихоньку въ тяжкомъ, сложномъ, но радостномъ трудѣ. Что работы было! И садовникъ, и печникъ, и плотникъ, и кровельщикъ, и маляръ. Акимъ и вообще работникъ былъ не плохой, — смѣтливый и ловкій. Чиновнику же былъ онъ благодаренъ за то, что не пренебрегъ имъ, пріютилъ его, и ревностнымъ большимъ трудомъ хотѣлъ оправдать довѣріе человѣка. И думалъ кромѣ того: увидятъ люди, какъ строго и честно живетъ онъ, какъ

тяжко трудится, и, можетъ быть, забудутъ прошлое и не станутъ больше презирать...

Онъ работалъ въ саду на огородѣ, строилъ купальню и бесѣдку, починялъ лодку, рылъ колодезь, красилъ веранды и крыши. Сосредоточенный, безмолвный, суровый, — какая вѣдь горечь на сердцѣ, какія думы!—сидитъ, разводитъ въ ведеркѣ охру. И сидитъ подлѣ него трехлѣтній голубоглазый Федотъ и внимательно смотритъ, какъ работаетъ отецъ,—чудеса вѣдь все!..

Поднимется Акимъ съ ведеркомъ, по которому желтыми глянцевитыми слезами стекаетъ охра, пойдетъ на веранду. И тотчасъ же поднимется и Федотъ и, тоже молча, идетъ за отцомъ... Отецъ работаетъ, водитъ кистью взадъ и впередъ, а мальчикъ ни на шагъ, ни на минутку не отойдетъ...

Окончитъ Акимъ окраску, пойдетъ въ садъ, расчищать дорожки, заравнивать земляные бугры, которые за ночь выбросилъ проклятый кротъ-землерой, и снова плетется за нимъ крохотный Федотъ, неотступно плетется и ни на минутку не покинетъ отца, какъ еслибы былъ онъ къ отцу прикованъ цѣпочкой, или какъ еслибы составлялъ онъ часть Акимова тѣла, ногу, напримѣръ, или руку... Очень любилъ отца маленькій хлопчикъ, и такъ занимало его и восхищало все то удивительное и прекрасное, что дѣлалъ отецъ.

И оба проводили они вмѣстѣ долгіе часы,—безмолвный отецъ и такой же безмолвный и серьезный ребенокъ.

И у отца, и у сына широкіе голубые глаза. Но у мальчика глаза простые, ясные, тихіе. А у отца сквозь свѣтлую синеву смотритъ черная суровость, сквозитъ та напряженная, опасающаяся и опасенія вызывающая сосредоточенность которая дѣлаетъ этотъ взглядъ похожимъ на взглядъ побѣжденнаго, ненавидящаго чернаго ворона.

Жизнь Акима не была спокойной.

На другомъ берегу Тетерева, на мельницѣ Шептовича, произошла кража, увезли десять кулей муки. И пришла полиція съ обыскомъ къ Акиму. Шарила, искала, осмотрѣла погреба, всѣ чердаки, пустыя комнаты дачи. Дѣло было зимой. Долго тыкала длиннымъ шестомъ въ колодези—не спрятано ли тамъ чего... Ничего не нашла. Но въ кухнѣ оказалась опара, а въ корытѣ—слѣды засохшаго тѣста. Акимъ объяснилъ: жена печетъ дома хлѣбъ. Хлѣбъ пекли три дня назадъ,—вотъ онъ, и совсѣмъ уже черствый,—а муку на мельницѣ украли только минувшую ночь. Да и мука совсѣмъ не того сорта: украдена мука бѣлая, для кренделей, а тѣсто въ корытѣ „розовое"... Дѣло ясно. И придраться собственно не къ чему было. Акима однако

забрали, долго допрашивали и оставили ночевать въ участкѣ... Въ городѣ и по всему Тетереву, въ деревняхъ, Рудневѣ и Гуйвѣ и въ Псовомъ-Кутѣ, разнесся слухъ, что воровъ нашли,—на нихъ указалъ Акимъ...

— Теперь онъ у насъ уже не Коровнюкъ, а Мукосѣй,— усмѣхаясь, ехидничалъ лѣсникъ Жмайло.

— А ты, сукинъ сынъ, молчи!—мрачно огрызнулся вдругъ Середа.—Смотри-ка лучше за собой, можетъ, еще ты и самъ въ этой мукѣ выпачканный.

Лѣсникъ удивленно посмотрѣлъ на Середу.

— Тю, дурной!.. Чего ты такъ?.. То прежде самъ все говорилъ, говорилъ, а теперь ругается. Оффицiально.

— Ступай ты къ черту!.. А то сейчасъ лопатой по потылицѣ!

Лицо у Середы мрачно, въ глазахъ тоска и тревога... Съ тѣхъ поръ, какъ Акимъ вернулся изъ тюрьмы, Середа чувствуетъ себя совсѣмъ скверно. И не ожидалъ онъ, и не думалъ, что такъ дорого обойдется ему показанiе противъ Акима! Дѣло простое вѣдь. Спасалъ себя, хотѣлъ отвести подозрѣнiя отъ себя и свалилъ на другого. Всякiй бы такъ сдѣлалъ. А вотъ однако пошли ночи безъ сна, да и днемъ мѣста себѣ никакъ не найти...

Прочитавъ какъ-то въ „Голосѣ Тетерева", копѣечной газетѣ, что въ городѣ устраивается день бѣлаго цвѣтка и что дѣло это доброе, для бѣдныхъ и больныхъ людей очень полезное, Середа бросилъ лавку, пошелъ въ городъ и тайно отъ жены опустилъ въ кружку золотую монету...

— Може, Господь Богъ и проститъ.

Но чувствовалъ, что прощенiя все же не будетъ. И за ту тревогу и тѣ угрызенiя, которыя теперь испытывалъ, не взялъ бы, кажется, не то что коровы адмиральшиной, а и цѣлаго стада...

По дѣлу о кражѣ муки Акима не привлекли,—слишкомъ ужъ было очевидно, что онъ тутъ не при чемъ. Но каждый разъ, когда случалась по близости кража и о ней заявляли въ полицiю, полицiя—тонкiй инструментъ!—непремѣнно являлась къ Акиму. Никогда ничего не находила, но безъ обыска у Кобылюка не обходилось. И допытывали его всегда настойчиво. Скажи! Сознайся! Тебѣ самому ничего не будетъ, ты только укажи, кто укралъ... А будешь покрывать, плохо тебѣ придется...

И, случалось, при допросѣ били.

Все болѣе и болѣе мрачнымъ становился Акимъ, все болѣе безмолвнымъ. Безмолвнымъ онъ былъ уже и со своими домашними, съ женой и дѣтьми. Даже съ маленькимъ, какъ собачонка, неотступно ходившимъ за нимъ, Федо-

томъ не говорилъ онъ почти никогда. Посмотритъ на сына, серьезно, внимательно,—и вздохнетъ... А маленькій, свѣтлоглазый мальчикъ глядитъ на отца и, привыкшій во всемъ ему подражать,—тоже вздохнетъ... Тяжело такъ, по-стариковски, точно большимъ и непоправимымъ горемъ придавленный, вздохнетъ, и даже заколышатся плечики его и маленькая грудка съ перекрученной подтяжкой наискось.

Каждый разъ, когда являлись къ Акиму съ обыскомъ, Акима охватывалъ страхъ. Разсердится на него баринъ, надоѣстъ барину это безпокойство и неприличіе, онъ Акима прогонитъ. Но баринъ былъ человѣкъ разсудительный, сердечный и, не смотря на то, что и въ участкѣ ему настойчиво совѣтовали освободиться отъ опаснаго человѣка Кобылюка, онъ дворника своего не прогонялъ, а, наоборотъ, какъ могъ, защищалъ его и отстаивалъ.

— Дайте же, господа, человѣку подняться!.. Ну, я прогоню его, и другой его не возьметъ, и третій,—куда жь ему тогда? Погибать, въ разбойники идти? Сами же гоните человѣка на преступленіе...

Около двухъ лѣтъ продержался Акимъ на мѣстѣ. Потомъ случилась новая бѣда...

Лѣсникъ Жмайло предложилъ ему заняться ловлей бабъ и ребятишекъ, таскающихъ изъ казеннаго лѣса хворостъ и еловыя шишки. Хибарка, въ которой живетъ Акимъ, расположена такъ счастливо, что очень удобно наблюдать изъ нея идущихъ изъ лѣсу мальчишекъ съ накраденными вязанками. Всѣ проходятъ мимо и всего шагахъ въ двадцати. Если притаиться у окошка, то можно вора подпустить совсѣмъ близко. А потомъ выскочить,—и цапъ!—схватить его...

— Отъ господина лѣсничаго за каждаго, котораго поймаешь, награжденіе отдѣльно.

Акимъ ничего не отвѣтилъ. Но глаза его потемнѣли. И подумалъ онъ, что, вѣрно, кто-нибудь получилъ „награжденіе отдѣльно“ и за то, что—цапъ!—поймалъ и засадилъ въ тюрьму и его самого... Можетъ быть, Жмайло получилъ...

— Еслибы ты не кумъ, то я бъ тебѣ такого дѣла даромъ не далъ бы,—продолжалъ лѣсникъ.—Ну, какъ ты свой человѣкъ, оффицыально, то заработай и ты.

— Іуда ты,—тихо сказалъ Акимъ.—И вся твоя служба іудина. Меня въ это не всадишь.

И пошелъ на рѣку, колоть для ледника ледъ. За нимъ пошелъ и Федотъ. Снѣгъ былъ рыхлый и свѣжій, и мальчикъ, шагая, старался попадать въ глубокіе слѣды, которые оставлялъ отецъ.

— Ишь ты!.. подумалъ Жмайло.—Это ты меня такъ за мое же добро?.. Ну, постой, я тебя пришью.

— Читака, газету читаетъ,—ворчалъ онъ потомъ, уходя и оглядываясь на замерзшую рѣку, гдѣ среди зеленоватыхъ льдинъ звонко дѣйствовалъ ломомъ Акимъ.—Все съ газетой... „Голосъ Тетерева"... Я жь тебѣ свой собственный голосъ перерву, собака... Накладу тебѣ съ твоей газетой, ворюга каторжный.

Съ Акимомъ Жмайло однако не разссорился. Напротивъ: какъ будто даже дружелюбнѣе сталъ, ласковый сдѣлался и сладкій.

А недѣли двѣ спустя, въ сочельникъ, случилась такая исторія.

Подъ вечеръ, когда беззвучно угасала надъ рѣкой оранжевая полоса заката, изъ лѣсу, мимо Акимовой хибарки, тащились небольшія, низенькія сани, и на нихъ лежало нѣсколько черныхъ молодыхъ дубковъ.

Выслѣживавшій похитителей Жмайло сидѣлъ, притаившись за широкимъ кустомъ боярышника, покрытомъ снѣгомъ. Кусту этому, говорила легенда, больше двухсотъ лѣтъ. Онъ пользовался оттого общимъ ласковымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Когда-то здѣсь было просторное поле. Теперь же мѣстность разбили на небольшіе дачные участки и каждому изъ сосѣднихъ дачевладѣльцевъ хотѣлось выкопать кустъ и пересадить на свою землю. Но боялись, что корни куста сильно разрослись—двѣсти вѣдь лѣтъ!—и если, пересаживая, корни повредить, то умретъ кустъ. И того боялись, что если присвоить кустъ, перенести къ себѣ, подымется общій ропотъ, пойдутъ ссоры, пожалуй, дойдетъ дѣло до суда... И потому куста трогать никто не рѣшался, и онъ росъ, широкій, густой и важный, прямо посреди улицы, и колеи дороги почтительно обходили его, какъ обходитъ несмѣлая тропинка крутой утесъ или большую постройку...

Скрытый этимъ кустомъ, Жмайло подпустилъ сани съ дубками совсѣмъ близко; потомъ съ пугающимъ свистомъ и гикомъ внезапно выскочилъ изъ засады и обѣими руками, порядкомъ озябшими и оттого не слушавшимися, вцѣпился въ оглоблю.

На саняхъ въ это время взвилась длинная, очень тощая фигура,—должно быть, маленькій паренекъ,—и отчаянно задергалъ вожжами. И точно пачками стрѣляли по лошадкѣ,—посыпались на нее удары. Билъ, не зная самъ для чего,—просто отъ злости, что-ли,—Жмайло.. Лошадка до сихъ поръ шла медленно и спокойно: вѣрно, не очень сыта была и не очень здорова. Задумчиво пофыркивала и трясла

сѣдой и жидкой бородой. Теперь же, ошарашенная, испуганная рванулась впередъ и въ сторону, опрокинула лѣсника и въ страхѣ помчалась по уклону, вдоль рѣки.

Дубки съ саней попадали. Зацѣпившись кривыми сучками, точно руками, они нѣсколько саженей тащились за задкомъ саней, расчерчивая снѣгъ тревожными узорчатыми зигзагами. Потомъ оторвались и черными, недвижными полосами врѣзались въ снѣгъ, голубоватый и чуть оранжевый отъ закатныхъ облаковъ.

Жмайло крѣпко ругался и проклиналъ. Поднимался съ земли и, скользя, опять падалъ. Въ снѣгъ падать было какъ въ перину, мягко и пріятно. Но, падая, Жмайло ребрами и бедромъ наткнулся на оглоблю. Теперь, поднимаясь, онъ чувствовалъ боль. А когда сталъ шагать, то какъ-то странно подворачивалась нога и что-то болѣзненно стрѣляло въ ней... Борода Жмайла была въ снѣгу, и полушубокъ и валенки въ снѣгу, и оттого лѣсникъ похожъ былъ на большую рыбу, которую кухарка, прежде чѣмъ бросить на сковородку жарить, вываляла въ мукѣ.

На крики и ругань лѣсника вышелъ изъ своей хатки Акимъ. Потомъ показалось еще человѣка три-четыре...

— Мнѣ звѣстно, кто былъ въ саняхъ, мнѣ звѣстно, кто воръ!—оралъ Жмайло.

Онъ злился, какъ запертый въ клѣтку звѣрь, котораго дразнятъ. И, какъ этотъ же звѣрь, былъ онъ безсиленъ... Онъ стряхивалъ съ себя снѣгъ и топалъ толстыми, бѣлыми валенками.

— Мнѣ звѣстно оффицыально... Я донесу!...

А въ томъ собственно и было его главное огорченіе и главная обида, что совсѣмъ не было ему извѣстно, кто именно умчался въ саняхъ... А, еслибы знать... Но уже погасли желтоватые отблески зари, мутныя сумерки легли надъ землей, и трудно было въ нихъ разглядѣть мчавшуюся вдали фигуру... А когда была фигура здѣсь, и держалъ Жмайло сани за оглобли, онъ не разглядѣлъ вора изъ-за волненія. Вѣдь одно только мгновеніе длилась вся эта сцена. Неизвѣстенъ воръ!.. И уйдетъ онъ, значитъ, совсѣмъ и останется безнаказаннымъ. Какая обида!..

Два дубка, упавшіе съ саней, тихо и невинно чернѣли на сѣ о атомъ снѣгу,—какъ будто совсѣмъ не изъ-за нихъ стоналъ и вылъ злобный лѣсникъ, и не изъ-за нихъ во весь опоръ мчалось тамъ, впереди, по замерзшей рѣкѣ, темное пятно маленькихъ санокъ...

— Забирай дубки себѣ,—предложилъ лѣсникъ Акиму.— Кабы у меня тутъ лошадь, я бы на лѣсничую дачу отвезъ. А теперь куда мнѣ ихъ... Забирай, кумъ, себѣ.

— А мнѣ на чорта?

— Дрова.. Топить будешь... А то хоть продай, все равно.

Акимъ посмотрѣлъ на черненькіе, тоненькіе дубки... Раскинули они по снѣгу черныя узловатыя вѣтки и молчатъ. А калитка — вонъ она, въ десяти шагахъ. Еслибы купилъ Акимъ эти дубки и привезъ ихъ изъ лѣсу, вотъ здѣсь именно, на этомъ какъ разъ мѣстѣ, противъ калитки, и свалилъ бы ихъ...

— И другой бери!—крикнулъ Жмайло, когда, нагнувшись и зацѣпивъ за длинную кривую вѣтку, поволокъ Акимъ деревцо къ калиткѣ. — Бери, бери, все равно... А я пойду доложу... Мнѣ звѣстно, кто въ санкахъ былъ,—снова завылъ онъ вдругъ. — Онъ думаетъ, что убѣжитъ, а мнѣ все звѣстно!..

Сумерки. Пустая замерзшая рѣка. Сосредоточенное молчаніе засыпанныхъ снѣгомъ полей и лѣса. И полный злобы и дикой угрозы волчій вой человѣка, яростно мстительнаго, но безсильнаго.

На другой день къ Акиму пришла полиція—искать краденые казенные дубки.

Привелъ полицейскихъ лѣсникъ Жмайло.

— Я по-твоему Іуда,—говорилъ онъ Акиму съ мстительной радостью.—Служба у меня Іудина... Ну, нехай Іудина. А все же я на казенной службѣ состою, оффицыально, а казенные дубки воруютъ, видно, такіе, которые читаютъ газеты.

Изъ недоброй исторіи этой Акиму удалось выпутаться скоро.

Обсчитался ехидный и недалекій Жмайло. Свидѣтельскими показаніями было установлено ясно, что лѣсу Кобылюкъ не кралъ и что дубки предложилъ ему,—чуть не навязалъ,—самъ же лѣсникъ. Въ концѣ концовъ и Жмайло признался въ этомъ.

— Еслибы у меня лошадь была, то другое дѣло,—глупо хлопая глазами, говорилъ онъ.—А безъ лошади, да за шесть верстъ на лѣсничую дачу такого дуба таскать?.. Я куму и отдалъ.

— Ну, и отдалъ, не въ этомъ дѣло. А зачѣмъ ты заявилъ, что Кобылюкъ укралъ?

— То куда-жь я дуба потащу, когда за шесть верстъ,—мрачно твердилъ свое Жмайло.—У ротъ я его себѣ положу, або що.

Акима не тронули. И даже досталось крѣпко лѣснику.

Со службы чуть не прогнали. Но обнаружилось при этой исторіи, что дача казначейскаго чиновника, хоть и отстоявшая отъ города верстахъ въ десяти, находится въ городской чертѣ. Акиму же, „за корову“ ограниченному въ правахъ, жительство въ губернскихъ городахъ было воспрещено. И стала полиція выселять Акима съ дачи...

— Устроился кое-какъ человѣкъ, живетъ, работаетъ,— отстаивалъ Кобылюка его хозяинъ, казначейскій чиновникъ,—трудится честно, а вы его съ мѣста гоните, озлобляете, на новыя преступленія толкаете.

Уладили кое-какъ и это дѣло. Нашли выходъ. Въ пяти верстахъ отъ дачи былъ хуторокъ Псовый Кутъ. Акимъ переселился туда, — тамъ жить ужь можно было, не городская была земля,—работать же ходилъ на дачу. Это осложняло жизнь, затрудняло работу. Уже не могъ Акимъ какъ слѣдуетъ справиться съ обязанностями, и уже не могъ, какъ маленькая собаченка, слѣдовать за отцомъ крохотный голубоглазый Федотъ... Трудно и тяжело было.

А потомъ казначейскаго чиновника перевели въ Кіевъ, онъ дачу свою сдалъ въ аренду. Арендаторъ же, человѣкъ жесткій и разсчетливый, понимавшій отлично, что дѣваться Акиму некуда, что службу найти ему трудно, сразу сбавилъ Акиму жалованье и столько навалилъ на него работы, что бѣднягѣ передохнуть нельзя было. И обращаться съ Акимомъ сталъ арендаторъ „по-собачьи“... Началъ Акимъ пить... Арендаторъ объявилъ, что пьяницу держать не желаетъ. Акимъ пробовалъ искать другого мѣста, — гдѣ-жь найти?...

Опасались его. А, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ съ ворами? Знали, что съ нимъ неспокойно, что у него обыски, что изъ-за него тащутъ въ участокъ. Богъ съ нимъ!.. А лицо у Акима было мрачное, а пилъ онъ теперь много... Охота связываться съ нимъ? На службу не брали.

Акимъ опускался ниже, ниже... Бродилъ отъ бездѣлья по берегу рѣки, въ лѣсу слонялся, въ поляхъ. Хороша и рѣка, и лѣсъ чудесенъ, и о покоѣ и радости говорятъ добрыя, свѣтлыя поля; а въ душѣ человѣка, какъ въ склепѣ, черно, и въ чернотѣ этой, точно длинные черви, копошатся злыя мысли о какой-то расплатѣ, о сладкой мести, о томъ, что жизнь все равно испорчена, можетъ быть, погублена.— „Такъ давай же и я другого загублю“...

Пришелъ Акимъ къ арендатору, просится на поденку Тотъ взялъ, но плату положилъ ничтожную...

Потомъ уже и на поденку не брали,—такъ только дровъ нарубить закажутъ, глины нѣсколько тачекъ привезти,

поставить и укрѣпить на мѣстѣ опрокинутый ночной бурей рѣчной мостокъ...

И теперь почти только за кусокъ хлѣба работалъ Акимъ.

И тѣ копейки, которые приносилъ домой сынокъ Федя, работавшій на Тетеревѣ, на перевозѣ, онъ отбиралъ у мальчика,—хитростью и силой,—и пропивалъ...

Лодка скрылась за небольшой косой, на которой, какъ для дружескаго пикника, кружкомъ, расположилась веселая группа растрепанныхъ ивъ. Одна ива, въ дѣтствѣ еще, была надломана и росла почти горизонтально, параллельно водѣ. Ничего, восьмой десятокъ жила!

— Вотъ онъ какой ругательный, а,—съ грустью покачалъ своей китайской головой Матвѣй. — Такой поганый языкъ, такой поганый... къ чему это?

— Такая ужъ у него должность,—смиренно объяснилъ Пожаръ и пугливо посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылась лодка,—какъ будто могъ еще услышать его слова свирѣпый околоточный...

Неловко было деликатному Пожару, какъ будто даже стыдно. И казалось все, что если посмотритъ онъ теперь на Кобылюка, горько станетъ тому и непріятно... И онъ старался на Кобылюка не глядѣть. Отвернулся и съ преувеличенной, видимо, ненужной и неискренней озабоченностью сталъ искать что-то въ своей кожаной набитой непроданными газетами сумкѣ.. Матвѣй же, напротивъ того, подошелъ къ Акиму поближе. Худой, узкогрудый, отъ болѣзненнаго озноба и скорбнаго волненія сильно разрумянившійся, онъ уставился на Акима долгимъ, неуходящимъ взглядомъ. И въ узкихъ китайскихъ глазахъ его была ласка и какая-то атласная нѣжность. Успокаивала она, лечила. „Ничего, ничего, какъ-нибудь, это все ничего, это обойдется, и ты, милый, не волнуйся, не огорчайся"...

Кобылюкъ молча сидѣлъ на гранитной глыбѣ, подперевъ обоими кулаками челюсти. Свѣтлая, раздвоенная, давно должно быть, нечесанная борода торчала надъ кулаками. Подъ лѣвой скулой въ бородѣ завязъ желтоватый листокъ. До того походилъ теперь Кобылюкъ на больного ворона сидѣвшаго на крышѣ, что казалось: вотъ вытянетъ онъ ногу и зашуршитъ веревка, которою нога привязана... А потомъ раздастся озлобленное—крррaa...

— Ничего, вѣдь околоточный только такъ... — осторожно проговорилъ Матвѣй.—Пошумѣлъ, покричалъ, а вреда не сдѣлаетъ.

— Ой, какъ же ему не шумѣть и не безобразить, когда

у него погоны съ позументомъ и желѣзная сабля?—отозвался Пожаръ.

— Кричитъ, ругается,—къ чему,—задумчиво говоритъ Матвѣй. — Все равно вѣдь не знаетъ, что съ кѣмъ и какъ будетъ, и что гдѣ кому приготовлено...

— Онъ не знаетъ... Околоточникъ...

Подбородкомъ, огненной бородой, Хаимъ Пожаръ прижималъ къ груди сумку съ газетами, которую снизу поддерживалъ обоими колѣнями. Руки его что-то отыскивали въ сумкѣ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я васъ прошу, онъ даже очень хорошо все знаетъ, что ему приготовлено. За это я отвѣчаю и даже ручаюсь.

По рѣкѣ внизъ медленно, очень медленно проплывало сломанное, веселымъурикомъ выкрашенное весло. Оно двигалось такъ медленно, что казалось, будто оно все время лежитъ на одномъ мѣстѣ... Еслибы не лиловатый покой сумерекъ, а солнечный свѣтъ—какъ бы остро и звонко кричало это красное пятно! Теперь оно было тихонькимъ и скромнымъ, почти печальнымъ...

Матвѣй задумчиво смотрѣлъ на весло.

— А ты, Пожаръ, не ручайся. Что ты можешь знать?.. Никто не знаетъ... Кричатъ, ругаются, всякую обиду человѣку дѣлаютъ, все объ себѣ да объ себѣ хлопочутъ,—еще побольше награбастать норовятъ, еще чего повкуснѣй скушать стараются, какъ будто на тысячу лѣтъ запасъ дѣлаютъ... А про то и забываютъ, что никто не знаетъ ни часа, ни мѣста...

— Все до себе!.. Чтобы въ кишку!.. Все, чтобы въ свою кишку!—съ горячностью подтвердилъ Хаимъ, отбросивъ въ сторону сумку и указывая большимъ пальцемъ на свое тощее брюхо, на то мѣсто, гдѣ находятся въ немъ „кишки"

— Сейчасъ онъ, напримѣръ, и въ перчаткахъ, и сапоги на немъ лаковые,—говорилъ Матвѣй,—и вонъ какъ нехорошо ругается, а вѣдь ничего не знаетъ, что съ нимъ даже завтра будетъ.

— Вполнѣ даже все до точки, все знаетъ: пьянъ будетъ,

— Можетъ, такъ, что пьянъ, а можетъ, такъ, что даже и неживой... Зачѣмъ же человѣку для человѣка быть собакой?

Темнѣло небо.

Зеленоватое и золотистое въ немъ угасало. Больше являлось лиловаго и сиреневаго,—и сиреневымъ же отвѣчала небу рѣка. Молодой мѣсяцъ становился ярче, изъ серебрянаго дѣлался золотымъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ

онъ на зеркало рѣки, откуда смѣшливо улыбался ему другой мѣсяцъ, такой же худенькій и легкій,—прямо приготовишка!

— А объясните вы мнѣ, если я васъ спрошу,—осторожненько началъ Пожаръ:—много вы видали на свѣтѣ людей, которые къ вамъ не были собакой?

— Отчего же?:..—Матвѣй продолжалъ смотрѣть на плывшее весло. — Славу Богу, видалъ... Сколько угодно есть. Ну, а если кто когда и случается неласковый, что жь будешь дѣлать,—Господь проститъ.

Матвѣй говорилъ мягкимъ, кроткимъ голосомъ и лицо у него было кроткое и спокойное. Вотъ сказалъ онъ что-то осуждающее, выразилъ недовольство и порицаніе,—а уже и пожалѣлъ объ этомъ...

Какъ можетъ онъ осуждать, упрекать, жаловаться, когда весь онъ сотканъ изъ тишины, смиренія, изъ уступчивости, изъ стыдливой ласки? Осуждать... Гдѣ жь тамъ осуждать, если и самъ ты грѣховный, слабый человѣкъ, виноватый обидчикъ?.. Ты думаешь, что сдѣлалъ хорошо, что живешь чисто,—безъ вреда для другого, а на дѣлѣ выходитъ, что и тому ты помѣшалъ, и этому испортилъ, и одного толкнулъ, и другому поперекъ дороги сталъ...

Пройти бы какъ нибудь свою жизнь тихо и безъ особыхъ огорченій для людей,—вотъ и слава Богу!.. А чтобы еще осуждать, винить другихъ...

Былъ Матвѣй ясный и тихій, какъ этотъ сиреневый лѣтній вечеръ надъ рѣкой, какъ этотъ молоденькій мѣсяцъ въ небѣ, беззвучно опускавшійся къ темнѣвшимъ полямъ... И Хаима Пожара, человѣка нервнаго, колючаго, полнаго живого кипѣнія, эта кроткая и незлобивая безмятежность раздражала.

„Таки очень хорошій мужичокъ, и дай ему Богъ поскорѣе выздоровѣть, развѣ что?—а только нема у него соображенія, и если разсуждать, какъ онъ, то на всю жизнь и со всѣми дѣтьми и внуками надо оставаться тряпкой и всѣ объ тебя будутъ вытирать ноги".

— Вотъ этого, видите, я уже совсѣмъ не понимаю,—сдѣлавъ нетерпѣливую гримасу, сказалъ Хаимъ.—Здравствуйте! „Нехай Господь проститъ"!.. Значитъ, если есть большой негодяй, злодѣйщикъ, первый сортъ арестантъ живетъ безъ всякаго закона и мучитъ людей, то еще я буду просить Бога, чтобы Богъ его простилъ?

Пожаръ бросилъ на землю свою сумку съ газетами и сѣлъ на нее. Длинный ремень, которымъ сумка поддерживалась на плечахъ, теперь вытянулся змѣей на землѣ, на

травкѣ. Ноги Пожара запутались въ немъ, какъ лошадиныя копыта въ порвавшихся постромкахъ.

— Ай, вотъ еще... привязалась!

Сердитымъ движеніемъ Хаимъ отбросилъ ремень въ сторону.

— Если такъ, то извольте, напримѣръ, я вамъ про себя разскажу. Сдѣлаю вродѣ мое жизнеописаніе. А вы послушайте и сдѣлайте себѣ поучительное заключеніе.

— Живу я, если желаете познакомиться, въ городѣ Кіевѣ, занимаюсь полотернымъ рукодѣліемъ. Что? Такое большое преступленіе — полотерное майстерство?.. Когда жь я и до купцовъ, и до докторовъ, и до господина нотаріуса, и, бываетъ, даже до самого прокурора, который въ окружномъ судѣ всѣхъ обвиняетъ. Такая, знаете, есть служба, что всегда всѣхъ обвиняетъ. Ну, что жь тутъ, грабительство какое съ моей стороны, душегубство, что ли, если я натираю полъ... Двадцать одинъ годъ этимъ дѣломъ занимаюсь, и ничего, кормлю семейство... Потомъ вдругъ выходитъ,— на! Гонятъ вонъ... А почему вонъ? Полы, видите ли, натирать мнѣ можно, но жить мнѣ не можно. Не живи, Хаимъ. Не надо!.. Нельзя тебѣ!.. И мое рукодѣліе уже не рукодѣліе, и мое право уже не право,—и потрудитесь пожалуйста, господинъ Пожаръ, изъ Кіева вонъ!.. А куда я пойду вонъ, если, извините, мнѣ некуда? Если тамъ я и родился, тамъ я и женился, тамъ и шестеро дѣточекъ своихъ я схоронилъ?

Въ голосѣ Хаима задрожала скорбная, почти плачущая нотка... Горько было этому человѣку. Горько и немножко неловко. Онъ чувствовалъ, что, пожалуй, совсѣмъ некстати теперь его разсказъ, и неприлично говорить о себѣ, о своихъ обидахъ, когда тутъ же вотъ, только что, сію минуту такъ тяжко и несправедливо обидѣли другого человѣка,—бѣднаго, ни въ чемъ не виновнаго Акима... Но сталъ Хаимъ говорить о себѣ именно для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ Акима, которому вниманіе — да и самое присутствіе постороннихъ при оскорбительныхъ крикахъ околоточнаго,— было такъ непріятно... И еще оттого говорилъ Хаимъ, что не говорить было ему трудно: слишкомъ наболѣло на сердцѣ и какъ будто легче становилось отъ жалобы. И этотъ свой разсказъ—исторію о насильственномъ выселеніи изъ Кіева, изъ насиженнаго гнѣзда, — онъ разсказывалъ уже десятки, а, можетъ быть, и сотни разъ, знакомымъ и незнакомымъ, и не только людямъ, а, можетъ быть, и встрѣчавшимся на пути животнымъ, коровѣ, овцѣ, и, можетъ быть, даже придорожному камню, на которомъ садился иной разъ отдыхать...

„Вонъ!.. Выѣзжайте“!.. — грустно, покачивая головой, сказалъ Хаимъ. — „Выѣзжайте“... Видите: для того, чтобы

натирать полъ, я долженъ окончить университетъ! Я долженъ имѣть правожительственный дипломъ, какъ присяжный повѣренный, который живетъ на Крещатикѣ... По вашему, такая причепка справедлива? И такое требованіе держится на ногахъ?

— Притѣсненіе большое, — согласился Матвѣй. — А ты все-таки, Хаимъ, знаешь, что я тебѣ скажу?.. Самое главное: лишь бы зналъ, что ты ни въ чемъ не виноватъ.

— Чтобъ я зналъ?.. Я?.. Что я не виноватъ?...

Лицо еврея болѣзненно скорчилось,—точно внезапное физическое страданіе причинили этому человѣку.

— Ну вотъ, вотъ, я жь про то и говорю, — поспѣшилъ успокоить Матвѣй. — Не виноватъ, значитъ, ты ни за что и не отвѣчаешь... Главное, Хаимъ, лишь бы ты свое зналъ,— „не сдѣлалъ я худого",—вотъ и все.

— Ахъ, какія необыкновенныя глупости! — негодующе отмахнулся руками еврей. — Меня разорили, меня выслали, у моихъ дѣтей отняли хлѣбъ... Что я теперь въ этомъ городѣ за человѣкъ?! Тамъ, въ Кіевѣ, я себѣ сидѣлъ на мѣстѣ, меня всѣ знали, и господинъ нотаріусъ тоже,—я имѣлъ подходящій заработокъ и самъ былъ вродѣ какъ почетный человѣкъ. А въ этомъ городѣ? Кому тутъ надо натирать полы?.. А если кому и надо, то полотеровъ больше, чѣмъ на Тетеревскомъ берегу деревьевъ. И, значитъ, еще я тоже прибавился, — здрасте вамъ, еще одинъ полотеръ!.. Гдѣ достать работу?.. Ну, такъ я сталъ продавать газеты.

Хаимъ хлопнулъ ладонью по кожаной сумкѣ, набитой газетами и тетрадками еженедѣльныхъ журналовъ.

— Тоже, я вамъ скажу, промышленность!.. Газетчиковъ въ городѣ, какъ собакъ, — и что я могу заработать? Бѣгаю, сую газету, пристаю къ людямъ... Чтобъ имъ казалось интереснѣе, кричу: — Убилъ, зарѣзалъ, — одна копейка!.. Со взломомъ, съ пистолетомъ,—одна копейка!..

— А вовсе нѣтъ ни взлома, ни пистолета. И выходитъ, что я на копейку обманщикъ. Красиво это? По закону это? По совѣсти это?.. Самого тошнитъ отъ такого свинства...

Хаимъ кипятился, негодовалъ. Оскорбленное человѣческое достоинство говорило въ немъ, бурлила протестующая душа,—и отъ этого еще болѣе багровымъ становилось лицо еврея. Казалось, волосы и борода были теперь еще болѣе пламенными, чѣмъ были они даже въ часъ заката... Между тѣмъ и земля, и вода, и сверху небо, — все тускнѣло, темнѣло.

Въ городѣ зажглись огни—бѣловатые, электрическіе... Потомъ красноватый огонекъ засіялъ и на противоположномъ берегу, въ травѣ, подлѣ затерявшагося среди кустарниковъ

и лохматыхъ вербъ, почти невидимаго рыбачьяго шалаша. Должно быть, занялись тамъ стряпней... Тоненькій мѣсяцъ опускался ниже, къ лѣсу. Недолго ему бродить здѣсь, скоро уйдетъ,—и какая непроглядная чернота прольется тогда на землю, и какъ ярко и колюче загорятся голубыя и зеленоватыя звѣзды наверху!

— Продаю газеты,—снова заговорилъ Пожаръ.—И стали ко мнѣ приставать: форменную шапку надо, вотъ эту самую корону!

Хаимъ сорвалъ съ головы фуражку. Густые, кроваво-рыжіе волосы вихремъ вздымались на головѣ. Волосы были такіе яркіе, что можно было подумать, что съ алой фуражки вливается въ нихъ пламенная окраска... Казалось даже, что въ сгущавшіяся сумерки идетъ отъ волосъ красноватый свѣтъ, — какъ шелъ бы отъ раскаленнаго металлическаго бруска...

— Надо имъ, чтобы фуражка... Надо, чтобы бляха... Что я,—губернаторъ, чтобы съ фуражкой?.. Сдѣлайте меня первымъ министромъ, тогда я надѣну и фуражку, и даже мундиръ съ саблей... Подниму и саблю, не безпокойтесь, силы хватитъ!.. Кто торгуетъ яблоками, или квасомъ, или рыбой, или вотъ имѣетъ для перевоза лодки—всякій можетъ себѣ въ штатскомъ. А если газеты, то требуютъ, чтобы корона... И это даже вовсе не по закону, чтобы у меня была корона. У меня,—посмотрите,—штановъ нѣтъ, но на головѣ долженъ носить корону...

Акимъ сидѣлъ по прежнему молча и насупившись. Ему было ясно, что вотъ говорятъ люди о себѣ, о разныхъ человѣческихъ непорядкахъ, и дѣлаютъ они это для него, и думаютъ про него, про его бѣды, и про жестокую обиду, которую причинилъ ему околоточный... Жалѣютъ его, сочувствуютъ ему, хотятъ какъ-нибудь облегчить его горе и показать ему, что они на его сторонѣ... Все это не было Акиму непріятно. Но страннымъ образомъ все это рождало въ его душѣ и раздраженіе, даже злобу... Эхъ не то говорятъ они, что надо! Не понимаютъ!.. Еврей,—этотъ ничего, разсуждаетъ какъ будто правильно. Да дуракъ. О законѣ что-то лопочетъ,—„по закону, по закону"... Прикрикнуть бы на нихъ, что ли, да объяснить имъ, какіе они безтолковые... Но, думалъ Акимъ: не понимаютъ, и чортъ съ ними, пусть!

И сидѣлъ онъ темный, грозный, страдающій и беззвучный... Больной воронъ на крышѣ тяжело переступалъ съ ноги на ногу и глухо шуршала по сильно высохшимъ доскамъ толстая веревка...

— —

— Все это, Хаимъ, ничего,—мягко заговорилъ Матвѣй.— Все это пустяки.. Обидѣли тебя, а ты помолчи... Не въ этомъ главное, что обидѣли. А въ томъ суть, что ты помолчалъ... Ты постой, постой!—перебилъ себя Матвѣй, замѣтивъ, что лицо Хаима опять искажается брезгливой гримасой. Онъ положилъ свою руку,—какую исхудалую!—на руку Хаима и тихонько сжалъ ее. У Хаима рука была жилистая, волосатая. При слабомъ свѣтѣ мѣсяца эти волосы были видны и отливали красной мѣдью.

— Вотъ ты говоришь, Хаимъ: обидѣли тебя. А я скажу: ну что жь, что обидѣли? Обидѣли люди, а отъ Бога, можетъ быть, тебѣ первая награда выйдетъ...

— Уже вы имѣли объ этомъ отъ Бога срочную депешу?

— Можетъ быть, и имѣлъ. А ты что думалъ?.. Да ты постой, постой, ты не сердись, Хаимъ... Ты вотъ послушай лучше. Ты про себя говорилъ, я тебя слушалъ. А сейчасъ я про мое дѣло разскажу, и ты самъ вникни. Можетъ, оно тебѣ для чего и пригодится.

— Пожалуйста!.. Сдѣлайте ваше первое одолженіе. Говорите,—нахмурился Пожаръ.—Ну, только извините меня, а я напередъ знаю, что это не слова у васъ будутъ, а мягкая каша. А въ кашѣ ни соли, ни сахару.

— Ты все кипишь, Хаимъ, все кипишь...

— А за то ваша каша не кипѣла... И на ледникѣ она не стояла, и на огнѣ она не кипѣла. Жуй и плюй...

Слегка повѣялъ съ другого берега вѣтерокъ. И донесся запахъ дыма. Должно быть, шелъ онъ отъ небольшого красноватаго костра, разгоравшагося въ черной листвѣ, подлѣ шалаша. Дымокъ чувствовался только носомъ. Глазъ же его не замѣчалъ, такъ какъ дымъ сливался съ густой лиловостью сумерекъ.

— Право жительства, — мягко сказалъ Матвѣй. — Оно что жь: конечно, притѣсненіе, ужь нельзя человѣку и жить!.. А вотъ, если я, напримѣръ, въ меблированныхъ комнатахъ „Новый міръ“ номернымъ. Два этажа, и номеровъ двадцать четыре штуки. Вверхъ—внизъ. Внизъ—вверхъ. Да вездѣ прибери, да принеси, да унеси, да сбѣгай, да сдѣлай... Знаешь, какая это служба. Больше девяти, десяти лѣтъ никто этой службы не выдерживаетъ, всѣ на ноги садятся.

— На ноги? Отчего на ноги?

— Оттого, что бѣготни много. Вверхъ и внизъ. И по коридорамъ сколько... Всегда номерной на ноги садится, это ужь извѣстно... Или вотъ тутъ растяженіе дѣлается...

Матвѣй показалъ на пахъ.

— Ну, такъ таки паскудно!—вскрикнулъ Пожаръ.—Такъ

и къ вамъ тоже очень большая несправедливость. И у васъ вѣдь также дѣти. Что же это будетъ?

— А что-нибудь да будетъ,—спокойно отвѣтилъ Матвѣй. И странное было это спокойствіе. Точно не о судьбѣ дѣтей, а о пустякахъ, о незначительномъ и маленькомъ шла рѣчь. Точно спросили бы: „а есть у тебя, Матвѣй, спички",—и онъ отвѣтилъ бы: „у меня спичекъ нѣтъ, да ничего, у кого-ни будь изъ васъ найдется"...

Тихонько подошелъ и тихонько опустился на землю Теткинъ Вареникъ. Вотъ еще горемыка. Поставили его у водопроводнаго сосуна, на пустомъ берегу рѣки, и стой тутъ, и скучай, и чешись... Начинаетъ темнѣть, — и уже изъ-за каждой вербы, изъ-за каждаго камня ползутъ воры, подкалыватели, вѣдьмы, водяные, русалки, всякая нечисть, — и какъ отъ нея спастись!

Все утѣшеніе старика въ близости навѣса. Пока сидятъ тамъ люди и слышны оттуда голоса,—ничего, кое-какъ дышешь, хоть и крутитъ мучительно въ кишкахъ. А попозже, когда всѣ разойдутся,—о, Господи!..

Становилось темнѣе. Узкій мѣсяцъ и старался тамъ въ небѣ, хотѣлъ наполнить ночь серебромъ, но гдѣ жь было взять ему силъ? Малышъ еще! Вотъ черезъ недѣльку, когда окрѣпнетъ, станетъ шире, полнѣе, и больше будетъ у него времени, тогда другое дѣло. Зальетъ зеленымъ сіяніемъ и землю, и рѣку, и лѣсъ, подъ каждый стволъ заглянетъ, всюду проберется, всякую розыщетъ былинку и каждую травинку озаритъ... А пока свѣту было мало, и былъ свѣтъ такой несмѣлый, неясный, точно звуки очень далекаго оркестра... Какъ будто и звенятъ, какъ будто разстилаются въ воздухѣ, а прислушайся, — и уже нѣтъ ничего. Тихо, совсѣмъ тихо... И даже услышишь, какъ шелестятъ на водѣ и шепчутъ водоросли, желтые цвѣтки, и какъ шуршитъ по досчатой крышѣ навѣса больной черный воронъ, тяжело дергающій обзсиленной изувѣченной лапой.

Теткинъ Вареникъ помѣстился съ такимъ разсчетомъ, чтобы его не могъ увидѣть Кобылюкъ. Вѣдь что за человѣкъ—Кобылюкъ! Страшнѣе вѣдьмы и опаснѣе водяного.

— Я не понимаю,—сказалъ Хаимъ.—Вы, Матвѣй, уже и сейчасъ больной. Такъ что же будетъ, когда вы сдѣлаетесь старше и не сможете быть номернымъ?

— А что-нибудь да будетъ,—вторично сказалъ Матвѣй.— Зачѣмъ хлопотать? Развѣ я знаю, буду ли я завтра живой?

— Ну, а дѣтки ваши? Вамъ же надо для дѣтей кусокъ хлѣба.

— Дѣти... конечно...—вмѣшался было Теткинъ Вареникъ.

Но тутъ онъ взглянулъ на широкую спину Кобылюка и оборвалъ рѣчь...

— Для дѣтей кусокъ хлѣба?—переспросилъ Матвѣй.— А возьму я у рядчика платформу, чтобы по домамъ кладь развозить, и буду развозить.

— Кладь?

— Кладь. Грузъ всякій... Ящики, чемоданы, сундуки... Товары тамъ, или съ желѣзной дороги багажъ.

— Какъ же вы сможете это, когда вы будете слабый.

— Отчего жь не могу? Пріѣду я до кого надо, позвоню въ дзвонокъ: „пожалуйте, вотъ вашу кладь получайте"... А они пойдутъ и получатъ.

Хаимъ пожалъ плечами. Черная тѣнь его, лежавшая на травѣ, тоже пожала плечами.

— Кладь... позвоню... А же кладь надо снести. Развѣ вы здужаете?

— А я тогда до свицара: возьми, голубчикъ, снеси пожалуйста, будь такой добрый.

— И онъ снесетъ?

— Снесетъ.

— Самыя глупыя глупости вы говорите! — Хаимъ даже ногой объ землю стукнулъ, какъ лошадь, когда ее кусаютъ слѣпни.—Всякой фантазіи вѣрите, и думаете, что всѣ люди такіе хорошіе, все равно, что компотъ съ изюмомъ.

Матвѣй не отвѣтилъ. Сидѣлъ недвижно, хилый, узкоплечій, сутулый. Даже по голосу замѣтно, что у него жаръ—сиплый какой-то голосъ, неодинаковый, то широкій, рокочущій басомъ, какимъ няньки пугаютъ маленькихъ дѣтей, то вдругъ пойдутъ беззвучныя, жухлыя нотки... Въ блѣдномъ жидковатомъ свѣтѣ мѣсяца человѣкъ этотъ кажется какимъ-то ненастоящимъ, призрачнымъ. Недолго ходить ему по землѣ. И тѣнь, которую отбрасываетъ онъ отъ себя на коротенькую притоптанную травку и желтоватую дорожку, и она говоритъ о непрочности Матвѣя: не такъ она густа и не такъ она черна, какъ тѣни отъ Хаима или Теткина Вареника. Тѣ тѣни—плотное сукно, войлокъ; а это—легкая кисейка. Взвилась—и уже нѣтъ ея...

Еще долго разсуждали.

Прыгали и трепетно бились горячіе, нервные выкрики краснорожаго еврея, точно упругіе, красные мячи. И медленно, тягуче, какъ липкій морсъ по гладкой поверхности, разливалась тихая рѣчь Матвѣя. Мѣсяцъ былъ уже низко у линіи лѣса. Раскидистыя черныя вѣтви дубовъ давно караулили его. Непосѣда внукъ ушелъ бродить по небу, а старый и недвижный дѣдушка лѣсъ хмуро сердится, протягиваетъ

къ внуку свои старыя сухія руки, и вотъ вотъ схватитъ его корявыми пальцами и потянетъ внизъ... Скучно станетъ людямъ безъ этого золотого мальчишки въ небѣ!

— А я, будь бы я на вашемъ мѣстѣ, вотъ что сдѣлалъ бы,—сказалъ Пожаръ, вдругъ повалившись на спину и поднявъ кверху свою рыжую бороду.—Я бы... я бы, напримѣръ, поѣхалъ въ Кіевъ, выхлопоталъ бы себѣ у родственниковъ какую-нибудь помощь и, какъ человѣкъ деликатнаго здоровья, то открылъ бы себѣ какую-нибудь домашнюю коммерцію.

Матвѣй, тихо улыбаясь, разглаживалъ подлѣ себя ладонью траву, смотрѣлъ на траву, старательно и нѣжно гладилъ ее,—а думалъ не о ней...

— Вотъ и жена моя тоже мнѣ все про это самое...

— Потому что женщина, она всегда всякую практику понимаетъ.

— Конечно, понимаетъ. Да только куда жь мнѣ тамъ въ коммерціи...

— А я вамъ лучше откровенно скажу, отъ сердца!

Еврей быстро поднялся и сѣлъ.

— Если съ домашней коммерціей, чтобы у себя на мѣстѣ, и спокойный кусокъ хлѣба, то вы можете себѣ жить, дай Богъ вамъ, до ста двадцати лѣтъ!.. А если, напримѣръ, номерной, черезъ силу, или другое въ этомъ родѣ, то вы же не Голіафъ изъ Библіи и не Самсонъ съ волосами тоже...

— Природа у меня не такая,—съ оттѣнкомъ виноватости въ голосѣ проговорилъ Матвѣй.—Что жь коммерція?.. Зайду я въ лавочку, смотрю: онъ важитъ. И сейчасъ у него на вѣсахъ, на чашкѣ, подъ сподомъ, бумага подклеена, кружочекъ такой. Вродѣ картонки, вродѣ отъ коробки дно. А въ бумагѣ этой можетъ полъ-осмушки... Онъ за день двадцать фунтовъ сахару продаетъ, сважитъ... вотъ ему десять осьмушекъ неправильныхъ осталось. Богъ съ нимъ.

— Ну, такъ и осталось... Такъ понемножку же съ каждаго, по крошечкѣ. Кому замѣтно?

— Не замѣтно, а чужое... И онъ хитрый: онъ когда важитъ, скажемъ, творогъ, или соль, — угу, какой дѣлается щедрый... Съ походомъ сыплетъ, больше чѣмъ надо, не жалѣетъ. Потому что творогъ шесть копѣекъ фунтъ. А ужь какъ до масла до коровьяго дошло, которое шесть гривенъ фунтъ, тутъ онъ сейчасъ пальцемъ цапъ! — тянетъ... Хоть чуть-чуть потянетъ, а уже, не безпокойся, на пятачокъ обвѣсилъ...

— А на то е протоколъ,— не выдержавъ, отозвался Теткинъ Вареникъ.

Услышавъ голосъ городового, Кобылюкъ обернулся. Лицо

Акима видно было смутно, и неотчетливо выдѣлялись его глаза. Но чувствовалось, что въ глазахъ этихъ сидитъ злоба и ненависть... Теткинъ Вареникъ хотѣлъ встать, да какъ-то не сумѣлъ... Точно исходила изъ устремленныхъ на него глазъ Акима особая сила и тяжкимъ вѣсомъ придавливала бѣднаго полицейскаго къ землѣ...

— Вы меня извините, Матвѣй,—сказалъ Хаимъ.—Я милліонъ разъ прошу, извините меня. Но только я вѣдь говорю это для предохраненія вашего жительства. Потому что, если вотъ такъ вотъ, то вы не можете долго жить.

Матвѣй какъ-то странно дернулся... Лѣвой ладонью онъ закрылъ глаза. Голова наклонилась къ груди. Жиденькая тѣнь его сдѣлалась какъ будто еще болѣе жидкой и бѣдной. Точно впиталась она въ землю, какъ впитывается чернильное пятно промокательной бумагой.

Потомъ Матвѣй обратилъ свое худое китайское лицо къ Хаиму. Во взглядѣ его были и мольба, и страхъ, и ожиданіе... Словно отъ него, отъ этого краснорожаго еврея съ растрепанной красной бородой и съ нелѣпо широкодонной фуражкой зависѣло продлить или оборвать жизнь больного человѣка...

Но просительное, взволнованное выраженіе это на лицѣ Матвѣя продержалось одну только минуту. Снова легло на лицо прежнее спокойствіе и опять кроткая, покорная и какъ бы слегка виноватая улыбка озарила китайскіе узкіе глаза.

— Ну что жь, это какъ Господь Богъ. Какое ужь отъ Господа будетъ рѣшеніе.

— Да, „рѣшеніе"... Рѣшеніе должно быть честное, справедливое. Чтобъ по закону. А это что за законъ, если рабочій человѣкъ, совсѣмъ еще молодой и ни за что помираетъ?

На другомъ берегу, въ кустарникѣ, огонекъ погасалъ. Кто-то громко и очень вкусно, должно быть, сладостно потягиваясь, зѣвалъ. Плескалось и шуршало около лодокъ,—можетъ быть, лягушки. Теткинъ Вареникъ, тревожно держась за шашку, думалъ, что это русалки... Ничего. Пока сидятъ здѣсь Матвѣй и краснолицый Пожаръ,—что можетъ ему сдѣлать русалка?..

— А умирать, ну что жь,—и умрешь...—промолвилъ Матвѣй.—Все равно, всѣмъ придется. Что жь тутъ такого?... Другой вотъ живетъ до ста лѣтъ, счастливый, богатый, и чины у него, и здоровье, и почетъ, и все, а помретъ — и потребуетъ его Господь Богъ на судъ. И окажется на судѣ, что грѣховъ у него столько — не расплатиться никакъ... Да... А я—что? Я за то не боюсь ничего...

— Вы не боитеся?

— Не боюсь, Хаимъ... Какія мои дѣла? Меня на томъ свѣтѣ на судъ позовутъ: „ступай, молъ, Матвѣй Задорожный требуется", — а я и скажу: „Куда я пойду? Я и на землѣ никогда не судился, и здѣсь меня судить не за что. Посмотрите въ книгахъ, тамъ все записано". Посмотрятъ они въ книги и увидятъ: ничего такого особеннаго Матвѣй Задорожный не сдѣлалъ. А если что и сдѣлалъ. то и потерпѣлъ сколько надо. Ну, и не тронутъ меня.

— Вы думаете, не тронутъ?

— Не тронутъ, Хаимъ. Пойду я себѣ до своего мѣста лягу и полежу... И отдохну.

— Послѣ чего же вы будете отдыхать?

— А послѣ жизни... Если правду сказать,—заморился я въ жизни. Ну, а тамъ отдохну. Сколько захочу, столько и буду отдыхать... Мое дѣло простое.

— Извѣстно,—отозвался Теткинъ Вареникъ. — Дѣло оно такое... Простое. Вотъ вчера у насъ въ участкѣ...

— Да поди ты прочь отсюда!—громко вскрикнулъ вдругъ Кобылюкъ, порывисто поднимаясь съ земли...

Крикнулъ такъ хрипло и злобно, что всѣмъ показалось: это больной воронъ каркнулъ на деревянной крышѣ...

— Къ чорту, фараонъ проклятый!.. Тоже еще до людей приползъ...

Теткинъ Вареникъ поспѣшно поднялся и, не оглядываясь и не протестуя, зашагалъ въ сторону, къ кирпичному зданію водопроводнаго сосуна... Обѣими руками онъ держался за шашку,—все же она какъ будто защита...

— А ты, Пожаръ, дуракъ здоровый, — обратился Кобылюкъ къ еврею.—Все ты „по закону", да „по закону"... Надо тебѣ непремѣнно, чтобы было по закону?

— А то какъ же? Конечно, надо... Потому что если не по закону...

— А тебя, дуракъ, спрашивали, когда законъ писали?.. Спрашивали тебя, согласенъ ли ты на такой законъ?

— Меня?.. Вовсе меня чтобы спрашивали?

— Ну да, тебя!.. Тебя, меня, вотъ его... Или хоть Теткина Вареника... Никого не спрашивали, ни съ кѣмъ никакого разговору не было,—ни разговору, ни уговору,—а написали, что имъ самимъ надо, и приказали слушаться. „Законъ"... Дуракъ ты здоровый, оттого для тебя законъ-законъ!

Еврей съ изумленіемъ—и съ радостной оторопѣлостью—смотрѣлъ на пылавшаго злостью и раздраженіемъ Кобылюка...

„Ого, такъ ты жь т[illegible]и замѣчательно все понимаешь!—

думалъ онъ про Кобылюка.—Такъ ты жъ таки имѣешь голову!.. И понимаешь разную химику... Таки молодецъ!.. Но только ты хочешь, чтобы и я говорилъ противъ закона?.. Ну, это, положимъ, дуличку съ гусиными шкварками... Подождешь!.. Я скажу слово, а ты мнѣ скажешь, что это ваша Россія, а я тутъ не больше, какъ жидъ, и мнѣ надо дѣлать погромъ... Нѣтъ, мой дорогой и любезный другъ, пока что я еще противъ закона немножко себѣ помолчу"...

— Для кого законъ, а для кого по головѣ макогонъ,— сердито сказалъ Акимъ. — Болтаешь ты — слушать тошно... А еще говорятъ, что ваша нація умная.

Хаимъ вынесъ впередъ правую руку и, растопыривъ пальцы, сталъ дирижировать.

Ти-ди-рамъ-тамъ-тамъ,
Ти-ди-рамъ-ту-ту,
Ти-ди-бамъ-бамъ-бамъ,
Ти-ди-рамъ-бу-бу

—весело запѣлъ онъ вдругъ и лѣвой рукой забарабанилъ въ такъ по своей кожаной сумкѣ.

— Охъ, очень замѣчательный мотивъ!

— Разсуждаютъ тоже, а голова, какъ пустая ряшка, — грубо рубилъ Кобылюкъ. — И пускаютъ въ свою компанію эту полицейскую сволочь... На чорта онъ вамъ?

— Скучно жь старику одному,—сказалъ Матвѣй. — Онъ человѣкъ ничего, тихій...

— Тихій?..—подхватилъ Пожаръ.—Ну, знаете, самый тихій изъ нихъ, такъ онъ громче, чѣмъ болячка на печенкѣ... Полы ему натирай даромъ, газеты онъ беретъ и не платитъ, за право жительства ему всегда хабаръ, и такъ себѣ, просто ни за что, тоже хабаръ... Тоже, знаете, сосунъ, не хуже, чѣмъ вотъ этотъ водопроводный... Ахъ, вотъ тутъ вотъ, въ моихъ газетахъ...

Хаимъ гулко шлепнулъ ладонью по сумкѣ съ газетами.

— Вотъ тутъ вотъ пишется „смѣсь", вродѣ анекдоты, или разныя умныя происшествія,—такъ тутъ разсказывается, что къ знаменитому французскому ученому Луи Пастеру приходитъ разъ его знакомый и говоритъ: умеръ полицейскій приставъ нашего участка, и я собираю ему на похоронный вѣнокъ. Дай, пожалуйста, пожертвованіе, десять франковъ.

— „Охъ, полицейскій умеръ?"—спрашиваетъ знаменитый ученый Луи Пастеръ. — „Десять франковъ на похороны дать?.. Знаешь, я теперь совсѣмъ безъ денегъ, но если полицейскому на похороны, то вотъ тебѣ не десять франковъ, а двадцать, и нехай ихъ похоронятъ не одного, а парочку"...

Акимъ залился веселымъ смѣхомъ. Широкодонная шап-

ка его сбилась къ лѣвому уху, зубы обнажились... Матвѣй невольно поежился.

— Ну, это нехорошо сказано.

Кобылюкъ же, измѣнивъ голосъ, серьезно, дѣловито, почти строго, но съ очевиднымъ сочувствіемъ спросилъ:

— Кто это сказалъ такое?... Ученый?...

— Французскій ученый!.. Очень знаменитый!..

— Знаменитый?

Хаимъ былъ сконфуженъ неодобрительнымъ замѣчаніемъ Матвѣя. И теперь ему особенно пріятно и дорого было, что заинтересовался разсказомъ Кобылюкъ. И съ большимъ жаромъ еврей вскрикнулъ:

— На весь свѣтъ самый первый.

— А ты не врешь?

— Вру?.. Какъ же я вру, когда онъ бѣшеную собаку открылъ!.. И черезъ нее лечитъ людей.

Кобылюкъ больше не распрашивалъ. Замолчалъ. Приподнялся было съ земли, но тотчасъ снова сѣлъ... Что-то мутило его. Хотѣлъ что-то дѣлать, что-то предпринять, но не зналъ, какъ дѣлать, и не понималъ, съ чего начинать... Сидѣлъ и молчалъ.

Молчалъ и Матвѣй, видимо недовольный собесѣдниками... Съ рѣки, съ какого-то отдаленнаго мѣста донесся странный, глухой шумъ. Точно шлепнулось что-то большое и тяжелое съ обрыва... Можетъ быть, камень сорвался и полетѣлъ въ воду... Ужь не головали-ли шляхтича Чапскаго?

Становилось темнѣе. Старымъ дубамъ удалось таки стащить черными руками тоненькій мѣсяцъ. Все засыпало, все успокоивалось...

Покоя хотѣлось и больному Матвѣю. Утомила бесѣда!.. Мягкая, тихая, ласковая душа этого человѣка, какъ нѣжная женская рука отъ шлепковъ крапивой, вздрагивала и корчилась отъ воинственныхъ и слишкомъ практическихъ разсужденій краснорожаго еврея... Богъ съ нимъ совсѣмъ! А этотъ озлобленный, молчаливый, на больного ворона похожій Кобылюкъ давилъ душу холоднымъ и темнымъ пластомъ. Словно весь Тетеревъ, всѣми тяжелыми водами своими, проходилъ по душѣ... Ахъ, покоя! Отдыха и покоя...

— Я лягу,—негромко сказалъ Матвѣй.—Я посплю...

Кобылюкъ, должно быть, почувствовалъ, что съ нимъ тяжело. Всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вверхъ, по уклону, и растянулся подъ матово-чернымъ широкимъ кустомъ орѣшника.

— Спокойной ночи вамъ,—дружелюбно сказалъ Хаимъ...— Ти-де-рамъ-тамъ-тамъ... Ой, и я лягу... Таки лягу себѣ...

чѣмъ мнѣ теперь бѣжать въ городъ, а потомъ рано утречкомъ опять сюда, разносить по дачамъ, газеты кіевскія, одесскія,—вотъ тебѣ на!—Лучше я себѣ тутъ посплю... Ой, вотъ это такъ воздухъ!

Онъ сталъ для чего-то разглаживать травку на томъ мѣстѣ, гдѣ собирался лечь. Травка коротенькая, въ дюймъ, и жесткая, какъ спички, но Хаимъ дѣйствовалъ обѣими руками такъ, точно взбивалъ большую и пухлую перину...

— Матвѣйчикъ, извините, вотъ это для васъ! — вдругъ сказалъ онъ, подходя къ Матвѣю и протягивая къ нему сумку съ газетами. — Подъ голову для васъ, для фасона подушки.

Матвѣй поблагодарилъ и отказался, — вѣдь Хаиму и самому надо ложиться. Пожаръ однако настаивалъ на своемъ. То шутливо и съ веселыми прибаутками, то грубовато сердясь, требовалъ, чтобы Матвѣй взялъ сумку...

— О!.. Конечно же... Вотъ такъ во!—помогалъ онъ больному подмостить сумку.—А я человѣкъ такой, который что я здоровый. Камень подъ голову, болячку подъ бокъ, накрылся печалями—и сплю себѣ, какъ царь Соломонъ послѣ хорошаго стакана монопольки...

— Замѣчательная ночь,—мечтательно бормоталъ онъ потомъ, лежа на спинѣ и обводя глазами черно-зеленое небо.—У-ва!.. И Тетеревъ таки очень замѣчателенъ. Какой отъ него духъ!..

Двѣ небольшія фигурки,—Матвѣя и Хаима,—лежали потомъ долго, безъ движенія и молча, точно длинные снопы.

Матвѣя теперь ужь не лихорадило. Но онъ чувствовалъ большую слабость и радъ былъ лежать тихо и недвижно на прохладной землѣ, отъ которой такъ хорошо и ласково пахло. Вотъ онъ на землѣ... А скоро, пожалуй, будетъ и въ землѣ. Ну что-жь, пусть и такъ... Что-нибудь да будетъ. И развѣ извѣстно, кто раньше будетъ въ землѣ? Ничего неизвѣстно. А ночь хороша, такъ мило пахнетъ земля, такъ мило пахнетъ и рѣка,—а, можетъ быть, пахнетъ и это высокое небо, исколотое золотыми и серебряными звѣздами... Хорошо!.. И главное—хорошо, что умолкъ и не будоражитъ больше своими нервными восклицаніями рыжебородый Хаимъ.

Рыжебородому же Хаиму хорошо оттого, что не раздражаетъ своей тихой покорностью глупый Матвѣй. Очень хорошій человѣкъ Матвѣй, даже вродѣ какъ святой цадикъ, а только понимаетъ онъ мало! Видалъ-ты такое: „что-нибудь да будетъ"... „Что-нибудь"... Значитъ, все равно: свадьба будетъ или похороны будутъ?.. А вотъ онъ, Хаимъ, еслибы онъ былъ на мѣстѣ Матвѣя, — не безпокойтесь онъ бы что сдѣлалъ?.. Онъ бы... онъ бы...

...Хаимъ лежитъ на спинѣ, ноги въ колѣняхъ согнуты, руки подложены подъ голову. Лицо и огненная бороденка смотрятъ въ небо. И такъ эта борода красна, что даже теперь, ночью, какъ будто отсвѣчиваетъ умирающимъ пламенемъ...

— Ого, еслибы я былъ на мѣстѣ Матвѣя, еслибы я имѣлъ всѣ права!..

Хаимъ началъ было мечтать... Но скоро мечты растаяли, расплылись. Въ эту милую и добрую ночь не хочется и мечтать. Зачѣмъ мечтать, даже о самомъ радостномъ, когда ночь лучше всякой мечты, и ничего столь прекраснаго, нѣжнаго и ласкающаго не отыскать и самой мечтѣ, еслибы она обошла и все небо, и всѣ звѣзды?..

Вотъ лежать здѣсь, и смотрѣть, и дышать, и слушать, и ничего не дѣлать, и не мѣшать душѣ наполняться покоемъ и радостью...

Минутъ пять прошло въ полномъ безмолвіи... Потомъ вдругъ раздался глубокій вздохъ и затѣмъ маленькой, жидкой струйкой полился дѣтскій, гладенькій тенорокъ:

Охъ, зачѣмъ этотъ ночь
Такъ била хороша,
Охъ, охъ, охъ, охъ, охъ, охъ,
Ой-яй-яй, ой-яй-яй...

Это пѣлъ Хаимъ.

Пѣніе походило на блеяніе, оно было смѣшно и нелѣпо. Но на выпуклыхъ, къ небу устремленныхъ глазахъ Пожара дрожали слезы...

— Самый первый ученый въ свѣтѣ? — донесся вдругъ встревоженный голосъ.

Это спрашивалъ Кобылюкъ.

— А?

— Вотъ этотъ, который сказалъ про полицейскихъ... Ты говоришь, онъ самый первый ученый?

— Вы это про кого, Акимчикъ?

— Про того, который велѣлъ похоронить двухъ полицейскихъ.

— А, про профессора Луи Пастера?.. Конечно, онъ самый первый. Во всемъ свѣтѣ самый первый.

— Видишь ты: первый...

На крышѣ застучалъ желѣзными когтями воронъ.

— Первый...—бормоталъ Кобылюкъ.—Первый,—а какое слово сказалъ!

Они спали потомъ,—всѣ четверо: Матвѣй, Хаимъ, черный воронъ на крышѣ и подъ широкимъ орѣховымъ кустомъ Акимъ Кобылюкъ.

Рано утромъ всѣ проснулись и, почти ничего не говоря, разошлись по своимъ дѣламъ. Раненый воронъ тоже соскочилъ съ крыши и, пользуясь тѣмъ, что веревку его удлинили, сталъ ковылять по землѣ, прыгать съ одной гранитной глыбы на другую.

Скоро дачная прислуга отправилась на базаръ и по дорогѣ, на берегу, подъ обрывомъ, на которомъ темнѣла „голова Чапскаго",—увидѣла что-то странное... Подошли поближе бабы—и заголосили: упорно не шевелясь, въ какой-то недоброй, противоестественной позѣ, лицомъ къ камнямъ, лежалъ околоточный надзиратель Стебельковъ. На немъ былъ бѣлый китель, странно треснувшій поперекъ спины, бѣлыя перчатки и черезъ плечо—переломанная надвое шашка... Подлѣ шашки кровь... Упалъ сверху съ кручи.

Скоро пріѣхали власти. Началось слѣдствіе. Событіе представлялось крайне загадочнымъ: самоубійство это? Убійство?

Стебельковъ возвращался отъ лѣсничаго, съ именинъ, послѣ обильнаго угощенія и, хмѣльной, можетъ быть, оступился впотьмахъ на зигзагѣ тропинки и полетѣлъ внизъ, на прибережныя глыбы гранита... Возможно, что и такъ... Но если это такъ, то отчего сорвана кобура, отчего оторваны на кителѣ двѣ пуговицы? И почему на бѣломъ рукавѣ видны отпечатки грязныхъ пальцевъ?

Не было-ли борьбы, драки? Не сопротивлялся-ли Стебельковъ? Не столкнулъ-ли его кто-нибудь пьянаго оттуда, сверху, съ обрыва?

Слѣдствіе велось энергично, даже страстно... Было множество обысковъ. Задержали около двухъ десятковъ подозрительныхъ лицъ. Среди задержанныхъ былъ, конечно, и Акимъ Кобылюкъ. Но Акимъ смѣло и дерзко смотрѣлъ въ глаза властямъ и удачно устанавливалъ alibi, ссылаясь на Матвѣя и Хаима Пожара, съ которыми ночевалъ на берегу у навѣса...

Матвѣй и Хаимъ,—а также Теткинъ Вареникъ—подтвердили, что, точно, Акимъ пришелъ къ нимъ, когда садилось солнце, разговаривалъ, когда уже ушелъ мѣсяцъ, а потомъ заснулъ тутъ же подъ орѣшиной. И, когда утромъ встали, Акимъ Кобылюкъ звонко храпѣлъ все подъ тѣмъ же орѣховымъ кустомъ и чуть не въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ, когда заканчивали собесѣдники свои ночные разговоры..

Свидѣтель Хаимъ Пожаръ показаніе свое давалъ твердо и четко. Но самого себя онъ мысленно и съ большой тре-

вогой спрашивалъ: то, что Акима, проснувшись и переворачиваясь послѣ полуночи на другой бокъ, онъ видѣлъ быстро уходящимъ изъ-подъ орѣшины по направленію къ „Головѣ Чапскаго“,—то видѣлъ онъ на самомъ дѣлѣ, или только померещился ему такой сонъ?

— Кажется, онъ уходилъ?.. Акимъ могъ уйти, встрѣтиться по дорогѣ съ околоточнымъ и сбросить его со скалы внизъ,—онъ же мстить хотѣлъ! Онъ же былъ такъ обиженъ, заклеванъ всякими этими околоточными и начальниками, и такъ все сердился, что его не спрашиваютъ, когда пишутъ законъ... Такой былъ всегда сумрачный, какъ вотъ этотъ раненый воронъ на крышѣ... И какъ обратилъ вниманіе, какъ взволновался, когда услыхалъ, что первый ученый Луи Пастеръ предложилъ похоронить вмѣсто одного—парочку полицейскихъ... И онъ таки могъ очень даже хорошо сдѣлать это самое дѣло съ околоточнымъ, а потомъ вернуться подъ кустъ и лечь спать... Развѣ не могъ? Развѣ это таки былъ только сонъ, что Акимъ уходилъ?...

— Не разсказать ли слѣдователю про свои сомнѣнія?

...Маленькій Федотъ есть у Акима... И другія дѣти... И самъ онъ такой несчастный и замученный... Въ чемъ тутъ справедливость, что такъ мучили его?..

Да, но въ чемъ справедливость, если до времени умеръ околоточный?.. Правда, онъ былъ хамъ, мучитель и взяточникъ. Но все-таки—вѣдь смерть!..·Съ обрыва внизъ!..

...—Такъ какъ же: уходилъ послѣ полуночи Акимъ къ „Головѣ Чапскаго“, или это только былъ сонъ?..

Какъ ни напрягалъ Хаимъ Пожаръ свой мозгъ, выяснить себѣ окончательно это обстоятельство онъ не могъ... Склонялся—и хотѣлъ склоняться къ тому, что это былъ только сонъ... Ну, а свидѣтели должны показывать только то, что знаютъ твердо,—самъ слѣдователь говоритъ это,—и про сны свои распространяться свидѣтелямъ нечего...

Хаимъ Пожаръ и не распространялся.

Однако веселую огненную живость со времени свидѣтельскихъ показаній своихъ онъ утратилъ, козлинымъ теноромъ что-то совсѣмъ ужь не пѣлъ, — даже и въ самыя прекрасныя ночи,—и когда, случалось, заходила при немъ рѣчь о томъ, что причины смерти околоточнаго такъ-таки навсегда остались невыясненными, онъ становился тревожнымъ и мрачнымъ, почти такимъ же мрачнымъ, какъ Акимъ Кобылюкъ и какъ заклеванный воронъ на крышѣ навѣса.

Д. Айзманъ.

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ.

Романъ Шарля де-Костера.

Пер. Б. Ю. Коршанъ.

(Продолженіе).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1.

Онъ уходитъ, Вильгельмъ Молчаливый, Господь ведетъ его.

Уже схвачены оба графа. Альба обѣщалъ Молчаливому милость и прощеніе, если онъ явится.

При этомъ извѣстіи Уленшпигель обращается къ Ламме:
—Чертъ побери!—восклицаетъ онъ:—по настоянію генералъ-прокурора Дюбуа, герцогъ приглашаетъ принца Оранскаго, его брата Людвига, Гоогстратена, ванъ-денъ-Берга, Кюйлембурга, Бредероде и прочихъ друзей принца втеченіе шести недѣль явиться къ суду и обѣщаетъ имъ правосудіе и милосердіе. Слушай, Ламме: какъ-то одинъ амстердамскій еврей, увидѣвъ съ улицы въ окнѣ верхняго этажа какого-то своего врага, сталъ звать его сойти на улицу:

— „Сойди внизъ,—кричалъ онъ:—я тресну тебя по башкѣ такъ, что она влѣзетъ тебѣ въ грудную клѣтку и будетъ смотрѣть на божій свѣтъ сквозь ребра, какъ воръ сквозь тюремную рѣшетку.

— „Ну,—отвѣтилъ тотъ,—обѣщай мнѣ хоть въ сто разъ больше колотушекъ, и то я не сойду!"—Такъ могутъ отвѣтить принцъ Оранскій и его друзья. Да такъ они и сдѣлали: вѣдь они отказались явиться. Эгмонтъ и Горнъ поступили иначе. И судъ Божій покараетъ эту слабость по отношенію къ своему долгу.

2.

Господа д'Андло, дѣти Баттенбурга и иные славные и знатные дворяне были въ это время казнены на Конскомъ рынкѣ въ Брюсселѣ за попытку внезапнымъ нападеніемъ овладѣть Амстердамомъ.

Когда всѣ они, числомъ восемнадцать, съ пѣніемъ гимновъ шествовали къ мѣсту казни, всю дорогу позади нихъ и передъ ними шли барабанщики и громко били въ свои барабаны.

И испанскіе солдаты, окружавшіе ихъ, обжигали ихъ факелами то съ той, то съ другой стороны. И, когда они корчились отъ боли, солдаты издѣвались надъ ними: — Что, господа лютеране, больно, что васъ жгутъ до времени?

Того, кто предалъ ихъ, звали Дирикъ Слоссе. Онъ заманилъ ихъ въ Энкгюйзенъ, бывшій еще католическимъ, и здѣсь выдалъ сыщикамъ Альбы.

И они умерли мужественно.

И наслѣдство послѣ нихъ получилъ король.

3.

— Вотъ онъ прошелъ — видѣлъ? — спросилъ переодѣтый дровосѣкомъ Уленшпигель, обращаясь къ Ламме, который былъ въ такомъ же нарядѣ: — видѣлъ ты грязную образину этого герцога съ его плоскимъ лбомъ, низкимъ, какъ у орла, съ его бородой, напоминающей веревку на висѣлицѣ? Удуши его Господь! Видѣлъ ты паука съ длинными, мохнатыми ногами, извергнутаго сатаной въ блевотинѣ, когда его рвало на нашу землю? Пойдемъ, Ламме, пойдемъ набросаемъ камней въ ихъ сѣть...

— Ахъ, — вздохнулъ Ламме, — насъ сожгутъ на кострѣ!

— Идемъ въ Гроненд аль, другъ мой, идемъ въ Гронендаль; тамъ — прекрасный монастырь, гдѣ его паучье высочество, господинъ герцогъ молитъ Господа Бога помочь ему завершить его дѣло — а именно, чтобы его черные приспѣшники могли покопаться въ мертвечинѣ. Теперь у насъ постъ. И герцогъ поститъ — только отъ крови никакъ не можетъ отказаться его высочество. Пойдемъ, Ламме; домъ въ Оэнѣ окруженъ тамъ пятьюстами вооруженными всадниками; триста пѣхотинцевъ выступили въ походъ и вошли въ суаньскій лѣсъ. Альба тамъ молится; бросимся на него, схватимъ, посадимъ въ хорошую желѣзную клѣтку и пошлемъ герцогу.

Но Ламме дрожалъ отъ страха.

— Опасно это, сынъ мой, очень опасно, — говорилъ онъ: — я бы не отказался содѣйствовать тебѣ въ этомъ замыслѣ, будь ноги мои не такъ слабы, а брюхо не такъ раздуто кислымъ пивомъ, которымъ приходится пробавляться въ этомъ Брюсселѣ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ ямѣ, вырытой среди чащи; выглянувъ сквозь листву, точно изъ барсучьей норы

друзья увидѣли красные и желтые мундиры шедшихъ въ лѣсу герцогскихъ солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ.

— Мы попались,—сказалъ Уленшпигель.

Когда солдаты прошли, онъ спѣшно бросился въ Оэнъ; они пропустили его, не обращая на него вниманія, такъ какъ онъ былъ въ одеждѣ дровосѣка и на спинѣ несъ вязанку дровъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ всадниковъ; узнавъ отъ него, что въ лѣсу войско герцога, они разсѣялись въ разныя стороны и ускользнули и лишь господинъ де-Бозаръ д'Армантьеръ былъ захваченъ. Пѣхоту, пришедшую изъ Брюсселя, не удалось нигдѣ отыскать.

Всѣхъ выдалъ одинъ трусливый предатель изъ полка господина де-Лика.

И господинъ де-Бозаръ жестоко поплатился за всѣхъ остальныхъ.

Съ сердцемъ, полнымъ ужаса, пошелъ Уленшпигель въ Брюссель, чтобы здѣсь присутствовать при его безчеловѣчной казни. Несчастный д'Армантьеръ былъ привязанъ къ колесу и получилъ тридцать семь ударовъ желѣзной полосой по ногамъ и рукамъ, которыя раздробили одну за другой, ибо палачи хотѣли причинить ему неимовѣрныя страданія.

Тридцать седьмой ударъ онъ получилъ прямо въ грудь, и отъ него умеръ.

4.

Въ теплый свѣтлый іюньскій день на площади передъ ратушей воздвигли въ Брюсселѣ эшафотъ, обитый чернымъ сукномъ; по бокамъ высились два столба съ желѣзными остріями. На эшафотѣ были двѣ черныя подушки и столикъ, на которомъ стояло серебряное распятіе.

На этомъ эшафотѣ были обезглавлены мечомъ благородные графы Эгмонтъ и Горнъ. И наслѣдство получилъ король.

И посланникъ Франциска Перваго сказалъ объ Эгмонтѣ: —Я видѣлъ, какъ отрубили голову тому, предъ кѣмъ дважды трепетала Франція.

И головы графовъ были воткнуты на желѣзныя острія.

И Уленшпигель сказалъ Ламме:—Тѣла и кровь покрыты чернымъ сукномъ. Благословенны тѣ, кто съ мужественнымъ сердцемъ и готовымъ мечомъ ждутъ черныхъ дней, которые неминуемы.

5.

Молчаливый набралъ войско и съ трехъ сторонъ вторгся въ Нидерланды.

Въ собраніи дикихъ гёзовъ въ Маренгаутѣ такъ гово-

рилъ Уленшпигель:—По совѣту господъ инквизиторовъ король Филиппъ объявилъ, что всякій и каждый обыватель нидерландскій, причастный оскорбленію величества или ереси, или въ томъ, что не оказалъ ей должнаго противодѣйствія, считается отнынѣ виновнымъ, и въ виду сего гнуснаго преступленія, безъ различія пола и возраста, за исключеніемъ лишь особо поименованныхъ лицъ, присуждается къ наказаніямъ, соотвѣтствующимъ симъ чудовищнымъ преступленіямъ. Наслѣдство получаетъ король. Смерть коситъ въ этой странѣ, что, богатая и обширная, лежитъ между Сѣвернымъ моремъ, графствомъ Эмденъ, Вестфаліей, Юлихъ-Клеве и Льежемъ, епископствами кельнскимъ и трирскимъ, Лотарингіей и Франціей; смерть коситъ на полѣ протяженіемъ въ триста сорокъ миль, въ двухстахъ укрѣпленныхъ городахъ и множествѣ мѣстечекъ, фермъ, хуторовъ. А наслѣдникъ—король.

— Не такъ ужь всесильны эти одиннадцать тысячъ палачей. Альба называетъ ихъ солдатами. А родина стала кладбищемъ, покинута промышленниками, ремесленниками, художниками, купцами, чтобы обогащать чужбину, которая даетъ имъ возможность молиться Богу ихъ свободной совѣсти. Смерть коситъ свою жатву. А наслѣдникъ—король.

— Страна имѣла права, купленныя за большія деньги у обѣднѣвшихъ государей; эти права отняты. Она надѣялась, что договоры съ государями дадутъ ей возможность мирно радоваться богатымъ плодамъ своей работы. Не тутъ-то было: каменщикъ строитъ жертву пожара, ремесленникъ работаетъ для вора. Наслѣдникъ—король.

— Кровь и слезы! Смерть коситъ повсюду—на деревьяхъ ставшихъ висѣлицами вдоль большой дороги, въ могилахъ, куда бросаютъ живыми бѣдныхъ дѣвушекъ, въ темницахъ, гдѣ чахнутъ заключенные, на кострахъ, гдѣ на медленномъ огнѣ тлѣютъ жертвы; въ пылающихъ соломенныхъ хижинахъ въ дыму и пламени которыхъ гибнутъ несчастные. Ихъ наслѣдникъ—король.

— Такъ хотѣлъ папа въ Римѣ.

— Города переполнены сыщиками, ждущими своей доли въ имуществѣ жертвъ. Чѣмъ кто богаче, тѣмъ виновнѣе. Наслѣдникъ—король.

— Но есть въ странѣ мужественные люди, которые не дадутъ перебить себя, какъ барановъ. Среди бѣжавшихъ есть вооруженные, пока скрывающіеся въ лѣсахъ. Монахи выдаютъ ихъ, чтобы ихъ перебили и ограбили. И они по ночамъ или днемъ, точно дикіе звѣри, нападаютъ на монастыри и отбираютъ тамъ назадъ украденныя у бѣдноты деньги въ видѣ подсвѣчниковъ, золотыхъ и серебряныхъ

ларцовъ для мощей, дарохранительницъ, дискосовъ и драгоцѣнныхъ сосудовъ. Не такъ ли, добрые люди? Тамъ пьютъ они старое винцо, выдержанное монахами для себя. И сосуды, переплавленные или заложенные, идутъ на дѣло священной войны. Да здравствуетъ гёзъ!

— Они выслѣживаютъ королевскихъ солдатъ, убиваютъ ихъ, грабятъ и опять скрываются въ своихъ логовищахъ. Днемъ и ночью въ перелѣскахъ вспыхиваетъ то тамъ, то сямъ огонекъ, гаснетъ и вновь вспыхиваетъ въ другомъ мѣстѣ. Это огоньки нашихъ пиршествъ. Наша добыча — всякая дичь, пернатая и косматая. Мы — господа. Крестьяне, когда надо, снабжаютъ насъ хлѣбомъ и саломъ. Присмотрись-ка, Ламме: въ отрепьяхъ, одичалые, рѣшительные, съ отвагой во взорѣ, со своими топорами, сѣкирами, мечами, шпагами, пиками, копьями, луками, колотушками бродятъ они по лѣсамъ, ибо всякое оружіе имъ годно и они не хотятъ ходить ровными рядами, точно солдаты. Да здравствуетъ гёзъ!

И Уленшпигель запѣлъ:

Slaet op den trommele van dirre dom deyne,
Slaet op den trommele van dirre dum dum
    Бей въ барабаны, van dirre dom deyne,
    Собирайся, народъ, на войну!

Альба палачъ. Смѣло бей его въ рожу!
Вырви лживый языкъ! Сдери съ него кожу!
    Слово его—смерть и обманъ!
    Да здравствуетъ гёзъ! Бей въ барабанъ!

Псамъ его кишки! На плаху собаку!
Самъ съ нами затѣялъ кровавую драку!
    Наука ему, чтобы къ намъ онъ не лѣзъ!
    Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гезъ!

Спаситель, взгляни: вотъ войско Христово—
За правду, за родину, за Божье слово
    На плаху, на пытки готово оно!
    Сожгутъ, повѣсятъ: намъ все равно.
Slaet op den trommele van dirre dom deyne
Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гезъ!

И всѣ чокались, восклицая:—Да здравствуетъ гёзъ!

И Уленшпигель пилъ изъ вызолоченнаго бокала и гордо смотрѣлъ на мужественныя лица дикихъ гёзовъ.

— Дикіе! — говорилъ онъ: — вы волки, тигры, львы. Пожрите же окровавленныхъ собакъ королевскихъ!

— Да здравствуетъ гёзъ, — восклицали они и повторяли его припѣвъ:

Slaet op den trommele van dirre dom deyne;
Slaet op den trommele van dirre dum dum;
    Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гёзъ!

6.

Уленшпигель вербовалъ въ Ипрѣ солдатъ для принца; скрываясь отъ преслѣдованій герцогскихъ сыщиковъ, онъ поступилъ на службу причетникомъ къ пріору церкви св. Мартина. Товарищемъ его по службѣ былъ звонарь по имени Помпиліусъ Нюманъ, здоровенный парень, но трусишка, ночью принимавшій свою тѣнь за черта, а рубашку за привидѣніе.

Пріоръ былъ толстъ и упитанъ, какъ пулярдка, выкормленная для вертела. Уленшпигель скоро замѣтилъ, на какихъ тучныхъ лугахъ пасся пріоръ, копя свой жирокъ. Какъ онъ узналъ отъ звонаря и какъ самъ видѣлъ своими глазами, пріоръ обѣдалъ въ девять часовъ утра, ужиналъ въ четыре. До половины девятаго онъ спалъ, потомъ передъ ѣдой отправлялся въ церковь посмотрѣть, каковъ былъ кружечный сборъ. Половину того, что оказывалось въ кружкахъ, онъ пересыпалъ въ свой кошелекъ. Въ девять часовъ онъ обѣдалъ: съѣдалъ тарелку молочнаго супа, полъ бараньей ноги, пирогъ изъ цапли и выпивалъ пять рюмокъ брюссельскаго вина. Въ десять часовъ онъ высасывалъ нѣсколько сливъ, орошая ихъ орлеанскимъ виномъ, моля при этомъ Господа Бога не дать ему впасть въ чревоугодіе. Въ полдень для препровожденія времени онъ обгрызалъ какую-нибудь птичью ножку, присоединяя къ ней и крылышко. Въ часъ онъ начиналъ думать о своемъ ужинѣ и сообразно съ этимъ выливалъ въ себя добрый стаканъ испанскаго вина. Затѣмъ онъ ложился въ постель и дремалъ минутку для отдохновенія.

Проснувшись, онъ начиналъ для возбужденія аппетита, съ соленой лососины, къ которой присоединялась кружка антверпенскаго Dobbel-Knol. Затѣмъ онъ переходилъ въ кухню и располагался здѣсь передъ очагомъ, гдѣ весело трещали дрова. Внимательно слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ монахи аббатства жарили здѣсь или подрумянивали на вертелѣ телячью вырѣзку или ошпареннаго поросенка, который казался ему много предпочтительнѣе ломтя сухого хлѣба. Но настоящій голодъ еще не назрѣлъ вполнѣ, и пріоръ разсматривалъ хитрую механику вертела, который какъ-бы чудомъ вращался самъ собой. Это было созданіе Питера фанъ-Стеенкисте, кузнеца, жившаго въ кортрейкскомъ кастеллянствѣ. Пріоръ заплатилъ ему за этотъ вертелъ пятнадцать парижскихъ ливровъ.

Затѣмъ онъ опять ложился въ постель, устало вытягивался тамъ, въ два пробуждался, проглатывалъ немножко свиного студня, запивая его бургундскимъ, которое онъ покупалъ по двѣсти сорокъ гульденовъ за бочку. Въ три часа

онъ съѣдалъ цыпленка въ мадерѣ, котораго запивалъ двумя стаканами мальвазіи по семнадцать гульденовъ боченокъ. Въ половинѣ четвертаго онъ закусывалъ полу-банкой варенья, запивая его медомъ. Отъ этого всего онъ становился бодръ духомъ, бралъ одну изъ своихъ ногъ въ руки и покоился сосредоточенно до четырехъ часовъ.

Въ четыре наступало время ужина—и въ этотъ сладостный часъ часто навѣщалъ его аббатъ церкви св. Іоанна. Не разъ бились они при этомъ объ закладъ, кто изъ нихъ обоихъ съѣстъ больше рыбы, дичи, птицы, мяса. Кто первый отставалъ, долженъ былъ угостить другого блюдомъ рубленаго мяса съ тремя сортами вина, четырьмя приправами и семью гарнирами изъ зелени.

Такъ пили они и ѣли, ведя совмѣстную бесѣду о еретикахъ, причемъ были въ полномъ согласіи, что сколько ихъ ни перебить, все будетъ мало. И никогда не возникало между ними ни малѣйшаго спора, кромѣ того случая, когда имъ приходилось препираться о тридцати-девяти способахъ, коими изготовляется добрый пивной супъ.

Затѣмъ они склоняли свои достопочтенныя головы на благоговѣйныя пуза и храпѣли. Случалось, кто-нибудь изъ нихъ открывалъ на мгновеніе глаза и бормоталъ при этомъ, что жизнь на этомъ свѣтѣ—сладостная штука и что нищіе бездѣльники напрасно жалуются на нее.

При этомъ святомъ мужѣ состоялъ причетникомъ Уленшпигель. Онъ отлично прислуживалъ ему при мессѣ, только чашу всегда наполнялъ трижды: два раза для себя и разъ для пріора. И звонарь Помпиліусъ Нюманъ помогалъ ему при этомъ. Видя его цвѣтущее здоровье, красныя щеки и толстое брюшко, Уленшпигель задалъ ему вопросъ, здѣсь-ли, на службѣ у пріора онъ пріобрѣлъ столь завидныя достоинства.

— Конечно, сынъ мой,—отвѣчалъ Помпиліусъ—закрой только дверь, чтобы насъ никто не слышалъ,

И онъ шепотомъ разсказалъ ему:—Ты вѣдь знаешь, какъ нѣжно нашъ господинъ пріоръ любитъ всякія вина и пиво, всякое мясо и птицу. Онъ запираетъ мясо въ кладовкѣ, вино въ погребѣ и всегда носитъ ключи въ карманѣ. И когда спитъ, не отнимаетъ рукъ отъ нихъ. Ночью, когда онъ уснетъ, я пробираюсь къ нему, не безъ опаски, снимаю ключи съ его брюшка, потомъ кладу назадъ. Не безъ опаски: ибо, сынъ мой, если онъ узнаетъ о моемъ преступленіи, онъ меня сваритъ живьемъ.

— Незачѣмъ такъ затрудняться, Помпиліусъ,—сказалъ Уленшпигель: — достаточно стащить ключи одинъ разъ и

сдѣлать по ихъ образцу новые; а старые пусть себѣ лежатъ на пузѣ отца пріора.

— Сдѣлай это, сынъ мой,—сказалъ Помпиліусъ

И Уленшпигель сдѣлалъ поддѣльные ключи; часамъ къ восьми вечера, когда онъ и Помпиліусъ рѣшали, что благодушный пріоръ уснулъ, они спускались внизъ и добывали себѣ мяса и вина сколько было душѣ угодно. Уленшпигель несъ бутылки, Помпиліусъ ѣду, ибо онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, а окорока и бараньи лопатки не разбиваются, когда падаютъ на полъ. Не разъ забирали они также птицу, прежде чѣмъ ее зажарили, въ чемъ обвинены были многія кошки по сосѣдству и претерпѣли казнь за свое преступленіе.

Затѣмъ они отправлялись въ Ketel-Straat, улицу веселыхъ дѣвушекъ. Здѣсь они были щедры, кормили своихъ любушекъ солониной и ветчиной, вареной колбасой и птицей, поили ихъ орлеанскими и бургундскими винами и англійскимъ пивомъ, которое за моремъ называется *эль*, ручьями вливая все это въ свѣжія глотки своихъ красотокъ. Ласками платили имъ за это.

Но однажды утромъ послѣ ѣды пріоръ позвалъ ихъ обоихъ. Съ грознымъ лицомъ сосалъ онъ мозговую кость изъ супа.

Помпиліусъ дрожалъ въ своихъ штанахъ и брюхо его содрогалось отъ страха. Уленшпигель былъ совершенно спокоенъ и лишь весело ощупывалъ ключи отъ погреба въ своихъ карманахъ.

— Кто-то пьетъ мое вино и ѣстъ мою птицу,—сказалъ ему пріоръ:—не ты ли это, сынъ мой?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— А этотъ звонарь,—и онъ указалъ при этомъ на Помпиліуса — не приложилъ-ли и онъ руку къ этому дѣлу? Онъ блѣденъ, какъ покойникъ. Видно, украденное вино дѣйствуетъ на него, какъ ядъ.

— Ахъ, ваше преподобіе,—отвѣтилъ Уленшпигель:—вы несправедливы, обвиняя звонаря. Ибо если онъ блѣденъ, то не оттого, что пилъ ваше вино, но оттого, что мало пилъ его; онъ чахнетъ со дня на день и если ничего противъ этого не предпринять, его душа ручьемъ ускользнетъ сквозь его штаны.

— Есть бѣдные люди на землѣ! — вздохнулъ пріоръ и хватилъ чудовищный глотокъ вина изъ стоявшаго предъ нимъ стакана.—Но скажи, сынъ мой, у тебя вѣдь рысьи глаза,—ты никакого вора не замѣтилъ?

— Я буду слѣдить, ваше преподобіе,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Господь да утѣшитъ васъ своей милостью, дѣти мои,— сказалъ пріоръ:—живите въ трезвости, ибо изъ невоздержности проистекаютъ всѣ бѣдствія сей юдоли слезъ. Идите съ миромъ.

И, благословивъ ихъ, онъ впился въ мозговую кость и выпилъ еще большой стаканъ вина.

Уленшпигель и Помпиліусъ вышли.

— Этотъ гнусный скаредъ не далъ тебѣ ни капли своего вина, — сказалъ Уленшпигель: — по истинѣ благословенъ хлѣбъ, который крадутъ у него. Но что съ тобой, почему ты такъ дрожишь?

— Мои штаны мокры насквозь.

— Вода сохнетъ быстро, сынъ мой. Но будь веселѣй. Сегодня сыграемъ плясовую на бутылкахъ въ Ketel-Straat. И напоимъ допьяна всѣхъ трехъ ночныхъ сторожей. Пусть храпя стерегутъ городъ.

Такъ и сдѣлали.

Между тѣмъ пришелъ день св. Мартина; церковь была украшена. Ночью Уленшпигель и Помпиліусъ вошли въ нее, заперли за собой двери, зажгли всѣ свѣчи, взяли скрипку и волынку и играли сколько душѣ угодно. И свѣчи сіяли, какъ солнце. Но это было еще не все. Навеселившись вдоволь, они отправились къ пріору, котораго, не смотря на поздній часъ, застали еще на ногахъ. Онъ пилъ рейнвейнъ, жевалъ жаренаго дрозда и широко раскрылъ глаза, когда увидѣлъ освѣщеніе въ окнахъ церкви.

— Ваше преподобіе, — сказалъ Уленшпигель: — хотите знать, кто ѣстъ [ваше мясо и пьетъ ваше вино?

— Что за освѣщеніе!—воскликнулъ пріоръ, указывая на окна церкви:—Господи Боже, неужто это съ Твоего соизволенія св. Мартинъ жжетъ по ночамъ свѣчи бѣдныхъ монаховъ, ничего не платя за нихъ?

— Онъ и не то еще дѣлаетъ,—сказалъ Уленшпигель:— пожалуйте съ нами, отецъ пріоръ.

Тотъ взялъ свой посохъ, и они вошли въ церковь.

Здѣсь посреди храма онъ увидѣлъ всѣхъ святыхъ, точно они, выйдя изъ своихъ нишъ, собрались въ кружокъ. И св. Мартинъ являлся какъ бы начальникомъ ихъ, ибо онъ головой былъ выше всѣхъ; въ рукѣ, протянутой для благословенія, онъ держалъ жареную индѣйку. У другихъ были во рту или въ рукахъ куски гусятины или курятины, колбасы, ветчина, рыба сырая и вареная, между прочимъ щука добрыхъ пятнадцати фунтовъ вѣса. И въ ногахъ у каждаго стояло по бутылкѣ вина.

При видѣ всего этого пріоръ не зналъ, что съ собой дѣлать отъ ярости; онъ такъ покраснѣлъ и лицо его такъ

вздулось, что Помпиліусъ и Уленшпигель испугались, какъ бы онъ тутъ-же не лопнулъ. Но пріоръ, не обращая на нихъ вниманія, грозно подошелъ къ св. Мартину, котораго онъ, очевидно, считалъ отвѣтственнымъ за злоумышленія всѣхъ прочихъ, вырвалъ у него изъ рукъ индѣйку и ударилъ его такъ неистово, что разбилъ ему руку, носъ, посохъ и митру.

Не помиловалъ онъ и другихъ, и не одинъ изъ святителей потерялъ подъ его ударами руки, ноги, митру, посохъ, косу, сѣкиру, рѣшетку, косу и иные знаки своего достоинства и своей мученической кончины. Затѣмъ пріоръ съ бѣшеной быстротой сталъ съ трясущимся брюхомъ задувать всѣ свѣчи.

Всѣ окорока, птицу и колбасу, сколько могъ собрать, онъ взялъ съ собой и, согбенный подъ этой ношей, онъ возвратился въ свою келью. Но онъ былъ такъ разъяренъ и удрученъ, что вынужденъ былъ выпить одну за другой три бутылки вина.

Уленшпигель подождалъ, пока онъ уснулъ, и тогда унесъ все, что только отобралъ у святыхъ, а также то, что осталось въ церкви, въ Ketel-Straat, полакомившись предварительно лучшими кусочками. Объѣдки оставилъ онъ у ногъ святыхъ.

На другой день, пока Помпиліусъ звонилъ къ заутрени, Уленшпигель вошелъ къ пріору въ опочивальню и опять пригласилъ его пойти въ церковь.

Здѣсь, указавъ на объѣдки и на святыхъ, онъ сказалъ:—Что-жь, отецъ пріоръ, ничто не помогло: они все-таки все съѣли.

— Да,—отвѣтилъ пріоръ:—даже въ мою опочивальню пробрались и утащили все, что я спасъ. Такъ, господа святые?—вотъ я пожалуюсь на васъ его святѣйшеству.

— Такъ-то такъ,—сказалъ Уленшпигель:—только вотъ послѣзавтра крестный ходъ, скоро въ церковь придутъ рабочіе. Увидятъ они эти разбитыя статуи,—какъ бы васъ не обвинили въ кощунствѣ.

— О, св. Мартинъ,—простоналъ пріоръ—спаси меня отъ костра! Я не помнилъ, что дѣлаю.

Затѣмъ обратившись къ Уленшпигелю — между тѣмъ, какъ трусливый Помпиліусъ звонилъ въ колокола,—пріоръ сказалъ:—Къ воскресенью никакъ не успѣютъ починить св. Мартина. Что дѣлать? Что скажетъ народъ?

— Ваше преподобіе,—сказалъ Уленшпигель:—надо употребить маленькую хитрость. Мы приклеимъ Помпиліусу бороду—видъ у него всегда мрачный и потому очень почтеный,—надѣнемъ на него митру, хитонъ, мантію и весь

уборъ святителя. Онъ будетъ спокойно стоять на своемъ пьедесталѣ и народъ приметъ его за статую св. Мартина.

Пріоръ поднялся къ Помпиліусу, который все еще звонилъ въ колокола, и обратился къ нему: — Перестань звонить и слушай: хочешь заработать пятнадцать дукатовъ? Въ воскресенье во время крестнаго хода ты будешь изображать св. Мартина. Уленшпигель тебя одѣнетъ какъ надо; но если ты въ то время, какъ тебя будутъ нести твои четыре носильщика, сдѣлаешь движеніе, я прикажу сварить тебя въ кипящемъ маслѣ въ котлѣ, который, по заказу палача, только что обмуровали на Рыночной площади.

— Ваше преподобіе,—отвѣтилъ Помпиліусъ—я преданъ вамъ безконечно, но вы вѣдь знаете, что я страдаю недержаніемъ...

— Повинуйся!—сказалъ пріоръ.

— Повинуюсь,—жалобно отвѣтилъ Помпиліусъ.

7.

На слѣдующій день при яркомъ солнечномъ сіяніи крестный ходъ вышелъ изъ церкви. Уленшпигель по возможности починилъ двѣнадцать святыхъ, которые колыхались теперь на своихъ носилкахъ среди цеховыхъ и гильдейскихъ знаменъ. За ними двигалась статуя Пресвятой Дѣвы, затѣмъ шла съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ ея почетная свита изъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ; за ними двигались стрѣлки изъ лука и, наконецъ, подлѣ балдахина, Помпиліусъ, качавшійся еще болѣе, чѣмъ другіе, и еле державшійся подъ бременемъ пышнаго убранства св. Мартина.

Уленшпигель раздобылъ порошокъ, причиняющій зудъ. Онъ самъ одѣлъ Помпиліуса въ епископское облаченіе, далъ ему перчатки и посохъ и показалъ, какъ благословлять народъ по латинскому обряду. Онъ помогалъ одѣваться и священникамъ; на одного накинулъ орарь, другому подалъ рясу, діакону надѣлъ стихарь. Онъ метался по церкви, здѣсь разглаживая складки кафтана, тамъ штаны. Онъ расхваливалъ начищенные самострѣлы и страшные луки братства стрѣлковъ. И каждому онъ насыпалъ за шею, на спину или на руку своего порошка. Больше всѣхъ получилъ каноникъ и четыре носильщика св. Мартина. Только дѣвушекъ изъ свиты Пресвятой Дѣвы онъ не тронулъ,—ради ихъ нѣжной красоты.

Съ развѣвающимися флагами и распростертыми знаменами въ чинномъ порядкѣ вышла торжественная процессія изъ храма. Толпа крестилась. Солнце палило.

Каноникъ прежде всѣхъ почувствовалъ дѣйствіе порошка и почесался за ухомъ. За нимъ стали чесаться всѣ, духовенство и стрѣлки; они чесали себѣ шеи, ноги, руки, стараясь однако не показать этого. Чесалась и четверка, несшая св. Мартина, но звонарь, страдавшій больше всѣхъ, такъ какъ лучи солнца припекали его болѣе другихъ, не смѣлъ шевельнуться изъ страха, что его сварятъ живьемъ. Онъ дергалъ носомъ, корчилъ чудовищныя рожи и тряссл на своихъ дрожащихъ ногахъ, такъ какъ каждый разъ, когда какой-либо изъ его носильщиковъ чесался, онъ чуть не падалъ съ своей высоты.

Но такъ какъ онъ не смѣлъ двинуться, то изъ него лило, и носильщики переговаривались: — Св. Мартинъ, неужто будетъ дождь?

Духовенство пѣло гимнъ Пресвятой Дѣвѣ:

Si de coe... coe... lo descenderes,
O sanc... ta... ta... ta Ma... ma... ria.

Ибо отъ зуда, ставшаго невыносимымъ, дрожали ихъ голоса; однако они старались чесаться незамѣтно. Каноникъ же и четверка статуеносцевъ только что не разорвали себѣ шеи и суставы. Помпиліусъ стоялъ прямо, дрожа на своихъ ногахъ, страдавшихъ больше всего.

Но вдругъ стрѣлки, діаконы, священники, каноникъ и несшіе св. Мартина всѣ остановились и начали чесаться. Отъ порошка у Помпиліуса свербѣли пятки невыносимо, но онъ не шевелился, боясь упасть.

И въ толпѣ зѣвакъ говорили, что св. Мартинъ дико ворочаетъ глазами и показываетъ народу очень сердитое лицо.

Затѣмъ по знаку каноника крестный ходъ опять двинулся въ путь.

Но вскорѣ палящіе лучи солнца, падающіе на спины и животы участниковъ процессіи, сдѣлали дѣйствіе порошка нестерпимымъ. И тутъ духовенство, стрѣлки, діаконы, каноникъ, остановились точно стадо о ъ и начали ужь безъ всякаго стыда чесаться вездѣ, гдѣ зудило.

Дѣвушки пѣли гимны, и свѣжіе голоса, звонко возносясь къ небу, звучали, какъ ангельскіе хоры.

И всѣ разбѣжались, кто куда могъ.

благоговѣйный народъ унесъ св. мощи обратно въ церковь; четверка, несшая св. Мартина, попросту бросила звонаря на землю. Здѣсь онъ лежалъ, не смѣя ни почесаться, ни шевельнуться, ни промолвить слово и лишь покорно закрывъ глаза.

Два парня рѣшили было понести его, но онъ показался

имъ слишкомъ тяжелымъ и они поставили его, прислонивъ къ стѣнѣ. И слезы градомъ лились изъ его глазъ.

Народъ собрался вокругъ него. Своими бѣлыми полотняными носовыми платками женщины отирали его лицо, чтобы собрать его слезы, какъ священную реликвію, и говорили при этомъ:—Какъ вы потѣете, ваша святость!

Звонарь жалостно смотрѣлъ на нихъ и противъ воли корчилъ рожу.

Но слезы вновь хлынули ручьями изъ его глазъ и женщины говорили: — О, св. Мартинъ, вы плачете о прегрѣшеніяхъ города Ипра? Отчего такъ подергивается вашъ святой носъ? А мы слушались поученій Людовика Вивеса и бѣдняки города Ипра обезпечены работой и ѣдой. Ахъ, какія крупныя слезы — настоящія жемчужины! Вотъ гдѣ наше спасеніе!

И мужчины говорили: — Не прикажешь-ли, св. Мартинъ, разрушить всѣ веселые дома въ городѣ? Но тогда скажи намъ, какъ помѣшать бѣднымъ дѣвушкамъ бѣгать по ночамъ и вытворять всякія продѣлки?

И вдругъ поднялся крикъ:—Вотъ идетъ причетникъ!

Уленшпигель подошелъ, взялъ Помпиліуса въ охапку, взвалилъ его себѣ на плечи и понесъ. И толпа благоговѣйно слѣдовала за нимъ.

— Охъ, — сказалъ ему на ухо несчастный звонарь: — я издыхаю отъ зуда, сынъ мой.

— Держись прямо,—отвѣтилъ Уленшпигель:—забылъ ты, что-ли, что ты—деревянная статуя,?

Онъ быстро шагалъ и принесъ звонаря къ пріору. Тотъ уже исцарапалъ себя ногтями до крови.

— Звонарь,—сказалъ пріоръ,—чесался ты такъ, какъ я?

— Нѣтъ, ваше преподобіе.

— Говорилъ ты или шевелился?

— Нѣтъ, ваше преподобіе.

— Ну, получишь свои пятнадцать дукатовъ. Иди и чешись сколько угодно.

8.

На другой день народъ узналъ отъ Уленшпигеля, что собственно произошло, и нашелъ, что надъ нимъ зло подшутили, заставивъ всѣхъ поклоняться, вмѣсто святого, плаксѣ, дѣлающему подъ себя.

И многіе стали еретиками, покинули городъ со всѣмъ своимъ достояніемъ и перешли въ войско принца.

Уленшпигель возвратился въ Льежъ.

Задумчиво сидѣлъ онъ здѣсь какъ-то въ лѣсу, размышляя. Онъ смотрѣлъ на ясное небо и говорилъ себѣ: — Все

война да война: испанцы избиваютъ народъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ и дѣвушекъ. Расхищается наше добро, ручьями течетъ наша кровь, не принося пользы никому, кромѣ развѣ царственнаго балбеса, которому хочется украсить свою корону новымъ узоромъ власти. Онъ считаетъ славнымъ отличіемъ этотъ узоръ крови, узоръ пожаровъ. Ахъ если-бы я могъ тебя украсить по моему вкусу, мухи были бы твоимъ единственнымъ обществомъ.

Во время этихъ размышленій вдругъ онъ увидѣлъ, какъ мимо него пронеслось стадо оленей. Здѣсь были большіе старые самцы, гордо несшіе свои девятиконечные рога; рядомъ съ ними, точно тѣлохранители, бѣжали стройные двухлѣтки, какъ бы готовые поддержать ихъ своими острыми рожками. Уленшпигель не зналъ, куда они бѣгутъ, но подумалъ, что они возвращаются въ свое логовище.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—старые самцы и молодые олени, вы гордо и весело несетесь въ глубинѣ лѣса къ своему пристанищу, объѣдаете молодые побѣги, вдыхаете сладостныя благоуханія и наслаждаетесь бытіемъ, пока не придетъ вашъ палачъ, охотникъ. Такъ и мы живемъ, благородные олени!

И пепелъ Клааса стучалъ въ сердце Уленшпигеля.

9.

Въ сентябрѣ, въ дни, когда перестаютъ кусать комары. Оранскій съ шестью полевыми пушками и четырьмя тяжелыми орудіями, говорившими отъ его имени, а также съ четырнадцатью тысячами фламандцевъ, валлоновъ и нѣмцевъ переправился черезъ Рейнъ у Санктъ-Фейта.

Подъ желтыми и красными знаменами на суковатыхъ бургундскихъ палкахъ — палкахъ, такъ долго терзавшихъ нашу страну и обозначившихъ начало нашего рабства подъ рукой Альбы, кроваваго герцога, шли двадцать семь тысячъ человѣкъ, катились семнадцать полевыхъ пушекъ и девять тяжелыхъ орудій.

Но этотъ походъ не принесъ большихъ успѣховъ Молчаливому, такъ какъ Альба уклонился отъ сраженія.

И братъ Оранскаго, Людвигъ, Баярдъ Фландріи, взявъ нѣсколько городовъ и захвативъ много судовъ на Рейнѣ столкнувшись въ сраженіи при Еммингенѣ въ Фрисландіи съ сыномъ герцога, потерялъ шестнадцать пушекъ, полторы тысячи лошадей и двадцать знаменъ, по винѣ корыстныхъ наемниковъ, потребовавшихъ платы передъ самымъ боемъ.

И въ этомъ разгромѣ, этой крови и этихъ слезахъ тщетно искалъ Уленшпигель спасенія родины.

И палачи во всей странѣ вѣшали, рубили головы, сжигали невинныя жертвы.

И наслѣдство получалъ король.

10.

Скитаясь по странѣ валлонской, Уленшпигель убѣдился, что принцу нечего здѣсь разсчитывать на какую-либо помощь. Такъ онъ добрался до окрестностей города Бульона.

Здѣсь по пути стали ему попадаться все горбатые, всякаго возраста, пола и состоянія. Всѣ были съ большими четками, которыя перебирали съ благоговѣніемъ.

И молитвословія ихъ звучали, какъ кваканье лягушекъ въ пруду въ теплый вечеръ.

Были здѣсь горбатыя матери съ уродливыми ребятишками на рукахъ, между тѣмъ какъ прочее отродье того же вида цѣплялось за ихъ юбки. Горбатые были на холмахъ и горбатые на поляхъ. И повсюду видѣлъ Уленшпигель ихъ острыя очертанія, вырѣзающіяся на ясномъ небосклонѣ.

Подойдя къ одному изъ нихъ, онъ спросилъ:—Куда направляются всѣ эти несчастные люди, мужчины, женщины и дѣти?

Тотъ отвѣтилъ:—Мы идемъ къ могилѣ св. Ремакля, чтобы вымолить у него то, о чемъ мечтаетъ наше сердце, а именно, чтобы онъ убралъ съ нашихъ спинъ этотъ унизительный грузъ.

— А не могъ бы св. Ремакль,—спросилъ Уленшпигель,—милостиво даровать и мнѣ то, чего жаждетъ мое сердце, а именно убрать со спины бѣдныхъ общинъ кроваваго герцога, тяготѣющаго на мнѣ, точно свинцовый горбъ?

— Св. Ремаклю не дано снимать горбы, ниспосланные въ наказаніе,—былъ отвѣтъ богомольца.

— А другіе онъ снималъ?—спросилъ Уленшпигель.

— Да, если они не застарѣлые. Тогда свершается чудо исцѣленія и мы справляемъ веселыя празднества во всемъ городѣ. И каждый богомолецъ жертвуетъ что-нибудь—иногда цѣлый гульденъ — во имя исцѣленнаго, который освященъ этимъ чудеснымъ исцѣленіемъ и молитва котораго за другихъ поэтому очень дѣйствительна.

— Почему же—спросилъ Уленшпигель—богатый господинъ Ремакль взимаетъ плату за свои лекарства, точно какой-нибудь нищій аптекарь?

— Безбожный путникъ, онъ покараетъ тебя за такое издѣвательство! — отвѣтилъ богомолецъ и яростно заковылялъ далѣе со своимъ горбомъ.

— Ой!—застоналъ Уленшпигель—и, скорчившись въ три погибели, упалъ подъ деревомъ.

— Св. Ремакль караетъ жестоко, когда караетъ — сказалъ богомолецъ, глядя на него.

Уленшпигель извивался, скребъ свою спину и стоналъ:— О достославный святитель, сжалься надо мной. Это наказаніе! Я чувствую адскую боль между лопатками. Ой, ой, прости, св. Ремакль! Уйди, богомолецъ, уйди! Дай мнѣ здѣсь въ одиночествѣ выплакать мою вину и покаяться, какъ отцеубійцѣ!

И богомолецъ бѣжалъ оттуда вплоть до Большой площади города Бульона, гдѣ было сборище всѣхъ горбатыхъ.

Здѣсь, дрожа отъ ужаса, онъ прерывающимся голосомъ разсказывалъ: — Встрѣтилъ богомольца... стройный былъ, какъ тополь... хулилъ святого... сразу опухоль на спинѣ... горбъ съ воспаленіемъ!..

При этомъ извѣстіи богомольцы подняли восторженные крики: — Святой Ремакль, если вы можете давать горбы, то можете, значитъ, и снимать ихъ. Снимите же наши горбы, святитель Ремакль!

Между тѣмъ Уленшпигель убрался изъ-подъ своего дерева.

Проходя по опустѣвшему предмѣстію, онъ увидѣлъ, что у входа одного кабачка мотаются на палкѣ два свиныхъ пузыря, повѣшенные здѣсь въ знакъ „panch-kermis“ — „колбаснаго праздества“, какъ это называется въ Брабантѣ.

Взявъ одинъ изъ этихъ пузырей, онъ подобралъ лежавшій на землѣ позвоночный столбъ камбалы, надрѣзалъ себѣ кожу и напустилъ крови въ пузырь, надулъ его, завязалъ, привязалъ его себѣ на спину, а къ нему прикрѣпилъ кости камбалы. Съ этимъ украшеніемъ, съ сгорбленной спиной, трясущейся головой и дрожащими ногами, точь-въ-точь старый горбунъ, явился онъ на площадь.

Богомолецъ, бывшій свидѣтелемъ его паденія, увидѣлъ его, закричалъ: — Вотъ онъ, богохульникъ! — и указалъ на него пальцемъ. И всѣ сбѣжались посмотрѣть на пораженнаго карой.

Уленшпигель жалостно трясъ головой и говорилъ:—Ахъ, я недостоинъ ни милости, ни состраданія; убейте меня, какъ бѣшеную собаку.

И горбатые радостно потирали руки, говоря: — Нашего полку прибыло!

— Отплачу я вамъ за это, злопыхатели, — бормоталъ сквозь зубы Уленшпигель, но съ виду терпѣлъ все покорно и говорилъ:—Не буду ни ѣсть, ни пить,—хотя бы отъ этого

мой горбъ еще твердѣлъ—пока святитель Ремакль не исцѣлитъ меня такъ же, какъ покаралъ.

И слухъ о чудѣ дошелъ до каноника. Это былъ большой, плотный, величавый господинъ. Съ высоко поднятымъ носомъ онъ, точно корабль, прорѣзалъ толпу горбатыхъ.

Ему указали Уленшпигеля и онъ обратился къ нему:— Итакъ, это тебя, любезный, поразилъ бичъ св. Ремакля?

— Такъ точно, ваше преподобіе, — отвѣтилъ Уленшпигель—именно меня, и я хочу какъ смиреннѣйшій богомолецъ вымолить у него, чтобы онъ избавилъ меня, если ему угодно, отъ этого свѣжаго горба.

Почуявъ здѣсь какой-то обманъ, каноникъ сказалъ:—Дай ощупать твой горбъ.

— Ощупайте, ваше преподобіе,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Сдѣлавъ это, каноникъ сказалъ:—Онъ совершенно свѣжъ и еще влаженъ. Надѣюсь однако, что св. Ремакль будетъ милостивъ къ тебѣ. Слѣдуй за мной.

Уленшпигель пошелъ за каноникомъ и вошелъ съ нимъ въ церковь. Слѣдомъ за ними бѣжали горбатые, крича: —Вотъ онъ, проклятый! Вотъ богохульникъ! Сколько вѣситъ твой свѣжій горбъ? Сдѣлаешь изъ него ранецъ, собирать въ немъ гроши? Всю жизнь ты издѣвался надъ нами, потому что былъ прямой! Теперь наша очередь! Слава св. Ремаклю!

Уленшпигель, не произнося ни слова, шелъ, склонивъ голову, за каноникомъ. Они вошли въ маленькую часовню, въ которой стояла мраморная гробница, покрытая большой мраморной плитой. Разстояніе между гробницей и стѣной часовни было не болѣе двухъ ладоней. Толпа горбатыхъ богомольцевъ проходила длинной вереницей между надгробіемъ и стѣной, притискивая горбы къ мраморной плитѣ. Они вѣрили, что этимъ способомъ избавятся отъ горбовъ, и тѣ, которымъ удалось потереть свой горбъ о мраморъ, не пускали слѣдующихъ. И они дрались, но беззвучно, ибо, по святости мѣста, они рѣшались обмѣниваться лишь толчками исподтишка.

Каноникъ приказалъ Уленшпигелю влѣзть и стать на мраморное надгробье, чтобы его видѣли всѣ богомольцы. Уленшпигель отвѣтилъ:—Я одинъ не сумѣю.

Каноникъ подсадилъ его, сталъ рядомъ съ нимъ и приказалъ ему опуститься на колѣни. Такъ и сдѣлалъ Уленшпигель и оставался такъ, опустивъ голову.

Каноникъ же вдохновился и звучнымъ голосомъ началъ проповѣдь: — Дѣти и братья во Христѣ! У ногъ моихъ вы видите безбожнѣйшаго, гнуснѣйшаго богохульца, котораго покаралъ святитель Ремакль своимъ гнѣвомъ.

И Уленшпигель, ударивъ себя по груди, сказалъ:—Confiteor!

— Нѣкогда—продолжалъ каноникъ — онъ былъ прямъ, какъ древко аллебарды, и хвасталъ этимъ. Вотъ онъ теперь сгорбленъ и согбенъ подъ ударомъ небеснаго проклятія.

— Confiteor, — сказалъ Уленшпигель: —спаси меня отъ горба.

— Да,—продолжалъ каноникъ—да, великій чудотворецъ св. Ремакль, ты, сотворившій съ твоей преславной кончины тридцать девять чудесъ, сними съ этихъ плечъ бремя, тяготѣющее надъ ними. О, еслибы за такое исцѣленіе могли мы возглашать тебѣ хвалу во вѣки вѣковъ, in saecula saeculorum! И миръ на землѣ тѣмъ горбатымъ, которые покорны.

И хоромъ возгласили горбуны:—Да, миръ на землѣ тѣмъ горбатымъ, которое покорны! Миръ горбатымъ, перемиріе, передышка въ войнѣ, свобода отъ оскорбленій! Сними съ насъ горбы, святитель Ремакль!

Каноникъ приказалъ Уленшпигелю спуститься съ гробницы и потереть горбъ о край надгробья.

И Уленшпигель исполнилъ это, неустанно повторяя: — Mea culpa! Confiteor! Избавь меня отъ горба!—И у всѣхъ на глазахъ онъ терся горбомъ.

Окружавшая его толпа кричала:—Смотрите на горбъ, онъ треснулъ. Смотрите, поддается! Справа онъ таетъ.— Нѣтъ, онъ влѣзетъ обратно въ грудь. — Горбы не таютъ, они входятъ обратно во внутренности, изъ которыхъ вылѣзли! — Нѣтъ, они втягиваются въ желудокъ и втеченіе восьмидесяти дней служатъ тамъ пищей. — Это подарокъ, который святитель жалуетъ исцѣленнымъ. — А куда дѣваются старые горбы?

Вдругъ всѣ горбатые издали разомъ страшный крикъ Ибо Уленшпигель изо всѣхъ силъ уперся въ край надгробья и пузырь его лопнулъ. Кровь, бывшая въ немъ, текла большими каплями сквозь рубашку на полъ. И, выпрямившись и вытянувъ руки, онъ кричалъ:—Исцѣленъ!

И всѣ горбатые кричали разомъ:—Святой Ремакль благословилъ его, къ нему онъ милостивъ, къ намъ суровъ. — О, святитель, избавь насъ отъ горбовъ! — Жертвую тебѣ теленка! — А я семь барановъ !— А я охотничью добычу цѣлаго года! — Я шесть окороковъ.—Я отдаю мой домикъ церкви.—Избавь насъ отъ горбовъ, святитель Ремакль!

И они смотрѣли на Уленшпигеля съ завистью и почтеніемъ.

Одинъ изъ нихъ хотѣлъ пощупать, что у него тамъ подъ курткой, но каноникъ сказалъ:—Тамъ рана, которую нельзя выставлять на свѣтъ.

— Я буду молиться за васъ,—сказалъ Уленшпигель.

— Да, богомолецъ,—заговорили всѣ горбатые разомъ: — да, ты, вновь выпрямленный Господомъ, мы насмѣхались надъ тобой: прости насъ, мы не вѣдали, что творимъ. Спаситель простилъ на крестѣ. Прости и ты!

— Прощу и я,—милостиво сказалъ Уленшпигель.

— Ну, возьми, вотъ гульденъ. — Примите, ваша прямая милость, вотъ реалъ, вотъ дукатъ, не откажитесь принять, дотроньтесь рукой...

— Уберите ваши дукаты,—потихоньку сказалъ имъ Уленшпигель,— дабы лѣвая рука не знала, что творитъ правая.

Онъ говорилъ такъ изъ-за каноника, который жадными глазами смотрѣлъ на деньги горбатыхъ, не разбирая, что тамъ, золото или серебро.

— Благодать надъ тобой, о благословенный, — говорили горбатые Уленшпигелю.

И онъ принималъ отъ нихъ подарки, точно чудотворецъ. А скупые все терли свои горбы о гробницу, не говоря ни слова.

Вечеромъ Уленшпигель отправился въ трактиръ и устроилъ тамъ хорошую попойку.

Однако прежде, чѣмъ лечь спать, онъ вспомнилъ, что навѣрное каноникъ явится забрать свою часть добычи, если не всю ее.

Онъ пересчиталъ полученное и нашелъ здѣсь больше золота, чѣмъ серебра, ибо здѣсь было не меньше трехсотъ дукатовъ. Замѣтивъ въ цвѣточномъ горшкѣ засохшій лавровый кустъ, онъ вытащилъ растеніе съ корнями и землей и положилъ на дно все свое золото. Гульдены же, талеры и гроши онъ разсыпалъ предъ собой по столу.

Каноникъ явился въ корчму и поднялся наверхъ къ Уленшпигелю. При видѣ священника, тотъ вскричалъ: — Господинъ каноникъ, чего вы хотите отъ моей недостойной особы?

— Ничего, кромѣ твоего добра, сынъ мой,—отвѣтилъ каноникъ.

— Охъ, — вздохнулъ Уленшпигель: — вы о томъ добрѣ, что лежитъ на столѣ?

— Именно,—отвѣтилъ каноникъ.

И, протянувъ руку, онъ сгребъ всѣ деньги со стола въ мѣшокъ, который принесъ для этой цѣли.

Одинъ гульденъ однако онъ далъ Уленшпигелю, который, для видимости, жалостно стоналъ.

И каноникъ спросилъ его, какимъ способомъ онъ устроилъ чудо.

Уленшпигель показалъ ему свиной пузырь и кости кам-

балы. Все это забралъ каноникъ подъ крики и стоны Уленшпигеля, молившаго его дать ему еще сколько-нибудь, такъ какъ путь отъ Бульона до Дамме очень далекъ для него, нечастнаго пѣшехода, и онъ, навѣрное, умретъ по дорогѣ съ голода.

Каноникъ ушелъ, не сказавъ ни слова.

Оставшись одинъ, Уленшпигель поставилъ лавровый кустъ по близости и уснулъ.

На разсвѣтѣ онъ забралъ свою добычу и вышелъ изъ Бульона, поспѣшивъ въ лагерь Оранскаго. Здѣсь онъ передалъ принцу всѣ деньги и разсказалъ ему свою исторію пояснивъ, что это настоящій способъ налагать на врага контрибуцію.

Принцъ далъ ему десять гульденовъ.

Что касается позвоночнаго столба камбалы, то онъ былъ заключенъ въ хрустальный ларецъ и прикрѣпленъ въ сере динѣ распятія въ алтарѣ Бульонскаго собора.

И всякій въ городѣ знаетъ, что въ распятіи этомъ заключенъ горбъ одного выпрямленнаго грѣшника.

11.

Находясь въ окрестностяхъ Льежа, Оранскій совершалъ различныя движенія по странѣ, пока ему не удалось переправиться черезъ Маасъ, обманувъ такимъ образомъ бдительность герцога.

Уленшпигель исполнялъ свои воинскія обязанности, умѣло орудовалъ своимъ аркебузомъ и внимательно слѣдилъ за окружающимъ.

Въ лагерь прибыли фламандскіе и брабантскіе дворяне, жившіе согласно съ офицерами и важными господами изъ свиты Оранскаго.

Вскорѣ однако въ лагерѣ образовались двѣ партіи, неустанно враждовавшія другъ съ другомъ, ибо одни говорили: „Принцъ—измѣнникъ", другіе же отвѣчали, что кто говоритъ это, тотъ клеветникъ и что они ужь заткнутъ имъ ихъ лживую глотку. Недовѣріе росло, какъ жирное пятно. Доходило до рукопашной въ кучкахъ изъ семи, восьми, двѣнадцати человѣкъ, а то бились и настоящимъ оружіемъ вплоть до аркебузовъ.

Однажды на шумъ явился самъ принцъ и прошелъ между враждующими сторонами. Пуля сорвала у него шпагу. Онъ приказалъ прекратить бой и обошелъ весь лагерь, чтобы никто не могъ сказать: „Убитъ Молчаливый, убита война!"

На другой день около полуночи, только что Уленшпигель собрался выйти изъ дому, гдѣ онъ напѣвалъ о фламандскихъ

амурахъ одной валлонской дѣвицѣ, онъ вдругъ у двери сосѣдняго домика услышалъ повторившееся три раза подрядъ карканье ворона. И такимъ же тройнымъ карканьемъ отвѣтилъ кто-то снаружи. Молодой крестьянинъ вышелъ на порогъ домика. Уленшпигель услышалъ шаги на дорогѣ.

Два человѣка, разговаривавшіе по-испански, подошли къ парню, который обратился къ нимъ на томъ же языкѣ:
—Ну, что вы сдѣлали?

— Добрую работу сдѣлали, — отвѣтили они: — ибо лгали во имя короля. Благодаря нашей работѣ, теперь офицеры и солдаты въ лагерѣ толкуютъ недовѣрчиво:—„Принцъ только изъ грязнаго честолюбія сопротивляется королю; онъ добивается того, чтобы его боялись, и тогда въ видѣ награды за миръ онъ удержитъ въ своихъ рукахъ города и области; за пятьсотъ тысячъ гульденовъ онъ готовъ покинуть доблестное дворянство, бьющееся за родину. Герцогъ предложилъ ему полную амнистію и торжественно поклялся и обѣщалъ ему, что вернетъ ему и всѣмъ высшимъ военачальникамъ ихъ владѣнія, если они вновь покорятся королю. Оранскій тайно отъ всѣхъ ведетъ съ нимъ переговоры“ — А приверженцы Молчаливаго возражали намъ:—„Предложенія герцога — предательская западня, въ которую не дастъ себя заманить Оранскій, памятуя объ Эгмонтѣ и Горнѣ. Имъ хорошо извѣстно, что кардиналъ Гранвелла, когда схватили графовъ, сказалъ въ Римѣ: „Пискарей ловятъ, а щуку упускаютъ. Пока Оранскій на свободѣ, еще ничего не сдѣлано“.

— А великъ расколъ въ лагерѣ?—спросилъ крестьянинъ.

— Великъ и съ каждымъ днемъ сильнѣе. Гдѣ письма?

Они вошли въ домикъ, гдѣ засвѣтился фонарь. Въ щелку Уленшпигель увидѣлъ, какъ они вынули изъ конвертовъ два письма, радостно прочитали ихъ, выпили меду и поспѣшно удалились, сказавъ на прощанье крестьянину по испански: — Если лагерь распадется, Оранскій въ нашихъ рукахъ. То-то будетъ радость.

— Ну, съ этими надо покончить, — сказалъ себѣ Уленшпигель.

Они вышли въ густомъ туманѣ и Уленшпигель видѣлъ, какъ крестьянинъ вынесъ имъ фонарь, который они взяли съ собой. Свѣтъ мелькалъ, часто скрываемый черной фигурой, и Уленшпигель заключилъ изъ этого, что они идутъ гуськомъ. Онъ зарядилъ свой аркебузъ и выстрѣлилъ въ черную фигуру. Фонарь сталъ подыматься и опускаться, и изъ этого онъ заключилъ, что одинъ упалъ, а другой старается разсмотрѣть его рану. Онъ снова зарядилъ аркебузъ. Но фонарь, колеблясь, сталъ быстро удаляться по напра-

вленію къ лагерю. Уленшпигель выстрѣлилъ еще разъ. Фонарь покачнулся, упалъ и погасъ. Стало темно.

Бросившись къ лагерю, Уленшпигель встрѣтилъ профоса и толпу солдатъ, разбуженныхъ звукомъ выстрѣла. Уленшпигель обратился къ нимъ:—Я охотникъ, пойдите принесите дичь.

— Веселый фламандецъ, — сказалъ ему профосъ — ты говоришь одни слова, а твой языкъ другія.

— Слова языка — вѣтеръ. Слова свинцовыя остаются въ тѣлѣ предателей. Пойдемте.

И при свѣтѣ фонаря онъ привелъ ихъ къ мѣсту, гдѣ лежали оба—одинъ уже мертвый, другой хрипя въ агоніи; рука его была прижата къ груди и здѣсь они нашли письмо, которое онъ скомкалъ послѣднимъ усиліемъ воли. Они понесли трупы, по одеждамъ которыхъ было ясно, что это дворяне, прямо къ принцу, который въ это время совѣщался съ Фридрихомъ Голленгаузеномъ, маркграфомъ гессенскимъ и другими господами.

Въ сопровожденіи ландскнехтовъ и рейтаровъ въ зеленыхъ и красныхъ казакинахъ они толпой подошли къ палаткѣ Оранскаго и съ крикомъ требовали, чтобы ихъ выслушали.

Онъ вышелъ. Профосъ откашлялся, чтобы начать обвинительную рѣчь противъ Уленшпигеля, но тотъ перебилъ его:—Ваша милость, вмѣсто воронъ я убилъ двухъ предателей—дворянъ изъ вашей свиты.

И онъ разсказалъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и сдѣлалъ.

Оранскій не произнесъ ни слова. Предъ нимъ, принцемъ Оранскимъ, Вильгельмомъ Молчаливымъ, предъ Фридрихомъ Голленгаузеномъ, маркграфомъ гессенскимъ, Дитрихомъ Схоненбергомъ, графомъ Альбертомъ Нассаускимъ, Гоогстраценомъ, Антуаномъ де-Лалэномъ, губернаторомъ мехельнгкимъ, были обысканы оба трупа; солдаты и Ламме Гоодзакъ грепетали. При убитыхъ нашли письма Гранвеллы и Нуаркарма, которые повелѣвали имъ сѣять раздоры среди приближенныхъ принца, чтобы такимъ образомъ ослабить его силы, принудить его къ уступкамъ и выдать его герцогу, который, сообразно его заслугамъ, отрубитъ ему голову. „Необходимо—говорилось въ письмѣ—дѣйствовать осторожно, посредствомъ смутныхъ намековъ, чтобы въ войскѣ укоренилось впечатлѣніе, что Оранскій ради личной выгоды заключилъ съ герцогомъ особое соглашеніе. Его приближенные и солдаты, въ негодованіи, сами схватятъ его. Въ уплату имъ переведено черезъ Фуггера въ Антверпенѣ по пятьсотъ дукатовъ на каждаго. Они получатъ безъ замедленія слѣду-

ющую тысячу, какъ только ожидаемыя изъ Испаніи четыре тысячи прибудутъ въ Зеландію".

Когда предательство такимъ образомъ стало очевидно, принцъ молча обернулся къ своимъ приближеннымъ, офицерамъ и солдатамъ, среди которыхъ было много не довѣрявшихъ ему. Молча указалъ онъ на трупы, упрекая этимъ жестомъ окружающихъ въ недовѣріи. Въ отвѣтъ раздался всеобщій громовой возгласъ:—Да здравствуетъ Оранскій! Оранскій вѣренъ родинѣ!

Исполненные презрѣнія, они хотѣли бросить трупы собакамъ, но принцъ сказалъ:—Не тѣла надо выбросить собакамъ, а духъ слабости, рождающій недовѣріе къ чистымъ помысламъ.

И солдаты и офицеры кричали:—Да здравствуетъ принцъ! Да здравствуетъ Оранскій, другъ нашей родины!

И голоса ихъ звучали, какъ громъ, грозящій несправедливости.

Указывая на трупы, принцъ сказалъ:—Похороните ихъ по-христіански.

— А я?—сказалъ Уленшпигель:—что сдѣлаютъ съ моимъ вѣрнымъ скелетомъ? Если я поступилъ неправильно, пусть меня высѣкутъ; если я сдѣлалъ, что надо, пусть меня наградятъ.

На это Молчаливый сказалъ ему: — Этотъ аркебузиръ получитъ пятьдесятъ ударовъ зелеными палками въ моемъ присутствіи за то, что съ тяжкимъ нарушеніемъ дисциплины убилъ двухъ офицеровъ. Затѣмъ онъ получитъ тридцать гульденовъ за то, что хорошо видѣлъ и слышалъ.

— Ваша милость,—отвѣтилъ Уленшпигель:—еслибы мнѣ раньше дали тридцать гульденовъ, я бы терпѣливѣе выдержалъ палки.

— Да, да, — вздохнулъ Ламме Гоодзакъ — дайте ему сперва тридцать гульденовъ, онъ покорно вынесетъ остальное.

— И затѣмъ — продолжалъ Уленшпигель: — такъ какъ душа моя чиста, то нѣтъ нужды ни мыть ее дубиной, ни полоскать осиной.

— Да,—вздыхалъ Ламме Гоодзакъ—не надо мыть Уленшпигеля дубиной или полоскать осиной. У него чистая душа. Не мойте его, господа офицеры, не мойте его.

Когда Уленшпигель получилъ свои тридцать гульденовъ, профосъ приказалъ „штокъ-местеру" взяться за него.

— Взгляните, господа, какой у него жалостный видъ,— кричалъ Ламме: — никакого дерева не любитъ мой другъ Уленшпигель.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Уленшпигель:—я люблю раскидистый ясень, который простираетъ свою сочную зелень на встрѣчу

солнцу, но я терпѣть не могу эти палки, которыя еще влажны кровью своего сока, которыя, безъ листьевъ и вѣтвей, имѣютъ такой дикій видъ и производятъ столь жесткое впечатлѣніе.

— Ты готовъ?—спросилъ профосъ.

— Готовъ?—повторилъ Уленшпигель:—къ чему готовъ? Къ палкамъ? Нѣтъ, не готовъ и не собираюсь быть готовымъ, господинъ штокъ-местеръ. У васъ рыжая борода и грозное лицо, но я убѣжденъ, что у васъ мягкое сердце и что вы совсѣмъ не любите увѣчить такихъ бѣднягъ, какъ я. О себѣ скажу, что я этого не люблю ни дѣлать, ни видѣть. Ибо спина христіанина—священный храмъ, подобно груди объемлющій легкія, коими мы вдыхаемъ воздухъ Божій. Какія муки душевныя будутъ терзать васъ, если вамъ случится тяжелымъ ударомъ раздробить меня на куски.

— Живѣй, живѣй,—сказалъ штокъ-местеръ.

— Ахъ, къ чему такая спѣшка, ваше высочество,—говорилъ Уленшпигель принцу:—право, не къ чему спѣшить; сперва надо высушить палку, а то, говорятъ, сырое дерево, проникая въ живое мясо, заражаетъ его смертельнымъ ядомъ. Неужто ваше высочество хотите, чтобъ я погибъ такой гадкой смертью? Пусть сѣчетъ меня розгами, пусть бичуетъ ремнемъ, только этими зелеными палками не надо, прошу васъ.

— Помилуйте его, принцъ,—сказали одновременно Гоогстратенъ и Дидрихъ фонъ-Схоненбергъ. И другіе сострадательно улыбались.

И Ламме приговаривалъ:—Ваше высочество, ваше высочество, помилуйте его; зеленое дерево—чистый ядъ.

— Прощаю,—сказалъ принцъ.

И Уленшпигель многократно прыгалъ, колотилъ Ламме по животу, тащилъ его плясать и говорилъ: — Восхваляй вмѣстѣ со мной благороднаго принца, который спасъ меня отъ зеленыхъ палокъ.

Ламме попытался плясать, но изъ-за брюха не могъ.

И Уленшпигель угостилъ его ѣдой и выпивкой.

12.

Уклоняясь отъ сраженія, герцогъ непрестанно старался истощить Оранскаго при его движеніяхъ между Юлихомъ и Маасомъ. Повсюду, у Гондта, Мехельна, Эльсена и Меерсена, обслѣдовали, по указанію принца, рѣку, но вездѣ дно ея было усѣяно колышками, которые при переправѣ причиняли раны людямъ и животнымъ.

У Стокема бродъ оказался свободнымъ. Принцъ приказалъ перейти рѣку. Кавалерія, переѣхавъ черезъ Маасъ,

сосредоточилась по ту сторону въ боевомъ порядкѣ, чтобы прикрыть переправу со стороны епископства Льежскаго. Затѣмъ отъ берега до берега поперекъ рѣки выстроились въ десять рядовъ конные стрѣлки и аркебузиры, задерживая такимъ образомъ теченіе. Среди нихъ былъ Уленшпигель. Вода доходила ему до бедеръ и не разъ предательская волна поднимала его вверхъ вмѣстѣ съ лошадью.

Мимо него двигалась пѣхота, привязавъ пороховницы къ шляпамъ и держа мушкеты высоко въ воздухѣ. За ними двигался обозъ, охранные отряды, саперы, фейерверкеры, двойныя бомбарды, фальконеты, большіе и малые, кулеврины, кулеврины-батарды, двойныя кулеврины, мортиры, пушки, простыя и двойныя, легкія пушки для авангарда, которыя, запряженныя парой лошадей, могли галопомъ примчаться куда угодно и такимъ образомъ равныя такъ называемымъ „пистолетамъ" императорскихъ войскъ. За артиллеріей шелъ арьергардъ, ландскнехты и фламандская конница.

Уленшпигель искалъ, гдѣ бы хватить глотокъ согрѣвающаго напитка. Аркебузиръ Ризенкрафтъ, нѣмецъ изъ южной Германіи, тощій, жестокій и громадный парень, храпѣлъ подлѣ него на конѣ; отъ него разило водкой, и Уленшпигель поискалъ, гдѣ его фляжка, нашелъ ее, разрѣзалъ перевязь, на которой она висѣла, и весело приложился къ ней. Сосѣди кричали:—Дай и намъ!

Такъ онъ и сдѣлалъ. Когда фляжка была пуста, онъ связалъ перевязь и хотѣлъ повѣсить ее на грудь солдату. Но онъ задѣлъ при этомъ Ризенкрафта, тотъ проснулся и прежде всего потянулся къ своей фляжкѣ, чтобы, какъ всегда, подоить свою коровушку. Но, не найдя молока, онъ пришелъ въ ярость и закричалъ: — Мерзавецъ, куда ты дѣлъ мою водку?

— Выпилъ, — отвѣчалъ Уленшпигель: — у промокшихъ солдатъ водка—общее добро, а скаредъ—дурной товарищъ.

— Завтра изрублю тебя на куски—сказалъ Ризенкрафтъ.

— Валяй. Станемъ рубить другъ другу головы, руки, ноги и все прочее. Да не запоръ ли у тебя, что у тебя рожа такая кислая?

— Да, запоръ.

— Такъ чѣмъ драться, лучше бы ты слабительное принялъ.

Они уговорились встрѣтиться на другой день на коняхъ при любомъ снаряженіи, чтобы обрубить другъ другу короткими шпагами лишнее сало.

Уленшпигель просилъ разрѣшенія замѣнить шпагу палкой и получилъ согласіе.

Между тѣмъ войско перешло рѣку и, по приказанію

офицеровъ, десять шеренгъ конныхъ аркебузировъ также двинулись къ другому берегу.

И принцъ сказалъ:—Теперь на Льежъ.

И, объятый радостью, Уленшпигель закричалъ вмѣстѣ съ фламандцами:—Да здравствуетъ Оранскій, впередъ на Льежъ!

Но наемники, особенно нѣмцы, нашли, что они слишкомъ мокры снаружи и сухи внутри, чтобы идти походнымъ маршемъ. Напрасно увѣрялъ ихъ принцъ, что они идутъ на встрѣчу вѣрной побѣдѣ, тѣмъ болѣе, что городъ на ихъ сторонѣ. Они знать ничего не хотѣли, разложили большіе костры и грѣлись подлѣ нихъ съ своими расѣдланными лошадьми.

Нападеніе на городъ было отложено на другой день. Альба былъ потрясенъ и перепуганъ отважной переправой; тутъ его шпіоны донесли ему, что наемники Молчаливаго не готовы къ нападенію.

Поэтому онъ пригрозилъ Льежу и его округѣ, что онъ уничтожитъ все огнемъ, если тамошніе сторонники принца шелохнутся. Герардъ ванъ-Гроосбеке, клевретъ епископа, вооружилъ своихъ наемниковъ противъ принца и послѣдній, изъ-за нѣмцевъ, испугавшихся сырости въ штанахъ, пришелъ слишкомъ поздно.

13.

Уленшпигель и Ризенкрафтъ взяли себѣ секундантовъ, которые рѣшили, что противники будутъ драться пѣшими и—поскольку этого потребуетъ побѣдитель—до гибели побѣжденнаго: такъ пожелалъ Ризенкрафтъ.

Мѣстомъ боя была выбрана маленькая поляна.

Съ утра Ризенкрафтъ сталъ снаряжаться къ бою. Онъ надѣлъ шлемъ съ ошейникомъ, безъ забрала и панцырь безъ рукавовъ. Такъ какъ рубаха его была разорвана, онъ запихалъ ее въ шлемъ, чтобы употребить въ случаѣ нужды лоскутья для перевязки. Онъ взялъ свой самострѣлъ изъ добраго арденнскаго дерева, колчанъ съ тридцатью стрѣлами и длинный кинжалъ, но не взялъ своего меча. Онъ прибылъ на мѣсто поединка на своей кобылѣ и сидѣлъ на боевомъ сѣдлѣ, прикрытомъ броней, такъ же, какъ лобъ лошади, украшенный перьями.

Вооруженіе Уленшпигеля было барское и боевое. Онъ возсѣдалъ на ослѣ; попоной ему служила юбка гулящей дѣвицы; морду осла прикрывала ивовая плетенка, надъ которой развѣвались стружки. Вмѣсто сѣдла онъ взялъ кусокъ сала, такъ какъ, объяснилъ онъ, желѣзо дорого, къ бронзѣ не приступиться, а мѣдь въ послѣднее время въ

такомъ количествѣ уходитъ на пушки, что и для зайца не изъ чего выковать оружіе. Какъ шлемомъ, прикрылся онъ салатнымъ листомъ, еще не объѣденнымъ улитками. Въ середину онъ воткнулъ лебединое перо — для послѣдней пѣсни, если плохо придется.

Легкой, тонкой шпагой служила ему толстая еловая жердь, къ концу которой былъ привязанъ пучекъ еловыхъ вѣточекъ на подобіе метелки. Слѣва у него висѣлъ ножъ, тоже деревянный, справа палица: стебель бузины съ воткнутой на него большой брюквой. Панцыремъ его были лохмотья.

Когда онъ въ этомъ нарядѣ появился на мѣстѣ боя, секунданты Ризенкрафта разразились хохотомъ. Самъ онъ хранилъ свое кислое выраженіе.

Свидѣтели Уленшпигеля потребовали, чтобы Ризенкрафтъ снялъ панцырь, такъ какъ на Уленшпигелѣ нѣтъ ничего, кромѣ тряпокъ. Ризенкрафтъ согласился. Тогда его свидѣтели спросили, почему Уленшпигель вооруженъ метлой.

— Палку вы мнѣ сами разрѣшили; можно же ее украсить зеленью.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказали четыре свидѣтеля.

Ризенкрафтъ не произнесъ ни слова и лишь сбивалъ короткими ударами тощіе стебельки вереска.

Свидѣтели потребовали, чтобы онъ замѣнилъ свой мечъ метлой, какъ у Уленшпигеля.

Онъ отвѣтилъ:—Если этотъ голодранецъ по своей волѣ выбралъ столь необычайное оружіе, то онъ, очевидно, надѣется имъ защитить свою жизнь.

Уленшпигель съ своей стороны заявилъ, что ему довольно его метлы, и свидѣтели объявили, что все въ порядкѣ.

Противники стали другъ противъ друга, Ризенкрафтъ, закованный въ сталь, на своемъ конѣ, Уленшпигель, прикрытый кускомъ сала.

Выѣхавъ на середину поляны, Уленшпигель взялъ метлу на перевѣсъ, какъ копье, и сказалъ:—Гнуснѣе чумы, проказы и смерти по мнѣ эта смердящая погань, которая въ лагерѣ храбрыхъ воиновъ и добрыхъ товарищей не знаетъ иной заботы, какъ возить повсюду свою кислую рожу и злопыхательную морду. Гдѣ появится такой поганецъ, нѣмѣетъ смѣхъ и смолкаетъ пѣсня. Всегда такой гнуснецъ съ кѣмъ-нибудь дерется или ругается и такимъ образомъ рядомъ съ честнымъ боемъ за родину плодитъ поединки, отъ которыхъ, на радость врагу, гибнутъ свои.

— Въ разное время Ризенкрафтъ, здѣсь стоящій передо мной, убилъ двадцать одного человѣка за пустяшныя слова, никогда, ни въ одномъ сраженіи или стычкѣ не давъ доказательства своей храбрости, не получивъ ни единой награды,

Поэтому мнѣ очень пріятно почесать сегодня эту паршивую собаку противъ ея ошпаренной шерсти.

Ризенкрафтъ отвѣтилъ:—Этотъ пьяница вообразилъ, что поединокъ это забава; расколю ему за это черепъ, чтобы всякій видѣлъ, что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ соломы.

По приказанію свидѣтелей, оба спѣшились, причемъ съ головы Уленшпигеля упалъ салатный листъ, немедленно пожранный его осломъ. Только одинъ свидѣтель помѣшалъ ему, давъ ему пинка ногой и согнавъ съ огороженной поляны. Такимъ же образомъ отвели коня и оба поплелись вдвоемъ, пощипывая траву.

Затѣмъ свидѣтели съ метлой—это были свидѣтели Уленшпигеля—и свидѣтели съ мечомъ—свидѣтели Ризенкрафта—подали свистомъ знакъ къ бою.

И Ризенкрафтъ и Уленшпигель яростно бросились другъ на друга. Ризенкрафтъ рубилъ мечомъ, Уленшпигель отбивалъ метлой. Ризенкрафтъ клялся всѣми дьяволами, Уленшпигель уворачивался, бѣгалъ по полянѣ вдоль и поперекъ, туда и сюда, показывалъ Ризенкрафту языкъ, корчилъ ему рожи, и тотъ задыхался и, какъ сумасшедшій, махалъ по воздуху своимъ мечомъ. Вдругъ, когда онъ подбѣжалъ совсѣмъ близко къ Уленшпигелю, тотъ мигомъ обернулся и треснулъ его своей метлой изо всѣхъ силъ по носу. Ризенкрафтъ упалъ на землю, растопыривъ руки и ноги, точно издыхающая лягушка.

Уленшпигель бросился къ нему и возилъ безъ всякаго милосердія метлой по его лицу взадъ и впередъ, повторяя:

— Проси пощады, не то всю метлу слопаешь.

Но Ризенкрафтъ не могъ ничего отвѣтить, такъ какъ отъ черной ярости умеръ.

— Господь да упокоитъ твою душу, бѣдный злодѣй!—сказалъ Уленшпигель.

И ушелъ, огорченный.

14.

Между тѣмъ шелъ къ концу октябрь. У принца вышли деньги, и войско его страдало отъ голода. Солдаты роптали, онъ подвигался по направленію къ Франціи и старался вступить въ бой съ герцогомъ, но тотъ уклонялся.

Выступивъ изъ Кенуа-ле-Контъ по пути къ Камбрэ, онъ встрѣтилъ здѣсь отрядъ изъ десяти нѣмецкихъ батальоновъ, восьми испанскихъ и трехъ эскадроновъ легкой кавалеріи подъ командой дона Руфеле Генрицисъ, сына герцога Альбы. Завязался бой, и донъ Руфеле среди схватки восклицалъ по-испански:—Бей, бей! Безъ пощады! Да здравствуетъ папа!

Оказавшись въ это мгновеніе противъ отряда стрѣлковъ, гдѣ Уленшпигель былъ ефрейторомъ, онъ бросился со своими людьми на нихъ. Тогда Уленшпигель сказалъ своему вахмистру:—Отсѣку этому палачу языкъ!

— Отсѣки,—отвѣтилъ тотъ.

И Уленшпигель мѣткой пулей раздробилъ челюсти и разорвалъ языкъ у дона Руфеле, сына герцога.

Затѣмъ онъ выбилъ изъ сѣдла маркиза Дельмаре.

Батальоны и эскадроны потерпѣли пораженіе.

Послѣ этой побѣды Уленшпигель искалъ въ лагерѣ своего друга Ламме, но не нашелъ его.

— Ахъ!—говорилъ онъ, — скрылся другъ мой Ламме. Видно, полный воинской отваги, онъ забылъ о тяжести своего брюха и ушелъ преслѣдовать бѣгущихъ испанцевъ. И, конечно, запыхавшись, онъ упалъ, какъ мѣшокъ, на дорогѣ; они его захватили и увели съ собой въ надеждѣ на выкупъ,—выкупъ христіанскаго сала. Милый другъ мой Ламме, гдѣ ты застрялъ? гдѣ ты, милый толстячокъ?

И Уленшпигель искалъ его повсюду, но нигдѣ не могъ найти и былъ огорченъ этимъ.

15.

Въ ноябрѣ, мѣсяцѣ снѣжныхъ метелей, принцъ призвалъ къ себѣ Уленшпигеля. Онъ сидѣлъ, грызя шнурокъ своего панцыря.

— Слушай и храни въ тайнѣ—сказалъ онъ.

— Мои уши, какъ двери темницы,—отвѣтилъ Уленшпигель—легко войти, но выйти дѣло трудное.

Молчаливый сказалъ:—Обойди Фландрію, Геннегау, Брабантъ, Антверпенъ, Намюръ, Гельдернъ, Овериссель и Сѣверную Голландію и повсюду говори слѣдующее: если судьба измѣнитъ нашему святому христіанскому дѣлу на сушѣ, то борьба съ подлымъ насиліемъ будетъ продолжаться на морѣ. Въ удачѣ и въ неудачѣ милость Господня правитъ нашимъ дѣломъ. Прибывъ въ Антверпенъ, отдай отчетъ во всѣхъ твоихъ шагахъ и дѣйствіяхъ моему близкому другу Полю Бейсу. Вотъ три паспорта, подписанные Альбой и найденные на трупахъ убитыхъ при Кенуа-ле-Контъ. Мой секретарь вписалъ въ нихъ имена. Быть можетъ, ты найдешь по дорогѣ подходящаго спутника, которому ты сможешь довѣриться. Кто на пѣніе жаворонка отвѣтитъ боевымъ крикомъ пѣтуха, тотъ вѣрный человѣкъ. Вотъ тебѣ пятьдесятъ гульденовъ. Будь осмотрителенъ и твердъ!

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце—отвѣтилъ Уленшпигель. И онъ отправился въ путь.

16.

Подорожная отъ имени короля и герцога давала ему право носить при себѣ какое угодно оружіе. Онъ взялъ свой добрый мушкетъ, сухого пороха и пуль. Затѣмъ онъ надѣлъ ободранный плащъ, истасканный камзолъ и дырявые штаны испанскаго покроя, нахлобучилъ мягкую шляпу съ торчащимъ перомъ, опоясался саблей, покинулъ войско у французской границы и направился въ Маастрихту.

Крапивники, вѣстники мороза, порхали вокругъ жилья и просили пріюта. Уже три дня шелъ снѣгъ.

Часто по дорогѣ приходилось Уленшпигелю предъявлять свой паспортъ. Его пропускали, и такъ шелъ онъ къ Льежу.

Вскорѣ онъ дошелъ до большой равнины; вѣтеръ хлесталъ хлопьями снѣга его лицо. Въ ослѣпительной бѣлизнѣ разстилалась предъ нимъ равнина, и снѣжная метель, гонимая вѣтромъ, неслась надъ нею. Три волка слѣдовали за нимъ, но, когда онъ свалилъ одного изъ нихъ выстрѣломъ, прочіе бросились на раненаго, вырвали по куску изъ трупа и убѣжали съ добычей въ лѣсъ.

Избавившись отъ волковъ и осматриваясь, не бѣгаетъ ли по полю еще стая, онъ увидѣлъ позади далеко на равнинѣ какъ будто сѣрыя статуи, которыя двигались какъ пятна въ снѣжной метели; за ними видны были черныя очертанія всадниковъ. Онъ влѣзъ на дерево. Вѣтеръ донесъ до него издали жалобные звуки. „Быть можетъ, это богомольцы въ бѣлыхъ плащахъ,—подумалъ онъ — ибо лишь съ трудомъ я отличаю ихъ фигуры отъ снѣга“.

Но тутъ онъ увидѣлъ, что это бѣгутъ голые люди, а за ними два всадника на высокихъ коняхъ въ черномъ вооруженіи гонятъ эту жалкую толпу неистовыми ударами бича. Онъ зарядилъ мушкетъ. Среди этихъ несчастныхъ онъ видѣлъ молодыхъ людей и голыхъ стариковъ, которые, иззябшіе, окоченѣлые и въ то же время съежившись подъ бичами солдатъ, бѣжали впередъ, чтобы увернуться отъ ихъ ударовъ. А солдаты, тепло одѣтые, красные отъ водки, сытые, забавлялись тѣмъ, что хлестали голыхъ людей, подгоняя ихъ бѣжать быстрѣе. „Я отомщу за тебя, пепелъ Клааса“,—сказалъ Уленшпигель и убилъ одного всадника, который упалъ, пораженный пулей въ лицо. Другой, не понимая, откуда принеслась эта неожиданная пуля, перепугался и рѣшилъ, что въ лѣсу засѣлъ въ засадѣ непріятель. Онъ вздумалъ спасаться бѣгствомъ вмѣстѣ съ лошадью своего спутника и схватилъ ее за узду, но, сойдя съ коня, чтобы

ободрать убитаго, онъ былъ пораженъ второй пулей въ затылокъ и упалъ мертвый. Голые люди, рѣшивъ, что это ангелъ въ образѣ стрѣлка безъ промаха явился съ небесъ къ нимъ на помощь, упали на колѣни. Уленшпигель слѣзъ съ дерева, и его узнали нѣкоторые изъ несчастныхъ, служившіе съ нимъ вмѣстѣ въ войскѣ. И они объяснили ему:

— Видишь, Уленшпигель, за то, что мы не могли заплатить выкупа, насъ въ этомъ ужасномъ видѣ отправили изъ французскихъ областей въ Маастрихтъ, гдѣ имѣетъ пребываніе герцогъ. И мы такимъ образомъ были уже напередъ присуждены къ пыткѣ, къ казни, къ ссылкѣ на королевскія галеры, подобно ворамъ и преступникамъ.

Уленшпигель отдалъ старшему изъ толпы свой плащъ и сказалъ:—Пойдемте, я отведу васъ въ Мезьеръ, но раньше надо забрать все, что есть у этихъ солдатъ, и поймать ихъ лошадей.

Камзолы, штаны, сапоги, шапки и панцыри солдатъ были распредѣлены между самыми слабыми и больными и Уленшпигель сказалъ:—Перейдемъ въ лѣсокъ—тамъ воздухъ тише и теплѣе. Бѣгомъ, братья.

Вдругъ одинъ изъ толпы упалъ съ крикомъ:—Холодно! Голодно! Иду къ Господу сказать, что папа римскій—антихристъ на землѣ.

И онъ умеръ. И прочіе рѣшили нести его съ собой, дабы предать его землѣ по-христіански.

Подвигаясь впередъ по большой дорогѣ, они встрѣтили крестьянина, ѣхавшаго въ крытой повозкѣ. Онъ сжалился надъ голыми людьми и усадилъ ихъ въ своей повозкѣ. Здѣсь было мѣсто, въ которое они зарылись, и пустые мѣшки, которыми они могли прикрыться. Согрѣваясь понемногу, они возносили мольбу Господу. Уленшпигель ѣхалъ рядомъ на добытомъ конѣ и велъ другого въ поводу.

Въ Мезьерѣ они остановились; здѣсь старикамъ и женщинамъ несли теплый супъ, пиво, хлѣбъ, сыръ, мясо. Ихъ пріютили и дали имъ одежду и новое оружіе на счетъ общины, и всѣ благословляли Уленшпигеля и обнимали его, и онъ радовался этой ласкѣ.

Онъ продалъ рейтарскихъ лошадей за сорокъ восемь гульденовъ, изъ коихъ тридцать отдалъ французамъ.

Двинувшись въ одиночествѣ въ дальнѣйшій путь, онъ говорилъ себѣ: „Вотъ я иду черезъ кровь и слезы и бѣдствія, но не нахожу ничего. Видно, обманули меня дьяволы. Гдѣ Ламме? Гдѣ Неле? Гдѣ семеро?“ И онъ услышалъ голосъ, подобный дуновенію:—Въ слезахъ, въ войнѣ, въ крови, въ огнѣ ищи...

И онъ пошелъ своей дорогой.

17.

Въ мартѣ Уленшпигель пришелъ въ Намюръ. Здѣсь онъ увидѣлъ Ламме, который распалился такимъ пристрастіемъ къ маасскимъ рыбамъ, особенно къ форели, что нанялъ себѣ лодку и, съ разрѣшенія общины, занялся рыбной ловлей. Но гильдіи рыбаковъ онъ уплатилъ за это пятьдесятъ гульденовъ.

Онъ продавалъ и ѣлъ самъ свою рыбу и этимъ промысломъ пріобрѣлъ себѣ мѣшочекъ дукатовъ и еще болѣе увѣсистое брюхо.

Увидѣвъ, какъ его другъ и спутникъ бродитъ по берегу Мааса, ища способа перебраться на ту сторону въ городъ, Ламме причалилъ къ берегу, не безъ великаго усилія взобрался по откосу и бросился къ Уленшпигелю. Едва владѣя отъ радости языкомъ, онъ восклицалъ:—Вотъ, наконецъ опять ты со мной, сынъ мой, сынъ во Господѣ, ибо ковчегъ моего чрева можетъ вмѣстить двоихъ такихъ, какъ ты. Куда ты теперь? Что тебѣ нужно? Ты, значитъ, живъ? Не видѣлъ ты моей жены? Будешь кушать маасскую рыбу—это лучшее, что есть на этой дрянной землѣ; здѣсь, братъ, готовятъ такіе соусы, что оближешь пальчики до плечъ. Какой у тебя гордый и славный видъ съ тѣхъ поръ, какъ позолотило тебя пламя сраженій. Вотъ ты здѣсь теперь, сынъ мой, другъ мой, дорогой Уленшпигель, бродяга ты разудалый!

И онъ заговорилъ тише:—А сколько испанцевъ ты положилъ? Не встрѣчалъ ты моей жены въ одной изъ повозокъ съ ихъ красотками? И маасскаго вина выпьешь—оно великолѣпно дѣйствуетъ на людей съ запоромъ. Ты раненъ, сынъ мой? Останешься, стало быть, здѣсь, и скоро будешь чувствовать себя свѣжимъ, бодрымъ и здоровымъ, какъ молодой орелъ. И угрей наѣшься тоже—и какихъ, безъ всякаго запаха тины! Поцѣлуй меня, толстячокъ! Слава Богу, слава Богу. Ухъ, какъ я радъ!

И Ламме прыгалъ, плясалъ, пыхтѣлъ, фыркалъ и вертѣлъ вокругъ себя Уленшпигеля.

Затѣмъ они отправились въ городъ. У воротъ Намюра Уленшпигель предъявилъ свой паспортъ, подписанный герцогомъ, и Ламме повелъ его къ себѣ.

Готовя обѣдъ, онъ слушалъ разсказъ о его приключеніяхъ и разсказалъ о своихъ. Онъ покинулъ войско, послѣдовавъ за дѣвушкой, которую принялъ за свою жену. Такъ онъ и ѣхалъ за ней, пока не добрался до Намюра. И непрестанно онъ спрашивалъ:—Ты ея не видалъ?

— Видалъ другихъ, и очень смазливыхъ, — отвѣчалъ

Уленшпигель:—особенно въ этомъ городѣ, гдѣ всѣ онѣ заняты любовью.

— Правда,—сказалъ Ламме—меня ужь тутъ завлекали сотни разъ, но я остался вѣренъ, ибо мое тоскливое сердце все переполнено единственнымъ воспоминаніемъ.

— Такъ же, какъ твое брюхо всякой ѣдой.

— Когда я тоскую, я долженъ ѣсть.

— И твое горе не знаетъ, стало быть, перемирія?

— Увы,—отвѣтилъ Ламме.

И, вытащивъ изъ горшка форель, онъ продолжалъ: —Смотри, какая красивая, какая полная. Мясо розовое, какъ тѣло моей жены. Завтра утромъ уѣдемъ изъ Намюра; у меня большой мѣшокъ гульденовъ—купимъ себѣ по ослу и такъ поѣдемъ верхомъ въ землю фландрскую.

— Много денегъ будетъ стоить,—сказалъ Уленшпигель.

— Ничего, тянетъ мое сердце въ Дамме; тамъ любила она меня такъ сладко: можетъ быть, она туда вернулась.

— Что-жь, если хочешь, выѣдемъ завтра утромъ.

На слѣдующій день они, дѣйствительно, выѣхали; каждый сидѣлъ верхомъ на своемъ ослѣ и такъ они покинули Намюръ.

18.

Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Солнце, обыкновенно ясное по утрамъ, какъ милая юность, стало мрачно, какъ старикъ. И хлесталъ дождь съ градомъ.

Когда дождь стихъ, Уленшпигель отряхнулся и сказалъ:—Небо впитываетъ такъ много тумановъ, что должно же и оно иногда облегчиться.

Новые потоки дождя съ болѣе крупнымъ градомъ, чѣмъ раньше, хлынули на спутниковъ. Ламме нылъ: — Снаружи насъ хорошо обмыло, слѣдовало бы теперь изнутри пополоскать.

Солнце показалось снова и они весело потрусили впередъ.

Третій потокъ проливного дождя и града былъ такъ убійственъ, что онъ, точно ураганъ острыхъ ножей, срѣзалъ сухія вѣтви деревъ.

Ламме стоналъ:—О, гдѣ нашъ пріютъ! Бѣдная жена моя! Гдѣ вы, жаркій камелекъ, сладкіе поцѣлуи, жирные супы?

И онъ плакалъ, бѣдный толстякъ.

Но Уленшпигель отвѣтилъ: — Нечего жаловаться. Виной всѣхъ напастей всегда мы сами. Дождь льетъ на наши плечи, но этотъ декабрьскій дождь дастъ въ маѣ добрую траву. И коровы мычатъ отъ радости. Мы безпріютны, — а почему мы не женимся? То есть, я говорю о себѣ—и о ма-

ленькой Неле, которая теперь сварила бы отличную бобовую похлебку съ мясомъ, такую вкусную, такую пахучую. Мы страдаемъ отъ жажды, не смотря на воду, льющуюся на насъ, но почему мы не остались при одномъ ремеслѣ? Тѣ, которые были терпѣливы, стали мастерами и у нихъ теперь по греба съ пивными бочками.

И пепелъ Клааса забилъ въ его сердцѣ, небо прояснилось, солнце засіяло, и Уленшпигель сказалъ:—Солнышко свѣтлое, спасибо тебѣ, что ты обогрѣло насъ, и тебѣ, пепелъ Клааса, за то, что ты согрѣлъ мое сердце и говоришь мнѣ, что благословенны скитающіеся ради освобожденія родины.

— Хочу кушать,—сказалъ Ламме.

19.

Они заѣхали въ корчму, гдѣ въ высокой комнатѣ имъ дали поужинать. Уленшпигель распахнулъ окно и взглянулъ въ садъ. Здѣсь гуляла дѣвушка, полненькая, съ пышной грудью и золотистыми волосами. Она была въ свѣтлой юбкѣ, бѣлой шерстяной рубашкѣ, вышитомъ черномъ передникѣ съ кружевами.

Рубахи и прочее женское бѣлье сушились на протянутыхъ веревкахъ. Дѣвушка снимала бѣлье, вѣшала нѣкоторыя вещи назадъ, вертѣлась туда и сюда, улыбалась Уленшпигелю, посматривала на него и, наконецъ, сѣвъ на одну изъ привязанныхъ веревокъ, начала на ней качаться, какъ на качеляхъ.

По сосѣдству кричалъ пѣтухъ и кормилица играла съ ребенкомъ, поворачивая его лицо къ стоящему передъ ней мужчинѣ:—Боолкинъ, засмѣйся папашѣ.

Ребенокъ заревѣлъ.

Хорошенькая дѣвушка все ходила по садику, снимая и вѣшая бѣлье.

— Это шпіонка,—сказалъ Ламме.

Дѣвушка закрыла глаза руками и, смѣясь, смотрѣла сквозь пальцы на Уленшпигеля. Потомъ она обѣими руками подняла свои пышныя груди и вновь опустила ихъ, и снова стала качаться, не дотрагиваясь ногами до земли. Она вертѣлась на веревкахъ, точно волчокъ, и Уленшпигель смотрѣлъ, какъ сверкаетъ на солнцѣ бѣлизна ея полныхъ рукъ, обнаженныхъ до плечъ.

Такъ вертѣлась она и смѣялась, и посматривала на него, и онъ вышелъ, чтобы встрѣтиться съ нею.

Ламме шелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ искалъ дыры въ садовомъ плетнѣ, чтобы пробраться во внутрь, но не нашелъ.

Увидѣвъ, что они ищутъ ее, дѣвушка снова, смѣясь, посмотрѣла на нихъ сквозь пальцы.

Уленшпигель пытался пролѣзть сквозь плетень, но Ламме удерживалъ его, говоря:—Не ходи, это шпіонка, быть намъ на кострѣ.

Дѣвушка все разгуливала по садику, прикрывала личико передникомъ и смотрѣла сквозь его кружево, выглядывая, не идетъ ли къ ней искатель любовныхъ приключеній.

Уленшпигель совсѣмъ ужь собрался перескочить черезъ плетень, но Ламме не пускалъ, схватилъ его за ногу и стащилъ, говоря:—Плаха и висѣлица! Это шпіонка, не ходи туда.

Уленшпигель сидѣлъ на землѣ, возясь съ Ламме, а дѣвушка высунула голову изъ за плетня и крикнула:—Прощайте, господа! Берегите ваши любовныя колебанія до другого случая!

И изъ-за плетня доносился ея насмѣшливый хохотъ.

-- Ахъ,—сказалъ онъ—точно пучекъ иголокъ впился въ ухо!

Дверь шумно захлопнулась.

Уленшпигель былъ мраченъ, а Ламме все удерживалъ его и говорилъ:—Ты перебираешь нѣжные соблазны ея прелести, которые ты, къ стыду своему, потерялъ. А она шпіонка. И что ни дѣлается, для тебя всегда къ лучшему. Право, лопну отъ смѣха!

Уленшпигель не отвѣтилъ ни слова и оба вновь сѣли на своихъ ословъ и поѣхали.

20.

Нога справа, нога слѣва—такъ подвигались они впередъ на ослахъ.

Ламме жевалъ жвачку и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ. Вдругъ, размахнувшись хлыстомъ, Уленшпигель изо всѣхъ силъ ударилъ его по заду, который вздулся надъ сѣдломъ толстымъ валомъ.

— Что ты дѣлаешь!—жалобно закричалъ Ламме.

— Въ чемъ дѣло?

— Хлыстомъ ударилъ!

— Кто ударилъ?

— Да ты ударилъ!

— Слѣва?

— Ну, да, слѣва, по моему заду. Почему ты дерешься, бродяга несчастный?

— По невѣдѣнію. Я знаю очень хорошо, что такое хлыстъ, и также хорошо знаю, что такое стройный задъ на сѣдлѣ. Но вотъ посмотрѣлъ я, какъ выпячивается надъ сѣдломъ эта толстая, широкая, вздутая задница, и сказалъ себѣ: „ущипнуть ее пальцами невозможно—вѣрно, и хлыстъ ее не проберетъ, если шлепнуть“. Значитъ, я ошибся.

Ламме разсмѣшили эти размышленія.

— Но я не единственный человѣкъ на этомъ свѣтѣ, согрѣшившій по невѣдѣнію,—продолжалъ Уленшпигель:—примѣромъ тому могъ бы послужить не одинъ балбесъ, выпятившій свое сало надъ сѣдломъ. Если мой хлыстъ согрѣшилъ предъ твоимъ задомъ, то ты согрѣшилъ предъ моими ногами, когда помѣшалъ мнѣ полѣзть къ дѣвушкѣ, которая въ своемъ садикѣ искала любовныхъ развлеченій.

— Мерзавецъ, — воскликнулъ Ламме: — такъ это была месть?

— Невинная,—отвѣтилъ Уленшпигель.

21.

Одиноко и тоскливо жила Неле при Катлинѣ, которая все взывала о своей любви къ холодному дьяволу. Но тотъ не являлся.

— Ахъ,—вздыхала она—ты богатъ, Гансикъ, любимый мой; ты могъ бы вернуть мнѣ семьсотъ дукатовъ. Тогда Сооткинъ вернулась бы живая изъ чистилища и Клаасъ обрадовался бы въ небесахъ. Ты можешь! Уберите огонь, душа рвется наружу; пробейте дыру, душа рвется наружу.

И она показывала на то мѣсто на головѣ, гдѣ горѣла пакля.

Катлина была очень бѣдна, но сосѣди помогали ей бобами, хлѣбомъ, мясомъ, кто чѣмъ могъ. Община помогала небольшими деньгами. Неле шила платья на богатыхъ горожанокъ и ходила гладить, и зарабатывала такимъ образомъ гульденъ въ недѣлю.

И все твердила Катлина: — Пробейте дыру, выпустите душу! Она стучится, чтобъ ей открыли! Онъ принесетъ семь сотъ дукатовъ.

Неле плакала, слушая все это.

22.

Уленшпигель и Ламме заѣхали въ одну корчму, прислонившуюся къ прибрежнымъ скаламъ Самбры, кой-гдѣ поросшимъ деревьями. Вывѣска гласила: „Трактиръ Марлэра".

Выпивъ нѣсколько бутылокъ маасскаго вина, выдержаннаго на манеръ бургундскаго, и наѣвшись рыбы, они разговаривали съ хозяиномъ, который былъ закоренѣлый папистъ, но болтливъ, какъ сорока, такъ какъ хватилъ лишняго. Непрестанно сверкали злобой его глазки. Уленшпигель, заподозривъ, что за этимъ что-то кроется, все подпаивалъ его, такъ что хозяинъ вскорѣ началъ приплясывать и заливаться

смѣхомъ. Потомъ онъ опять сѣлъ къ столу и провозгласилъ:—Добрые католики, за ваше здоровье!

— За твое!—отвѣтили Уленшпигель и Ламме.

— За искорененіе всякой еретической и бунтовщической чумы!

— Пьемъ за это!—отвѣтили Уленшпигель и Ламме и все подливали въ рюмку хозяина, который не могъ видѣть ее полной.

— Вы добрые ребята,—сказалъ онъ—пью за вашу щедрость, ибо вѣдь я зарабатываю на винѣ, которое мы пьемъ. Гдѣ ваши паспорта?

— Вотъ,—сказалъ Уленшпигель.

— Подписано герцогомъ. За здоровье герцога!

— За здоровье герцога—отвѣтили Ламме и Уленшпигель.

Хозяинъ продолжалъ: — Чѣмъ ловятъ крысъ, мышей и кротовъ? Мышеловками, крысоловками, капканами! Кто этотъ кротъ, все подрывающій? Это еретикъ великій, это Оранскій — оранжевый, какъ огонь въ аду. Съ нами Богъ! Они придутъ? Ха-ха! — Пить! Налей! Я горю, я сгорѣлъ! Пить! Маленькіе, славненькіе, миленькіе реформатскіе проповѣдничкиl.. Маленькіе... славненькіе храбренькіе солдатики, крѣпкіе, что твой дубокъ... Пить! Хотите съ ними пробраться въ лагерь еретика? У меня есть паспорта, имъ самимъ подписанные... Тамъ можно видѣть...

— Хорошо, пойдемъ и мы съ ними въ лагерь, — сказалъ Уленшпигель.

— Они тамъ управятся какъ слѣдуетъ. Ночью при случаѣ—(и хозяинъ, свистя, показалъ, какъ одинъ убиваетъ другого)—стальной вѣтеръ помѣшаетъ нассаускому дрозду распѣвать свои пѣсни. А теперь выпьемъ? Такъ!

— Веселый ты человѣкъ, хотя и женатъ,—сказалъ Уленшпигель.

— Не женатъ и не буду женатъ.—возразилъ хозяинъ:—я вѣдь храню государственныя тайны — выпьемъ! — вѣдь жена ихъ у меня въ постели вывѣдаетъ, чтобы отправить меня на висѣлицу и стать вдовой раньше, чѣмъ угодно природѣ.—Господи благослови! Они придутъ... Гдѣ мои новые паспорта? На моемъ христіанскомъ сердцѣ! — Выпьемъ!—Вонъ они, вонъ, триста шаговъ отсюда, по дорогѣ, у Маршъле-Дамъ. Видите ихъ?—Выпьемъ!

— Пей!—говорилъ Уленшпигель:—пей! Я пью за короля, за герцога, за проповѣдниковъ, за „стальной вѣтеръ“. Пью за мое здоровье, за твое здоровье, за вино, за бутылку! Да ты не пьешь совсѣмъ.

И при каждой здравицѣ Уленшпигель наполнялъ бокалъ хозяина и тотъ выпивалъ залпомъ.

Нѣкоторое время Уленшпигель пристально смотрѣлъ на него, потомъ всталъ и сказалъ:—Онъ спитъ! Пойдемъ, Ламме. Скорѣй!

Выйдя на дорогу, онъ сказалъ:—У него нѣтъ жены, которая можетъ выдать насъ... Скоро ночь... Ты слышалъ, что говорилъ этотъ негодяй, и знаешь, что это за три проповѣдника?

— Да,—отвѣтилъ Ламме.

— Ты знаешь, что они идутъ отъ Маршъ-ле-Дамъ по берегу Мааса и что слѣдуетъ перехватить ихъ по пути, прежде чѣмъ подуетъ „стальной вѣтеръ?

— Да.

— Надо спасти принца!

— Да.

— Возьми мой мушкетъ и засядь тамъ въ кустахъ между скалъ. Заряди двумя пулями и, когда я каркну ворономъ, стрѣляй.

— Хорошо,—сказалъ Ламме.

И онъ исчезъ въ кустахъ, и Уленшпигель услышалъ, какъ щелкнулъ курокъ.

— Идутъ, видишь?—спросилъ онъ.

— Да, вижу. Ихъ трое, маршируютъ какъ солдаты, одинъ выше другихъ на голову.

Уленшпигель, вытянувъ ноги, сѣлъ у дороги и бормоталъ молитвы, перебирая четки, какъ дѣлаютъ нищіе. Его шляпа лежала у него на колѣняхъ.

Когда три проповѣдника проходили мимо, онъ протянулъ имъ шляпу, но они не подали ему ничего.

Тогда онъ привсталъ и жалобно сказалъ:—Благодѣтели, подайте грошикъ каменолому, который недавно сломалъ себѣ ноги, упавъ въ яму. Здѣсь народъ такой жестокосердый, никто не хочетъ подать милостыню, чтобы смягчить мои страданія. Ахъ, подайте грошикъ, буду за васъ Бога молить. Господь даруетъ вамъ долгую и радостную жизнь, благодѣтели!

— Сынъ мой,—сказалъ одинъ изъ проповѣдниковъ, высокій, широкоплечій человѣкъ: — не будетъ намъ на этой землѣ радости, пока властвуютъ на ней папа и инквизиція,

Уленшпигель вздохнулъ опять и сказалъ:—О, что вы говорите, благодѣтели? Молю васъ, говорите потише! Пожалуйте грошикъ бѣдняку.

— Сынъ мой,—сказалъ низенькій проповѣдникъ съ воинственнымъ лицомъ--мы—бѣдные подвижники, и денегъ у насъ ровно столько, сколько необходимо на дорогу.

Уленшпигель опустился на колѣни.—Такъ благословите меня,—сказалъ онъ.

Три проповѣдника простерли руки надъ головой Уленшпигеля, безъ всякаго однако благоговѣнія.

Тутъ онъ замѣтилъ, что, не смотря на ихъ худобу, у нихъ обширные животы и, вставая, онъ какъ бы оступился, ткнулся головой въ животъ высокаго проповѣдника и услышалъ тамъ веселый звонъ денегъ.

Тутъ онъ выпрямился, вытащилъ свой мечъ и сказалъ: —Разлюбезные отцы, холодно на дворѣ; вы одѣты хорошо, а я плохо. Пожалуйте-ка мнѣ вашу шерсть, я сдѣлаю себѣ плащъ. Я вѣдь нищій, то есть гезъ. Да здравствуютъ гезы.

— Ты, хоть и гезъ, а задираешь свой носъ слишкомъ высоко; придется намъ отрубить его тебѣ.

— Отрубить!—крикнулъ Уленшпигель и сдѣлалъ шагъ назадъ:—смотрите, „стальной вѣтеръ" раньше подуетъ на васъ, чѣмъ на принца. Я гезъ, и да здравствуютъ гезы!

Испуганные проповѣдники заговорили между собой:— Откуда онъ знаетъ? Насъ выдали? Бей его! Да здравствуетъ папа!

И они вытащили изъ голенищъ блестящіе, острые клинки.

Но Уленшпигель не ждалъ ихъ и отбѣжалъ къ кустамъ, гдѣ скрывался Ламме, и, когда проповѣдники приблизились къ нимъ какъ разъ на выстрѣлъ, онъ крикнулъ:—Воронье, черное воронье, вотъ подуетъ свинцовый вѣтеръ, а не стальной. Пою вамъ заупокойную!

И онъ каркнулъ ворономъ.

Изъ кустовъ раздался выстрѣлъ; высокій упалъ на землю. Второй выстрѣлъ положилъ другого.

Уленшпигель увидѣлъ въ кустахъ добродушное лицо Ламме и его руку, поднявшуюся при спѣшномъ заряженіи. Синеватый дымокъ вился надъ черными кустами. Третій проповѣдникъ съ яростнымъ мужествомъ бросился на него, но Уленшпигель сказалъ: — Стальной вѣтеръ или свинцовый — какой-нибудь ужъ перенесетъ тебя на тотъ свѣтъ, подлый наемный убійца!

И онъ бросился на противника и стойко защищался.

Стоя другъ противъ друга поперекъ дороги, не отрывая другъ отъ друга глазъ, они наносили и отражали удары. Уленшпигель былъ уже покрытъ кровью, такъ какъ противникъ его былъ умѣлый боецъ и ранилъ его въ ноги и голову. Но онъ бился, какъ левъ. Кровь съ головы заливала ему глаза и мѣшала видѣть. Большимъ прыжкомъ онъ отскочилъ въ сторону, чтобы имѣть маленькую передышку, отеръ лѣвой рукой кровь и побѣжалъ. Но онъ чувствовалъ, что слабѣетъ. И онъ былъ бы убитъ, еслибы Ламме новымъ выстрѣломъ не уложилъ противника.

И Уленшпигель видѣлъ и слышалъ, какъ тотъ изрыгаетъ кровь, предсмертныя проклятія и пѣну.

И синеватый дымокъ вновь поднялся надъ темнымъ лѣсомъ, и вновь показалось добродушное лицо Ламме.

— Дѣло сдѣлано?—спросилъ онъ.

— Да, сынъ мой, — отвѣтилъ Уленшпигель: — но подойди-ка...

Выйдя изъ засады, Ламме увидѣлъ, что Уленшпигель покрытъ кровью. Съ быстротой оленя бросился онъ, не смотря на свое брюхо, къ Уленшпигелю, сидѣвшему среди труповъ.—Милый другъ мой раненъ, раненъ этимъ негодяемъ,— приговаривалъ Ламме. Ударомъ ноги онъ вышибъ зубы одному изъ убитыхъ и продолжалъ: — Ты молчишь, Уленшпигель! Умираешь ты, сынъ мой? Гдѣ бальзамъ? Ага, въ мѣшкѣ, подъ колбасами. Уленшпигель, ты не слышишь меня? Ахъ, нѣтъ теплой воды обмыть твои раны и нѣтъ возможности добыть ее. Но пригодится и вода изъ Самбры. Говори, милый другъ! Не такъ же ты тяжело раненъ? Водички, такъ,—холодна, не правда ли? О, приходитъ въ себя. Это я, сынъ мой. Твой другъ. Всѣ убиты, всѣ. Полотна бы, полотна перевязать твои раны. Нѣту. Ну, мою рубашку—и онъ раздѣлся и потомъ продолжалъ: — На куски рубашку. Кровь остановилась. Не умретъ мой другъ.

— Ой, какъ мерзнетъ спина на свѣжемъ воздухѣ! Скорѣе одѣться. Не умретъ онъ, нѣтъ. Это я, Уленшпигель, твой другъ Ламме. Смѣется. Оберу убійцъ. У нихъ животы полны золота. Золотыя кишки—дукаты, флорины, талеры—и письма. О, теперь мы богаты. Больше трехсотъ дукатовъ. И деньги заберемъ, и оружіе. „Стальной вѣтеръ“ не коснется принца.

Уленшпигель всталъ, дрожа отъ холода.

— Ты ужъ можешь встать?

— Бальзамъ дѣйствуетъ.

— Бальзамъ мужества,—сказалъ Ламме.

И, взявъ трупы проповѣдниковъ, онъ бросилъ ихъ одинъ за другимъ въ расщелину скалы вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и одеждой, кромѣ плащей.

Вокругъ нихъ, чуя добычу, каркали въ небѣ вороны.

И Самбра, какъ рѣка стали, текла вдаль подъ сѣрымъ небомъ.

Пошелъ снѣгъ и смылъ кровь.

И все же они оба были удручены.—Мнѣ легче убить курицу, чѣмъ человѣка,—сказалъ Ламме.

И они сѣли на ословъ.

Еще у воротъ Гюи текла кровь у Уленшпигеля. Поэтому они разыграли ссору, соскочили съ ословъ и, съ искусственной яростью, дрались мечами.

Потомъ, покончивъ бой, они опять сѣли на ословъ, предъявили у воротъ паспорта и въѣхали въ городъ.

И женщины, видя кровавыя раны Уленшпигеля и побѣдоносную осанку Ламме, переполнились состраданіемъ къ побѣжденному, показывали Ламме кулаки и говорили:—Этотъ злодѣй изранилъ своего пріятеля.

Ламме безпокойно искалъ, нѣтъ ли среди нихъ его жены. Но все было напрасно, и онъ тосковалъ.

23.

— Теперь куда?—спросилъ Ламме.

— Въ Маастрихтъ,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Но тамъ войско Альбы и самъ онъ, говорятъ, въ городѣ. Нашихъ паспортовъ будетъ недостаточно. Если испанскіе солдаты даже впустятъ насъ, то насъ все-таки задержатъ въ городѣ и будутъ допрашивать. Тутъ дойдетъ вѣсть о гибели проповѣдниковъ, и тогда мы пропали.

— Вороны, сычи и коршуны скоро расклюютъ ихъ трупы. Лица ихъ, вѣрно, уже неузнаваемы. Паспорта наши хоть и не плохи, но ты, пожалуй, правъ: когда узнаютъ объ убійствѣ, возьмутся за насъ. И все-таки намъ надо пробраться черезъ Ланденъ въ Маастрихтъ.

— Насъ повѣсятъ.

— Выкрутимся.

Такъ разсуждая, они добрались до корчмы „Сорока", гдѣ нашли добрую ѣду, пріютъ и кормъ для ословъ.

На утро они выѣхали въ Ланденъ.

Когда они приблизились къ большой усадьбѣ, Уленшпигель засвисталъ жаворонкомъ и тотчасъ оттуда отвѣтили пѣтушинымъ крикомъ. Фермеръ съ добродушнымъ лицомъ показался у воротъ и сказалъ:—Такъ какъ вы друзья, то: да здравствуетъ гезъ! Заходите.

— Кто это?—спросилъ Ламме.

— Томасъ Утенгове, ревностный реформатъ, — отвѣтилъ Уленшпигель: — его работники, какъ и онъ, борятся за свободу совѣсти.

— Вы отъ принца, — сказалъ Утенгове: — поѣшьте, выпейте.

И ветчина зашипѣла на сковородкѣ и колбаса вмѣстѣ съ нею; явилось вино и наполнило стаканы. И Ламме пилъ, какъ сухой песокъ, и ѣлъ соотвѣтственно.

Батраки и служанки усадьбы поочередно совали носъ въ дверную щелку и смотрѣли на трудящіяся челюсти. И работники говорили съ завистью, что этакъ и они не прочь потрудиться.

Покончивъ ѣду, Томасъ Утенгове сказалъ:—Сто крестьянъ на этой недѣлѣ отправятся отсюда якобы починять плотины въ Брюгге и окрестностяхъ. Они раздѣлятся на партіи по пять-шесть человѣкъ и пойдутъ разными дорогами. Въ Брюгге будутъ ихъ ждать суда, которыя перевезутъ ихъ моремъ въ Эмденъ.

— Будутъ у нихъ деньги и оружіе? — спросилъ Уленшпигель.

— По десять гульденовъ и большому ножу у каждаго.

— Господь и принцъ вознаградятъ тебя,—сказалъ Уленшпигель.

— Я о наградѣ не думаю, — отвѣтилъ Томасъ Утенгове.

— Какъ это вы дѣлаете? — спросилъ Ламме, дожевывая толстую кровяную колбасу: — какъ это вы дѣлаете, любезный хозяинъ, что у васъ это блюдо получается такое сочное, душистое и нѣжное?

— Оттого,—отвѣтилъ хозяинъ,—что мы его заправляемъ майораномъ и корицей.

И обратился къ Уленшпигелю съ вопросомъ: — А что, Эдзаръ графъ Фрисландскій все еще другъ принцу?

— Онъ не выказываетъ этого, но скрываетъ въ Эмденѣ свои корабли,—отвѣтилъ Уленшпигель и прибавилъ:—Намъ надо въ Маастрихтъ.

— Это невозможно, — сказалъ хозяинъ — войско герцога стоитъ вокругъ города и въ окрестностяхъ.

Онъ повелъ ихъ на чердакъ и оттуда показалъ вдали знамена и значки пѣхоты и конницы, передвигающихся въ полѣ.

— Я проберусь,—отвѣтилъ Уленшпигель—если вы, благодаря вашему вліянію, добудете мнѣ разрѣшеніе жениться. Невѣста должна быть хороша собой, мила и нѣжна и должна выразить желаніе выйти за меня, хотя бы всего на недѣлю.

— Не дѣлай этого, сынъ мой, — сказалъ, вздохнувъ, Ламме: — она покинетъ тебя и пламя любовное изсушитъ тебя. Постель, на которой ты спишь такъ спокойно, станетъ ложемъ пытки, отнявъ у тебя твой тихій сонъ.

— Нѣтъ, надо,—сказалъ Уленшпигель.

И Ламме, не найдя больше ничего на столѣ, погрузился въ глубокую тоску. Однако вскорѣ онъ нашелъ на блюдѣ какія-то лакомства и мрачно жевалъ ихъ.

— Итакъ выпьемъ,—сказалъ Уленшпигель Томасу Утенгове: — вы, стало быть, добудете мнѣ жену, богатую или бѣдную. Съ нею я пойду къ попу въ церковь, чтобы онъ обвѣнчалъ насъ. Онъ выдастъ намъ брачное свидѣтельство, которое не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ папскій инквизиторъ. Тамъ будетъ сказано, что мы оба добрые христіане,

что мы исповѣдывались и причащались по законамъ святой матери нашей, Римской Церкви, сжигающей своихъ дѣтей, живемъ согласно правиламъ апостольскимъ и такимъ образомъ достойны благословенія святого отца нашего, папы римскаго, воинства земного и небеснаго, канониковъ, поповъ, монаховъ, наемниковъ, шпіоновъ и прочей мрази. Съ этимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ мы станемъ устраивать наше свадебное путешествіе.

— А невѣста?—спросилъ Томасъ Утенгове.

— Невѣсту ты мнѣ раздобудешь. Итакъ я беру двѣ повозки, увитыя ельникомъ, остролистникомъ, бумажными цвѣтами и сажаю туда нѣсколько человѣкъ, которыхъ ты хотѣлъ бы отправить къ принцу.

— Но невѣста?

— Она здѣсь, вѣроятно.—Итакъ въ одну повозку я впрягу пару твоихъ лошадей, въ другую—пару ословъ. Въ первой усядемся я, моя жена, мой другъ Ламме и свидѣтели; въ другой—дудочники, свирѣльщики и барабанщики. Затѣмъ подъ звуки пѣнія и барабановъ, среди весело развѣвающихся свадебныхъ флаговъ, съ выпивкой помчимся мы по большой дорогѣ, которая ведетъ или на Galgen-Veld, къ висѣлицѣ, или къ свободѣ.

— Постараюсь помочь тебѣ,—сказалъ Томасъ Утенгове—но жены и дочери захотятъ ѣхать съ мужчинами.

— Господь охранитъ насъ,—вмѣшалась хорошенькая дѣвушка, просунувшая голову въ дверь.

— Если надо, можно и четыре повозки собрать,—сказалъ Томасъ Утенгове:—тогда мы отправимъ болѣе двадцати пяти человѣкъ.

— Альба останется въ дуракахъ,—воскликнулъ Уленшпигель.

— А флотъ принца получитъ нѣсколькими добрыми воинами больше,—отвѣтилъ Томасъ Утенгове.

И, созвавъ колоколомъ своихъ батраковъ и дѣвушекъ, онъ обратился къ нимъ:—Вотъ всѣ вы, люди зеландскіе, мужчины и женщины, видите предъ собой Уленшпигеля, который собирается проѣхать вмѣстѣ съ вами въ свадебномъ поѣздѣ чрезъ войско герцога.

И люди зеландскіе, мужчины и женщины, въ одинъ голосъ вскричали:—Безъ страха за жизнь! Мы готовы.

И мужчины переговаривались между собой:—Вотъ радость: мы смѣнимъ землю рабства на море свободы. Если Богъ за насъ, то кто противъ насъ?

И женщины и дѣвушки говорили:—Пойдемъ за нашими мужьями и милыми. Зеландія—наша родина—дастъ намъ пріютъ.

Уленшпигель замѣтилъ одну молодую славненькую дѣвушку и какъ бы шутя обратился къ ней: -- Пойдешь за меня?

Но она отвѣтила, краснѣя:—Пойду, только въ церкви.

Женщины говорили, смѣясь:—Сердце влечетъ ее къ Гансу Утенгове, сыну хозяина. Вѣрно, и онъ ѣдетъ.

— Ѣду,—сказалъ Гансъ.

— Поѣзжай,—сказалъ отецъ.

И мужчины надѣли праздничную одежду, бархатныя куртки и штаны, а поверхъ всего длинные „opperst-kleed“ и широкополыя шляпы, защищающія отъ солнца и дождя. Женщины надѣли черные чулки и вырѣзные башмаки; на лбу у нихъ были большія узорныя золотыя бляхи, которыя дѣвушки носятъ слѣва, замужнія женщины справа; затѣмъ на нихъ были бѣлыя брыжжи, пурпурные и голубые нагрудники, вышитые золотомъ, черныя суконныя юбки съ широкими бархатными оборками того же цвѣта. Башмаки были бархатные съ серебряными пряжками.

Затѣмъ Томасъ Утенгове отправился въ церковь къ патеру и просилъ его за два „риксдалера“, тутъ же врученные ему, незамедлительно обвѣнчать Тильберта, сына Клааса — то-есть Уленшпигеля — и Таннекинъ Питерсъ, на что патеръ выразилъ согласіе.

Итакъ Уленшпигель со всѣмъ свадебнымъ шествіемъ двинулся въ церковь и вступилъ въ бракъ съ Таннекинъ, изящной, милой, хорошенькой и полненькой Таннекинъ, въ щеки которой онъ готовъ былъ впиться зубами, какъ въ помидоръ. И онъ нашептывалъ ей, что изъ преклоненія предъ ея нѣжной красотой не рѣшается сдѣлать это. А она, шутя, отвѣчала:--Оставьте меня, Гансъ смотритъ такъ, какъ будто готовъ убить васъ.

И одна завистливая дѣвушка шепнула:—Ищи подальше; не видишь развѣ, что она боится своего милаго?

Ламме потиралъ руки и покрикивалъ: — Не всѣ же онѣ достанутся тебѣ, каналья!

И былъ въ восторгѣ.

Уленшпигель покорно снесъ свое горе и возвратился съ свадебнымъ шествіемъ въ усадьбу. Здѣсь онъ пѣлъ, бражничалъ, веселился, пилъ за здоровье завистливой дѣвушки. Это было очень пріятно Гансу, но не Таннекинъ и не жениху завистливой дѣвушки.

Около полудня при свѣтломъ сіяніи солнца и свѣжемъ вѣтеркѣ съ развѣвающимися флагами, веселой музыкой свирѣлей, волынокъ и дудокъ двинулись въ путь въ повозкахъ, увитыхъ ельникомъ и цвѣтами.

Въ лагерѣ Альбы былъ другой праздникъ; развѣдчики и

дозорные трубили тревогу, прибѣгали одинъ за другимъ, донося: — Непріятель близокъ. Мы слышали бой барабановъ и свистъ флейтъ и видѣли знамена. Сильный отрядъ конницы приближается, чтобы заманить насъ въ ловушку. Главныя силы расположены, вѣроятно, подальше.—Немедленно герцогъ разослалъ извѣстіе командирамъ всѣхъ частей, приказавъ выстроить войско въ боевой порядокъ и разослать развѣдочные отряды.

И вдругъ прямо на линію стрѣлковъ вынеслись четыре повозки. Онѣ были полны мужчинъ и женщинъ, которые плясали, размахивали бутылками, дули въ дудки, били въ бубны, свистѣли въ свирѣли, гудѣли въ гудки. Свадебный поѣздъ остановился, самъ Альба вышелъ на шумъ и на одной изъ четырехъ повозокъ увидѣлъ новобрачную. Рядомъ съ ней былъ Уленшпигель, ея супругъ, украшенный цвѣтами, крестьяне и крестьянки сошли на землю и угощали солдатъ виномъ. Альба и его свита были изумлены глупостью этого мужичья, которое могло плясать и веселиться, когда все вокругъ нихъ ждало боя.

Участники свадебнаго кутежа роздали солдатамъ все свое вино, и тѣ благодарили и восхваляли ихъ.

Когда выпивка кончилась, крестьяне и крестьянки опять усѣлись въ повозки и, безъ малѣйшей задержки, унеслись при звукѣ бубновъ, дудокъ и волынокъ.

И солдаты весело провожали ихъ, чествуя новобрачныхъ залпами изъ аркебузовъ.

Такъ прибыли они въ Маастрихтъ, гдѣ Уленшпигель снесся съ довѣренными реформатовъ о доставкѣ оружія и пушекъ кораблямъ Оранскаго.

То же сдѣлали они въ Ланденѣ.

И такъ разъѣзжали они повсюду въ крестьянскихъ одеждахъ.

Герцогъ узналъ объ ихъ продѣлкѣ и обо всемъ этомъ сложили и переслали ему пѣсенку, съ такимъ припѣвомъ:

Герцогъ Альба, кровавый болванъ,
Видѣлъ ты невѣсту, злой истуканъ?

И всякій разъ, какъ онъ дѣлалъ какую-нибудь ошибку, солдаты пѣли:

Герцогъ разумъ потерялъ,—
Онъ невѣсту увидалъ!

24.

А король Филиппъ пребывалъ въ неизмѣнной тоскѣ.

Въ безсильномъ честолюбіи молилъ онъ Господа какъ-нибудь даровать ему мощь побѣдить Англію, покорить Фран-

цію, завоевать Миланъ, Геную и Венецію, стать владыкой морей и царить надъ всей Европой.

Но и въ мысляхъ объ этомъ торжествѣ онъ не улыбался.

И вѣчно знобило его; не согрѣвало его ни вино, ни пламя душистаго дерева, вѣчно горѣвшее въ залѣ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Здѣсь сидѣлъ онъ среди такого множества писемъ, что цѣлыя бочки можно было бы ими наполнить, и писалъ неустанно, все думая о владычествѣ надъ міромъ, какое принадлежало римскимъ императорамъ; думалъ онъ и о своей ревнивой ненависти къ сыну своему донъ-Карлосу, который все хотѣлъ отправиться на смѣну герцогу Альбѣ въ Нидерланды, конечно, затѣмъ—такъ думалъ король—чтобы сдѣлать попытку овладѣть тамъ властью. И онъ видѣлъ предъ собой сына, уродливаго, отвратительнаго, въ безуміи бѣснующагося, злобнаго—и ненависть его возростала. Но онъ никому не говорилъ объ этомъ.

Приближенные, служившіе королю Филиппу и сыну его донъ-Карлосу, не знали, кого изъ нихъ бояться больше, сына ли, подвижного насильника, который самъ набрасывался на своихъ слугъ, чтобы искровянить имъ лицо ногтями, или трусливаго, коварнаго отца, который билъ только чужими руками и, точно гіена, жилъ трупами.

Слуги вздрагивали, когда видѣли, какъ они вьются одинъ вокругъ другого. И они говорили, что скоро въ Эскуріалѣ будетъ покойникъ.

И вскорѣ они узнали, что донъ-Карлосъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, брошенъ въ темницу.

Узнали они также, что мрачная тоска съѣдаетъ его душу, что онъ исковеркалъ себѣ лицо, когда протискивался сквозь прутья тюремной рѣшетки, пытаясь убѣжать изъ темницы, и что мать его Изабелла Французская исходитъ слезами.

Но король Филиппъ не плакалъ.

Возникъ слухъ, что донъ-Карлосу подали незрѣлыхъ фигъ и что на слѣдующій день онъ скончался, не проснувшись послѣ сна. Враги опредѣлили, что послѣ того, какъ онъ поѣлъ фигъ, сердце его перестало биться, а равно прекратились и иныя жизненныя отправленія, требуемыя природой; онъ не могъ больше ни плевать, ни извергать что-либо изъ тѣла рвотой или инымъ путемъ; и животъ его вздулся, и онъ умеръ.

Король Филиппъ прослушалъ мессу за упокой души донъ-Карлоса, повелѣлъ похоронить его въ часовнѣ королевскаго замка и прикрыть плитой его могилу,—но не плакалъ.

И слуги, извративъ надгробную надпись на могилѣ принца, говорили:

Здѣсь покоится тотъ, кто фигъ незрѣлыхъ поѣлъ
И умеръ, хотя не болѣлъ.
A qui jaze qui en para desit verdad,
Morio s'in infirmidad.

И король Филиппъ бросалъ похотливые взоры на принцессу Эболи; онъ просилъ у нея любви, и она отдалась ему.

Королева Изабелла, которая, по слухамъ, благопріятствовала замысламъ донъ-Карлоса на счетъ Нидерландовъ, высохла и одряхлѣла. Волосы цѣлыми прядями стали разомъ выпадать у нея съ головы. И она умерла.

Филиппъ не плакалъ.

И волосы принца Эболи тоже выпали. Онъ сталъ мраченъ и слезливъ. Потомъ у него выпали и ногти на рукахъ и на ногахъ.

И король Филиппъ повелѣлъ похоронить его.

И онъ утѣшилъ вдову и не плакалъ.

25.

Женщины и дѣвушки изъ Дамме пришли къ Неле, спрашивая ее, не хочетъ ли она стать „майской невѣстой", то есть спрятаться въ кустахъ съ женихомъ, котораго найдутъ для нея; ибо—говорили онѣ не безъ зависти—во всемъ Дамме и округѣ нѣтъ молодого человѣка, который не радъ былъ бы на ней жениться, такъ она мила, свѣжа и умна. Все это, конечно, даръ колдуньи.

— Кумушки,—отвѣтила Неле—скажите молодымъ людямъ, которые готовы посвататься ко мнѣ, что сердце Неле не здѣсь, а съ тѣмъ, кто скитается вдали ради освобожденія родины. А если я, какъ вы говорите, свѣжа и молода, то этимъ я обязана не волшебству, а моему здоровью.

— Все же Катлина на подозрѣніи,—отвѣтили кумушки.

— Не вѣрьте злымъ наговорамъ,—возразила Неле:—Катлина не колдунья. Господа судейскіе жгли паклю на ея головѣ, а Господь Богъ поразилъ ее безуміемъ.

И Катлина кивала головой изъ уголка, гдѣ она сидѣла, съежившись, и говорила: — Уберите огонь; вотъ онъ скоро вернется, Гансикъ милый мой.

На вопросъ женщинъ, кто это Гансикъ, Неле отвѣтила:— Это сынъ Клааса, мой молочный братъ; она вообразила, что потеряла его съ тѣхъ поръ, какъ Господь поразилъ ее.

И женщины въ добротѣ душевной подали Катлинѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она же показывала кому-то, кого никто не видѣлъ, новыя монетки и приговаривала:—Я

богата, у меня блеститъ серебро. Приди, Гансикъ, милый мой, я заплачу тебѣ за твою любовь.

И Неле плакала въ одинокомъ домикѣ, когда ушли женщины. Она думала объ Уленшпигелѣ, который скитается гдѣ-то вдали, а она не можетъ быть при немъ, и о Катлинѣ, которая все вздыхаетъ и стонетъ: „Уберите огонь!" и часто прижметъ такъ обѣ руки къ груди, показывая, какъ бушуетъ въ ея головѣ и всемъ тѣлѣ пламя безумія.

Между тѣмъ „майская невѣста" и ея женихъ спрятались въ кустахъ, и та или тотъ, которые находили кого-нибудь изъ нихъ, становились, смотря по ихъ полу и полу найденнаго, королемъ или королевой празднества. Неле слышала радостные возгласы парней и дѣвушекъ, когда „майская невѣста" была найдена въ оврагѣ, скрытая зарослями.

И она плакала, вспоминая о той сладостной порѣ, когда искали ее и Уленшпигеля, ея милаго.

26.

Въ это время онъ и Ламме—нога слѣва, нога справа—ѣхали верхомъ на своихъ ослахъ.

— Слушай, Ламме,—сказалъ Уленшпигель:—нидерландское дворянство изъ зависти къ Молчаливому измѣнило дѣлу союзниковъ, предало священный союзъ, достославное соглашеніе, заключенное ради спасенія отечества. Эгмонтъ и Горнъ стали также предателями, но это не много принесло имъ пользы; Бредероде умеръ, и продолжать эту войну некому, кромѣ бѣднаго народа Фландріи и Брабанта, ожидающаго отважныхъ вождей, чтобы двинуться впередъ; да еще островъ, да, сынъ мой, острововъ Зеландіи, да еще Сѣверной Голландіи, губернаторомъ которой состоитъ принцъ, а дальше на морѣ—Эдзарда, графа Эмдена и восточной Фрисландіи

— Ахъ,—сказалъ Ламме—я вижу совершенно ясно, что мы вертимся между костромъ, веревкой и плахой, умираемъ съ голоду, изнываемъ отъ жажды и не имѣемъ никакой надежды на миръ и спокойствіе.

— Это еще только начало, — отвѣтилъ Уленшпигель:— прими благосклонно въ соображеніе, что все это вѣдь пустяки для насъ: не мы ли избиваемъ нашихъ враговъ, не мы ли издѣваемся надъ ними; не наши ли кошельки полны нынѣ золота; не пресыщены ли мы мясомъ, пивомъ, виномъ и водкой? Чего тебѣ еще, тюфякъ ты ненасытный? Не продать ли нашихъ ословъ и купить лошадей?

— Сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме—лошадиная рысь нѣсколько жестка для человѣка моего объема.

— Ну, и сиди на своемъ ослѣ, какъ это дѣлаютъ му-

жики, и смѣяться надъ тобой никто не будетъ, пока ты одѣтъ мужикомъ и вооруженъ не мечомъ, какъ я, а дротикомъ.

— Сынъ мой,—сказалъ Ламме,—увѣренъ ли ты, что наши паспорта будутъ достаточны въ маленькихъ мѣстечкахъ?

— У меня вѣдь въ запасѣ еще брачное свидѣтельство съ его большой печатью краснаго сургуча, висящее на двухъ пергаментныхъ хвостикахъ, да еще свидѣтельство объ исповѣди. Съ двумя мужами, столь превосходно вооруженными, не сладить солдатамъ и шпіонамъ герцога. А черныя четки, которыми мы торгуемъ? Оба мы—ты фламандецъ, я нѣмецъ—по особому приказу герцога разъѣзжаемъ по странѣ, распространеніемъ священныхъ предметовъ привлекая еретиковъ къ святой католической вѣрѣ. Такимъ образомъ мы проникнемъ повсюду и къ знатнымъ господамъ, и къ жирнымъ аббатамъ, и вездѣ встрѣтитъ насъ благоговѣйное гостепріимство. И мы пронюхаемъ ихъ тайны. Оближи свои губки, мой нѣжный другъ.

— Сынъ мой, — сказалъ Ламме—мы, стало быть, занимаемся шпіонствомъ?

— По законамъ и обычаямъ войны, — отвѣчалъ Уленшпигель.

— Но если сюда дойдетъ исторія о трехъ проповѣдникахъ, намъ не сдобровать,—сказалъ Ламме.

Въ отвѣтъ Уленшпигелъ запѣлъ:

Въ солнца радостномъ сіяньи
Вѣчно жить—вотъ мой девизъ!
Кто проткнуть мнѣ хочетъ кожу,
Встрѣтитъ мечъ мой—берегись!

Но Ламме стоналъ:—Охъ, у меня такая тонкая кожа, что малѣйшее прикосновеніе кинжала уже проткнетъ ее. Лучше было бы заняться какимъ-нибудь полезнымъ промысломъ, чѣмъ таскаться по горамъ и доламъ, служа этимъ важнымъ господамъ, которые ходятъ въ бархатныхъ штанахъ и ѣдятъ жирныхъ дроздовъ на золотыхъ блюдахъ. Мы получаемъ за все только пинки, опасности, бои, дождь, градъ, снѣгъ и прочія бродяжьи похлебки,.. А у нихъ—колбасы, жирные каплуны, ароматные жаворонки, сочныя пулярдки...

— Слюнки текутъ, милый другъ?—сказалъ Уленшпигель.

— Гдѣ вы, свѣжія печенія, золотистые пирожки, нѣжные сливочные торты? И гдѣ ты, жена моя?

Уленшпигель отвѣтилъ:—Пепелъ стучитъ въ мое сердце и влечетъ въ бой. Ты же, кроткій агнецъ, ты не долженъ мстить ни за смерть твоего отца и матери, ни за горе твоей возлюбленной, ни за твою бѣдность: если тебя пугаютъ ужасы войны, пусти меня туда, куда я сказалъ.

— Одного?—спросилъ Ламме.

И онъ непроизвольно остановилъ своего осла, который тутъ же сорвалъ пучекъ колючки, густо росшей у дороги. Оселъ Уленшпигеля также остановился и сталъ кормиться.

— Одного? — повторилъ Ламме: — Но ты не оставишь меня одного, это будетъ страшная жестокость. Я ужь потерялъ мою жену; теперь потерять еще друга — это слишкомъ. Я не буду больше жаловаться, обѣщаю тебѣ клятвенно. И разъ ужь такъ приходится—онъ гордо поднялъ голову—я тоже пойду подъ пули. Да! И въ чащу мечей —тоже пойду, да! Лицомъ къ лицу съ этими проклятыми наемниками, пьющими кровь, точно волки. И, если когда-нибудь, смертельно раненый, я упаду, истекая кровью, къ твоимъ ногамъ, похорони меня, и когда встрѣтишь мою жену, скажи ей, что я не смогъ жить, не будучи кѣмъ-нибудь любимъ на этомъ свѣтѣ! Нѣтъ, такъ я не могу-сынъ мой Уленшпигель.

И Ламме плакалъ, и Уленшпигель былъ растроганъ его кроткимъ мужествомъ.

27,

Въ это время Альба раздѣлилъ свои силы на двѣ арміи, изъ коихъ одну двинулъ въ герцогство люнебургское, другую въ графство намюрское.—Объ этомъ стратегическомъ рѣшеніи я не зналъ,—сказалъ Уленшпигель:—но мнѣ все, равно, ѣдемъ все-таки въ Маастрихтъ.

Когда они приближались къ городу вдоль теченія Мааса, Ламме замѣтилъ, что Уленшпигель внимательно разсматриваетъ всѣ суда, идущія по рѣкѣ, и вдругъ остановился предъ однимъ, на носу котораго было изображеніе сирены. Въ рукахъ у сирены былъ щитъ, на сѣромъ фонѣ котораго вырисовывались золотыя буквы *Г.-І.-Х.*, служащія именованіемъ нашего Господа Іисуса Христа.

Подавъ знакъ Ламме остановиться, Уленшпигель весело засвисталъ жаворонкомъ.

На палубѣ показался человѣкъ и крикнулъ пѣтухомъ На это Уленшпигель сдѣлалъ ему какой-то знакъ, заревѣлъ по-ослиному, указывая при этомъ на толпу народа, кишѣвшую на берегу. Тотъ отвѣтилъ тоже могучимъ ослинымъ ревомъ: і-а! И ослы Уленшпигеля и Ламме, настороживъ уши, присоединились изо всѣхъ силъ къ этому родному звуку. Проходили женщины, проѣзжали мужчины, сидѣвшіе на лошадяхъ, тащившихъ суда, и Уленшпигель обратился къ Ламме: — Этотъ судовщикъ насмѣхается надъ нами и нашими ослами. Не взобраться ли намъ на его барку, чтобъ расплатиться съ нимъ какъ слѣдуетъ?

— Пусть лучше онъ сюда придетъ,—отвѣтилъ Ламме.

— Если вы—посовѣтовала имъ проходящая женщина,—не хотите вернуться съ переломанными ногами и руками и изувѣченнымъ лицомъ, то оставьте этого Стерке-Пира ревѣть сколько его душѣ угодно.

— І-а, і-а, і-а!—ревѣлъ судовщикъ.

— Пусть реветъ,—говорила женщина:—надняхъ онъ, на нашихъ глазахъ, поднялъ повозку, нагруженную тяжелыми пивными боченками, и остановилъ на ходу другую, запряженную здоровенной лошадью. Вонъ тамъ—она указала на корчму „Синяя Башня"—онъ, бросивъ свой ножъ, на разстояніи двадцати шаговъ пробилъ имъ дубовую доску въ двѣнадцать дюймовъ толщиной.

— І-а, і-а, і-а!—оралъ судовщикъ, и ему вторилъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати, тоже вылѣзшій на палубу.

— Не боимся мы твоего Петра Сильнаго. Пусть такъ зовется этотъ Стерке-Пиръ! Мы посильнѣй его—и вотъ предъ тобой мой другъ Ламме, который можетъ пару такихъ слопать безъ отрыжки.

— Что ты несешь, сынъ мой?—спросилъ Ламме.

— То, что есть—отвѣтилъ Уленшпигель:—не противорѣчь мнѣ изъ скромности. Да, добрые люди, скоро вы увидите, какъ разойдется его рука и какъ онъ обработаетъ вашего знаменитаго Стерке-Пира.

— Да помолчи,—сказалъ Ламме.

— Извѣстна твоя сила, не къ чему ее скрывать,—говорилъ Уленшпигель.

— І-а!—завывалъ судовщикъ.—І-а!—вторилъ мальчикъ

Вдругъ Уленшпигель снова засвисталъ жаворонкомъ. И мужчины, и женщины, и работники спрашивали въ восхищеніи, гдѣ онъ научился этому небесному пѣнію.

— Въ раю,—отвѣтилъ онъ—я вѣдь прямо оттуда.

И, обратившись къ судовщику, который, не переставая, ревѣлъ и указывалъ на него пальцемъ, онъ закричалъ: —Что-жь ты сидишь тамъ на своей баркѣ, бездѣльникъ? Видно, на землѣ не смѣешь насмѣхаться надъ нами и нашими ослами?

— Ага, не смѣешь!—повторилъ Ламме.

— І-а, і-а! — ревѣлъ тотъ: — пожалуйте-ка сюда, ослы ослиные!

— Дѣлай, какъ я,—шепнулъ Уленшпигель Ламме. И онъ закричалъ судовщику: — Если ты Стерке-Пиръ, то я Тиль Уленшпигель. А это вотъ наши ослы Іефъ и Янъ, которые ревутъ по ослиному лучше тебя, ибо это ихъ природный языкъ. А на твою расхлябанную посудину мы не пойдемъ.

Это старое корыто переворачивается отъ первой волны и плаваетъ-то бочкомъ, по-крабьи.

— Ну-да, по-крабьи, ну-да,—кричалъ Ламме.

— Ты что тамъ ворчишь сквозь зубы, кусокъ сала!—крикнулъ судовщикъ Ламме.

Тутъ Ламме пришелъ въ ярость.—Ты плохой христіанинъ, коришь меня моей немощью,—кричалъ онъ:—но знай, что это сало мое сало, отъ моего добраго питанія. А ты, старый ржавый гвоздь, жилъ всю жизнь прокисшими селедками, свѣчными фитилями и тресковой кожей, сколько можно судить по твоей худобѣ, которая видна сквозь дырки въ твоихъ штанахъ.

— Ну, и потасовка будетъ,—говорили прохожіе, полные радостнаго любопытства.

— І-а, і-а,—кричали съ барки.

Ламме хотѣлъ сойти съ осла, набрать камней и швырять въ судовщика.

— Камнями не бросай,—сказалъ Уленшпигель.

Судовщикъ что-то пошепталъ на ухо мальчику, который вмѣстѣ съ нимъ ревѣлъ по-ослиному. Тотъ отвязалъ отъ барки лодку и, умѣло орудуя багромъ, приблизился къ берегу. Подъѣхавъ совсѣмъ близко, онъ гордо выпрямился и сказалъ:—Мой хозяинъ спрашиваетъ васъ, рѣшаетесь ли вы переѣхать на его судно и тамъ помѣряться съ нимъ силами въ бою кулаками и ногами? Эти люди и вотъ женщины будутъ свидѣтелями.

— Мы готовы, — отвѣтилъ Уленшпигель съ достоинствомъ.

— Мы принимаемъ бой,—гордо повторилъ Ламме.

Было время обѣда, рабочіе съ плотинъ и съ верфей, мостовщики, женщины съ горшками на головахъ съ ѣдой для мужей, дѣти, пришедшіе смотрѣть, какъ ихъ отцы будутъ обѣдать бобами и вареннымъ мясомъ, всѣ смѣялись и били въ ладоши при мысли о предстоящемъ состязаніи, въ пріятной надеждѣ, что тотъ или другой изъ борцовъ окажется съ разбитой головой или къ общему удовольствію свалится въ рѣку.

— Сынъ мой,—сказалъ Ламме потихоньку,—онъ броситъ насъ въ воду.

— А ты не давайся,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Толстякъ струсилъ,—говорили въ толпѣ. Ламме, все еще сидѣвшій на своемъ ослѣ, обернулся и бросилъ на нихъ сердитый взглядъ, но они смѣялись надъ нимъ.

— Ѣдемъ на барку,—сказалъ Ламме—тамъ видно будетъ, струсилъ ли я.

Отвѣтомъ на эти слова былъ новый взрывъ насмѣшекъ и Уленшпигель сказалъ:—Ѣдемъ.

Они сошли со своихъ ословъ и бросили поводья мальчику, который ласково трепалъ сѣряковъ и повелъ ихъ туда, гдѣ виднѣлись колючки.

Уленшпигель взялъ багоръ, далъ Ламме войти въ лодку, направилъ ее къ баркѣ и, вслѣдъ за пыхтящимъ, потнымъ Ламме, поднялся на нее по веревкѣ. Ступивъ на палубу, Уленшпигель наклонился, какъ бы для того, чтобы завязать башмакъ, и прошепталъ при этомъ нѣсколько словъ судовщику, который весело посмотрѣлъ на Ламме, Но затѣмъ онъ осыпалъ его тысячами оскорбленій, называя его бездѣльникомъ, распухшимъ отъ позорнаго ожиренія, тюремнымъ завсегдатаемъ, объѣдалой и такъ далѣе:—Сколько бочекъ ворвани выйдетъ изъ тебя, рыба-китъ, если тебѣ открыть жилу?

Вдругъ Ламме, не говоря въ отвѣтъ ни слова, бросился, на него, какъ бѣшеный быкъ, и неистово колотилъ его, нанося удары со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ силъ; очень больно онъ не могъ сдѣлать ему, такъ какъ вслѣдствіе полноты былъ довольно-таки слабъ. Судовщикъ дѣлалъ видъ, что сопротивляется, спокойно давая ему колотить сколько угодно.

Уленшпигель же приговаривалъ при этомъ:—Этотъ бродяга поставитъ намъ выпивку.

И женщины, дѣти и рабочіе, смотрѣвшіе съ берега, говорили: — Кто могъ думать, что этотъ толстякъ такой вспыльчивый?

И они били въ ладоши, а Ламме наскакивалъ, какъ глухой, между тѣмъ какъ его противникъ старался только прикрыть свое лицо. Вдругъ всѣ увидѣли, что Ламме упирается колѣномъ въ грудь Стерке-Пира, одной рукой схватилъ его за горло, а другой приготовился ударить.

— Проси пощады!—кричалъ онъ яростно,—или ты пролетишь у меня сквозь клепки твоего корыта!

Стерке-Пиръ крякнулъ, чтобы показать, что онъ не можетъ говорить, и знакомъ руки просилъ о пощадѣ.

И Ламме великодушно поднялъ врага. Тотъ поднялся и, обернувшись къ зрителямъ спиной, высунулъ Уленшпигелю языкъ. И Уленшпигель хохоталъ, какъ безумный, видя какъ Ламме гордо помахиваетъ своей шапкой и съ торжествомъ ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ.

И женщины и мужчины, мальчики и дѣвочки на берегу били въ ладоши изо всѣхъ силъ и кричали:—Слава побѣдителю Стерке-Пира! Это желѣзный человѣкъ. Видѣли вы, какъ онъ лупилъ его кулаками и какъ ударомъ головы

опрокинулъ его на спину? Теперь они выпьютъ вмѣстѣ, чтобы заключить миръ. Стерке-Пиръ полѣзъ въ трюмъ и несетъ оттуда вино и колбасу.

И въ самомъ дѣлѣ Стерке-Пиръ принесъ два стакана и большую кружку бѣлаго маасскаго вина и Ламме заключилъ съ нимъ миръ. Ламме былъ въ восторгѣ отъ своей побѣды, отъ вина и колбасы и, указавъ на желѣзную трубу на палубѣ, изъ которой валилъ густой черный дымъ, спросилъ Стерке-Пира, какое это жаркое жарится въ его трюмѣ

—Боевая закуска,—отвѣтилъ тотъ со смѣхомъ.

Толпа рабочихъ, женщинъ и дѣтей разошлась кто по домамъ, кто на работу и вскорѣ изъ устъ въ уста полетѣла молва, что тутъ ѣздитъ на ослѣ одинъ толстякъ, въ сопровожденіи маленькаго богомольца тоже на ослѣ, и онъ сильнѣе Самсона, такъ что надо беречься, какъ бы не задѣть его.

Ламме пилъ и побѣдоносно смотрѣлъ на судовщика.

Вдругъ тотъ сказалъ:—Ваши ослы соскучились тамъ на берегу.

И подтянувъ барку къ берегу, онъ вышелъ, взялъ одного осла за переднія и за заднія ноги и понесъ его—какъ Іисусъ несъ ягненка—на палубу. То же сдѣлалъ онъ, совершенно не запыхавшись, съ другимъ осломъ и тогда сказалъ:

— Выпьемъ.

Мальчикъ перепрыгнулъ на палубу.

И они выпили. Ламме былъ нѣмъ и никакъ не могъ сообразить, онъ ли это, Ламме Гоодзакъ изъ Дамме, побѣдилъ этого богатыря. Онъ только украдкой и ужь безъ побѣдоноснаго вида посматривалъ на него, не безъ опасенія, что тому вдругъ придетъ въ голову взять и его, какъ осла, поднять этакъ и бросить въ Маасъ, чтобы отомстить за поражені.

Но Стерке-Пиръ весело угощалъ его и Ламме оправился отъ своего страха и снова смотрѣлъ на него съ горделивой самоувѣренностью.

И Стерке-Пиръ и Уленшпигель смѣялись.

Между тѣмъ ослы были очень смущены тѣмъ, что стоятъ на полу, который однако ничѣмъ не напоминаетъ конюшни, опустили головы и отъ страха не могли пить. Тогда Стерке-Пиръ принесъ имъ два мѣшка съ овсомъ, который былъ запасенъ у него для лошадей, тянущихъ барку, и который онъ купилъ, чтобы съ него не содрали за кормъ погонщики.

Увидѣвъ торбы съ овсомъ, ослы пробормотали молитву, тоскливо посмотрѣли на палубу и отъ страха свалиться не смѣли сдѣлать ни шага впередъ.

— Теперь сойдемъ въ кухню,—сказалъ судовщикъ Улен-

шпигелю и Ламме,—правда, боевую кухню, но ты, мой побѣдитель, можешь спуститься туда безъ страха.

— Я не знаю страха и слѣдую за тобой—сказалъ Ламме.

Мальчикъ сталъ у руля

Сойдя внизъ, они увидѣли вездѣ мѣшки, полные зерна, бобовъ, гороха, свеклы и всякихъ овощей.

Затѣмъ судовщикъ открылъ дверь въ маленькую кузницу и сказалъ:—Такъ какъ вы смѣлые люди, знаете свистъ вольнаго жаворонка, воинственный крикъ пѣтуха и ревъ покорно трудящагося осла, то я вамъ покажу мою боевую кухню. Такая маленькая кузница имѣется почти на всѣхъ судахъ, плавающихъ по Маасу. Она поэтому не внушаетъ подозрѣній, такъ какъ нужна для починокъ на баркѣ. Но не на всѣхъ судахъ есть такія прекрасныя овощи, какія припасены у меня въ трюмѣ.

И онъ сдвинулъ нѣсколько камней на полу трюма, поднялъ половицу и вытащилъ оттуда связку мушкетныхъ стволовъ, поднялъ ее вверхъ, какъ перышко, уложилъ обратно и сталъ показывать имъ наконечники для копей и аллебардъ, клинки мечей, пороховницы, сумки для пуль.

— Да здравствуютъ гезы!—воскликнулъ онъ:—вотъ бобы и подлива къ нимъ! Приклады—наши бараньи бедра, салатъ—наконечники для аллебардъ, а эти стволы—бычачьи ребра для похлебки освобожденія! Да здравствуютъ гезы! Куда доставить это продовольствіе?—спросилъ онъ Уленшпигеля.

— Въ Нимвгенъ, гдѣ ты заберешь еще припасы—настоящія овощи, которыя принесутъ тебѣ крестьяне въ Этсенѣ, Стефансвертѣ и Руремонде. И они будутъ свистѣть вольными жаворонками, а ты имъ отвѣтишь боевымъ пѣтушинымъ крикомъ. Ты зайдешь къ доктору Понтусу, который живетъ въ Ньюве-Вааль, и скажешь ему, что пріѣхалъ въ городъ съ овощами, но боишься сухости. Пока крестьяне пойдутъ на рынокъ и будутъ тамъ продавать свои овощи такъ дорого, что ихъ никто не купитъ, онъ скажетъ, что тебѣ дѣлать съ твоимъ оружіемъ. Я все-же думаю, что онъ, не смотря на опасность, прикажетъ тебѣ спуститься по Ваалю, Маасу и Рейну и тамъ вымѣнять овощи на сѣти, чтобы имѣть случай обращаться среди гарлингенскихъ рыбачьихъ судовъ, на которыхъ много моряковъ, знающихъ пѣніе жаворонка; дальше придется плыть у самаго берега по-надъ отмелями, пока доберешься до „Lauwer-zee“, здѣсь вымѣнять сѣти на желѣзо и свинецъ, переодѣть твоихъ крестьянъ въ другую одежду, чтобы они казались уроженцами Маркена, Флиссингена, Амеланда, ловить у береговъ рыбу и солить ее въ прокъ, но не про-

давать, ибо „для выпивки свѣжее, для войны соленое“— старое правило.

— Стало быть—выпьемъ,—сказалъ судовщикъ.

И они опять поднялись на палубу.

Но Ламме былъ грустенъ и вдругъ сказалъ:—Въ вашей кузнѣ такой жаркій огонь, отличное можно на немъ сварить рагу. Моя глотка жаждетъ похлебки.

— Сейчасъ освѣжу ее,—сказалъ судовщикъ.

И онъ поставилъ передъ нимъ жирную похлебку, въ которой плавалъ толстый ломоть солонины.

Однако, проглотивъ нѣсколько ложекъ, Ламме сказалъ:— Моя глотка шелушится, языкъ горитъ: это не то, что рагу изъ свѣжаго мяса.

— Сказано есть: „свѣжее для выпивки, соленое для войны“,—сказалъ Уленшпигель.

И судовщикъ наново наполнилъ стаканы и провозгласилъ:—Я пью за жаворонка, птичку свободы!

— Я пью за пѣтуха, боевого трубача,—сказалъ Уленшпигель.

— Я пью за мою жену; пусть она никогда не знаетъ жажды, дорогая моя,—сказалъ Ламме.

— Ты проѣдешь черезъ Сѣверное море въ Эмденъ; это наше убѣжище,—сказалъ Уленшпигель судовщику.

— Море велико,—отвѣтилъ тотъ.

— Велико для боя.

— Съ нами Богъ!

— Кто тогда противъ насъ?

— Когда вы ѣдете?—спросилъ судовщикъ.

— Сейчасъ.

— Добраго пути и попутнаго вѣтра. Вотъ вамъ порохъ и пули.

И онъ поцѣловалъ ихъ, снесъ обоихъ ословъ на спинѣ, какъ ягнятъ, на землю и проводилъ Ламме и Уленшпигеля.

Сѣвъ на ословъ, они поѣхали по направленію къ Льежу.

— Сынъ мой, — сказалъ по пути Ламме — какъ этотъ сильный человѣкъ позволилъ, чтобы я такъ исколотилъ его?

— А это для того, чтобы намъ предшествовала молва о нашей непобѣдимости. Это охранитъ насъ лучше, чѣмъ двадцать ландскнехтовъ. Кто осмѣлится напасть на могучаго, побѣдоноснаго Ламме,—Ламме, который подобно быку, однимъ ударомъ, всѣмъ виднымъ, опрокинулъ Стерке-Пира, Петра Сильнаго, который переноситъ ословъ точно ягнятъ и подымаетъ телѣгу съ пивными бочками? Тебя уже знаетъ здѣсь всякій, ты—Ламме Грозный, ты Ламме Непобѣдимый и я живу въ тѣни твоей охраны. Всякій на нашемъ пути

будетъ насъ знать, никто не осмѣлится косо взглянуть на тебя и, въ виду всеобщаго мужества рода человѣческаго, ты повсюду будешь встрѣчать лишь любезность и почтеніе привѣтъ и покорность, приносимые въ дань грозной силѣ твоего кулака.

— Ты говоришь хорошо,—сказалъ Ламме и выпрямился на сѣдлѣ.

— И я говорю истину. Видишь, тамъ любопытныя лица выглядываютъ изъ первыхъ домовъ деревни. Показываютъ на Ламме, грознаго побѣдителя. — Видишь, какъ завистливо смотрятъ, на тебя мужчины и трусишки малодушные снимаютъ предъ тобой шляпу? Кланяйся въ отвѣтъ, Ламме, не презирай слабой толпы. Слышишь, дѣти знаютъ твое имя и въ страхѣ повторяютъ его.

И Ламме гордо ѣхалъ впередъ и кланялся направо и налѣво какъ король. И слухъ о его доблести переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ вплоть до Льежа, Шокье, Гевилля, Везэна и Намюра. Но они не заѣхали сюда изъ-за трехъ проповѣдниковъ.

Такъ путешествовали они вдоль рѣкъ, каналовъ и протоковъ. И повсюду крикъ пѣтуха отвѣчалъ пѣнію жаворонка. И повсюду ковали, точили, лили оружіе для борьбы за свободу и переносили его на суда.

А отъ таможеннаго дозора его укрывали въ бочкахъ, ящикахъ, корзинахъ.

И вездѣ оказывались добрые люди, принимавшіе его на сохраненіе и прятавшіе въ надежныхъ мѣстахъ для пороха и пуль, впредь до той поры, когда пробьетъ часъ, назначенный Господомъ.

И Ламме былъ съ Уленшпигелемъ и вездѣ ему предшествовалъ слухъ о его непобѣдимости. Такъ что въ концѣ концовъ онъ самъ увѣровалъ въ свою могучую силу, сталъ гордъ и воинственъ и запустилъ бороду. И Уленшпигель называлъ его Ламме Левъ. Но Ламме не утвердился въ своей вѣрѣ, такъ какъ щетина его щекотала, и на четвертый день выбрилъ у цирюльника свое побѣдоносное лицо. И снова предсталъ онъ предъ Уленшпигелемъ круглый и сіяющій, какъ упитанное солнышко.

28.

При наступленіи ночи они оставили ословъ въ Стокемѣ и направились въ Антверпенъ.

Когда они вошли въ городъ, Уленшпигель обратился къ Ламме:—Смотри на этотъ громадный городъ, который вселенная сдѣлала хранилищемъ своихъ сокровищъ: здѣсь зо-

лото, серебро, пряности, золочёная кожа, вышитые ковры, занавѣси, бархатъ, шерсть и шелкъ; здѣсь бобы, горохъ, зерно, мясо, мука, солонина, овощи; здѣсь вина отовсюду: лувенское, намюрское, люксембургское, льежское, простое вино изъ Брюсселя и Арсхота, вина изъ Бюлэ, виноградники котораго подходятъ къ воротамъ Намюра, вина рейнскія, испанскія, португальскія, арсхотское изюмное вино которое они тамъ называютъ *ландоліумъ*; бургундское, мальвазія и всякія иныя вина. И набережныя сплошь покрыты товарными складами. Эти богатства земли и человѣческаго труда привлекаютъ сюда со всего свѣта красивѣйшихъ гулящихъ дѣвчонокъ.

— Ты размечтался,—сказалъ Ламме.

— Среди нихъ я найду семерыхъ,—отвѣтилъ Уленшпигель:—сказано вѣдь:

Въ слезахъ и крови
Ищи семерыхъ...

А кто-же главнѣйшій источникъ слезъ, какъ не гулящія дѣвчонки? Не у нихъ-ли теряютъ бѣдные втюрившіеся мужчины свои прекрасные блестящіе и звенящіе дукаты, свои драгоцѣнности, цѣпи, кольца, не отъ нихъ ли возвращаются они въ отрепьяхъ, голышомъ, обобранные вплоть до рубашки? Куда дѣвалась красная живая кровь, струившаяся въ ихъ жилахъ? Обратилась въ чесночную похлебку. Когда дерутся безжалостнѣе мечомъ, кинжаломъ и ножомъ, чѣмъ за обладаніе ихъ нѣжнымъ сладкимъ тѣломъ? Уносятъ окровавленные и обезкровленные трупы—это трупы безумцевъ, потерявшихъ разумъ отъ любви. Когда отецъ сидитъ мрачно, проклиная кого-то, когда его сѣдые волосы становятся еще бѣлѣе, когда изъ сухихъ глазъ, въ которыхъ горитъ тоска о невозвратно погибшемъ сынѣ, уже не льются слезы; когда рыдаетъ мать, мертвенно блѣдная и тихая, какъ будто она и не видитъ, сколько еще горя на землѣ,—кто во всемъ этомъ виноватъ? Гулящія дѣвицы любятъ только деньги и держатъ у своихъ поясовъ весь мыслящій, трудящійся и философствующій міръ. Да, тамъ таятся семеро, которыхъ я долженъ найти. Пойдемъ къ гулящимъ дѣвушкамъ, Ламме. Быть можетъ, тамъ и твою жену найдешь. Будетъ двойной уловъ.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ Ламме.

Было это въ іюлѣ, къ концу лѣта, когда отъ солнца уже краснѣютъ листы каштана, птички распѣваютъ на деревьяхъ и малѣйшій жучокъ жужжитъ отъ наслажденія—такъ тепло ему въ травѣ.

Рядомъ съ Уленшпигелемъ бродилъ по антверпенскимъ

улицамъ Ламме, опустивъ голову и медленно, точно не свое тѣло ему приходится носить, а цѣлый домъ.

— Ламме, — сказалъ Уленшпигель:—ты все хандришь; развѣ ты не знаешь, что нѣтъ ничего вреднѣе для кожи; если такъ пойдетъ, она слѣзетъ клочьями. И хорошо будетъ, когда о тебѣ станутъ говорить: Ламме облупленный!

— Я голоденъ.

— Пойдемъ закусимъ.

И они пошли въ трактиръ, ѣли тамъ „choesels“ и пили „dobbel-kuyt“ сколько влѣзло.

И Ламме пересталъ ныть.

— Благословенно доброе пиво, такъ просвѣтляющее твою душу. Ты смѣешься и перебираешь своимъ пузомъ. Люблю я эту пляску внутренностей,—сказалъ Уленшпигель.

— Сынъ мой, не такъ еще онѣ бы заплясали, еслибы мнѣ посчастливилось найти мою жену,—отвѣтилъ Ламме.

— Что-жъ, пойдемъ на поиски.

Такъ пришли они къ части города, расположенной по нижней Шельдѣ.

— Видишь—сказалъ Уленшпигель—этотъ деревянный домикъ съ красивыми оконными переплетами и маленькими стеклами. Посмотри на эти желтыя занавѣски и красный фонарь. Здѣсь, сынъ мой, межъ четырехъ бочекъ пива и вина проживаетъ любезнѣйшая хозяйка лѣтъ пятидесяти— или съ хвостикомъ, каждый годъ она обростаетъ новымъ слоемъ жира. На бочкѣ горитъ свѣча, а къ стропилу подвѣшенъ фонарь. Тамъ темно и свѣтло: темно, когда любятъ, и свѣтло, когда платятъ.

— Значитъ, обитель для чертовыхъ монахинь и твоя хозяйка—игуменья.

— Да, она во имя Вельзевула ведетъ по пути порока пятнадцать смазливыхъ и полныхъ любовнаго пыла дѣвчонокъ, которыя получаютъ у нея пищу и пріютъ, но спать должны въ другомъ мѣстѣ.

— Ты уже бывалъ въ этой обители?

— Хочу поискать тамъ твою жену. Идемъ.

— Нѣтъ, я уже передумалъ, я не пойду.

— Неужто ты оставишь своего друга одного предъ лицомъ этихъ Астартъ?

— Пусть и онъ туда не лѣзетъ.

— Но если онъ долженъ найти тамъ семерыхъ и твою жену?

— Я бы лучше поспалъ.

— Такъ войди,—сказалъ Уленшпигель, открылъ дверь и втолкнулъ Ламме:—смотри, вонъ сидитъ хозяйка за своими бочками между двухъ лампъ. Комната велика, дубовый по-

толокъ почернѣлъ отъ копоти масляныхъ свѣтильниковъ. По стѣнамъ—скамьи, шаткіе столы, на нихъ стаканы, кружки, бокалы, рюмки, кубки, чаши, бутылки и прочая посуда. Въ серединѣ также столы и стулья, на нихъ возсѣдаютъ жрицы въ чепчикахъ, золотыхъ поясахъ, бархатныхъ туфляхъ, съ волынками и свирѣлями. Тамъ въ углу лѣстница, ведущая въ верхній этажъ. Маленькій облѣзлый горбунъ играетъ на клавесинѣ, стоящемъ на стеклянныхъ ножкахъ, чтобы усилить его звукъ. Танцуй, толстякъ. Вотъ предъ тобой пятнадцать лихихъ красотокъ: однѣ на столахъ, другіе на стульяхъ верхомъ, стоя, склонившись, облокотившись; третьи валяются на спинѣ или лежатъ на боку, въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ, съ голыми руками и плечами, съ грудью, обнаженной до пояса... Здѣсь есть на всякій вкусъ: выбирай! У однихъ отблескъ лампы, лаская ихъ свѣтлые волосы, прикрылъ тѣнью темно-синіе глаза, такъ что видно лишь влажное ихъ мерцаніе. Другія, закативъ глазки къ потолку, мурлычатъ подъ звуки лютни нѣмецкую пѣсенку. Третьи, полныя, круглыя, темноволосыя безстыдницы, пьютъ стаканами амбуазское вино, показывая свои голыя руки, обнаженныя до плечъ, и свои открытыя платья, изъ которыхъ точно яблоки выглядываютъ ихъ груди, орутъ безъ стѣсненія во всю глотку, одна за другой или всѣ вмѣстѣ. Послушай ихъ:—„Къ черту деньги сегодня! Сегодня мы хотимъ любви, любви по нашему выбору; сегодня будемъ любить мальчиковъ, дѣтей, кто намъ по душѣ. И безплатно. Ради Создателя,—пусть сегодня придутъ къ намъ надѣленные отъ природы мужской силой—и имъ будетъ отдана наша любовь.— Вчера мы любили за деньги, сегодня любимъ за любовь.— Кто хочетъ пить изъ нашихъ устъ, еще влажныхъ отъ бокала?—Вино и поцѣлуи—какое роскошное пиршество!—Къ черту вдовъ, которыя спятъ въ одиночествѣ! Мы дѣвки! Сегодня день добрыхъ дѣлъ, юнымъ, сильнымъ, красивымъ открываемъ мы наши объятія! Выпьемъ, дѣвочки!—Малютка бьетъ твое сердце тревогу въ этомъ любовномъ бою? Какіе удары! Часъ поцѣлуевъ насталъ! Когда придутъ къ намъ эти полныя сердца и пустые кошельки? Предвкушаете сладостный часъ? Какая разница между юнымъ гёзомъ-ободранцемъ и господиномъ маркграфомъ? Этотъ платитъ золотомъ, а юный гёзъ поцѣлуями. Да здравствуетъ гёзъ! Мертвыхъ въ могилахъ разбудимъ!“

Такъ говорили добрыя, пылкія, веселыя среди этихъ дѣвушекъ, отдавшихъ себя любви.

Но были и иныя среди нихъ, съ вытянутыми лицами и костлявыми плечами, сдѣлавшія свое тѣло предметомъ корыстной торговли, грошъ за грошомъ копящія уплату за

свои тощія прелести. Эти недовольно ворчали:—Вотъ ужь глупо было бы въ нашемъ утомительномъ промыслѣ отказываться отъ платы ради нелѣпыхъ выдумокъ, приходящихъ въ голову похотливымъ дѣвчонкамъ. Пусть сходятъ съ ума, мы не хотимъ на старости лѣтъ валяться въ лохмотьяхъ по канавамъ. Мы хотимъ платы, потому что мы продаемся. Къ дьяволу даровщину! Всѣ мужчины до одного—уроды, обжоры, пьяницы, вонючки, свиньи, брюзги. Во всѣхъ женскихъ горестяхъ они виноваты, только они.

Но тѣ, что помоложе и покрасивѣе, не слушали ихъ и говорили, за ѣдой и выпивкой: — Слышите погребальный звонъ съ соборной колокольни? Мы еще живы! Мертвыхъ въ могилахъ разбудимъ!

Увидѣвъ сразу столько блондинокъ и брюнетокъ, юныхъ и увядающихъ женщинъ, Ламме застыдился: онъ опустилъ глаза и крикнулъ:—Уленшпигель, гдѣ ты?

— Давнымъ давно скончался, милый другъ,—отвѣтила пухленькая дѣвушка, схвативъ его за руку.

— Давно скончался?

— Да, триста лѣтъ тому назадъ, въ одной компаніи съ Яковомъ де-Костеромъ ванъ-Маарландъ.

— Отстаньте, не дергайте меня. Уленшпигель, гдѣ ты? Приди къ другу на помощь! Если вы не отстанете, я сейчасъ ухожу.

— Ты не уйдешь,—отвѣчали онѣ.

— Уленшпигель! — жалобно взывалъ Ламме, — гдѣ ты, сынъ мой? Милая, да не дергайте меня такъ за волосы. Увѣряю васъ, это не парикъ. Спасите! Развѣ по-вашему мои уши недостаточно красны, что вы натираете ихъ до крови? Ну вотъ, теперь другая мучительница. Мнѣ больно. Ой, чѣмъ это мажутъ мнѣ лицо? Дайте зеркало! Да я черенъ, какъ сажа! Право, я разсержусь, если вы не перестанете. Это же не хорошо такъ мучить человѣка. Ну, отстаньте. Что же, развѣ вы станете жирнѣе отъ того, что будете меня со всѣхъ сторонъ дергать за волосы и бросать меня туда и сюда, какъ ткацкій челнокъ? Ну, довольно, право-же, я разсержусь.

— Онъ разсердится, онъ разсердится, — дразнили онѣ его—онъ разсердится, милый толстячокъ. Ну, не сердись, лучше засмѣйся, или спой любовную пѣсенку.

— Хорошо, любовную пѣсню спою, если угодно. Только не трогайте меня.

— Кого изъ насъ ты любишь?

— Никого, тебя—нѣтъ, другую тоже нѣтъ. Я пожалуюсь начальству и васъ высѣкутъ.

— Вотъ какъ, высѣкутъ? А если мы тебя раньше насильно поцѣлуемъ?

— Меня?

— Тебя!—закричали онѣ и набросились на него разомъ красивыя и уродливыя, свѣжія и увядшія, блондинки и брюнетки, швырнули его шляпу вверхъ, его плащъ въ сторону и гладили, ласкали, цѣловали его въ щеки, въ носъ, въ спину, куда попало.

Хозяйка смѣялась, сидя между своихъ свѣчей.

— Помогите!—кричалъ Ламме: — помоги, Уленшпигель, прогони это проклятое бабье. Отстаньте. Не нужны мнѣ ваши поцѣлуи. Я женатъ. Спаси, Господи, и сохрани меня для моей жены!

— Женатъ!—закричали онѣ: — но ты такой толстый, что женѣ твоей довольно останется. Дай и намъ кусочекъ. Вѣрная жена—это хорошо, но вѣрный мужъ—это каплунъ. Не дай тебѣ Богъ! Выбирай или мы высѣчемъ тебя!

— Не хочу!

— Выбирай!

— Нѣтъ!

— Не хочешь?—сказала красивая блондинка:—но смотри, я такая добрая и такъ люблю тѣхъ, кто меня любитъ.

— Отстань.

— Хочешь меня? — спросила хорошенькая брюнетка, темноглазая, точно ангелами вылѣпленная.

— Не люблю ржаного пряника.

— И меня не хочешь? — спросила пышная дѣвушка, съ густыми сросшимися бровями, большими глубокими глазами, толстыми ярко-красными губами, краснымъ лицомъ, красной шеей, красными плечами и лбомъ, сплошь прикрытымъ волосами.

— Не люблю обожженныхъ кирпичей.

— Возьми меня,—подскочила дѣвочка лѣтъ шестнадцати съ лицомъ бѣлочки.

— Не люблю щипцовъ.

— Сѣчь его, сѣчь!—кричали онѣ:—чѣмъ? Хорошими кнутами, сухими ремнями. Это проберетъ. Самая толстая шкура не выдержитъ. Десять штукъ возьмите, ослиныхъ и экипажныхъ.

— Спаси, Уленшпигель!—вопилъ Ламме.

Но Уленшпигель не откликался.

— Ты злой,—сказалъ Ламме и искалъ друга повсюду.

Принесли кнуты. Двѣ дѣвушки начали стаскивать съ Ламме куртку.

— Ахъ,—говорилъ онъ—бѣдный мой жиръ,—я съ такимъ трудомъ копилъ тебя, а онѣ его, конечно, сгонятъ своими

кнутами. Но мой жиръ вамъ ни къ чему, безжалостныя бабы, даже на соусы онъ не годится.

— Свѣчи изъ него выльемъ,—отвѣчали онѣ:—безплатное освѣщеніе это тоже здѣсь недурно. Какая-нибудь скажетъ когда-нибудь, что кнутомъ свѣчи дѣлала, и ее примутъ за сумасшедшую. А мы до смерти объ закладъ будемъ объ этомъ биться и выиграемъ. Намочите кнуты въ уксусѣ. Такъ, куртку долой. У св. Якова бьютъ часы. Девять. При послѣднемъ ударѣ, если не выберешь, мы начинаемъ.

Трепетно молилъ Ламме:—Помилуйте, пожалуйста, я поклялся въ вѣрности моей женѣ и сдержу клятву, хотя она, жестокая, покинула меня. Спаси меня, мой мальчикъ, помоги, Уленшпигель!

Но Уленшпигель не показывался.

— Вотъ я у вашихъ ногъ, — говорилъ Ламме гулящимъ дѣвушкамъ: — видано-ли большее смиреніе? Не говоритъ-ли это достаточно, что я почитаю васъ какъ святыхъ, васъ и вашу великую красоту? Счастливъ, кто холостъ и можетъ наслаждаться вашими прелестями! Это подлинно райское блаженство, вѣроятно. Но молю васъ, не бейте же меня.

Вдругъ раздался громкій и грозный голосъ хозяйки, сидѣвшей между двухъ свѣчей: — Дѣвушки! Клянусь моимъ великимъ дьяволомъ! если вы немедленно не приведете лаской и нѣжностью этого человѣка къ добру, то есть въ вашу постель, то я тотчасъ-же позову ночныхъ сторожей, чтобъ они тутъ-же васъ высѣкли. Вы не стоите имени разгульныхъ дѣвчонокъ, если вамъ понапрасну даны пышныя губы, сладострастныя руки и горящіе глаза, которые должны привлекать мужчинъ, какъ свѣтлячки своихъ самцовъ. Безпощадно высѣкутъ васъ за глупость.

Тутъ ужь дѣвушки затрепетали, и Ламме повеселѣлъ.

— Ну, что,—сказалъ онъ,—что вы запоете теперь о вашихъ кнутахъ? Я самъ позову ночную стражу. Она исполнитъ свой долгъ, а я буду помогать. И съ большимъ удовольствіемъ.

Но тутъ хорошенькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати бросилась предъ Ламме на колѣни съ возгласомъ: — Ахъ, господинъ, вотъ и я въ покорности предъ вами. Если вы не смилуетесь, не выберете одну изъ насъ, меня по вашей винѣ высѣкутъ. И хозяйка броситъ меня въ грязный карцеръ подъ Шельдой, гдѣ вода капаетъ со стѣнъ и гдѣ меня будутъ кормить однимъ чернымъ хлѣбомъ.

— Правда, что ее будутъ бичевать изъ-за меня, госпожа хозяйка?—спросилъ Ламме.

— До крови,—отвѣтила та.

Тогда Ламме посмотрѣлъ на дѣвушку и сказалъ: — Я

вижу, что ты свѣжа и благоуханна, что твои плечи выступаютъ изъ твоего платья какъ лепестокъ бѣлой розы, и я не хочу, чтобы эта прекрасная кожа, подъ которой струится такая молодая кровь, была истерзана бичемъ, не хочу, чтобы твои свѣтлые глазки, горящіе огнемъ юности, плакали отъ боли подъ ударами, не хочу, чтобы отъ холода тюрьмы дрожало твое тѣло, тѣло богини любви. Поэтому, чѣмъ знать, что тебя бьютъ, лучше ужь пойду съ тобой...

И дѣвушка забрала его къ себѣ. И такъ согрѣшилъ онъ—какъ грѣшилъ всю жизнь—по добротѣ душевной.

Между тѣмъ другъ противъ друга стояли Уленшпигель и большая красивая дѣвушка съ волнистыми черными волосами. Дѣвушка молчала и соблазнительно смотрѣла на Уленшпигеля, дѣлая видъ, что онъ для нея существуетъ.

— Люби меня,—сказалъ онъ.

— Тебя любить, другъ любезный? Ты вѣдь любишь по своей прихоти.

— Птица, летящая надъ твоей головой, споетъ свою пѣсенку и улетаетъ. Такъ и я, милая; хочешь, споемъ вмѣстѣ?

— Пѣсню смѣха и слезъ? Хорошо!

И она бросилась ему на шею.

Между тѣмъ, какъ оба пріятеля въ объятіяхъ своихъ возлюбленныхъ изнывали отъ блаженства, вдругъ съ дудками и бубнами ворвалась въ домъ веселая толпа meesevanger'овъ: такъ называются въ Антверпенѣ птицеловы. Они тѣснились и толкались, пѣли, свистѣли, орали, пищали, ругались. Съ ними были корзины и клѣтки съ пойманными птичками, и совы, которыми они пользуются при ловлѣ, широко раскрывали при свѣтѣ свои золотистые глаза.

Было ихъ человѣкъ десять, этихъ птицелововъ, всѣ съ раздутыми отъ вина и колбасы лицами, съ дрожащими головами, неустойчивыми ногами. Они такъ орали своими грубыми, надорванными голосами, что дѣвушкамъ казалось, будто это ревутъ звѣри въ лѣсу, а не люди въ ихъ домѣ.

Но такъ какъ онѣ попрежнему переговаривались между собой:—„Я возьму только того, кто мнѣ по душѣ.—Кого полюбимъ, тому отдадимся.—Завтра богатымъ деньгами, сегодня богатымъ любовью“,—то птицеловы стали кричать:—У насъ и деньги, и любовь. Значитъ, наши веселыя дѣвушки. Кто отступитъ, тотъ каплунъ. Вотъ птички, вотъ охотники. Ура! Да здравствуетъ Брабантъ, земля добраго герцога брабантскаго!

Но женщины насмѣшливо переговаривались: — Эти противныя рожи собираются насъ слопать. Ну, свиней не кор-

мятъ вареньемъ. Мы возьмемъ тѣхъ, кто намъ по сердцу; васъ не хотимъ. Бочки жира, мѣшки сала, ржавые гвозди, отъ васъ несетъ потомъ и грязью. Убирайтесь отсюда; все равно, въ адъ и безъ нашей помощи попадете!

Но тѣ отвѣчали:—Сегодня француженки разборчивы. Эй вы, пресыщенныя дамы, можете же вы намъ предоставить то, что каждый день продаете первому встрѣчному.

— Нѣтъ,—возражали дѣвушки:—завтра мы будемъ низкими рабынями служить вамъ по-собачьи, сегодня мы свободныя женщины, а вы ублюдки.

— Довольно болтать!—кричали тѣ:—кто проголодался?— рви яблочки.

И они бросились на нихъ, не разбирая ни возраста, ни красоты. Но дѣвушки стояли твердо на своемъ и швыряли имъ въ головы стулья, кружки, стаканы, бутылки, рюмки, чашки, которыя градомъ летѣли въ нихъ, ранили и увѣчили ихъ, выбивали имъ глаза.

На шумъ прибѣжали Ламме и Уленшпигель, оставивъ на верху лѣстницы своихъ трепещущихъ возлюбленныхъ. Увидѣвъ, какъ гости дерутся съ дѣвушками, Уленшпигель схватилъ во дворѣ метлу, сорвалъ съ нея прутья, далъ Ламме другую, и они безъ милосердія колотили птицелововъ.

Игра показалась побитымъ пьяницамъ не слишкомъ веселой, и этимъ воспользовались худыя дѣвушки, которыя и въ этотъ день великаго празднества вольной любви, заповѣданнаго природой, хотѣли продавать, а не давать даромъ. Ужами скользили онѣ между ранеными, ласкали ихъ, перевязывая имъ раны, подпаивая ихъ амбуазскимъ виномъ, и въ концѣ концовъ такъ наполнили гульденами и иными деньгами свои кошельки, что у тѣхъ не осталось ни ломаннаго гроша. А, когда прозвонилъ вечерній колоколъ, онѣ выбросили ихъ за дверь. Уленшпигель и Ламме давно ушли тѣмъ же путемъ.

29.

Они направились въ Гентъ и къ разсвѣту пріѣхали въ Локернъ. Кругомъ земля была покрыта росой; бѣлыя, живыя облака неслись надъ полями. Проходя мимо одной кузницы, Уленшпигель запѣлъ жаворонкомъ и тотчасъ сѣдая косматая голова показалась у дверей кузницы и слабый голосъ воспроизвелъ боевой крикъ пѣтуха.

— Это—сказалъ Уленшпигель Ламме — „Смитте“ (кузнецъ) Вастеле, по цѣлымъ днямъ кующій лопаты, лемехи, отвалы, а то и прекрасныя церковныя рѣшетки, ночью же иногда изготовляющій оружіе для бойцовъ за свободу совѣсти. Крѣпкаго здоровья онъ этимъ не нажилъ, ибо онъ

блѣденъ, какъ привидѣніе, печаленъ, какъ осужденный, и худъ такъ, что кости продырявливаютъ его кожу. Еще не спитъ—вѣрно, всю ночь напролетъ работалъ.

— Войдите,—сказалъ Смитте Вастеле—а ословъ отведите на лужайку за домомъ.

Когда, исполнивъ это, Уленшпигель и Ламме вошли въ кузнецу, Смитте Вастеле перенесъ въ свой погребъ всѣ мечи и наконечники, которые онъ наковалъ за ночь, потомъ приготовилъ дневную работу для своихъ подмастерьевъ.

Смотря выцвѣтшими глазами на Уленшпигеля, онъ спрашивалъ его:—Что ты разскажешь о принцѣ?

— Принцъ со своимъ войскомъ вытѣсненъ изъ Нидерландовъ вслѣдствіе трусости своихъ наемниковъ, которые кричатъ „Geld Geld! денегъ!“ — когда приходитъ время сражаться. Вмѣстѣ съ своими вѣрными солдатами, братомъ, графомъ Людвигомъ и герцогомъ Цвейбрюкенскимъ онъ поспѣшилъ во Францію на помощь гугенотамъ и королю наваррскому. Оттуда онъ у Диленбурга прошелъ въ Германію, гдѣ войско его усилилось бѣженцами изъ Нидерландовъ. Ты перешлешь ему оружіе и деньги, собранныя тобой, а мы будемъ бороться на морѣ за дѣло свободы.

— Я сдѣлаю, что надо, —сказалъ Смитте Вастеле: — у меня есть оружіе и девять тысячъ гульденовъ. Однако вы вѣдь пріѣхали на ослахъ?

— Да.

— А не слышали вы ничего по пути о трехъ проповѣдникахъ, которые убиты, ограблены и брошены въ расщелину скалы у Мааса?

— Да,—съ спокойной откровенностью сказалъ Уленшпигель: — эти три проповѣдника были герцогскіе шпіоны и наемные убійцы, которые должны были отправить на тотъ свѣтъ принца. Мы вдвоемъ, я и Ламме, покончили съ ними. Ихъ деньги у насъ и ихъ бумаги тоже. Мы возьмемъ изъ нихъ столько, сколько надо на дорогу, а остальное пойдетъ принцу.

И Уленшпигель распахнулъ куртки свою и Ламме и досталъ оттуда бумаги и пергаменты. Прочитавъ ихъ, Смитте Вастеле сказалъ: — Здѣсь планы сраженій и заговоровъ. Я перешлю ихъ принцу и онъ узнаетъ, что Уленшпигель и Ламме Гоодзакъ, вѣрные бродяги его высочества, спасли его благородную жизнь. Я продамъ вашихъ ословъ, чтобы по нимъ не узнали васъ.

— Развѣ намюрскія власти уже послали сыщиковъ слѣдить за нами?—спросилъ Уленшпигель.

— Я разскажу вамъ что знаю,—отвѣтилъ Вастеле:—недавно изъ Намюра пріѣзжалъ сюда одинъ кузнецъ, добрый

лютеранинъ, подъ предлогомъ привлеченія меня къ изготовленію рѣшетокъ, флюгеровъ и прочихъ кузнечныхъ работъ для крѣпостцы, которую строютъ подлѣ Туръ-де-ла Плантъ. Ему разсказывалъ служащій суда старшинъ, что тамъ уже собирались по этому дѣлу и допрашивали одного трактирщика, который живетъ неподалеку отъ мѣста убійства. На вопросъ, видѣлъ ли онъ убійцъ или людей, которые показались ему подозрительными, онъ отвѣтилъ:—„Я видѣлъ проѣзжавшихъ на ослахъ крестьянъ и крестьянокъ, которые останавливались подлѣ меня напиться и оставались сидѣть на своихъ ослахъ; другіе сходили и пили въ комнатѣ—мужчины—пиво, женщины и дѣвушки—медъ. Какъто заѣхали два крестьянина—порядочные, видно, люди,—и говорили о томъ, что хорошо бы сократить путь принцу Оранскому". При этихъ словахъ трактирщикъ свистнулъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто втыкаетъ кому-то ножъ въ горло.—„При „стальномъ вѣтрѣ"—продолжалъ онъ—я тайно помогу вамъ, ибо я кой-что могу сдѣлать". Такъ говорилъ онъ, и его отпустили. Послѣ этого судьи, разумѣется, разослали своимъ подчиненнымъ приказы. Трактирщикъ сказалъ, что видѣлъ только крестьянъ и крестьянокъ на ослахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что охотиться будутъ на тѣхъ, кого увидятъ на ослѣ. А вы нужны принцу, дѣти мои.

— Продай ословъ,—сказалъ Уленшпигель—а деньги сохрани для военной кассы принца.

Ослы были проданы.

Теперь—сказалъ Вастеле—каждый изъ васъ долженъ быть вольнымъ не-цеховымъ мастеромъ; умѣешь ты дѣлать птичьи клѣтки и мышеловки?

— Дѣлалъ когда-то,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— А ты?—обратился Вастеле къ Ламме.

— Я буду продавать „eete-koeken" и „olie-koeken". — Это пышки и оладьи, жаренныя въ маслѣ.

— Пойдемте; вотъ здѣсь готовыя клѣтки и мышеловки, инструменты и мѣдная проволока; возьмите сколько надо матеріала, чтобы чинить старыя и дѣлать новыя. Мнѣ принесъ все это одинъ изъ моихъ сыщиковъ. Вотъ на твою долю, Уленшпигель. Что до тебя, Ламме, то возьми вотъ эту маленькую жаровню и мѣхъ; я дамъ тебѣ и муки и масла, чтобы ты могъ жарить твои пышки и оладьи.

— Онъ самъ все слопаетъ,—сказалъ Уленшпигель.

— Когда начинаемъ?—спросилъ Ламме.

Вастеле отвѣтилъ:—Раньше ночь или двѣ вы мнѣ будете помогать; мнѣ одному не справиться съ большой работой.

— Я голоденъ,—сказалъ Ламме—здѣсь можно поѣсть?

— Есть хлѣбъ и сыръ,—отвѣтилъ Вастеле.

— Безъ масла?—спросилъ Ламме.

— Безъ масла,—отвѣтилъ Вастеле.

— Есть у тебя пиво или вино?—спросилъ Уленшпигель.

— Я не употребляю, — отвѣтилъ онъ: — но я пойду въ трактиръ „Пеликанъ“ и принесу вамъ, если хотите.

— Да, и ветчины тоже,—сказалъ Ламме.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—сказалъ Вастеле и взглянулъ на Ламме съ великимъ презрѣніемъ.

Однако онъ принесъ пива и ветчины. И Ламме радостно ѣлъ за пятерыхъ.

— Когда же приступимъ къ работѣ?—спросилъ онъ.

— Этой ночью,—сказалъ Вастеле:—но ты оставайся въ кузницѣ и не бойся моихъ работниковъ. Они такіе же реформаты, какъ и ты.

— Это хорошо,—отвѣтилъ Ламме.

Ночью, когда прозвонилъ вечерній колоколъ и двери были заперты, Вастеле, при помощи Уленшпигеля и Ламме перетащилъ изъ погреба въ кузницу большія связки оружія и сказалъ: — Надо вотъ починить двадцать стволовъ, выковать двадцать наконечниковъ для копій, отлить полторы тысячи пуль; вотъ и помогайте.

— Обѣими руками, — отвѣтилъ Уленшпигель:—зачѣмъ ихъ не четыре у меня.

— А Ламме на что?—сказалъ Вастеле.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Ламме жалобно и почти засыпая, такъ ужь онъ наѣлся и напился.

— Ты будешь пули лить,—сказалъ Уленшпигель.

— Я буду пули лить,—повторилъ Ламме.

И Ламме плавилъ свинецъ и лилъ пули и злыми глазами смотрѣлъ на кузнеца Вастеле, который принудилъ его остаться на ногахъ, когда онъ чуть не падалъ отъ усталости. И онъ лилъ пули съ безмолвнымъ бѣшенствомъ, хотя ему очень хотѣлось вылить жидкій свинецъ на голову Вастеле. Но онъ сдержался. Къ полуночи однако, пока Вастеле и Уленшпигель терпѣливо ковали стволы и наконечники, ярость Ламме вмѣстѣ съ невыносимой усталостью возросла до послѣдней степени, и онъ шипящимъ голосомъ сталъ держать такую рѣчь: — Вотъ ты теперь и хилъ и худъ и блѣденъ, потому что вѣришь въ князей и великихъ міра сего, въ чрезмѣрной ревности пренебрегая своимъ тѣломъ, даешь этому благородному тѣлу чахнуть въ нищетѣ и презрѣніи. А вѣдь не для этого создалъ его Господь Богъ съ Госпожей Природой. Знаешь ли ты, что душѣ нашей, она-же есть духъ нашей жизни — нужны для дыханія и мясо, и пиво, и овощи, и ветчина, вино, и колбасы, и покой—а ты, ты живешь хлѣбомъ, водой и безсонницей.

— Откуда въ тебѣ это пышное краснорѣчіе?—спросилъ Уленшпигель.

— Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, — грустно отвѣтилъ Вастеле.

Но Ламме вскипѣлъ:—Знаю лучше твоего. Я говорю, что мы дураки, и я, и ты, и Уленшпигель тоже, дураки, что мы слѣпимъ себѣ глаза ради всѣхъ этихъ великихъ и князей міра сего, для тѣхъ, кто только смѣется, когда мы на ихъ глазахъ дохнемъ и чахнемъ отъ усталости, потому что ковали для нихъ ружья и лили пули. Они въ это время попиваютъ изъ золотыхъ бокаловъ французское вино и ѣдятъ на англійскихъ тарелкахъ нѣмецкихъ каплуновъ, и знать не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, что ихъ враги рубятъ намъ ноги своими косами и бросаютъ насъ въ могилы, пока мы ищемъ въ воздухѣ Бога, милостью котораго они сильны. И въ это время тѣ, кто не реформаты и не кальвинисты, не лютеране и не католики, но кому все это безразлично или внушаетъ только сомнѣнія, покупаютъ за хорошія деньги или отвоевываютъ себѣ государства, съѣдаютъ владѣнія монаховъ, аббатовъ и монастырей и забираютъ себѣ все, и женщинъ, и дѣвушекъ, и дѣвокъ. И изъ своихъ золотыхъ бокаловъ пьютъ они за свое неисчерпаемое веселье, за нашу непроходящую глупость, тупость и нелѣпость и за всѣ семь смертныхъ грѣховъ, которые они, о, кузнецъ Вастеле, совершаютъ предъ длиннымъ носомъ твоего возвышеннаго настроенія. Смотри, вотъ на лугахъ и поляхъ растутъ изъ земли жатва хлѣбная, фруктовые сады, скотъ, золото; въ лѣсу дикіе звѣри, птицы въ поднебесьи, жирные жаворонки, нѣжные дрозды, кабаньи головы, оленьи окорока: все имъ, охота, рыбная ловля, земля и море,—все имъ. А ты живешь хлѣбомъ и водою, и мы здѣсь надрываемся на работѣ безъ сна, безъ ѣды, безъ питья. И когда мы умремъ, они дадутъ пинка нашему праху, какъ падали, и скажутъ нашимъ матерямъ:—„Дѣлайте новыхъ, эти ужь не годятся".

Уленшпигель усмѣхнулся, не сказавъ ни слова; Ламме пыхтѣлъ отъ негодованія. Но Вастеле сказалъ кротко: —Легкомысленны твои слова. Я живу не ради ветчины, пива и дроздовъ, но ради торжества свободы совѣсти. Принцъ живетъ за тѣмъ-же. Онъ жертвуетъ своимъ достояніемъ, своимъ покоемъ, своимъ счастьемъ, чтобы изгнать изъ Нидерландовъ палачей и тираннію. Дѣлай, какъ онъ, и старайся спустить съ себя жиръ. Не толстымъ брюхомъ спасаютъ родину, а гордымъ мужествомъ и тѣмъ, что безъ ропота несутъ тяготы вплоть до смерти. А теперь, если ты усталъ, иди спать.

Но Ламме не хотѣлъ, такъ какъ ему было стыдно.

И они ковали оружіе и лили пули до разсвѣта. И такъ три дня подрядъ.

Затѣмъ они ночью проѣхали въ Гентъ и продавали здѣсь клѣтки, мышеловки и „olie-koekjes“.

Они разстались у Мэлестее, „города мельницъ“, красныя крыши котораго видны отовсюду и, сговорились весь день отдѣльно торговать своимъ товаромъ, а вечеромъ передъ вечернимъ колоколомъ сойтись въ трактирѣ „de Zwaen“.

Ламме ходилъ по гентскимъ улицамъ, продавалъ оладьи, увлеченный своимъ промысломъ, разыскивалъ свою жену, осушая множество кружекъ, и ѣлъ, не переставая. Уленшпигель доставилъ письма принца лиценціату медицины Якову Сколапу, портному Ливену Смету, затѣмъ Яну Вульфсхагеру, мастеру красильныхъ дѣлъ Жилю Коорну, черепичнику Яну-де-Роозе, и всѣ они передавали ему деньги, собранныя ими для принца, и просили его побыть еще нѣсколько дней въ Гентѣ и его окрестностяхъ—тогда они смогутъ дать ему еще денегъ.

И всѣ они впослѣдствіи были повѣшены на Новой Висѣлицѣ за ересь, и тѣла ихъ погребены за городомъ у Брюгг скихъ воротъ на полѣ висѣльниковъ.

30.

Между тѣмъ рыжій профосъ Спелле съ своимъ краснымъ судейскимъ жезломъ разъѣзжалъ на своемъ тощемъ конѣ изъ города въ городъ, повсюду воздвигалъ эшафоты, зажигалъ костры, рылъ ямы, въ которыхъ живыми закапывали несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ. И наслѣдство получалъ король.

Сидя какъ-то въ Мэлестее съ Ламме подъ деревомъ. Уленшпигель вдругъ почувствовалъ глубокую тоску. Хотя на дворѣ стоялъ іюнь, было холодно. Съ свинцоваго неба шелъ мелкій градъ.

— Сынъ мой, — началъ Ламме—вотъ ужь четыре ночи ты мотаешься повсюду въ безстыдныхъ мечтаніяхъ, сидишь у веселыхъ дѣвицъ, ночуешь „In de Zoeten Inval“—въ домѣ „Легкаго паденія“ и вообще поступаешь, какъ тотъ человѣкъ на картинкѣ, который падаетъ впередъ головой прямо въ пчелиный рой. Напрасно ожидаю я тебя въ трактирѣ „de-Zwaen“ и вижу, что этотъ безпутный образъ жизни къ добру не приведетъ. Почему ты не возьмешь честно себѣ жену?

— Ламме,—сказалъ Уленшпигель—тотъ, для кого въ этой радостной борьбѣ, которая зовется любовью, всѣ—одна, и одна—всѣ, не долженъ легкомысленно поступать наобумъ въ этомъ дѣлѣ.

— А о Неле ты и не думаешь?

— Неле далеко, въ Дамме.

Такъ они сидѣли и градъ становился все сильнѣе. Въ это время поспѣшно пробѣжала мимо нихъ молодая смазливая бабенка, прикрывшая себѣ голову своей юбкой.

— Эй, мечтатель,—крикнула она—что ты тамъ дѣлаешь подъ деревомъ?

-- Мечтаю о женщинѣ, которая укрыла бы меня подъ своей юбкой отъ града.

— Нашлась,—сказала женщина:—вставай.

Уленшпигель всталъ и подошелъ къ ней, но Ламме закричалъ:—Что-жь, ты опять меня одного оставишь?

— Ну-да, — отвѣтилъ Уленшпигель, — отправляйся въ трактиръ, съѣшь одну или двѣ бараньихъ лопатки, выпей двѣнадцать кружекъ пива, завались спать—скука пройдетъ.

— Такъ и сдѣлаю,—сказалъ Ламме.

Уленшпигель приблизился къ женщинѣ.

— Ты возьми мою юбку съ одной стороны, я возьму съ другой, такъ рядомъ и побѣжимъ.

— Почему же побѣжимъ?—спросилъ Уленшпигель.

— Потому что я убѣгаю изъ города; явился профосъ Спелле съ двумя сыщиками и поклялся высѣчь всѣхъ гулящихъ дѣвушекъ, которыя не уплатятъ ему по пяти гульденовъ. Поэтому я бѣгу; бѣги и ты со мной и оставайся подлѣ меня, чтобы за меня заступиться.

— Ламме,—крикнулъ Уленшпигель—Спелле въ Мэлестее. Бѣги въ Дестельбергъ въ „Звѣзду волхвовъ".

И Ламме вскочилъ въ ужасѣ, охватилъ свой животъ обѣими руками и бросился бѣжать.

— Куда бѣжитъ этотъ толстый заяцъ?—спросила дѣвушка.

— Въ нору, гдѣ я его скоро найду.

— Бѣжимъ,—сказала она и топнула ногой, точно нетерпѣливый конь.

— Я бы предпочелъ остаться добродѣтельнымъ, чѣмъ бѣжать.

— Что это значитъ?—спросила она.

— Этотъ толстый заяцъ—отвѣтилъ Уленшпигель—требуетъ, чтобы я отказался отъ добраго вина, пива и свѣжей кожи красивыхъ женщинъ.

Дѣвушка бросила на него недовольный взглядъ.

— У тебя одышка,—сказала она—надо тебѣ отдохнуть.

— Отдохнуть,—отвѣтилъ Уленшпигель:—но я не вижу пріюта.

— Твоя добродѣтель будетъ тебѣ убѣжищемъ.

— Я предпочелъ бы твою юбку

— Моя юбка недостойна быть покровомъ святого, какимъ ты хочешь стать. Сбрось ее, я побѣгу одна.

— Развѣ ты не знаешь, что собака на четырехъ своихъ лапахъ бѣжитъ быстрѣе, чѣмъ человѣкъ на двухъ? Потому и мы на четырехъ ногахъ побѣжимъ быстрѣе.

— Для столь высокой добродѣтели ты говоришь довольно свободно.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ же всегда—сказала она—добродѣтель представлялась скучнымъ, вялымъ, холоднымъ достоинствомъ, которое служитъ маской для прикрытія брюзгливаго лица или плащомъ для безкровнаго тѣла. Мнѣ больше по душѣ тѣ, у кого въ груди яркимъ, всеобжигающимъ пламенемъ горитъ пылкая мужественность, возбуждающая насъ къ достойнымъ и сладостнымъ дѣяніямъ.

— Такими словами прекрасная дьяволица соблазнила преславнаго святого Антонія.

Въ двадцати шагахъ впереди показалась на дорогѣ корчма.

— Ты говорила много и хорошо: вѣрно, теперь тебѣ хочется хорошенько напиться—сказалъ Уленшпигель.

— Мой языкъ совершенно свѣжъ,—отвѣтила она.

Они вошли. На сундукѣ дремалъ громадный жбанъ, называемый людьми „брюханъ", по причинѣ огромнаго брюха.

— Видишь этотъ гульденъ? — сказалъ Уленшпигель хозяину.

— Вижу,—отвѣтилъ тотъ.

— Сколько грошей отсосешь ты изъ него, чтобы наполнить этого брюхана „двойнымъ" пивомъ?

— „Negen mannekens" (девять человѣчковъ) — и мы въ разсчетѣ,—сказалъ хозяинъ.

— То есть шесть фландрскихъ грошей—стало быть, два лишнихъ. Ну, куда ни шло—наливай.

И Уленшпигель налилъ дѣвушкѣ полный стаканъ, гордо всталъ, приподнялъ жбанъ и, запрокинувъ голову, вылилъ его себѣ въ глотку до дна. Это звучало какъ водопадъ.

Дѣвушка изумленно спросила: — Какъ ты можешь вмѣстить въ твоемъ тощемъ тѣлѣ такую махину?

Не отвѣчая ей, Уленшпигель обратился къ хозяину: —Подай хлѣба и ветчинки и еще одного „брюхана". Закусимъ и выпьемъ.

Такъ и было сдѣнано.

Между тѣмъ, какъ дѣвушка справлялась съ кожей око-

рока, Уленшпигель обнялъ ее такъ нѣжно, что она почувствовала себя сразу растроганной, восхищенной и покорной.

И она спросила его:—Почему это, сударь, ваша добродѣтель вдругъ смѣнилась неутолимой жаждой, волчьимъ голодомъ и этой любовной отвагой?

— Видишь-ли, — отвѣтилъ Уленшпигель: — такъ какъ я грѣшилъ на сотни ладовъ, то я, какъ ты знаешь, поклялся покаяться. Покаяніе длилось ровно одинъ часъ. И вотъ когда во время этого часа я подумалъ о моей дальнѣйшей жизни, я увидѣлъ, что питаться я, значитъ, буду скудно, однимъ хлѣбомъ, пить одну воду—это освѣжаетъ очень плохо, а любви буду избѣгать; не смѣй, значитъ, ни шевельнуться, ни чихнуть изъ страха совершить что нибудь дурное; всѣ меня будутъ избѣгать, всѣ будутъ бояться; точно прокаженный, буду я жить, тоскливый, какъ собака, потерявшая хозяина, и послѣ пятидесяти лѣтъ этого непрестаннаго мученичества издохну въ нищетѣ и такимъ образомъ позорно закончу мою жизнь. Поэтому, я рѣшилъ, что срокъ смиренія и покаянія уже прошелъ; значитъ, поцѣлуй меня, моя милая, и бѣжимъ вдвоемъ изъ чистилища.

— Ахъ, — сказала она, охотно повинуясь ему, — что за чудная приманка—добродѣтель, только наживи ею—уловъ будетъ отличный.

Такъ бѣжало время въ любовныхъ забавахъ; но въ концѣ концовъ надо было подняться и уходить, такъ какъ дѣвушка все боялась, что среди этихъ радостей вдругъ появится профосъ Спелле съ его сыщиками.

— Ну, задирай юбку на голову,—сказалъ Уленшпигель.

И быстро, какъ пара оленей, помчались они въ Дестельбергъ и застали Ламме въ „Звѣздѣ трехъ волхвовъ“ за ѣдой.

31.

Уленшпигель часто видѣлся въ Гентѣ съ Яковомъ Скоолапомъ, Ливеномъ Сметомъ и Яномъ де Вульфсхагеромъ, которые дѣлились съ нимъ извѣстіями объ удачахъ и неудачахъ Молчаливаго.

И всякій разъ, когда Уленшпигель возвращался въ Дестельбергъ, Ламме спрашивалъ его:—Что ты принесъ? Счастье? Несчастье?

— Ахъ,—разсказывалъ Уленшпигель:—принцъ, его братъ Людвигъ, прочіе вожди и французы рѣшили двигаться дальше во Францію, на соединеніе съ принцемъ Конде. Вотъ какъ они спасли бѣдную землю бельгійскую и свободу совѣсти. Но Господь не попустилъ этого. Нѣмецкіе рейтары

и ландскнехты отказались идти дальше и заявили, что присягали воевать съ герцогомъ Альбой, а не съ Франціей. Тщетно Оранскій заклиналъ ихъ исполнить свой долгъ, онъ вынужденъ былъ проводить ихъ черезъ Шампань и Лотарингію до Страсбурга, откуда они вернулись въ Германію. Это внезапное и упорное сопротивленіе мѣняетъ все: король французскій, вопреки договору съ принцемъ, отказываетъ въ обѣщанныхъ деньгахъ; королева англійская должна была прислать пособіе, чтобы онъ отвоевалъ Калэ съ округой: ея письма перехвачены, переданы кардиналу лотарингскому, а тотъ написалъ ей отказъ.

— Такъ вотъ, точно привидѣніе при крикѣ пѣтуха, исчезаетъ на нашихъ глазахъ это прекрасное войско. Но Господь съ нами, и если земля отречется отъ насъ, то вода сдѣлаетъ свое дѣло. Да здравствуетъ гезъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣтеръ.

Какъ тревожно сегодня въ саду!
Безпокойно качаются липы.
Ветхихъ ставенъ протяжные скрипы—
Словно тихіе стоны въ бреду.

Гдѣ-то море шумитъ тяжело
Съ непонятной, глубокою болью.
Тянетъ влажною гнилью и солью
Сквозь разбитое вѣтромъ стекло.

Алой бабочкой бьется свѣча.
Машутъ крыльями сѣрыя тѣни;
Вѣтеръ просится въ темныя сѣни,
Незакрытою дверью стуча.

И всю ночь будетъ садъ шелестѣть.
И подъ жуткіе, странные шумы
Будутъ мракъ да тревожныя думы
Сквозь потухшія окна глядѣть.

Зинаида Тулубъ.

ЧРЕВО.

Разсказъ.

1.

Поѣхалъ Пётра сѣно косить — поѣхалъ черезъ лѣсъ. По лѣсной дорогѣ—хорошо, мягко, колеса шопотомъ говорятъ. А духъ-то зеленый, листвяной, настоистый—духъ-то какой: дыхнешь—и двадцать годовъ сразу съ плечъ долой, просѣди въ головѣ—какъ не бывало.

Все бы хорошо, да на опушкѣ повстрѣчалъ Пётра отца Өедота: не миновать теперь худа. И впрямь: доѣхалъ Пётра до лѣсного колодезя, стало быть, почитай, съ полдороги проѣхалъ, — поглядѣлъ, анъ оселка-то и нѣту, оселокъ-то дома остался. Ахъ ты, батюшки. Что жь теперь,—не иначе? какъ домой вертаться: чѣмъ безъ оселка-то косу точить. Вотъ онъ—Өедотъ-то долгогривый, вотъ онъ,—полдня косьбы теперь не считай...

Повернулъ назадъ Пётра. Ѣхалъ—и ужь ни духу зеленаго, ни солнца сквозь рядно листьевъ не чуялъ: обида ему застила.

Увязалъ лошадь у воротъ, пошелъ во дворъ оселокъ искать. И ужь вотъ гдѣ—въ закутѣ нашелъ,—ну, скажи ты, пожалуйста.

Въ закутѣ—коровёнка комолая стоитъ привязана, и подъ ней подойникъ на боку валяется: начали, видно, доить — и ушли, а корова-то задней ногой брыкнула и свалила.

— Эка порядки, эка порядки... Надо вотъ Афимью пойтить пробрать хорошенько, небось вдругорядь не будетъ...

Пошелъ Пётра въ избу. Что за притча—и тутъ бабы нѣту. Васятка одинъ двухгодовалый — вылитая мать, Катерина покойница — Васятка на полу сидитъ и слюни пущаетъ.

Надъ кроватью пологъ кумачевый колыхнулся. „Ужь не тамъ ли? Да зачѣмъ бы ей, днемъ-то?“

Отвернулъ пологъ Пётра—и обмеръ: Афимья на кровати разхристанная вся лежитъ, а сосѣдъ, Ванька Селифонтовъ...

А сосѣдъ — и очухаться Пётра не успѣлъ — метнулся, нырнулъ мимо ногъ—и поминай, какъ звали.

Сталъ Пётра бѣлый, какъ мѣлъ.

— Я-ль тебя, Афимья, не любилъ да не холилъ? А ты...

Вскочила Афимья, крикнула — за всю свою съ Пётрой жизнь въ первый разъ—крикнула:

— Да на какой ты мнѣ лядъ съ любовью нужёнъ-то, родимецъ старый? Ребятъ, что ли, я отъ тебя родила? Другой годъ съ тобой горе мыкаю... Ты думалъ...

Шея у Пётры — морщинами темными вся изстегана — кровью налилась, стала страшная. Сгрёбъ Пётра за косы бабу свою—и зачалъ учить.

Афимья то въ голосъ сперва кричала, а то ужь стала хрипомъ хрипѣть. А Пётра все возилъ ее по полу. И угораздило какъ-то его, приложилъ Афимью объ уголъ — объ печку головой, она и затихла. Тутъ только Пётра сталъ: „Подохнетъ еще"... Бросилъ Афимью, пошелъ къ двери. Васятка двухгодовалый съ полу къ отцу тянулся, слюни пущалъ...

Ужь и косилъ нонче Пётра: такъ молоньей коса и блескала, такъ ничкомъ трава на земь и падала.

2.

И пошло съ того проклятаго дня, и пошло. И что ни дальше—то пуще все лютовалъ Пётра. Только вотъ и далъ Афимьѣ передохнуть малость, когда пришло время хлѣбъ убирать. Хлѣбъ - то, вѣдь онъ какой: надо всѣмъ володѣетъ. Хлѣбъ убирать—такъ тутъ ужь работай, пустяками не моги заниматься.

И ходитъ Афимья по полосѣ, снопы вяжетъ, рада-радёшенька. Рожь золотая, и солнце—золотое. И все горячѣетъ золото, и все калится. Во рту земля, сухая, полынная. Испить бы, жбанчикъ-то вонъ — подъ телѣгой стоитъ. Да итти туда мимо Пётры, — ужь лучше какъ-нибудь такъ. И идетъ полосой Афимья, слѣдомъ за Пётрой, снопы вяжетъ. Ѣдучій горькій потъ лѣзетъ въ глаза, точитъ слезы...

Работали двѣ недѣли — и двѣ недѣли Пётра пальцемъ Афимью не тронулъ. А убрали хлѣбъ — и въ ту пору жь, въ воскресенье, накулюкался Пётра послѣ обѣда и опять Афимью измутыскалъ до полусмерти. Въ понедѣльникъ опохмѣлился—и опять...

Пошла Афимья къ сосѣдкѣ Петровнѣ за совѣтомъ: чѣмъ бы лютого мужа унять? Да нѣтъ ничего такого. Только и

присовѣтовала Петровна — попытать тремъ угодникамъ молиться, женъ покровителямъ. И молилась Афимья Гурью, Самону да Авилу, — вотъ какъ молилась — лбомъ объ земь стукалась. Да видно не доходчива молитва Афимьина: все такъ же Петрова рука тяжела.

Только и есть одно-разъединое утѣшенье Афимьѣ: къ Иванюшенькѣ милому сбѣгать. Пьяный-то сонъ, что мертвый. Захрапитъ Пётра—и безъ страху можно Афимьѣ бѣжать къ Селифонтовымъ. Тамъ за овиномъ, подъ старой лозинкой, Иванюша давно сидитъ, ждетъ ужь часъ, поди, битый.

— Иванюша, родненькій, свѣтикъ мой... Иванюша, да какъ же мнѣ быть, горемычной?

И не знаетъ Иванюша, молчитъ, не придумаетъ, — чѣмъ Афимью утѣшить. Правда вѣдь: отъ живого мужа—куда же уйдешь?

— Иванюша, милый, вѣдь забьетъ меня Пётра... Вѣдь —въ гробъ вколотитъ, какъ Катерину свою вколотилъ...

Бабьи слезы—что дождь лѣтній: приголубилъ, пригрѣлъ пожарче—и высохли...

Заполночь сидитъ съ Иванюшей Афимья щека къ щекѣ подъ старой лозинкой. Мѣсяцъ выплылъ сѣдой. Трясется, шамкаетъ, шепчетъ, какъ знахарь,—и снимаетъ своимъ наговоромъ всѣ горя, всѣ озлобы, всѣ болячки.

3.

Терпѣла все — терпѣла и молчала Афимья. Ни на Бога не роптала, ни на родителей, что силкомъ за Пётру за вдоваго ее выдали. Сызмальства Афимья послушлива была, въ терпѣньи выросла.

На одномъ только зло и срывала Афимья: на Васяткѣ. Какъ ни подвернется ей подъ руку — все норовитъ подзашлычину ему дать, а то и вѣникомъ настегать.

Кажись бы -- несмысленышъ Васятка, что ей такого онъ сдѣлалъ? А вотъ то, что не ейный онъ, не Афимьинъ, а Пётрово отродье—Пётры и покойницы его Катьки. Господи, да, можетъ, и Пётру-то самого Афимья не взлюбила за то, что младенчика онъ съ ней не прижилъ? Можетъ, и съ Иванюшей отъ этого самаго связалась, на такое пошла? Вѣдь Афимья-то баба молодая, сытая, крѣпкая—какъ ребенка не зажелать. Вѣдь чрево у ней—какъ земля пересохшая—дождя ждетъ, чтобы родить. Вѣдь груди—ровно почки о весеннюю пору—налились, набухли, ждутъ расцвѣсти, ждутъ сладкое молоко точить. И есть ли что слаще въ бабьемъ житьѣ, какъ не это вотъ: всю себя расточать, кровью-молокомъ исходить, выносить, выкормить дите первенькое?

И вотъ — хотѣлъ, видно, такъ Господь—понесла Афимья отъ Иванюши милаго, родименькаго, отъ любименькаго—понесла.

Недѣлю Афимья все не вѣрила, другую, мѣсяцъ. Но и чрезъ мѣсяцъ — все то же: замкнулось чрево, берегло въ себѣ... И повѣрила, бухнула Афимья поклонъ земной Богородицѣ:

— Матушка Пресвятая, да спасибо жь тебѣ, что надо мной смилосердилась—надъ поганкой, надъ грѣшницей...

И глядѣла на Мать Пресвятую—въ ласковые глаза:

— Матушка ты милая. Вѣдь и ты вотъ ждала же младенчика, радовалась, знаешь вѣдь...

Стала Афимья — со стороны поглядѣть—какъ порченая. То ничего все—ходитъ и ходитъ, дѣла свои бабьи правитъ, а то вдругъ — станетъ, какъ столбъ, какъ урытая—такъ и стоитъ.

Стоитъ и опять, въ какой разъ ужь, спрашиваетъ себя:

— Господи, да неужто жь взаправду — младенчикъ будетъ—Господи? Какъ Иванюшенька—только махонькій, крупитешный... И такіе же волосики медвяные—желтые будутъ?.. Въ рубашкѣ кумачевой безъ пояса по двору гонять будетъ, кликать будетъ: мамъ, а мамъ... А допрежъ того, а допрежъ.. Господи, вѣдь сосать будетъ, вотъ тутъ вотъ, вотъ тутъ...

Бережливо ходила Афимья по улицѣ, какъ съ махоткой, полной молока — кабы не сплеснуть. И глаза — бывало-то, бойкіе да веселые, огонь черный. А теперь — остановились, какъ вотъ маятникъ у часовъ: не для ча больше часамъ ходить-маяться. Остановились — и внутрь глядятъ, и туманной пелевой отъ бѣлаго свѣта закрылись.

— Афимьюшка-голубушка,—сосѣдки глядятъ на нее—и что-й-то, матушка, глаза у тебя нехороши боль но стали? А неможется? Ай извергъ въ конецъ забилъ? Ай ужь ты, тьфуй тьфу, чтобъ не накликать,—ай ужь тяжела ты? Вѣдь, мужъ-то тебя и совсѣмъ прикончитъ...

— И то, кажись, бабоньки, тяжела,—и сіяетъ Афимья, и расплывается.

— Чего-жь ты, дурья голова, рада? А? Хошь, мы тя къ бабушкѣ Агафьѣ предоставимъ, она-те веретенцемъ живо поправитъ...

И слышать Афимья о такомъ не хотѣла.

Стала Афимья отъ тяжелой работы бѣгать. Половъ не мыла, къ управителю звали картошку копать—отбоярилась: оборони, Господи—не загубить бы его-то... Только вотъ и пошла Афимья—къ попу яблоки сбирать передъ третьимъ Спасомъ.

Яблокъ у попа въ саду — сила: боровинка, шелковка, грушовка, коричневое, скрижапель. Тяжелыя деревья-то стоятъ, плодныя, нагнулись, и духъ отъ яблокъ по саду идетъ—праздничный, сладкій.

Отъ дѣвокъ Афимья въ сторонку ушла: ну ихъ, ни калякать, ни пѣсни играть съ ними—не охота. Одной бы побыть,—да и не одной, а вдвоемъ...

А дѣвки-то поютъ, дѣвки — въ верхи серебромъ забираются,—поютъ пѣсню про стараго мужа, неудалаго:

Во какая бородишша,—
Не пускае на гульбишша...

...„И пущай. И ничего мнѣ такого теперь и не надобно. Буду дитё миловàть. Пущай тогда бьетъ Пётра, пущай—хошь что хочетъ: только бы теперь Господь далъ уберечься отъ Пётра.

Набрала Афимья въ фартукъ кучу яблокъ, нагнулась въ корзину ихъ ссыпать—да вдругъ такъ и ахнула: оторвалось въ животѣ что-й-то. Господи помилуй... Бросила яблоки, выпрямилась, прислушалась внутрь — и услыхала, будто вотъ повернулось тамъ что-то, толкнуло легонечко-ласково, какъ теленочекъ матку.

Брызнули у Афимьи слезы изъ глазъ—какъ дождь давно жданный лѣтній. Брызнули—и высохли въ тỳ пору-жь: радость высушила.

Подняла Афимья съ земли шелковку, изжелта-румяную, укусила ее сахарными крѣпкими своими зубами, разжевала сладкую духовитую мякоть—и глотнула, вмѣстѣ съ слезами послѣдними:

— На тебѣ, миленькій, родименькій, на, желанненькій, на, поѣшь...—И еще, и еще кормила его, кормила его—махонькаго, милаго, кормила шелковкой-яблокомъ и вслухъ съ нимъ разговаривала.

Услыхали дѣвки, подошли къ ней, окружили Афимью кругомъ—какъ цвѣты, желтыя, красныя, синія.

— Афимья-а-а? Ай ты спятила, съ собой-то гуторишь?

— И то, милыя мои, и то—спятила...

4.

На Воздвиженье продалъ Пётра въ городѣ хлѣбъ. И по хорошей цѣнѣ продалъ, что-жь Бога гнѣвить. А до тѣхъ поръ денегъ было хоть бы грошъ ломаный. Не то чтобы что—а даже водки выпить было не на что. А какъ же безъ водки горе свое избыть?

Продалъ Пётра хлѣбъ—купилъ баранинки на засолъ—

пора ужь, купилъ селитры да соли, купилъ двѣ кадушечки новыхъ, было бы въ чемъ солонину готовить. И купилъ, по привычкѣ, гостинецъ: арбузъ за пятакъ да кренделей фунтъ сдобныхъ, купилъ и встрѣнулся:

— Кому-жь это я гостинцы-то? Афимкѣ треклятой? Эхъ!— махнулъ рукой и поѣхалъ, и всю дорогу думу тяжелую думалъ.

Пріѣхалъ на село Пётра и первымъ дѣломъ зашелъ къ куму Терентьичу въ лавку—рюмочку пропустить, хочь одну. Одна—а потомъ: человѣкъ безъ двухъ ногъ николи не ходитъ. А потомъ: Троица, а потомъ: домъ объ четырехъ углахъ строится, а потомъ: кто-жь безъ пяти пальцевъ на рукѣ? А потомъ: крестъ нашъ православный — объ шести концахъ. А потомъ...

Къ вечеру на Здвиженьевъ день все село пьяно-распьяно. Да и какъ же: престолъ вѣдь Здвиженье-то. Ночь темная, непроглядная,—и ходятъ во тьмѣ, пѣсни горланятъ. Налѣзаютъ на камни, другъ на дружку, дубасятъ съ пьяныхъ глазъ до смерти, бунтуютъ до самой до глухой до полночи. А къ полночи расползаются, какъ просыпанные раки, во всѣ стороны,—ползутъ и бормочутъ, невидные въ темнотѣ.

Ужь и первые пѣтухи пропѣли—а все Пётры нѣту. Сморило Афимью. Такъ, на лавкѣ сидя, и заснула. И во снѣ— все груди свои чуяла, рукой трогала ихъ: полны ли, до краевъ ли? Стыдилась—и протягивала, улыбаючись, жмурясь:

— На, возьми, на, возьми, махонькій, ца, пососи, ахъ ты мой...

И ужь такъ ей было сладко, такъ сладко, инда духъ захватывало... И ужь такъ-то просыпаться не хотѣлось,— вѣдь еще молочка онъ хочетъ, ишь-ишь... Еле ужь еле— глаза раскрыла.

Раскрыла—и канула: стоитъ надъ ней Пётра, пьяный да страшный, и рубелёмъ замахнулся. Вскочила Афимья съ ногами на лавку—какъ отъ воды, будто вотъ вода подступила... Въ уголъ у печки забилась, руками животъ заслонила:

— Пётрушка, погоди, ради Господа, не губи, младенчика не губи—Пётрушка, тяжела вѣдь я, вотъ-те крестъ святой...

Должно быть—протрезвился тутъ Пётра, понялъ—должно быть: услыхала Афимья, какъ онъ зубами скрипнулъ. И ужь толкомъ не помнила, что дальше и было.

Слышала Афимья чей-то визгъ и вопъ—и подумала: „Да, Господи, неужь это я такъ?“ Увидала потомъ надъ собою Пётровъ сапогъ, весь въ грязи: „Что-жь это я на полу, или онъ на лавку взлѣзъ?..“

А какъ попалъ ей Пётра въ животъ—свѣту не взвидѣла: ухнуло все, пропало—и Пётра, и изба, и ночь.

5.

Очнулась Афимья—глядь, подъ святыми она лежитъ, въ красномъ углу, ни рукой, ни ногой шевельнуть.

— Ай ужь померла я, Господи-Батюшка?

Нѣтъ: поглядѣла—у печурки что-й-то сушитъ сосѣдка—Петровнушка. Кликнула ее Афимья:

— Петровнъ?

— А? Ай ты ужь въ память пришла? Ну, слава-те, Господи. А ужь мы и живой тебя видѣть не гадали—не чаяли, пра-а...

— Петровнушка, что я, что, ужь скажи по правдѣ?

— Да что грѣха таить, милая: скинула. А младенчикъ-то какой: жалости подобно. Ужь мальчикъ—видать, только вотъ, что ноготковъ еще нѣту, да глазки слѣпые щенячьи...

Вспрянула съ лавки Афимья, взвыла—не своимъ, бабьимъ, а звѣринымъ голосомъ. И изъ чрева, пустого, какъ побитое градомъ поле наканунѣ покоса—хлынула изъ чрева кровь. И родилась съ кровью нестерпимая противъ Пётры-погубителя злоба.

— Все бы простила ему, всѣ тиранства, всѣ измывы, а ребеночка, а мла-ден-чи-ка-а-а...

Хлопотала Петровна, холодной водой кровь унимала.

— Плачь, милая, плачь, родная, полегшаетъ. А идолъ-то твой укатилъ въ городъ, авось-либо вернется не скоро.

Но не легче было отъ слезъ Афимьѣ: какъ смола въ огонь, капали слезы и еще пуще бушевало въ ней полымя злое...

На четвертый день встала Афимья: дѣла-то не ждутъ вѣдь, Васятка-то инда охрипъ отъ крику голоднаго,—надо ему глотку-то чѣмъ-да-нибудь заткнуть. Ходитъ Афимья по избѣ—и за стѣночки держится: отъ прежней силушки румяной ни званія не осталось, только глаза одни полыхаютъ.

На четвертый же день къ вечеру возвернулся и Петра домой. Въ кабакѣ царевомъ сапоги оставилъ, и пинжакъ, и картузъ новый—безъ всего пришелъ. Ввалился въ дверь, о порогъ запнулся, упалъ—и захрапѣлъ мертвымъ сномъ, слова не молвивъ.

Постригся Пётра въ городѣ. Явственно увидала Афимья—навѣкъ запомнила—на затылкѣ волосы ровнёхонько, какъ по линейкѣ, подрѣзаны, и подъ ними—шея, багровая, вся накрестъ морщинами изстегана.

Увидала Афимья, вспыхнуло въ ней все, земля ходуномъ

пошла. Стоитъ и глядитъ неотрывно: волосы какъ по линейкѣ, и морщины накрестъ—стоитъ и глядитъ, какъ цѣпью прикована.

И все такъ же, глазъ не отрывая отъ шеи, протянула Афимья руку за топоромъ—тутъ онъ всегда, у дверей, къ косяку прислонёнъ стоялъ.

Подняла топоръ—знать, врагъ укрѣпилъ ей руку—ахнула Пётру съ всего плеча. Мѣтила въ шею, въ морщины накрестъ, да промахнула: угодила въ високъ. Хряснула кость, затряслись стѣны избяныя, потемнѣло у Афимьи въ глазахъ, сронила топоръ.

Какъ лежалъ—не копнулся Пётра, готовъ: високъ мѣсто нѣжное.

И потухло въ Афимьѣ все полымя — вся потухла. Какъ впотьмахъ шарила—думала:

— „Ну, вотъ и—вотъ и... Куда же? На гумнѣ? Въ погребицу?"

Зачерпнула въ кадушкѣ воды, выпила полный корецъ. Положила крестъ: „Владычица, помоги",—и взялась за Пётру, за босыя его ноги, еще теплыя. Потянула—ни съ мѣста: какъ свинцомъ налитой лежитъ. „Господи, что жь это?" Еще разъ взялась, изо всѣхъ силъ—и опять ни на волосъ не сдвинула, лежитъ Пётра, какъ урытый.

Обуялъ тутъ страхъ Афимью, въ жаръ ударило. Бѣжать надо—бѣжать, сломя голову. А не можетъ черезъ Пётру переступить. Какъ въ лихоманкѣ трясется—стоитъ, и нѣту силъ одинъ шагъ этотъ сдѣлать...

Вылѣзла Афимья въ окно, помчалась къ Селифонтовымъ. Сыпалъ всегда Иванюша въ сарайчикѣ на дворѣ, авось тамъ и нынче. Кликнула тихонько—и ужъ тутъ, какъ тутъ Иванюша: чутокъ онъ на Афимьинъ голосъ.

Вышелъ Иванюша, теплый отъ сна, протянулъ къ Афимьюшкѣ, къ милой, руки—да и назадъ отскочилъ: „Не та, не прежняя, не Афимья это"...

— Да что ты, Афимьюшка, что ты, что?

Хлипнула Афимья — выплакать бы все Иванюшенькѣ,— а губы-то сухія, а глаза—сухіе, а слезъ—нѣту...

— Убила... Убила... Порѣшила Пётру—за младенчика за твово. Какъ свинцомъ налитой... Не могу я,—лежитъ. Страшно мнѣ, пойдемъ ты со мной...

Пошли. Влѣзли въ окно, какъ воры. Тихо въ избѣ: чуть-чуть носомъ посвистываетъ Васятка на печи, Пётра—молча лежитъ, лампочка-коптилка глядитъ туманно. Взялъ Иванюша Афимью за руку—и затрясла его трясовица Афимьина: стоятъ и трясутся.

Взяли за ноги за руки, понесли. Спотыкались въ огородѣ

на грядкахъ. Брехнули—и стихли собаки. И опять все хорошо, все тихо.

Только вотъ мѣсяцъ проклятый — глядитъ и глядитъ, и свѣтитъ, и все тянетъ оглянуться, глянуть ему прямо въ лицо.

— Не могу я больше, охъ, не могу,—отпустила ношу Афимья, и жмякнулось тѣло на земь, на грядки, какъ мѣшокъ.

Сталъ Иванюша яму копать, тутъ же, на сусѣдскомъ Петровниномъ огородѣ,—а Афимья все торопила:

— Да скорѣй ты, скорѣй—не могу я...

Черезъ пень-колоду ровнялъ Иванюша землю. Вершка на три какихъ-нибудь Пётру землей принакрылъ. А все мѣсяцъ,—а все мѣсяцъ проклятый: сзади стоитъ—и глядитъ насквозь.

6.

Сентябрь ужъ къ концу идетъ. Поля—неуютныя, пустыя, стриженыя. По воздуху летятъ паутинки: вокругъ кого обовьются, тому и помирать скоро. По времени-то пора бы ужъ и утренникамъ, и вѣтрамъ прохладнымъ, и сѣрымъ облачкамъ слезливымъ. А тутъ,—какъ нарочно, какъ на смѣхъ, жарынь пошла. До того дѣло дошло—ребятенки въ рѣчку Ворону полѣзли, второй разъ купаться начали, вотъ до чего теплынь.

— „Охъ, пропадетъ, пропадетъ баранина по такой жарѣ, видно—надо солить взяться"...

Хоть и не до солонины совсѣмъ Афимьѣ, а дѣло такое, что не ждетъ. Принесла баранину съ погреба, порубила на куски топоромъ,—тѣмъ самымъ, клала въ кадушки, что Пётра къ Воздвиженью привезъ, посыпала селитрой толченой да солью.

А изба ужъ опять полнымъ-полна любопытныхъ кумушекъ, все вокругъ да около Афимьи кружатся, съ разспросцами да съ подходцами. Какъ это такое, въ самъ-дѣлѣ? Пропалъ человѣкъ—и ни слуху, ни духу. Чать, не иголка...

— А какъ же, кума, безъ мужика теперича будешь жить? Съ душевымъ-то какъ? Арендателю?

— Надо быть—арендателю.

— Н-да... Ну, а энто... Въ городъ-то Пётра уѣзжалъ—нюжли жъ ни полслова не молвилъ, такъ вотъ и провалился?

Ходятъ, нюхаютъ кумы по избѣ. Пощупали шаль Афимьину. Покопали въ золѣ на загнеткѣ. Отколупнули корку отъ ковреги.

— Афимьюшка-а, смазка-то у тебя поклеванная што ль? Корка-то дюже бѣла?

И отъ смазки поклеванной, отъ хлѣба—къ Пётрѣ опять. „Да за дорого ли хлѣбъ-то продалъ, да много ли денегъ съ собой привезъ? Да...“

Извели, какъ есть—извели Афимью. И что имъ тутъ надобно, и чего вынюхиваютъ? Еле ужь еле ихъ проводила.

Проводила,—кадушки съ солониной въ погребицу стащила, гнеткомъ пригнела. Изъ погребицы темной да прохладной вышла на дворъ—жара-то въ голову такъ и вдарила.

И дымкомъ закурилась-закружилась несуразная мысль:

— „Жара... Отъ жары Пётра духъ пуститъ... Учуютъ узнаютъ, разроютъ“...

Поглядѣла Афимья туда, гдѣ желтѣлъ бурьянъ огородный, нюхнула—и чудится: ужь есть душокъ, есть—да тошный, да мутный.

Вернулась въ избу. Ходила, дѣла правила, и ничего какъ будто. А въ головѣ, внутри-то колеса всѣ стали: зацѣпились вотъ за одну неуемную мысль и стали.

Ничего въ тотъ день не ѣла Афимья: все притчился духъ тотъ—тошный и сладкій. И всю ночь не сомкнула глазъ. „Да приглàзилось, можетъ? Ничего, въ самъ-то дѣлѣ, и нѣту?“ И опять побѣжитъ изъ избы, и стоитъ на крыльцѣ бѣлой тѣнью, и нюхаетъ. Песъ на рыскалѣ мечется, воетъ, морду поднявши кверху. А оттуда—ущербленнымъ, прищуреннымъ зракомъ глядитъ, ухмыляется мѣсяцъ-вѣдунъ.

На утро Афимья пошла къ Селифонтовымъ, Иванюшу выждала. Подошла къ нему, голову подняла, нюхнула:

— Чуешь, Иванюша, духъ-то пошелъ, чуешь—отъ Пётры?

— Что ты, Христосъ съ тобою, Афимья. Да и далеко отсюдова огородъ Петровнинъ, ничего не учуешь...

— Эхъ... А она вотъ чуетъ, собака-то... Ну вотъ—ну теперь? Нѣтъ, надобно Пётру инако спрятать, такъ оставить нельзя...

— Да никакъ ты рехнулась, Афимья? Мысленно ли дѣло—упокойника вырывать? Уходи, у-хо-ди, боюсь я тебя...

Не хочетъ—такъ не хочетъ, теперь все равно Афимьѣ: какъ деревянная стала, какъ дерево безлистное, вся душа обуглѣла...

Къ пàужну подкатилъ ко двору Афимьину тарантасъ парой, и вылѣзли: баринъ городской какой-то и самъ становой. Ни заторопилась, ни тебѣ испугалась Афимья. Деревянно-покорно ходила, куда водили ее господа. Отвѣчала, раскрывала сундуки приданые, отпирала закуты, чуланы, подклѣтья. А сама все нюхала тошный, сладкій духъ съ Петровнина огорода—и дивилась:

— „Да что жь они—обезносѣли всѣ, не чуютъ-то?“

Уѣхали, не учуяли. Затихла всполошённая улица По-легла на дорогѣ пыль. Замигали подслѣпо-покорно огоньки деревенскіе. Глянулъ мѣсяцъ — и еще больше прищуренъ былъ нынче, еще хитрѣе подмаргивалъ тусклый его зракъ.

Все равно Афимьѣ. Ничего не боялась, совсѣмъ какъ деревянная. Съ желѣзной скрёбкой одна пошла на Петровнинъ огородъ. Вырыла Пётру—кумачевая рубаха его отъ земли намокла, стала черная—пречерная. Откуда и силъ хватило—дотащила до своего двора, сволокла Пётру въ овинъ.

Засвѣтила фонарь, опустилась въ погребицу. Вывалила на земь солонину изъ кадушекъ—ужь и жалко было своими руками добро губить—накрыла солонину веретьемъ.

Вернулась въ овинъ съ фонаремъ и съ топоромъ, тѣмъ самымъ. Неторопливо, спокойно, безъ единой дрожи, какъ во снѣ, разрубила Пётру на куски. Перетаскала въ погребицу, уложила въ кадушки, пересыпала солью съ селитрой, гнеткомъ пригнела: солонина.

Проспала Афимья всю ночь безъ просыпу: ужь не притчился духъ тотъ проклятый.

7.

Глотка у Васятки распухла, по тѣлу по всему сыпь разсыпалась. Двои сутки надрывался онъ, безъ отдыха на печи кричалъ. А Афимья — какъ и не слыхала. Сунетъ ему въ урочный часъ чашку съ хлёбовомъ, либо воды корецъ—и сидитъ опять на лавкѣ, часъ и другой, какъ очумѣлая, безъ дѣла, безъ мысли единой.

На третій день у Васятки не хватило ужь крику, сталъ онъ щенячьимъ жалостнымъ пискомъ пищать. Пронялъ этотъ пискъ Афимью. Кинулась на печь, нагнулась...

— „Мертвенькій мой—щеночкомъ вотъ такъ пищалъ бы. Ножками бы вотъ такъ брыкалъ, и морденка бы отъ слезъ чумазая...“

Всю ночь вотъ такъ просидѣла нагнувшись. Но не надъ Васяткой сидѣла—надъ тѣмъ, надъ своимъ, надъ первенькимъ — сидѣла, исходила тоской, а слезъ все не было, а глаза—сухіе, а губы—сухія.

Былъ ночью туманъ, и встало солнце кровавое, тусклое. Вздрогнула Афимья, отвернулась отъ окна.

Услыхала: колоколъ—сквозь туманъ. Вспомнила: воскресенье вѣдь. Хотѣла было руку поднять да крестъ на себя наложить,—силъ не хватило.

Отъ обѣдни заглянула къ Афимьѣ сусѣдка—Петровнушка.

Послѣ церкви — она строгая, ладаномъ пахнетъ легонько, ликъ темный—морщинъ щепотка.

Шевельнулась было ей навстрѣчу Афимья—да не всталось. Плеснула руками Петровна—уложила лежать Афимью.

— Поглядѣла бы, какая ты есть-то, матушка, краше и въ гробъ кладутъ. Лежи, лежи, не бойчись. Я все тебѣ справлю...

Искупала Петровна Васятку, печь истопила, пошла въ погребицу: надо для-ради воскресенья щи наварныя, съ убоиной, сдѣлать.

Лежитъ Афимья, глядитъ на Петровну.

— „Хто я ей? Нихто. А вотъ вѣдь пришла, домъ свой бросила, ходитъ, хлопочетъ...“

Глядитъ Афимья на проворныя Петровнины руки, на чашку расписную съ рубленой капустой, на добрый кусокъ солонины.

И вдругъ—узнала Афимья... Задохнулась—ротъ раскрытъ, какъ у вынутой рыбы—сказать—задохнулась—сказать—а не можетъ.

— Пё—Пётра,—изъ самыхъ изъ нѣдръ выдохнула. Поднялась на локтѣ, вперилась, остолбенѣла.

— Куралесишь ты, баба, погляжу я. Ну, чего — Пётра? Кончился Пётра — и весь тутъ сказъ. Чего съ ума-то сходить? Аль дюже сладокъ онъ тебѣ былъ?

— Погляди... Петровна, Господи... Въ погребицѣ-то... Погляди... пропала я...

Повалилась Афимья и глаза замкнула, чтобы не видѣть—чтобы не видѣть.

Пошла Петровна ворчливо: эхъ, и что за народъ нонче пошелъ никудышный, распустёхи, замуздать себя не хотятъ, слово тоже придумали—„нервъ, гритъ, разстроенъ“...

Спустилась въ черную яму погребицы. Минуточку малую пробыла тамъ Петровна—и выскочила, какъ угорѣлая, ужахлась, увидала тамъ...

— Господи Исусе. Съ нами крестная сила, да что жь это такое?

Трижды перекрестилась: ужь не навожденье ли? Нѣтъ, вотъ и руки еще всѣ въ разсолѣ...

А въ избу Петровна вошла ужь, какая и была: степенная, строгая,—развѣ только руки чуть примѣтно дрожали.

Сѣла на лавку въ изголовьи Афимьиномъ, рукою прикрыла ей глаза, стала гладить ей волосы неприбранные.

— Ахъ, Афимьюшка, ахъ, сердешная...

И все пуще мелкой трёской тряслась Афимья у ней подъ рукой.

— Эхъ, Афимьюшка, дѣвонька, вотъ она жисть-то наша какая. Эхъ, Афимьюшка, болѣзная...

И полились въ три ручья слезы у Афимьи: какъ ледъ, вотъ, тронулся, какъ повододье. Сломался ледъ—и все, какъ на духу, разсказала Афимья. И какъ младенчика хотѣла всей душой, и какъ у порога топоръ взяла, и какъ шея Пётрова съ морщинами накрестъ. И какъ ей попритчился тошный тотъ духъ. И всякое слово обмывала Афимья слезами горючими.

Покачала Петровна темнымъ ликомъ—морщинъ щепоткой.

— Эхъ ты, неразумная. Людей боялась... Людей-то, чего ихъ бояться: себя страшно-то. Такъ вѣдь, а? Съ людьми-то... люди-то помогутъ.

Долго толковала Петровна съ Афимьей—и оттаяла Афимья, отошла.

Съ понедѣльника осень началась, заслезилъ дождичёкъ меленькій. Ничего-о, пущай слезитъ: за то зеленя хорошо взойдутъ. И смирно, терпѣливо стоятъ у воротъ Афимьиныхъ, мокнутъ понятые, бабы въ кацавейкахъ со всего села, старики съ посохами.

Вышла изъ избы Афимья—Петровнинымъ чернымъ платкомъ покрыта, у самой-то цвѣтные все были. Низко насунутъ черный платокъ, глазъ не видать, только губы однѣ, крѣпко сжаты.

Не Афимья это, нѣтъ. Но ужь такъ-то всѣмъ знато и вѣдано это лицо, и глаза въ тѣняхъ, и сжатыя губы. Но гдѣ? Во снѣ ли привидѣлось? — Нѣтъ. Ужь не тамъ ли, не въ церкви ли, видѣли на стѣнѣ тотъ женскій скорбящій ликъ?

И всѣ, какъ одинъ, старъ и младъ — отдали послѣдній поклонъ Афимьѣ. И всѣ, какъ одинъ, сказали:

— Прощай, Афимьюшка. Богъ-те проститъ.

Е. Замятинъ.

Муниципальныя биржи труда.

I.

Въ числѣ другихъ „вопросовъ тыла“ задача помощи безработнымъ, несомнѣнно, многимъ рисуется сейчасъ стоящей на второмъ планѣ. Между тѣмъ въ настоящее время для ряда профессій вполнѣ очевидно опредѣлился избытокъ предложенія труда надъ спросомъ на него; для цѣлыхъ районовъ опредѣленно констатирована массовая и чрезвычайно острая безработица. Въ Польшѣ, напримѣръ, по словамъ Л. Крживицкаго, въ началѣ декабря изъ 400.000 фабрично-заводскихъ рабочихъ едва-ли только 50.000 чел. имѣли какой-либо заработокъ; для одной только Варшавы С. Н. Прокоповичъ опредѣлялъ къ 1 ноября число безработныхъ и членовъ ихъ семей въ 150.000 чел. Весьма тяжелыя картины рисуютъ намъ и для Прибалтійскаго края данныя Рижскаго общества заводчиковъ и фабрикантовъ и анкеты Вольнаго Экономическаго общества. Съ тѣмъ же явленіемъ встрѣчаемся мы и въ цѣломъ рядѣ профессій и въ другихъ районахъ Россіи. Упомянемъ, напримѣръ, о массовой потерѣ заработка прибрежнымъ черноморскимъ населеніемъ, кормившимся торговлей, судоходствомъ, рыбнымъ промысломъ; или о прекращеніи Чіатурской марганцепромышленности, занимавшей свыше 8.000 чел.; или о переполненіи рабочаго рынка во многихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края.

Но, какъ бы ни было своевременно сейчасъ дѣло помощи безработнымъ, оно съ дальнѣйшимъ развитіемъ дезорганизаціи хозяйственной жизни, вызываемой неизбѣжно войной, должно стать еще болѣе необходимымъ и неотложнымъ. Весьма своевременно поэтому подвергнуть разсмотрѣнію нѣкоторыя изъ возможныхъ мѣропріятій.

Насъ въ настоящій моментъ интересуетъ одно изъ нихъ: это *организація посредничества по найму.*

Дѣятельность посредническихъ по найму учрежденій, какъ мѣропріятіе въ борьбѣ съ безработицей, имѣетъ, конечно, весьма ограниченное значеніе. При абсолютномъ перевѣсѣ въ странѣ предложенія труда надъ спросомъ на него, посредническія организаціи безсильны; онѣ могутъ принести свои знанія, накопленный

опытъ, но дѣйствительной помощи онѣ дать не могутъ; здѣсь станетъ необходимой трудовая помощь (общественныя работы), оказаніе матеріальной поддержки, можетъ быть, сокращеніе рабочаго времени и другія мѣропріятія; но учрежденія, распредѣляющія безработныхъ по наличнымъ свободнымъ мѣстамъ, безсильны оказать помощь тамъ, гдѣ обнаружился недостатокъ свободныхъ мѣстъ.

Но несомнѣнно, что при безработицѣ, когда она неравномѣрно, извилистыми, неровными линіями бороздитъ промышленное поле страны, роль посредническихъ учрежденій весьма значительна. Когда изъ однихъ районовъ и городовъ несутся вопли предпринимателей о недостаткѣ рабочихъ, а изъ другихъ — стоны тысячъ безработныхъ семей, когда въ однихъ отрасляхъ труда работники не знаютъ, къ чему приложить свой трудъ, а въ другихъ ростетъ неудовлетворенный спросъ на рабочую силу, — предъ посредническими организаціями открывается широкое и плодотворное поле дѣятельности по урегулированію пришедшаго въ смятеніе рабочаго рынка страны.

Такой именно моментъ и переживаетъ сейчасъ Россія. Безработица пришла къ намъ не отъ внутренняго, изъ нѣдръ самаго хозяйственнаго развитія рожденнаго кризиса, а отъ внѣшняго толчка, отъ страшнаго, дезорганизовавшаго жизнь вліянія военной катастрофы.

Промышленность цѣлыхъ районовъ въ Польшѣ, на Кавказѣ дезорганизована или прямо уничтожена военными столкновеніями. Прибалтійскій край и рядъ городовъ Сѣверо-Западнаго края переживаютъ острую безработицу и въ то же время изъ Сибири, земледѣльческаго юга, Поволжья несутся голоса о недостаткѣ рабочихъ, объ обезлюденіи рабочаго рынка вслѣдствіе огромной выемки трудоспособныхъ элементовъ по мобилизаціи; южные горнопромышленники организуютъ особую сѣть агентовъ для вербовки рабочихъ; въ аграрныхъ кругахъ заявляются требованія о предоставленіи военноплѣнныхъ для исполненія сельскохозяйственныхъ работъ и пр. Не всѣ, конечно, домогательства послѣдней категоріи достаточно обоснованы; но, напримѣръ, несомнѣнно, что казенная промышленность, какъ и работа частной промышленности и нѣкоторыхъ отраслей ремесла на казну, сильно увеличились и предъявили новый спросъ на трудъ.

Уже общія цифры обслѣдованія, произведеннаго къ 1 октября министерствомъ промышленности, свидѣтельствуютъ, что въ то время, какъ 1034 предпріятія (435 т. рабочихъ) вынуждены были сократить, а 502 предпріятія ($46^1/_2$ т. раб.) совсѣмъ пріостановить производство, нашлись цѣлыхъ 125 предпріятій (88 т. раб.), которыя увеличили свой рабочій составъ.

Правда, такія счастливыя предпріятія, процвѣтающія на почвѣ казенныхъ заказовъ, далеко неравномѣрно распредѣляются по райо-

намъ. По данным анкеты, произведенной къ 1 сентября обществомъ заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго района и охватившей 152 предпріятія съ числомъ рабочихъ въ 133.772, лишь 4 предпріятія (1.698 раб.) увеличили производство, тогда какъ сократили его 96 предпріятій (106.536 раб.) и прекратили совсѣмъ 9 предпріятій (5.221 раб.).

Иная картина развертывается въ Петроградѣ. Здѣсь къ 1 октября закрылись 34 предпріятія (4.087 раб.), сократили производство 96 предпріятій (на 15.839 раб.), а увеличили его 53 предпріятія (на 9.455 раб.). Съ 1 октября по 1 ноября еще пріостановлено 9 предпріятій (1.357 раб.) и сократили работы 32 предпріятія (на 3.085 раб.), а расширили производство 20 предпріятій (на 1.427 раб.). Данныя эти относятся къ промышленности, подчиненной фабричному надзору, и потому въ ихъ число не входятъ казенные заводы, значительно расширившіе производство.

Металлическіе заводы вообще, повидимому, въ связи съ казенными заказами работаютъ лучше другихъ. Но расширеніе спроса военнаго вѣдомства и другихъ связанныхъ съ войной учрежденій, отразились не только на работѣ металлообрабатывающей промышленности; въ связи съ военными заказами работаютъ усиленно и нѣкоторыя текстильныя фабрики и нѣкоторыя ремесленныя отрасли—сапожная, портняжная и др.

Рядомъ съ этими отраслями, ремесленныя предпріятія, работающія на рынокъ второстепенныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ у населенія не хватаетъ покупательной силы, — ювелирныя, золотосеребряныя мастерскія, альбомныя фабрики и пр.,—по общимъ свѣдѣніямъ, значительно пострадали.

По даннымъ „Нефтяного Дѣла", въ бакинской нефтяной промышленности втеченіе войны ощущается нѣкоторый, хотя и незначительный, недостатокъ въ опытныхъ квалицифицированныхъ рабочихъ. О томъ же, повидимому, говорятъ свѣдѣнія посреднической конторы Московскаго об-ва заводчиковъ и фабрикантовъ. Спеціалистовъ рабочихъ по металлу мало на рабочемъ рынкѣ. Но за то есть цѣлыя профессіи, которыя переживаемыми событіями почти въ полномъ составѣ оставлены не у дѣлъ. Упомянемъ хотя бы объ офиціантахъ и вообще труженикахъ трактирнаго дѣла; въ такомъ же положеніи и значительная часть служащихъ и рабочихъ винной монополіи или десятки тысячъ разсчитанныхъ при массовомъ закрытіи винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ.

Въ рядахъ одной и той же профессіи мы встрѣчаемся часто съ противорѣчивыми тенденціями. У рабочихъ печатнаго дѣла, по сообщенію ихъ петроградскаго органа, въ книжномъ дѣлѣ чрезвычайно острая безработица, доходящая, по словамъ журнала, чуть ли не до 50%, и въ то же время въ газетномъ дѣлѣ ея вліяніе не чувствуется. Руководители профессіональной организаціи на

почвѣ такого положенія выдвинули даже въ качествѣ наиболѣе своевременной мѣры профессіональной самопомощи работу по очереди, т. е. уступку работающими части своей работы безработнымъ.

Столь же отлично положеніе въ отдѣльныхъ районахъ. Если въ районѣ военныхъ дѣйствій закрытіе заводовъ и фабрикъ и нарушеніе нормальнаго хода всей жизни выбросило на улицу сотни тысячъ безработныхъ, то въ глубокомъ тылу арміи безработица, конечно, не имѣетъ такой остроты. Даже въ границахъ одного и того же района мы встрѣчаемся съ рѣзкими колебаніями въ размѣрѣ безработицы. Вотъ какъ, напримѣръ, описывалъ положеніе въ городахъ Сѣверозападнаго края одинъ изъ уполномоченныхъ Вольнаго Экономическаго об-ва, въ своемъ докладѣ одной изъ коммиссій общества. „Въ первое время по объявленіи войны вся хозяйственная жизнь въ районѣ сразу пріостановилась, закрылись всѣ фабрики и заводы, не работали ремесленники и мастерскія ручного труда. Все производство было парализовано и безработица охватила почти всѣхъ занятыхъ въ немъ рабочихъ. Послѣ небольшого промежутка начался процессъ мобилизаціи хозяйственной жизни, населеніе стало приспособляться (въ особенности въ области ремесленнаго труда) къ возникшимъ потребностямъ военнаго времени; многомилліонная армія предъявляетъ громаднѣйшій спросъ на различные предметы производства, и контингентъ лицъ, работающихъ для удовлетворенія этихъ нуждъ, сталъ все больше возростать. Все это однако носитъ неустойчивый, непостоянный характеръ, цѣлый рядъ т. н. „военныхъ причинъ“ продолжаетъ то способствовать экономической жизни, то парализовать ее; число лицъ, занятыхъ въ ней, продолжаетъ лихорадочно подниматься и падать“.

При такомъ характерѣ безработицы, какъ настоящая, когда *соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда рѣзко и разнообразно варьируется* въ разныхъ отрасляхъ, профессіяхъ, городахъ и районахъ, *посредническая по найму дѣятельность можетъ имѣть*, несомнѣнно, *очень плодотворное и большое значеніе.*

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ право министерство промышленности, поставившее на очередь вопросъ о посреднической работѣ въ своемъ циркулярѣ по фабричной инспекціи. Оно не право въ другомъ, въ своемъ предположеніи, что фабричная инспекція, несущая на себѣ большое количество обязанностей и, къ слову сказать, всѣ ихъ довольно скверно выполняющая, сумѣетъ сдѣлать что-либо серьезное въ этой области. Организація посредничества, упорядоченіе рабочаго рынка задача достаточно широкая и сложная, чтобы ее можно было разрѣшить ad hoc. Въ два дня посредническая организація и чуть ли не во всероссійскомъ масштабѣ не можетъ быть создана. Она требуетъ солиднаго мѣст-

наго фундамента, энергичнаго самодѣятельнаго строительства заинтересованныхъ круговъ, участія муниципальныхъ учрежденій, свободнаго развитія профессіональныхъ организацій. Безъ этого самыя благія намѣренія могутъ привести къ очень печальнымъ результатамъ.

Осенью „Рѣчь" (№ отъ 29 ноября) передавала въ корреспонденціи съ юга, что неумѣренными стараніями всѣхъ вѣдомственныхъ и предпринимательскихъ посредниковъ въ южный горнопромышленный районъ привезено столько рабочихъ, что для нихъ не находится работы и въ связи съ этимъ переполненіемъ рынка начинаетъ падать заработная плата. По этому же поводу изъ Орловской губерніи въ связи съ анкетой Вольнаго Экономическаго общества, на вопросъ, ощущается ли избытокъ или недостатокъ рабочихъ, сообщали, что чувствуется недостатокъ, а на вопросъ о его причинахъ отвѣчали, что всѣхъ рабочихъ увезли агенты южныхъ горнопромышленниковъ.

Но если нельзя сразу, никогда до того не интересовавшись дѣломъ посредничества, *организовать* его въ 24 часа, по мановенію министерской палочки, то это не значитъ, что его не надо *организовывать*. Нѣтъ, приступить къ организаціи рабочаго рынка необходимо и въ связи съ особымъ характеромъ переживаемой безработицы вполнѣ своевременно. Надо лишь найти настоящіе пути для этой цѣли.

Насколько своевременна, самой жизнью выдвинута сейчасъ эта задача, показываетъ то, что даже въ нашихъ муниципальныхъ кругахъ, весьма инертныхъ и далекихъ отъ пониманія нуждъ пролетарскихъ слоевъ городского населенія, одновременно въ цѣломъ рядѣ городовъ проявилась инициатива по созданію посредническихъ организацій того или иного характера. Не говоря уже о польскихъ городахъ, укажемъ на Вильно, гдѣ, по инициативѣ рабочихъ представителей въ думской коммиссіи, открыто городское бюро труда. Открыты биржи труда въ Петроградѣ, въ Саратовѣ. Выдвинуты снова забытыя было предположенія о созданіи городскихъ посредническихъ учрежденій въ Кіевѣ, Томскѣ и другихъ городахъ. Кромѣ того, рядъ городскихъ попечительствъ, развивая въ связи съ войной заботу о трудовой помощи семьямъ запасныхъ и вообще нуждающемуся населенію, въ своихъ бюро труда развернули и посредническую дѣятельность.

Своевременно, думаемъ, будетъ поэтому остановиться на отношеніи рабочей демократіи къ этому вопросу, ея интересы затрагивающему болѣе, чѣмъ чьи бы то ни было.

II.

Наиболѣе развитой и широкой системой посредническихъ учрежденій обладаетъ Германія. Докладъ, представленный J. Feig'омъ международной конференціи по борьбѣ съ безработицей, имѣвшей

мѣсто въ Парижѣ въ сентябрѣ 1910 г. [1]), указываетъ на слѣдующія категоріи посредническихъ организацій, работающихъ въ Германіи.

I. Бюро труда, созданныя заинтересованными сторонами:

a) предпринимательскія бюро (цеховыя, предпринимательскихъ союзовъ, сельскохозяйственныхъ палатъ),

b) рабочія бюро труда (свободныхъ проф. союзовъ, гиршъ-дункеровскихъ союзовъ, организацій техниковъ и торговыхъ служащихъ),

c) бюро, которыя созданы и управляются совмѣстно предпринимателями и рабочими или служащими.

II. Общественныя бюро труда, созданныя общинами, общественными организаціями, получающими матеріальную поддержку изъ коммунальныхъ и государственныхъ средствъ:

a) управляемыя на основѣ равнаго участія предпринимателей и рабочихъ (paritätische Arbeitsnachweise) и

b) управляемыя бюрократически.

III. Благотворительныя бюро труда, при обществахъ, имѣющихъ задачей оказаніе помощи лицамъ, выходящимъ изъ тюремъ, покидающимъ военную службу и т. п.

Въ первой группѣ предпринимательскихъ посредническихъ организацій наибольшее значеніе имѣютъ рабочія бюро предпринимательскихъ союзовъ. Въ 1909 г. ихъ число достигло 154. Изъ нихъ 44-мя было сдѣлано 426.693 указанія труда.

Въ средѣ посредническихъ бюро, созданныхъ профессіональными союзами, первое мѣсто занимаютъ бюро по указанію труда при с.-д. профессіональныхъ организаціяхъ. Въ 1908 г. 188 такихъ бюро сдѣлали 256.443 указанія. Что касается коммунальныхъ и близкихъ имъ общественныхъ посредническихъ учрежденій, то, по даннымъ представленнаго на ту же конференцію доклада Союза германскихъ бюро по указанію труда [2]), къ началу 1910 г. въ Германіи существовало въ общемъ 462 такихъ бюро. Изъ числа бюро, входящихъ въ составъ общегерманскаго союза, въ 101—управленіе организовано по принципу паритета и въ 76—бюрократически. По даннымъ союза за 1908-9 гг. посредническими организаціями этого типа было сдѣлано 860.901 указаніе.

Предпринимательскія, рабочія и коммунальныя бюро по указанію работы являются главными вѣтвями посредническаго дѣла въ Германіи. Ихъ вліяніе на рынокъ, хотя не равновелико, но во всякомъ случаѣ для каждой изъ нихъ довольно значительно. Въ 1908 г. въ круглыхъ цифрахъ было сдѣлано указаній [3]):

---

[1]) Compte rendu de la Conférence Internationale de Chômage. T. II Rapport № 1.

[2]) Ibid. Rap. № 3.

[3]) Dr. Otto Michalke, „Die Arbeitsnachweise des Gewerkschaften in Deutschen Reich". 1912 г. Berlin. Стр. 12.

Коммунальными и аналогичными имъ бюро	1.000.000
Предпринимательскими.	5—600.000
Рабочими	300.000

Разумѣется, голыя цифровыя данныя не даютъ яснаго представленія о задачахъ и дѣятельности разсматриваемыхъ организацій. Каждый отдѣльный видъ ихъ создался подъ давленіемъ совершенно особыхъ запросовъ и вліяніе ихъ на рынокъ труда, а, слѣдовательно, и общественная расцѣнка ихъ значенія заинтересованными кругами весьма разнообразна.

Вопросъ объ указаніи труда игралъ свою роль еще въ старыхъ организаціяхъ подмастерьевъ и перешелъ въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ пріемовъ борьбы къ современнымъ профессіональнымъ организаціямъ, гдѣ получилъ широкое развитіе. Уже въ 1865 г. въ Нюренбергѣ было организовано первое профессіональное бюро труда; за нимъ послѣдовали другіе.

Приступая къ созданію собственныхъ бюро труда, рабочіе, несомнѣнно, шли на встрѣчу одной изъ наиболѣе острыхъ нуждъ рабочаго класса, уничтожая тягостную необходимость личнаго обхода мастерскихъ и фабрикъ, заискиванья у мастеровъ, пользованія дорогимъ и непріятнымъ посредничествомъ. Но, ставя на очередь дѣло упорядоченія посредничества, рабочіе союзы не считали самоцѣлью организацію рынка; въ сосредоченіи въ своихъ рукахъ узловъ посредническаго дѣла они видѣли средство къ господству на рынкѣ, ключъ къ вліянію на снабженіе предпріятій рабочимъ составомъ и, слѣдовательно, на условія труда въ этихъ предпріятіяхъ. Устраняя „свободную“ конкуренцію между рабочими у воротъ предпріятія, союзы властно протягивали руку внутрь предпріятія и получали возможность диктовать предпринимателю желательныя для нихъ условія найма. Посредническая дѣятельность явилась для нихъ лишь однимъ изъ звеньевъ въ общей цѣпи профессіональной организаціи... Она давала имъ свѣдѣнія о состояніи рабочаго рынка, стояла въ тѣсной связи съ выдачей пособій безработнымъ, помогала опредѣлять безработныхъ на мѣста и тѣмъ снимала лишнюю тягость съ союзныхъ страховыхъ капиталовъ.

Само собою понятно, что союзныя бюро труда создавались въ тѣхъ отрасляхъ, которыя вообще имѣютъ наиболѣе широкія и крѣпкія организаціи и дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, въ средѣ квалифицированныхъ рабочихъ.

Иное поприще избрали себѣ сначала городскія посредническія организаціи. Имѣя своими исходными пунктами чисто благотворительную работу, они прежде всего выступили на рынкѣ найма прислуги, чернорабочихъ, служащихъ и др. тружениковъ, до того всецѣло находившихся въ сферѣ эксплуатаціи частно-предпринимательскихъ конторъ. Лишь съ теченіемъ времени дѣятельность городскихъ конторъ стала расширяться. Ихъ посредническими услу-

гами стали пользоваться все новыя категоріи трудящихся, ихъ дѣятельность вызвала интересъ въ рабочей средѣ и начала приходить въ нѣкоторое взаимодѣйствіе съ дѣятельностію рабочихъ бюро труда. Муниципальныя посредническія учрежденія болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ рабочія бюро труда. Р. Кальверъ годомъ основанія перваго въ Германіи городского бюро по указанію работъ во Фрейбургѣ указываетъ 1892 г. Но отправной точкой ихъ развитія послужило, несомнѣнно, выступленіе штутгартскихъ рабочихъ, выставившихъ требованіе объ основаніи городской биржи труда и нашедшихъ поддержку въ мѣстномъ промысловомъ судѣ, предсѣдателемъ котораго, Лаутеншлегеромъ, была представлена подробная записка по этому вопросу въ мѣстное муниципальное управленіе. Конгрессъ по вопросамъ соціальной политики въ 1893 г. во Франкфуртѣ-на Майнѣ имѣлъ подробное сужденіе по вопросу объ организаціи посредничества и привлекъ къ нему широкое вниманіе. Съ тѣхъ поръ дѣятельность городовъ въ указанномъ направленіи начинаетъ быстро рости.

Какъ указано, организація коммунальныхъ биржъ труда далеко не однообразна по принципамъ, положеннымъ въ ея основаніе. Бюрократически организованныя биржи до сихъ поръ имѣютъ широкое распространеніе. Но несомнѣнно, долго удержаться на этой позиціи имъ не удастся. „Паритетныя" биржи, управляемыя совмѣстно рабочими и предпринимателями, берутъ перевѣсъ. Бюрократически организованныя биржи—это биржи, проявляющія ничтожную дѣятельность. Въ 1904 г., напримѣръ, 40 прусскихъ коммунальныхъ биржъ съ представительствомъ сторонъ совершили 119,962 сдѣлки а изъ 150 бюрократически организованныхъ конторъ—не совершили ни одной сдѣлки—92, а 58 совершили всего 26.135 сдѣлокъ. То же въ Баваріи,—20 „паритетныхъ" биржъ отмѣтили 91.175 сдѣлокъ, 48 бюрократически организованныхъ биржъ всего 6.898 посред. сдѣлокъ [1]).

Смыслъ этихъ данныхъ не въ томъ только, что паритетныя биржи, какъ лучше организованныя, достигаютъ большихъ результатовъ, но и въ томъ, что въ мѣстахъ наибольшей въ нихъ потребности, въ крупнѣйшихъ рабочихъ центрахъ муниципалитеты вынуждены бываютъ идти на встрѣчу желанію рабочихъ не выпускать изъ своихъ рукъ контроля надъ посредничествомъ и подчиняются принципу паритета.

Годомъ основанія перваго предпринимательскаго посредническаго бюро (если оставить въ сторонѣ организацію цеховъ) Г. Кесслеръ считаетъ 1869 г. [2]). Въ 1889 году возникла знаменитая гамбургская контора союза гамбургской желѣзной промышленно-

---

[1]) К. Конрадъ, Посредничество по пріисканію работы въ Германіи, Спб. 1913 г., стр. 225.

[2]) Dr. Gerhard Kessler. „Die Arbeitsnachweise der Arbeitgeberverbände" Leipzig. 1911 г.

сти, явившаяся лабораторіей предпринимательскихъ методовъ въ дѣлѣ посредничества и школой для дѣятелей предпринимательскихъ рабочихъ бюро. Однако дѣятельность предпринимательскихъ организацій въ интересующей насъ области не принимала широкаго характера до тѣхъ поръ, пока усиленіе рабочихъ организацій и дѣятельность рабочихъ бюро труда не вызвали рѣзкаго отпора со стороны работодательскихъ союзовъ. Въ 1898 г. состоялась знаменитая лейпцигская хозяйская конференція рабочихъ бюро, „гдѣ—по словамъ Г. Линдемана—буржуазная косность и самомнѣніе предпринимателей предстали во всей своей отвратительной наготѣ“.

Если рабочіе говорили, что нанимающіеся, какъ продавцы товара-рабочей силы, сами должны распоряжаться условіями и формами, въ которыхъ совершается продажа, то предприниматели, наоборотъ, заявляли о „естественномъ правѣ“ работодателя брать рабочихъ „гдѣ и какъ онъ хочетъ“ (циркуляръ союза берлинскихъ металлопромышленниковъ).

Задачи, поставленныя ими своимъ рабочимъ бюро, были ясны и откровенно-аггресивны: 1) доставленіе предпріятіямъ рабочихъ, 2) контроль надъ разсчитанными за стачки и во время локаутовъ и 3) изгнаніе завѣдомыхъ агитаторовъ (wüsten Agitatoren).

Сообразно съ этими цѣлями предприниматели и повели свою работу, развивъ довольно широкую дѣятельность. По даннымъ Г. Кесслера, изъ 206 предпринимательскихъ бюро 33 приходились на долю металлообрабатывающей промышленности, 16 на горное дѣло, 64 на строительный промыселъ и 23 на транспортъ; изъ остальныхъ—40 бюро распредѣлялись между другими 12 отраслями и 30 бюро было смѣшанныхъ. Такъ что въ цѣломъ рядѣ весьма крупныхъ отраслей труда хозяйскія организаціи или вовсе не были представлены посредническими организаціями или были представлены весьма слабо. Г. Кесслеръ утверждаетъ кромѣ того, будто за послѣдніе годы аггресивность предпринимательскихъ бюро, столкнувшись съ невозможностію искорененія всѣхъ „агитаторовъ“, значительно ослабѣла.

Выступленіе организованныхъ предпринимателей въ борьбу за вліяніе на рабочій рынокъ заставило, конечно, и профессіональные союзы усилить свою работу и усложнить свою тактику.

Первыя ихъ выступленія имѣли исключительнымъ лозунгомъ требованіе: бюро по указанію труда должны быть въ рукахъ рабочихъ. К. Легинъ, выступившій въ числѣ другихъ профессіональныхъ работниковъ на франкфуртскомъ конгрессѣ, опредѣленно развилъ эту точку зрѣнія. Отъ городовъ требовалась матеріальная помощь и помѣщеніе. Управленіе же биржами все должно было находиться въ рукахъ рабочихъ. Французскія биржи труда должны были служить примѣромъ для аналогичныхъ германскихъ организацій.

Второй конгрессъ профессіональныхъ союзовъ, состоявшійся въ Берлинѣ въ 1896 г., принялъ опредѣленно отрицательную резолюцію, предложенную Эльмомъ, по вопросу объ отношеніи къ городской организаціи посредничества на принципѣ равнаго участія предпринимателей и рабочихъ.

„Рѣшительно отвергается возможность существованія биржъ труда съ участіемъ въ правленіи на равныхъ правахъ рабочихъ и предпринимателей. Естественныя, не поддающіяся никакому затемненію противорѣчія между капиталомъ и трудомъ будутъ всегда имѣть рѣшающее значеніе даже въ томъ случаѣ, если путемъ открытія безпартійныхъ муниципальныхъ биржъ труда будетъ достигнуто соглашеніе въ этой области. Вліяніе буржуазіи въ общественномъ управленіи въ настоящее время настолько еще велико, напротивъ, вліяніе пролетаріата такъ ничтожно, что муниципальныя биржи труда при современномъ строѣ будутъ служить исключительно интересамъ капитала“.

Опредѣленность этого отрицанія муниципальныхъ услугъ въ дѣлѣ рабочаго посредничества еще рѣзче подчеркивается окончаніемъ резолюціи:

„Второй конгрессъ профессіональныхъ союзовъ Германіи предостерегаетъ поэтому рабочихъ всѣхъ городовъ отъ всякихъ попытокъ регулированія посредничества инымъ путемъ, помимо учрежденія биржъ труда, находящихся всецѣло въ вѣдѣніи самихъ рабочихъ“.

Резолюція вызвала возраженія лишь со стороны немногихъ южногерманскихъ рабочихъ. Однако отчасти въ связи съ ростомъ и развитіемъ городского посредничества, отчасти въ связи съ помянутымъ боевымъ наступленіемъ предпринимательскихъ союзовъ вопросъ продолжалъ дебатироваться. Въ 1899 г. Р. Кальверъ въ особой брошюрѣ защищалъ идею паритетныхъ биржъ, сравнивая рабочее предубѣжденіе противъ нихъ съ разсѣявшимся уже предубѣжденіемъ противъ промысловыхъ судовъ [1]). Пресса горячо дебатировала тему, и на ближайшемъ III конгрессѣ профессіональныхъ союзовъ, имѣвшемъ мѣсто во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1899 г., по вопросу выступили два докладчика—Лейпартъ изъ Штутгарта, сторонникъ пересмотра берлинской резолюціи, и контръ-докладчикъ—Пётшъ изъ Берлина. Принятая, по предложенію Эльма, резолюція обозначила, какой огромный сдвигъ произошелъ во взглядахъ профессіональныхъ круговъ на роль общины въ организаціи посредничества и на отношеніе рабочихъ къ паритетнымъ биржамъ труда. Конгрессъ подтвердилъ прежній принципіальный взглядъ на организацію посредничества, какъ на одну изъ формъ вліянія на улучшеніе условій труда рабочихъ, а также на необходимость организацію посредничества сдѣлать элементомъ рабочей организаціи,

---

1) Richard Calwer. „Arbeitsmarkt und Arbeitsnachweis“. Stuttgart. 1899

но въ то же время призналъ, что для нѣкоторыхъ мѣстностей и для ряда профессій можетъ быть полезно участіе въ коммунальныхъ биржахъ труда. Послѣднія должны однако быть обставлены нѣкоторыми условіями. Въ качествѣ такихъ условій резолюція указывала на передачу управленія биржей особой коммиссіи, члены которой въ равномъ числѣ свободно избираются рабочими и предпринимателями при безпартійномъ предсѣдателѣ, на веденіе дѣлъ служащими, избранными коммиссіей изъ рядовъ рабочихъ, на отказъ въ услугахъ тѣмъ предпринимателямъ и предпріятіямъ, которые завѣдомо не исполняютъ своихъ обязанностей по отношенію къ нанимаемымъ, и тѣмъ, которые при конфликтахъ отказываются отъ всякихъ сношеній съ рабочими и т. п. Въ этой послѣдней части резолюціи и былъ центръ тяжести. Движеніе въ пользу основанія паритетныхъ биржъ получило офиціальное разрѣшеніе.

Конечно, этого было еще недостаточно для полнаго отказа отъ прежней, совершенно отрицательной точки зрѣнія на коммунальное посредничество. Она имѣла еще очень много сторонниковъ. Достаточно указать, напр., на Г. Линдемана, въ своей книгѣ энергично выступившаго противъ „нейтрализаціи" посредничества. Въ обширной главѣ, посвященной вопросу о биржахъ труда, онъ подвергъ рѣзкой критикѣ, съ одной стороны, дѣятельность муниципалитетовъ, далеко не стоявшихъ, какъ извѣстно, на почвѣ классоваго безкорыстія при организаціи посредническаго дѣла, съ другой стороны, увлекающихся сторонниковъ новыхъ учрежденій, разсчитывавшихъ съ нейтрализаціей посредническаго дѣла устранить всякія коллизіи между работодателями и рабочими на рабочемъ рынкѣ.

„Область посредничества объявляется настолько своеобразной, писалъ онъ, что въ ней и предприниматели, и рабочіе могутъ работать сообща, рука объ руку, безъ всякихъ столкновеній и коллизій. Въ силу этого посредничество по пріисканію работы и организуется на принципахъ равенства, силы рабочихъ парализуются и каждый, кто сомнѣвается въ надежномъ вліяніи этой соціальной реформы, объявляется врагомъ пролетаріата. Такимъ образомъ распространили принципъ равенства съ промысловыхъ судовъ на биржи труда и есть намѣреніе распространить его и дальше—на консультаціонныя бюро, на кассы страхованія на случай безработицы. Недостаетъ еще подведенія подъ принципы равенства области столкновеній между предпринимателями и рабочими, всей обширной области стачекъ и локаутовъ—и дѣлу конецъ! У профессіональныхъ союзовъ будутъ отняты тогда ихъ основныя функціи, и имъ ничего лучшаго не останется дѣлать, какъ выродиться въ клубы для развлеченій. Вотъ какова та система равенства, которая заняла господствующее положеніе въ соціальной политикѣ въ Германіи и признается идеаломъ значительнымъ числомъ сторонниковъ профессіональнаго движенія".

Эти мрачныя перспективы однако мало кого уже пугали. Къ

тому же опытъ участія въ паритетныхъ биржахъ вовсе не былъ такъ безотраденъ. Наконецъ, и капиталисты, въ интересахъ которыхъ, какъ утверждалось, идетъ все развитіе новыхъ учрежденій, на дѣлѣ, наоборотъ, вели съ ними войну, объявляя коммунальныя биржи состоящими „на службѣ у рабочихъ союзовъ".

4-й конгрессъ профессіональныхъ союзовъ въ 1902 г. въ Штутгартѣ высказался „за законодательное регулированіе рабочаго посредничества чрезъ организацію рабочихъ биржъ, къ устройству и поддержкѣ которыхъ должны быть обязаны союзныя государства и общины". Это требованіе нашло себѣ отраженіе и въ парламентскихъ выступленіяхъ с.-д. фракціи.

На международной конференціи по борьбѣ съ безработицей въ 1910 г. Р. Шмидъ уже такъ формулировалъ точку зрѣнія профессіональныхъ союзовъ на организацію посредничества. Наилучшей организаціей посредничества онъ призналъ возникающую въ результатѣ тарифныхъ договоровъ, предпринимательскія бюро объявилъ заслуживающими энергичной борьбы и, какъ мнѣніе большинства профессіональныхъ союзовъ относительно законодательныхъ задачъ въ этой области, выставилъ требованіе запрещенія частныхъ посредническихъ конторъ и учрежденія коммунальныхъ паритетныхъ бюро по указанію труда [1]).

Лѣтомъ 1911 г. эта точка зрѣнія офиціально была подтверждена на 8-мъ конгрессѣ профессіональныхъ союзовъ въ Дрезденѣ. Кругъ такимъ образомъ былъ замкнутъ. Отъ полнаго отрицанія цѣлесообразности участія въ „нейтральныхъ" биржахъ большинство профессіональныхъ работниковъ пришло къ убѣжденію въ необходимости добиваться ихъ организаціи.

Война и вызванное ею колоссальное перераспредѣленіе рабочихъ массъ поставили передъ посредническими организаціями столь грандіозныя задачи, успѣшно разрѣшить которыя могла лишь централизованная и широко развѣтвленная система посредническихъ учрежденій. Германскіе рабочіе не задумались пойти на встрѣчу созданію этой системы и включили свои биржи въ общую объединенную организацію. Насколько можно судить по проникающимъ въ русскую печать свѣдѣніямъ [2]), въ цѣломъ рядѣ мѣстностей произошло полное или частичное объединеніе биржъ труда рабочихъ, городскихъ, предпринимательскихъ и иныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ создана объединяющая всю работу Reichzentrale der Arbeitsnachweise. Преимущества новой системы посредничества, согласованной, приведенной для всей страны въ единство, снабженной, наконецъ, средствами и вліяніемъ правительственной власти, настолько велики, что едва-ли отъ нихъ откажутся на другой день послѣ военной катастрофы. „Судя по отзывамъ и по оправдавшей себя

---

1) Compte rendu etc. t. I., p. 99.

2) См. напр., „Русск. Вѣдомости" 1915 г. № 9. Корреспонденція М. Лурье.

практикѣ новаго учрежденія, замѣчаетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей", централизованное руководство рынкомъ труда представляетъ собою пріобрѣтеніе, которое останется въ Германіи и послѣ войны съ тѣмъ же участіемъ въ управленіи центральной биржей и рабочихъ, и хозяевъ на равныхъ правахъ, какое имѣетъ мѣсто теперь".

К. Легинъ 1893 года, отрицающій за кѣмъ бы то ни было, кромѣ рабочихъ организацій, право на вмѣшательство въ дѣло посредничества по найму и заявляющій отъ имени организованныхъ рабочихъ объ ихъ стремленіи сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть надъ распредѣленіемъ безработныхъ въ промышленности, и К. Легинъ 1914 г., представительствующій отъ рабочихъ въ общеимперской посреднической организаціи, объединяющей рабочія, предпринимательскія и городскія биржи труда—это выразительное сопоставленіе ярко характеризуетъ эволюцію 20-лѣтней борьбы германскихъ рабочихъ за вліяніе на рабочій рынокъ. Германскій опытъ показываетъ, что первоначальная попытка рабочихъ союзовъ взять въ свои руки власть надъ рабочимъ рынкомъ не увѣнчалась успѣхомъ. Борьба оказалась болѣе длительной и болѣе сложной, чѣмъ это казалось вначалѣ. Попытка сбить противника фронтальной атакой, принять лицомъ къ лицу бой съ предпринимателями, сосредоточить въ своихъ рукахъ спросъ и указаніе труда и тѣмъ овладѣть грознымъ орудіемъ въ борьбѣ за улучшеніе условій найма не дала успѣха. Единоборство разрѣшилось въ ничью, атака съ фронта была встрѣчена грозной контръатакой предпринимательскихъ посредническихъ и контрольныхъ бюро и не нашла себѣ точки опоры въ широкомъ морѣ неорганизованнаго труда; надо было искать путей для обхода противника, надо было расширять поле борьбы и усложнять его орудія. Естественно была принята идея использованія муниципалитетовъ для этой цѣли.

Вполнѣ правъ, конечно, Г. Линдеманъ, что невозможно при современномъ соціальномъ строѣ сдѣлать нейтральнымъ такое важное въ экономической борьбѣ орудіе для обѣихъ сторонъ, какъ биржа труда. Муниципализація посредничества не устранила борьбы, не смягчила даже ея, она дала ей лишь новыя формы, но, усиливъ темпъ организаціи рабочаго рынка, распространивъ свое организующее вліяніе на широкіе, дотолѣ не улавливавшіеся рабочими бюро слои пролетаріата, расширивъ сферу борьбы и сдѣлавъ муниципальную власть ея орудіемъ—она играетъ, несомнѣнно, плодотворную роль для развитія и успѣха рабочаго дѣла.

Но и обратно,—и это очень важно подчеркнуть—если развитіе муниципальныхъ биржъ труда не только не отняло ничего у профессіональныхъ союзовъ, какъ опасался Г. Линдеманъ, а, наоборотъ, обогатило ихъ работу, и сдѣлало это, не смотря на враждебный имъ классовый составъ муниципальнаго самоуправленія, то проис-

зошло это прежде всего потому, что сами профессіональные союзы направили свою энергію на то, чтобы использовать новое орудіе въ своихъ интересахъ. Союзы встрѣтили ростъ муниципальныхъ биржъ труда уже подготовленными. Къ 1893 году, когда началось движеніе по открытію муниципальныхъ биржъ труда (до того времени было открыто лишь нѣсколько незначительныхъ городскихъ и общественныхъ посредническихъ конторъ), союзы имѣли уже въ разныхъ профессіяхъ 100 бюро по указанію работы. И съ ростомъ муниципальныхъ биржъ работали и бюро союзовъ. Профессіональные союзы неустанно слѣдили за работою муниципальныхъ конторъ и всею мощью своей организаціи добивались ихъ улучшенія и развитія въ сторону рабочихъ пожеланій.

Внѣ участія и вліянія союзовъ городскія биржи труда были бы (еслибы были вообще) ничѣмъ инымъ, какъ филіалами предпринимательскихъ контрольныхъ бюро или малополезными придатками органовъ общественнаго призрѣнія.

III.

Мы видѣли, что на зарѣ движенія въ рабочей средѣ болѣе пользовался симпатіями французскій типъ организаціи посредничества. На французскія биржи труда, построенныя на принципѣ рабочаго самоуправленія, ссылался, какъ указывалось, К. Легинъ на соціальномъ конгрессѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Насколько обоснована была эта ссылка и насколько состояніе и развитіе посредническаго дѣла во Франціи противорѣчитъ выводамъ, даваемымъ нѣмецкимъ движеніемъ?

Вопросъ объ указаніи работы издавна привлекалъ вниманіе французскихъ синдицированныхъ рабочихъ. По указанію П. Луи, на 1 января 1905 г. существовало уже 161 справочное бюро по найму рабочихъ при профессіональныхъ союзахъ [1]). По собраннымъ Office du Travail въ 260 синдикатахъ свѣдѣніямъ, чрезъ посредство справочныхъ бюро получили постоянныя мѣста 26.915 человѣкъ и временную работу 57.399.

Начавшія возникать съ 1887 г. биржи труда (къ 1904 году ихъ существовало 109) также удѣлили много энергіи вопросу посредничества. Какъ извѣстно, французскія биржи труда не являются посредническими учрежденіями; ихъ задачи гораздо шире. По типу организаціи онѣ скорѣе должны быть приравнены къ германскимъ мѣстнымъ картелямъ профессіональныхъ союзовъ или русскимъ центральнымъ бюро, неся такъ же, какъ послѣднія, рядъ просвѣтительныхъ, пропагандистскихъ, боевыхъ функцій, организуя самопомощь, помощь безработнымъ и пр., и въ то же

---

[1]) П. Луи, „Исторія синдикальнаго движенія во Франціи", стр. 117.

время, въ отличіе отъ картелей, играя выдающуюся роль по общественно-политическому объединенію и представительству рабочихъ. Дѣятельность по указанію работы безработнымъ является лишь одной изъ функцій, исполняемыхъ биржами труда, хотя и одной изъ наиболѣе важныхъ.

Главнымъ конкурентомъ рабочихъ справочныхъ бюро были частныя платныя бюро, привлекавшія и эксплуатировавшія цѣлый рядъ неквалифицированныхъ и малообученныхъ категорій труда: прислугу, булочниковъ, парикмахеровъ, моряковъ и мн. другихъ. По офиціальнымъ анкетнымъ даннымъ 1893—97 гг., такихъ бюро насчитывалось 1.399 и ихъ дѣятельность выражалась весьма значительными цифрами [1]).

Противъ этихъ конторъ, встрѣчавшихъ значительную симпатію со стороны предпринимателей, организованные рабочіе вели энергичную борьбу. Уже въ 1888 г. противъ нихъ выступили парижскіе парикмахеры. Въ 1891 г. была организована спеціальная Лига для уничтоженія частныхъ конторъ найма.

„Если общественная власть не дастъ удовлетворенія рабочимъ требованіямъ и не уничтожитъ платныя конторы для найма,—грозилъ въ сентябрѣ 1903 г. Ліонскій конгрессъ федераціи синдикатовъ рабочихъ пищевого производства—то рабочіе объявятъ всеобщую стачку всѣхъ секцій федераціи въ самый непродолжительный срокъ“.

Довольно энергичная агитація, поддержанная митингами и уличными манифестаціями, распространившаяся по всей странѣ, вызвала, наконецъ, вмѣшательство законодательныхъ учрежденій и 14 марта 1904 г. былъ опубликованъ законъ, не закрывавшій однако платныхъ конторъ найма, а лишь дававшій муниципалитетамъ право принудительнаго откупа частныхъ конторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ давалъ право на организацію безплатныхъ конторъ всѣмъ легально существующимъ организаціямъ и предписывалъ открывать муниципальныя бюро во всѣхъ коммунахъ съ населеніемъ, превышающимъ 10 тыс. чел., во всѣхъ же остальныхъ предписывалъ вести регистрацію спроса и предложенія труда.

Каковы же были послѣдствія этого парламентскаго акта? „Многіе городскіе совѣты,—говорятъ въ своей книгѣ о французскомъ синдикализмѣ Н. Критская и Н. Лебедевъ—подъ давленіемъ рабочихъ синдикатовъ закрыли тотчасъ же всѣ конторы; другія же закрывали ихъ постепенно. Скоро во Франціи частныя конторы для найма сдѣлались рѣдкими исключеніями и завѣдываніе спросомъ и предложеніемъ труда перешло всецѣло въ руки биржъ труда; побѣда рабочихъ была полная“.

Эти оптимистическія завѣренія ставятся однако подъ весьма сильный вопросъ цифровыми данными, приведенными въ цитиро-

---

[1]) Compte rendu etc. Rap. № 22.

вавшемся уже выше докладѣ I. Круппи, бывшаго министра торговли, на международной конференціи 1910 г.

Дѣятельность биржъ труда, несомнѣнно, развивается. 7.000 указаній въ 1891 г., 35.000—въ 1897 г., 53.000—въ 1908 г. (Данныя относятся къ провинціальнымъ биржамъ).

Дѣятельность синдикатовъ рабочихъ опредѣлялась по даннымъ анкеты 1910 г. въ 65.000 указаній для Парижа и 20.000 для провинціи.

Но на ряду съ рабочими организаціями начали усиленно развивать свою дѣятельность и патрональныя организаціи. До 1904 г. ихъ роль была несущественна, они замѣщали лишь 18.000 мѣстъ. Эта цифра по даннымъ оффиціальной анкеты 1909 г. выросла до 100.000 чел. для одного Парижа. Должно отмѣтить, что и изъ платныхъ бюро нѣкоторыя не были закрыты, а нѣкоторыя ухитрились возродиться подъ видомъ разныхъ фиктивно существующихъ обществъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить работу муниципальныхъ бюро. По даннымъ 1909 г., изъ 258 городовъ съ населеніемъ болѣе 10.000 муниципальныя бюро имѣлись въ 107 или 41%. Замѣщено за годъ мѣстъ этими бюро 88.752, изъ нихъ 45.261 въ Парижѣ и 43.491 въ провинціи. Въ мелкихъ городахъ законъ, повидимому, остался почти безъ исполненія.

Болѣе позднія, хотя нѣсколько менѣе полныя данныя объ организаціи посредничества, собранныя въ 1912—13 гг. при посредствѣ министерства торговли международной ассоціаціей по борьбѣ съ безработицей, еще рѣзче подчеркиваютъ преувеличенность чрезмѣрно оптимистической оцѣнки вліянія на рабочій рынокъ французскихъ рабочихъ организацій [1]).

Анкета прежде всего установила фактъ новаго роста частно-коммерческихъ посредническихъ конторъ, далеко не убитыхъ закономъ 1904 г. Вотъ краткая, но выразительная табличка: платныхъ посредническихъ бюро было основано до 14 марта 1904 г.—417.

Въ 1904 г.	20	1908 г.	32
„ 1905 г.	11	1909 г.	29
„ 1906 г.	24	1910 г.	38
„ 1907 г.	26	1911 г.	55

Такимъ образомъ содержатели наиболѣе вредныхъ видовъ посредническихъ организацій быстро оправились отъ удара.

Въ 1911 г. этими посредническими конторами было сдѣлано уже 357.129 указаній работы.

Весьма крупное мѣсто среди посредническихъ учрежденій заняли и предпринимательскія организаціи. На анкету изъ нихъ отвѣтило 149 (35% отъ общаго числа—426 опрошенныхъ), кото-

[1]) Bulletin Trimestriel de L'Association internationale pour la lutte contre e chômage. 1913. № 3, p.p. 735—757.

рыми было сдѣлано въ 1911 г.—324.751 указаніе работы. Изъ коммунальныхъ организацій 162 бюро (58% отъ общаго числа 278—опрошенныхъ) сдѣлали сравнительно немного—99.333 указанія работы. Можно не перечислять другихъ видовъ организацій, сдѣлавшихъ все же до 150 т. указаній.

Чисто рабочія же бюро въ числѣ 306 отвѣтившихъ на анкету (22% изъ общаго числа—1.417) дали 244.174 указанія работы.

Какъ видимъ, изъ сравненія этихъ цифръ не трудно сдѣлать выводъ, что до безраздѣльнаго господства на рынкѣ труда французскимъ организованнымъ рабочимъ еще весьма далеко.

Вопросъ объ организаціи рабочаго рынка, повидимому, далеко не рѣшенъ еще для страны и борьба за господство на немъ еще въ самомъ началѣ. Нельзя зарекаться, что и муниципальнымъ бюро труда не придется въ ней сыграть своей роли. Старые синдикаты смотрѣли на муниципальную работу въ этой области вполнѣ отрицательно. Ф. Пелутье находилъ, что „расширеніе дѣятельности муниципалитетовъ въ сферѣ посредничества по вопросамъ найма могло бы поколебать положеніе биржъ труда“. По его мнѣнію, „биржи труда, стремящіяся сознательно или безсознательно создать государство въ государствѣ, мечтаютъ о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ все, что имѣетъ своей задачей улучшить положеніе рабочаго класса; и въ этомъ случаѣ онѣ, значитъ, должны будутъ съ той же энергіей бороться противъ муниципальныхъ бюро найма, съ какой борятся съ частными бюро“ [1]). Это отношеніе и позднѣе мало измѣнилось. Правда, на 7 конгрессѣ федераціи синдикатовъ рабочихъ пищевого производства осенью 1911 г. булочникъ Савуа, секретарь союза синдикатовъ Сены, объявлялъ утопіей стремленіе монополизировать посредничество по найму (онъ же въ „Bataille Sindicaliste“ отстаивалъ идею паритета) и конгрессъ принялъ его предложеніе и высказался въ пользу муниципальныхъ биржъ; за муниципальныя биржи высказался и 9-й конгрессъ парикмахеровъ осенью 1913 г. [2]). Но все это пока одинокіе голоса среди рабочихъ.

Въ офиціальныхъ кругахъ, наоборотъ, склонны, повидимому, возлагать на муниципальную организацію неосуществимыя надежды, вѣря вмѣстѣ съ Леономъ Буржуа, предсѣдателемъ поминавшейся конференціи, что организація паритетныхъ биржъ „избавитъ рынокъ труда отъ вліянія классовой борьбы“. Преувеличены, понятно, и опасенія рабочихъ, и эти надежды. Но, оставляя ихъ въ сторонѣ, мы можемъ пока констатировать, что на нашъ вопросъ, дала ли Франція намъ доказательства ненужности муниципальной работы въ области посредничества рабочихъ, мы изъ бѣглаго обзора современнаго состоянія посредническаго дѣла во Франціи получаемъ отвѣтъ отри-

---

[1]) Ф. Пелутье. „Исторія биржъ труда“ СПБ. 1906 г., стр. 59.

[2]) Le Mouvement socialiste. 1913. №№ 247—248, 257—258.

дательный. Французскіе организованные рабочіе еще только борются за вліяніе на рынокъ, борьба эта далека еще отъ исхода и преждевременно еще гадать, явится ли излишнимъ въ этой борьбѣ использованіе муниципальнаго управленія или, наоборотъ, съ расширеніемъ и усложненіемъ борьбы и французскимъ синдикатамъ придется кое-что заимствовать изъ опыта своихъ германскихъ товарищей.

IV.

Возвращаясь изъ нашей бѣглой западно-европейской экскурсіи назадъ къ русской жизни, мы должны будемъ констатировать, что первые фазисы вопроса объ организаціи посредничества въ Россіи, повидимому, соотвѣтствуютъ германскому образцу.

Понятно, что мы стоимъ у самаго начала. Сколько-нибудь широкихъ и значительныхъ попытокъ организаціи посредничества у насъ не дѣлалось ни съ чьей стороны. Больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, у насъ рабочій въ поискахъ работы предоставленъ самому себѣ. Обходъ мастерскихъ и фабрикъ, упрашиваніе мастера, „подарокъ" подмастерью, рекомендація земляка, знакомство со швейцаромъ, сторожемъ, дворникомъ, газетная публикація, дорогое частное посредничество, „биржа", произвольно укрѣпившаяся па ярмаркѣ, базарѣ, въ томъ или иномъ трактирѣ или чайной,—вотъ наши бытовые способы найма. Можетъ быть, представляя рядъ неудобствъ для нанимателей, на рабочаго они обрушиваются особенно тяжело.

Какъ и въ Германіи, первыми къ этому необъятному неорганизованному трудовому морю подошли филантропическія учрежденія и общества, съ одной стороны, и частныя конторы найма, съ другой Дома трудолюбія, общества трезвости, попечительства о бѣдныхъ и т. п. въ числѣ другихъ мѣръ трудовой помощи начали практиковать и указаніе труда. Ихъ кліентъ — это бѣднякъ полупролетарій, полупауперъ; ихъ дѣятельность поэтому лишь въ совершенно ничтожной степени затрагивала проблему.

Дѣятельность платныхъ посредническихъ конторъ, дѣйствовавшихъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ найма прислуги и нѣкоторыхъ категорій интеллигентнаго труда, проявляется довольно широко. По списку, напримѣръ, въ справочникѣ „Весь Петербургъ" къ 1914 году ихъ значилось въ городѣ 33. Списокъ, разумѣется, далеко не полонъ, а работаютъ онѣ, какъ извѣстно, весьма интенсивно. Въ формѣ этихъ частно-коммерческихъ конторъ создаются хищническія ячейки, съ которыми рабочіе вынуждены будутъ впослѣдствіи выдержать серьезную борьбу. Проблески этой борьбы уже нашли мѣсто: въ 1905 г. профессіональное общество прислуги въ Москвѣ подавало заявленіе въ городскую думу съ просьбой объ уничтоженіи частныхъ конторъ найма.

Поскольку городскія думы дѣлали попытки организовать по-

средническія конторы, эти учрежденія носили тотъ же филантропически-бюрократическій характеръ и обращались все къ тому же слою домашней прислуги, съ одной стороны, пауперовъ, съ другой.

1905 годъ внесъ въ дѣло организаціи рабочаго рынка значительныя измѣненія. Онъ вызвалъ къ жизни двѣ крупныя дѣйственныя силы, постепенное оформленіе и борьба которыхъ дали новое движеніе организаціи посредничества. Мы говоримъ о возникновеніи профессіональнаго движенія и его антипода—предпринимательскихъ организацій.

Профессіональные союзы съ самаго начала организацію указанія труда признали однимъ изъ важныхъ элементовъ своей борьбы за улучшеніе условій труда.

Въ уставахъ почти всѣхъ союзовъ указывалась въ числѣ задачъ организація справочнаго бюро по указанію мѣстъ. Рядомъ союзовъ это заданіе и было осуществлено въ той или другой степени. Въ книгѣ В. В. Святловскаго „Профессіональное движеніе въ Россіи" мы найдемъ много примѣровъ изъ этой сферы дѣятельности союзовъ первыхъ лѣтъ ихъ существованія. Нѣкоторымъ союзамъ удавалось въ особенно благопріятные моменты достигать въ этомъ отношеніи довольно крупныхъ результатовъ. Союзъ печатниковъ въ Москвѣ въ началѣ 1906 г. сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все дѣло посредничества. Въ союзѣ велись особые списки безработныхъ, по которымъ послѣдніе и посылались въ мастерскія на запросы предпринимателей. Наниматели были вынуждены брать рабочихъ отъ союза, ибо внѣ союза ихъ почти не было; а поскольку были, не рѣшались поступать помимо организацій. Общеизвѣстенъ опытъ одесской регистраціи моряковъ, державшей въ своихъ рукахъ очередь поступленія на суда.

Наступившія затѣмъ времена измѣнили положеніе, союзныя организаціи понесли тяжелыя потери, но, пронеся чрезъ черные годы свои профессіональныя организаціи, рабочіе сохранили вмѣстѣ съ ними и идею организаціи посредничества,—какъ одной изъ формъ отстаиванія своихъ профессіональныхъ задачъ.

Передъ нами отчетъ проф. об-ва приказчиковъ г. Харькова и харьковской губ. за 1913 г. Въ особой главѣ, посвященной „отдѣлу по пріисканію занятій", сообщается, что втеченіе 1913 г. было зарегистрировано Обществомъ 887 безработныхъ, поступило запросовъ отъ нанимателей 640, помѣщено на постоянныя мѣста—157, на временныя—77.

Петербургскіе организованные печатники также удѣляли много вниманія своему бюро по указанію работы. По отчету за 1913 г., въ регистрацію союза поступило 685 заявленій отъ безработныхъ, изъ нихъ поступили чрезъ регистрацію на мѣста—193 чел., нашли сами работу—107 чел. и не дали свѣдѣній—388 чел.[1]). Аналогичная

---

[1]) „Наше печатное дѣло" 1914 г., № 6.

дѣятельность развивается и нѣкоторыми другими союзами. Иные союзы не имѣютъ спеціальной регистраціи, но все же являются центромъ, куда члены и сочувствующіе сообщаютъ объ извѣстныхъ имъ свободныхъ мѣстахъ, гдѣ справляются о работѣ и безработные. Надо, помимо того, имѣть въ виду, что, какъ справедливо указываетъ O. Michalke, даже безъ организаціи дѣла указанія труда самый фактъ существованія сплоченія оказываетъ свое вліяніе на рабочій рынокъ.

Это прекрасно поняли и руководящіе дѣятели противоположнаго лагеря. Съ того же памятнаго „пятаго" года въ работодательскихъ организаціяхъ былъ также поставленъ на очередь вопросъ о созданіи справочныхъ рабочихъ бюро и завоеваніи или вѣрнѣе сохраненіи господства на рабочемъ рынкѣ. Въ числѣ другихъ боевыхъ орудій для защиты интересовъ предпринимателей „отъ посягательства на нихъ со стороны рабочихъ" В. В. Громанъ въ 1908 г. настойчиво рекомендовалъ организацію справочныхъ рабочихъ бюро.

„Бюро по указанію труда представляютъ собою орудіе борьбы, обладаніе которымъ сильно оспаривается обѣими борющимися сторонами — работодателями и рабочими. Въ чьемъ обладаніи находятся эти бюро, у того могучее средство для ослабленія силы противника, такъ какъ это позволяетъ ему направлять рабочую силу, смотря по желанію". Паритетныя бюро, по мнѣнію Громана, не могутъ удовлетворить работодателей. „Считая идеаломъ, устройство самими работодателями бюро по указанію труда, нельзя однако упускать изъ виду, что не вездѣ это можетъ оказаться удобно осуществимымъ и что иногда по мѣстнымъ условіямъ приходится примириться съ бюро, устраиваемыми совмѣстно рабочими и работодателями (paritätische Arbeitsnachweise). Но, во всякомъ случаѣ, эти послѣднія должны разсматриваться лишь какъ палліативная мѣра, такъ какъ, въ виду участія въ завѣдываніи ими работодателей и рабочихъ на одинаковыхъ началахъ, пользы отъ нихъ, несомнѣнно, больше для наступательныхъ организацій, т. е. для рабочихъ союзовъ, чѣмъ для оборонительныхъ, т. е. союзовъ работодателей". „Болѣе всего отвѣчаетъ интересамъ работодателей устройство своихъ собственныхъ бюро по указанію труда" [1]). Издавшее книгу г. Громана Спб. об-во заводчиковъ и фабрикантовъ въ особомъ предисловіи горячо рекомендовало ее своимъ членамъ. Предпринимались об-вомъ и кое-какіе практическіе шаги въ этой области, въ видѣ попытокъ открытія посреднической конторы [2]).

Обратило вниманіе на область посредничества и об-во заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района [3]).

---

[1]) В. В. Громанъ. „Организація работодателей въ Германіи". Спб. 1908 г., стр. 28, 30.

[2]) Е. С. Лурье. „Организація и организаціи торг.-пр. интересовъ въ Россіи". Спб. 1913 г., стр. 173.

[3]) „Извѣстія Об. Зав. и Ф. М. Пр. Р.". 1914 г. №№ 7 и 10.

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ обществомъ былъ выработанъ планъ учрежденія посредническихъ конторъ. Это начинаніе въ связи съ современной дезорганизаціей рынка и „благодаря предложенію министерства т. и пр.", „пріобрѣло реальную форму". „Съ первыхъ дней учрежденія отдѣла по посредничеству труда при нашемъ об-вѣ, разсказываетъ органъ об-ва, выяснилось, что нарожденіе такого органа явилось вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ. Новый отдѣлъ былъ поставленъ въ необходимость регулировать не только мѣстный спросъ и предложеніе рабочихъ рукъ, но ему пришлось распространить свою дѣятельность на всѣ губерніи центральнаго промышленнаго района, независимо отъ того, состоитъ ли та или иная фирма, нуждающаяся въ рабочихъ, членомъ нашей организаціи. Главной заботой отдѣла явилось обезпеченіе членовъ об-ва необходимымъ количествомъ рабочихъ. Съ этой цѣлью отдѣлъ вступилъ въ сношеніе съ московскими учрежденіями, куда направляются бѣженцы-рабочіе изъ Царства Польскаго, центральнымъ комитетомъ при городской управѣ по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны и польскимъ обществомъ взаимопомощи, а также съ рядомъ мѣстныхъ профессіональныхъ организацій. Благодаря содѣйствію старшихъ фабричныхъ инспекторовъ, въ настоящее время удалось связать владимірскую губ. и костромскую губ., причемъ были предприняты опыты перевода рабочихъ съ бумагопрядильныхъ фабрикъ на фабрики льняныхъ издѣлій... Направляя рабочаго въ предпріятіе, отдѣлъ на основаніи удостовѣреній о прежней службѣ выдавалъ препроводительныя записки, при чемъ нѣкоторыя отступленія дѣлались лишь для польскихъ рабочихъ, бѣжавшихъ изъ городовъ и не успѣвшихъ захватить необходимые документы. Въ этихъ случаяхъ требовалось лишь представленіе рекомендаціи со стороны вышеназванныхъ комитетовъ для оказанія помощи бѣженцамъ. Всѣми мѣропріятіями отдѣлу пока удалось покрыть около 20% спроса на рабочія руки".

Встрѣчались аналогичныя начинанія и въ другихъ работодательскихъ организаціяхъ.

Годы реакціи, несомнѣнно, ослабили остроту вопроса, но, конечно, отсрочка энергичной борьбы въ этой области между заинтересованными сторонами носитъ только временной характеръ.

„Сохраненіе бюро по указанію труда, организуемыхъ работодателями,— повторяетъ г. Громанъ заявленіе гамбургской торговой палаты—есть вопросъ сохраненія существованія самой промышленности".

Напротивъ того, цитированный уже нами отчетъ об-ва харьковскихъ приказчиковъ, призывая товарищей къ поддержкѣ союзнаго отдѣла по прiисканію занятій, выражаетъ надежду, что при этомъ условіи союзъ добьется того, что „будутъ сконцентрированы весь спросъ и предложеніе труда въ отдѣлѣ по пріисканію занятій и тогда не будетъ ни одного мѣста, которое было бы за-

мѣщено не черезъ отдѣлъ, и ни одинъ безработный не поступитъ безъ договора, диктующаго предпринимателю оплату труда и отношеніе къ трудящемуся".

Такъ обрисовываются и въ Россіи опредѣленно враждебныя тенденціи двухъ главныхъ агентовъ въ борьбѣ на рынкѣ труда.

Могутъ ли быть вовлечены и использованы трудящейся массой въ этой борьбѣ авторитетъ и сила муниципальнаго управленія?

1905 годъ и въ его работу внесъ нѣкоторое оживленіе. Могучій подъемъ рабочаго движенія и острая безработица, развернувшаяся въ 1906 — 1907 гг., заставили нѣкоторыя изъ городскихъ самоуправленій обратить вниманіе въ эту сторону. Поднялись разговоры объ открытіи посредническихъ конторъ въ Москвѣ, Ригѣ. Въ Петербургѣ безработные собственными руками отстроили биржу труда за Московскою заставой. Не претендуя на полноту, можно, повидимому, составить такой списокъ городскихъ посредническихъ учрежденій въ Россіи: Петроградъ (1901 г.), Одесса (1902 г.), Рига (1904 г.), Москва (1906 г.), Ревель (1906 г.), Петроградъ (1908 г.), Тифлисъ, Симбирскъ, Кинешма, Новороссійскъ, Нижнеудинскъ (1913 г.), Москва (1914 г.).

Организація этихъ учрежденій, конечно, была весьма далека отъ идеала. Управленіе было организовано чисто бюрократически. Бюджеты ничтожны. Посредническая дѣятельность была направлена исключительно почти на обслуживаніе прислуги, чернорабочихъ и др. малообученныхъ слоевъ пролетаріата.

Новый толчекъ къ развитію городской посреднической дѣятельности даетъ новый подъемъ рабочаго движенія, а затѣмъ нынѣшній, вызванный, войною промышленный кризисъ. Мы уже отмѣчали въ началѣ статьи нѣкоторыя изъ городскихъ мѣропріятій въ области посредничества, вызванныхъ переживаемой безработицей. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, мы имѣемъ возможность, помимо посреднической дѣятельности городскихъ попечительствъ, отмѣтить слѣдующіе города, гдѣ думами или аналогичными имъ учрежденіями дѣлаются попытки созданія муниципальныхъ биржъ труда или посредническихъ конторъ, отчасти въ связи съ задачей предоставленія работы семьямъ запасныхъ: Варшава и др. города въ Царствѣ Польскомъ, Петроградъ, Саратовъ, Томскъ, Омскъ, Благовѣщенскъ, Либава, Митава, Вильно, Витебскъ, Минскъ, Ростовъ-на-Дону, Симферополь, Екатеринославъ, Кіевъ, Самара, Екатеринбургъ и др. По большей части это еще не серьезныя попытки, иногда только народолюбивые разговоры радикальствующихъ гласныхъ, но при надлежащемъ воздѣйствіи заинтересованной стороны дѣло могло бы, быть можетъ, получить болѣе реальныя очертанія.

Въ Варшавѣ варшавскій обывательскій комитетъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности образовалъ секцію по пріисканію труда. Секція вошла въ сношенія съ предпринимательскими организа-

ціями Россіи и организовала 6 биржъ труда, которыя въ началѣ августа открыли свою дѣятельность. Были открыты особыя биржи труда: 1) для чернорабочихъ, 2) для фабричныхъ рабочихъ, 3) для квалифицированныхъ рабочихъ, 4) для интеллигентныхъ тружениковъ и 5) для с.-х. рабочихъ, которые оказались въ числѣ скопившихся въ городѣ бѣженцевъ; отдѣльная биржа труда обслуживаетъ работницъ. Биржа труда для чернорабочихъ вскорѣ была закрыта, а функціи ея исполняла биржа фабричныхъ рабочихъ. Рабочіе и ихъ организаціи въ управленіи биржъ совершенно не представлены. За 20 недѣль существованія биржъ отъ начала работы по 2 января 1915 г. ими была дана работа 17.729 рабочимъ, а именно: биржа с.-х. рабочихъ—4.154, биржа чернорабочихъ—121 биржа фабричныхъ рабочихъ—10.314, биржа мастеровыхъ—1.645 биржа служащихъ—297 и биржа женщинъ—1.198.

Кромѣ биржъ обывательскаго комитета, въ Варшавѣ дѣйствуютъ нѣкоторыя другія филантропическія и полуфилантропическія бюро труда. Среди нихъ можно отмѣтить справочную контору при об-вѣ оказанія помощи бѣднымъ евреямъ, которое предполагаетъ образовать особую коммиссію экспертовъ и привлечь въ нее 7 представителей отъ рабочихъ

Насколько извѣстно, вопросомъ о предоставленіи труда безработнымъ занимаются обывательскіе комитеты и въ другихъ городахъ Польши.

Въ Вильнѣ идея организаціи бюро труда возникла въ коммиссіи по безработицѣ при гор. думѣ, работающей при ближайшемъ участіи представителей проф. союзовъ. Уставъ бюро труда, выработанный коммиссіей, все руководство дѣломъ сосредоточивалъ въ думскихъ рукахъ. Только, „въ помощь думской исполнительной коммиссіи для содѣйствія въ завѣдываніи бюро, ознакомленія съ нуждами и потребностями промышленниковъ, купцовъ и рабочихъ, а также съ условіями профессіональнаго труда организуется комитетъ", въ составъ котораго кромѣ думской коммиссіи (5 членовъ) входитъ „по 1 представителю отъ каждой легализованной профессіональной организаціи г. Вильны, какъ работодателей, такъ и рабочихъ". За два мѣсяца существованія бюро имъ зарегистрировано 414 чел. ищущихъ труда (въ т. ч. 171—прислуги, 147—квалифицированныхъ рабочихъ).

Бюро труда въ Минскѣ организовано при общегородскомъ комитетѣ помощи семьямъ запасныхъ и постановило своей цѣлью „заботу о пріисканіи и предоставленіи работы всѣмъ нуждающимся въ ней членамъ семей запасныхъ, а также урегулированіе спроса и предложенія труда въ г. Минскѣ вообще". За три мѣсяца работы въ бюро обратилось 2.089 чел., указаны мѣста — 1.453 чел. Рабочіе въ управленіи бюро не представлены.

Надо отмѣтить здѣсь еще витебское бюро труда при еврей-

скомъ обществѣ трудовой помощи; въ управленіи бюро принимаютъ участіе представители профессіональныхъ союзовъ.

Въ Кіевѣ, какъ отмѣтилъ недавно г. В. Г. въ „Кіевской Мысли", „на протяженіи послѣднихъ десяти лѣтъ нѣсколько разъ среди гласныхъ поднимался вопросъ объ учрежденіи городской биржи труда. Были даже готовые проекты, но ихъ постигла участь всѣхъ, вѣтромъ занесенныхъ въ зданіе думы мѣропріятій соціальной политики--они никогда не попадали въ повѣстку думскихъ засѣданій". Но переживаемыя условія и здѣсь дали идеѣ биржи труда новую силу и одной изъ коммиссій общегородского комитета выработанъ проектъ биржи. По проекту къ управленію биржей предполагается привлечь и рабочихъ, а именно 7 представителей отъ профессіональныхъ союзовъ, 9—отъ больничныхъ кассъ и 2—отъ обществъ взаимопомощи.

Открыта въ связи съ вызванной войной массовой безработицей посредническая контора и въ Либавѣ. Съ 10 августа по 1 декабря въ конторѣ записалось 2.024 безработныхъ, изъ нихъ получили работу при помощи конторы—352 чел. Въ составъ коммиссіи, организовавшей и завѣдующей конторой, входятъ работники мѣстныхъ больничныхъ кассъ.

Въ Петроградѣ, кромѣ поминавшейся биржи труда (за Московской заставой), довольно широко развернули посредническую работу главнымъ образомъ для семей запасныхъ бюро труда при городскихъ попечительствахъ. Согласно опубликованнымъ въ газетѣ „Рѣчь" даннымъ центральнаго справочнаго бюро, бюро труда имѣется при 13 попечительствахъ. За время съ начала войны по 1 декабря въ попечительскихъ бюро труда было зарегистрировано 17.244 ищущихъ труда, изъ нихъ мужчинъ всего 826, а подростковъ—104. Получили работу приблизительно—9.194 чел. Кромѣ посреднической работы попечительствъ, или даже, опираясь на нее, хочетъ развить дѣятельность новая биржа труда, открытая 29 января при городскомъ комитетѣ. Надо отмѣтить, что заинтересованныя стороны ни въ управленіи попечительскихъ бюро труда, ни въ комитетѣ новой биржи труда участія не принимаютъ.

Эти немногія проникшія въ печать, частью собранныя спеціальнымъ опросомъ свѣдѣнія рисуютъ пока еще довольно убогую картину городской работы въ области посредничества. Но несомнѣнно, еслибы эта работа совершалась не надъ спокойнымъ безстрастно-инертнымъ рабочимъ рынкомъ, а встрѣтила бы активно-критическое отношеніе наиболѣе заинтересованной среды, послѣдняя могла бы оказать свое вліяніе на городскую дѣятельность. Примѣромъ могутъ служить Вильна и другіе города сѣверо-западнаго края, гдѣ еврейскій пролетаріатъ какъ разъ и проявилъ нужную требовательность и настойчивость.

Въ какомъ направленіи должна идти эта требовательность,

должна ли она копировать старые французскіе образцы рабочаго самоуправленія въ биржахъ или по слѣдамъ германскихъ рабочихъ выступить съ пожеланіемъ представительства въ управленіи, въ частности съ требованіемъ „паритета"? Пока движеніе идетъ, повидимому, по второму пути. Въ немногихъ проектахъ, указанныхъ выше, вездѣ намѣчается принципъ „участіе въ управленіи", а не „самоуправленіе". Въ Вильнѣ, въ биржѣ съ наиболѣе оформленнымъ уставомъ, установлено представительство обѣихъ сторонъ, и, насколько извѣстно, рабочіе не выдвигали здѣсь предложенія о полной передачѣ бюро въ ихъ руки.

Вопросъ о формахъ участія рабочихъ въ посреднической дѣятельности муниципалистовъ до сихъ поръ мало затрагивался и въ литературѣ, и въ практикѣ движенія. Только въ 1908 г. въ связи съ намѣреніемъ петербургскаго гор. управленія открыть свою биржу въ „Профессіональномъ Вѣстникѣ" появилась статья одного изъ видныхъ профессіональныхъ работниковъ того времени, выдвигавшая, на основаніи германскаго опыта, идею паритетной организаціи биржи.

Въ началѣ 1914 г. съ этимъ вопросомъ столкнулись въ Москвѣ въ связи съ открытіемъ помянутой биржи труда имени Т. С. Морозова, гдѣ профессіональныя организаціи также предъявляли къ совѣту Хитровскаго попечительства, въ вѣдѣніи котораго находится биржа, требованіе привлеченія проф. союзовъ къ участію въ завѣдываніи биржей, на что, какъ извѣстно, получили отвѣтъ, что „пока биржа ни въ какихъ сотрудникахъ не нуждается".

Пока и теорія, и практика у насъ дружно идутъ по пути использованія муниципалитетовъ въ борьбѣ за вліяніе на рабочій рынокъ. Этому, конечно, можно только радоваться. Западноевропейскій опытъ не долженъ пропадать безслѣдно. Было бы чрезвычайно тяжело, еслибы мы снова стали повторять всѣ ошибки, превзойденныя уже въ сосѣднихъ странахъ, и страдать отъ побѣжденныхъ уже тамъ предразсудковъ.

Но, конечно, и на Западѣ дѣло заключалось не въ однихъ заблужденіяхъ и предразсудкахъ. Идея бойкота муниципальныхъ биржъ труда родилась на почвѣ ощущенія своей слабости, изъ боязни оказаться безсильными взять подъ должный контроль работу муниципалитетовъ.

Для этой боязни имѣются у насъ всѣ основанія. И составъ муниципалитетовъ, и силы предпринимательскихъ союзовъ, и общая обстановка общественной работы все это даетъ очень и очень много данныхъ ждать частныхъ уклоненій муниципальныхъ посредническихъ учрежденій къ самымъ нежелательнымъ формамъ дѣятельности. Англійскіе рабочіе при ихъ государственномъ и общественномъ строѣ, при англійскихъ рамкахъ общественной работы могутъ себѣ, конечно, позволить роскошь благожелательнаго отно-

шенія къ правительственнымъ биржамъ труда,—въ нашихъ условіяхъ разнообразные въ этой сферѣ эксперименты бюрократическихъ и муниципальныхъ круговъ должны быть приняты, естественно, съ большей осторожностью. Но, кромѣ сознанія необходимости улучшенія внѣшнихъ формъ государственной и муниципальной жизни, для того, чтобы избѣжать этой опасности, нельзя забывать и другого вывода, даннаго опытомъ западно-европейскаго движенія, мысли о необходимости крѣпкаго и непрерывнаго объединенія заинтересованной стороны и ея неупадающей активности въ достиженіи своихъ цѣлей.

Крѣпкіе профессіональные союзы, въ концѣ концовъ, одна изъ самыхъ важныхъ гарантій серьезной и въ интересахъ рабочихъ массъ развиваемой работы муниципальныхъ посредническихъ учрежденій.

Гр. Петровичъ.

Мертвый морякъ.

Кричали чайки надъ сизой дюной,
Качало лодки на якоряхъ
И кто-то блѣдный, нѣмой и юный,
Мелькалъ въ тяжелыхъ, крутыхъ волнахъ.

Звенѣли волны на сѣромъ щебнѣ,
Соленый вѣтеръ протяжно пѣлъ...
А взоръ стеклянный сквозь пѣну гребней
Въ сѣдое небо мертво глядѣлъ.

Пригнало море къ землѣ пустынной,
На плоскій берегъ, кипя, внесло,—
И, звонко рухнувъ грядою длинной,
Шипя и тая, назадъ ушло.

Закатъ дымится багровой щелью
Въ зеленоватой морской дали
И надъ холодной, сырой постелью
Все кличутъ чайки чужой земли.

Зинаида Тулубъ.

ЦЕППЕЛИНАДА.

Давно уже не видѣлъ я Парижа въ такомъ возбужденномъ состояніи. Даже во время налетовъ отважныхъ „Тобовъ“ парижане были гораздо спокойнѣе, хотя имъ тогда пришлось впервые познакомиться практически съ этой новой формой веденія войны. Почему, опредѣлить нелегко. Отчасти, вѣроятно, потому, что „Тобы“ все-таки больше похожи на игрушку, неспособную причинить большого вреда. Затѣмъ значительную роль играло и то, что они прилетали днемъ, когда люди чувствуютъ себя гораздо увѣреннѣе, чѣмъ ночью. И, наконецъ, всѣмъ была совершенно ясна тѣсная связь между нѣмецкими летчиками и арміей, какъ базой: какъ только послѣдняя стала отодвигаться на сѣверъ, налеты „Тобовъ“ сдѣлались рѣже, случайнѣе и въ концѣ концовъ совершенно прекратились.

Съ цеппелинами дѣло обстоитъ иначе. Эти огромныя воздушныя суда въ состояніи взять съ собой большой запасъ разрушительнаго матеріала и уже по одному этому гораздо опаснѣе „Тобовъ“. Далѣе, они могутъ выдержать большіе рейсы и, стало быть, не находятся въ прямой зависимости отъ расположенія дѣйствующей арміи. Къ тому же они прилетаютъ ночью, когда опасеніе такъ легко превращается въ страхъ, а тревога въ панику.

Нужно однако сказать, что въ возбужденіи, охватившемъ Парижъ въ эти дни, не было особенно рѣзкихъ проявленій паники. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, смятеніе охватывало публику, особенно женщинъ и дѣтей, загоняло ихъ въ погреба, вызывая плачъ и истерическіе крики. Но это не было типично для общаго настроенія, въ которомъ скорѣе преобладали нотки взвинченнаго любопытства, жажда новыхъ, острыхъ ощущеній,— естественная реакція противъ утомительнаго однообразія послѣднихъ мѣсяцевъ.

Когда утромъ въ воскресенье, 21 (8) марта, я вышелъ на улицу купить газеты, мнѣ сразу стало ясно, что Парижъ переживаетъ „большой день“. Слово „цеппелинъ“ носилось въ воздухѣ; повсюду стояли маленькія группки людей, взволнованно обсуждавшихъ ночное событіе; около газетныхъ кіосковъ жались нетерпѣ-

ливыя толпы, въ мигъ расхватывавшія свѣжіе листы спеціальныхъ изданій; втеченіе нѣсколькихъ часовъ по городу носились вихремъ автомобили съ газетчиками, которые сегодня, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ административнаго гнета, чувствовали себя героями и на тревожные свистки городовыхъ громко кричали, высунувъ голову: La presse! Настроеніе сразу создалось такое приподнятое, что этотъ пароль пріобрѣлъ обычную силу, въ значительной мѣрѣ утраченную за время войны...

Появленіе нѣмецкихъ дирижаблей подѣйствовало на парижанъ, словно возбуждающее средство. Оно привело массы въ движеніе, когда-то обычное для вѣчно клокочущаго города, но теперь основательно позабытое. Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, что внезапный налетъ цеппелиновъ былъ для парижанъ неожиданнымъ. Уже въ то время, когда подготовлялась ихъ аттака на Лондонъ, многіе были увѣрены, что по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ окажется и надъ Парижемъ. Поэтому военныя власти заранѣе выработали рядъ предупредительныхъ мѣръ, которыя должны были, если не помѣшать ночному налету,—что вовсе не такъ легко,—то во всякомъ случаѣ свести его значеніе къ минимуму. Особенно важные пункты, какъ, напр., Эйфелева башня, гдѣ находится центральная станція безпроволочнаго телеграфа, казармы, военные лазареты, пороховые склады, ружейные и патронные заводы, вокзалы, наконецъ, различныя официальныя и общественныя учрежденія, музеи и пр., были вовсе лишены ночного освѣщенія. Около другихъ пунктовъ и по улицамъ фонари стали зажигаться черезъ одинъ и, кромѣ того, на нихъ надѣли особые абажуры, для того, чтобы весь свѣтъ отражался внизъ, на мостовую. Затѣмъ особымъ приказомъ всѣ жители были обязаны съ вечера завѣшивать окна, что должно было затруднить цеппелинамъ оріентировку въ мѣстности. Наконецъ, полиція предложила парижанамъ немедленно же послѣ того, какъ пожарные автомобили разнесутъ тревогу по городу, спускаться съ верхнихъ этажей въ нижніе или въ погреба и уходить съ улицъ до новыхъ сигналовъ.

Словомъ, все было предусмотрѣно. Но хотя парижане были убѣждены, что цеппелины каждую минуту могутъ появиться надъ Парижемъ, — а принятіе предупредительныхъ мѣръ, конечно, подкрѣпило это убѣжденіе, — никто не хотѣлъ и думать объ этомъ. И, когда была сдѣлана первая проба съ сигналами, я видѣлъ, какъ граждане, вмѣсто того, чтобы удирать по домамъ, выбѣгали на улицу, а мальчишки взапуски бѣжали за пожарными автомобилями и кричали: Garde à vous! Garde à vous! подражая тревожному крику рожка. Ни цеппелины, ни полицейскіе приказы совершенно не импонировали населенію, любопытство котораго было раскалено до крайней степени.

То, что происходило во время пробнаго сеанса, повторилось и во время самаго представленія. „Ровно въ часъ двадцать ми-

нутъ—сообщаетъ префектъ полиціи—военныя власти по телефону предложили префектурѣ предупредить парижское населеніе, что дирижабли направляются къ Парижу. Немедленно же были посланы въ различныя части города пожарные автомобили съ горнистами, которые подавали сигналы. Въ то же время городовые съ помощью длинныхъ жердей тушили на улицахъ фонари, такъ что черезъ десять минутъ городъ былъ погруженъ въ полную темноту"... А парижане въ это время дѣлали вотъ что. Услышавъ звуки рожковъ, они прежде всего позажигали огни и стали, потихоньку пріоткрывая занавѣски или ставни, выглядывать на улицу, разсчитывая увидѣть летящее чудовище. Затѣмъ не мало публики выбѣжало на улицу, хотя Парижъ въ это время уже спалъ. Одни стали карабкаться на фонари и тушить ихъ къ вящему удовольствію квартала; другіе, задравъ голову, слѣдили за перебѣгавшими лучами прожектора, чтобы поймать въ нихъ летучихъ „бестій"; третьи мчались къ мѣсту, откуда были слышны взрывы... Словомъ, вели себя совершенно противъ правилъ воздушной войны и противъ предписаній префектуры.

Что въ это время дѣлалось за Парижемъ, въ предѣлахъ военной зоны, намъ неизвѣстно. Но вотъ что пишетъ объ этомъ въ „La Guerre Sociale" Густавъ Эрвэ, котораго отнюдь нельзя въ настоящее время упрекнуть въ излишней придирчивости къ правительству и къ военнымъ властямъ:

„Вы можете говорить все, что вамъ угодно, но все-таки есть что-то унизительное въ томъ, что двумъ цеппелинамъ удалось пробраться въ самый Парижъ и уйти отсюда совершенно невредимыми послѣ часовой прогулки надъ нашимъ camp retranché (укрѣпленнымъ лагеремъ).

„Какимъ образомъ, чертъ побери, ихъ пропустили?

„Что, у насъ нѣтъ наблюдательныхъ постовъ вокругъ Парижа между линіями траншей и самой столицей?

„У насъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ авіаторовъ?

„Они не патрулируютъ все время по ночамъ надъ Парижемъ?

„Или всѣ они въ ночь съ субботы на воскресенье опочили послѣ своихъ недѣльныхъ трудовъ?

„Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ организованъ дозоръ, избавившій насъ отъ визитовъ „Тобовъ", это было сдѣлано только на нѣсколько дней или на долгое время?

„Пусть же намъ объяснятъ, какимъ это образомъ въ такую ясную ночь, когда парижане могли наблюдать втеченіе нѣсколькихъ часовъ сверкающія звѣзды въ ихъ полномъ блескѣ, какимъ образомъ такіе мастодонты, какъ цеппелины, могли перейти зоны, гдѣ должно было быть приготовлено втеченіе восьми мѣсяцевъ все, чтобы встрѣтить ихъ достойнымъ образомъ?"

И это не только личное мнѣніе Густава Эрвэ. Это мнѣніе

всего Парижа. Парижъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя озадаченнымъ.

Всѣхъ дирижаблей было четыре. Они явились со стороны Компьена, слѣдуя долиной Уазы. Два изъ нихъ сдѣлали недалеко отъ Парижа полуповоротъ, при чемъ одинъ направился въ сторону Экуана, другой къ Маьту Остальные два вошли въ сѣверо-западную часть Парижа по направленію: Монъ-Валерьенъ, Сэнъ-Клу, Нейльи, Батиньолль, Клиши, бросая разрывныя и зажигательныя бомбы. Въ Курбевуа взрывомъ было ранено двое рабочихъ, въ Нейльи одна бомба, упавъ на улицѣ Шово, около Сены, пробила крышу домика, въ которомъ сейчасъ никто не живетъ, и вызвала пожаръ, быстро затушенный сбѣжавшейся толпой. Въ Гарэннъ-Коломбъ снарядъ пробилъ крышу небольшого дома и разорвался въ комнатѣ, гдѣ спалъ въ колыбелькѣ ребенокъ. Мебель была разбита въ куски, но ребенокъ остался цѣлъ. Въ Леваллуа Перрэ, на площади Корнеля, бомба пронизала цѣлый домъ, ранивъ по пути одного жильца; другая разрушила небольшое одноэтажное строеніе, засыпавъ двухъ парней развалинами. Въ Аньерѣ цеппелины бросили восемь бомбъ, причинившихъ большіе убытки и ранившихъ трехъ человѣкъ.

Первая бомба въ Парижѣ упала на улицѣ Дюлонъ 78, въ 17-мъ округѣ, попавъ на крышу, но не разорвавшись. Снарядъ проникъ въ мансарду, при чемъ изъ него вылилась жидкость, весьма похожая на бензинъ. Недалеко отъ этого мѣста, на rue des Dames, упала зажигательная бомба, начиненная фосфоромъ. Однако и этотъ снарядъ, какъ и другіе, не причинилъ значительныхъ убытковъ и не повлекъ за собою никакихъ жертвъ. Въ этомъ отношеніи воздушный налетъ, не смотря на всю свою грандіозность, не далъ почти никакихъ положительныхъ результатовъ. Всего по подсчету прокурора республики, которому было поручено составить подробный списокъ брошенныхъ бомбъ, въ окрестностяхъ и въ самомъ Парижѣ было брошено 47 снарядовъ. И, не смотря на такое значительное количество, цеппелинамъ удалось лишь вызвать нѣсколько небольшихъ пожаровъ, сейчасъ же потушенныхъ, и нанести сравнительно легкія пораненія нѣсколькимъ лицамъ, которыя въ настоящее время уже поправляются.

Узнавъ нѣкоторыя подробности изъ газетъ и познакомившись по плану съ топографіей мѣста, гдѣ разыгралась ночная драма, я отправился посмотрѣть, что тамъ дѣлается. День выдался прекрасный. Въ первый разъ за долгую зиму, послѣ безпрерывныхъ тумановъ и дождей, выглянуло и пригрѣло настоящее весеннее солнце. Черные стволы и вѣтви деревьевъ покрыты легкимъ, едва уловимымъ налетомъ раскрывшихся почекъ; пахнетъ чѣмъ-то слегка опьяняющимъ. Весь Парижъ на улицѣ. Словно сговорившись толпы со всѣхъ сторонъ направляются къ одному пункту, который

въ этотъ день сдѣлался центральнымъ,—къ № 78 улицы Дюлонъ Отправляюсь туда и я.

Уже у самаго входа, на углу этой улицы и rue des Dames, толпятся довольно большія группы любопытныхъ, пристально всматривающихся въ разбитое стекло углового дома. Смотрятъ, соображаютъ, дѣлятся впечатлѣніями, охаютъ... На самомъ дѣлѣ бомбъ здѣсь и не было. Но видъ разбитаго стекла вызвалъ у публики опредѣленную ассоціацію идей и немедленно создалъ легенду объ ужасномъ взрывѣ.

Немного пониже, въ самой улицѣ Дюлонъ, которая стала теперь исторической, снова наталкиваюсь на кучку любопытныхъ, подошедшихъ почти вплотную къ опущенной желѣзной сторѣ магазина. Подходятъ съ напряженнымъ вниманіемъ, уходятъ со смѣхомъ. На тротуарѣ нарисована мѣломъ стрѣлка и написано дѣтской рукой: „идите смотрѣть на улицѣ Дюлонъ домъ 78, гдѣ упала бомба. Очень интересно!“ А ниже, другимъ почеркомъ: „и вовсе нѣтъ ничего интереснаго. Просто отвалился кусокъ трубы“. Это литература гаменовъ, которые всѣ спущенныя сторы витринъ украсили изображеніями нѣмцевъ въ каскахъ съ невѣроятно дикими усами и неестественно раскрытымъ ртомъ.

Толпа вливается въ улицу со стороны rue des Dames и выходитъ на небольшую площадь. Около № 78 она на минуту задерживается. Снаружи ничего не видно. Обыкновенный парижскій пятиэтажный домъ темно-сѣраго цвѣта, какъ будто слегка закопченный, съ ажурными балкончиками. У подъѣзда городовой, терпѣливо отвѣчающій на безконечные вопросы:

— Ничего интереснаго, увѣряю васъ, рѣшительно ничего... Бомба пробила крышу и упала въ мансарду, не разорвавшись... Ни убытковъ, ни раненыхъ... Проходите, господа, проходите! Не задерживайте другихъ!

Поодаль публика собирается въ группки вокругъ жильцовъ этой улицы.

— О! И хватили же мы страху, — разсказываетъ одинъ старикъ, плотный, широкоплечій, съ сизымъ румянцемъ на щекахъ... Какъ услыхали Garde à vous! сейчасъ же стали переводить внизъ горничныхъ съ мансардъ. Имъ же первымъ досталось бы, бѣдняжкамъ. Потомъ стали спускать дѣтишекъ къ консьержкѣ. Но въ погребъ почти никто не пошелъ... Не то, что зазорно, а какъ-то ужъ очень любопытно было...

И потомъ прибавляетъ, понизивъ голосъ: — Я долженъ вамъ сказать, что многіе переусердствовали... Стали зажигать огни, поднимать занавѣски... Кто знаетъ, можетъ быть, на эти огни цеппелины и полетѣли?

Старикъ, конечно, ошибался. Почему цеппелинъ появился и сталъ метать свои бомбы именно здѣсь, я понялъ совершенно ясно, когда зашелъ съ другой стороны этой улицы на rue de Rome, гдѣ

тоже упалъ снарядъ, сбившій кусокъ печной трубы. Эта послѣдняя улица съ одной стороны окаймлена домами, а съ другой отгорожена высокой рѣшеткой отъ желѣзнодорожнаго пути. Авіаторы промахнулись лишь на сотню-другую метровъ, потому что столько разстоянія, и не больше, между 78 улицы Дюлонъ и депо Батиньолльскаго вокзала, гдѣ стоитъ масса паровозовъ, сосредоточенъ подвижный составъ и гдѣ скрещивается нѣсколько рельсовыхъ линій.

На rue de Rome, около рѣшетки, противъ пострадавшаго дома тоже кучки любопытныхъ. Съ одной стороны у меня какой-то офицеръ въ свѣтло-голубой накидкѣ, желтыхъ гетрахъ и сапогахъ и въ красномъ кепи. Онъ пытливо всматривается въ верхній этажъ дома, затѣмъ недоумѣвающе пожимаетъ плечами и обращается ко мнѣ:

— Вы видите что-нибудь?

Я указываю ему на свалившуюся трубу.

— И только-то! И изъ-за этого они взбудоражили весь Парижъ? Но это же смѣшно, наконецъ!..

Стоящій рядомъ маленькій японецъ, сухой и настороженный, едва замѣтно улыбается углами губъ, но не говоритъ ни слова. Словно загипнотизированный, онъ смотритъ пристально въ одну и ту же точку, на крышу, и что-то соображаетъ...

На площадкѣ, гдѣ сходятся обѣ улицы, маленькій водоворотъ— ежеминутно образуются кучки перебрасываются нѣсколькими словами, расходятся, снова собираются, и такъ все время, безъ конца. Общее мнѣніе:—Цеппелиновъ проворонили. Еслибы смотрѣли въ оба, они навѣрно были бы спущены на землю. Но теперь, о! пусть попробуютъ еще разъ. Наши летчики ужь имъ покажутъ!

Я простоялъ часа два на этой площадкѣ. И все время по узкой улицѣ дефилировали толпы, прибывшія по „метро" изъ центральнаго Парижа. Шли торжественно мимо историческаго дома, словно отдавая долгъ великому герою... Шли тысячи, десятки тысячъ, сосредоточенные, немного огорченные, любопытные, но не напуганные. Парижъ привыкъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ къ различнымъ сюрпризамъ и теперь реагируетъ на нихъ иначе, чѣмъ въ первые дни или недѣли войны.

Вмѣстѣ съ отдѣльными группами, насытившимися чествованіемъ пострадавшаго дома, я спускаюсь по бульвару Перейры и выхожу на улицу Токвилля. Здѣсь находится маленькій, узенькій, не больше сажени ширины, тупичекъ, грязный, зловонный, словно піявка, присосавшаяся къ широкой чистой улицѣ. Это тоже жертва ночного налета. Бомба угодила сюда совершенно случайно. Но у входа усиленно дебатируется вопросъ, какимъ образомъ нѣмцы умудрились попасть въ такую узенькую щель, ибо они навѣрно знали, что здѣсь имѣется въ большомъ количествѣ лѣсной матеріалъ. Входъ въ тупичекъ загороженъ величественной фи-

гурой атлета-городового, за спиной котораго виднѣется другой, а дальше третій. Немного все-таки слишкомъ для такого жалкаго мѣста.

— Можно пройти?

— Воспрещено.

— Я отъ прессы.

Въ мирное время этой магической отмычкой отпираются здѣсь многія двери, запретныя для обыкновенныхъ смертныхъ. Теперь и пресса взята подъ надзоръ.

— А вы можете это подтвердить?

Показываю корреспондентскій билетъ. Послѣ всесторонняго изученія, городовой дѣлаетъ любезное лицо, отодвигается въ сторону, протягиваетъ приглашающе руку и говоритъ: „Вы можете, конечно, пройти. Но тамъ нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго!"

Толстая расплывшаяся старуха, съ маленькими злыми глазками, указываетъ мнѣ на достопримѣчательности тупика: опаленную стѣну столярной мастерской, которая не загорѣлась только чудомъ; затѣмъ небольшую выбоину въ мостовой, сдѣланную упавшимъ зажигательнымъ снарядомъ.

— О, еслибы они бросили бомбу немного посильнѣе, мы всѣ бы тутъ погибли до одного! Это ужасно! Посмотрите,—здѣсь столярная, а тутъ лѣсной складъ... Загорись все это, и я ужъ навѣрно не смогла бы сегодня вамъ ничего разсказать. А что здѣсь дѣлалось, еслибы вы только знали! Мы всю ночь напролетъ не спали. Думали, что конецъ пришелъ всему Парижу...

Старуха чувствуетъ себя героиней дня, какъ и другія три бабы, грязныя, словно онѣ провели всю ночь въ водосточной канавѣ, и похожія на жабъ. Рядомъ со мной быстро записываетъ что-то въ записную книжку молодой репортеръ, облокотившись на велосипедъ. У двери столярной мастерской стоитъ столяръ, нахмуренный и озабоченный. Пламя зажигательной бомбы испортило фасадъ его заведенія, и поэтому онъ тоже чувствуетъ себя до извѣстной степени героемъ. Выходя изъ тупика, я спрашиваю городового, какъ называется это достопримѣчательное мѣсто.

— Тупичекъ Развлеченій — отвѣчаетъ онъ, улыбаясь во весь ротъ,—или Веселья, если хотите.

Отсюда я отправляюсь на Большіе бульвары посмотрѣть, какъ тамъ реагируетъ публика на ночное событіе. Массы народа безпрерывной волной льются по обѣ стороны широкихъ, свѣтлыхъ улицъ, какъ всегда въ воскресенье, и особенно въ такое теплое и ясное. Повсюду шутки, смѣхъ и разговоры, но о цеппелинахъ слышно очень мало. Толпы скопляются около продавцовъ всякой дряни, которыхъ сегодня появилось очень много. Здѣсь у огромной забитой досками витрины нѣмецкаго магазина продаютъ гуттаперчевыхъ Вильгельма и Франца-Іосифа, которые сначала надулись

ваются и пріобрѣтаютъ гордый видъ, а затѣмъ съ пискомъ медленно вянутъ, никнутъ головами и падаютъ на подвернувшіяся ноги. Дальше какой-то ораторъ пропагандируетъ обыкновенныя машинки для набиванія гильзъ и по этому поводу произноситъ великолѣпныя патріотическія тирады, славя героизмъ „poilus“ (солдатъ) и предлагая немедленно купить для нихъ это изобрѣтеніе, такъ какъ его запасы истощаются. Немного поодаль фотографъ съ моментальнымъ аппаратомъ, похожимъ на маленькую митральезу, старательно нацѣливается въ сидящую у экрана жертву. Еще дальше какой-то типъ со свирѣпыми глазами демонстрируетъ отрѣзанную ногу (изъ воска, конечно), рекламируя чудодѣйственную мазь отъ мозолей. Рядомъ съ нимъ сгорбленная фигура въ огромной каскеткѣ, надвинутой на красный крючковатый носъ, соблазняетъ публику „русской нугой“ и еще чѣмъ-то весьма подозрительнымъ русскимъ, лежащимъ сѣроватой безформенной массой на грязной тележкѣ... Мимо всѣхъ этихъ занимательныхъ вещей непрерывной вереницей проходятъ солдаты, швейки, пшюты, буржуазныя семьи съ дѣтьми на рукахъ... Обычная парижская толпа, ни своимъ видомъ, ни поведеніемъ совершенно не выдающая никакихъ паническихъ настроеній. Вечерѣетъ. На Большіе бульвары медленно спускается сѣроватая пелена сумеречнаго тумана. Публика постепенно расходится. Улицы пустѣютъ.

Въ метро, противъ обыкновенія, пассажиры ведутъ себя очень оживленно. Повсюду дѣятельно обсуждается вопросъ о возможности новаго появленія цеппелиновъ. Большинство увѣрено, что они не замедлятъ явиться снова, чувствуя свою безнаказанность.

На этотъ разъ предсказаніе оказалось правильнымъ. Еще не успѣли парижане какъ слѣдуетъ придти въ себя и всесторонне обсудить таинственный налетъ, какъ имъ снова пришлось пережить треволненія, тѣмъ болѣе сильныя, что цеппелинъ появился уже не ночью, а вечеромъ.

Въ понедѣльникъ, въ 8 час. 50 м. онъ показался надъ Виллеръ-Коттрэ и бросилъ тамъ три бомбы, взявши затѣмъ направленіе къ Парижу. Въ это время на высотахъ Монмартра и на площади Этуаль уже скопились массы народа въ ожиданіи грандіознаго спектакля. Оживленіе необычайное. — Придутъ? Нѣтъ, не придутъ!—раздается повсюду; завязываются споры, приводятся всевозможные аргументы, съ ссылками на безпощадную настойчивость и дерзость нѣмцевъ; гамены суетятся въ толпѣ, распѣвая новыя пѣсенки, которыя рождаются здѣсь съ необыкновенной легкостью, словно грибы послѣ дождя.

По всѣмъ улицамъ бродятъ любопытные, задравъ головы кверху и старательно выуживая въ небѣ приближеніе „разбойниковъ“.

Около девяти съ половиной на улицахъ раздаются тревожные сигналы пожарныхъ автомобилей, сопровождаемые рѣзкимъ призывомъ трубы: Garde à vous! Все приходитъ въ движеніе.

Отъ одного фонаря къ другому начинаютъ быстро перебѣгать фигуры, вооруженныя особыми жердями, и черезъ минуту всѣ улицы, которыя я вижу съ моего перекрестка, погружаются въ непроницаемую темноту. Гдѣ-то суровый повелительный голосъ приказываетъ плотнѣе завѣсить окна. Около меня кто-то,—судя по тону, городовой,—останавливаетъ автомобиль и дѣлаетъ строгій выговоръ шоферу за то, что не погашены фонари. Въ воздухѣ носится почти осязаемый призракъ тревоги, наростаетъ особое настроеніе, совершенно не поддающееся критической мысли.

— Garde à vous! Garde à vous!—рѣжутъ воздухъ металлическіе звуки трубы, и, слѣдомъ за ними, темнота огромной невидимой метлой сметаетъ съ улицы людей, автомобили, трамвай... Черезъ нѣсколько минутъ Парижъ превращается въ груды темныхъ скалъ и таинственныхъ замковъ съ едва мерцающими огоньками; на сѣроватыхъ пятнахъ его площадей выступаютъ острыми углами громады, похожія на крѣпостныя укрѣпленія; а слившіеся въ темнотѣ фасады домовъ образуютъ одну сплошную черную стѣну, отъ чего улицы становятся похожими на глубокія мрачныя траншеи...

Кромѣ случайныхъ прохожихъ, торопящихся домой, да городовыхъ, стоящихъ на посту, никого не видно. Но это только такъ кажется въ темнотѣ. А около каждаго подъѣзда, у каждаго входа въ магазинъ или лавчонку подъ покровомъ непроницаемаго мрака роятся группки людей, прижимаясь къ стѣнкамъ, о чемъ-то вполголоса разговариваютъ, спорятъ, бросаютъ реплики прохожимъ.

— И ты думаешь, что они посмѣютъ вернуться? — говоритъ робкимъ голосомъ маленькая тѣнь, прижавшись къ большой, изрѣдка озаряемой вспышками трубки.

— А кто ихъ знаетъ! Можетъ быть, это просто ложная тревога... Ты не бойся, дорогая... Это пустяки!

— Опасности нѣтъ! Опасности нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!—вырывается откуда-то крикливый голосъ гамена, а гдѣ онъ, никакъ не поймешь...

— Это все шутки, это имъ не поможетъ...—доносится съ другой стороны.

— А мадамъ уже запряталась въ погребъ! Забрала фокса и мужа, да въ траншею. Ха-ха-ха!..—Консьержка, горничныя, гарсоны, столпившись у подъѣзда, хохочутъ до слезъ заглушеннымъ смѣхомъ.—О, тамъ довольно вина! Они тамъ хорошо согрѣются... Ха-ха-ха!

На бульваръ Сэнъ-Мишель изъ улицы Суффло, недалеко отъ Пантеона, который всегда виденъ издалека, а теперь исчезъ, словно накрытый шапкой-невидимкой, прямо на меня изъ мрака бѣшено вылетаетъ четверка сплетшихся руками швеекъ. Онѣ мчатся, какъ угорѣлыя, рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ го-

лову, чуть не сбиваютъ съ ногъ городового и съ хохотомъ бросаютъ въ воздухъ крикливыми, молодыми, полными задора голосами: Pas de danger! Pas de danger! Pas de danger (никакой опасности!)' Черезъ секунду ихъ уже нѣтъ, но голоса звенятъ еще долго въ гулкой темнотѣ. Совсѣмъ близко,—кажется, что можно достать руками,—съ грохотомъ медленно проѣзжаетъ что-то очень грузное, какъ будто везутъ огромную пушку. Изъ-за черной невидимой занавѣси выходитъ гигантская фигура коня-першерона, за нею другая, потомъ третья, четвертая, какъ будто сказочные звѣри. Они тащутъ платформу на чудовищно-толстыхъ колесахъ и исчезаютъ тутъ же, словно проваливаются въ бездонную пропасть. Всѣ предметы пріобрѣтаютъ странный, необычный видъ. По небу, словно закрашенному густою тушью, быстро перебрасываясь, мечутся широкія голубоватыя полосы прожектора. Ихъ много. Онѣ скрещиваются, расходятся, напряженно ощупываютъ огромныя пространства, вспыхиваютъ большими пушистыми пятнами въ тучахъ... Публика у подъѣздовъ внимательно слѣдитъ за этими свѣтовыми эффектами и понемногу начинаетъ раздражаться.

— Хоть бы одинъ!..—говоритъ рядомъ со мной чей-то разочарованный голосъ.

— Нѣтъ, видно, сегодня напрасно стоимъ. Идемъ-ка домой!

Начинаетъ накрапывать мелкій дождикъ. Онъ быстро гаситъ возбужденное любопытство и гонитъ публику по домамъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ настойчивыя предложенія городовыхъ. Откуда-то медленно ползетъ сырой туманъ. Ясно, что представленія не будетъ.

Около одиннадцати часовъ по городу снова раздаются рѣзкіе звуки рожковъ: Cessez le feu!—Это конецъ тревоги. Кое-гдѣ начинаютъ зажигать фонари. Публика расходится въ большомъ разочарованіи. Но это былъ только антрактъ. Прошло какихъ-нибудь 10—15 минутъ, и пожарные автомобили снова разнесли тревогу по городу. И слѣдомъ за ними публика опять бросилась на улицу.

Около большого кафе наталкиваюсь на группу любопытныхъ, оживленно спорящихъ на тему, „придутъ“ или нѣтъ. Смѣются, ставятъ ставки и, когда вблизи проносится шумъ подземной желѣзной дороги или долетаетъ стрекотанье далекой мотициклетки, всѣ задираютъ мгновенно носы кверху: „идутъ“!

Но „они“ на этотъ разъ не пришли. Къ тремъ часамъ ночи возбужденіе улеглось окончательно и сигналы дали знать публикѣ, что она можетъ спокойно идти спать.

На слѣдующій день вечеромъ цеппелины опять появились недалеко отъ Парижа. Но на этотъ разъ военныя власти рѣшили не безпокоить парижанъ. Возвращавшіеся изъ театровъ были изрядно удивлены, увидѣвъ, что городъ снова погруженъ въ темноту. Но это наблюдали только они, а весь Парижъ не безъ разочарованія

узналъ лишь изъ утреннихъ газетъ, что онъ могъ прозѣвать интересное зрѣлище.

Теперь, когда я пишу эти строки, возбужденіе почти улеглось, хотя никто не увѣренъ въ томъ, что завтра Парижъ не подвергнется снова ночной бомбардировкѣ.

„Придутъ ли они снова?“ Этотъ вопросъ теперь очень интересуетъ парижанъ и, конечно, ихъ прессу. Маленькія ночныя пари, которыя я наблюдалъ, возвращаясь домой, превратились теперь въ серьезные дневные дебаты.

Собственно, для непосредственныхъ военныхъ цѣлей эти налеты почти безполезны. Какъ показали результаты ночной атаки, они не въ состояніи даже нагнать паники на жителей, внести разстройство въ жизнь города, не только страны.

On s'amuse! On rigole! (Люди забавляются). Спросите любого француза объ общемъ впечатлѣніи отъ послѣднихъ налетовъ, и онъ вамъ обязательно отвѣтитъ этой формулой. Парижъ уже получилъ прививку давно, еще во время „Тобовъ“, и теперь его не удивишь ничѣмъ, развѣ если станутъ бросать съ неба пятидесятипудовые снаряды.

Да, повидимому, нѣмецкіе „викинги“, какъ ихъ здѣсь иронически называютъ, имѣли въ виду своимъ налетомъ не столько навести панику или причинить серьезный вредъ Парижу, сколько сгладить и уравновѣсить смѣлостью плана и его удачей дурное впечатлѣніе, произведенное въ Берлинѣ налетомъ на Мемель и особенно паденіемъ Перемышля. Война уже дала намъ не одинъ примѣръ такого сведенія психологическаго баланса съ помощью диверсій, лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ общими планами дѣйствующихъ армій, а въ дѣйствительности не имѣющихъ стратегическаго значенія. Похоже на то, что аттака „викинговъ“ имѣетъ именно такое значеніе.

Надъ Парижемъ теперь летаютъ ночные патрули авіаторовъ. Пушки на фортахъ и пулеметы на Эйфелевой башнѣ и крышахъ высокихъ зданій устремлены къ небу и ждутъ сигнала. Парижъ готовится къ реваншу, но возможно, что случай къ нему не скоро еще представится. Ибо „викинги“ не только смѣлы но и осторожны.

Чѣмъ больше наростаетъ увѣренность среди населенія, что цеппелинамъ не такъ легко удастся теперь пробраться въ Парижъ, тѣмъ болѣе вопросъ о нихъ пріобрѣтаетъ академическую форму и начинаетъ углубляться, принимая общеполитическія очертанія. Если въ первые моменты больше всего занимало, придутъ ли они снова, то теперь Парижъ больше интересуется тѣмъ, какъ случилось, что они могли прорваться въ первый разъ. По этому поводу и среди парижанъ, и въ прессѣ идутъ оживленные споры. Центръ тяжести ихъ, по соображеніямъ вполнѣ понят-

нымъ, перенесенъ въ область внутренней политики. И, поскольку эта послѣдняя всецѣло связана съ необходимостью держать всю жизнь подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія, вопросъ объ общей цензурѣ, такъ волнующій не только парижанъ, но и всю Францію, сразу заострился и притянулъ къ себѣ всеобщее вниманіе массъ. Налетъ цеппелиновъ причинилъ немного вреда Парижу, но косвенно онъ вызвалъ большія разрушенія на страницахъ парижской прессы, которая подъ вліяніемъ совершившихся событій осмѣлилась заговорить рѣзкимъ и рѣшительнымъ языкомъ. Прекрасная „Anastasie“ (цензура), которую здѣсь изображаютъ въ видѣ высокой тощей старухи въ чепцѣ, съ злымъ исказившимися лицомъ и съ огромными ножницами въ крючковатыхъ пальцахъ, поражаетъ одинъ столбецъ за другимъ, безпощадно вырѣзывая всѣ мѣста, въ которыхъ сосредоточена критика военныхъ властей и полиціи. И нужно сказать, что налеты прекрасной Анастасьи раздражаютъ сейчасъ съ тѣмъ большей силой публику, что послѣдняя въ концѣ концовъ такъ и не знаетъ точно, приняты ли какія-нибудь дѣйствительно серьезныя мѣры для того, чтобы оградить Парижъ отъ возможныхъ ночныхъ атакъ въ будущемъ.

„Необходимо отмѣчать комическое во всемъ, — говоритъ по этому поводу Клемансо въ „L'Homme enchaîné“. — Около двухъ часовъ утра, въ разгаръ канонады надъ Парижемъ, цензура поставила себѣ вопросъ, можетъ ли она позволить газетамъ говорить о налетѣ цеппелиновъ, и сообщила редакціямъ, что она по этому поводу находится въ очень затруднительномъ положеніи.

„Но, сказали ей, вѣдь вы же слышите пушечные выстрѣлы?

„Да, конечно, но я не предупреждена офиціально'

„Ахъ, — говоритъ Клемансо, — еслибы достаточно было пары ножницъ для того, чтобы защитить насъ противъ Германіи!

Г. Цыперовичъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Заглядываніе въ будущее.

I.

„Удѣлъ мужчинъ работать и воевать, а женщинъ — трепетать, страдать и оплакивать убитыхъ". Тезисъ этотъ сложенъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ той французской провинціи, гдѣ и тогда, какъ теперь, воевали, гдѣ и тогда, какъ теперь, непріятель „отнималъ хлѣбъ, вино, утварь, платье, мелкій и крупный скотъ, уничтожая огнемъ, что нельзя было унести". Непріятель заявлялъ, что война безъ пожаровъ такъ же мало стоитъ, какъ колбаса безъ горчицы. („La guerre sans incendie ne valait rien, non plus qu'andouilles sans moutarde" [1]).

И я вижу теперь всюду женщинъ, выполняющихъ предопредѣленное, т. е. страдающихъ и оплакивающихъ убитыхъ. Жизнерадостная, красивая, всегда нарядно и модно одѣтая дама, живущая отъ меня черезъ два дома, вышла вчера по обычному на прогулку съ двумя маленькими дочерьми; но всѣ онѣ въ глубокомъ траурѣ: мужъ этой дамы — одинъ изъ двухсотъ англійскихъ офицеровъ, убитыхъ при Нёвшапелѣ. Но больше всего скорбящихъ матерей. Вотъ дама, единственный сынъ которой ушелъ волонтеромъ на войну.

— Что же, такъ надо! У другихъ матерей тоже дѣти на войнѣ,— говоритъ мнѣ, повидимому, спокойно эта дама; но по дрожанію губъ и по краснымъ глазамъ я угадываю всю глубину материнской скорби. Вотъ еще дама. Ея сына я зналъ еще маленькимъ мальчикомъ. Когда началась война, онъ оставилъ университетъ, получилъ „commission", т. е. былъ произведенъ въ офицеры и всего лишь двѣ недѣли тому назадъ отправился на фронтъ. Вчера сестра милосердія въ одномъ изъ госпиталей Булони вызвала телеграммой мать: ея сынъ опасно раненъ при Нёвшапелѣ двумя пулями: одна пробила ногу, а другая ударила въ щеку, перерѣзала языкъ и вышла около виска. Какъ привыкаютъ люди къ

---

[1]) Anatole France, „La Vie de Jeanne D'Arc", vol. I, стр. 21.

страшному! Я помню, въ началѣ войны, послѣ пораженія при Монсѣ, когда слухи ужасно преувеличили и безъ того серьезное положеніе, сэръ Джонъ Френчъ прислалъ успокоительную телеграмму. Въ ней говорилось, что нѣмцамъ не удалось окружить англійскую армію. „Къ сожалѣнію, я долженъ сообщить, что наши потери очень велики“, — писалъ сэръ Джонъ. Дѣло шло о 6.000. Теперь битва при Нёвшапелѣ, представляющая собою только „пробу“, обошлась англичанамъ въ 12.000 человѣкъ. И всѣ говорятъ объ этомъ, какъ о пустякѣ. Въ концѣ концовъ, Нёвшапель только „небольшой бой“ по нынѣшнему масштабу...

Я вижу женщинъ и не въ роли „вопельницъ“. Въ нашемъ округѣ, возлѣ церкви—большой лугъ, бывшій когда-то кладбищемъ. И вотъ на этомъ лугу по субботамъ, въ дождь ли или въ ведро, можно видѣть не совсѣмъ обычное зрѣлище. Человѣкъ двѣсти молодыхъ и пожилыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ форменное платье защитнаго цвѣта, маршируютъ, „сдваиваютъ ряды“ и продѣлываютъ всѣ солдатскіе артикулы. Командуютъ два „офицера“, тоже женщины. У англійскихъ офицеровъ рангъ обозначенъ звѣздами или короной на обшлагѣ рукава. У офицеровъ-женщинъ рангъ обозначенъ тоже звѣздами, но только не на рукавѣ, а на груди. За „солдатами“ въ мундирахъ стоятъ ряды „новобранцевъ“: тутъ дѣвушки и женщины въ шляпкахъ съ перьями, въ обычныхъ выходныхъ платьяхъ. Сигналы подаетъ барабанщикъ, тоже женщина. Среди „солдатъ“ много дѣвушекъ въ возрастѣ 19 — 22 лѣтъ. Все это— здоровая, краснощекая молодежь съ мускулами, развитыми спортомъ. Но есть также типы, просящіеся подъ карандашъ каррикатуриста. Все это—„женскій батальонъ“, сформированный суффражистками. Частью онъ предназначается для защиты территоріи въ случаѣ вторженія. Граждане и гражданки не будутъ тогда сидѣть, сложа руки, и если выйдутъ на встрѣчу нѣмцамъ, то не съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Часть батальона немедленно отправляется на фронтъ. Тамъ „солдаты“ эти служатъ телеграфистами, шофферами, сигнальщиками и гонцами. Послѣ войны женскій вопросъ въ Англіи будетъ поставленъ особенно остро. Тогда самый главный аргументъ враговъ женской эмансипаціи: „какое основаніе у васъ добиваться мужскихъ правъ, если вы не воюете“,—потеряетъ всякое значеніе.

Европа долго будетъ помнить эту войну! На-дняхъ Эдгаръ Крэммондъ прочиталъ въ Лондонскомъ Статистическомъ обществѣ докладъ, въ которомъ на основаніи цѣлаго ряда данныхъ пытается вычислить, во что обойдется воюющимъ сторонамъ участіе въ „Армагеддонѣ“. По мнѣнію экономиста, расходы такъ велики, что въ іюлѣ война должна закончиться, такъ какъ къ тому времени нѣкоторые изъ воюющихъ будутъ совершенно раззорены. Исходя изъ этого положенія, Эдгаръ Крэммондъ исчисляетъ стоимость великой войны до 31 іюля 1915 года. „Счетъ тогда достигнетъ чудовищ-

ной суммы, которую сразу и не выговоришь—9.147.900.000 ф. ст. (около 90 милліардовъ рублей). Расходы союзниковъ экономистъ вычисляетъ въ 4.879.900.000 ф. ст., а непріятеля — въ 4.277.000.000 ф. ст. Сюда входятъ непосредственные расходы, потеря капитала, потери людей, какъ производителей цѣнностей, и т. д.

По вычисленію автора, расходы разныхъ странъ выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ:

Бельгія	526.500.000 ф. ст.
Россія.	1.400.000.000 „ „
Германія.	2.775.000.000 „ „
Франція	1.686.400.000 „ „
Брит. Имперія	1.258.000.000 „ „
Австрія	1.502.000.000 „ „

Слѣдующая табличка показываетъ болѣе детально потери каждой страны.

СТРАНЫ.	Прямые расходы государства на войну.	Разрушеніе собственности.	Капитализированная стоимость потерянных жизней[1]).	Потери вслѣдствіе прекращенія промышленности.
Бельгія. .	36,5 м. ф. ст.	250 м. ф. ст.	40 м. ф. ст.	200 м. ф. ст.
Франція .	553,4 „ „ „	160 „ „ „	348 „ „ „	625 „ „ „
Россія . .	600 „ „ „	100 „ „ „	300 „ „ „	400 „ „ „
Британск. имп. . .	708 „ „ „	—	300 „ „ „	250 „ „ „
Всего. .	1.897,9 м. ф. ст.	510 м. ф. ст.	988 м. ф. ст.	1.475 м. ф. ст.
Австро-Венгрія. .	562 м. ф. ст.	100 м. ф. ст.	240 м. ф. ст.	600 м. ф. ст.
Германія	938 „ „ „	—	879 „ „ „	958 „ „ „
Всего. .	1.500 м. ф. ст.	100 м. ф. ст.	1.119 м. ф. ст.	1.558 м. ф. ст.

Вслѣдствіе отсутствія точныхъ данныхъ, Эдгаръ Крэммондъ не включилъ потери, понесенныя Японіей, Сербіей и Турціей, а также нейтральными государствами. Докладчикъ указываетъ на тотъ любопытный фактъ, что „счетъ“ обѣихъ воюющихъ группъ почти равенъ; но такъ какъ національныя богатства союзныхъ государствъ значительно превышаютъ таковыя Германіи и Австріи, то первая группа воюющихъ поэтому скорѣе оправится отъ ката-

[1]) Каждый мужчина, какъ производитель цѣнностей, представляетъ собою извѣстный капиталъ, не одинаковый въ разныхъ странахъ. Въ Соед. Штатахъ человѣческая жизнь представляетъ капиталъ въ 944 ф. ст., въ Англіи— 828 ф. ст., въ Германіи — 676 ф. ст., во Франціи — 580 ф. ст., въ Австріи— 544 ф. ст. и въ Россіи — 404 ф. ст.

строфы. Потеря капитала вычислена въ 4.000.000.000 ф. ст., а потеря въ доходѣ въ 5.150.000.000 ф. ст.

Въ 1912 году торговля всѣхъ странъ земного шара оцѣнивалась въ 7.700.000.000 ф. ст., а внѣшняя торговля девяти воюющихъ государствъ въ 4.832.000.000 ф. ст., что составляетъ около 62% общей суммы. Обѣ воюющія группы имѣли торговый флотъ въ 31.647.000 тоннъ, что составляетъ 70,8% торговаго флота всего міра. Сильнѣе всѣхъ должна, по вычисленіямъ докладчика, пострадать Германія. Даже если ей удастся обработать поля и засѣять ихъ, то новаго урожая хватитъ только на восемь мѣсяцевъ, т. е. приблизительно до марта 1916 г. Дольше Германія прокормится только въ томъ случаѣ, если убьетъ половину своего живого инвентаря. По всей вѣроятности, голодъ въ Германіи начнется задолго до того, какъ будетъ собранъ урожай 1915 года. Ущербъ, понесенный земледѣльцами въ Германіи, исчисленъ докладчикомъ въ 218.000.000 ф. ст.

Къ этому надо прибавить еще, что фабричная промышленность въ Германіи сократилась на 50%, а внѣшняя торговля—еще сильнѣе. Передъ началомъ войны у Германіи былъ торговый флотъ изъ 2.090 пароходовъ въ 5.134.720 тоннъ. Теперь водоизмѣщеніе всѣхъ плавающихъ нѣмецкихъ торговыхъ судовъ только 549.794 тоннъ, что составляетъ 10% первоначальнаго коммерческаго флота. Германія потеряетъ $^1/_6$ своихъ національныхъ богатствъ, а Великобританія—$^1/_{14}$.

Потери Европы будутъ слишкомъ колоссальны, чтобы она могла себѣ разрѣшить еще разъ подобное безуміе. *Армагеддонъ* долженъ быть *послѣдней* войной, всѣмъ надо имѣть абсолютную гарантію, что Германія больше не выступитъ поджигательницей. Доказательства, что именно Германія, а не другая страна, отвѣтственна за эту войну, наростаютъ все больше и больше. Вотъ, напр., странная книга, только что вышедшая здѣсь и произведшая колоссальное впечатлѣніе: „The Berlin Court Under William II. By Count Axel von Schwering“ [1]). Передъ нами или самый поразительный историческій документъ, относящійся къ этой войнѣ, или безстыдный подлогъ, который потомки наши поставятъ рядомъ съ такими апокрифами, какъ, напр., „Записки жителя Формозы Псалманазара“, вышедшія въ XVIII вѣкѣ. Надо знать, что издательская фирма „Cassel and C⁰“, выпустившая книгу—одна изъ *самыхъ серьезныхъ* въ Англіи. И вотъ въ предисловіи она торжественно увѣряетъ, что передъ читателемъ—историческій документъ. Авторъ книги, графъ Аксель фонъ-Шверингъ (псевдонимъ)—близкій другъ и восторженный поклонникъ Вильгельма II, котораго считалъ Цезаремъ, геніемъ и рыцаремъ. Впослѣдствіи, когда Вильгельмъ II вырисовался передъ авторомъ въ новомъ свѣтѣ, онъ застрѣлился,

---

[1]) Cassel and C⁰. P p. VIII. 349.

но предварительно вручилъ свой дневникъ вѣрному человѣку и наказалъ напечатать его. Не смотря на категорическія увѣренія фирмы, что дневникъ не апокрифъ, кое-что въ немъ порождаетъ сомнѣніе (напр., слишкомъ странная риторичность послѣднихъ страницъ дневника); но все это можно будетъ выяснить только послѣ войны. Вотъ почему единственное, что остается, это—познакомить читателей вкратцѣ съ содержаніемъ нашумѣвшей книги. (Въ одну недѣлю большое изданіе разошлось до послѣдняго экземпляра, не смотря на то, что 16 шиллинговъ сумма почтенная).

Какъ я сказалъ, бо́льшую часть книги составляетъ дневникъ, веденный личнымъ другомъ Вильгельма II, начиная съ 30 іюня 1914 г. Согласно этому дневнику, Вильгельмъ II—только неслыханный лицемѣръ и былъ таковымъ съ самаго начала вступленія на престолъ. Авторъ дневника записываетъ дословно многіе разговоры съ Вильгельмомъ II, изъ которыхъ явствуетъ, что германскій императоръ въ іюнѣ мѣсяцѣ все время думалъ о войнѣ и тайно дѣйствовалъ такъ, чтобы она стала неминуемой. Авторъ дневника потрясенъ превращеніемъ кайзера, котораго онъ считалъ ангеломъ мира, въ дьявола, радующагося разгрому Бельгіи, и не переноситъ потрясенія. Вотъ, напр., одно мѣсто дневника. Графъ Аксель фонъ Шверингъ 1 іюля отмѣчаетъ въ дневникѣ такой разговоръ. Вильгельмъ II говоритъ, что убійство австрійскаго наслѣднаго принца, вѣроятно, поведетъ къ большимъ осложненіямъ, такъ какъ катастрофа не обошлась безъ подстрекательства со стороны великой державы. „Вѣроятно, ея интриги и ея золото замѣшаны какъ-нибудь“—сказалъ Вильгельмъ II. „Эта держава должна быть наказана,—прибавилъ германскій императоръ.—Война съ ней поведетъ къ тріумфу германской цивилизаціи и германской политики“. 2 іюля Вильгельмъ II послалъ за Мольтке, съ которымъ послѣ аудіенціи видѣлся авторъ дневника. Мольтке сказалъ графу фонъ Шверингу, что Вильгельмъ II втеченіе четырехъ часовъ обсуждалъ шансы Германіи на побѣду надъ непріятелемъ, котораго Мольтке не назвалъ. Аудіенція убѣдила Мольтке, что Вильгельмъ II втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ велъ игру съ своими совѣтниками, которымъ не открывалъ своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. Въ началѣ іюля германскій императоръ поѣхалъ въ Норвегію и взялъ съ собой графа фонъ Шверинга. 24 іюля Вильгельмъ II получилъ на своей яхтѣ извѣстіе объ ультиматумѣ, предъявленномъ Австріей Сербіи.

Графъ фонъ Шверингъ вноситъ тогда въ свой дневникъ: „Мнѣ не пришлось быть долго въ неизвѣстности. Императоръ всталъ, подошелъ къ борту яхты, взглянулъ на горизонтъ, затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Не правда ли, какъ все это прекрасно! Чудесна свѣтлая ночь; удивителенъ пейзажъ! Какая жалость думать, что всѣмъ

этимъ нельзя наслаждаться вѣчно! Міръ этотъ плохо организованъ, милый другъ мой Аксель!

— Не буду притворяться, что не понимаю васъ, ваше величество,—сказалъ я.—Надѣюсь, Австрія послушается голоса благоразумія и дважды подумаетъ, прежде чѣмъ ступитъ на путь, съ котораго нѣтъ возврата.

— Неужели вы думаете, что если Австрія уступитъ теперь, то другіе спокойно послѣдуютъ ея примѣру?!—воскликнулъ императоръ.—Австрія—не одна заинтересованная сторона. Есть еще вѣдь Россія, русское общество и русская печать, затѣмъ надо учесть честолюбіе Пуанкарэ, наглость французскихъ журналистовъ... Все это подводные камни, угрожающіе намъ. Они для насъ всегда представляли опасность. Мнѣ остается только ждать молча и терпѣливо. Я долго наблюдалъ и ждалъ. Гораздо дольше, чѣмъ подобаетъ государю, которому слѣдуетъ выполнить великій трудъ. Неужели вы думаете, что мнѣ легко было ждать? Неужели вы полагаете, что моя гордость, мое патріотическое чувство и честолюбіе не страдали, когда приходилось терпѣливо сносить оскорбленія, сыпавшіяся на меня? Если вы думаете такъ, то ошибаетесь. Я молчалъ, потому что не могъ поступить иначе. Мы были еще не готовы. У насъ не было еще полной увѣренности, что, начавъ борьбу, мы выйдемъ побѣдителями. Теперь наконецъ наступилъ часъ, когда я могу снять маску. Какъ пріятно сдѣлать это послѣ двадцати пяти лѣтъ ожиданія! Борьба съ самимъ собою все это время была сильна, но я ждалъ, потому что мы были неготовы. Теперь я могу вздохнуть свободно. Я не хочу войны, но не сдѣлаю шага для предупрежденія ея. Буду выжидать спокойно. Если мы будемъ втянуты, то станемъ дѣйствовать безпощадно. Горе тогда нашимъ врагамъ! Я никого не буду щадить и прикажу уничтожить все, чего нельзя взять."

Сіявшій до тѣхъ поръ полный мѣсяцъ скрылся за облако,—продолжаетъ графъ фонъ Шверингъ.—И въ темнотѣ фигура императора выросла. Она казалась почти гигантской. Она отразилась въ зеркальной водѣ фіорда. И, казалось, тамъ находится другой великанъ, еще болѣе мощный, могущій сокрушить однимъ пальцемъ всю яхту и находящихся на ней."

25 іюля на яхту прибыло извѣстіе, что Сербія приняла почти полностью всѣ требованія, предъявленныя Австріей. Авторъ дневника совершенно успокоился, но нельзя было сказать того же самаго относительно Вильгельма II.

— Люди глупы!—раздраженно воскликнулъ императоръ.—Почему это они никакъ не могутъ понять, чего отъ нихъ хотятъ! Имъ всегда надо называть вещи собственными именами и ставить точку надъ і.

Послѣ этого загадочнаго замѣчанія Вильгельмъ II приказалъ

немедленно поднять якорь. Яхта направилась по направленію къ Килю.

— Я ясно видѣлъ, что что-то совершенно разстроило моего государя,—пишетъ авторъ дневника.—Загадка разъяснилась однако позднѣе. Послѣ обѣда одинъ изъ адъютантовъ императора шепнулъ мнѣ на ухо, что Вильгельмъ II только что отправилъ крайне важную телеграмму Францу Іосифу.

— А что было въ этой телеграммѣ?—спросилъ я.

— Императоръ выражаетъ увѣренность, что Австрія будетъ настаивать въ Бѣлградѣ на выполненіи всѣхъ требованій, выставленныхъ въ ультиматумѣ,—отвѣтилъ мнѣ адъютантъ".

Дальше въ дневникѣ приводятся факты, доказывающіе, что Вильгельмъ II готовился къ войнѣ, хотѣлъ, чтобъ она была, и употребилъ всѣ усилія, чтобы кризисъ не разрѣшился миромъ. „Да! Теперь наконецъ моя пушка готова! — восклицаетъ Вильгельмъ послѣ полученія одной телеграммы. — Знаете ли вы, мой другъ, что это означаетъ? Нѣтъ, вы не знаете. Такъ слушайте же! Наконецъ, у меня есть орудіе, подобнаго которому еще не было въ мірѣ! Оно смететъ не только непріятельскіе полки, но и всѣ крѣпости, выстроенныя нашими врагами!" Показанія графа фонъ Шверинга сводятся къ слѣдующему. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Вильгельмъ II сбросилъ маску, которую носилъ двадцать пять лѣтъ, и сознательно „распахнулъ ворота ада", не смотря на убѣжденія со стороны германскихъ генераловъ не дѣлать этого. По увѣренію фонъ Шверинга, германскій генеральный штабъ былъ противъ немедленной войны. Факты, приведенные въ дневникѣ, сильно расходятся съ германскими офиціальными данными. Если передъ нами не безстыдный апокрифъ, сознательно поддерживаемый серьезной, солидной и честной издательской формой, то „Дневникъ",—поразительный историческій документъ, который будетъ часто цитироваться и усиленно комментироваться.

II.

„Нельзя слагать оружія до тѣхъ поръ, покуда у Англіи не будетъ гарантіи, что эта война—*послѣдняя*". Таково общее мнѣніе. Стачки, явившіяся результатомъ вздорожанія жизни на 20—30%, и предположенія со стороны рабочихъ, что капиталисты извлекаютъ громадную прибыль изъ общаго несчастья, привели на континентѣ нѣкоторыхъ наблюдателей къ предположенію, что рабочіе классы въ Англіи относятся индифферентно къ войнѣ или даже враждебно. Это предположеніе лишено *всякаго* основанія. „Мнѣ кажется, во Франціи глубоко ошибаются относительно настроенія англійскихъ соціалистовъ, — пишетъ Хайндмэнъ въ L'Homme Enchaîné.—Будь теперь въ Англіи устроенъ плебисцитъ среди соціалистовъ, то безъ всякаго сомнѣнія подавляющее

большинство ихъ, включая подписчиковъ газеты Clarion и членовъ Фабіанскаго общества, высказалось бы за настойчивое веденіе войны до тѣхъ поръ, покуда Германія не будетъ совершенно разбита и покуда миръ не будеть заключенъ на условіяхъ, продиктованныхъ союзниками". Престарѣлый соціалистъ указываетъ, что мнѣніе во Франціи относительно настроенія англійскихъ рабочихъ сложилось на основаніи выступленій нѣсколькихъ вождей Независимой Рабочей Партіи, въ томъ числѣ Кейръ-Гарди, Рамсэй Макдональда, Андерсона и Брюса Глэшера, на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ; но Независимая Рабочая Партія насчитываетъ лишь 20.000 сочленовъ. „А между тѣмъ я читаю, что даже L'Humanité говоритъ о Рамсэй Макдональдѣ и Кейръ-Гарди, какъ о представителяхъ всѣхъ англійскихъ рабочихъ. Ничуть не бывало!"—восклицаетъ родоначальникъ новѣйшаго соціализма въ Англіи. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что подавляющее большинство англійскихъ рабочихъ за войну. Вся рабочая парламентская партія, за исключеніемъ 5-6 пасифистовъ, тоже за войну. Мало этого. Громадная часть двухмиліонной арміи, выросшей со времени начала войны, навербована въ рабочихъ центрахъ. Замѣтьте, что идутъ въ солдаты не только безработные, какъ увѣряютъ нѣмцы съ одной стороны и узкіе доктринеры съ другой, а цвѣтъ трэдъ-юніоновъ. Въ арміи теперь не меньше 200.000 углекоповъ, получавшихъ въ среднемъ по 8 шиллинговъ въ день и не знавшихъ безработицы. Въ шахтахъ теперь, какъ извѣстно, громадный спросъ на рабочихъ. ...Представители другихъ трэдъ-юніоновъ пошли тоже охотно въ солдаты, какъ только выяснилось поведеніе нѣмцевъ въ Бельгіи и во Франціи... Я имѣю право высказывать мое отношеніе къ войнѣ еще потому, что, какъ соціалъ-демократъ и революціонеръ, я выступилъ съ значительнымъ рискомъ для себя противъ бурской войны" [1]).

---

[1]) Эта статья была уже набрана, когда въ русскихъ газетахъ появился переводъ письма Вандервельде, отвѣчающаго въ L'Humanitė на приведенное выше письмо Хайндмэна. Вандервельде находитъ упреки Хайндмэна несправедливыми. Онъ полагаетъ далѣе, что Хайндмэнъ поступилъ неправильно, пожаловавшись на него и Вальяна ихъ противнику—Клемансо. Но все это—вещи второстепенныя,—продолжаетъ Вандервельде.—Прежде всего, важно выяснить, правъ ли Хайндмэнъ или нѣтъ въ своей оцѣнкѣ настроенія англійскихъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи онъ находитъ, что у Хайндмэна есть достаточно основаній быть недовольнымъ. „Намъ, бельгійцамъ и французамъ, больше всего страдающимъ въ настоящее время отъ германскаго нашествія и больно, и странно констатировать, что въ глазахъ достаточно замѣтной части англійскихъ организованныхъ рабочихъ нынѣшняя война немногимъ отличается отъ колоніальной экспедиціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ англійскіе рабочіе ведутъ себя такъ, какъ будто они не участвуютъ подобно намъ въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть...

„Мы вполнѣ серьезно обращаемся съ вопросомъ къ нашимъ товарищамъ Макдональду, Кейръ-Гарди, Андерсону и ихъ друзьямъ.

Вотъ еще документъ, свидѣтельствующій объ отношеніи англійскихъ рабочихъ къ войнѣ: „Меморіалъ“, изданный Парламентской Рабочей Партіей и подписанный почти всѣми членами ея. Документъ этотъ посланъ Лонге и Вандервельде.

„Мы, нижеподписавшіеся, признаемъ, что вы не только защищаете вашу національную свободу, но сражаетесь также за свободу всей Европы противъ стремленій деспотическаго милитаризма къ господству. Ваше мужество и самоотреченіе, проявленныя вами въ ужасной борьбѣ съ безжалостнымъ врагомъ, внушаютъ намъ глубокое уваженіе. И мы выражаемъ этимъ только чувства всѣхъ организованныхъ рабочихъ Соединеннаго Королевства.

„Сотни тысячъ трэдъ-юніонистовъ, побуждаемые справедливымъ негодованіемъ противъ преступнаго выступленія Германіи, записались волонтерами въ армію, выставленную Великобританіей для защиты интересовъ Франціи и Бельгіи. Мы, члены Парламентской Рабочей Партіи, поддерживали каждую мѣру, имѣющую цѣлью превратить армію добровольцевъ въ мощное орудіе для защиты интересовъ демократіи и цивилизаціи противъ идей автократизма и деспотизма.

„Заявляемъ вамъ, наши французскіе и бельгійскіе товарищи, что сердцемъ и душою мы съ вами заодно. Мы хотимъ помочь вамъ освободить Францію и Бельгію отъ непріятеля, возродить опустошенную страну и разъ навсегда покончить съ угрозами милитаризма“.

Но что дѣлать, когда побѣда будетъ достигнута?

Тутъ передъ нами цѣлый рядъ любопытныхъ мнѣній, отъ крайне

„Они вмѣстѣ съ нами участвовали въ лондонской конференціи. Они вносили поправки къ предложенной нами резолюціи. Желая достигнуть единодушія, мы эти поправки приняли. По предложенію Макдональда принятъ былъ слѣдующій текстъ:

„Вторженіе германскихъ армій въ Бельгію и Францію угрожаетъ существованію независимыхъ націй и подрываетъ вѣру въ международные договоры.

„Побѣда германскаго имперіализма была бы равносильна пораженію и уничтоженію свободы и демократіи въ Европѣ“.

„Если это не пустыя слова, то они налагаютъ на тѣхъ, кто ихъ произнесъ, повелительный долгъ.

„Чтобы воспрепятствовать пораженію, чтобы обезпечить побѣду свободы и демократіи въ Европѣ, Макдональдъ и его друзья обязаны вмѣстѣ съ нами дѣлать все, что въ человѣческихъ силахъ.

„Если они проповѣдуютъ такія условія будущаго мира, которыя были бы гарантіей его прочности и справедливости, то мы съ ними вполнѣ согласны, ибо и мы желаемъ того же.

„Но мы говорили также, и это сказали они вмѣстѣ съ ними, что прежде всего германскій имперіализмъ долженъ быть побѣжденъ, что необходимо довести борьбу до конца.

„Мы требуемъ этого отъ нихъ отъ имени мученической Бельгіи и подвергшейся нашествію Франціи. Ихъ долгъ ясенъ. Они не примнутъ его выполнить“. Ред.

диких, примитивных и джингоистских до совершенно спокойных и благоразумных, продиктованных сознаніемъ, что вѣдь послѣ войны какъ-нибудь надо наладить человѣческія отношенія. Постараюсь познакомить читателей съ наиболѣе типичными мнѣніями и начну съ самыхъ джингоистскихъ. Передъ нами не какой-нибудь обсѣвокъ въ полѣ, а старый и очень извѣстный публицистъ Арнольдъ Уайтъ. Выступаетъ онъ въ первомъ нумерѣ только что народившагося еженедѣльнаго журнала „The Passing Show". По мнѣнію Арнольда Уайта, въ случаѣ побѣды надъ Германіей, вторичная война можетъ быть предупреждена только безпощаднымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу, и въ особенности къ Вильгельму II. Если слушать Уайта, то выйдетъ, что самыми опасными врагами, послѣ побѣды надъ Германіей, явятся пасифисты. Теперь они всѣ за войну, но „проявятъ себя, какъ только наступитъ время обсуждать условія мира",—говоритъ Арнольдъ Уайтъ. Пасифисты, которыхъ такъ не любитъ публицистъ, станутъ настаивать на снисходительныхъ условіяхъ для Германіи и Вильгельма II.

„Мы по двумъ причинамъ не можемъ заключить мирнаго договора съ германскимъ правительствомъ или съ кайзеромъ,—продолжаетъ Арнольдъ Уайтъ.—Во-первыхъ, мы считаемъ Вильгельма II и генераловъ его преступниками, заслуживающими самаго суроваго наказанія. Во-вторыхъ, Великобританія не можетъ подписать трактатъ о мирѣ съ Германской имперіей, такъ какъ послѣдней не будетъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ... Было бы униженіемъ для достоинства англичанъ заключать миръ съ прусскими убійцами и сатирами. Если кому-нибудь мои слова покажутся слишкомъ рѣзкими, то я приведу лишь одинъ фактъ,—продолжаетъ публицистъ.—Въ Лондонѣ и вблизи города въ настоящій моментъ живутъ до тысячи женщинъ, готовящихся стать матерями. Все это бельгійскія дѣвушки и женщины, изнасилованныя пьяными нѣмецкими солдатами и офицерами. Тутъ есть монахини; тутъ дѣвушки, которымъ едва минуло шестнадцать лѣтъ... Германія, готовясь загодя къ вторженію въ Англію, составила англо-нѣмецкіе словари и вокабулы для солдатъ. Эти словари имѣются теперь у англичанъ. И знаете, какая фраза тамъ есть, между прочимъ?—спрашиваетъ Арнольдъ Уайтъ:—„Give me a kiss" („Поцѣлуйте меня"). Этотъ словарь просмотрѣнъ вѣдь кайзеромъ, такимъ образомъ, изнасилованія производятся, въ нѣкоторомъ родѣ, съ его согласія". Авторъ, выражая мнѣніе крайнихъ джинго, полагаетъ, что Европа будетъ гарантирована отъ новой войны только при выполненіи двухъ условій: 1) расторженія Германскаго союза и 2) низложеніе Гогенцоллерновъ.

„Хотя послѣ семимѣсячной войны германская армія не потерпѣла еще рѣшительныхъ пораженій ни на западномъ, ни на восточномъ фронтахъ; хотя нѣтъ никакихъ основаній предвидѣть скорое окончаніе войны, тѣмъ не менѣе странный оптимизмъ на-

блюдается теперь въ Англіи",— пишетъ другой видный публицистъ-джинго. Это говоритъ Остинъ Гаррисонъ, редакторъ журнала „Englich Review", который до войны считался самымъ радикальнымъ англійскимъ ежемѣсячникомъ. „Оптимизмъ былъ бы вполнѣ умѣстенъ, не сопровождайся онъ прекраснодушнымъ и очень опаснымъ великодушіемъ. По обыкновенію, послѣднее проявляется теоретиками, доказывавшими до войны, что Германія является естественной союзницей Англіи". Цѣлью пасифистовъ, по мнѣнію Гаррисона, является желаніе „спасти нѣмецкій народъ отъ униженія",—т. е. отъ потери территоріи. Короче сказать, — остритъ авторъ,—пасифисты усердствуютъ pour le roi de Prusse. „Пасифисты, проявляя то прекраснодушное неумѣніе понимать людей на континентѣ, за которое англичане болѣе всего ненавидимы, предлагаютъ теперь, чтобы Германія была вознаграждена за потери возвращеніемъ нѣкоторыхъ колоній. За что же вознаграждать ее?—спрашиваетъ Остинъ Гаррисонъ.—Пасифисты забываютъ, что вся Бельгія, значительная часть Франціи и доля русской Польши находятся въ рукахъ нѣмцевъ". Пасифисты толкуютъ про „вѣчный миръ", что тоже ужасно опасно съ точки зрѣнія Остина Гаррисона. Какой тамъ „вѣчный миръ", если, того гляди, Америка можетъ быть втянута въ войну!

Если союзники, побѣдивъ Германію и Австрію, оставятъ эти страны почти въ томъ же видѣ, какъ теперь, то Европѣ не видать ни мира, ни исчезновенія милитаризма, — продолжаетъ авторъ. Мирный договоръ, который дастъ возможность нѣмецкому народу оправиться и снова осуществлять германскую идею, будетъ имѣть послѣдствіемъ еще большее развитіе милитаризма, чѣмъ до войны Англіи въ особенности придется стремительно вооружаться. Германія считаетъ Англію своимъ главнымъ врагомъ и противъ нея направлена теперь ненависть всего нѣмецкаго народа. Каждое послабленіе со стороны Англіи обойдется потомъ ей очень дорого. Если кайзеръ сможетъ вернуться въ Потсдамъ съ подобіемъ почетнаго мирнаго договора въ карманѣ, то нѣмцы будутъ считать своего императора героемъ. Тогда революціи въ Германіи не будетъ. Вся энергія Германской имперіи будетъ направлена на подготовленіе отомщенія. Объектомъ мести явится Британская имперія. Германія не успокоится до тѣхъ поръ, пока ея главный врагъ не будетъ совершенно разгромленъ. Есть только одинъ способъ обезпечить Европѣ миръ: полный разгромъ военной силы Германіи. Только въ подобномъ случаѣ нѣмцы образумятся и приступятъ къ осуществленію реформъ, имѣющихъ цѣлью упраздненіе военной касты. Германія должна сама выработать эти реформы, но онѣ невозможны, покуда сила гогенцоллернскаго милитаризма не сломлена союзниками. По мнѣнію Остина Гаррисона, всѣ остальные проекты мира являются лишь пустыми домыслами, основанными на незнаніи характера нѣмецкаго народа. Разсужденія пасифистовъ на тему

о сохраненіи Германіи приблизительно въ прежнемъ видѣ представляютъ, по мнѣнію Гаррисона, большую опасность для Англіи [1]).

III.

Перехожу теперь къ изложенію болѣе умѣренныхъ взглядовъ. „Каждый мирный трактатъ содержалъ въ себѣ сѣмена новой войны. Быть можетъ, то же повторится и теперь, но, во всякомъ случаѣ, должны быть сдѣланы величайшія усилія, чтобы сѣмянъ этихъ было возможно меньше,—говоритъ редакторъ Review of Reviews.—Надо твердо имѣть въ виду, что главнымъ результатомъ этой войны долженъ быть постоянный миръ и разоруженіе". Исходя изъ этой предпосылки, авторъ доказываетъ, что слишкомъ суровыя условія мира будутъ имѣть послѣдствіемъ новыя осложненія въ будущемъ. Первымъ и главнымъ условіемъ мира, въ случаѣ побѣды союзниковъ, должна быть громадная контрибуція. Германія обязана заплатить съ лихвою за pots cassés (битую посуду). „Отчужденіе же значительной части нѣмецкой территоріи, если не считать провинцій, населеніе которыхъ родственно по языку и духу съ другими націями,—не желательно. Присоединеніе провинцій, населенныхъ нѣмцами, не было бы вознагражденіемъ для побѣдителей, такъ какъ явился бы крайне серьезный вопросъ, какъ замирить побѣжденныхъ и какъ заставить ихъ забыть утерянную родину". Врядъ ли побѣдитель сможетъ дать присоединенной провинціи больше свободы, чѣмъ она имѣла раньше. По всей вѣроятности, населеніе такой провинціи потеряетъ значительную часть прежнихъ правъ. Но въ подобномъ случаѣ явится глубокое недовольство и стремленіе присоединиться къ прежней родинѣ. Британская имперія счастливо

[1]) „The Pro-German Danger"; Engeish Review, March, 1915, pp. 499-502. Воинственные джинго, какъ Арнольдъ Уайтъ или Остинъ Гаррисонъ, приводятъ выдержки изъ нѣмецкихъ журналовъ для доказательства, что Германія помирится только на гибели Британской имперіи. Надо сказать, что нѣмецкіе шовинисты въ тысячу разъ превзошли англійскихъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ статьи полковника фонъ Кадена, появившейся въ газетѣ, издаваемой теперь нѣмцами въ Лиллѣ. „Пусть Богъ покараетъ Англію".—Таково привѣтствіе, которымъ обмѣниваются теперь нѣмцы.—Пламя ненависти пылаетъ громаднымъ пожаромъ. Вы, нѣмцы съ востока и запада, принужденные позорной завистью Англіи проливать свою кровь для защиты домашняго очага, питайте эту ненависть, поддерживайте пламя... У насъ у всѣхъ только одинъ боевой кликъ: „Господи, покарай Англію!" Вы, нѣмцы, оставшіеся дома, питайте это пламя ненависти. Вы, нѣмки, передайте ненависть дѣтямъ съ молокомъ вашимъ... Вы, хранители истины, поддерживайте священный огонь ненависти. Вы, отцы, возгласите эту ненависть въ поляхъ, чтобы птицы могли разнести ее всюду". Эти истерическія завыванія нѣмецкаго полковника занимаютъ два столбца. Заканчивается статья такъ: „Для Германіи Англія то же, что Карѳагенъ для Рима. Какъ для Рима, для насъ теперь уничтоженіе Великобританіи вопросъ жизни или смерти. Пусть же и мы найдемъ своего Катона. Его ceterum censeo, Carthaginem esse delendam для насъ означаетъ: „Боже, покарай Англію!"

разрѣшала вопросъ о подчиненныхъ расахъ, но такое разрѣшеніе неизмѣримо легче въ Египтѣ, чѣмъ въ подчиненной провинціи, видящей за кордономъ родственный себѣ свободный народъ, съ которымъ недавно еще она составляла одно цѣлое. „Присоединеніе провинцій съ чисто нѣмецкимъ населеніемъ создастъ революціонные очаги и, такимъ образомъ, поводъ къ новымъ войнамъ. Бельгія, пострадавшая такъ сильно во время войны, ни за что не согласится на включеніе въ свои границы одной изъ рейнскихъ провинцій Германіи. Видные вожди бельгійскаго народа при томъ же заявили, что не хотятъ территоріальныхъ расширеній".

Въ силу всего этого, по мнѣнію автора, Германія должна поплатиться, въ случаѣ пораженія, только денежно. „Изъ нея надо выжать возможно бо́льшую контрибуцію". Пусть эта контрибуція падетъ главной тяжестью своею на прусскихъ помѣщиковъ, въ чьихъ рукахъ находятся судьбы Германіи. Громадная контрибуція, распредѣленная такимъ образомъ, скорѣе всего убѣдитъ Германію, что ея поведеніе было безумно,—говоритъ авторъ. Нѣмецкія колоніи въ общемъ не представляютъ большой цѣнности; но такъ какъ Германія начала войну для расширенія своей колоніальной имперіи, то надо ее отнять. „Другимъ важнымъ условіемъ мира должно быть низверженіе власти Гогенцоллерновъ и вліянія Пруссіи". Авторъ признаетъ, что пунктъ этотъ представляетъ громадныя затрудненія. Если включить его въ трактатъ о мирѣ, то династія Гогенцоллерновъ станетъ лишь болѣе дорога нѣмцамъ. Низложенный императоръ сдѣлается народнымъ героемъ и олицетвореніемъ самыхъ завѣтныхъ традицій страны. Германія употребитъ поэтому всѣ усилія, чтобы національный герой возвратился возможно скорѣе. Пусть Гогенцоллерны останутся. Тогда нѣмецкій народъ увидитъ въ нихъ главныхъ виновниковъ своихъ несчастій и самъ постарается отдѣлаться отъ династіи. По мнѣнію автора, Германія сдѣлается мирной страной, если рейхстагъ станетъ парламентомъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ и если императорская корона перейдетъ къ баварскому королю или же австрійскому императору. Очень мало вѣроятно распаденіе Германской имперіи.

Въ послѣдней книжкѣ North American Review мы находимъ статью на ту же тему. Авторомъ статьи является извѣстный французскій соціологъ и экономистъ Ивъ Гюйо. Бывшій французскій министръ общественныхъ работъ доказываетъ, что союзники, въ случаѣ побѣды, должны отказаться отъ переговоровъ съ Вильгельмомъ II; вести эти переговоры слѣдуетъ только съ Союзнымъ Совѣтомъ. Союзники должны выставить два основныхъ требованія: 1) Пруссія теряетъ свою политическую гегемонію въ Германіи; и 2) устанавливается европейское равновѣсіе, которое сдѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе мира однимъ какимъ-либо государствомъ.

Договоръ о мирѣ вырабатывается только союзными государ-

ствами. Нейтральныя государства на конгрессъ не допускаются. „Прусской политикѣ *желѣза* и *крови* Великобританія, Франція и Россія должны противопоставить гуманную политику, признающую права всѣхъ народностей. Эта политика считается съ стремленіями всѣхъ національностей къ самоопредѣленію. Уничтоживъ угнетателей, эта политика осуществитъ безопасность всѣхъ. Короче,—говоритъ Ивъ Гюйо—основнымъ принципомъ политики союзныхъ государствъ должно быть сохраненіе мира. Въ силу этого, а также въ силу психологическихъ соображеній, надо избѣгать чрезмѣрнаго униженія побѣжденнаго. Оскорбляющіе быстро забываютъ обиды, нанесенныя ими, но оскорбленные помнятъ долго. По мнѣнію Ива Гюйо, союзники, въ случаѣ побѣды, главнымъ образомъ, должны потребовать отъ Германіи контрибуцію. Германія,—доказываетъ Ивъ Гюйо,—легко можетъ вынести обложеніе въ милліардъ ф. ст. Союзныя государства, выставляя требованіе на такую сумму, не будутъ имѣть цѣлью раззореніе Германіи или Австріи.

Бельгія не потребуетъ увеличенія своей территоріи, такъ какъ присоединеніе прирейнской Пруссіи съ ея семимилліоннымъ населеніемъ раздавитъ фламандцевъ и валлоновъ. Франція возьметъ лишь обратно Эльзасъ и Лотарингію. Своимъ поведеніемъ по отношенію къ этимъ провинціямъ Германія доказала, что потеряла всякую надежду ассимилировать населеніе. Если прусская Польша отойдетъ, то она составитъ часть территоріи, населенной поляками. Что же касается нѣмецкихъ колоній, то значеніе ихъ ничтожно. И если союзники отнимутъ ихъ, то не изъ жадности, а только для того, чтобы уничтожить поводъ къ дальнѣйшимъ конфликтамъ. Остается еще вопросъ о Турціи. По мнѣнію Ива Гюйо, „союзники, вѣроятно, придутъ къ заключенію, что лучшимъ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса явится передача Россіи Константинополя и Дарданелльскаго пролива. Болгарія въ видѣ компенсаціи за увеличеніе Сербіи получитъ обратно ту часть турецкой территоріи, которую она добыла оружіемъ во время послѣдней Балканской войны, да кромѣ того, вѣроятно, еще часть Македоніи или что-нибудь другое. Турецкія владѣнія, прилегающія къ Черному морю, отойдутъ къ Россіи, а Месопотамія — къ Великобританіи". Что касается Сиріи и части побережья Средиземнаго моря, то, по мнѣнію Ива Гюйо, естественной наслѣдницей этихъ территорій является Франція.

Заключеніе мирнаго трактата и срытіе крѣпостей не принесетъ еще Европѣ мира. Не явится также миръ послѣдствіемъ только ограниченій въ вооруженіи. Надо уничтожить экономическія причины, заставившія народы вооружаться. Ивъ Гюйо такъ суммируетъ условія прочнаго мира: 1) контрибуція, покрывающая всѣ убытки, причиненные войной; 2) что касается территоріальнаго расширенія, то союзники проявляютъ великодушіе; 3) направленіе всѣхъ усилій къ уничтоженію поводовъ къ новому столкно-

венію народовъ; 4) при опредѣленіи новой карты Европы въ разсчетъ принимаются народности, стремящіяся къ самоопредѣленію, и вообще политическая антропологія.

Что касается реорганизаціи Германіи, то, по мнѣнію автора, союзники-побѣдители должны стремиться къ уничтоженію военнаго абсолютизма. Съ этою цѣлью у Пруссіи должна быть отнята гегемонія въ Германіи. Можетъ быть возстановлена Рейнская конфедерація съ Баваріей во главѣ. Католики были бы въ большинствѣ въ такой конфедераціи. Саксонія получила бы обратно территорію, отнятую у ней Пруссіей въ 1865 и 1866 годахъ, а Данія—Шлезвигъ-Гольштинію. Кильскій каналъ былъ бы въ такомъ случаѣ нейтрализованъ, какъ Суэцкій каналъ. Обсуждая положеніе Австріи, Ивъ Гюйо приходитъ къ заключенію, что раздѣлъ ея необходимъ. Тогда на востокѣ возникнетъ буфферное государство. Возникновеніе его явится, кромѣ того, лучшимъ доказательствомъ мирныхъ намѣреній со стороны великихъ державъ. „Мирный договоръ еще не приводится въ буквальное исполненіе потому, только что всѣ пункты его точно перечислены на бумагѣ,—заключаетъ Ивъ Гюйо.—Три великія державы поэтому должны войти въ соглашеніе, въ силу котораго онѣ всѣ вмѣстѣ охраняютъ европейскій миръ". По мнѣнію автора, онъ станетъ прочнымъ только тогда, когда вся Европа оставитъ протекціонизмъ и введетъ у себя свободу торговли.

Упомяну кстати еще объ одномъ французскомъ авторѣ, Жанѣ Фино, обсуждающемъ въ своемъ журналѣ La Revue условія прочнаго мира. По мнѣнію писателя, пользующагося большимъ авторитетомъ въ Англіи, союзныя государства, настойчиво ведя войну, имѣютъ въ виду слѣдующее:

1) Заставить Германію, чтобы она уплатила такую контрибуцію, которая вознаградила бы побѣдителей за всѣ убытки, причиненные свирѣпостью пруссаковъ;

2) Положить конецъ преобладанію Пруссіи въ Германской имперіи, а Германской имперіи въ Европѣ;

3) Осуществить стремленіе различныхъ націй къ самоопредѣленію и перечертить согласно этому стремленію карту Европы;

4) Создать международный полномочный трибуналъ, который, гарантируя независимость и неприкосновенность маленькихъ національностей, осуществлялъ бы пожеланія предстоящихъ конгрессовъ въ Гаагѣ.

Осуществленіемъ этой программы—полагаетъ Жанъ Фино—Европа отдѣлается отъ кошмара вооруженнаго мира. Автоматически установится ограниченіе вооруженій, такъ какъ къ этому будутъ стремиться всѣ государства. Конгрессъ 1916 или 1917 годовъ будетъ находиться подъ контролемъ общественнаго мнѣнія Европы. Прошло уже—по мнѣнію Жана Фино—то время, когда дипломаты рѣшали въ глубокой тайнѣ судьбы народовъ, не считаясь со-

вершенно съ воплями жертвъ. Что касается военной контрибуціи, то авторъ высчитываетъ ее въ 170 милліардовъ франковъ. Эту сумму—говоритъ онъ—Германія можетъ уплатить.

IV.

„Миръ будутъ заключать не дипломаты, а народы". Этотъ тезисъ часто повторяется теперь въ Англіи. Мы видитъ здѣсь затаенный бунтъ противъ системы веденія международной политики, т. е. противъ дипломатіи, какъ она понималась до сихъ поръ. Историкъ дипломатіи Алисонъ Филипсъ говоритъ намъ, что „искусство веденія переговоровъ между націями... подверглось за послѣднія сто лѣтъ сильнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій". Въ восемнадцатомъ вѣкѣ—говоритъ этотъ авторъ—„дипломатія представляла собою игру, которая велась въ очень тѣсномъ кругу. Горизонтъ дипломатіи тогда былъ тоже узокъ; государства, въ сущности, считались собственностью королей или императоровъ, а обязанностью дипломатическихъ агентовъ было путемъ хитрости расширять границы этой собственности. Не меньше значенія, чѣмъ сохраненію границъ и расширенію ихъ, придавалось соблюденію прецедентовъ и этикета, на что тратилось много времени. Haute diplomatie такимъ образомъ сводилась къ упорному торгу, который производился съ полнымъ пренебреженіемъ самыхъ обычныхъ правилъ морали, но за то съ соблюденіемъ самой утонченной вѣжливости". Многія формы веденія переговоровъ окостенѣли и соблюдаются въ дипломатическихъ сферахъ; но характеръ дипломатіи, по мнѣнію Филипса, подвергся сильному измѣненію. Причины перемѣнъ этихъ слѣдующія. „Вопервыхъ, подъ вліяніемъ французской революціи, наросло у разныхъ народовъ сознаніе общности интересовъ; во-вторыхъ, народилась демократія, контролирующая въ извѣстномъ отношеніи дипломатію черезъ посредство парламентовъ и печати; въ-третьихъ, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія и ускоренія средствъ сношенія, измѣнилось значительно положеніе дипломатическаго агента" [1]).

Съ мнѣніемъ Филипса многіе не соглашались еще тогда, когда вышелъ этотъ томъ *Британской Энциклопедіи* (въ 1910 г). Указывалось, напр., что даже и въ XIX вѣкѣ безусловно вѣрна была характеристика дипломата, сдѣланная Лабрюйеромъ въ XVII. „Онъ (дипломатъ) говоритъ только о мирѣ, о союзахъ, объ общественномъ спокойствіи и объ интересахъ общества. Въ дѣйствительности же онъ думаетъ только о своихъ интересахъ, т. е. объ интересахъ своего государя" [2]). Указывалось на то, что нѣсколько

[1]) См. обширную статью „Diplomacy", въ послѣднемъ изданіи „Encyclopaedia Britannica", vol. 8, p. 295.

[2]) La Bruyére, „Caractéres", II, стр. 77. (Изд. 1882).

вѣковъ тому назадъ отъ дипломата требовалось ужасно много, такъ что судьбы государства поручались тогда людямъ, исключительнымъ по уму своему и образованію. Возьмемъ, напр., знаменитый трактатъ XVI вѣка „De legato“, написанный Оттавіано Маджи, который самъ былъ виднымъ дипломатомъ въ блестящій вѣкъ Возрожденія. По мнѣнію автора, дипломатъ долженъ быть добрымъ христіаниномъ, ученымъ богословомъ, философомъ, отлично знающимъ Аристотеля и Платона, готовымъ въ любой моментъ разрѣшить самый запутанный вопросъ. Дипломатъ долженъ знать на зубокъ классиковъ и быть спеціалистомъ въ математикѣ, архитектурѣ, музыкѣ, физикѣ, гражданскомъ и церковномъ законахъ. Мало того. Дипломату не только подобаетъ говорить по латыни и писать на этомъ языкѣ „съ классическимъ изяществомъ“, но слѣдуетъ также знать въ совершенствѣ языки греческій, испанскій, французскій, нѣмецкій и турецкій. И это еще не все. Оттавіано Маджи требуетъ, чтобы дипломатъ имѣлъ „основательныя знанія“ исторіи, географіи и военнаго искусства; въ то же время ему не слѣдуетъ пренебрегать поэтами, а безъ Гомера онъ не долженъ дѣлать шага. На придачу дипломатъ долженъ быть хорошаго рода, богатъ и собою пригожъ. (По поводу послѣдняго замѣчанія мнѣ припоминается одно мѣсто въ письмѣ принцессы Ангальтъ-Цербстской, матери Екатерины II. Она была немножко „агентомъ“ Фридриха Великаго и совѣтовала ему отозвать изъ Петербурга своего стараго, уродливаго посла, а на мѣсто его послать молодого и красиваго человѣка).

Такихъ совершенствъ, о которыхъ пишетъ Оттавіано Маджи было мало вообще, а въ особенности ихъ мало теперь, когда дипломатическая карьера, по преимуществу, создается путемъ протекціи. Дипломатія ведется въ глубокой тайнѣ даже въ демократическихъ странахъ. Даже тамъ не только парламентъ, но иногда и министерство должны считаться съ совершившимся фактомъ въ сферѣ дипломатическихъ отношеній. Парламенту тогда остается распутывать узлы, завязанные безъ его вѣдома. Ему приходится ассигновать деньги на веденіе войны, созданной не имъ. Въ особенности же населеніе ничего не знаетъ о дипломатическихъ переговорахъ. Я описывалъ уже, какъ 1 августа 1915 г. подавляющее большинство англійскихъ газетъ не вѣрило въ возможность войны, хотя, какъ оказывается теперь, еще въ 1913 г. Германія справлялась у Англіи черезъ своихъ дипломатовъ, сохранитъ ли послѣдняя нейтралитетъ, если первой придется послать свой флотъ въ Ламаншъ. Такимъ образомъ сэръ Эдуардъ Грей зналъ въ 1913 г., что Германія замышляетъ нападеніе на Францію и, конечно, сообщилъ ей объ этомъ; но ни парламентъ, ни населеніе ничего не подозрѣвали.

Надо ли изумляться тому, что теперь въ Англіи во всѣхъ клас-

сахъ крѣпнетъ сознаніе, что послѣ войны такой порядокъ не долженъ больше продолжаться? Старая дипломатія, работавшая въ глубокой тайнѣ и ставившая парламентъ лицомъ къ лицу съ совершившимся фактами, должна отойти въ область преданій. „Послѣ войны внѣшняя политика Англіи должна находиться подъ такимъ же общественнымъ контролемъ, какъ и внутренняя политика",— слышимъ мы со всѣхъ сторонъ. И, съ цѣлью осуществленія этого, въ Англіи уже возникъ Союзъ Демократическаго Контроля (The Union of Democratic Control), въ Совѣтѣ котораго мы видимъ коммонеровъ (Андерсонъ, Денмэнъ, Хэндерсонъ, Джоуэтъ, Понсоби, Тревиліанъ, Рамсэй Макдональдъ) и литераторовъ (Норманъ Энджелль, Брэйльсфордъ, Зангвиль).

„Канцлеръ казначейства сказалъ намъ, что война обходится Англіи въ 45 милліоновъ ф. ст. въ мѣсяцъ,—читаемъ мы въ „манифестѣ" Союза Демократическаго Контроля. „Громадныя суммы собраны также для облегченія страданій, причиненныхъ войной. Какія суммы ассигнованы для гарантіи насъ отъ повторенія подобной войны? Что сдѣлано для того, чтобы послѣ этой войны прекратились безпрерывныя вооруженія?" „Союзъ" выпустилъ уже цѣлый рядъ книжекъ и брошюръ, въ которыхъ доказывается, что эта война должна быть послѣдней [1]). Наиболѣе интересной является книжка Нормана Энджелля: „Покончитъ-ли эта война съ германскимъ милитаризмомъ?". Норманъ Энджелль исходитъ изъ положенія, что война эта была неизбѣжна. „Она имѣетъ цѣлью избавить Европу отъ великой опасности, дать ей болѣе прочный миръ, чѣмъ она имѣла въ прошломъ,—положить конецъ кошмару, которому имя милитаризмъ, и снять съ народовъ давившее бремя постоянныхъ вооруженій". „Мы воюемъ не столько съ націей, сколько съ злымъ духомъ, овладѣвшимъ націей. И этотъ злой духъ долженъ быть уничтоженъ, если мы хотимъ, чтобы въ Европѣ можно было еще жить... Въ настоящій моментъ намъ слѣдуетъ дѣлать только одно: держаться крѣпко всѣмъ вмѣстѣ, покуда общій врагъ всего человѣчества не будетъ сраженъ. Мы должны разъ навсегда низвергнуть прусскій идолъ".

Норманъ Энджелль цитируетъ англійскихъ авторовъ, чтобы показать, какъ много надеждъ соединяется съ побѣдой надъ Германіей. „Пораженіе Германіи поведетъ къ общему разоруженію и къ господству мира всюду на землѣ,—говоритъ Арнольдъ Беннетъ.— Каждый мечъ, обнаженный противъ Германіи, есть мечъ, обнаженный для утвержденія мира". Извѣстный народный писатель Блэчфордъ усматриваетъ въ этой войнѣ союзника для соціализма, тогда какъ другой писатель соціалистъ привѣтствуетъ войну, какъ друга

---

[1]) „The Morrow of the War", The National Policy", „Shall this War end German Militarism", „War—the Offspring of Fear", „The Origins of the Great War", „Parliament and Foreign Policy", и др.

демократіи. Профессоръ Гильбертъ Мёррей доказываетъ, что война поведетъ *всюду* къ демократизаціи старыхъ институтовъ. Она совершитъ то, чего не могли сдѣлать единичные борцы и спорадическія вспышки. Въ Англіи очень многіе убѣждены, что чрезмѣрныя вооруженія, милитаризмъ, политика крови и желѣза, стремленія къ захвату чужихъ территорій — „германскіе продукты", которые исчезнутъ вмѣстѣ съ пораженіемъ Германіи.

„Я долженъ сказать теперь, что такая вѣра и такія надежды представляютъ большую опасность,—говоритъ Норманъ Энджелль.— Хотя совершенно справедливо, что мы должны направить всѣ силы на то, чтобы союзныя государства вышли побѣдителями, но одна лишь побѣда на полѣ битвы не осуществитъ еще всѣхъ надеждъ Европы. Достиженіе тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мечтаетъ теперь населеніе союзныхъ государствъ, находится въ зависимости не только отъ пораженія Германіи, но также отъ условій будущаго мира. Союзныя государства не должны повторять ошибокъ, сдѣланныхъ Германіей,—въ противномъ случаѣ всѣ великія жертвы, понесенныя теперь, пройдутъ напрасно". Въ интересахъ Европы и всего человѣчества, чтобы союзныя государства вышли побѣдителями и чтобы прусскій военный автократизмъ убѣдился въ безполезности борьбы съ объединившимся сосѣдями. Не подлежитъ сомнѣнію также,—говоритъ Норманъ Энджелль — что британскій народъ твердо рѣшилъ идти до конца въ этой борьбѣ и добиться побѣды, какъ бы дорого она ни обошлась. Нельзя даже и думать о томъ, что въ Англіи раздадутся голоса о мирѣ раньше, чѣмъ достигнута будетъ полная побѣда.

Но за то есть другое опасеніе, не менѣе важное, а именно то, что побѣда не принесетъ съ собою постояннаго мира. Это случится тогда, когда населеніе Англіи послѣ побѣды будетъ охвачено местью,—говоритъ авторъ. Необходима теперь точная терминологія, когда мы говоримъ объ условіяхъ, при которыхъ возможенъ миръ. Такія выраженія, какъ „разгромъ врага", „уничтоженіе его" или „окончательное посрамленіе" очень неясны, — говоритъ Норманъ Энджелль. „Что, напримѣръ означаетъ полный *разгромъ Германіи?* — спрашиваетъ авторъ. — Германія насчитываетъ населеніе въ шестьдесять пять милліоновъ. Думаете ли вы вырѣзать ихъ всѣхъ? Полагаете ли вы, что страна будетъ *совершенно разгромлена* послѣ того, какъ разгромятъ германскую армію? Предположимъ даже, что 250.000 нѣмцевъ будутъ убиты; но даже и тогда на населеніе въ 65 мил. останется еще около 5 мил. чел., способныхъ носить оружіе. Ихъ невозможно „разгромить совершенно"; невозможно вырѣзать всѣхъ или увести, какъ населеніе Карѳагена, въ постоянное рабство. Этихъ солдатъ нельзя даже изгнать изъ Германіи. Намъ говорятъ, что, хотя населеніе Германіи нельзя уничтожить, но можно за то уничтожить Герман-

скую имперію, какъ была раздѣлена когда-то Польша. Намъ говорятъ, что Франція и Бельгія должны подѣлить между собою германскія владѣнія до Рейна, что Даніи надо отдать Шлезвигъ-Гольштинію и т. д." Авторъ выясняетъ, каковы были бы результаты подобнаго раздѣла Германіи, явись онъ послѣ побѣды союзниковъ. Германія, захвативъ въ 1871 г. Эльзасъ и Лотарингію, подготовила этимъ войну 1914 г. Послѣ „раздѣла" Германіи въ Европѣ было бы четыре или пять государствъ, поставленныхъ въ такія же условія, какъ Германія въ 1871 г.

Государство не можетъ быть демократическимъ, если ему приходится удерживать какую-нибудь провинцію помимо желанія ея населенія. Въ такомъ государствѣ будутъ двѣ степени свободы и двѣ степени представительнаго правительства: одна для побѣдителей, а другая—для побѣжденныхъ. Государство не можетъ предоставить населенію завоеванной провинціи такія же избирательныя права, какъ и коренному населенію, изъ опасенія, что присоединенная территорія выскажется противъ метрополіи. Изъ тѣхъ же соображеній побѣдитель не можетъ предоставить побѣжденнымъ даже свободу высказываться въ печати. Вполнѣ естественно, что насильно присоединенная провинція воспользовалась бы свободой для агитаціи въ пользу присоединенія къ прежней родинѣ. Побѣдителямъ пришлось бы все время держать присоединенныя провинціи силой меча. Такимъ образомъ даже республиканская Франція должна была бы стать военной деспотіей и машиной для политическаго гнета. Даже республиканская Франція принуждена была бы запрещать митинги, издавать законы противъ употребленія нѣмецкаго языка и раздѣлить своихъ гражданъ на двѣ категоріи. Вмѣсто того, чтобы быть однородной страной, все населеніе которой подчиняется одному закону, Франція превратилась бы въ пестрое государство, гдѣ рядомъ съ полноправными гражданами живутъ другіе, ограниченные въ своихъ правахъ. Такая система гибельна для государства. Послѣдствіемъ войны, долженствующей разрушить милитаризмъ и кайзеризмъ, было бы превращеніе демократической, свободной Франціи въ своего рода Пруссію. Великая борьба, начатая для освобожденія Европы отъ милитаризма, кончилась бы еще бо̀льшимъ торжествомъ его. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мы видѣли, какъ милитаризмъ можетъ превратить высокоталантливый народъ, состоящій изъ „поэтовъ и мыслителей", въ угрозу для всего міра, въ военную машину, для сокрушенія которой поднялись народы Европы на праведный бой. Германія когда-то была страной философовъ. На ея почвѣ выросъ романтизмъ. Ея поэты и музыканты властвовали. Идеаломъ той Германіи были искусство, культура, а не наступательный націонализмъ. Творческія силы ея проявлялись въ созданіи не машины разрушенія, а „Критики чистаго разума", „Фауста" и Девятой симфоніи Бетховена. Этой

Германіи великой мысли и сильнаго чувства міръ всегда будетъ признателенъ.

Но за послѣднія сорокъ лѣтъ выросла новая Германія. „Знающій Германію только по ея литературѣ, а въ особенности по ея философіи и поэзіи, едва-ли узнаетъ страну, если станетъ изслѣдовать ее теперь, — писалъ англійскій авторъ еще до войны.—Основной мотивъ германской жизни теперь иной, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Народился новый духъ. Если раньше мы видѣли въ Германіи господство *духа* и идей, то теперь наблюдаемъ преобладаніи *матеріи*. Сто лѣтъ тому назадъ Германія была бѣдна матеріально, но богата въ идеалахъ. Теперь она богата матеріально, но бѣдна идеалами. Во всякомъ случаѣ, исчезъ ея прежній идеализмъ“ [1]). Чѣмъ же обусловливается эта удивительная перемѣна? Прежняя Германія состояла изъ маленькихъ государствъ, слабыхъ политически. Государство тогда не накладывало въ такой мѣрѣ своихъ требованій, какъ впослѣдствіи, когда Германія объединилась. Война 1870—71 гг. сдѣлала Германію великой страной, а германскій народъ—маленькимъ, — говоритъ Норманъ Энджелль. Характеръ нынѣшней Германіи обусловливается захватомъ новыхъ территорій и стремленіемъ удержать ихъ. Одинаковыя причины создаютъ всегда одинаковыя слѣдствія. Если другія страны повторятъ ошибку Германіи, т. е. попытаются удержать ея территоріи, то милитаризмъ только усилится въ Европѣ. Побѣдители должны имѣть въ виду два обстоятельства: 1) энергичныя страны очень быстро оправляются послѣ разгрома; 2) выгодный союзъ даетъ большія преимущества государству, но союзы эти очень не прочны и часто мѣняются.

V.

Разгромъ на полѣ битвы не можетъ стереть съ карты энергичную страну съ мужественнымъ населеніемъ. Въ самомъ началѣ XIX вѣка, напр., Пруссія была сокрушена, какъ военное государство. Армія ея была уничтожена подъ Іеной и Ауэрштедтомъ, а вся страна занята французами. По Тильзитскому миру Пруссія потеряла всѣ территоріи на западъ отъ Эльбы, всѣ польскія провинціи, южную часть Западной Пруссіи и Данцигъ. Другими словами, половина населенія отошла отъ Пруссіи. Прусскіе города были заняты французской арміей, покуда побѣжденная страна не выплатила громадную контрибуцію. Согласно условіямъ мира, Пруссія могла держать армію лишь въ 42.000 человѣкъ и не имѣла права ввести милицію. Повидимому, она была до такой степени обезличена, что пять лѣтъ спустя должна была доставить Наполеону армію для вторженія въ Россію. Весь талантъ Наполеона какъ государственнаго человѣка, былъ направленъ на то, чтобы

---

[1]) W. Harbutt Dawson, „The Evolution of Modern Germany“, стр. 2.

возстановить нѣмецкія государства другъ противъ друга. Использовавъ ихъ соперничество и зависть другъ къ другу, онъ заручился ихъ союзомъ. Наполеонъ создалъ буферное Вестфальское королевство и превратилъ нѣмецкіе дворы въ культурныхъ вассаловъ Франціи.

Казалось, Германія была такъ разгромлена, что она почти перестала существовать даже какъ географическій терминъ. Повидимому, сама душа нѣмецкаго народа была раздавлена. Великіе люди Германіи или оставались совершенно равнодушны къ униженію страны, какъ напр., Гете или Гегель [1]), или же радовались торжеству французскихъ идей. И, имѣя въ рукахъ подобный неблагодарный матеріалъ, Пруссія достигла такихъ результатовъ, что черезъ шесть лѣтъ послѣ заключенія унизительнаго Тильзитскаго договора французская армія была разгромлена на нѣмецкой почвѣ. Германское самосознаніе пробудилось послѣ Іены. Замѣчательно, что Пруссія использовала съ выгодой для себя даже пунктъ объ ограниченіи ея арміи. Шарнгорстъ соблюдалъ условіе, чтобы Пруссія не имѣла больше 42.000 солдатъ; но армія эта вербовалась заново каждые 6-7 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ Пруссія имѣла много обученныхъ солдатъ. И, когда подоспѣлъ благопріятный моментъ, т. е. когда Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе въ Россіи, Шарнгорстъ въ короткое время могъ собрать армію въ 250.000.

Вспомнимъ теперь, какъ быстро оправилась Франція послѣ разгрома 1871 г. Германская армія, выставленная государствами, которыя еще на памяти живыхъ тогда людей были удѣлами Наполеона I, разгромила войска Наполеона III. Франція была повержена въ прахъ, ея города заняты нѣмцами, имперія свержена и замѣнена непрочной республикой. Мало того, во Франціи началась гражданская война. Франція была до такой степени разбита, что Бисмарку почти пришлось создать французское правительство для веденія переговоровъ о мирѣ. Отъ побѣжденной страны потребована была контрибуція, казавшаяся тогда колоссальной. Казалось, что послѣ такого разгрома Франція на сто лѣтъ перестанетъ существовать какъ сколько-нибудь значительное государство. Надо прибавить еще, что приростъ населенія былъ слабый и все падалъ, что республика была неустойчива и что страна была раздираема борьбой партій. И, не смотря на все это, черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія мира, Франція уже на столько оправилась, что стала тревожить Бисмарка. Какъ извѣстно, онъ задумалъ тогда снова разгромить Францію, на этотъ разъ окончательно. Такимъ образомъ мы видимъ, что талантливый, мужественный народъ не

---

[1]) Въ день сраженія подъ Іеной, находясь на такомъ близкомъ разстояніи отъ поля битвы, что до него доносился громъ пушечныхъ выстрѣловъ, Гегель кончалъ „Феноменологію духа". Напрасно стали бы искать въ этой книгѣ хотя бы слабаго отголоска великой катастрофы, среди которой она была написана.

можетъ быть стертъ съ карты. Хороши ли его идеалы или дурны, но они не могутъ быть разстрѣляны пушками. Надо помнить еще одно обстоятельство. Франція, возродившаяся столь изумительно послѣ разгрома 1871 г., — страна съ почти остановившимся населеніемъ. Такъ какъ она не нуждается въ развитіи промышленности, то мы этомъ отношеніи не видимъ во Франціи такой картины, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или же въ Германіи. Съ другой стороны, въ Германіи населеніе увеличивается приблизительно на милліонъ въ годъ. И если война временно отодвинетъ матеріализмъ и роскошь, которыми отличалась Германія въ послѣднее время, то приростъ ея населенія станетъ еще сильнѣе. Чѣмъ проще жизнь въ странѣ, тѣмъ больше тамъ дѣтей въ семьѣ.

Вполнѣ вѣроятно, что искусственно созданная и поддерживаемая силой меча Австрійская имперія, заключающая въ себѣ столько народовъ, будетъ политически преобразована,—говоритъ Норманъ Энджель. И если произойдетъ „перетасовка народовъ", входящихъ въ составъ Австро-Венгріи, то останется одинъ фактъ: существованіе въ центральной Европѣ ста милліоновъ нѣмцевъ, мечтающихъ о національномъ возрожденіи послѣ разгрома. Передъ нами будетъ стомилліонный, высоко образованный, энергичный народъ, торгующій, работающій на фабрикахъ, строящій коммерческіе корабли.

Теперь народы ополчились противъ Германіи, приведенные въ отчаяніе милитаризмомъ, давившимъ весь міръ. Противъ Германіи образовалась коалиція; но исторія учитъ насъ тому, что союзы государствъ—очень непрочный факторъ. Исторія первой и второй балканскихъ войнъ доказываетъ, напримѣръ, какъ быстро возникаютъ и распадаются союзы и какъ недавніе друзья превращаются въ враговъ. Италія состояла тридцать лѣтъ въ союзѣ съ Германіей и Австріей, а между тѣмъ она теперь не только оставила ихъ, но можетъ даже выступить противъ. Десять лѣтъ тому назадъ Японія воевала съ Россіей, а теперь мы видимъ ихъ союзниками, Въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка Англія была всегда на сторонѣ Россіи. Затѣмъ втеченіе пятидесяти лѣтъ въ Англіи проводился тотъ взглядъ, что увеличеніе могущества Россіи представляетъ для Великобританіи величайшую опасность. Десять лѣтъ тому назадъ взглядъ этотъ радикально измѣнился. Теперь Англія содѣйствуетъ увеличенію могущества Россіи. Что касается до Германіи, то въ послѣднюю войну, которую Англія вела на континентѣ, она сражалась вмѣстѣ съ нѣмцами противъ французовъ. Великобританія воюетъ теперь также съ Австро-Венгріей, съ которой долго была въ союзѣ. Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что коалиціи и союзы не могутъ быть постоянны, что они постоянно возникаютъ, мѣняются и распадаются. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предположить, что нынѣшняя группировка силъ останется постоянной.

Все сказанное можно суммировать такъ. Союзныя государства ведутъ справедливую войну и въ интересахъ Европы и всего человѣчества важно, чтобы они вышли побѣдителями. Но „уничтоженіе Германіи“ — фраза, лишенная серьезнаго значенія, такъ какъ невозможно уничтожить шестидесяти пяти милліонный, или, точнѣе, семидесяти милліонный народъ. Онъ останется и послѣ разгрома. Народъ этотъ невозможно подѣлить между побѣдителями, такъ какъ это заставитъ ихъ быть интенсивно-военными государствами. Франція не сможетъ согласовать свой демократическій строй и свою гражданскую свободу съ необходимостью удержать новую провинцію съ чуждымъ населеніемъ. Если условіемъ мира будетъ расторженіе Германскаго союза, то нѣтъ никакой возможности предупредить новое объединеніе нѣмецкихъ государствъ. Если даже разноязычныя балканскія государства могли соединиться для общей цѣли въ одну лигу, то тѣмъ болѣе сумѣютъ сдѣлать это нѣмецкія государства съ однороднымъ, культурнымъ и патріотическимъ населеніемъ. На дипломатическія комбинаціи, при помощи которыхъ можно будетъ держать всегда нѣмецкія государства въ подчиненномъ или зависимомъ состояніи, нельзя разсчитывать. Эти комбинаціи очень непрочны и вчерашніе враги завтра могутъ оказаться друзьями. То обстоятельство, что Турція вдругъ увидала своими союзниками противъ Болгаріи государства, которыя воевали вмѣстѣ съ этимъ государствомъ противъ Оттоманской имперіи, не представляетъ ничего исключительнаго.

VI.

Норманъ Энджеллъ доказываетъ, что нельзя излечить нѣмцевъ отъ „пруссачества“ (prussianism) при помощи одного разгрома ихъ арміи. Вѣра въ то, что излеченіе при помощи грубой силы возможно, насажена пруссаками. „Наиболѣе характерной чертой прусскаго милитаризма, свидѣтельствующей о тупости его, является убѣжденіе, что на другіе народы можно воздѣйствовать мѣрами, которыя на нѣмцевъ не оказываютъ вліянія,—говоритъ Норманъ Энджеллъ.—Безсмысленность философіи „пруссачества“ заключается въ предположеніи, что завоеванный народъ можно *устрашить* и заставить его такимъ образомъ подчиниться. Пруссаки въ то же время, на основаніи историческаго опыта, знаютъ, что на *нихъ* такими средствами устрашенія подѣйствовать нельзя. Пруссаки знаютъ, что устрашеніе на *нихъ* производитъ обратное дѣйствіе. Но они не могутъ себѣ даже представить, что и другіе народы похожи въ этомъ отношеніи на нѣмцевъ. Изслѣдовавъ всѣ ошибки прусской дипломатіи и прусскаго правительства, мы убѣдимся, что онѣ явились всегда результатомъ неспособности поставить себя на мѣсто другихъ. Прусскій дипломатъ исходитъ изъ положенія, что нѣмцы не такіе люди, какъ остальные, а думаютъ и чувствуютъ по-иному. Прусскій милитаризмъ вполнѣ понимаетъ, что нѣмцы

до послѣдняго будутъ защищать *свою* территорію и ни за что не подчинятся завоевателю, но ему не приходитъ даже въ голову, что *другіе* народы не захотятъ подчиниться нѣмецкому завоеванію. Проповѣдуя „раздѣлъ“ Германіи, воинственные публицисты показываютъ этимъ, что всецѣло прониклись „пруссачествомъ“ [1]).

Новая книжка Нормана Энджелля отличается всѣми характерными чертами другихъ его работъ: наиболѣе сильна критическая часть; что же касается конструктивной части, то она смята и ограничивается общими словами. „Европѣ не видать мира до тѣхъ поръ, покуда Германія не будетъ побѣждена“,—говоритъ авторъ. Этотъ тезисъ доказанъ имъ. „Разгромъ Германіи, сопровожденный отторженіемъ территорій съ кореннымъ нѣмецкимъ населеніемъ, принесетъ Европѣ не миръ, а мечъ“. Для подтвержденія этого тезиса Норманъ Энджелль привелъ очень правдоподобные аргументы; но мы такъ и не знаемъ, какія же условія приведутъ къ паденію милитаризма и что помѣшаетъ той же Германіи начать снова вооружаться. Повидимому, Норманъ Энджелль вѣритъ въ „благоразуміе“ разныхъ странъ. Во всякомъ случаѣ онъ даетъ аналогію между воинственнымъ государствомъ и воинственной церковью минувшихъ вѣковъ. Было время въ исторіи, когда католическая церковь опиралась на военную силу и распространяла свое ученіе при помощи меча. Группа католическихъ государствъ пыталась тогда разгромить группу протестантскихъ государствъ въ интересахъ католицизма. Въ извѣстномъ отношеніи тѣ же цѣли, т. е. пропаганду протестантизма силой, преслѣдовала другая группа. Каждая группа государствъ всѣми силами сопротивлялась попыткамъ другой стороны. Зло этихъ религіозныхъ войнъ заключалось не въ идеалѣ, т. е. не въ протестантизмѣ и не въ католицизмѣ, а въ тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ обѣ стороны пытались навязать свой идеалъ. Съ этимъ согласятся теперь и католики, и протестанты.

Добрый католикъ и теперь готовъ умереть за свою вѣру на полѣ битвы, какъ умерли его предки; но теперь много добрыхъ католиковъ, каторые стали бы сражаться рядомъ съ протестантами, еслибы коалиція католическихъ странъ захотѣла навязать протестантамъ свою вѣру силой. Когда на протестантовъ напали въ XVI вѣкѣ, они были правы, взявшись за оружіе; но они послѣ побѣды совершили ту же ошибку, что и католики, когда попытались разгромить католицизмъ. Этимъ они продолжили религіозныя войны. Послѣднія кончились не тѣмъ, что католики окончательно побѣдили и заставили всю Западную Европу принять католицизмъ. Не прекратились религіозныя войны также и потому, что побѣдили протестанты и заставили другую коалицію отречься отъ католицизма. Миръ установился тогда, когда

1) „Shall this War end German Militarism“, стр. 18.

обѣ стороны рѣшили не прибѣгать къ оружію при распространеніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. То же самое мы видимъ и теперь, по мнѣнію Нормана Энджелля. Опасность для Европы представляетъ не нѣмецкій національный идеалъ, не Deutschtum, не убѣжденіе, что германская культура самая высшая. Опасность является тогда, когда Германія пытается навязать Европѣ силой свой національный идеалъ. Авторъ убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, національные идеалы мирно уживутся рядомъ, какъ теперь уживаются идеалы религіозные.

Передъ войной многіе писатели, въ томъ числѣ и Норманъ Энджелль, сильно переоцѣнивали значеніе экономическихъ факторовъ и ими *одними* пытались объяснить сложныя явленія интернаціональныхъ отношеній. Теперь многіе, въ томъ числѣ и Норманъ Энджелль, впадаютъ въ противоположную крайность и слишкомъ переоцѣниваютъ значеніе всѣхъ другихъ факторовъ, кромѣ экономическихъ. И однако, на основаніи изслѣдованія экономическихъ факторовъ, не будучи пророкомъ, можно было еще десять лѣтъ тому назадъ предсказать не только неизбѣжность войны между Англіей и Германіей, но приблизительно даже годъ. (Въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1906 г. былъ указанъ 1913 г. Ошибка была уже не такъ велика). Мы не знаемъ еще теперь, какъ могутъ быть устранены эти факторы, *если въ Европѣ останется укладъ какъ до войны*; но мы знаемъ, что второй Армагеддонъ, если онъ случится, дѣйствительно возвратитъ насъ къ временамъ варварства. Не надо тоже быть пророкомъ, чтобы предсказать это.

Діонео.

Французскія настроенія.

Война заставила многихъ измѣнить свое мнѣніе о Франціи. Въ послѣдніе годы въ европейской, да отчасти и въ русской печати не мало писалось объ упадкѣ французской культуры, о ея начинающемся вырожденіи и одряхлѣніи, объ ослабленіи національнаго чувства во французскомъ народѣ, все болѣе погрязающемъ въ узкомъ и ограниченномъ матеріализмѣ. Но вотъ вспыхнула война, и вчерашніе хулители Франціи заговорили о ея „возрожденіи“, „воскресеніи“ и т. п. Повидимому, наблюдатели французской жизни, говорившіе объ упадкѣ и вырожденіи Франціи, просто-на-просто плохо наблюдали и за деревьями не видѣли лѣса. Сосредочивъ свое вниманіе на внутреннихъ распряхъ, на ожесточенной борьбѣ политическихъ партій, которая, между прочимъ, служитъ доказательствомъ интенсивной общественной жизни, они проглядѣли то, что составляло фундаментъ скрытаго моральнаго единства націи.

Вотъ уже восьмой мѣсяцъ, какъ длится война, и за эти мѣсяцы французскій народъ много пережилъ и прошелъ суровую школу. Какія же настроенія господствуютъ въ немъ сейчасъ, какія цѣли ставитъ онъ себѣ и чего ждетъ онъ отъ своей побѣды, въ которую твердо вѣритъ? Какъ отразилась на немъ война въ идейномъ смыслѣ, какія чувства и идеи она усилила, какія ослабила?

I.

Въ первый періодъ войны, ознаменовавшійся стремительнымъ наступленіемъ германскихъ армій, всѣ помыслы правительства, общества и народа сосредоточивались на одномъ: какъ бы остановить врага, отразить его, спасти отъ осады и униженія столицу. Въ это время какъ-то некогда было думать объ общихъ цѣляхъ войны, о ея смыслѣ, о задачахъ, которыя должна поставить себѣ Франція. Конечно, въ печати эти вопросы обсуждались, но какъ-то наспѣхъ, безъ серьезнаго и вдумчиваго обоснованія. Господствовавшее въ массахъ настроеніе сводилось къ тому, что эта война должна быть войною за освобожденіе, что она должна возродить міръ на новыхъ началахъ и знаменуетъ собою кровавый конецъ цѣлой эпохи. Но и это настроеніе было какое-то смутное, неопредѣленное. Лишь послѣ Марнской побѣды, когда Франція облегченно вздохнула и нѣсколько успокоилась, когда лучи надежды заблестѣли для нея сквозь мрачныя тучи, вопросы о смыслѣ, задачахъ и цѣляхъ войны стали больше привлекать общественное вниманіе.

Конечно, вопросъ о настроеніяхъ трудный вопросъ и разобраться въ немъ нелегко. Но все-таки имѣется извѣстное количество данныхъ, которыя могутъ послужить основой для сужденія. Чрезвычайно важнымъ элементомъ являются мнѣнія и взгляды политическихъ партій и направленій, отражающихъ въ той или иной степени настроенія связанныхъ съ ними или сочувствующихъ имъ общественныхъ слоевъ.

Остановимся раньше всего на соціалистахъ. Когда вспыхнула война, многимъ казалось, что вліяніе французскаго соціализма должно сильно упасть. Война знаменовала пораженіе его политики. Французскіе соціалисты безъ устали проповѣдывали миръ и боролись противъ милитаризма,—но миръ умеръ, а милитаризмъ занялъ главное мѣсто въ жизни. Ихъ главнымъ аргументомъ служила международная солидарность трудящихся,—но эта солидарность потерпѣла крушеніе при первыхъ же раскатахъ военной грозы. Однако вліяніе французскаго соціализма, какъ партіи, далеко не упало. Объясняется это тѣмъ, что французскій соціализмъ является единственной организованной и крѣпко спаянной партіей въ странѣ, опирающеюся на широкія массы. Во Франціи, за исключеніемъ соціалистической, да еще, пожалуй, католической, фактически не существуетъ правильно организованныхъ политическихъ

партій: имѣются лишь преимущественно парламентскія группы не обладающія прочной организаціонной связью съ массой. Эти группы играютъ первенствующую роль въ мирное время, когда парламентская политика и парламентская борьба за власть стоятъ на первомъ планѣ. Теперь же онѣ какъ-то стушевались, перестали занимать политическую авансцену.

Но такъ какъ соціалисты, не смотря на войну, остались серьезной и организованной политической силой, такъ какъ они партія народная и такъ какъ они были самыми убѣжденными принципіальными противниками войны, то ихъ заявленія и дѣйствія особенно привлекаютъ общественное вниманіе. Ихъ участіе въ національной оборонѣ считается тѣмъ болѣе важнымъ, что они были противниками войны и что за ними стоятъ массы, на которыхъ бремя войны ложится особенно тяжко. Въ то же время и рабочіе, и отчасти крестьянское населеніе инстинктивно тянутся къ соціалистамъ, какъ къ единственной организованной силѣ, стоящей на стражѣ интересовъ трудящихся и обездоленныхъ въ такой страшный моментъ. Соціалисты, наконецъ, импонируютъ сейчасъ своей рѣшительностью яркостью и откровенностью своихъ заявленій, своимъ постояннымъ стремленіемъ отразить возможно полнѣе настроенія трудовыхъ классовъ. Когда война вспыхнула, соціалистамъ тотчасъ же было предложено участіе въ министерствѣ, но партія тогда отклонила это предложеніе. Второй разъ предложеніе было сдѣлано, когда Франція переживала поистинѣ трагическія минуты, когда нѣмцы, по пятамъ отступавшей французской арміи, быстро приближались къ Парижу. Партія дала свое согласіе, но на условіяхъ, небывалыхъ во французской политической практикѣ. Президенту республики и предсѣдателю совѣта были поставлены слѣдующія условія: Самба и Гэдъ участвуютъ въ министерствѣ, какъ „делегаты" партіи, подчиняющіеся ея директивамъ и постановленіямъ ея центральныхъ органовъ; они остаются раньше всего организованными членами партіи и сохраняютъ полную свободу проповѣдывать въ странѣ партійныя идеи.

Ставъ министрами, Самба и Гэдъ присутствуютъ регулярно на засѣданіяхъ парламентской соціалистической группы, принимаютъ дѣятельное участіе въ ея дебатахъ и даютъ ей время отъ времени отчеты о своей работѣ въ правительствѣ. Они выступаютъ и на партійныхъ конференціяхъ и, какъ извѣстно, были посланы делегатами на лондонскую конференцію соціалистовъ союзныхъ странъ, вызвавшую такой шумъ во французской реакціонной печати. Когда разразилась война, то французскіе соціалисты были глубоко убѣждены въ томъ, что французское правительство сдѣлало все возможное для предотвращенія катастрофы и что Франція подвергается грубому и несправедливому нападенію съ заранѣе обдуманной цѣлью. Это убѣжденіе побудило ихъ откликнуться на при-

зывъ къ національному единенію и принять участіе не за страхъ, а за совѣсть, въ національной оборонѣ.

Въ докладѣ центральнаго комитета партіи, представленномъ партійной конференціи, которая состоялась 9-го февраля въ Парижѣ, мы читаемъ по этому поводу слѣдующее:

„У Жорэса накануне его смерти, создалось твердое убѣжденіе въ томъ, что если, къ несчастію, война все-таки вспыхнетъ, то французская соціалистическая партія и не только партія, но и сама Франція и ея правительство, не будутъ нести никакой отвѣтственности въ этомъ чудовищномъ покушеніи на цивилизацію и человѣчество. Это убѣжденіе раздѣлялось также и нами, и разоблаченія, сдѣланныя во время войны, еще болѣе укрѣпили его. Если можно считать, съ теоретической точки зрѣнія, что предыдущая дѣятельность капиталистической Франціи являлась однимъ изъ факторовъ, обусловливающихъ настоящую возможность вооруженнаго европейскаго или мірового конфликта, то во всякомъ случаѣ нельзя оспаривать, что въ іюлѣ и августѣ прошлаго года французская нація искренно дѣйствовала въ интересахъ сохраненія мира и проводила практическія мѣры для осуществленія этой цѣли. Это основное убѣжденіе диктовало намъ впослѣдствіи всѣ наши выступленія, всѣ наши дѣйствія и опредѣлило общую позицію центральныхъ органовъ“ [1]).

Убѣжденіе въ правильности своей позиціи укрѣплялось и укрѣпляется у французскихъ соціалистовъ сознаніемъ, что они борются не только за Францію, но и за интересы человѣчества и будущее соціализма. Въ газетѣ „France de Bordeau“ былъ помѣщенъ рядъ статей на эту тему, подписанныхъ псевдонимомъ „un Socialiste“, за которымъ скрывается одинъ изъ соціалистическихъ министровъ. „Никто не можетъ оспаривать,—пишетъ авторъ въ одной изъ этихъ статей—что германская побѣда будетъ побѣдой не австрійскаго и германскаго народовъ, а кайзера, реакціоннаго дворянства и прусскихъ юнкеровъ,—въ то время, какъ побѣда другой стороны будетъ побѣдой всего, что есть демократическаго въ Европѣ. Тройственное согласіе сражается не только за свою собственную независимость, но также и за обезпеченіе священныхъ правъ нейтральныхъ странъ, за освобожденіе угнетаемыхъ національностей. Австрія борется для того, чтобы удержать подъ своимъ игомъ чеховъ Богеміи, румынъ Трансильваніи, сербовъ Босніи, итальянцевъ Трентино и Истріи. Германія борется, чтобы подчинить весь міръ своей гегемоніи; она преслѣдуетъ цѣли завоевательныя и захватныя. Она мечтаетъ не только о захватѣ Тріеста, но желаетъ захватить также Бельгію и Антверпенъ, сѣверъ Франціи и Шампань, Польшу, которую она онѣмечитъ, и балтійскія провинціи“.

Авторъ доказываетъ далѣе, что побѣда Германіи и Австріи

---

1) „L'Humanité 9 février 1915.

привела бы къ полному крушенію международнаго соціализма, который, быть можетъ, очень долго не могъ бы возродиться. „Неужели найдется—спрашиваетъ онъ—хотя бы одинъ человѣкъ среди соціалистовъ нейтральныхъ странъ, который не понималъ бы, что въ Европѣ, какой она будетъ послѣ германской побѣды, соціалистическое движеніе задержится, быть можетъ, на два столѣтія? И это не только въ виду тѣхъ препятствій, которыя воздвигнетъ прусскій милитаризмъ, усиленный до головокруженія, но также и потому, что расовая и національная ненависть, доведенная до пароксизма, сдѣлаетъ невозможнымъ какое бы то ни было соглашеніе между работниками. Европа превратится въ нѣчто вродѣ теперешней Австріи, той Австріи, гдѣ безсиліе соціалистовъ, раздираемыхъ расовыми и національными распрями, настолько общеизвѣстно, что никто не подумалъ даже послать имъ упрекъ за то, что они ничего не сдѣлали, чтобы помѣшать войнѣ".

Но Россія вѣдь тоже участвуетъ въ тройственномъ согласіи, а Россія—страна, не обладающая демократическими учрежденіями? Да,—отвѣчаетъ авторъ на этотъ аргументъ—Россія дѣйствительно не демократія. Но я вынужденъ однако констатировать, что она сражается сейчасъ за дѣло цивилизаціи и справедливости и что она могла начать борьбу, лишь вступивъ на этотъ путь. По вопросу о Россіи высказывался нѣсколько разъ и центральный органъ партіи, „L'Humanité".

„Великая драма, разыгрывающаяся сейчасъ въ мірѣ, — читаемъ мы въ статьѣ, посвященной этому вопросу,—не является исключительно столкновеніемъ фатальныхъ экономическихъ силъ. Это—громадная политическая драма, въ которой вырабатывается международное демократическое будущее. Въ ней, главнымъ образомъ, поставлено на карту существованіе двухъ великихъ мирныхъ демократій Запада. Вотъ это-то обстоятельство превращаетъ настоящую войну въ войну за свободу, не смотря на то, что судьба союзовъ и необходимое равновѣсіе силъ поставили рядомъ съ Англіей и Франціей большую націю, которая обладаетъ безконечными рессурсами, но политическій режимъ которой еще не достигъ того уровня, какъ въ названныхъ странахъ" [1]).

Французскіе соціалисты надѣются, что побѣда надъ Германіей не только избавитъ человѣчество отъ угрожающей ему страшной опасности, но и откроетъ новыя, болѣе широкія перспективы для его развитія. Европейскія демократіи—утверждаютъ они—соглашались приносить жертвы на алтарь милитаризма, которыхъ требовали отъ нихъ правительство и командующіе классы, только потому, что ихъ пугалъ призракъ вооруженной до зубовъ Германіи. Когда этотъ призракъ будетъ разсѣянъ, исчезнетъ поводъ не только для дальнѣйшихъ вооруженій, но и для сохраненія милитаристиче-

[1]) „L'Humanité, 20 février, 1915.

ской системы. Въ этомъ отношеніи не всѣ французскіе соціалисты мыслятъ одинаково. Одни смотрятъ на будущее чрезвычайно оптимистически, вѣруя, что побѣда союзниковъ приведетъ къ полному торжеству демократіи и мира. Другіе, не заходя такъ далеко, убѣждены однако, что эта побѣда создастъ во всякомъ случаѣ болѣе благопріятныя условія для борьбы во имя демократическихъ и соціалистическихъ идей и дастъ этой борьбѣ новый и могучій толчекъ.

Главнымъ теоретикомъ французскихъ соціалистовъ является сейчасъ Эдуардъ Вальянъ, сохранившій, не смотря на свой преклонный возрастъ, энергію и пылъ юности. Вальянъ остается вѣренъ традиціямъ бланкизма, котораго онъ всегда являлся наиболѣе авторитетнымъ продолжателемъ и который, ставя дѣйствіе выше догматическаго теоретизированія, никогда не отдѣлялъ отечество отъ соціализма. Извѣстно, какой горячій революціонный патріотизмъ проповѣдовалъ самъ Бланки во время франко-прусской войны въ своемъ органѣ „la Patrie en danger“, одно названіе котораго уже опредѣляло это направленіе.

Вальнъ особенно ополчается противъ тѣхъ соціалистовъ нейтральныхъ странъ, которые продолжаютъ придерживаться обычныхъ ортодоксальныхъ взглядовъ на войну. Онъ сравниваетъ ихъ съ „республиканцами-формалистами“ временъ имперіи, по поводу которыхъ Жюль Валлэсъ мѣтко замѣтилъ, что „они затыкаютъ себѣ уши красной ватой“.

„Что вы намъ говорите, спрашиваютъ они, о преступленіяхъ императора Вильгельма, о его нападеніи на Францію?—пишетъ Вальянъ.—Развѣ вы забыли примѣнить къ этой войнѣ принципъ, гласящій, что всякая война есть острый конфликтъ враждебныхъ капитализмовъ и что, такимъ образомъ, Франція, Англія, Бельгія и Россія настолько же виновны,—если ужь говорить о виновности,—какъ Германія и Австрія? Итакъ, потому, что всюду были накоплены взрывчатые матеріалы,—когда война вспыхнула, нѣтъ необходимости выяснять непосредственныя причины и непосредственную отвѣтственность? И, такъ какъ, поскольку будетъ существовать капитализмъ, будетъ существовать и классовая борьба, то нѣтъ необходимости искать въ современныхъ событіяхъ и ихъ продолженіи тѣхъ условій, *которыя сдѣлаютъ для насъ эту борьбу болѣе благопріятной* и при которыхъ возможно будетъ *съ бо́льшимъ успѣхомъ* добиваться разоруженія капитализма отъ вооруженныхъ силъ имперіализма, котораго Германская имперія является наиболѣе полнымъ воплощеніемъ? Формалисты-доктринеры знать ничего не хотятъ о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета и о нашествіи во Францію,—они не дѣлаютъ никакого различія между войной оборонительной, являющейся первымъ долгомъ народовъ для отстаиванія своего существованія, и войной

наступательной, которая является преступленіемъ народовъ и правительствъ, къ ней прибѣгающихъ" [1]).

Исходя изъ изложенныхъ выше соображеній, французскіе соціалисты считаютъ сейчасъ важнѣйшей своей задачей содѣйствовать всѣми силами національной оборонѣ, т. е. содѣйствовать доведенію до максимума военной мощи Франціи и поддержанію путемъ рѣшительныхъ мѣропріятій болѣе или менѣе нормальнаго теченія внутренней жизни въ странѣ. Только во имя этой цѣли они согласились принять участіе въ правительствѣ, какъ это было ими заявлено въ спеціальномъ манифестѣ къ рабочему классу. Но рядомъ съ этимъ они считаютъ не менѣе важной своей задачей пропагандировать въ массахъ опредѣленныя цѣли войны. Они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы въ глазахъ трудовой демократіи эта война получила характеръ войны, направленной не только противъ прусскаго милитаризма, но и вообще противъ милитаризма, какъ системы, и въ то же время стремятся постоянно провести раздѣленіе между германскимъ народомъ и его правительствомъ.

Вотъ что писала парламентская соціалистическая группа въ своемъ манифестѣ, выпущенномъ 25-го декабря: „Соціалисты, мы знаемъ, за какое будущее мы боремся. Мы боремся за то, чтобы независимость и цѣлость Франціи были обезпечены навсегда. Мы боремся за то, чтобы наши провинціи, аннексированныя 44 года тому назадъ, противъ ихъ воли, присоединились *свободно* къ тому отечеству, которому онѣ отдаютъ предпочтеніе. Мы боремся за то, чтобы права народовъ на свободное распоряженіе своей судьбой были на этотъ разъ признаны за всѣми. Мы боремся за то, чтобы они сгруппировались въ федераціи. Мы боремся за то, чтобы прусскій имперіализмъ, чтобы *всѣ имперіализмы* перестали задерживать ихъ свободное развитіе. Соціалисты, мы боремся еще за то, чтобы эта война — эта жестокая война—была послѣдней войной. Мы боремся, какъ мы всегда неустанно боролись, за то, чтобы миръ, не лживый, вооруженный миръ, а благодатный миръ освобожденныхъ народовъ, воцарился въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Мы боремся за то, чтобы трудящіеся, на плечи которыхъ ложится громадная тяжесть вооруженій, могли, наконецъ, вздохнуть свободно и продолжать свое освободительное усиліе, чтобы въ мірѣ возникла справедливость и чтобы нашимъ внукамъ не пришлось опасаться наступательныхъ возвращеній варварства" [2]).

А вотъ что говорилъ Гэдъ на партійной конференціи: „Черезъ восемь дней состоится конференція въ Лондонѣ. Что скажемъ мы тамъ, что будемъ мы тамъ дѣлать? Раньше всего необходимо

---

[1]) „L'Humanité", 9 octobre 1914.
[2]) „L'Humanité", 25 décembre 1914.

заявить, что не можетъ быть и рѣчи о мирѣ—который превратится лишь въ опаснѣйшее перемиріе,—пока германскій имперіализмъ не будетъ раздавленъ. Долгъ соціалистовъ, которые дѣйствительно желаютъ избавить человѣчество отъ кровавыхъ кошмаровъ, заключается въ томъ, чтобы продолжать борьбу до конца, закрывая уши для всякихъ бормотаній объ усталости. Намъ необходимо, съ другой стороны, громко заявить, что мы не ведемъ этой войны, которая намъ была навязана, что мы никогда не вели ея противъ нѣмецкой націи, которой мы готовы протянуть братскую руку, какъ только она покончитъ со своимъ кайзеромъ и съ прусскимъ милитаризмомъ, жертвой котораго она является не менѣе насъ. Необходимо, наконецъ, главнымъ образомъ, чтобы, добившись побѣды, мы могли человѣчно ее использовать и создать новую Европу, основанную на удовлетворенныхъ національностяхъ, не оставляющую мѣста расовымъ антагонизмамъ, а лишь антагонизму классовъ, который долженъ и сможетъ уничтожить одинъ только торжествующій соціализмъ. Вотъ почему французская побѣда, такимъ образомъ одержанная, будетъ въ то же время условіемъ и предисловіемъ будущей побѣды соціализма" [1]).

Я изложилъ въ общихъ чертахъ позицію и взгляды на войну французской соціалистической партіи, которая, какъ я говорилъ выше, представляетъ сейчасъ собою значительную общественную силу. Соціалистическая пресса утверждаетъ, что взгляды партіи на войну и ея цѣли раздѣляются не только огромными слоями мирнаго населенія, но пользуются большой популярностью и на фронтѣ, среди солдатъ, которымъ вѣра въ то, что побѣда надъ Германіей положитъ навсегда конецъ войнамъ, даетъ мужество переносить всѣ тяготы войны. Въ „L'Humanité" и другихъ партійныхъ органахъ печатаются изо дня въ день письма офицеровъ и солдатъ-соціалистовъ, увѣряющихъ въ своей вѣрности интернаціональному идеалу и сообщающихъ, что подъ вліяніемъ военныхъ ужасовъ, картинъ опустошенія и разгрома, многіе солдаты, бывшіе раньше націоналистами, присоединяются теперь къ соціалистической точкѣ зрѣнія на войну.

II.

Въ предыдущей главѣ я уже говорилъ, что война, упразднивъ на время парламентскую политику, заставила какъ-то стушеваться тѣ партіи, которыя, играя господствующую роль въ парламентѣ, не обладали ни настоящей партійной организаціей, ни крѣпкими связями съ массой. Это относится къ радикаламъ, занимавшимъ до войны главное мѣсто на политической авансценѣ. Конечно, радикалы не перестали существовать, но они какъ-то затихли. Никто

[1]) „L'Humanité", 10 février 1915

о нихъ не говоритъ, и они сами о себѣ не говорятъ,—голосъ ихъ почти не слышенъ. Радикальная пресса тоже стала какой-то особенно тусклой. Нѣкоторыя изъ парижскихъ радикальныхъ газетъ, державшіяся преимущественно правительственными субсидіями изъ „тайнаго фонда", вовсе перестали выходить; тѣ же столичные органы радикализма, которые существованія своего не прекратили, почти совершенно лишены интереса. Нѣкоторое біеніе жизни чувствуется лишь въ провинціальной прессѣ радикаловъ, но и она въ смыслѣ идейномъ чрезвычайно бѣдна. По поводу войны и ея цѣлей повторяются общія фразы о необходимости вести ее до конца, о необходимости созданія прочнаго мира послѣ побѣды союзниковъ. Но все это недостаточно опредѣленно и ясно, недостаточно ярко, а главное не подкрѣплено серьезнымъ обоснованіемъ.

Основной недостатокъ радикальной партіи въ послѣдніе годы заключался въ томъ, что она не обладала выдающимися вождями, какъ идейными, такъ и политическими. Изъ старыхъ вождей одни отошли вправо,—какъ, напримѣръ, Клемансо, Буржуа,—другіе слишкомъ состарились и не могутъ уже играть активной роли въ жизни партій. И, въ связи съ общими причинами, это, несомнѣнно, въ значительной степени повліяло на идейную слабость и политическую вялость радикализма въ данный моментъ. Но радикализмъ насчитываетъ большое число сторонниковъ среди университетской интеллигенціи, а эта интеллигенція, хотя и не участвующая активно въ партійной жизни, является какъ бы хранительницей и истолковательницей идейныхъ традицій передовой части несоціалистической демократіи. Радикальная французская интеллигенція стремится сейчасъ проявить нѣкоторую идейную энергію. Она оживленно обсуждаетъ войну, задачи настоящаго и цѣли будущаго и дѣлаетъ попытки пропагандировать свои взгляды среди широкихъ круговъ населенія. Радикальные профессора и ученые рѣдко однако помѣщаютъ свои статьи въ радикальныхъ органахъ. Они преимущественно выступаютъ въ журналахъ или въ газетѣ Эрвэ „Guerre Sociale", превратившейся въ главный органъ демократическаго патріотизма и весьма распространенной въ народныхъ массахъ.

Я позволю себѣ познакомить вкратцѣ читателей со взглядами нѣкоторыхъ представителей этой интеллигенціи.

Вотъ извѣстный профессоръ Сорбонны, Габріэль Сэайль, проповѣдывавшій въ свое время необходимость франко-германскаго сближенія. Сейчасъ онъ выкидываетъ лозунгъ: „Jusq'au bout", до конца! Профессоръ доказываетъ, что Франція должна вести войну безъ устали и безъ ослабленія, доведя до максимума всѣ свои силы, пока врагъ не будетъ окончательно побѣжденъ. Но не думайте, что этотъ лозунгъ диктуется шовинизмомъ, ненавистью къ нѣмцамъ. Наоборотъ, профессоръ Сэайль принадлежитъ къ числу тѣхъ французскихъ публицистовъ, которые особенно энергично выступили

противъ дикой шовинистической пропаганды уличной печати и не перестаютъ призывать французовъ къ чувствамъ гуманности и рыцарства. Если Сэайль тѣмъ не менѣе требуетъ, чтобы война была доведена до конца, то, по его словамъ, только потому, что онъ не желаетъ, чтобы война превратилась въ періодически необходимое кровопусканіе, а миръ въ перемиріе, во время котораго противники лишь возстанавливаютъ свои истощенныя силы для новыхъ битвъ.

„Я ни отъ чего не отрекаюсь,—пишетъ Сэайль.—Я отношусь къ войнѣ такъ же, какъ я относился къ ней раньше. Война есть пораженіе духа природой; она является въ человѣкѣ пережиткомъ безсмысленнаго злого звѣря, обуздать котораго есть главная цѣль цивилизаціи. Я знаю, что гораздо выше военнаго мужества стоитъ мужество жизни, которое, вмѣсто того, чтобы сконцентрировать усиліе на мгновеніе, продолжаетъ его и повторяетъ втеченіе долгихъ лѣтъ,—скромное мужество, поддерживаемое безыскусственной вѣрой, призывающее другія существа къ суровой жизненной борьбѣ, открывающее въ человѣкѣ благородство мысли. Но я знаю также, что есть красота и въ томъ, когда, подавляя инстинктъ усиліемъ воли, человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ приноситъ въ жертву свою молодую жизнь, полную надеждъ и иллюзій юности, въ энтузіазмѣ высшаго идеала, который придаетъ ей человѣческую цѣнность. Народъ, который, получивъ пощечину, не отвѣтилъ бы реакціей гнѣва, былъ бы мертвымъ народомъ и онъ не могъ бы уже ничего сдѣлать ни для справедливости, ни для свободы. Законная самозащита есть не только право, но и долгъ, потому что тотъ, кто не отстаиваетъ этого права, совершаетъ измѣну по отношенію къ самому праву“ [1]).

Какой же отсюда выводъ? А выводъ такой, что требовать мира, пока дѣло не доведено до конца—значитъ не служить идеѣ, „а отказаться отъ тѣхъ жертвъ, которыя она требуетъ“. Ибо, принимая во вниманіе тѣ условія, при которыхъ война возникла, и тотъ характеръ, какой она приняла, преждевременный миръ ничего не разрѣшитъ, оставитъ открытыми всѣ вопросы, не уничтожитъ ни одной угрозы. Преждевременный миръ снова упрочитъ на долгіе годы систему вооруженнаго мира, его ложь и лицемѣріе, до того дня, когда новая война приведетъ человѣчество опять къ той же точкѣ, на которой они сейчасъ стоятъ.

„Миръ въ данный моментъ явился бы санкціей нарушенія договоровъ,—пишетъ Сэайль—онъ оставилъ бы преступленіе безъ наказанія и возложилъ бы исправленіе всѣхъ золъ, кражъ, грабежей, разоренія, поджоговъ, на жертвы этихъ золъ. Такой миръ былъ бы актомъ трусливой измѣны по отношенію къ павшимъ на полѣ брани, кровь которыхъ оказалась бы напрасно пролитой, безъ всякой пользы и цѣли, лишь для того, чтобы удобрить землю. Гер-

---

1) „Guerre Sociale“, 29 Janvier 1915.

манія поставила проблему, которая должна быть разрѣшена: совершится ли объединеніе Европы путемъ принужденія, путемъ созданія гегемоніи одного народа, достаточно сильнаго, чтобы навязать всѣмъ остальнымъ народамъ свои принципы, свои нравы, свои продукты и свою цивилизацію, въ ея наиболѣе узкомъ и ограниченномъ проявленіи? Эта проблема должна быть разрѣшена разъ навсегда и такимъ образомъ, чтобы никто ужъ не могъ болѣе пытаться ставить ее въ такой формѣ".

Франція, Франція Революціи, не хочетъ и не должна умереть, восклицаетъ Сэйаль. Но для того, чтобы война не явилась отрицаніемъ всякой справедливости и всякой истины, сдѣлаемъ такъ, чтобы она превратилась въ моментъ вѣчной борьбы за право и свободу. Повернемъ войну противъ нея самой, чтобы она служила выраженіемъ воли къ миру, чтобы она была войной противъ войны, и поставимъ, какъ цѣль нашимъ усиліямъ, *„замѣну политикой народовъ политики правительствъ"*, которая всегда и одними и тѣми же путями приводила человѣчество къ несчастіямъ. Но какія бы цѣли ни ставить войнѣ—она все же есть варварство и рѣзко противорѣчитъ идеѣ человѣчества. Можно ли „принимать войну" во имя какихъ бы то ни было цѣлей, не измѣняя своей вѣрѣ въ эту идею? Сэайль старается опровергнуть этотъ аргументъ. Онъ могъ бы считать его правильнымъ, еслибы человѣчество было дѣйствительнымъ фактомъ, еслибы оно уже существовало. Но дѣло въ томъ, что никакого человѣчества, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, пока еще нѣтъ. Человѣчество пока еще только слово, которому нужно дать положительный смыслъ; оно не существуетъ въ жизни, а есть лишь идеалъ, цѣль, требующая осуществленія... „Но, говоритъ Сэайль, для насъ идеалъ—не мечта, не химера, не витаніе въ заоблачныхъ высяхъ, а форма долга, конечный результатъ дѣйствія. Моральную истину можно доказать, лишь осуществляя ее. Мы желаемъ дѣйствовать въ природѣ и воздѣйствовать на саму природу, чтобы ее трансформировать; для этого нужно принять ее, понять и связать то, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. Отечество вовсе не является отрицаніемъ человѣчества, а, наоборотъ, оно начинаетъ служить его основнымъ элементомъ—оно уже реализованная для насъ часть человѣчества. И только изъ федераціи отечествъ должны составиться Соединенные Штаты Европы, первая форма интернаціональнаго порядка, первый моментъ универсальнаго права, опредѣлить которое мы теперь еще не можемъ" [1]).

Какъ видимъ, авторитетный представитель радикальной интеллигенціи высказываетъ въ общемъ такой же взглядъ на войну и ея цѣли, какъ и соціалистическая партія, употребляя лишь нѣсколько иную аргументацію, болѣе философскаго и идеалистическаго характера.

---

[1]) Тамже.

Въ такомъ же приблизительно духѣ высказывается и извѣстный историкъ французской революціи, профессоръ Альфонсъ Оларъ. Настоящая война, утверждаетъ Оларъ, является продолженіемъ великой революціи. Солдаты республики, подобно волонтерамъ II-го года, защищаютъ право націй противъ стараго режима и Германіи, исповѣдывающей и практикующей принципъ территоріальныхъ аннексій. Основное право французской революціи, доказываетъ Оларъ, должно лечь въ основу будущаго мира. Это право требуетъ, чтобы ни одинъ французъ не былъ превращенъ въ нѣмца противъ своей воли, и чтобы всѣ угнетенныя націи были освобождены. Оларъ видитъ однако разницу между нынѣшней Германіей и той Германіей, которая нападала на революціонную Францію. Тогда французскія революціонныя идеи были распространены широко среди германской интеллигенціи. Ихъ исповѣдывали такіе геніи, какъ Кантъ, Гёте, Бетховенъ. Теперь, увы, германская интеллигенція исповѣдуетъ принципы пангерманизма и имперіализма.

Въ свою очередь извѣстный философъ Гюставъ Белло, авторъ ряда выдающихся философскихъ работъ, высказывая въ общемъ такіе же взгляды, какъ и Сэайль, особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что настоящая война нанесла непоправимый ударъ идеѣ войны. Она разверзла передъ человѣчествомъ такую бездну, она обрушилась столькими неслыханными бѣдствіями, пронеслась такимъ страшнымъ уничтожающимъ ураганомъ, обнажила въ такой отвратительной формѣ самую сущность войны, что у народовъ, наконецъ, открылись глаза. И не даромъ, по общему утвержденію, цѣлью настоящей войны является созданіе настоящаго мира, не такого мира, который существовалъ до сихъ поръ, „но укрѣпленнаго окончательнымъ уничтоженіемъ духа завоеваній, безпощаднымъ подавленіемъ международнаго разбоя". Не пацифизмъ умеръ, какъ утверждаютъ реакціонеры, — доказываетъ Белло,—а умерла апологія войны, какъ таковой. Умерло не желаніе быть сильнымъ противъ нападающаго, но потерпѣла полный крахъ *система насилія*. Умеръ bellicisme.

„Человѣкъ, узнавшій, во что превращается война, которую ведутъ люди, сдѣлавшіе изъ нея культъ, присутствовавшій при кровавыхъ бояхъ въ Бельгіи и Польшѣ, рядомъ съ которыми блѣднѣютъ наполеоновскія гекатомбы, видѣвшій, какъ нарушаются цинически самыя торжественныя обязательства, какое бѣшенство разрушенія безъ всякой военной цѣли, какую систему шпіонажа, лжи, лицемѣрія, безчеловѣчности составляетъ война для народа, сдѣлавшаго изъ нея свое главное занятіе; человѣкъ, измѣрившій всю громадность нагроможденныхъ развалинъ и знающій, какой огромный ущербъ нанесенъ моральному капиталу, съ такимъ трудомъ накопленному человѣчествомъ, какъ разрушается то общее достояніе, каковымъ являются идеи справедливости, лояльности,

братства; этотъ человѣкъ, продѣлавшій всѣ эти рѣшительные и страшные опыты, неужели онъ все еще не захочетъ сдѣлаться пацифистомъ? Для этого онъ долженъ быть преступникомъ или безумцемъ" [1]).

Я не стану продолжать пересказы мнѣній и взглядовъ представителей французской редикальной интеллигенціи, ибо это привело бы, по существу, къ повторенію предыдущаго.

Любопытно отмѣтить, что настроенія, запечатлѣнныя указанными выше идеями, начинаютъ проникать и въ ряды консервативной интеллигенціи. Наиболѣе яркимъ свидѣтельствомъ этого можетъ послужить статья извѣстнаго экономиста-консерватора, виконта д'Авенеля, помѣщенная въ патентованномъ органѣ французскаго консерватизма, журналѣ „Revue des Deux Mondes".

Авторъ разсуждаетъ спокойно и объективно, какъ ученый изслѣдователь. Если Германія вызвала сознательно войну,—утверждаетъ онъ—то это потому, что она была опьянена своей побѣдой 70-го года. Ее убѣдили, что слава есть выгодное дѣло, а милитаризмъ служитъ развитію общественнаго богатства. Германія ринулась вслѣдъ за своимъ императоромъ на завоеваніе мірового господства, которое, по ея мнѣнію, должно принести ей и всѣ богатства міра. Колоссальное заблужденіе, говоритъ д'Авенель. Не война, а только миръ можетъ принести богатство. Война приноситъ съ собой лишь разрушеніе. Для подкрѣпленія своего утвержденія авторъ развиваетъ рядъ интересныхъ соображеній. Прошло шесть мѣсяцевъ войны, говоритъ онъ, и уже міръ наканунѣ банкротства. Государственный долгъ европейскихъ странъ почти удвоился и мы сейчасъ абсолютно лишены возможности предвидѣть, какъ можно будетъ отнынѣ составлять національный бюджетъ. Но это лишь цвѣточки. Война будетъ долгой, новые и новые милліарды будутъ поглощены страшной бездной и лишь та группа народовъ выйдетъ побѣдительницей, которая окажется въ состояніи бросить въ эту бездну свою послѣднюю золотую монету. Кто же послѣ этого осмѣлится утверждать, что война будетъ содѣйствовать экономическому развитію кого бы то ни было, даже побѣдителя? Истощеніе будетъ всеобщимъ. Нужны будутъ долгіе годы труда, чтобы каждый, побѣдитель и побѣжденный, смогъ возстановить свои силы, возсоздать разбросанныя на вѣтеръ богатства.

Но говорятъ: побѣдитель обогатится на счетъ побѣжденнаго. Иллюзія! отвѣчаетъ д'Авенель. Послѣ своей побѣды 1870 г., не смотря на милліарды, вырванные у Франціи, Германія пережила десятилѣтній и крайне интенсивный экономическій кризисъ. Самъ Бисмаркъ писалъ, что въ 1877 г. онъ былъ пораженъ всеобщей и

---

[1]) G. Bellot, „Krieg ist Krieg" въ „La Paix par le Droit" 10-25 Janvier 1915.

ростущей нуждой въ Германіи, въ сравненіи съ побѣжденной Франціей, и что онъ присутствовалъ при всеобщемъ сокращеніи экономическаго благополучія страны. Несомнѣнно, впослѣдствіи экономическое положеніе Германіи улучшилось, но война тутъ была не при чемъ. Германія превратилась въ могучую индустріальную силу, благодаря своимъ громаднымъ запасамъ угля, благодаря открытіямъ въ химической наукѣ, которыя дали ей возможность производить огромныя количества прекрасной стали, благодаря быстрому и сильному росту ея населенія, благодаря своимъ хорошо организованнымъ банкамъ, открывшимъ долгосрочные кредиты внѣшнимъ покупателямъ, благодаря тому, что ея фабриканты и торговцы удовлетворялись небольшой прибылью, благодаря энергіи, настойчивости и ловкости ея коммивояжеровъ и т. п.

Но какое же все это имѣетъ отношеніе къ развитію милитаризма, спрашиваетъ д'Авенель? Когда добыча угля въ Германіи поднялась съ 55 милліоновъ тоннъ въ 1880 г. до 256 милліоновъ тоннъ въ 1913 г., то это обозначало революцію въ германской промышленности; но къ этому капитальному факту милитаризмъ не имѣлъ никакого отношенія. Соединенные Штаты не вели войнъ,—однако ихъ промышленность развилась въ огромныхъ размѣрахъ. Богатство Норвегіи и Голландіи пропорціонально росло быстрѣе богатства Германіи, а между тѣмъ обѣ эти страны ни съ кѣмъ не воевали. Фактъ тотъ, говоритъ авторъ, что, начиная съ семидесятыхъ годовъ, подготовка войны обошлась европейскимъ державамъ болѣе, чѣмъ въ 100 милліардовъ. Настоящая война, не считая погубленныхъ жизней, обойдется во столько же, если еще не больше. Побѣда ни для кого не будетъ поэтому источникомъ прибыли. Побѣдитель и побѣжденный окажутся одинаково раззоренными. И Германія на этотъ разъ выйдетъ изъ кризиса, который она преступно вызвала, обезкровленной, обезсиленной, матеріально раззоренной, лишенной рынковъ, жертвой опьянившей ее абсурдной мечты о мировомъ господствѣ. Заключеніе д'Авенеля сводится къ тому, что урокъ настоящей войны долженъ исцѣлить человѣчество отъ милитаристическаго безумія. Всеобщее разоруженіе, конецъ милитаризма, конецъ царства безсознательнаго,—вотъ къ чему должна привести война, по мнѣнію автора.

И такія идеи проповѣдуетъ авторитетный представитель консервативной интеллигенціи, на страницахъ самаго консервативнаго изъ французскихъ толстыхъ журналовъ!

III.

До сихъ поръ я излагалъ взгляды представителей тѣхъ общественныхъ теченій, которыя, ставя цѣлью войны созданіе прочнаго окончательнаго мира, высказываются также за осуществленіе условій, при которыхъ такой миръ былъ бы возможенъ. Но въ

извѣстной части французской печати пропагандируются сейчасъ и другіе взгляды. Противъ какихъ бы то ни было разговоровъ и мечтаній о возможности прекращенія войнъ въ будущемъ, осмѣлился открыто выступить пока одинъ лишь человѣкъ, — это Поль Бурже, идеологъ реакціонныхъ парижскихъ салоновъ, выразитель мнѣній наиболѣе косной части французской родовитой аристократіи. Взгляды Бурже интересны раньше всего въ томъ смыслѣ, что они показываютъ намъ, насколько классъ, считающій себя цвѣтомъ націи, носителемъ истинной культуры, остался непроницаемымъ для тѣхъ вѣяній человѣчности, которыя породило общественное развитіе послѣдняго вѣка.

Бурже, прежде всего, находитъ крайне опасными и вредными утвержденія, что настоящая война есть война противъ прусскаго милитаризма. Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ авторъ, считающій прусскихъ милитаристовъ варварами, очевидно, самъ того не замѣчая. оказывается съ ними вполнѣ солидарнымъ и лишь излагаетъ по-французски то, что они проповѣдуютъ по-нѣмецки. Удивляться этому, конечно, не приходится, ибо Бурже выражаетъ взгляды общественнаго слоя, духовно родственнаго прусскому юнкерству, служащему главной опорой нѣмецкой военщины. Формула: „мы боремся противъ прусскаго милитаризма“ кажется Бурже опасной, потому что она служитъ интересамъ соціалистовъ и антимилитаристовъ. Эта формула кажется очень простой и вполнѣ здравой, говоритъ онъ, но переведите ее и вы увидите, что въ ней кроется оправданіе всѣхъ прежнихъ соціалистическихъ заблужденій. Она обозначаетъ, что настоящая катастрофа вызвана исключительно тѣмъ, что наши зарейнскіе сосѣди втеченіе полувѣка исповѣдывали настоящій культъ арміи. И только потому, что они довели свою религію арміи до фанатизма, они превратились въ угрозу для Европы, угрозу, противъ которой нужно бороться. Опасность названной формулы становится, слѣдовательно, очевидной. Благодаря ей, настоящая война не только не является доказательствомъ пацифистскаго заблужденія, но, наоборотъ, иллюстрируетъ милитаристское заблужденіе. И вы увидите,—предсказываетъ Бурже тономъ Кассандры—вы увидите, что какъ только наша территорія будетъ очищена отъ непріятельскихъ войскъ, наши пустоголовые политики (songe-creux) тотчасъ же возобновятъ свою анархическую пропаганду: кампанію противъ автономіи военной юрисдикціи, кампанію противъ прерогативъ офицеровъ, противъ ихъ политической и религіозной независимости; кампанію противъ сохраненія теперешняго срока военной службы. Перспективы поистинѣ ужасныя!

Еслибы было вѣрно, что культъ арміи явился причиной катаклизма, опустошающаго Европу,—продолжаетъ Бурже—то наши антимилитаристы были бы правы. Но это не вѣрно и ихъ способъ интерпретировать настоящую войну настолько же химериченъ, на-

сколько химерична была болтовня пацифистовъ въ Гаагѣ и Бернѣ. Главный аргументъ Бурже заключается въ томъ, что нельзя искусственно отдѣлять прусскій милитаризмъ отъ германскаго народа,— вообще нѣтъ никакого прусскаго милитаризма, а есть лишь могущественная и жадная германская раса, объединенная въ своихъ стремленіяхъ, стремящаяся путемъ силы удовлетворить свои алчные аппетиты. Извѣстныя слова о томъ, что война является національной индустріей Пруссіи,—говоритъ Бурже—относятся къ тѣмъ временамъ, когда Гогенцоллерны были плѣнниками безплодныхъ равнинъ Бранденбурга и Помераніи. Эти слова не имѣютъ никакого смысла теперь, когда Гогенцоллерны сдѣлались хозяевами громадной имперіи, занимающей пространство въ 540 тысячъ квадратныхъ километровъ, включающей въ свой составъ 26 государствъ и насчитывающей 70 милліоновъ населенія. Эта имперія представляетъ собою громадный торговый домъ, для котораго военная слава есть лишь средство расширенія его торговаго оборота. Воля кайзера, буйныя настроенія кронпринца, надменность юнкеровъ, какое все это имѣетъ значеніе въ сравненіи съ огромными выгодами завоеванія Антверпенскаго порта, захвата французскихъ колоній, открытія парижскаго денежнаго рынка?

Прочитайте внимательно франкфуртскій договоръ,—убѣждаетъ Бурже—и вы откроете въ каждой строчкѣ его параграфовъ, которые кажутся продиктованными какимъ-нибудь финансовымъ дѣльцомъ, тайное стремленіе Бисмарка въ такой степени объединить армію съ страной, чтобы она превратилась какъ бы въ продолженіе фабрики и конторы. Программа Бисмарка осуществлялась неуклонно. Нѣмецкій солдатъ — такой же участникъ національной фирмы, какъ ея директора и акціонеры. Интеллигентъ также участвуетъ въ этой фирмѣ. Армія и торговля являются въ Германіи плодомъ методическаго творчества, а этотъ методъ дѣло университетовъ и ихъ преподаванія. Слѣдовательно, утверждаетъ Бурже, мы имѣемъ передъ собою не прусскій милитаризмъ, а цѣлую расу, аппетиты которой требуютъ нашего уничтоженія. Не прусскій милитаризмъ, а германская индустрія, германская торговля и наука двинули на нашу территорію варварскія полчища. Они хотятъ насъ сожрать во имя своего благополучія, во имя своего развитія, во имя своихъ идей. Отсюда тотъ выводъ, что настоящая война является эпизодомъ громадной борьбы, которая могла бы прекратиться лишь при полномъ истребленіи всей германской расы. Но такъ какъ, увы, такого результата добиться невозможно, то слѣдуетъ хорошенько усвоить себѣ, что борьба не прекратится съ настоящей войной, а приметъ еще болѣе ожесточенный характеръ, и впереди цѣлый циклъ еще болѣе кровопролитныхъ войнъ.

Если когда-либо трагическій и неотвратимый законъ войны проявился во всей своей ясности, то это именно въ 1914 г.,

увѣряетъ Бурже, когда самая разнѣженная, самая поверхностная и самая космополитическая изъ цивилизацій уступила вдругъ мѣсто всеобщей битвѣ. Чтобы окончательно убить антимилитаристовъ, Бурже доказываетъ, что никакое пораженіе Германіи не избавитъ Францію отъ необходимости воевать съ своей сосѣдкой въ будущемъ. Германія была раздавлена въ 1648 г., король Франціи Вестфальскимъ договоромъ упразднилъ Германскую имперію, но она возстановилась однако и въ 1806 г. Наполеонъ встрѣтилъ ее передъ собою. Наполеонъ, въ свою очередь, нанесъ ей смертельные удары и считалъ ее уже навѣки похороненной, но она снова возстановилась въ 1870 г., — да еще какъ возстановилась! Словомъ, Германская имперія живуча на чудо и неистребима и, если даже союзники теперь разобьютъ ея единство, она не преминетъ снова воскреснуть и Франціи придется снова мѣряться съ ней силами.

Выводъ изъ всего сказаннаго сдѣлать нетрудно. Разъ въ будущемъ неизбѣжны войны съ Германіей, еще болѣе ожесточенныя, чѣмъ настоящая война, то необходимоотбросить всякія пацифистскія мечтанія, необходимо усиливать милитаризмъ и жить въ постоянной готовности къ новымъ кровопролитіямъ, къ новымъ бойнямъ. Такой выводъ дѣлаетъ Бурже. Казалось бы, у всякаго человѣка, убѣдившагося на опытѣ современныхъ событій въ томъ, что представляетъ собою война, мрачная перспектива неизбѣжныхъ и безконечныхъ кровопролитій могла бы вызвать одно лишь рѣшеніе: отыскать хорошій крюкъ, способный выдержать тяжесть человѣческаго тѣла. Но Бурже, наоборотъ, не только не печалится, а даже доволенъ. Вѣдь это только слабоголовые пацифисты воображаютъ, что война—зло. Въ дѣйствительности война вовсе ужъ не такая плохая вещь. „Развѣ вы не чувствуете,—спрашиваетъ Бурже — что вы живете сейчасъ полнѣе и лучше, чѣмъ раньше? Развѣ вы не сознаете, что когда кончится испытаніе, которое мы сейчасъ переживаемъ, то тѣ, которые вернутся съ линіи огня, будутъ обладать болѣе здравыми понятіями, будутъ защищены отъ извѣстныхъ слабостей? Воины, уцѣлѣвшіе послѣ Марны и Эна, слишкомъ много испытали страданій, чтобы не желать, чтобы будущая война имѣла мѣсто при такихъ условіяхъ подготовки, которыя обезпечили бы болѣе легкую побѣду. Они слишкомъ близко видѣли вѣкового врага, чтобы не понимать неизбѣжности новой войны“ [1]).

— „A la chie-en-lit, le sauvage!“ (долой петрушку, долой дикаря!) такимъ энергичнымъ восклицаніемъ выразилъ Эрвэ чувство возмущенія, процитировавъ одну изъ статей Бурже.

Протестъ возмущеннаго чувства, вызываемый статьями Бурже, конечно, вполнѣ естественъ и понятенъ. Вѣдь Бурже не какой-нибудь уличный писака, а человѣкъ, претендующій на высшую

---

1) „L'Echo de Paris“, 10 octobre 1914.

культурность и, вдобавокъ, считающій себя искреннимъ христіаниномъ. Но если вчитаться внимательно въ писанія Бурже, то становится яснымъ, что они отражаютъ прежде всего ростущее опасеніе извѣстныхъ слоевъ общества противъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести война, если она въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ получитъ характеръ войны исключительно противъ прусскаго милитаризма и тѣмъ болѣе противъ всякаго милитаризма вообще. Уроки войны диктуютъ не уменьшеніе милитаризма, а, наоборотъ, его укрѣпленіе, старается доказать Бурже. И это опять-таки понятно, ибо уменьшеніе милитаризма неизбѣжно влечетъ за собою ростъ демократіи, а его усиленіе— ослабленіе демократическаго движенія. Здѣсь проявляется тотъ націонализмъ, обращенный внутрь, служащій для цѣлей внутренней политики, какимъ и раньше отличались реакціонныя и консервативныя политическія партіи Франціи. И по мѣрѣ того, какъ война затягивается и понемногу остываетъ тотъ энтузіазмъ національнаго единенія, который охватилъ страну при первыхъ раскатахъ военной грозы, въ реакціонно-консервативномъ лагерѣ все явственнѣе замѣчается стремленіе воспользоваться старымъ оружіемъ.

Конечно, открыто выступить съ апологіей войны, какъ это сдѣлалъ Бурже, пока мало кто осмѣливается. Война наноситъ слишкомъ тяжелыя раны Франціи, она ложится слишкомъ гнетущей тяжестью на громадныя массы населенія, чтобы можно выступить на народномъ форумѣ съ такой апологіей, не рискуя быть побитымъ камнями. Консерваторы и реакціонеры, желающіе вліять на массы, поступаютъ иначе. Они стремятся использовать въ своихъ цѣляхъ какъ разъ то желаніе установленія окончательнаго и прочнаго мира послѣ войны, которое широко распространено въ странѣ.

Органы реакціонеровъ и консерваторовъ говорятъ почти такимъ же языкомъ, какъ и соціалисты. Они также увѣряютъ, что война есть варварство и позоръ, а миръ является драгоцѣннѣйшимъ благомъ. Необходимо разъ навсегда убить войну, подрѣзать ее въ самомъ ея корнѣ. Но что для этого нужно сдѣлать? Разоружить ту силу, которая служила до сихъ поръ главной угрозой европейскимъ народамъ, т. е. Германію. Но, чтобы обезвредить Германію, не достаточно нанести ей пораженіе, доказываютъ націоналисты. Пока Германская имперія останется объединенной, она сумѣетъ быстро оправиться отъ всякаго пораженія. И вотъ намѣчается цѣлая программа: уничтоженіе германскаго единства, раздѣленіе Германіи на рядъ независимыхъ государствъ, отобраніе у нея значительной части территоріи въ пользу союзниковъ и, наконецъ, лишеніе ея навсегда права содержать регулярную армію, Только при осуществленіи этой программы, увѣряютъ націоналисты, Германія перестанетъ служить угрозой для человѣчества и миръ будетъ обезпеченъ. Но для того, чтобы германскій народъ не могъ дѣлать попытки къ возстановленію своего единства, чтобы онъ не

могъ нарушить запрета о содержанія постоянной арміи, чтобы онъ не возымѣлъ желанія отвоевать снова отобранныя у него земли, союзныя страны должны сохранить могучую военную организацію, т. е. сохранить свой собственный милитаризмъ.

Для того, чтобы разжечь националистическія страсти, реакціонная печать усиленно пропагандируетъ необходимость отобранія въ пользу Франціи всей германской территоріи, занимающей лѣвую сторону Рейна, и это требованіе опять-таки выдвигается въ интересахъ мира. Если вы хотите разъ навсегда обезпечить Францію отъ нападеній Германіи,—говорятъ націоналисты—то верните ей ея естественныя границы и тогда она будетъ неприступной. Академики Морисъ Баррэсъ и Ренэ Базэнъ усердно приводятъ рядъ доказательствъ историческихъ и этнографическихъ, обосновывающихъ право Франціи на лѣвый берегъ Рейна, и выкидываютъ лозунгъ „Галлія—галламъ". Населеніе лѣваго берега Рейна, увѣряютъ они, фактически состоитъ вовсе не изъ германцевъ, а изъ кельтовъ, правда, онѣмеченныхъ, но послѣднее неважно,—французская культура живо сотретъ нѣмецкій налетъ. Ибо фактъ остается фактомъ: границей Галліи всегда былъ Рейнъ. Достаточно самого поверхностнаго знакомства съ исторіей, чтобы убѣдиться въ этомъ, говорятъ Баррэсъ и Базэнъ. Такъ, напримѣръ, Юлій Цезарь въ своихъ „Комментаріяхъ" писалъ: „Галлія простирается отъ Рейна до Пиренеевъ и отъ Альпъ до океана". У Тацита, въ его „Нравахъ германцевъ", чернымъ по бѣлому написано: „Германія отдѣлена отъ Галліи Рейномъ". Ришелье писалъ: „необходимо возстановить Галлію въ ея естественныхъ границахъ". Наконецъ, самъ Наполеонъ заявилъ въ 1815 г.: „Рано или поздно Франція возстановитъ свои естественныя границы, границы Рейна, столь же естественныя, какъ Альпы и Пиренеи". Познакомившись со всѣми этими цитатами, конечно уже нельзя болѣе сомнѣваться, что Франція обладаетъ законными правами на Кёльнъ, Ахенъ, Майнцъ, Триръ и т. д.

У Баррэса для своихъ единомышленниковъ имѣются, впрочемъ, и другіе не менѣе убѣдительные аргументы. Французскія народныя массы въ значительной степени заражены демократическимъ духомъ,—говоритъ Баррэсъ—до войны среди нихъ сильны были антиклерикальныя теченія, и мы не знаемъ, что готовитъ намъ будущее. Между тѣмъ нѣмецкое населеніе лѣваго берега Рейна представляетъ собою сплошную массу добрыхъ католиковъ, вѣрныхъ основнымъ традиціямъ „авторитета" и „порядка". Въ лицѣ этого населенія мы получимъ солидную опору въ своей борьбѣ противъ анархическо-демократическихъ партій. И такимъ образомъ высшій патріотическій интересъ оказывается слитымъ съ исконными интересами реакціи...

Я изложилъ въ общихъ чертахъ характеръ пропаганды реакціонеровъ и націоналистовъ. Если эти направленія являются не-

сомнѣннымъ факторомъ французской общественной жизни, то во всякомъ случаѣ ихъ вліянія и значенія не слѣдуетъ преувеличивать. Партіи, окрашенныя яркимъ націонализмомъ и шовинизмомъ, слабо представлены въ парламентѣ и въ правительствѣ не участвуютъ. Онѣ не опираются къ тому же на солидныя и вліятельныя соціальныя группы. Ихъ кліентуру составляютъ преимущественно наиболѣе реакціонная часть вырождающейся дворянской аристократіи, наиболѣе косное меньшинство мелкой буржуазіи и темные несознательные элементы улицы.

Другое дѣло—консервативно-республиканская буржуазія, главнымъ идейнымъ выразителемъ которой является газета „Le Temps". Правда, и эта буржуазія офиціально слабо представлена въ правительствѣ и парламентѣ, но она представляетъ собою могущественную соціальную силу, опирающуюся на крѣпкій, глубоко сидящій въ почвѣ экономическій фундаментъ. Ея скрытое вліяніе огромно и средства дѣйствія разнообразны и могущественны. Мы знаемъ, что консервативно-республиканская буржуазія, фактически заинтересованная въ сохраненіи мира, стояла однако всегда на стражѣ милитаристской системы, въ которой она видѣла главную опору капиталистическаго зданія. Мы знаемъ также, что она выкинула знамя „національной политики" въ своей борьбѣ противъ усилившагося напора народно-демократической волны. Какова же теперь позиція этой буржуазіи? Ея идейные выразители слишкомъ умны и осторожны, чтобы выявить сейчасъ свое настоящее лицо, чтобы заранѣе подробно намѣтить программу будущаго. Газета „Temps" въ самыхъ возвышенныхъ словахъ восхваляетъ идею мира и доказываетъ ея необходимость. Она считаетъ настоящую войну освободительной войной; она объявляетъ цѣлью союзниковъ подавленіе *военной* мощи Германіи, отказъ Германской имперіи отъ всякой претензіи на міровую гегемонію.

„Заключить миръ прежде, чѣмъ будетъ достигнуть этотъ результатъ,—пишетъ газета—значитъ подготовить новую войну, пойти на встрѣчу испытаніямъ, еще болѣе жестокимъ, чѣмъ тѣ которыя мы сейчасъ переживаемъ" [1]). Однако газета находитъ окольные пути для выраженія истинныхъ взглядовъ того класса интересы котораго она защищаетъ. Самый удобный путь для этого—это критика, во имя „просвѣщеннаго патріотизма", принциповъ соціалистической политики. Такой критикой газета стала особенно усердно заниматься въ послѣднее время.

Соціалисты, доказываетъ „Temps", не предвидѣли войны и даже отрицали ея возможность. Они возлагали всѣ свои надежды на „рабочій Интернаціоналъ", который развалился, словно карточный домикъ, какъ только загремѣли пушки. Для того, чтобы помѣшать войнѣ, они выдвигали одно лишь средство: *разоруженіе*

---

[1]) „Le Temps", 5 février 1915.

Франціи; они отказывались видѣть и слышать то, что происходило по ту сторону границы. Страданія, переносимыя сейчасъ оккупированными французскими провинціями, являются выкупомъ за ихъ пацифистскія иллюзіи, которыя мы и наши друзья тщетно пытались разсѣять. Оправдывать соціалистическую политику до войны—значитъ измѣнять Франціи, компрометировать ея будущее [1]).

Газета нападаетъ не только на прошлую политику соціалистической партіи, но и на ея теперешнее поведеніе. Поѣздка французскихъ соціалистовъ на лондонскую конференцію и участіе ихъ въ выработкѣ деклараціи этой конференціи привели буржуазный органъ въ настоящій ражъ. Онъ сталъ обвинять соціалистовъ въ томъ, что они являются игрушкой въ рукахъ „невидимой, но вездѣсущей" германской соціалдемократіи. „Temps" направилъ всю силу своей критики противъ интернаціональныхъ принциповъ лондонской резолюціи, противъ призыва къ рабочимъ массамъ объединиться послѣ войны на интернаціональной почвѣ. Война особенно наглядно показала,—убѣждала газета—что интернаціонализмъ—утопія, а братство народовъ—химера. Говорить сейчасъ объ интернаціонализмѣ, стремиться къ проведенію интернаціональной политики—значитъ измѣнять отечеству, измѣнять своей націи.

„Temps" не дѣлаетъ окончательныхъ выводовъ изъ своей критики, но они напрашиваются сами собой. Разъ націонализмъ—утопія, а братство народовъ—химера, то не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи милитаристской системы. Разъ политика, основанная на интернаціональныхъ принципахъ, есть измѣна отечеству, то возможна и необходима лишь національная политика. Послѣднее главнымъ образомъ и объясняетъ намъ позицію буржуазной газеты. Война вызвала объединеніе всѣхъ партій, временное подчиненіе всѣхъ интересовъ высшему интересу націи. Это по внѣшности, по крайней мѣрѣ, напоминаетъ ту „національную" политику, во имя которой французская консервативная буржуазія боролась съ демократіей. Основываясь на этомъ, многіе буржуазные публицисты и журналисты стали ужь рисовать поистинѣ идиллическія картины ближайшаго соціальнаго будущаго. Теперь, утверждали они, когда передъ лицомъ общей опасности всѣ классы вынуждены были объединиться, когда ихъ объединеніе закрѣпилось общей кровью, пролитой на поляхъ сраженій,—уже не сможетъ быть рѣчи о классовой борьбѣ, придуманной „пруссакомъ" Карломъ Марксомъ. Духъ братства и взаимнаго пониманія проникнетъ всѣ классы націи, хозяева будутъ внимательнѣе и серьезнѣе относиться къ нуждамъ рабочихъ, рабочіе не станутъ выдвигать невыполнимыхъ требованій. Откроется долгая эра внутренняго мира, который усилитъ могущество, богатство и славу Франціи.

---

[1]) „Le Temps", 10 février 1915.

Всѣ органы буржуазіи, во главѣ съ „Temps“, направляютъ всѣ свои усилія, чтобы использовать благопріятное положеніе для проповѣди національной политики и ея благъ. Но лондонская конференція, если можно такъ выразиться, испортила всю музыку. Французскіе соціалисты, делегировавшіе на конференцію двухъ министровъ, вмѣстѣ съ соціалистами другихъ союзныхъ странъ заговорили объ интернаціонализмѣ, напомнили рабочимъ классамъ объ ихъ международной солидарности. Но это уже нарушеніе національнаго единства, прямой ударъ національной политикѣ. Это—напоминаніе трудящимся всѣхъ странъ, что у нихъ, не смотря на національныя различія, имѣются общіе интересы и общій врагъ: капитализмъ. Отсюда понятно, почему „Temps“, стоящій на стражѣ капитала, пришелъ въ такой ражъ, почему онъ объявилъ интернаціонализмъ химерой, братство народовъ—утопіей, а интернаціональную политику—измѣной отечеству. Подъ покровомъ священнаго „національнаго единенія“ французская буржуазія меньше всего забываетъ о своихъ классовыхъ интересахъ.

Я изложилъ взгляды на войну и ея цѣли политическихъ партій и направленій. Въ какой мѣрѣ отражаютъ они дѣйствительныя настроенія широкихъ народныхъ массъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, чрезвычайно трудно. Можно только попытаться дополнить литературныя наблюденія личными впечатлѣніями, кругъ которыхъ однако по необходимости весьма ограниченъ.

Я часто бесѣдую съ знакомыми и незнакомыми французами различныхъ соціальныхъ положеній по вопросу о войнѣ, бесѣдую нерѣдко и съ солдатами, побывавшими на фронтѣ, прислушиваюсь внимательно къ безконечнымъ разговорамъ на эту тему въ вагонахъ трамвая, метрополитэна, желѣзной дороги. Пришлось мнѣ также совершить путешествіе на юго-западъ Франціи и познакомиться съ настроеніями провинціальной публики. И вотъ мои впечатлѣнія. Въ разговорахъ и бесѣдахъ о войнѣ господствуетъ возмущеніе противъ войны, какъ варварскаго, безумнаго дѣла. Говорятъ больше о непосредственныхъ послѣдствіяхъ войны, чѣмъ о ея смыслѣ и цѣляхъ. И это неудивительно. Ни одной изъ странъ тройственнаго согласія не приходится сейчасъ такъ напрягать всѣ свои силы, приносить пропорціонально такія жертвы, какъ Франціи. Ограниченность ея населенія удваиваетъ тяжесть кровавыхъ жертвъ, которыя требуетъ война. Ни въ одной странѣ всеобщность воинской повинности не проведена съ такой неуклонной строгостью, какъ во Франціи. Здѣсь всѣ—солдаты, безъ различія соціальнаго или семейнаго положенія, всѣ, кто только способенъ носить оружіе. Бывшіе министры, „короли“ биржи, единственные сыновья, всѣ должны были надѣть военную форму, если они не достигли установленнаго закономъ возраста, освобождающаго отъ воинской по-

винности. И, кажется, только во Франціи возможны такія явленія, какъ превращеніе товарища военнаго министра въ сержанта альпійскихъ стрѣлковъ.

Правительство мобилизовало не только всѣ классы резервистовъ, но и всѣхъ территоріаловъ (ратниковъ) до 46-лѣтняго возраста. Оно призвало классы 14-го, 15-го и 16-го гг., т. е. двадцати-лѣтнихъ, девятнадцати-лѣтнихъ и восемнадцати-лѣтнихъ юношей. Понятно, что при такихъ условіяхъ во Франціи трудно найти семью, которая не имѣла бы своихъ близкихъ на войнѣ. Въ громадномъ большинствѣ французскихъ семей остались лишь старики, женщины и дѣти. Нерѣдко можно встрѣтить и такія семьи, у которыхъ взяты на войну отецъ вмѣстѣ съ сыновьями. Жертвы тяжелы, едва переносимы. И между тѣмъ страна не хотѣла войны, которая не можетъ принести ей никакихъ экономическихъ выгодъ. Она воспитывалась въ демократическомъ, а не воинственномъ духѣ. Идея завоеваній, идеализація грубой силы, ей были чужды. Вотъ почему, когда сходятся гдѣ-нибудь французы и француженки, въ вагонѣ ли трамвая или на углу улицы, разговоръ начинается съ разспросовъ о близкихъ, ушедшихъ на войну. „Гдѣ находится сейчасъ вашъ сынъ? Въ какой больницѣ лежитъ вашъ братъ? Въ какомъ бою палъ вашъ мужъ?“ Затѣмъ идутъ ужасающія подробности о страшныхъ ранахъ, объ ампутаціяхъ, о кровопролитныхъ сраженіяхъ. И разговоры неизмѣнно заканчиваются припѣвомъ: „quelle barbarie, quelle boucherie!“ „какое варварство, какая бойня“. Иногда какая-нибудь дама или сѣдой господинъ произносятъ пламенныя рѣчи о томъ, какъ недостойно человѣчества заниматься взаимоистребленіемъ въ XX вѣкѣ, о томъ, что Франція не хотѣла войны, не вѣрила въ ея возможность и что разъ ужь пролито столько драгоцѣнной крови, то необходимо, чтобы настоящая война была послѣдней войной.

Среди моихъ знакомыхъ французовъ есть люди консервативныхъ и реакціонныхъ убѣжденій, — они всѣ говорятъ теперь о войнѣ съ невыразимымъ отвращеніемъ и убѣждаютъ меня, что послѣ теперешней войны народы дадутъ себѣ зарокъ болѣе не воевать. То же приблизительно приходится мнѣ слышать и отъ солдатъ.—„La guerre c'est une chose horrible,—c'est une sale chose“ (война—ужасное, грязное дѣло).—„Мы воюемъ для того, чтобы нашимъ дѣтямъ не пришлось болѣе воевать“. И любопытно, что солдаты какъ разъ являются элементомъ, наименѣе доступнымъ для шовинистической пропаганды. О нѣмцахъ они обычно отзываются безъ злобы: „Такіе же люди, какъ и всѣ прочіе; храбрые солдаты и дерутся съ большимъ мужествомъ; подлецы и негодяи вездѣ имѣются“. Въ Ла Рошели, на вокзалѣ, мнѣ пришлось присутствовать при любопытной сценкѣ. Разгружали санитарный поѣздъ и выносили на носилкахъ съ большими предосторожностями нѣмецкихъ раненыхъ. Какой-то старенькій дряхлый французъ, стоя среди

группы солдатъ, громко и злобно выражалъ свое возмущеніе.— „И зачѣмъ только возятся съ ними! Пристрѣлить бы всѣхъ ихъ да и только; какія еще нужны церемоніи съ варварами и убійцами!" Но солдаты горячо и убѣжденно возражали: — „Что вы, сударь, развѣ можно такъ говорить? Нѣмцы такіе же люди, какъ и мы съ вами. Они исполняютъ свой долгъ, какъ и мы исполняемъ свой; они защищаютъ свое отечество, какъ и мы защищаемъ Францію"...

Война ложится на Францію тяжкимъ бременемъ и для всякаго вполнѣ очевидно, что страна отъ войны устала, измучилась. Однако ни отъ кого я не слышалъ желанія о заключеніи мира во что бы то ни стало. Когда я ставлю этотъ вопросъ, мнѣ всегда отвѣчаютъ страстнымъ отрицаніемъ: „Миръ, да! Но только тогда, когда будетъ побѣждена Германія, только тогда возможенъ будетъ дѣйствительный и прочный миръ".

И, когда я прислушиваюсь къ разговорамъ и толкамъ о войнѣ, то у меня получается такое впечатлѣніе, что еслибы у французовъ не было вѣры въ то, что настоящая война есть война противъ войны, то они не переносили бы ее съ такой стойкостью и терпѣніемъ. И думается, что въ моментъ ликвидаціи войны Франція, если чашка вѣсовъ склонится на ея сторону, не измѣнитъ своимъ демократическимъ традиціямъ.

Е. Сталинскій.

ВНУТРЕННІЕ ДѢЛА и ВОПРОСЫ.

I. О новыхъ законахъ и указахъ.

Начиная съ 20 февраля, втеченіе мѣсяца оглашены во всеобщее свѣдѣніе, между прочимъ, слѣдующія узаконенія и распоряженія:

высочайшій указъ о „внутреннемъ 5%-омъ займѣ 1915 года" на сумму 500 милліоновъ рублей (нарицательныхъ);

положеніе совѣта министровъ, утвержденное 17 февраля и опубликованное въ порядкѣ 87 статьи, „о нѣкоторыхъ особыхъ мѣропріятіяхъ по заготовленію продовольственныхъ и фуражныхъ припасовъ для нуждъ арміи и флота";

высочайшій указъ о предоставленіи министру путей сообщенія особыхъ полномочій (въ дѣлахъ, касающихся снабженія топливомъ);

положеніе совѣта министровъ о дополнительномъ расширеніи эмиссіоннаго права государственнаго банка на сумму 1 милліардъ рублей;

положеніе совѣта министровъ „о временномъ повышеніи" таможеннаго тарифа;

учрежденіе общеимперскаго продовольственнаго комитета;

указъ о досрочномъ призывѣ въ 1915 году новобранцевъ контингента 1916 года;

указъ о займѣ во Франціи на сумму 625 милліоновъ франковъ;

положеніе совѣта министровъ „о распространеніи дѣйствія городового положенія 11 іюня 1912 года на города губерній Царства Польскаго: Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской.

Кромѣ того, подготовляется или обсуждается цѣлый рядъ новыхъ узаконеній и распоряженій: о военномъ налогѣ съ лицъ, освобождаемыхъ по тѣмъ или инымъ законнымъ причинамъ отъ фактическаго несенія воинской повинности, о введеніи нѣкоторыхъ казенныхъ монополій, объ измѣненіи паспортнаго устава, о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, служащихъ во время нынѣшней войны въ арміи или флотѣ, и т. д. Конечно, мною названы лишь наиболѣе крупные изъ новыхъ законодательныхъ актовъ. Нѣкоторые изъ нихъ по содержанію гораздо значительнѣе, чѣмъ можетъ казаться по заголовку. Таковы, напр., правила 17 февраля о заготовленіи продовольствія и фуража. Правила эти тотчасъ по опубликованіи примѣнены въ цѣляхъ борьбы противъ дороговизны; на основаніи ихъ можетъ быть запрещаемъ вывозъ продуктовъ изъ однихъ мѣстностей имперіи въ другія, могутъ быть устанавливаемы предѣльныя цѣны и производимы реквизиціи для пресѣченія спекуляціи. Обширнѣе, чѣмъ можетъ казаться по заголовку, и новое положеніе о таможенномъ тарифѣ. Въ прессѣ основательно указывалось, что „подъ скромнымъ названіемъ временнаго повышенія вводится въ дѣйствіе новый таможенный тарифъ, значительно повышающій пошлины на всѣ ввозимые къ намъ товары".

Для одного мѣсяца перечень наиболѣе крупныхъ законодательныхъ актовъ, во всякомъ случаѣ, весьма обиленъ. И людямъ, недостаточно освѣдомленнымъ въ россійскихъ дѣлахъ, это обиліе можетъ казаться даже парадоксальнымъ. Втеченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ въ Россіи шли жалобы на законодательное безплодіе. П. А. Столыпинъ въ своей хронологически послѣдней рѣчи, сказанной Думѣ въ отвѣтъ на запросъ по поводу экстреннаго порядка, въ какомъ былъ проведенъ законъ о западномъ земствѣ, говорилъ даже о „законодательной безпомощности".

Всѣмъ извѣстенъ—объяснялъ покойный предсѣдатель совѣта министровъ Государственной Думѣ въ засѣданіи 27 апрѣля 1911 года — установившійся нашъ законодательный обрядъ: внесеніе законопроектовъ въ Государственную Думу, признаніе ихъ здѣсь недостаточно радикальными, перелицовка ихъ и перенесеніе въ Государственный Совѣтъ, въ Государственномъ Совѣтѣ признаніе уже правительственныхъ законопроектовъ слишкомъ радикальными, отклоненіе ихъ и провалъ закона. А въ концѣ концовъ въ результатѣ царство такъ называемой вермишели, застой во всѣхъ принципіальныхъ реформахъ.

Жизнь достаточно обнаружила, что причина явленія глубже, чѣмъ полагалъ П. А. Столыпинъ. Но фактъ застоя, офиціально констатированный высшимъ представителемъ правительственной власти въ апрѣлѣ 1911 года, не подлежитъ сомнѣнію. И послѣ 1911 года вплоть до войны по существу какихъ-либо перемѣнъ не произошло. Сложный законодательный аппаратъ дѣйствовалъ, но сквозь него проходила главнымъ образомъ вермишель. Законодательныхъ предположеній, соотвѣтствующихъ представленію о „принципіальныхъ реформахъ", даже не возникало. Возбуждались реформаторскіе вопросы узкаго и компромисснаго значенія: земство въ Сибири, земство въ Архангельской губерніи, городское общественное управленіе въ Царствѣ Польскомъ. Но и они частенько отклонялись Государственнымъ Совѣтомъ. Больше успѣха имѣли предположенія контръ-реформаторскаго характера. Они, пожалуй, не лишены своеобразной, такъ сказать, отрицательной принципіальности. Но о нихъ сейчасъ вспоминать не будемъ.

Въ началѣ войны относительно законодательныхъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе крупныхъ, принципіальныхъ, какъ бы самъ собою установился взглядъ: „объ этомъ послѣ", „теперь не время". Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ для законодательныхъ собраній было предпочтено анабіотическое состояніе. Казалось бы, должна начаться полоса наиболѣе полнаго законодательнаго застоя. Въ дѣйствительности, съ самаго начала войны произошли во внутренней жизни весьма крупныя перемѣны и при томъ въ направленіяхъ, довольно разнообразныхъ и даже противоположныхъ. Однѣ изъ перемѣнъ прогрессивны (вспомнимъ хотя бы прекращеніе торговли спиртными напитками), другія рѣзко охранительны. Текущая законодательная работа также нисколько не сократилась,—наоборотъ, замѣтно оживилась, стала особенно напряженной.

Работа сосредоточена въ совѣтѣ министровъ. Но нельзя сказать, что ею занято только правительство. Фактически возникли разные опорные пункты, дѣйствующіе болѣе или менѣе систематически въ смыслѣ подачи мнѣній, совѣтовъ, а иногда и проявленія иниціативы. По вопросамъ экономическимъ и финансовымъ такими опорными пунктами стали организаціи крупныхъ промышленниковъ и особенно петроградскій совѣтъ съѣздовъ. Въ послѣдніе мѣсяцы видную дѣятельность въ этомъ направленіи проявляла группа членовъ Государственнаго Совѣта. Въ печати объ этой дѣятельности находимъ, между прочимъ, такой отзывъ:

Сейчасъ же за окончаніемъ январской законодательной сессіи многіе члены Государственнаго Совѣта сорганизовались въ особое „экономическое совѣщаніе", засѣданія котораго происходятъ регулярно при участіи министровъ. Какъ видно изъ отчетовъ о второмъ засѣданіи „совѣщанія", послѣднее образовало четыре постоянныхъ коммиссіи: 1) сельскохозяйственную, 2) торгово-промышленную, 3) общую по таможенно-тарифнымъ вопросамъ, 4) о монополіяхъ и налогахъ. Образованіе нѣсколькихъ коммиссій свидѣтель-

ствуетъ не только о постоянномъ характерѣ совѣщанія, до извѣстной степени приближающагося къ постоянной совѣтской комиссіи, но и о многочисленномъ составѣ совѣщанія, придающемъ занятіямъ его опредѣленный вѣсъ („Кіевская Мысль", 25. II).

Этому „экономическому совѣщанію" давали объясненія министры, хотя и не въ качествѣ министровъ, а какъ члены Государственнаго Совѣта. „Экономическое совѣщаніе" высказывало мнѣнія по цѣлому ряду вопросовъ, возникающихъ въ связи съ нынѣшними событіями. Обрисовавъ эту дѣятельность, цитируемая газета дѣлаетъ выводъ:

Всѣ вопросы, которыми заинтересовалось „совѣщаніе" членовъ Государственнаго Совѣта, должны не менѣе интересовать и депутатовъ Государственной Думы. Если депутаты до сихъ поръ медлили и не находили возможнымъ проявить признаки жизни, то, быть можетъ, теперь въ инціативѣ членовъ Государственнаго Совѣта они увидятъ примѣръ, достойный подражанія. Трудно предположить, чтобы организація совѣщаній депутатовъ Государственной Думы встрѣтила препятствія, разъ такъ ясно наладились совѣщанія членовъ Государственнаго Совѣта.

Если принять этотъ взглядъ прогрессивной кіевской газеты къ руководству, то дѣло свелось бы фактически къ возникновенію двухъ законосовѣщательныхъ собраній. А это уже вопросъ не о препятствіяхъ, а о принципахъ. Не лишне вспомнить, что въ началѣ войны члены Думы были привлекаемы къ участію въ совѣщаніяхъ по вопросамъ о новыхъ налогахъ. И на первомъ же изъ этихъ совѣщаній М. В. Родзянко высказалъ, что участіе депутатовъ въ предварительномъ обсужденіи проектовъ не можетъ почитаться одобреніемъ Государственной Думы и нисколько не ослабляетъ юридической необходимости въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ. Этотъ взглядъ предсѣдателя Думы не встрѣтилъ возраженій. И едва-ли можетъ быть оспариваемъ. Подражать примѣру членовъ Государственнаго Совѣта, организовавшихъ „экономическое совѣщаніе", вовсе не просто. И не такъ ужъ безспорно мнѣніе, что этому примѣру нужно подражать.

2 апрѣля газеты сообщали, что дѣятельность „экономическаго совѣщанія", протекавшая почти офиціально въ Маріинскомъ дворцѣ при содѣйствіи чиновъ государственной канцеляріи признана неудобной. Повидимому, „совѣщаніе" будетъ расформировано или, по крайней мѣрѣ, приметъ болѣе частный характеръ.

Временные законы, проводимые въ порядкѣ 87 статьи, поддаются нѣкоторой группировкѣ. Одни изъ нихъ направлены къ удовлетворенію огромныхъ матеріальныхъ и узко дѣловыхъ потребностей даннаго времени. Таковы, напр., законы о займахъ и отчасти о новыхъ налогахъ. Сюда же, безъ сомнѣнія, надо отнести, расширеніе права государственнаго банка на выпускъ кредитныхъ билетовъ. По мнѣнію „Кіевлянина" (14. III), потребность расширить эмиссіонное право государственнаго банка „объясняется недоста-

точно планомѣрной дѣятельностью министерства финансовъ". Аналогичное мнѣніе высказано и многими другими органами печати. Но это уже объясненіе причинъ, почему понадобилась столь исключительная мѣра. По поводу нея были вызваны представители прессы. Имъ далъ нѣкоторыя объясненія управляющій государственнымъ банкомъ. Этотъ способъ информированія печати у насъ необыченъ. Но въ данномъ случаѣ и мѣра, принятая въ порядкѣ 87 статьи, необычайно важна. Расширеніе эмиссіоннаго права на милліардъ рублей имѣетъ значеніе не только для настоящаго. Послѣдствія скажутся на долгіе годы. И таково вообще свойство мѣръ данной группы,—направленныхъ къ удовлетворенію матеріальныхъ и узко-дѣловыхъ нуждъ военнаго времени. Онѣ удовлетворяютъ потребность нынѣшняго дня. Но отъ нихъ многое зависитъ и въ будущемъ. И многое онѣ предрѣшаютъ для будущаго.

Во вторую группу можно отнести тѣ временные законы, которые, хотя и направлены къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей даннаго времени, но вводятъ и рѣшенія болѣе общаго порядка. Таково, напр., повышеніе таможеннаго тарифа. Подняты пошлины, между прочимъ, на чай, на хлопокъ, на резину, на множество другихъ предметовъ, которые Россія ввозитъ въ значительномъ количествѣ и не можетъ не ввозить. Этимъ, конечно, усиливаются поступленія государственнаго казначейства. Но рядомъ съ этимъ рѣзко повышена пошлина и на такіе товары, которые Россія даже до войны мало покупала заграницей, а во время войны ихъ привозъ крайне затрудненъ условіями транспортировки. Такъ, напр., на 30—35% увеличены таможенныя пошлины на сортовое полосовое и листовое (толстое) желѣзо. Едва-ли можно ожидать, что доходы казны отъ этого увеличатся. Но покровительственная система, питающая промышленниковъ, усиливается. Вводитъ новый временный законъ и нѣкоторыя другія общія рѣшенія. Въ самомъ началѣ войны положеніемъ совѣта министровъ, утвержденнымъ 3 августа 1914 г., было сохранено за дружественными странами дѣйствіе льготныхъ тарифовъ, установленныхъ спеціальными конвенціями съ Германіей и Австро-Венгріей. Дѣло въ томъ, что нѣкоторымъ странамъ,—напр., Англіи—льготные тарифы, какими пользовались Германія и Австро-Венгрія, были предоставлены не въ силу спеціальныхъ конвенцій, а на основаніи общаго принципа о наибольшемъ благопріятствованіи. Съ объявленіемъ войны дѣйствіе торговыхъ конвенцій съ Германіей и Австро-Венгріей естественно прекратилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ, — значитъ ли это, что льготъ, предусмотрѣнныхъ прекратившимися конвенціями, лишаются и тѣ государства, съ которыми Россія сохранила или даже укрѣпила отношенія наибольшаго благопріятства? Положеніе совѣта министровъ 3 августа дало опредѣленный отвѣтъ. Нынѣ онъ пересмотрѣнъ и новымъ таможеннымъ закономъ отмѣненъ. Сказалась ли тутъ энергическая работа „экономическаго

совѣщанія", составленнаго членами Государственнаго Совѣта, иныя ли тому причины, но—по отзыву „Русскихъ Вѣдомостей" (17. III)—

протекціонистскія теченія въ послѣднее время настолько, повидимому, усилились, что льгота, вполнѣ естественно предоставленная нашимъ союзникамъ въ началѣ войны, оказалась теперь уже непріемлемой, и новое положеніе совѣта министровъ совершенно отмѣняетъ дѣйствіе конвенціонныхъ тарифовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти возстанавливается принципъ автономной таможенной политики, дѣйствовавшей у насъ до 1894 года.

Московская газета полагаетъ, что временный законъ, вносящій столь крупныя перемѣны, въ дѣйствительности можетъ оказаться длительнымъ.

Пока нашими законодательными палатами будетъ принятъ новый общій тарифъ, можетъ пройти не мало времени и „временныя пошлины" успѣютъ вызвать измѣненія въ хозяйственной жизни, съ которыми придется считаться, какъ съ совершившимся фактомъ, когда вопросъ о коренномъ пересмотрѣ тарифа будетъ поставленъ на очередь („Русскія Вѣдомости", 17. III).

Частенько факты неотразимѣе замысловъ и системъ. Допустимъ, государственный банкъ выпуститъ на 500 милліоновъ или на весь милліардъ рублей кредитокъ. Этимъ фактомъ дѣйствительно многое предрѣшается въ будущемъ. Иное дѣло предрѣшенія въ порядкѣ замысловъ, — и въ частности предрѣшенія относительно усиленнаго протекціонизма, усиленной экономической изолированности, закрѣпляемой системой автономныхъ тарифовъ. Всякія такія предрѣшенія основаны на предположительномъ учетѣ возможностей. А предположительные учеты не всегда оправдываются. Какъ бы ни предрѣшать вопросъ объ экономической изолированности, но отъ простого столкновенія съ необходимостью привлекать капиталы всѣ эти предрѣшенія могутъ разсыпаться въ прахъ. Какъ бы ни усиливались протекціонистскія теченія, но, съ другой стороны, усиливается и безуміе дороговизны, далеко еще не сказавшее своего послѣдняго слова. И уже отъ одного этого безумія, обусловленнаго отчасти тѣмъ же протекціонизмомъ, предрѣшенія могутъ отпасть. Возможно многое другое, способное упразднить или спутать предположительные разсчеты. Вообще нельзя сказать, что нынѣшнія предрѣшенія прочны, тверды, непремѣнно сбудутся. Что сбудется,—неизвѣстно. Пока мы хотимъ лишь понять нѣкоторыя черты настоящаго.

Среди новыхъ временныхъ законовъ можно замѣтить и еще одну группу мѣропріятій,—не вызываемыхъ безспорными матеріальными потребностями времени, но имѣющихъ принципіальное значеніе. Важнѣйшее изъ нихъ—утвержденное 17 марта и опубликованное 22 марта положеніе совѣта министровъ о городскомъ общественномъ управленіи въ Царствѣ Польскомъ. Одновременно опубликована выписка изъ журнала совѣта министровъ. Она объясняетъ, что новый временный законъ имѣетъ не только дѣловое

значеніе. „Совѣтъ министровъ—говорится въ ней—не могъ не отмѣтить",

что дарованіе городамъ губерній Царства Польскаго болѣе совершеннаго городского общественнаго управленія, дѣйствующаго въ имперіи уже около полустолѣтія и составляющаго предметъ особыхъ ожиданій мѣстнаго населенія, представлялось бы желательнымъ осуществить въ качествѣ чрезвычайной монаршей милости, а потому и обнародованіе ея надлежало бы пріурочить къ торжественному дню. Въ семъ отношеніи наиболѣе соотвѣтствующимъ являлся бы, по мнѣнію совѣта министровъ, день Св. Пасхи, тѣмъ болѣе, что таковой въ нынѣшнемъ году, въ видѣ рѣдкаго исключенія будетъ праздноваться одновременно какъ православною, такъ и католическою церковью, по старому и новому стилю. („Новое Время", 22. III).

Ко дню св. Пасхи и состоялось обнародованіе. Въ опубликованной выпискѣ изъ журнала совѣта министровъ дается краткая историческая справка. Она изложена такъ:

По высочайшему повелѣнію министръ внутреннихъ дѣлъ 9 іюня 1914 г внесъ въ Государственную Думу проектъ закона о преобразованіи управленія городовъ въ губерніяхъ: Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской и Сувалкской Означенный законопроектъ, вслѣдствіе перерыва дѣятельности законодательныхъ установленій, остался донынѣ неразсмотрѣннымъ. Между тѣмъ исключительныя обстоятельства военнаго времени придаютъ значеніе неотложности упомянутой мѣрѣ, какъ направленной къ упорядоченію хозяйственной жизни городовъ, претерпѣвающей въ значительной части края потрясенія, а мѣстами и полное разстройство. При такихъ условіяхъ совѣтъ министровъ, въ засѣданіи 18 февраля 1915 года, признавъ необходимымъ беззамедлительно ввести городовое положеніе 11 іюня 1892 года въ городахъ варшавскаго генералъ-губернаторства въ порядкѣ статьи 87 основныхъ государственныхъ законовъ, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ выработать, совмѣстно съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, соотвѣтствующій законопроектъ (Тамже).

Проектъ требовалось выработать „съ тѣми отступленіями" отъ закона 11 іюня 1892 г., „которыя вызываются мѣстными особенностями". Этому условію и удовлетворяетъ, по мнѣнію совѣта министровъ, опубликованное 22 марта „Положеніе". Для правильнаго пониманія приведенной справки не лишне вспомнить нѣкоторыя другія обстоятельства. Первоначальный правительственный проектъ былъ принятъ Думою. Конечно, онъ былъ далекъ отъ радикализма. И, конечно, Дума не подвергла его „радикальной перелицовкѣ". Возможность такой перелицовки исключается прежде всего многолюдными правыми фракціями, а онѣ весьма сдержанно относятся къ общественному управленію и, сверхъ того, были въ сильной степени заражены полонофобіей. Онѣ примирились съ законопроектомъ въ силу желательныхъ имъ ограниченій и оговорокъ. Безъ „правыхъ" ограниченій и оговорокъ нельзя было составить большинство въ пользу законопроекта. Это заставляло либеральную часть Думы мириться съ ними. И либеральные думцы относились къ законопроекту отнюдь не восторженно, — какъ къ тягостному

компромиссу. Думскіе поляки, по ихъ словамъ, голосовали за законопроектъ, скрѣпя сердце. Тѣмъ не менѣе, въ Государственномъ Совѣтѣ—и при томъ голосами главнымъ образомъ назначенныхъ членовъ—законопроектъ былъ отклоненъ. А затѣмъ уже 9 іюня 1914 г. онъ снова внесенъ правительствомъ въ Государственную Думу.

Одно время въ газетахъ сообщалось предположеніе, что Дума съ особенною экстренностью повторитъ свое голосованіе и спѣшно возвратитъ законопроектъ Совѣту. Но этотъ путь былъ мало возможенъ уже по той причинѣ, что думскія правыя группы довольно солидарны съ совѣтскими правыми и не упускаютъ случая домогаться уступокъ, опираясь на содѣйствіе Совѣта. Экстренные пути не были примѣнены. А тамъ наступилъ перерывъ думскихъ работъ. Потомъ началась война. И во время нея особенно болѣзненно почувствовалось отсутствіе общественнаго управленія въ городахъ Царства Польскаго. Пришлось экстренно создать обывательскіе организаціи и комитеты. Мѣстами они развернули довольно обширную дѣятельность. Но, разумѣется, ихъ существованіе не могло быть вполнѣ удовлетворительнымъ ни для сторонниковъ, ни для противниковъ общественной самодѣятельности. Съ точки зрѣнія сторонниковъ, эти обывательскія организаціи случайны по своему составу и по характеру дѣятельности: самое существованіе ихъ, юридически не обезпеченное и даже не предусмотрѣнное, до крайности случайно: сегодня они—власть, принимающая отвѣтственныя мѣры отъ имени цѣлаго города; завтра—они упраздняются по первому распоряженію полиціи. Съ охранительной точки зрѣнія, обывательскіе комитеты имѣютъ другое неудобство: они „самочинны“, не стѣснены формальностями (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., освобождали политическихъ заключенныхъ изъ тюремъ); мѣстами они, если не по составу, то по духу демократичнѣе обычныхъ въ Россіи городскихъ управъ и думъ. И за всѣмъ тѣмъ безъ этихъ обывательскихъ организацій въ данное время обойтись нельзя. Еслибы даже возникло стремленіе замѣнить ихъ городскими общественными управленіями, согласно новоопубликованному временному закону, то оно физически невыполнимо. Требуется вѣдь составить избирательные списки, провести выборы, организовать городскія думы, передать въ ихъ вѣдѣніе множество дѣлъ, архивовъ, имуществъ, учрежденій, избрать исполнительные органы общественныхъ управленій. И все это съ соблюденіемъ необходимыхъ гарантій и при томъ во время войны, на театрѣ военныхъ дѣствій, въ краѣ, подвергающемся непріятельскому нашествію, въ городахъ, часть которыхъ обречена, въ зависимости отъ колебанія военныхъ событій, переходить изъ рукъ въ руки. Осуществить законъ предполагается къ началу 1916 г. Но и этотъ срокъ зависитъ отъ многихъ „если“: если кончится война, если ея „театръ“ перемѣстится съ Вислы на Одеръ. и т. д.

Въ настоящее время надо обходиться обывательскими организаціями. Но въ будущемъ предрѣшено общественное городское устройство и при томъ вполнѣ опредѣленнаго типа. И это, безъ сомнѣнія, облегчитъ упраздненіе обывательскихъ организацій, если таковое будетъ признано нужнымъ. Кромѣ того, временный законъ 17 марта въ сущности предрѣшаетъ одну изъ конкретныхъ величинъ, способныхъ наполнить опредѣленнымъ содержаніемъ общую формулу памятнаго воззванія 1 августа 1914 г. къ полякамъ: „возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи". Конечно, конкретныхъ величинъ для заполненія этой формулы потребуется много. Пока дана лишь первая изъ нихъ: самоуправленіе городовъ въ предѣлахъ общеимперскаго городового положенія 11 іюня 1892 года, съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно мѣстнымъ особенностямъ. Главнѣйшія изъ этихъ измѣненій таковы. Во-первыхъ, допускается польскій языкъ наряду съ обязательнымъ общегосударственнымъ языкомъ. Во-вторыхъ, избиратели дѣлятся на три національныя куріи: 1) „лица русскаго происхожденія", 2) евреи, 3) „всѣ остальные избиратели". „Лицамъ русскаго происхожденія", если ихъ не меньше пяти, „во всякомъ случаѣ, предоставляется избрать одного гласнаго"; а если меньше пяти, то они присоединяются къ третьей куріи. Вторая курія, если евреи составляютъ больше половины жителей, избираетъ пятую часть гласныхъ, а если евреевъ половина или меньше, то не болѣе одной десятой. Остальное число гласныхъ избирается третьей куріей, въ которую войдутъ поляки, литовцы и иные живущіе въ городахъ Царства Польскаго и состоящіе въ россійскомъ подданствѣ лица не русскаго происхожденія и не еврейскаго вѣроисповѣданія,— конечно, при томъ условіи, если они обладаютъ цензомъ. Сверхъ того, евреи не могутъ быть предсѣдателями городскихъ думъ, членами управъ, городскими секретарями, завѣдывающими отдѣльной отраслью городского хозяйства и управленія, и т. д. Этимъ выражается согласіе со взглядами націоналистической и антисемитской части польскаго общества, что въ городахъ Царства Польскаго „хозяевами" должны быть поляки. Вообще консервативную часть польскаго общества законъ 17 марта можетъ удовлетворить и въ другомъ отношеніи: предрѣшается желательное ей узко-цензовое устройство. И какъ бы впослѣдствіи ни сложилось рѣшеніе общаго вопроса о возрожденіи Польши, свободной въ своемъ самоуправленіи, но данную деталь консервативная часть польскаго общества получаетъ въ желательномъ и готовомъ видѣ. Тѣмъ самымъ ей какъ бы указывается путь къ легкимъ побѣдамъ надъ иными теченіями польской общественной мысли.

III. Новыя государственныя мѣры противъ дороговизны.

Остается еще одна группа временныхъ законовъ,—направленная къ устраненію или смягченію особо острыхъ послѣдствій, проис-

текающихъ отъ недостатковъ продовольственной, экономической и общей организаціи. Изъ этой группы выше названы три мѣропріятія: предоставленіе чрезвычайныхъ полномочій министру путей сообщенія по дѣламъ, касающимся доставки и распредѣленія топлива, правила 17 февраля, учрежденіе общеимперскаго продовольственнаго комитета.

Обстоятельства, вызвавшія первую изъ этихъ мѣръ, настолько извѣстны, что о нихъ достаточно лишь напомнить. Бокъ-о-бокъ съ обширнѣйшими лѣсными пространствами нѣтъ дровъ, цѣны вскакиваютъ до 100—150 р. за кубическую сажень, а мѣстами и еще выше. Нефтяныя богатства огромны. Вывозъ нефти (послѣ закрытія Дарданеллъ и Босфора) почти прекратился. До ноября нефть дешевѣетъ и нефтепромышленники жалуются на избытокъ продукта. Послѣ ноября на мѣстѣ избытка волшебнымъ образомъ оказывается недостатокъ и цѣны быстро повышаются на 75 — 80%. Съ углемъ, по случаю прекращенія ввоза и вслѣдствіе занятія непріятельскими арміями Домбровскаго района, заминка ожидалась. Но не въ такой мѣрѣ, какъ вышло. Даже въ Харьковѣ, въ административномъ центрѣ Донецкаго района, въ концѣ февраля и началѣ марта уголь просто исчезъ. Населенію стало буквально не на чемъ даже варить пищу. Пришлось пойти на совершенно исключительныя мѣры,—для частныхъ обывательскихъ нуждъ сдѣлать позаимствованіе изъ государственныхъ желѣзнодорожныхъ запасовъ. По особому разрѣшенію военнаго начальства, аналогичное средство было допущено и въ Кіевѣ [1]). Возникла опасность, что изъ-за недостачи угля вынуждены будутъ не только сократить работу, но и вовсе остановиться цѣлыя предпріятія, и при томъ такія, какъ, напр., городскіе трамваи. Попытки изслѣдовать это явленіе заводятъ въ дремучій лѣсъ. На первомъ мѣстѣ, разумѣется, синдикатъ, „Продуголь". Но не одинъ синдикатъ. На многихъ мѣстахъ добычи есть большіе запасы угля, но нельзя подвезти къ желѣзнодорожной станціи: грунтовыя дороги пришли въ весеннее состояніе, 2-3 версты всего, а не проѣдешь. Въ другихъ мѣстахъ можно проѣхать, но углепромышленники не желаютъ надлежаще оплачивать трудъ и потому нѣтъ рабочихъ рукъ. Въ третьихъ мѣстахъ руки есть, но нѣтъ вагоновъ. Въ четвертыхъ и вагоны есть, даже много вагоновъ, но, повидимому, некому распорядиться. Словомъ, помимо синдиката и перегруженности желѣзныхъ дорогъ, многое множество неладностей, изъ которыхъ въ итогѣ составляются огромныя тренія. Распутать эти гордіевы узлы крайне трудно. И начальствующія лица сочли необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгнуть къ методу Александра Македонскаго. Этотъ методъ, разумѣется, не можетъ устранить органическіе недостатки. Наиболѣе удобенъ онъ для борьбы

[1]) „Кіевская Мысль", 20 марта.

противъ спекуляціи. Но и тутъ есть предѣлы. Углепромышленники и нефтепромышленники весьма грѣшны. Но они столь мощно организованы, что наказать ихъ за грѣхи вовсе не легко. Проще съ дровяниками. Они — линія наименьшаго сопротивленія. На нихъ главнымъ образомъ и испытаны крутыя мѣры, — мѣстами запрещеніе вывоза (между прочимъ, въ Могилевской и Минской губерніяхъ), а въ Кіевѣ примѣненъ даже секвестръ. На этомъ послѣднемъ опытѣ мы и остановимся, — онъ съ особенною наглядностью свидѣтельствуетъ, что вносятъ въ общее положеніе разрозненныя мѣропріятія начальствующихъ лицъ.

5 марта въ кіевскихъ газетахъ была напечатана слѣдующая замѣтка:

Начальникъ снабженія арміи юго-западнаго фронта обратился къ главному начальнику кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютанту Троцкому со слѣдующей телеграммой:

„Судя по газетамъ, дровяники бѣдному люду отказываютъ въ продажѣ дровъ по таксѣ или берутъ произвольныя цѣны. Требую отъ губернатора и городского головы рѣшительныхъ мѣръ противъ дровяниковъ, секвестровавъ всѣ дрова, не исключая фиктивныхъ продажъ на третьи лица, и установленія продажи дровъ городомъ и не останавливаясь, за неисполненіе обязательнаго постановленія, передъ содержаніемъ въ тюрьмѣ на три мѣсяца, и затѣмъ высылкой въ отдаленныя губерніи на все время войны. Не могу допустить, чтобы распоряженія могъ кто-либо не исполнять въ военное время, а если должностными лицами будетъ проявлено бездѣйствіе власти, то немедля войти съ представленіемъ объ увольненіи".

Телеграмма эта передана въ копіяхъ, какъ господину губернатору, такъ и городскому головѣ.

Для осуществленія мѣръ, указанныхъ въ телеграммѣ, созывается экстренное совѣщаніе съ участіемъ представителей губернской администраціи, города и полиціи („Кіевская Мысль").

Послѣ совѣщанія торговые запасы дровъ были подвергнуты реквизиціи и продажу стала производить городская управа. Черезъ 2 недѣли „Кіевлянинъ" писалъ о результатахъ: для продажи дровъ населенію

былъ командированъ одинъ гласный, который и долженъ былъ организовать раздачу дровяныхъ запасовъ всѣмъ жаждущимъ. Одинъ городской гласный въ единственной будкѣ на вокзалѣ долженъ былъ выполнить всю ту работу, которую въ Кіевѣ до того выполняла цѣлая армія дровяниковъ съ большимъ числомъ крупныхъ и мелкихъ складовъ по всему городу („Кіевлянинъ", 19. III).

Послѣ прискорбныхъ указаній опыта устроили еще нѣсколько пунктовъ для продажи. Но замѣнить „армію дровяниковъ" все-таки не удалось. По описанію другой мѣстной газеты, нужно нѣсколько дней стоять „въ очереди", чтобы заплатить деньги за дрова, а затѣмъ еще нѣсколько дней надо хлопотать, чтобы купленное было доставлено, куда слѣдуетъ. Этого мало. Желѣзныя (Юго-Западныя) дороги по особому ходатайству доставляютъ ежедневно 50 вагоновъ

дровъ. Привозъ секвеструется. Но разгрузить и вывезти со станціи некому. Въ результатѣ

желѣзныя дороги отказываются подавать вагоны для дровъ, такъ какъ ихъ скопилось на станціи слишкомъ много, а кіевляне сидятъ въ нетопленыхъ домахъ, не имѣютъ дровъ для варки пищи, по недѣлямъ ходятъ на вокзалъ, выпрашивая дровъ, какъ милостыни (Тамже).

Населеніе безъ топлива, между тѣмъ склады завалены, станція загружена, подвозъ прекратился, — и значитъ, впереди все-таки дровяной голодъ. А, сверхъ того, организація торговцевъ по закупкѣ товара также осталась не замѣщенной. Закупка фактически упразднилась какъ разъ тогда, когда должны бы начинаться операціи по доставкѣ дровъ на мѣстный рынокъ водными путями,—по весеннему половодью верхняго Днѣпра и притоковъ. И, въ довершеніе всего, по сосѣдству въ Могилевской и Минской губерніи именно въ это время (конецъ февраля и начало марта) запретили вывозъ дровъ. А вывозъ изъ цѣлыхъ районовъ въ этихъ губерніяхъ возможенъ только весною.

И если—пишетъ тотъ же „Кіевлянинъ"—въ 2-3 недѣли весенняго половодья дрова не будутъ вывезены изъ многихъ мѣстностей Могилевской и Минской губерній, то они такъ тамъ и останутся до будущаго половодья 1916 г.

Кіеву же и въ будущую зиму быть безъ дровъ. Пока неизвѣстно, какія мѣры принималъ городъ для предупрежденія будущихъ невзгодъ. Но вообще кіевское городское управленіе, повидимому, не справилось. Замѣтимъ, между прочимъ, что эти кіевскія картины въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень близки къ тому, что получалось въ другихъ городахъ, пытавшихся бороться противъ дороговизны топлива посредствомъ муниципальной продажи по заготовительнымъ цѣнамъ. Даже петроградская управа не догадалась устроить достаточное количество пунктовъ, гдѣ бы можно было „записаться на городскія дрова". Въ Петроградѣ такъ же, какъ и въ Кіевѣ, приходилось по нѣскольку дней ждать очереди; и дрова оказались не важными, и цѣны не низкими,—правда, дешевле, чѣмъ у частныхъ торговцевъ, но доставка изъ городскихъ складовъ на квартиры обходится слишкомъ дорого. Казалось бы, — ужь если запасли дровъ, то надо бы организовать и развозку ихъ. Но объ этой „мелочи" во-время не подумали. И газетамъ пришлось еще разъ повторить грустныя соображенія о крайней устарѣлости нынѣшнихъ мѣстныхъ учрежденій; среди владѣльцевъ ценза, конечно, есть хорошіе люди; но это — тѣсный кругъ; онъ недостаточно богатъ силами для большого дѣла; и не настолько близки цензовой группѣ интересы широкихъ массъ, чтобы она заботилась о нихъ, какъ о самой себѣ.

Но это, повторяю, между прочимъ... Сейчасъ намъ важно пока-

зать, что могутъ внести въ общее положеніе разрозненныя, хотя и героическія, усилія отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ. Кіевскій опытъ въ этомъ смыслѣ, полагаю, достаточно убѣдителенъ. Фактически онъ начатъ какъ разъ въ то время, когда состоялся указъ о чрезвычайныхъ полномочіяхъ министра путей сообщенія. Но правительство, безъ сомнѣнія, и до кіевскаго опыта имѣло убѣдительные примѣры, по которымъ можно судить о послѣдствіяхъ разрозненнаго примѣненія энергіи. И указомъ 4 марта на министра путей сообщенія возложено „объединить дѣятельность всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей по снабженію топливомъ" „учрежденій арміи и флота и путей сообщенія, а равно частныхъ предпріятій, работающихъ для цѣлей государственной обороны", при чемъ должны быть „принимаемы въ соображеніе и потребности въ топливѣ прочихъ потребителей имперіи". Полномочія даны въ порядкѣ управленія. Нормы же объединительной и объединенной дѣятельности опредѣлятся особымъ законодательнымъ актомъ, который, по газетнымъ свѣдѣніямъ, не замедлитъ.

Съ продовольствіемъ происходитъ въ сущности то же, что и съ топливомъ. Такая же спекуляція синдикатовъ и банковъ. Такія же затрудненія въ транспортировкѣ. Тѣ же милліоны „мелкихъ недостатковъ механизма", изъ которыхъ въ общей сложности вырастаютъ огромныя тренія (достаточно вспомнить о безконечныхъ даже въ мирное время хлѣбныхъ желѣзнодорожныхъ залежахъ). „Новое Время" (9. III) саркастически изображало, до какой степени даже по основному вопросу о количествѣ запасовъ и правительство, и общество бродятъ впотьмахъ.

Эти вопросы должна бы разрѣшить статистика. Къ сожалѣнію, статистики у насъ и слишкомъ много, и слишкомъ мало. Много потому, что въ каждомъ вѣдомствѣ статистика своя; мало потому, что мало вѣрныхъ данныхъ даютъ всѣ вмѣстѣ эти статистики. Даже въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ имѣются разнорѣчивыя свѣдѣнія. По даннымъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, напримѣръ, запасовъ хлѣба къ 1 января с. г. много менѣе, чѣмъ на 1 февраля по свѣдѣніямъ того же министерства, но по донесеніямъ губернаторовъ, а въ общемъ нѣсколько менѣе того, что уже доставлено въ армію. По общимъ выводамъ другой статистики (вѣдомства землеустройства и земледѣлія), весь излишекъ овса менѣе, чѣмъ доставлено въ армію распоряженіемъ этого вѣдомства, не считая интендантства...

Общіе итоги въ туманѣ. А какъ распредѣлены запасы, гдѣ избытокъ, гдѣ недостатокъ,—этого и подавно не разберешь.

Мы только что видѣли, какъ разрѣшало кіевское городское управленіе задачу о дровахъ. Таланты узкоцензоваго мѣстнаго представительства не измѣнятся, если вмѣсто задачи о дровахъ поставить болѣе общую и болѣе трудную задачу о продовольствіи. Конечно, многія городскія управленія стараются принимать мѣры. Но, къ сожалѣнію, есть и такія думы, которыя даютъ поводъ упрекать ихъ въ умышленномъ вредѣ дѣлу народнаго продовольствія,

въ завѣдомомъ содѣйствіи злостной игрѣ спекулянтовъ. И не только въ прессѣ возникаютъ эти упреки. Макарьевской, напр., думѣ (Костромская губернія) обвиненіе въ неправильномъ повышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости предъявлялъ ея же избранникъ, городской голова Ф. М. Горинъ; большинство мѣстныхъ гласныхъ — купцы; г. Горинъ — также купецъ; но, когда дума постановила повысить таксу, онъ, какъ городской голова, тутъ же, въ засѣданіи думы заявилъ, что считаетъ это постановленіе неправильнымъ, изъ своего магазина будетъ продавать продукты по прежней болѣе низкой цѣнѣ, а свое мнѣніе сообщитъ губернатору [1]). Мценская дума аналогичныя обвиненія услышала отъ мѣстныхъ жителей, подавшихъ коллективную жалобу губернатору [2]). Цѣлому ряду городскихъ думъ такія замѣчанія пришлось выслушать отъ губернаторовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ словесными замѣчаніями дѣло не ограничилось. Изъ Кременчуга, напр., имѣется такое свѣдѣніе:

Губернаторъ отмѣнилъ таксу на продукты первой необходимости, составленную городской думой, и предложилъ созвать для выработки ея особую коммиссію, въ которую должны войти представители мѣстнаго населенія („Русское Слово", 26. II).

Формально „представителями мѣстнаго населенія" являются гласные. Но сейчасъ не до формальностей. Вопросъ такъ обострился, что нужны представители именно населенія, страдающаго отъ спекуляціи, а не избранники цензовиковъ, нерѣдко имѣющихъ отъ спекуляціи выгоду.

Города—естественные центры потребленія. Въ нихъ особенно остро стоитъ вопросъ о дороговизнѣ. Здѣсь государственной власти приходится вести особо напряженную борьбу противъ этой невзгоды. И здѣсь же узкоцензовые общественные органы той же власти составлены порою изъ людей, которые либо прямо заинтересованы въ дороговизнѣ, либо имѣютъ полное основаніе относиться къ ней безразлично. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это тягостное противорѣчіе вскрывается въ видѣ прямого содѣйствія дороговизнѣ. Быть можетъ, чаще приходится наблюдать безразличіе городскихъ управленій,—не содѣйствуютъ дороговизнѣ, но и не противодѣйствуютъ ей. Отчасти по этой причинѣ возникло дикое явленіе: въ цѣломъ рядѣ мелкихъ городовъ продукты первой необходимости, подвозимые обычнымъ порядкомъ изъ окрестныхъ селъ, стали дороже и порою гораздо дороже, чѣмъ въ крупныхъ центрахъ, куда тѣ же продукты привезены издалека по желѣзнымъ дорогамъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это принимаетъ характеръ прямо анекдотическій. Въ Славянскѣ, имѣющемъ соляныя озера и варницы, соль поднялась въ цѣнѣ (для мѣстныхъ потребителей) почти вдвое и продавалась почти по такой же цѣнѣ, какъ, напр., въ

1) „Русское Слово", 26. II.
2) „Русское Слово", 28. II.

Москвѣ. Въ мелкихъ уѣздныхъ городишкахъ яйца поднялись до 80—90 коп. за десятокъ тогда какъ цѣны тѣхъ же яицъ въ Петроградѣ и Москвѣ 30—35 коп. Секретъ въ томъ, что городскія управленія крупныхъ центровъ принимали мѣры, хотя, быть можетъ, и недостаточно обширныя и рѣшительныя, потребителя же мелкихъ городковъ предали на произволъ мѣстныхъ торговцевъ, прасоловъ, скупщиковъ. Въ концѣ концовъ дороговизна и при томъ мѣстныхъ продуктовъ проникла даже въ села: бѣднѣйшая часть населенія продала свои продукты еще въ августѣ и сентябрѣ по дешевымъ цѣнамъ, остатки личныхъ запасовъ въ серединѣ зимы были у многихъ съѣдены, а мѣстные богатѣи и торговцы держатъ запасъ подъ замкомъ, выжидая еще болѣе значительнаго повышенія цѣнъ.

Въ такой крайности на мѣстахъ стали возникать, по иниціативѣ гдѣ общественныхъ учрежденій или отдѣльныхъ лицъ, гдѣ администраціи, особыя „совѣщанія", „комитеты", „коммиссіи", составляемые изъ представителей правительственныхъ учрежденій, городскихъ и земскихъ управленій, кооперативовъ, торговцевъ; кое-гдѣ приглашались и „представители населенія",—впрочемъ, не выборные, а просто извѣстные и пользующіеся нѣкоторымъ авторитетомъ мѣстные обыватели. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, нельзя сказать, что работы этихъ довольно пестрыхъ по своему составу совѣщаній и комитетовъ вездѣ плодотворны. Но они, повидимому, помогли болѣе отчетливо выяснить роль скупщиковъ, мукомоловъ, банковъ. Въ центрѣ изъ провинціи стали появляться ходатайства о прекращеніи ссудъ подъ зерно, о сокращеніи срока храненія въ элеваторахъ, о воспрещеніи банкамъ производить переотсрочки по хлѣбнымъ ссудамъ, о запрещеніи банкамъ закупки хлѣба за собственный счетъ черезъ подставныхъ лицъ (послѣднее собственно запрещено уставами, но дѣло не въ буквѣ уставовъ, а въ принятіи дѣйствительныхъ мѣръ). Эти ходатайства подчеркиваютъ одну изъ главныхъ причинъ нынѣшняго продовольственнаго разстройства. Но удовлетворить ихъ не такъ просто. Дѣло не въ однихъ вліяніяхъ, какими располагаетъ банковская организація. Въ хлѣбныя ссуды и въ хлѣбную спекуляцію введены огромныя денежныя средства. Въ хлѣбо-залоговыя операціи введены, между прочимъ, не малыя суммы государственнаго банка. Если круто оборвать,—возможны значительные потери и убытки банковъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ „Новаго Времени", въ подлежащихъ вѣдомствахъ „признано, что въ настоящее время ссудная помощь кредитныхъ учрежденій производителямъ хлѣба и хлѣботорговцамъ нежелательна, такъ какъ цѣлью этихъ операцій была поддержка производителей хлѣба лишь во время упадка цѣнъ".

Провинція, во всякомъ случаѣ, „заговорила". Въ центральныхъ сферахъ Петрограда также составилось „особое совѣщаніе". Изъ

объясненій А. В. Кривошеина „экономическому совѣщанію" Государственнаго Совѣта видно, что къ участію въ работахъ были привлечены и „представители земствъ". На этомъ „особомъ совѣщаніи" и былъ обсужденъ проектъ, ставшій временнымъ закономъ 17 февраля. „Совѣщаніе", видимо, не задавалось цѣлью противопоставить спекулянтамъ, опирающимся на банки, организованный общественный отпоръ. Узаконенныя правила 17 февраля ставятъ передъ спекулянтами нѣкоторыя мѣры административнаго предупрежденія и пресѣченія. Въ видѣ предупрежденія, — учетъ запасовъ подъ страхомъ отвѣтственности за сокрытіе и установленіе предѣльныхъ цѣнъ. Въ видѣ пресѣченія,—запретъ вывоза изъ отдѣльныхъ районовъ. Въ крайнемъ случаѣ,—реквизиція, обращаемая прежде всего на запасы, подъ которые выданы банковскія ссуды. Правила 17 февраля довольно энергично были приведены въ дѣйствіе. Реквизиціи, повидимому, примѣнены лишь въ немногихъ мѣстахъ и по отношенію къ немногимъ продуктамъ. Но вывозъ былъ запрещенъ въ цѣломъ рядѣ губерній.

Дѣйствіе правилъ 17 февраля не замедлило сказаться въ довольно разнообразныхъ направленіяхъ. Въ первое время появились утѣшительныя извѣстія:

Во многихъ мѣстахъ моментально на рынкѣ появился хлѣбъ. О быстромъ паденіи цѣнъ на овесъ и рожь сообщали изъ Тамбовской губерніи, изъ Рязани, Ростова и другихъ мѣстъ („Кіевская Мысль", 10. III).

Кое-какая часть запасовъ выскользнула изъ „крѣпкихъ рукъ". Но, можно думать, не изъ самыхъ крѣпкихъ. И не такъ просто опредѣлить, въ какой мѣрѣ выскользнувшая часть запасовъ дошла до потребителя и въ какой попала къ людямъ, болѣе крѣпкимъ и достаточно сообразительнымъ, чтобы подождать дальнѣйшихъ результатовъ.

Мы уже видѣли, что получается вслѣдствіе запрета вывозить дрова изъ Минской и Могилевской губерніи: въ лѣсистыхъ болотахъ приготовленные запасы топлива останутся, вѣроятно, до половодья 1916 года и за годъ будутъ изрядно попорчены гнилью. Подобныя бѣды возможны и съ нѣкоторыми пищевыми продуктами. Но это лишь одно изъ послѣдствій. Есть много другихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сразу обнаружились въ пунктахъ, лежащихъ вблизи межгубернскихъ границъ. Беру для примѣра газетныя сообщенія изъ Сергіева посада. Какъ извѣстно, это крупный и бойкій поселокъ близъ Троицкой лавры. Административно онъ состоитъ въ Московской губерніи. Но мѣстное потребленіе многихъ поселковъ, лежащихъ близъ межгубернской границы, удовлетворяется привозомъ сосѣдей. То же и съ Троицкимъ посадомъ,—потребное привозится изъ селъ и деревень Владимирской губерніи. Такъ было искони. И вдругъ какъ разъ передъ Пасхой,

въ виду изданія владимирскимъ губернаторомъ обязательнаго постановленія о запрещеніи вывоза продуктовъ изъ предѣловъ губерніи, подвозъ въ Сергіевъ посадъ прекратился; на базарѣ нѣтъ ни одной подводы.

Такихъ посадовъ, мѣстечекъ и бойкихъ селъ много. За судьбою каждаго изъ нихъ стоитъ общій вопросъ. Экономическія тяготѣнія и границы мѣстныхъ рынковъ не сообразуются съ административными границами уѣздовъ и губерній. И погубернскими запретами вывоза были перерѣзаны товарообмѣнныя жилы. А такъ какъ мѣстные рынки имѣютъ не только мѣстное значеніе, — на многихъ изъ нихъ производятся закупки для крупныхъ центровъ,—то послѣдствія немедленно пошли вверхъ. А такъ какъ перерѣзка жилъ случилась передъ праздниками, то послѣдствія приняли особо острую форму: одними торговцами продукты закуплены до „новыхъ правилъ", а потомъ настали „новыя правила",—и вывезти закупленное нельзя; другіе торговцы не успѣли сдѣлать закупокъ „при старыхъ правилахъ", а „при новыхъ правилахъ" привычныя мѣста торга опустѣли, мелкій производитель не знаетъ, гдѣ найти закупщиковъ, закупщикъ не знаетъ, гдѣ найти производителя. Это и сказалось чрезвычайными предпраздничными затрудненіями. О послѣдствіяхъ же болѣе общихъ „Новое Время" (21. III) пишетъ:

Воспрещеніемъ вывоза хлѣбныхъ продуктовъ изъ многихъ урожайныхъ мѣстностей въ другія губерніи былъ нарушенъ обычный строй нашей хлѣбной торговли. Биржевые комитеты, какъ органы, близко и практически стоящіе къ торговому и продовольственному дѣлу, возбудили рядъ энергичныхъ ходатайствъ объ отмѣнѣ этихъ временныхъ обязательныхъ постановленій, предвидя неимовѣрныя затрудненія въ хлѣбоснабженіи; въ неурожайныхъ губерніяхъ ожидалось новое повышеніе цѣнъ.

Не одни биржевые комитеты. На возникающія затрудненія счелъ нужнымъ указать, между прочимъ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ. Критически отнеслось къ создавшемуся положенію и „экономическое совѣщаніе" членовъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь, помимо практическихъ затрудненій, было отмѣчено и еще одно неудобство: „правила 17 февраля даютъ мѣстной администраціи рядъ поводовъ къ широкому толкованію ихъ и къ дѣйствіямъ по личному усмотрѣнію".

До реквизицій, повторяю, дѣло дошло лишь въ немногихъ мѣстахъ и по отношенію къ немногимъ продуктамъ, хотя на примѣненіи этой крайней мѣры одно время настаивали отдѣльныя городскія управленія и часть прессы. Жалѣть о томъ, что начальство воздержалось, отнюдь не приходится. Реквизиція не для нуждъ арміи, а для общаго потребленія допустима лишь въ томъ случаѣ, если подготовлена распредѣлительная организація; иначе получится то же, что въ Кіевѣ съ дровами: реквизированные припасы некуда дѣть, а населеніе будетъ сидѣть безъ хлѣба. Завести же распредѣлительную организацію (а сверхъ нея понадобится и заготовочная) можно, лишь располагая обширными силами и кадрами. На слишкомъ смѣлые опыты начальство, за отдѣльны-

ми исключеніями, не пошло. Но и сдѣланнаго достаточно, чтобы вывести нѣкоторый урокъ. Въ порядкѣ инструкціонномъ мѣстнымъ начальникамъ было разъяснено, что правила 17 февраля надлежитъ примѣнять съ осторожностью. Часть мѣстныхъ распоряженій о запретѣ вывоза была отмѣнена или смягчена. Необходимость нѣкотораго единства въ продовольственной политикѣ не требовала дальнѣйшихъ доказательствъ. И послѣдовалъ новый временный законъ объ организаціи особаго междувѣдомственнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности для общаго руководства продовольственнымъ дѣломъ имперіи. Одновременно возникъ поддержанный постановленіями петроградской и московской городскихъ думъ вопросъ объ участіи общественныхъ элементовъ въ центральномъ продовольственномъ органѣ. Нѣтъ нужды доказывать, что участіе земскихъ, городскихъ, кооперативныхъ и иныхъ общественныхъ дѣятелей принесетъ пользу. Противъ участія общественныхъ элементовъ могутъ быть лишь тенденціи, лежащія внѣ заботъ о правильной постановкѣ продовольственнаго дѣла.

Сложнѣе и труднѣе другой вопросъ: центральная организація необходима, но столь же необходимы твердыя опорныя точки на мѣстахъ, а твердыя опорныя точки едва-ли могутъ возникнуть, пока нѣтъ организованной самодѣятельности широкихъ потребительскихъ массъ. Сами административныя власти хорошо понимаютъ, что безъ общественнаго содѣйствія обойтись нельзя; понимаютъ они также, что полагаться на содѣйствіе городскихъ думъ и управъ можно далеко не вездѣ и не всегда,—не даромъ губернаторы кое-гдѣ прямо рекомендуютъ или даже предлагаютъ думамъ призывать „представителей населенія“. Только организованная самодѣятельность населенія можетъ дать необходимый притокъ силъ и необходимое освобожденіе отъ явныхъ или скрытыхъ предпринимательскихъ и спекулятивныхъ интересовъ внутри самихъ органовъ, призванныхъ и обязанныхъ противодѣйствовать дороговизнѣ. Но было бы наивностью не видѣть препятствій къ возникновенію достаточно широкой самодѣятельности потребительскихъ массъ. Препятствія, конечно есть. И огромныя препятствія.

Еслибы усиленныя продовольственныя заботы возникли на короткое время, на нѣсколько ближайшихъ недѣль или мѣсяцевъ, то можно бы сказать, что препятствія окажутся непреодолимыми: центральный органъ возникъ, а прочныхъ опорныхъ точекъ на мѣстахъ „все равно не будетъ“, и все кончится палліативами, полумѣрами, а тамъ минетъ война, и продовольственная часть сама собою придетъ въ прежнее состояніе. Но рѣчь едва-ли можетъ идти о короткихъ срокахъ. Пожалуй, мы лишь въ началѣ продовольственныхъ затрудненій. Въ вопросѣ дороговизны, безъ сомнѣнія, важную роль играетъ денежный курсъ. Между тѣмъ вы-

пускъ кредитокъ и иныхъ государственныхъ бумажныхъ обязательствъ далеко еще не дошелъ до максимума. Максимумъ впереди и, быть можетъ, мы его дождемся не во время войны, а нѣсколько спустя послѣ нея. Точно также далеко не дошли до максимальныхъ предѣловъ послѣдствія лихорадочнаго напряженія транспортныхъ путей и изнашиванія подвижного состава, сокращенія пароходнаго строительства, сокращенія работъ по улучшенію и развитію подъѣздныхъ путей экономическаго значенія и т. д. Далѣе, воюющія страны встрѣчаютъ лѣто 1915 г. съ остатками продуктовъ нормальнаго сельскохозяйственнаго производства. Изъ хозяйственной кампаніи, правда, кое-что выпало: часть урожая все-таки была захвачена военными событіями и на западномъ и на восточномъ фронтахъ: не все успѣли убрать, часть убраннаго погибла. Но эта убыль относительно не велика. А сейчасъ мы стоимъ передъ неизбѣжностью общаго сокращенія сельскохозяйственнаго производства. Сокращенія лишь на ближайшій періодъ—пока не малыя пространства находятся подъ театрами войны; пока особенно остро сказывается огромный отливъ хозяевъ и распорядителей, техническихъ силъ, рабочихъ рукъ; пока закупорены пути, по которымъ интенсивная культура получала удобрительные туки или сырой матеріалъ, необходимый для ихъ изготовленія. Но слѣды сокращенія скажутся до августа-сентября 1916 г. И уже по этимъ причинамъ, не говоря о разныхъ другихъ, усиленныя заботы о продовольственной организаціи понадобятся втеченіе не только ближайшихъ недѣль или мѣсяцевъ. Прожить короткое время съ палліативами и полумѣрами было бы можно. Но при напряженности на продолжительный срокъ, быть можетъ, поневолѣ придется препятствія преодолѣть. И, конечно, чѣмъ скорѣе будетъ это сдѣлано, тѣмъ лучше для дѣла.

III. Удержится ли посѣвная площадь?

Многія нивы нынѣ—поля битвъ. Другія — недавно были ими Третьи еще будутъ. Вѣроятно, и на фактическомъ театрѣ войны часть земли крестьяне распашутъ и засѣютъ, хотя и безъ твердой надежды собрать урожай. Но сокращеніе посѣвной площади здѣсь несомнѣнно. И, повидимому, оно случится не только здѣсь.

„Нѣмцы-колонисты не засѣваютъ"... Такія газетныя свѣдѣнія идутъ изъ южныхъ губерній, имѣющихъ значительное нѣмецкое населеніе. Эти свѣдѣнія были еще осенью. Уже тогда нѣкоторая часть колонистовъ, подъ опасеніемъ предполагаемыхъ невзгодъ, воздерживалась отъ посѣва озимей. Но осенью воздерживалась именно нѣкоторая часть. Весною на земляхъ, подлежащихъ ликвидаціи по силѣ временныхъ законовъ 2 февраля, нѣтъ разсчета сѣять. И отказъ нѣмцевъ-колонистовъ отъ яровыхъ посѣвовъ

имѣетъ, повидимому, общій характеръ. По приблизительному подсчету вѣдомства земледѣлія и землеустройства, ликвидаціи на основаніи законовъ 2 февраля подлежитъ около 3 милл. десятинъ. Быть можетъ, не все это пространство окажется не засѣяннымъ. Съ другой стороны, есть свѣдѣнія, что прекращаютъ хозяйство и распродаютъ имущество не только тѣ нѣмцы-колонисты, которые подпали подъ дѣйствіе правилъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія. Сколько именно колонистскихъ земель выпадетъ изъ сельскохозяйственнаго оборота въ 1915 г.,—учесть нельзя. Но во всякомъ случаѣ „по этой статьѣ" сокращеніе посѣвной площади будетъ.

Предвидится сокращеніе посѣвной площади и по разнымъ другимъ статьямъ. По свѣдѣніямъ, напр., „Русскихъ Вѣдомостей" (10. III), въ Корсунскомъ уѣздѣ (Симбирской губерніи)

„въ прежніе годы арендаторы осаждали конторы помѣщиковъ, а нынѣ конторщики ѣздили по селамъ и деревнямъ и предлагали въ аренду земли". Въ Сызранскомъ уѣздѣ „крестьяне неохотно арендуютъ землю и даже отказываются отъ аренды, благодаря недостатку рабочихъ рукъ"... Вообще „землевладѣльцы предлагали и предлагаютъ землю, но крестьяне что-то упираются... плохо берутъ".

Плохо берутъ даже въ томъ случаѣ, если помѣщики дѣлаютъ скидку съ прошлогоднихъ арендныхъ цѣнъ,—просятъ за десятину 18—22 р., вмѣсто 25—30 р.; 12—10 руб., вмѣсто 18—15 р. Не вездѣ однако и не всегда помѣщики соглашаются значительно сократить арендныя цѣны. Въ томъ же номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей" находимъ такое сообщеніе изъ Курмышскаго уѣзда:

Въ настоящее время въ нашей мѣстности (арендныхъ) сдѣлокъ съ владѣльцами пока не имѣется, нашъ помѣщикъ объявилъ за казенную десятину цѣну 25 рублей, но крестьяне ему отказали, говоря, что своя останется лишней, и мы ему стали давать не безъ совѣсти, а настоящую цѣну 14 и 16 рублей, но онъ запросилъ не въ совѣсть.

Таковы свѣдѣнія не только изъ отдѣльныхъ уѣздовъ или губерній. Вообще крестьянамъ въ нынѣшнемъ году крайне трудно засѣять даже свои надѣльныя и купленныя земли. И значительное сокращеніе аренды, повидимому, неизбѣжно. Быть можетъ, нѣкоторымъ землевладѣльцамъ удастся кое-какую часть земель, ходившихъ въ арендѣ, вспахать и засѣять своими средствами. Но если это и удастся, то именно лишь нѣкоторымъ. Одни изъ владѣльцевъ жили до сихъ поръ только арендой. И просто не имѣютъ инвентаря, необходимаго для расширенія запашекъ (а у иныхъ и вовсе нѣтъ инвентаря для самостоятельнаго хозяйства). У другихъ инвентарь, пожалуй, найдется, но предстоятъ недохватки въ рабочихъ силахъ.

На крестьянскихъ надѣльныхъ и купленныхъ земляхъ сокращеніе произошло еще осенью. Отчасти это случилось вслѣдствіе крупнаго отлива мужскихъ рабочихъ силъ. Но лишь отчасти.

солдатскимъ хозяйствамъ была организована, пусть не вездѣ одинаково энергичная и не вполнѣ достаточная, но все же солидная помощь. Хозяйства солдатскихъ семей хотя въ отдѣльныхъ мѣстахъ и сильно сократили озимую запашку, но въ общемъ сравнительно благополучно вышли изъ періода осеннихъ полевыхъ работъ. Были другія группы хозяйствъ, положеніе которыхъ стало хуже обычнаго. Таково положеніе прежде всего хозяевъ въ неурожайныхъ губерніяхъ,—своихъ сѣмянъ не родилось, или родились плохія, оборотныхъ средствъ нѣтъ. Въ другое время этимъ неурожайнымъ хозяевамъ была бы оказана поддержка. Теперь, въ первые 2 мѣсяца войны, было не до нихъ и объ ихъ участи почти не вспоминали. Далѣе, въ невыгодное положеніе попали мелкіе хозяева тѣхъ урожайныхъ районовъ, вывозъ изъ которыхъ въ первые два мѣсяца войны былъ особенно затруднителенъ: продавать урожай приходилось за безцѣнокъ; и передъ хозяевами возникала своего рода альтернатива: либо немедленно достать оборотныя средства усиленною распродажею урожая, либо сжаться, повременить, выждать болѣе выгодныхъ цѣнъ. Такъ было, напр., въ Ставропольской губерніи; здѣсь, по свѣдѣніямъ „Голоса Москвы“ (4. III),

„около одной трети озимыхъ полей крестьяне не засѣяли“. „Дороговизна рабочихъ рукъ“ и невыгодная реализація урожая „по весьма дешевымъ цѣнамъ“ побудили „крестьянъ отложить часть посѣвовъ къ веснѣ“.

То же самое наблюдалось въ земледѣльческой полосѣ Сибири, осчастливленной въ 1914 г. урожаемъ послѣ длительнаго недорода, сильно подорвавшаго средства населенія; здѣсь въ отдѣльныхъ районахъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, площадь озимыхъ посѣвовъ сократилась на 30 и даже на 50%. Сказывались, кромѣ того, разныя другія причины. Иныя изъ нихъ, пожалуй, мелки. Земледѣльческія орудія, напр., еще съ весны 1914 г. требовали ремонта. Конечно, ремонтъ откладывался до послѣдней минуты. И вдругъ мобилизація, — кузнеца въ солдаты забрали. Значитъ, надо искать кузнеца въ сосѣднемъ селѣ, въ мѣстечкѣ, въ городѣ. А тотъ, чужой кузнецъ заваленъ работой,—у него надо подождать очереди. А пока онъ управился и починилъ, что требовалось, погода благопріятная для озимыхъ посѣвовъ отошла. И, стало быть, резоннѣе перейти на яровое. Это, повторяю, мелочь. Но изъ множества подобныхъ мелочей складываются солидныя суммы. И въ конечномъ итогѣ большее или меньшее сокращеніе озимой посѣвной площади замѣчено въ 34 губерніяхъ.

Не досѣяли осенью,—значитъ нужно бы усилить сѣвъ весною. Но необходимость усиленныхъ весеннихъ запашекъ сталкивается съ очень серьезными затрудненіями. Прежде всего затрудненія сѣмянныя... Со стороны нѣкоторыхъ кооперативовъ, земствъ и офиціальныхъ учрежденій идутъ утѣшительныя завѣренія: мѣры приняты, сѣмена закуплены. Письма деревенскихъ жителей, оглашаемыя столичной и провинціальной прессой, въ подавляющемъ большинствѣ

пессимистичны. И это понятно. Мѣры приняты далеко не вездѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о нихъ ничего не слышно. Въ цѣломъ рядѣ земствъ вопросъ о сѣмянной помощи обсуждался лишь въ февралѣ и мартѣ. Только въ февралѣ и мартѣ многія земскія собранія возбудили ходатайства объ отпускѣ кредитовъ на сѣмянную помощь и принимали рѣшенія о закупкѣ посѣвного зерна и доставкѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно наибольше уродилось и наименѣе израсходовано. Запоздалость при нынѣшнихъ условіяхъ можетъ быть оправдана: созвать земское собраніе въ достаточномъ числѣ теперь очень трудно. Тѣмъ не менѣе естественны опасенія, что посѣвная помощь, организуемая на основаніи февральскихъ и мартовскихъ постановленій, придетъ слишкомъ поздно. Возникаютъ и другія опасенія. Нѣкоторыя земства рѣшили заготовить сѣмена не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ. Беру для примѣра рѣшеніе февральской сессіи Горбатовскаго уѣзда. Земская управа опредѣлила общій недостатокъ яровыхъ сѣмянъ въ 71$^{1}/_{2}$ тыс. пудовъ; принимая среднюю цѣну около 2 руб. пудъ, управа находила, что требуется кредитъ въ 140.000 р.; собраніе постановило просить о ссудѣ въ 80.000 р., при чемъ поставило условіемъ, чтобы сѣмена, которыя будутъ куплены за счетъ этой ассигновки, отпускались въ кредитъ не однимъ крестьянамъ, но „всѣмъ вообще землевладѣльцамъ,—безъ различія сословій". Само собою понятно, что деревенскимъ жителямъ не внушаетъ какихъ-либо надеждъ это „уравненіе сословныхъ правъ". Нѣтъ особенныхъ надеждъ даже тамъ, гдѣ земства не запоздали и не смѣшиваютъ крестьянской нужды съ нуждами иныхъ сословій, обезпеченныхъ спеціальными кредитами и воспособленіями. Обычная ассигновка въ 30—35 тысячъ рублей на уѣздъ для организаціи сѣмянной помощи можетъ дать посѣвной матеріалъ лишь на 2—3 тысячи десятинъ. Для остальныхъ пространствъ уѣзда сѣмена все-таки нужно достать. Гдѣ и какъ?

Надо сказать, что крестьяне еще осенью предвидѣли, что затрудненіе будетъ. И мѣстами старались заранѣе принять мѣры. Но эта предусмотрительность далеко не вездѣ дала желательные результаты. Укажу для примѣра хотя бы, къ чему привели такія крестьянскія хлопоты въ Юхновскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Еще въ ноябрѣ были составлены приговоры и направлены въ земскую управу съ просьбами о выдачѣ удостовѣреній на льготный тарифъ и внѣочередную доставку. До января отъ земской управы отвѣта не было. Въ январѣ крестьяне рѣшили выбрать и послать уполномоченныхъ. Уполномоченные получили удостовѣренія, купили въ Сибири зерно, даже задатки уплатили продавцамъ. Тогда оказалось, что желѣзная дорога дастъ вагоны не иначе, какъ съ разрѣшенія московскаго порайоннаго комитета. Обратились въ московскій комитетъ. Тамъ отвѣтили, что по новымъ правиламъ разрѣшеніе надо просить у петроградскаго главнаго центральнаго комитета. Послѣ разныхъ проволочекъ и мытарствъ сталъ хлопо-

тать предсѣдатель юхновской земской управы. Ѣздилъ къ губернатору, обращался въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Лишь 3 марта былъ полученъ отвѣтъ:

Перевозку по Сибирской дорогѣ не разрѣшили окончательно, а по Сызранской дорогѣ можно получить удостовѣреніе на внѣочередную погрузку, но въ Петроградѣ предупреждали, что на этой дорогѣ очень и очень долго придется ждать очереди.

Предсѣдатель управы сказалъ уполномоченнымъ, что онъ, получивъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ 30.000 р. заимообразно на покупку хлѣба для продажи населенію по заготовительной цѣнѣ, уже подыскалъ коммиссіонера для закупки хлѣба и, если угодно уполномоченнымъ, то они могутъ поручить черезъ него, предсѣдателя управы, коммиссіонеру закупить и для ихъ волостей хлѣбъ. („Смоленскій Вѣстникъ", 10. III).

Уполномоченные приняли это предложеніе. Успѣетъ ли коммисіонеръ доставить хлѣбъ ко времени посѣвовъ, — неизвѣстно. А пока тщетными оказались четырехъ-мѣсячные хлопоты (съ ноября по мартъ); пропали зря понесенные расходы. По этому примѣру можно судить, какъ трудно было заранѣе доставить зерно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно имѣется въ изобиліи.

Обычно недостатокъ посѣвного зерна покрывался мѣстными торговцами. Они продавали не всегда доброкачественный товаръ, цѣну ставили слишкомъ высокую, но все-таки продавали, — и при томъ частенько въ кредитъ, хотя и на ростовщическихъ условіяхъ. Теперь изъ захолустныхъ пунктовъ получаются, между прочимъ, такія свѣдѣнія.

Опочка, Псковской губ. Запасы ржи и муки въ городѣ израсходованы еще въ февралѣ. Въ началѣ марта лишь съ большимъ трудомъ можно достать у купцовъ 1—2 пуда муки. Сельскіе жители, пріѣзжавшіе въ городъ за много верстъ, чтобы купить муки, уѣзжали ни съ чѣмъ. Складъ опочецкаго общества сельскаго хозяйства еще съ осени скупилъ, гдѣ только можно было, хлѣбъ, но онъ два мѣсяца назадъ уже весь распроданъ. Выписанные же 10.000 пудовъ ржи изъ Саратовской губерніи до сихъ поръ не доставлены („Русское Слово", 11. III).

Крупные городскіе центры солидно вооружены сильными вліяніями. Однако и крупнымъ центрамъ приходится нести послѣдствія „вагоннаго голода". Конкурировать съ ними мелкимъ городамъ и мѣстечкамъ мудрено. Захолустья обречены довольствоваться главнымъ образомъ собственными запасами и рессурсами. Это уже втеченіе зимы привело къ понятнымъ послѣдствіямъ:

Въ крестьнскихъ амбарахъ Смоленской губерніи—сообщаетъ, напр., „Голосъ Москвы" (4. III) овесъ и ячмень быстро таютъ. При недостаткѣ кормовъ много посѣвного матеріала уходитъ на посыпку скоту... Если населенію не будутъ доставлены сѣмена, то яровые на значительной площади останутся не засѣянными.

О заготовкѣ сѣмянъ пока еще ничего не слышно. Между тѣмъ до посѣва осталось всего два мѣсяца.

Зимой были нѣкоторые шансы на сосѣднiй запасъ: въ Смоленской губернiи зерна нѣтъ, за то по сосѣдству, скажемъ, въ Могилевской или Черниговской губернiи запасы имѣются. Но какъ разъ въ началѣ весны начались запрещенiя вывоза изъ отдѣльныхъ губернiй по распоряженiю отдѣльныхъ губернаторовъ. Этимъ создана крайняя пестрота. И отсюда возникли многiя дополнительныя затрудненiя. Въ томъ же, напримѣръ, „Голосѣ Москвы" (4. III) читаемъ:

Вологодское сельско-хозяйственное общество завалено требованiями на посѣвной матерiалъ со стороны кооперативовъ. Но въ виду запрещенiя вывоза овса изъ урожайныхъ губернiй и разстройства транспорта общество не въ состоянiи удовлетворить спросъ на сѣмена. То же самое наблюдается въ Ярославской, Костромской и Владимирской губернiяхъ.

Послѣ того, какъ опытъ обнаружилъ многiя неудобства погубернскихъ запретовъ, эту мѣру стали кое-гдѣ отмѣнять. Но опытъ произведенъ въ самое горячее время. Зерно, купленное 2—3 недѣлями позже предполагаемаго срока, быть можетъ, удастся доставить по желѣзной дорогѣ, но крайне трудно распредѣлить, вслѣдствiе весенняго бездорожья. Не надо забывать, что, кромѣ сѣмянного вопроса, весьма остро стоитъ вопросъ продовольственный. Еще зимою люди „вырывали зерно другъ у друга изъ рукъ". Весною неминуемо обостренiе этой борьбы. Часть прессы возлагаетъ большiя надежды на кооперативы, на заготовленное ими зерно. Но, конечно, кооперативныя заготовки сдѣланы лишь мѣстами. Да и понадобятся онѣ прежде всего самимъ участникамъ кооперативовъ. Если даже надѣяться, что отдѣльные члены кооперацiи не станутъ раздувать свою продовольственную и сѣменную нужду и не постараются прибрать зерно къ рукамъ для операцiй за личный счетъ и страхъ, то все-таки на всѣхъ не хватитъ.

Посѣвная задача сравнительно легко можетъ быть рѣшена тамъ, гдѣ сохранились натуральные продовольственные запасы и гдѣ закрома хлѣбозапасныхъ общественныхъ „магазиновъ" внимательно и своевременно освѣжались (иначе запасное „магазинное" зерно не годится для посѣвовъ). „Нужду въ обсѣмененiи,—пишетъ, одинъ изъ земскихъ начальниковъ Бузулукскаго уѣзда — Богъ дастъ, удовлетворимъ собственными средствами, выдачей сѣмянъ изъ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, но кто будетъ бороновать и сѣять?.." [1]). И на чемъ пахать и бороновать? Изъ Смоленской губернiи пишутъ: „лошади наполовину распроданы" [2]). „Голодная зима заставила распродать лошадей", — пишутъ изъ Тульской губернiи [3]). То же пишутъ изъ нѣкоторыхъ другихъ губернiй. Причина: „кормить нечѣмъ", „кормы дорогiе", „заработковъ нѣтъ" или „заработки плохи", а „хлѣбъ и всѣ припасы

[1]) „Русскiя Вѣдомости", 11 марта.
[2]) „Голосъ Москвы", 4 марта.
[3]) „Русскiя Вѣдомости", 11 марта.

стали дороги". Въ февралѣ хозяйственнымъ отдѣломъ московской городской управы констатировано

усиленное предложеніе „русскаго" мяса, вслѣдствіе недорода кормовъ въ центральныхъ и сѣверныхъ полосахъ; послѣднее обстоятельство выбросило на рынокъ до 4.600.000 пудовъ этого мяса (изъ доклада совѣщанію по борьбѣ съ дороговизною въ Москвѣ; „Русское Слово", 27. II).

Усиленно распродавали убойный и молочный скотъ. Но замѣчается убыль и рабочаго скота,—всего болѣе ощутительная, разумѣется, среди бѣднѣйшей группы земледѣльческаго населенія.

Наиболѣе важное значеніе имѣетъ убыль рабочихъ рукъ. По приблизительнымъ подсчетамъ Н. П. Огановскаго, совсѣмъ безъ мужской рабочей силы весну встрѣтятъ около 1/3 крестьянскихъ хозяйствъ. Произведенные кое-гдѣ мѣстные подсчеты по губерніямъ и уѣздамъ даютъ нѣсколько меньшую цифру хозяйствъ, совершенно утратившихъ мужскую рабочую силу, — 25-20%. Быть можетъ, еще больше хозяйствъ, въ которыхъ число мужчинъ рабочаго возраста убавилось. И всего меньше, пожалуй, осталось хозяйствъ, въ которыхъ столько же рабочихъ-мужчинъ, сколько было до войны. Осенью 1914 г. убыль была восполнена, хотя и далеко не вполнѣ. Но тогда, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ деревенскихъ корреспондентовъ, большинству оставшихся на мѣстѣ работниковъ надо было выполнить работу меньшинства, теперь—если не вездѣ, то мѣстами—меньшинству мужчинъ наиболѣе производительнаго рабочаго возраста нужно замѣнить ушедшее большинство.

По сообщеніямъ „Русскаго Слова", кое-гдѣ крестьяне съ общаго согласія рѣшаютъ производить общественную пахоту и общественный посѣвъ яровыхъ. При наличныхъ условіяхъ это, быть можетъ, единственно возможное рѣшеніе. Сообща, „міромъ", дѣйствительно, всего легче использовать краткое время весеннихъ работъ такъ, чтобы пашни всѣхъ хозяевъ были обсѣменены. Но, къ сожалѣнію, ни административными учрежденіями, ни земствами, ни иными учрежденіями не приложено сколько-нибудь замѣтныхъ стараній, чтобы направить мысль и энергію въ эту сторону. Для самихъ же крестьянъ рѣшеніе, о которомъ сообщаютъ корреспонденты, могло быть и очень легкимъ, и очень труднымъ. Очень легко оно въ тѣхъ, сравнительно, немногихъ мѣстахъ, гдѣ практикуется мірская пахота и мірской засѣвъ общинныхъ полей. Въ этихъ мѣстахъ никакого новаго рѣшенія не нужно; требуется обсудить лишь спеціальный вопросъ,—какъ быть съ солдатками, мужья которыхъ призваны къ защитѣ отечества, въ какой мѣрѣ считать ихъ пай? Не трудно придти къ рѣшенію и тѣмъ общинамъ, которыя тяготѣли къ тому, чтобъ перейти къ мірской обработкѣ полей, но по тѣмъ или инымъ причинамъ откладывали дѣло. Тутъ все уже давно обдумано, исчислено, взвѣшено, и особенности нынѣшняго положенія могутъ быть лишь дополнительнымъ стиму-

ломъ. Наоборотъ, очень трудно придти къ рѣшенію работать міромъ тамъ, гдѣ общины уже разсыпались по хуторамъ и отрубамъ. Быть можетъ, еще болѣе затруднительны такія рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда разрушеніе общиннаго порядка остановилось на полдорогѣ: община еще держится, но часть ея уже закрѣпила земельку. Стараніями общественныхъ и государственныхъ учрежденій трудности, вѣроятно, удалось бы смягчить, пожалуй, и преодолѣть. Но стараній осуществить мірскую обработку яровыхъ полей, повторяю, не приложено.

Прилагаются усилія, чтобы провести иное рѣшеніе: на своихъ поляхъ остающіеся въ деревнѣ мужчины-работники пусть работаютъ каждый за себя, но поля призванныхъ запасныхъ и ополченцевъ должны быть обработаны міромъ, а для ускоренія труда земскими и иными учрежденіями отпускаются (опять-таки для работы на солдатскихъ поляхъ) сельскохозяйственныя машины и орудія. Провести эту мысль мѣстами стараются кооперативы. О результатахъ можно до нѣкоторой степени судить хотя бы по слѣдующему газетному сообщенію отъ Рязанской губерніи:

Мірская помощь всѣмъ хозяйствамъ запасныхъ встрѣчаетъ возраженія со стороны крестьянъ. Они указываютъ, что есть много семей, надѣлъ которыхъ не превышаетъ 1/3 десятины, ѣдоковъ же 7—8 человѣкъ. Среди же семей запасныхъ есть владѣльцы 3—4 десятинъ при 2—3 и даже менѣе ѣдокахъ, при томъ получающихъ пособіе отъ казны.

Попытки ставить вопросъ о „мірской помощи“ на сходахъ закончились въ нѣкоторыхъ случаяхъ формальнымъ проваломъ, такъ какъ крестьяне рѣшительно отказались принять предлагаемое обязательство. Кое-гдѣ въ газетахъ такое крестьянское отношеніе къ „помощи міромъ“ называется „страннымъ“, „непонятнымъ“. Въ дѣйствительности,—оно такое же, какимъ было въ концѣ іюля и въ августѣ. Попытки оформить приговорами „мірскую помощь“ дѣлались и тогда, и уже тогда онѣ не имѣли особеннаго успѣха. Моральное обязательство крестьяне признавали, и отдѣльнымъ солдаткамъ давалось опредѣленное словесное обѣщаніе: „не убивайся,—поможемъ“. За то другимъ не менѣе опредѣленно говорили: „а ты и сама справишься, тебѣ, слава Богу, есть на что работника нанять“. Тогда помогли, но съ большимъ разборомъ. Моральное обязательство признается и теперь, но опять съ разборомъ. И лишь „разборъ“ сталъ еще болѣе сложнымъ и детальнымъ. Тогда положеніе солдатокъ было особенно тяжелымъ: ударъ неожиданный, въ разгаръ уборки урожая, къ новому положенію приспособиться трудно, никакого казеннаго пособія въ первые 2—3 мѣсяца войны въ деревняхъ не получалось. Теперь солдатки получаютъ какой ни на есть казенный паекъ. Получаются мѣстами и „дарственныя деньги“. Кое-гдѣ солдатскія семьи отъ организацій и учрежденій военнаго времени получаютъ работу (напр., шитье бѣлья). Вообще солдаткамъ, разумѣется, „не медъ“, „бѣдуютъ“. Но есть и такія,

которыя получаютъ деньги отъ мужей. Разумѣется, лишь немногіе изъ призванныхъ фактически находятся не въ арміи, а работаютъ на заводахъ или иныхъ предпрiтіяхъ, имѣющихъ, по офиціальному признанію, особенное государственное значеніе. Но есть и такіе. Другимъ въ самой арміи довелось выдвинуться, занять положеніе, оплачиваемое жалованьемъ, на которое, по крестьянскимъ масштабамъ, можно жить. Семьямъ третьихъ добрые люди помогли устроиться,—гдѣ солдатскую дочку „опредѣлили на мѣсто", дали должность сидѣлки, помогаютъ „учиться на фельдшерицу", гдѣ солдатскому сыну „выхлопотали казенную стипендію". Все это отдѣльные случаи, исключенія изъ общаго правила. При надлежащей постановкѣ вопроса о нихъ не могло бы и рѣчи возникнуть. Но разъ предлагается сходу оказать трудовую безмездную помощь всѣмъ безъ изъятія крестьянскимъ воинскимъ семьямъ, мысль неизбѣжно уходитъ въ сторону именнно исключеній:

— Какъ всѣмъ? Даже тѣмъ, которые могутъ обойтись своими средствами? Даже тѣмъ, дѣла которыхъ именно во время войны поправились?

Неизбѣжно всплываютъ и разныя другія неподходящія соображенія. Сколько мнѣ извѣстно, всплыло даже предполагаемое надѣленіе солдатъ землею. Что изъ этихъ предположеній выйдетъ и какъ они въ будущемъ развернутся,—неизвѣстно. Но въ пылу словесныхъ споровъ объ огульной помощи всѣмъ безъ изъятія и это аргументъ. И надо признать, что постановка вопроса о „мірской помощи" не столько помогла рѣшенію задачи, сколько повредила,—къ огромнымъ матеріальнымъ трудностямъ прибавились психологическія тренія, которыхъ было бы легко избѣжать.

Конечно, принимаются мѣры: организованъ отпускъ сельскохозяйственныхъ машинъ (хотя для весенней пахоты на крестьянскихъ поляхъ нужны собственно плужки и плуга), ассигнованы средства для предоставленія кредита мелкимъ хозяйствамъ, не имѣющимъ мужскихъ рабочихъ силъ, налаживается трудовая помощь на льготныхъ условіяхъ или вовсе безмездная. Повидимому, особенно значительная помощь будетъ подготовлена къ періоду лѣтнихъ сельскохозяйственныхъ работъ (косовица, жатва); къ тому времени, быть можетъ, удастся подобрать артели учащихся, къ тому же времени предполагается наладить примѣненіе труда военноплѣнныхъ. Какое значеніе могутъ имѣть эти рессурсы, подготовляемые къ лѣтнему періоду, вопросъ иной. Но во время весеннихъ работъ ихъ не будетъ. Это служитъ знакомъ, что къ посѣвному періоду подготовлены не всѣ мѣры, офиціально признаваемыя возможными.

Высказываются опасенія, что нынѣшнія обстоятельства принудятъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ сократить посѣвную площадь. Лично мнѣ эти опасенія представляются чрезмѣрно пессисмтическими. Едва-ли можно говорить о сокращеніи оборотныхъ

средствъ у данной хозяйственной группы. Вслѣдствіе значительнаго расширенія ссудъ подъ зерно она была избавлена отъ поспѣшной распродажи урожая въ началѣ войны, когда цѣны были сравнительно низки. Была полная возможность выждать. А затѣмъ началась небывалая дороговизна и, значитъ, небывало выгодныя условія реализаціи. Если, тѣмъ не менѣе, недохватки есть или будутъ, то кредитъ крупному и среднему землевладѣнію, можно сказать, гарантированъ. Въ отдѣльныхъ районахъ могутъ быть недохватки посѣвнаго зерна, искусственнаго удобренія и т. п. Но и относительно зерна мѣры принимаются. Выше отмѣчена тенденція земствъ—закупать посѣвный матеріалъ для отпуска въ кредитъ всѣмъ сословіямъ. Непоправимѣе отсутствіе требуемаго количества минеральныхъ или привозныхъ туковъ. Для сельскихъ хозяевъ Германіи это—очень важный вопросъ. Въ русской сельско-хозяйственной практикѣ искусственные и привозные туки не имѣютъ очень обширнаго значенія. Жалобы на отсутствіе рабочихъ рукъ, необходимыхъ для весеннихъ полевыхъ работъ, надо признать, по меньшей мѣрѣ, преувеличенными. Достаточно сказать, что число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ за нынѣшнюю зиму не только не сократилось, но и возросло. А между тѣмъ деревенскій порядокъ извѣстенъ: безлошадные для обработки своей земли входятъ въ соглашеніе съ такъ называемыми „справщиками“ (они же „управщики“, „управители“), сами же ищутъ работы и съ особенною охотою нанимаются на весну въ ближайшія помѣщичьи экономіи. Не одни безлошадные. Есть еще безземельные, малоземельные. Мелкимъ хозяйствамъ, утратившимъ мужскую рабочую силу, очень трудно замѣнить ее, потому что имъ нуженъ не работникъ, а въ сущности поденщикъ, на короткое время, для выполненія только той работы, къ которой женщина не привычна, и такъ какъ весенній посѣвной періодъ очень коротокъ, то мелкимъ хозяйствамъ каждаго отдѣльнаго района поденщики понадобятся почти въ одно и то же время. Иное дѣло крупныя и среднія хозяйства,—имъ нуженъ именно работникъ на весь періодъ весенней страды (и для пашни, и для огорода, и для многаго иного). Въ мелкомъ хозяйствѣ на поденщинѣ за нѣсколько дней заработаешь, положимъ, 3—4 рубля, а потомъ сиди. Въ крупномъ и среднемъ хозяйствѣ работникъ можетъ быть обезпеченъ на 2—3 недѣли, а то и на мѣсяцъ. Въ смыслѣ общей суммы заработка,—это преимущество не малое. И для помѣщиковъ въ весеннее время рабочія силы найдутся. Правда, оплата труда, несомнѣнно, возросла. Тѣ же безлошадные хозяева, напримѣръ, Нижегородской губерніи прежде платили „управителямъ“ за обработку надѣла (въ среднемъ около $2^1/_2$ десятинъ) 30—32 руб.; въ февралѣ нынѣшняго года сдѣлки между безлошадными хозяевами и „управителями“ заключались по 38—40 руб. за надѣлъ [1]). Конечно, соотвѣтственной прибавки безлошадные по-

[1]) „Нижегородскій Листокъ“, 22 февраля.

требуютъ, нанимаясь въ экономіи. Но это вопросы именно оплаты труда, а не отсутствія рабочихъ рукъ. Положеніе, вѣроятно, измѣнится ко времени лѣтнихъ полевыхъ работъ. Тогда тѣ же, напр., безлошадные хозяева будутъ убирать свой урожай и имъ сподручнѣе проработать день-другой у мелкаго владѣльца, чѣмъ наниматься на болѣе или менѣе продолжительный срокъ у помѣщика. Но эта перемѣна произойдетъ лѣтомъ. Весною общаго и значительнаго недостатка рабочихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ ожидать нѣтъ основанія. Вѣроятнѣе недохватки мѣстные, въ отдѣльныхъ районахъ и случаяхъ. Противъ этого приняты мѣры: усиленъ, напр., запасъ машинъ, наиболѣе пригодныхъ къ работѣ въ крупныхъ хозяйствахъ (плуги съ механическими двигателями, сѣялки и т. д.), предполагается отпускъ рабочихъ партій изъ тюремъ.

Есть косвенное доказательство, что весною въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ особеннаго затрудненія изъ-за недостатка рабочихъ не предвидится. О примѣненіи труда военно-плѣнныхъ къ частному сельскому хозяйству особенно хлопотали землевладѣльцы. Еслибы предвидѣлись затрудненія весной, то, можно думать, землевладѣльцы настояли бы на присылкѣ плѣнныхъ именно къ этому времени. Въ дѣйствительности дѣло поставлено такъ, что трудъ плѣнныхъ найдетъ мѣсто въ періодъ лѣтнихъ работъ,—какъ разъ тогда, когда въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ можно ожидать общаго недостатка рабочихъ силъ.

Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ вполнѣ безоблачно. Есть паденіе арендныхъ цѣнъ, есть паденіе продажныхъ земельныхъ цѣнъ, стѣсненіе ипотечнаго кредита, относительная убыль рабочаго скота (конскія мобилизаціи); есть и нѣкоторыя иныя облака на помѣщичьемъ небѣ. Все это, повторяю, не обѣщаетъ сколько-нибудь значительнаго расширенія запашекъ въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ. Но нѣтъ достаточнаго основанія и бояться сокращенія посѣвной площади въ этой группѣ.

Не надо преувеличивать того, что надвигается. Но безпечность была бы тяжкимъ грѣхомъ. Послѣдствій сокращенія посѣвной площади пока не учтешь. Многое зависитъ, между прочимъ, отъ урожая. Хорошій урожай смягчитъ значеніе пространственной убыли. При среднемъ—не говоря уже о плохомъ—дѣло будетъ хуже. Но во всякомъ случаѣ, къ послѣдствіямъ надо приготовиться. И пока еще для этого есть время.

IV. О „запискѣ" А. В. Кривошеина.

Газетами сообщено, что совѣтъ министровъ призналъ желательнымъ „образовать двѣ коммиссіи по вопросу о мѣрахъ къ увеличенію земельнаго обезпеченія вернувшихся съ театра войны сельскихъ жителей",—одну при главномъ управленіи землеустройства

и земледѣлія, другую при министерствѣ юстиціи. Обѣ коммиссіи—опять-таки по газетнымъ свѣдѣніямъ—сформированы. Одна подъ предсѣдательствомъ товарища главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ А. А. Риттиха. Предсѣдательство въ другой коммиссіи поручено товарищу министра юстиціи И. Е. Ильяшенку. Въ основу коммиссіонныхъ работъ полагается „записка" главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеина. Судя по опубликованнымъ отрывкамъ этой „записки", А. В. Кривошеинъ предвидитъ, что „съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, несомнѣнно, на очередь станетъ вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію хозяйственнаго благосостоянія тѣхъ, кто самоотверженно несетъ нынѣ труды на полѣ брани въ защиту отечества. Иконная склонность русскаго народа къ земледѣльческому промыслу не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ ряду такихъ мѣръ забота объ увеличеніи земельнаго обезпеченія вернувшихся съ войны сельскихъ жителей, составляющихъ большинство нашихъ армій, займетъ виднѣйшее мѣсто". Въ виду этого, „записка" считаетъ „задачею первостепеннаго значенія"—„сосредоточить въ распоряженіе правительства къ концу войны значительный земельный фондъ и подготовить для устройства крестьянскихъ хозяйствъ".

Кое-какія частичныя мѣры въ этомъ направленіи могутъ быть приняты отдѣльными вѣдомствами. По словамъ „записки", такія мѣры принимаетъ, въ частности, вѣдомство земледѣлія и землеустройства,—подготовляя „хозяйственные участки", пригодные для заселенія, на казенныхъ земляхъ. Но количество казенныхъ земель, которыя можно въ ближайшее время привести въ пригодный для заселенія видъ, „пока не столь значительно". Частичныя мѣры можетъ принять финансовое вѣдомство, такъ какъ имѣется нѣкоторый земельный фондъ у Крестьянскаго банка; но и этотъ фондъ пока не столь значителенъ. Частичные рессурсы необходимо усилить. Съ этою цѣлью А. В. Кривошеинъ обращаетъ вниманіе на земли, ликвидируемыя согласно временнымъ законамъ 2 февраля. По его предположеніямъ, этихъ земель „можетъ поступить въ продажу, повидимому, до 3 милліоновъ десятинъ стоимостью въ 600—800 милл. рублей". Этимъ пространствомъ слѣдуетъ усилить фондъ Крестьянскаго банка. А. В. Кривошеинъ предвидитъ матеріальныя трудности:

Затратить нѣсколько сотъ милліоновъ рублей—говорится въ „запискѣ"—банку было бы нелегко и въ обычное время; при настоящемъ напряженномъ государственномъ кредитѣ указанная операція настолько затруднительна, что осуществленіе ея за счетъ средствъ, получаемыхъ обычнымъ выпускомъ свидѣтельствъ банка, являлось бы совершенно нецѣлесообразнымъ. Поэтому, намѣчая подобную операцію, слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду иные... источники средствъ.

Эти иные источники, по мнѣнію А. В. Кривошеина, „можетъ дать мѣра",

предпринятая въ тяжелые годы внутренней смуты, когда Крестьянскій банкъ производилъ усиленную скупку земель, не имѣя въ то же время возможности достаточно свободно размѣщать на денежномъ рынкѣ свои свидѣтельства. Для уплаты за пріобрѣтаемыя земли въ то время были установлены именныя обязательства банка, не пользовавшіяся правомъ обращенія на рынкѣ и подлежащія оплатѣ на особыхъ условіяхъ. Такой же способъ уплаты за покупаемыя земли можетъ быть примѣненъ и нынѣ, при чемъ выплата капитала по именнымъ обязательствамъ, выписываемымъ на имя продавцовъ земли, могла бы быть отсрочена на любой срокъ, до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и затѣмъ произведена не сразу, а по частямъ.

Напомнимъ, что „нѣмецкія" земли первоначально предполагалось ликвидировать порядкомъ принудительнаго отчужденія при посредствѣ Крестьянскаго банка. Вѣроятно, по финансовымъ труднотямъ эта мысль отпала. Законъ 2 февраля предпочелъ окончательную ликвидацію въ порядкѣ продажъ съ публичнаго торга. На сцену всплылъ вопросъ о давленіи такихъ продажъ на земельныя цѣны. А. В. Кривошеинъ не предлагаетъ однако соотвѣтственнаго измѣненія нормъ 2 февраля. Его мысль иная. Предстоящія распродажи—говоритъ „записка"—вызвали въ извѣстныхъ мѣстностяхъ „усиленный спросъ на кредитную помощь со стороны крестьянъ-покупателей"; отъ Крестьянскаго банка жизнь такимъ образомъ требуетъ расширенія операцій; „банкъ можетъ въ то же время воспользоваться создавшимся положеніемъ для того, чтобы увеличить свой собственный земельный фондъ, выступивъ покупателемъ на предполагаемыя въ продажу имѣнія". Такимъ образомъ, предлагается выступленіе банка на ряду съ другими покупателями съ нѣкоторымъ однако отличіемъ отъ нихъ: другіе покупатели названную ими на торгахъ цѣну должны, по общему закону, платить наличными, банкъ, въ случаѣ узаконенія предлагаемаго „запиской", платилъ бы именными обязательствами, реализація которыхъ „отсрочена на любой срокъ, до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ". При этомъ такіе платежи должны нынѣ имѣть нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ „тяжелые годы внутренней смуты", о которыхъ напоминаетъ „записка" А. В. Кривошеина. Въ тѣ годы владѣльцы сами распродавали свои имѣнія. И платежъ именными свидѣтельствами входилъ въ добровольную сдѣлку обѣихъ сторонъ, какъ одно изъ заранѣе извѣстныхъ условій. Сейчасъ рѣчь идетъ о продажахъ принудительныхъ. Тѣмъ самымъ предрѣшается принудительный характеръ полученія именныхъ свидѣтельствъ и при томъ не только лицами, имѣнія которыхъ подлежатъ продажѣ. На продаваемыхъ земляхъ лежитъ огромный долгъ банкамъ и отдѣльнымъ кредиторамъ. Претензіи этихъ третьихъ лицъ также придется удовлетворить именными свидѣтельствами въ томъ же принудительномъ порядкѣ. И уже по этимъ деталямъ легко замѣтить, что новоучрежденнымъ коммиссіямъ приходится имѣть сужденіе по весьма сложнымъ и труднымъ юридическимъ вопросамъ.

Способъ обратить ликвидируемыя „нѣмецкія“ земли для указанной цѣли не достаточно опредѣленъ въ смыслѣ финансовомъ и юридическомъ. Болѣе точная формулировка, вѣроятно, понадобится и по существу. Выдвинутый запискою принципъ „увеличенія земельнаго обезпеченія“ напомнилъ прессѣ нѣкоторыя характерные оттѣнки офиціальныхъ взглядовъ на „проблему крестьянскаго малоземелья“. Было время, когда фундаментальное рѣшеніе этой проблемы считалось необходимымъ, по крайней мѣрѣ, „нѣкоторыми носителями государственной власти“. Затѣмъ офиціальные взгляды опредѣлились тверже. Проблема крестьянскаго малоземелья и безземелья отодвинулась на второй планъ. Для противодѣйствія послѣдствіямъ малоземелья и безземелья сочтены были достаточными палліативы: разселеніе, переселеніе, Крестьянскій банкъ. Въ послѣдніе годы и относительно палліативовъ стало складываться мнѣніе, что они излишни. Преобладаніе сталъ получать взглядъ, что земельнымъ фондомъ, предназначеннымъ для переселенцевъ, надо поддерживать не мелкое земледѣліе. И не далѣе, какъ въ 1913 году,—напоминаютъ, между прочимъ „Русскія Вѣдомости“ (6. III)—изъ переселенческаго земельнаго фонда „отведено для частной предпріимчивости „культурныхъ скотоводовъ“ около 70.000 десятинъ, зачастую вполнѣ пригодныхъ для хлѣбопашества“. Извѣстныя политическія партіи и организаціи усиленно предлагали дать аналогичное назначеніе земельному фонду Крестьянскаго банка,—образовать изъ него полноцензовые участки. И нельзя сказать, что эта мысль была практически безплодной. Такія же предположенія стали возникать и относительно казенныхъ земель. Эти тенденціи не получили рѣшительнаго офиціальнаго признанія. Но онѣ были господствующими въ очень вліятельныхъ кругахъ. Легко понять неизбѣжность коллизіи между „запискою“ А. В. Кривошеина и извѣстными взглядами на государственныя земли, какъ на рессурсъ, который надо употребить для поддержки средняго и крупнаго землевладѣнія, для насажденія привилегированныхъ владѣльцевъ посредствомъ раздачи полноцензовыхъ участковъ.

Коллизія предрѣшена даже ариѳметически. Въ „запискѣ“ говорится о 3 милліонахъ десятинъ ликвидируемаго нѣмецкаго землевладѣнія. Еслибы это количество удалось цѣликомъ пріобрѣсти Крестьянскому банку, то оно все-таки крайне недостаточно для указанной А. В. Кривошеинымъ цѣли.

Общее число малоземельныхъ и безземельныхъ дворовъ въ Россіи—пишутъ „Русскія Вѣдомости“ (6. III)—достигаетъ 6 съ лишкомъ милліоновъ; но менѣе половины ихъ имѣютъ своихъ членовъ на войнѣ, а на 3 милліонахъ десятинъ, считая по 10 десятинъ на дворъ, можно размѣстить не болѣе 300000,—т. е. 10%.

„Свободныхъ“ земель у Крестьянскаго банка считается 2, 6 милл. десятинъ, — изъ нихъ свыше 1 милліона десятинъ признаны не

подлежащими продажѣ. Количество казенныхъ земель, годныхъ для земледѣльческаго заселенія, „записка" основательно считаетъ „не столь значительнымъ". Очевидно, всѣхъ этихъ рессурсовъ вмѣстѣ не хватитъ для указанной А. В. Кривошеинымъ цѣли. И мысль о надѣленіи привилегированныхъ лицъ полноцензовыми и иными крупными участками должна бы отпасть.

Неизбѣжны, далѣе, коллизіи принципіальныя. Просты и убѣдительны слова: чтобы улучшить хозяйственное благополучіе сельскихъ жителей, нужно увеличить земельное обезпеченіе. Но эта, казалось бы, азбучная истина именно въ послѣднія 10—8 лѣтъ вызывала ожесточенныя возраженія. И многое исходило изъ противоложнаго взгляда: земли у сельскихъ жителей достаточно, увеличивать земельное обезпеченіе не нужно, надо лишь расселяться на хутора, улучшать обработку почвы, повышать „культуру". Этотъ взглядъ не отвергнутъ. И его сторонники уже начали приспособлять основную мысль „записки" къ своимъ точкамъ зрѣнія.

Проектъ А. В. Кривошеина—читаемъ, напр., въ „Кіевлянинѣ" (11. III)—не имѣетъ принципіальнаго характера. Онъ исходитъ изъ исключительныхъ событій и преслѣдуетъ исключительную цѣль—отмѣтить и по возможности вознаградить заслуги защитниковъ родины, вышедшихъ изъ крестьянской земледѣльческой среды. Онъ имѣетъ поэтому въ виду не все малоземельное крестьянство вообще, а только тѣхъ крестьянъ, которые были призваны въ ряды сражающихся армій и только этимъ точно опредѣленнымъ лицамъ стремится усилить земельное обезпеченіе. Въ экономическомъ обиходѣ страны, конечно, и это обстоятельство не представляется безразличнымъ и имѣетъ серьезное значеніе; но преувеличивать это значеніе и придавать общій, принципіальный смыслъ тому, что имѣетъ точно опредѣленныя границы, нѣтъ никакой надобности, какъ нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы отказываться отъ той аграрной политики, которая въ сравнительно короткій срокъ уже успѣла дать осязательныя и положительныя доказательства своей цѣлесообразности.

По отношенію къ „точно опредѣленнымъ лицамъ" допустимо, но вообще ни подъ какимъ видомъ... Однако и „точно опредѣленныя лица" врядъ-ли окажутся обезпеченными, если вопросъ поставить такъ, какъ его ставитъ только что процитированная тирада, характерная не для одного „Кіевлянина". Какъ будто и вѣрно въ ней изложена мысль А. В. Кривошеина. Лишь чуть-чуть допущены упрощенія и огрубленія. Въ „запискѣ" говорится о „мѣрахъ къ улучшенію хозяйственнаго благополучія" и „въ ряду такихъ мѣръ" предвидится необходимость „увеличить земельное обезпеченіе". „Кіевлянинъ" передаетъ это словами: „вознаградить заслуги защитниковъ родины, вышедшихъ изъ крестьянской земледѣльческой среды". На первый взглядъ, эта замѣна понятій не такъ ужь важна. Въ дѣйствительности она способна взорвать и похоронить поднятый вопросъ.

Начать хотя бы съ того, что „записка" А. В. Кривошеина едва-ли случайно избѣгаетъ термина: „вознагражденіе". Этотъ

терминъ былъ бы понятенъ въ былыя времена, при былой организаціи государственной обороны. Но его крайне трудно связать съ основнымъ принципомъ всеобщей воинской повинности. Весь народъ обязанъ защищать государство. Весь народъ долженъ нести необходимыя для этого матеріальныя и моральныя жертвы. А способнѣйшіе къ военнымъ дѣйствіямъ отпрыски народа—всѣ безъ изъятія—обязаны быть въ рядахъ арміи. О „вознагражденіи“ же народа говорить, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Да и физически затруднительно такое „вознагражденіе“ осуществить. Пока рѣчь идетъ о „мѣрахъ къ улучшенію хозяйственнаго благополучія“ защитниковъ отечества, мы стоимъ на почвѣ общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ. Можетъ быть споръ объ объемахъ и размѣрахъ. Но и эти споры должны исходить изъ тѣхъ же общегосударственныхъ точекъ зрѣнія. Стоитъ лишь поднять вопросъ о „вознагражденіи“,— и немедленно приходятъ въ столкновеніе частные интересы. „Кіевлянинъ“ говоритъ о „вознагражденіи“ крестьянъ-земледѣльцевъ, служащихъ въ арміи (хотя въ „запискѣ“ А. В. Кривошеина этого ограниченія нѣтъ). Но почему только крестьянъ? А мѣщане развѣ не такіе же защитники отечества? И почему только земледѣльцевъ? Чѣмъ хуже рабочіе, ремесленники, торговцы? Развѣ они не такъ же служатъ въ рядахъ арміи? Допустивъ замѣну понятій, совершаемую „Кіевляниномъ“ и нѣкоторыми другими правыми органами, мы вызовемъ безконечныя тренія, въ которыхъ потонетъ первоначальная мысль.

Различіе между подмѣненнымъ и подмѣняющимъ понятіями станетъ еще яснѣе, если ихъ приложить къ конкретнымъ явленіямъ жизни. Беру хотя бы такой лично мнѣ извѣстный примѣръ. Изъ трехъ братьевъ двое призваны по мобилизаціи, третій же хромъ, въ солдаты не годится; онъ взялъ на себя заботу о семьяхъ и хозяйствахъ братьевъ, помогаетъ невѣсткамъ, хлопочетъ о племянникахъ и племянницахъ, обрабатываетъ скудныя земельки братьевъ, а у него и свое хозяйство, своя семья, и не малая. Тянется хромой братъ изо всѣхъ жилъ, бьется, какъ рыба объ ледъ, но честно выполняетъ братскую и гражданственную обязанность. Хозяйство братьевъ, служащихъ въ арміи, все-таки, конечно, подрывается. И для поддержки ихъ хозяйственнаго благополучія, безъ сомнѣнія, нужны мѣры. Но и хозяйство хромого брата также подрывается и также требуетъ поддержки. Если для хозяйственнаго благополучія тѣхъ двухъ братьевъ необходимо увеличить земельное обезпеченіе, то такую же необходимость надо признать и относительно третьяго брата. Такъ рѣшается данный конкретный случай съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ. Другое получается, если мы вытравимъ государственную точку зрѣнія. Тогда безконечныя разнобразія и затрудненія жизни навѣрняка приведутъ къ произволу случайныхъ соображеній. Легко можетъ получиться, напримѣръ, такая цѣпь умозаключеній:

— Формально „вознагражденіе“ полагается только двумъ братьямъ, но, съ другой стороны, нельзя обижать и хромого, и не слѣдуетъ идти сверхъ необходимаго; а такъ какъ нѣтъ необходимости увеличивать земельное обезпеченіе, то всѣ три брата проживутъ и безъ увеличенія; и такъ какъ земли требуется для „вознагражденія“ всѣхъ гораздо больше, чѣмъ могутъ дать указанные „запискою“ рессурсы, то надо „по одежкѣ протянуть ножки“— вознаградить, напр., не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, наиболѣе заслужившихъ, по мнѣнію начальства, или давать по малому кусочку, вродѣ гостинца, который лестно получать, хотя въ немъ и нѣтъ особенной надобности.

Опасный подмѣнъ понятій до нѣкоторой степени облегчается тѣмъ, что общій принципіальный вопросъ поднятъ вскользь по частному и дѣловому поводу. Ближайшая цѣль А. В. Кривошеина— 3 милліона десятинъ ликвидируемой, по временному закону 2 февраля, земли. Этой частной задачѣ въ „запискѣ“ отведено всего болѣе мѣста. Задача же основная—улучшеніе хозяйственнаго благополучія—опредѣлена немногими словами и, естественно, подвергается обычной судьбѣ недосказанныхъ мыслей и не развернутыхъ формулъ.

А. Борисовъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Сюрпризы предсказаній и отношеніе къ войнѣ высококультурныхъ странъ.— Англійскія стачки, британскій кабинетъ и общественное мнѣніе Англіи въ рабочемъ вопросѣ. — Германскія настроенія и принципъ организаціи. — Событія второй половины восьмого мѣсяца и первой половины девятаго мѣсяца войны.

I.

Странное впечатлѣніе производятъ теперь статьи, писанныя спеціалистами по военнымъ вопросамъ до начала великаго конфликта. Болѣе злое опроверженіе всѣхъ этихъ якобы научныхъ предсказаній фактами дѣйствительности трудно и придумать. Какъ странно, напримѣръ, звучатъ нынѣ разсужденія англичанина Джона Солэно въ статьѣ „Арміи міра и ихъ развитіе“, написанной знатокомъ военнаго дѣла для дополнительнаго тома къ послѣднему изданію „Британской Энциклопедіи“: „Великія державы концентрируютъ свою энергію и рессурсы среди мира, развивая въ себѣ способность нанести ударъ изъ всей силы и съ наибольшимъ результатомъ немедленно послѣ того, какъ начнутся враждебныя дѣйствія. Въ спеціальныхъ кругахъ полагаютъ, что при настоящихъ условіяхъ военныя дѣйствія между сосѣдними цивилизованными государ-

ствами на прилежащихъ территоріяхъ не будутъ затягиваться. Они примутъ характеръ сравнительно короткой, но крайне жестокой борьбы...

„Независимо уже отъ потерь человѣческихъ существованій и расходовъ на непосредственную борьбу, которые въ случаѣ столкновенія между великими державами будутъ по-истинѣ колоссальны, перерывъ нормальной дѣятельности національной жизни, а въ особенности парализующее вліяніе обширныхъ военныхъ операцій на промышленность и торговлю, вмѣстѣ съ возможнымъ уменьшеніемъ предметовъ необходимости и ростомъ ихъ цѣнъ, крайне серьезно истощатъ рессурсы и подорвутъ силу сражающихся народовъ, если война продлится нѣкоторое время. Сверхъ того, всегда возможно, что такія столкновенія примутъ почти универсальный характеръ и увлекутъ въ свой водоворотъ цѣлый рядъ союзныхъ народовъ съ территоріями, обнимающими цѣлые континенты, вызывая такимъ образомъ фатальные результаты во всемъ мірѣ. И, хотя эти соображенія врядъ-ли могутъ отпугнуть какую бы то ни было націю отъ войны, въ случаѣ достаточно крупнаго искушенія, при настоящемъ характерѣ человѣчества, они, конечно, будутъ вызывать желаніе пустить въ ходъ болѣе значительныя и дороже стоющія силы, а потому и поскорѣе кончить войну... Націи будутъ выдерживать напоръ или падать предъ нимъ въ соотвѣтствіи съ мощью, которую онѣ обнарherужатъ въ самый моментъ испытанія, равно какъ сообразно съ тою быстротою, какую онѣ будутъ въ состояніи развить для нанесенія рѣшительнаго удара. Не должно забывать, что если продолжительность современныхъ войнъ стремится сократиться, то время, потребное для необходимой подготовки, становится, наоборотъ, продолжительнѣе“, и т. д. [1]).

Тутъ угадываніе переплетено съ самыми странными ошибками. Современный конфликтъ, дѣйствительно, принялъ міровой характеръ и міровые размѣры. Исполнилось предсказаніе и относительно страшныхъ жертвъ, которыя человѣчеству придется нести во время этого столкновенія. Но что осталось отъ гипотезы очень быстраго развитія войны? Вѣдь если мы оставимъ въ сторонѣ разныя политическія соображенія и постараемся взглянуть истинѣ прямо въ лицо, то мы должны будемъ признать, что втеченіе восьми мѣсяцевъ результаты великой борьбы врядъ-ли особенно опредѣлились. О скоромъ окончаніи войны и думать пока нечего, если только въ желѣзный ходъ событій не ворвется возмущающимъ элементомъ какое-нибудь крупное непредвидѣнное обстоятельство. Съ технической стороны перевѣсъ того или другого борющагося лагеря, не смотря на участіе милліоновъ солдатъ и совершенство пріемовъ

[1]) E. John Solano, „The World's Armies“; „The Britannica Year-book 1913“; Лондонъ, стр. 35—36.

разрушенія, до сихъ поръ не успѣлъ проявиться съ сокрушающей убѣдительностью ни на одномъ изъ пунктовъ огромной территоріи, на которой пылаетъ война. И уже начинаютъ раздаваться голоса, что въ концѣ концовъ тяжбу рѣшитъ истощеніе борющихся, которое заставитъ противниковъ пойти на компромиссъ, едва лишь представится къ тому возможность. Сдѣланные до сихъ поръ подсчеты о цифрѣ потерь, уже понесенныхъ враждущими державами, по-истинѣ пугаютъ воображеніе.

Такъ, согласно выводамъ секретаря ливерпульской фондовой биржи, восемь мѣсяцевъ войны обошлись лишь для главныхъ державъ уже въ 6.198 милліоновъ ф. ст., а годъ войны обойдется почти въ 9.148 милліоновъ. Если принять во вниманіе, что эта сумма равняется приблизительно 230 милліардамъ франковъ и что, съ другой стороны, національное богатство такой, напримѣръ, высококультурной страны, какъ Франція, исчисляется въ 280 милліардовъ франковъ, то мы приходимъ къ заключенію, что человѣчество заплатитъ за роскошь годовой борьбы расточеніемъ цѣнностей, равныхъ 82%, или болѣе чѣмъ 4/5 всѣхъ богатствъ Франціи. А что сказать о незамѣнимыхъ моральныхъ потеряхъ?...

Конечно, кому свѣтитъ общечеловѣческій идеалъ, тотъ и въ моменты, подобные настоящему, не отчаивается въ окончательной побѣдѣ разума и правды. И однако, пока ужасные жернова войны размалываютъ человѣческія жизни и культурныя цѣнности, никакими краснорѣчивыми проповѣдями нельзя остановить фатальнаго развитія этого мірового конфликта. Каждый изъ борющихся считаетъ, что онъ сражается за высшее право, полагаетъ жизнь свою за идеалъ справедливости. И каждому въ этой великой борьбѣ приходится напрягать всѣ свои силы. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ граждане издавна привыкли и къ личной иниціативѣ, и къ широкой общественности, гдѣ развитіе индивидуальности идетъ рука объ руку съ умѣніемъ складываться въ могущественные союзы и производить цѣлесообразныя коллективныя дѣйствія, тамъ всего яснѣе сознается необходимость искренности, какъ одного изъ главнѣйшихъ факторовъ побѣды. Тамъ люди желаютъ мужественно смотрѣть въ глаза правдѣ, не скрывать ничего отъ своихъ соотечественниковъ, отучать ихъ издѣваться надъ врагомъ, умышленно возбуждая иллюзіи на счетъ легкости справиться съ нимъ. Два-три примѣра покажутъ читателю, какъ въ самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ настоящій сынъ свободнаго отечества умѣетъ говорить о задачахъ, лежащихъ на его согражданахъ, и объ учрежденіяхъ военнаго времени, созданныхъ исключительно съ цѣлью побѣдить внѣшняго врага.

На страницахъ лондонскаго „Таймсъ“ появилось не такъ давно возбудившее большую сенсацію письмо нѣкоего Сельборна, человѣка, повидимому, пользующагося извѣстнымъ вліяніемъ въ кругу дѣльцовъ Сити. Письмо это носитъ многозначительное названіе „Не-

лѣпный оптимизмъ“ и заключаетъ соображенія автора относительно того, почему въ данный моментъ такъ сильно разрослись стачки въ Англіи (см. о нихъ ниже): „Эти дѣйствія, совершаемыя столь патріотически настроенными людьми, могутъ быть объяснены лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что заинтересованныя лица ни малѣйшимъ образомъ не оцѣниваютъ крайней серьезности кризиса, переживаемаго нашей страной. Всѣ они, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ думаютъ, что кризисъ прошелъ, что все у союзниковъ идетъ хорошо и что война очень скоро будетъ покончена. Да и какъ удивляться тому, что существуетъ такое пагубное заблужденіе? Бюро прессы, т. е. цензура, постоянно скользитъ мимо дурныхъ вѣстей и преувеличиваетъ хорошія.

„И вотъ наша печать съ пафосомъ подчеркиваетъ при помощи крупнѣйшихъ буквъ и эффектныхъ заголовковъ лишь то въ войнѣ, что льститъ нашей гордости или нашимъ приподнятымъ чувствамъ. Съ другой стороны, она отодвигаетъ на задній планъ тѣ новости, которыя непріятны для насъ, а въ результатѣ у насъ нарушено всякое чувство пропорціи и теряется всякая перспектива. Я могъ бы привести многочисленные примѣры того, что я говорю. Часто въ послѣднее время намъ приходилось въ спискахъ потерь, понесенныхъ нѣкоторыми нашими батальонами во Фландріи, встрѣчаться съ цифрами въ 200, 300, 400 человѣкъ и даже съ цѣлымъ полубатальономъ павшихъ. Эти списки печатались въ февралѣ, январѣ, декабрѣ. Но можетъ ли кто-нибудь вспомнить, чтобы въ свое время онъ выносилъ впечатлѣніе о размѣрахъ такихъ жестокихъ потерь изъ чтенія печатавшихся сообщеній? Мы несли уронъ обыкновенно тогда, когда теряли траншеи, и солдаты, державшіеся въ нихъ, были убиты или взяты въ плѣнъ. День-два спустя намъ, конечно, говорили, что утерянная нами траншея снова блистательно нами занята. Но вѣдь раньше намъ никогда не сообщали о томъ, что мы потеряли такую-то траншею, равно какъ насъ никогда не извѣщали въ свое время о томъ, во что обходилась намъ потеря траншеи или чего стоило намъ ея вторичное занятіе.

„Когда на дняхъ нашъ премьеръ говорилъ въ палатѣ общинъ, что вполнѣ увѣренъ въ счастливомъ исходѣ войны, онъ былъ совершенно правъ. Мы всѣ раздѣляемъ эту увѣренность. Но я желалъ бы, чтобы онъ побольше подчеркнулъ крайнюю трудность и серьезность задачи, которая еще лежитъ предъ нами, прежде чѣмъ мы достигнемъ успѣшнаго окончанія войны. Голые факты современнаго положенія таковы, что, не смотря на великолѣпное мужество солдатъ союзныхъ армій, нѣмцы удерживаютъ въ рукахъ почти ту же самую территорію во Франціи и Бельгіи, какъ и четыре мѣсяца тому назадъ, а австро-германцы до сихъ поръ успѣваютъ отстоять себя и на восточномъ фронтѣ войны вопреки поразительной выносливости русской арміи. Молчаливое давленіе нашего флота причинило, безъ всякаго сомнѣнія, много неудобствъ

германскому правительству и тягостей германскому народу. Но, повидимому, Германія столь же мало можетъ до сихъ поръ быть приведена къ скорому подчиненію путемъ голодовки, какъ и сами союзники. Мое глубокое убѣжденіе, что на самый лучшій конецъ передъ нами еще долгіе мѣсяцы жестокой войны и что мы нуждаемся въ самой напряженной дѣятельности каждаго гражданина въ Соединенномъ королевствѣ, каждаго моряка во флотѣ и солдата въ траншеѣ. Величайшей опасностью для насъ является беспечность, по какой бы причинѣ она ни возникала, ибо она можетъ продлить войну на цѣлые мѣсяцы далѣе того момента, когда при иномъ настроеніи она была бы уже кончена. Какъ народъ, насъ нельзя запугать или довести до паники дурными новостями. Но мы очень легко становимся черезчуръ увѣренными, благодаря хорошимъ новостямъ. Еслибы тѣ, въ чьихъ рукахъ находится контроль надъ прессой, понимали темпераментъ своихъ соотечественниковъ, они никогда не скрывали бы отъ нихъ дурныхъ новостей и не раздували бы хорошихъ новостей до совершенно несоотвѣтствующаго имъ значенія во всей огромной войнѣ“ [1]).

Такая же точка зрѣнія и почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ высказывается дамой, подписавшейся „мать раненаго офицера“, въ открытомъ письмѣ въ „Таймсъ“: „Я чувствую, что я должна написать вамъ и указать на то, что мнѣ кажется самою ужасною вещью въ данный моментъ. Это—крайній недостатокъ откровенности со стороны цензоровъ. Еще ни разу съ самаго начала этого ужаснаго конфликта и по настоящее время публикѣ не позволяли слышать хоть что-нибудь относительно нашихъ неудачъ. Этотъ пріемъ мнѣ представляется верхомъ безумія и преступности... Я увѣрена, что еслибы мы знали о настоящемъ положеніи вещей, то ни стачекъ, ни другихъ тому подобныхъ вещей не могло бы случиться. Мы въ Англіи достаточно мужественны, чтобы переносить настоящую правду. И я, по крайней мѣрѣ, убѣждена, что наши умолчанія причиняютъ намъ крайній вредъ. Постоянный успѣхъ никогда не окрыляетъ насъ. Лишь когда мы слышимъ вѣсть о неудачахъ, выдерживаемыхъ нами съ благороднымъ мужествомъ, именно тогда поднимается вся наша нація. А неудачи у насъ есть, ибо сколько изъ насъ слышали о нихъ отъ нашихъ друзей на фронтѣ.“ [2]).

Съ другой стороны, въ интересной во многихъ отношеніяхъ рѣчи къ своимъ избирателямъ въ Бэнгорѣ 1 марта Ллойдъ-Джорджъ, которому даже консерваторы не могутъ отказать теперь въ энергіи и размахѣ государственной мысли, осмѣлился говорить о настроеніи германцевъ такъ, какъ можетъ о томъ говорить лишь мужественный и дальновидный человѣкъ: „У насъ имѣются все-

[1]) „Foolish Optimism“; „The Times“, 6 марта 1915.
[2]) „The Need of frankness“; „The Times“, 25 марта 1915.

возможныя основанія для того, чтобы быть увѣренными въ исходѣ войны, но нѣтъ ни одного основанія для самоуслажденія. Надежда является главной пружиной плодотворнаго дѣйствія, а самоуслажденіе это—ржавчина на пружинѣ. Мы, напримѣръ, смѣемся надъ такими происходящими въ Германіи вещами, которыя на самомъ-то дѣлѣ должны были бы внушать намъ страхъ. Мы говоримъ: „Посмотрите-ка, какъ нѣмцамъ приходится готовить хлѣбъ изъ картофеля. Ха-ха-ха!“ Но именно этотъ-то „духъ картофельнаго хлѣба“ и представляетъ собою нѣчто, что въ гораздо большей степени должно бы вызывать у насъ страхъ, а не насмѣшку [1]). Этого духа въ Германіи я боюсь даже болѣе, чѣмъ всякой стратегіи Гинденбурга, какъ бы замѣчательна она ни была. Это именно тотъ духъ, который долженъ руководить всякой страной въ моменты великихъ событій. И не насмѣхаться надъ нимъ мы должны, а подражать ему. Я думаю, мы не меньше проникнуты этимъ духомъ, чѣмъ Германія. Но мы нуждаемся въ томъ, чтобы вызвать его наружу. Средній британецъ не любитъ быть героемъ, покамѣстъ его не толкаютъ на то обстоятельства. Британскій темпераментъ не любитъ расточать героизма попусту. Но когда надобно, у насъ его найдется, сколько угодно“ [2]).

II.

Въ этой же рѣчи Ллойда-Джорджа есть рядъ соображеній, вызванныхъ современнымъ положеніемъ англійской хозяйственной жизни и, прежде всего, многочисленными стачками, которыя вспыхиваютъ то тамъ, то сямъ въ разныхъ отрасляхъ труда, но приняли одно время исключительные размѣры въ бассейнѣ рѣки Клайда, гдѣ сосредоточено значительное число механическихъ и вообще металлургическихъ заводовъ, работающихъ надъ изготовленіемъ матеріаловъ для арміи [3]). Съ свойственнымъ ему тактомъ дѣйствительно сильнаго человѣка, Ллойдъ-Джорджъ не пускается въ пустыя угрозы стачечникамъ, какъ то принято слабыми политическими дѣятелями въ отсталыхъ странахъ. Но онъ отнюдь не думаетъ скрывать и то, что ему кажется истиной, отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, капитала и труда:

---

[1]) Кромѣ этого духа, у нѣмцевъ играетъ большую роль и упорная работа ученыхъ силъ надъ задачами великаго момента. Если оправдаются надежды германскаго правительства, введшаго только что государственную азотную монополію, на добываніе при помощи электричества неограниченныхъ запасовъ азота изъ воздуха, то не одна Германія, но и все человѣчество послѣ ужасовъ войны обогатится колоссальнымъ практическимъ изобрѣтеніемъ.

[2]) „The Times“, . марта 1915.

[3]) Въ Англіи, какъ извѣстно, военные заводы находятся преимущественно въ рукахъ частныхъ предпринимателей. Достаточно упомянуть пользующіяся міровою извѣстностью фирмы Виккерса и Максима, Армстронга, Витворта, Бирмингамскаго оружейнаго завода, и т. д.

„Препирательства въ области промышленности между хозяевами и рабочими неизбѣжны. И, когда людямъ приходится напрягать усилія, нервы не всегда спокойны. Я могу сказать, что не теряю присутствія духа въ эти дни... Но для меня нѣтъ сомнѣнія, что духъ недовольства вкрадывается въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Тутъ разница точекъ зрѣнія неизбѣжна. Но мы не можемъ въ настоящее время позволять себѣ эту роскошь и прежде всего мы не можемъ прибѣгать къ обычному, медлительному, способу устраненія этихъ распрей... Время—побѣда. И когда хозяева и рабочіе на Клайдѣ спорятъ изъ-за мелкой разницы въ заработной платѣ, и когда втеченіе цѣлой недѣли, десяти дней, наконецъ двухъ недѣль люди бросаютъ работу, необходимую для защиты страны, то я заявляю торжественно: недопустимо, чтобы существованіе Англіи подвергалось опасности изъ-за какого-нибудь лишняго фартинга часовой оплаты труда. Кого мы должны обвинять въ этомъ? Но вопросъ надо ставить не такъ, а: какъ можно остановить это? Фабриканты скажутъ: „Что же, мы всегда должны уступать рабочимъ?“ А рабочіе скажутъ: „наши хозяева наживаютъ теперь огромныя состоянія, пользуясь критическимъ положеніемъ страны. Почему же и намъ бы не поживиться частью добычи?“ „Мы работаемъ болѣе усиленно, чѣмъ когда-либо“,— продолжаютъ рабочіе. — Все, что я могу сказать имъ, это, разъ они такъ поступаютъ, то, конечно, они пріобрѣтаютъ право на свою долю. Но вопросъ не въ томъ, кто правъ и кто виноватъ, а въ томъ, что эти несогласія должны быть рѣшены такимъ образомъ, чтобы у человѣчества не отнималось нынѣ шансовъ на побѣду въ этой величайшей борьбѣ“.

И Ллойдъ-Джорджъ настаивалъ на необходимости выработать, путемъ правительственнаго вмѣшательства, извѣстный modus vivendi между враждующими капиталомъ и трудомъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ тому, какъ удалось англійскому правительству и его энергичному министру финансовъ найти нѣкоторый выходъ изъ этого положенія, мы должны остановиться на нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ стачкахъ, чтобы уяснить себѣ, какія причины заставляютъ рабочихъ не прекращать своей борьбы съ предпринимателями даже въ тѣхъ отрасляхъ, которыя непосредственно необходимы для снабженія арміи и флота оружіемъ и аммуниціей. Въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній мы уже говорили о томъ, что рабочіе неоднократно протестовали противъ поведенія хозяевъ, получающихъ огромные барыши и въ результатѣ, и по причинѣ дороговизны, и въ то же время отказывающихся отъ самомалѣйшаго увеличенія заработной платы, не дающей теперь пролетарію возможности сводить концовъ съ концами вслѣдствіе неимовѣрнаго роста цѣнъ. Втеченіе цѣлыхъ недѣль рабочіе лишь угрожали стачкой. Но въ послѣднее время, выведенные изъ терпѣнія жадностью капиталистовъ, они

произвели рядъ забастовокъ. Наибольшую сенсацію произвела стачка въ вышеупомянутомъ бассейнѣ рѣки Клайда, какъ затронувшая непосредственно интересы національной обороны. Мотивы, бросившіе рабочихъ въ стачку,—даже какъ ихъ изображаетъ органъ крупной буржуазіи,—таковы, что для всякаго безпристрастнаго наблюдателя позиція рабочихъ представляется вполнѣ естественной и легко защитимой. „Таймсъ" такъ и называетъ происшедшую забастовку „стачкой негодованія". Рабочіе механическихъ и сталелитейныхъ заводовъ на берегахъ нижняго Клайда и не рѣшились бы бросить столь нужную для правительства работу, еслибы они не были выведены изъ себя жгучимъ чувствомъ несправедливости, вынесеннымъ ими изъ постоянныхъ столкновеній съ эгоизмомъ предпринимателей втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ.

Надо сказать, что этотъ округъ западной части центральной Шотландіи съ самаго начала военныхъ операцій выдвинулся патріотизмомъ рабочаго населенія. Отсюда пошли на театръ войны цѣлыя толпы волонтеровъ [1]). И даже оставшіеся продолжали работать лишь потому, что имъ было сказано властями, въ какой степени правительство нуждается въ ихъ спеціальномъ трудѣ. Всѣ они работали съ большимъ напряженіемъ и первые мѣсяцы правительство неоднократно выражало имъ благодарность. Но мало-помалу между ними стало рости горькое чувство недовольства на заводчиковъ. Хозяева прибѣгали къ самымъ недостойнымъ уловкамъ для того, чтобы оставить заработную плату на ея прежнемъ уровнѣ. А между тѣмъ она стала крайне недостаточной вслѣдствіе очень сильнаго роста цѣнъ на предметы необходимости, особенно сильно вздорожавшіе съ началомъ военныхъ операцій.

По самымъ умѣреннымъ разсчетамъ покупательная сила соверена съ 20 шиллинговъ упала до $14^1/_2$. Такъ, семья рабочихъ изъ 4 человѣкъ издерживала за недѣлю въ 1914 г. на свое иждивеніе 19 шиллинговъ 8 пенсовъ, а нынѣ должна издерживать уже $24^1/_2$ шиллинга. Особенно сильное вздорожаніе обнаружилось въ хлѣбѣ, 16 фунтовъ ($17^3/_4$ русскихъ фунтовъ) котораго, потребные для недѣльнаго пропитанія уже упомянутой семьи, стоили въ 1914 г. 1 шиллингъ 10 пенсовъ, а въ 1915 — уже 2 шиллинга 8 пенсовъ. Что касается до другихъ предметовъ недѣльнаго потребленія семьи, то 1 фунтъ сыра съ 9 пенсовъ поднялся до 10 пенсовъ; $3^1/_2$ фунта муки съ $5^1/_2$ пенсовъ были взогнаны до 9;

[1]) Повидимому, это движеніе приняло довольно широкіе размѣры и въ другихъ частяхъ Соединеннаго королевства. Оно слабѣе среди тѣхъ элементовъ англійскаго рабочаго класса, которые на континентѣ принято называть „сознательными". Несомнѣнно, напр., что независимая рабочая партія, являющаяся наиболѣе сильною соціалистическою организаціею Англіи, настроена противъ войны. На конференціи 5—6 апрѣля въ Новичѣ партія выразила порицаніе тѣмъ депутатамъ-трудовикамъ, которые толкали рабочихъ на вербовку. (Ср. статейку „Labour in the Ranks"; „The Times", 7 апрѣля 1915).

2 фунта сахару стоятъ уже не 4 пенса, а $6^1/_2$; 4 фунта мяса — не 2 шиллинга 10 пенс., а 3 шиллинга 4 пенса; полдюжина яицъ, стоившая раньше 6 пенсовъ, продается нынѣ за 10; 3 фунта рыбы вмѣсто 10 пенсовъ стоятъ 16 и т. д. Многія изъ низшихъ категорій рабочихъ уже принуждены отказаться отъ потребленія яицъ, рыбы, сухарей, какъ отъ предметовъ роскоши.

Въ Клайдскомъ бассейнѣ, гдѣ рабочіе заняты наилучше оплачиваемыми родами труда и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ трэдъ-юніоны особенно хорошо сорганизованы, рабочіе нетерпѣливо сносили гнетъ капиталистовъ, выдумывавшихъ всевозможные предлоги для того, чтобы отказать имъ даже въ легкомъ увеличеніи заработной платы. Еще до войны рабочіе выставили требованіе повысить ихъ вознагражденіе, но получили въ отвѣтъ на это отъ хозяевъ упоминаніе о томъ, что обѣ стороны связаны прежнимъ соглашеніемъ, срокъ котораго кончается лишь въ декабрѣ 1914 г., и что до истеченія этого срока нечего и говорить объ увеличеніи заработка. 7 декабря 1914 г. четыре могущественныхъ рабочихъ союза, Соединенное общество механиковъ, Общество изготовителей паровыхъ машинъ, Объединенная ассоціація машинистовъ и Объединенное общество изготовителей разныхъ инструментовъ, обратились къ Сѣверо-Западному союзу механическихъ заводчиковъ съ общимъ требованіемъ увеличенія заработной платы на 2 пенса, приблизительно, на 9 копѣекъ, въ часъ. Тогда предприниматели принялись водить ихъ за носъ, откладывая переговоры съ недѣли на недѣлю, пока, наконецъ, плачевный результатъ двухъ мѣстныхъ конференцій между хозяевами и рабочими 19 и 21 января и общей конференціи 12 февраля 1915 г. не обнаружилъ явнаго желанія капиталистовъ остаться при прежнихъ условіяхъ. Въ февралѣ наиболѣе щедрые хозяева обѣщали прибавить $^3/_4$ пенса (3 фартинга) въ часъ. Положеніе обострилось, когда англійскіе рабочіе узнали, что на одномъ изъ большихъ заводовъ вызванные изъ Америки механики получали болѣе мѣстныхъ рабочихъ на 6 шиллинговъ въ недѣлю. И вотъ 16 февраля вспыхнула стачка на всѣхъ заводахъ бассейна Клайда. Повсюду были выставлены требованія двухпенсовой прибавки въ часъ.

Все англійское общество было очень взволновано этой забастовкой. Правительство принимало всевозможныя мѣры, чтобы какъ-нибудь уладить распрю между капиталомъ и трудомъ въ предпріятіяхъ, составляющихъ, можно сказать, жизненный нервъ войны. Членамъ кабинета и администраціи удалось даже уговорить представителей трэдъ-юніоновъ, не оставляя своихъ требованій, прекратить стачку до тѣхъ поръ, пока кабинету не удастся какъ-нибудь наладить отношенія между враждующими лагерями. Но здѣсь произошла та же самая исторія, что въ рабочемъ движеніи 1912 г. Масса перестала довѣрять своимъ официальнымъ представителямъ и пошла вслѣдъ за импровизированнымъ комитетомъ новыхъ вожаковъ ко-

торые рѣзко высказались противъ какого бы то ни было соглашенія съ капиталистами, равно какъ противъ прекращенія стачки.

Дѣло становилось настолько серьезнымъ, что нужно было рѣшиться на такія или иныя мѣры, чтобы прекратить забастовку въ отрасляхъ производства, столь необходимыхъ для надлежащаго веденія войны. Опять-таки и здѣсь наиболѣе цѣлесообразный политическій шагъ былъ сдѣланъ Ллойдъ-Джорджемъ, который, не желая становиться на путь принудительной работы на этихъ заводахъ, употребилъ пріемъ, приводящій приблизительно къ тому же результату другой дорогой. Не успѣвъ въ своей попыткѣ заставить капиталистовъ и рабочихъ выработать общее соглашеніе, Ллойдъ-Джорджъ на засѣданіи 9 марта н. с. вдругъ внесъ въ палату общинъ билль, составляющій важную поправку къ вотированному въ августѣ общему законодательному акту объ оборонѣ страны. Между тѣмъ, какъ упомянутый актъ однимъ изъ параграфовъ давалъ правительству право брать подъ свой контроль извѣстные заводы, изготовляющіе снаряды и аммуницію для войны, новый билль уполномочиваетъ правительство брать въ свои руки и такіе заводы, которые не заняты, собственно говоря, производствомъ вещей, потребныхъ для войны, но могутъ быть приспособлены къ этому производству. Иначе говоря, не считая удобнымъ силою заставить могущественныхъ владѣльцевъ спеціальныхъ заводовъ пойти на уступки рабочимъ, правительство принялось за организацію цѣлаго ряда аналогичныхъ предпріятій съ тѣмъ, чтобы на нихъ вводились болѣе выгодныя условія для рабочихъ.

Лидеръ оппозиціи, Бонаръ Ло, подчеркнулъ значеніе этой мѣры, столь необычной для странъ съ развитой капиталистической собственностью, признавшись, что биллемъ „даются правительству страшныя полномочія, которыя, въ случаѣ злоупотребленія, могутъ принести неисчислимый вредъ всей странѣ". И однако ораторъ не считалъ возможнымъ отказать правительству въ вотумѣ предложенной мѣры, такъ какъ полагалъ, что среди „кризиса, переживаемаго Англіей, мы сознательно превращаемъ кабинетъ болѣе или менѣе въ органъ диктатуры. Мы довѣряемъ ему дѣлать въ данный моментъ то, что подскажетъ ему благоразуміе, и надѣляемъ его полномочіемъ пользоваться до самыхъ крайнихъ предѣловъ всѣми рессурсами страны, включая сюда и ея индустріальные рессурсы". Любопытно, какъ отнесся къ этой мѣрѣ Ллойдъ-Джорджа, чрезвычайно быстро вотированной парламентомъ, органъ интересовъ крупной буржуазіи въ лицѣ „Таймса".

Надо замѣтить, что въ тотъ самый моментъ, какъ министръ финансовъ провелъ свой билль черезъ парламентъ, онъ созвалъ конференцію изъ представителей главнѣйшихъ трэдъ-юніоновъ и предложилъ имъ, въ интересахъ всей страны и цѣлесообразнаго производства военнаго матеріала, согласиться на учрежденіе совѣщательнаго бюро, въ составъ котораго входятъ въ равномъ числѣ

представители труда и капитала, и отмѣнить ограниченія, выдвигаемыя союзами профессіональныхъ рабочихъ противъ употребленія дешеваго труда низшихъ категорій,—съ цѣлью возможно усилить общую производительность заводовъ. На конференціи этой, имѣвшей мѣсто 17-19 марта н. с., было представлено 35 различныхъ рабочихъ союзовъ, члены которыхъ занимаются не только металлургіей и производствомъ машинъ, но и столярнымъ ремесломъ, транспортомъ, текстильной промышленностью, изготовленіемъ обуви и т. д. Въ результатѣ переговоровъ между правительствомъ и трэдъ-юніонами было выработано соглашеніе, касавшееся двухъ упомянутыхъ выше пунктовъ, между тѣмъ какъ еще двумя днями раньше (18 марта) референдумъ за и противъ стачки, предпринятый среди забастовщиковъ въ бассейнѣ Клайда, далъ 5.616 голосовъ противъ 1.522 въ пользу примирительной политики.

Совокупность этихъ мѣръ и событій и заставила „Таймсъ" высказать въ рядѣ передовыхъ статей нѣсколько любопытныхъ соображеній на счетъ значенія этихъ новыхъ индустріальныхъ комбинацій. Такъ, въ статьѣ „Организація военной промышленности" органъ Сити говоритъ: „Здѣсь мы имѣемъ передъ собою очертанія смѣлаго и цѣлесообразнаго плана для организаціи промышленныхъ рессурсовъ страны и одновременно съ этимъ для примиренія нескончаемыхъ споровъ между предпринимателями и рабочими... Представители рабочихъ трэдъ-юніоновъ вели открытую игру съ самаго начала войны и заслужили благодарность отечества. Забастовка на Клайдѣ произошла не по ихъ винѣ. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ даже привѣтствовать правительственный контроль надъ индустріей, какъ шагъ къ тому государственному коллективизму, который для нѣкоторыхъ соціалистовъ является идеаломъ-утопіей. А если эти же соображенія могутъ вызвать недоразумѣнія и даже оппозицію въ другихъ сферахъ, то мы замѣтимъ на это, что война уже сама по себѣ представляетъ всегда до нѣкоторой степени коллективистское предпріятіе и что данныя мѣры лишь распространяютъ на гражданскія функціи, — да и то только отчасти, — государственный контроль, уже охватывающій всѣ военныя функціи. Правда, соціализмъ, который проявляется въ войнѣ и въ расширеніи военныхъ функцій, не имѣетъ очень много общаго съ обыкновенной разновидностью соціалистическаго идеала, но если соціалисты думаютъ, что это такъ, то тѣмъ лучше" [1]).

Въ этой же статьѣ органъ Сити съ большою похвалою относится къ планамъ правительства установить въ предпріятіяхъ, работающихъ для арміи и флота, не только возможно высокую заработную плату, но и опредѣлить извѣстный уровень прибыли въ нихъ, такъ, чтобы всякій лишній барышъ сокращался въ цѣляхъ

---

[1]) „Organizing War Industries", „The Times", 19 марта 1915.

повышенія вознагражденія рабочихъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, нормальной прибылью будетъ, кажется, признано максимумъ 15%.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что эта готовность англійскаго правительства и даже имущихъ классовъ Великобританіи согласиться на отклоненіе отъ обычнаго режима капиталистической собственности и капиталистическаго производства не имѣла пока на практикѣ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ и сказалась лишь на незначительномъ повышеніи заработка рабочихъ. Такъ, посредническій судъ, назначенный правительствомъ для рѣшенія споровъ между капиталистами и рабочими въ бассейнѣ Клайда, объявилъ рѣшеніе, удовлетворяющее гораздо болѣе капиталистовъ, чѣмъ рабочихъ. Дѣйствительно, рабочіе, какъ мы видѣли раньше, требовали увеличенія платы на 2 пенса въ часъ, а хозяева предлагали имъ только $^3/_4$ пенса. Правительство же объявило въ лицѣ своего трибунала размѣры увеличенія равными 1 пенсу, т. е. въ 2 раза меньше того, что требовали рабочіе, и чуть-чуть выше прибавки, на которую соглашались капиталисты. И въ газетахъ уже отмѣчается довольно сильное раздраженіе рабочихъ на эту скаредность посредническаго трибунала. Съ другой стороны, жалобы заводчиковъ и сѣтованія правительства на рабочихъ верфей рѣки Тайна, въ Нортумберландѣ, якобы прогуливающихъ много часовъ въ понедѣльникъ и не соглашающихся въ большинствѣ случаевъ работать по воскресеньямъ [1]), вызвали серьезное возбужденіе среди трудящихся этой категоріи. Послѣдніе утверждаютъ, что если случаются прогулы, то это отнюдь не изъ-за лѣности рабочихъ, а какъ разъ потому, что установившаяся со времени войны практика на многихъ фабрикахъ, изготовляющихъ аммуницію, работать сплошь семь дней въ недѣлю безъ перерыва уже подорвала рабочія силы пролетаріевъ и надо рѣшительно воспротивиться этому обычаю. На сторонѣ рабочихъ уже оказалось немало врачей-филантроповъ.

Вообще забастовки въ данный моментъ представляютъ собою далеко не исключительное явленіе англійской экономической жизни. И если стачка металлурговъ и механиковъ въ бассейнѣ Клайда привлекла къ себѣ наиболѣе вниманіе правительства и общества, то лишь потому, что она охватила сравнительно очень значительное число рабочихъ и коснулась отрасли промышленности, которая особенно нужна для надлежащаго веденія войны. Но забастовки довольно сильно распространены и еще не ликвидированы пока въ разныхъ другихъ производствахъ. Такъ, въ мартѣ бастовали по различнымъ копямъ шахтеры, которые требуютъ увеличенія заработной платы на 20%; портовые рабочіе, которые еще недавно вызвали пріостановкой выгрузки сильное загроможденіе Ливерпуля и вообще всего нижняго бассейна рѣки Мерсей; сталелитейщики на

---

1) См. напр. „Lost Time on Tyneside“; „The Times“, 3 апрѣля 1915.

заводахъ Шотландіи, и т. п. Только что прекратили забастовку рабочіе въ Норсгэмптонѣ, изготовляющіе кожаныя издѣлія для арміи.

Любопытно, что общественное мнѣніе стоитъ чаще на сторонѣ стачечниковъ. Оно обвиняетъ хозяевъ въ томъ, что тѣ проявляютъ корыстолюбіе въ моменты величайшаго національнаго кризиса, а правительство въ томъ, что оно находится подъ сильнымъ давленіемъ имущихъ классовъ. Довольно знаменательнымъ симптомомъ этого настроенія является хотя бы статья не какого-нибудь соціалиста, а убѣжденнаго либерала, укрывшагося подъ иниціалами C.J.-P. и давшаго въ органъ покойнаго Стэда замѣтку „Обманъ демократіи“. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ анонимный авторъ о психологіи капиталистовъ и рабочихъ: „Независимо отъ явленій, показывающихъ, что предприниматель всегда склоненъ ожесточать свое сердце противъ требованій труда, нельзя пройти молчаніемъ замѣчательнаго контраста въ нашемъ отношеніи къ двумъ лагерямъ. Такъ, желѣзнодорожный служащій получаетъ постоянно отъ насъ напоминаніе о патріотическомъ долгѣ. Отъ него ожидаютъ актовъ самопожертвованія, не считающагося съ его комфортомъ, здоровьемъ и попеченіями о семьѣ. А владѣльцы каменноугольныхъ копей,—надо ли напоминать читателю, все люди британскаго происхожденія? — въ то же время сознательно взвинчиваютъ цѣны во вредъ публикѣ, непосредственно обогащаясь на счетъ своихъ болѣе бѣдныхъ сосѣдей“.

Государственной администраціи дѣлается авторомъ статьи упрекъ, что „правительственные круги, находясь вдали отъ жизненныхъ фактовъ, очень легко подчиняются давленію предпринимателей и смотрятъ на законный голосъ труда, какъ на недопустимое вмѣшательство. Возьмите хотя бы слѣдующій примѣръ. Дезорганизація торговли въ лондонскихъ и ливерпульскихъ докахъ причинила очень серьезный ущербъ торговцамъ, а зависѣла она отъ неумѣнія руководившаго дѣломъ мѣстнаго официальнаго комитета надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Казалось, всего естественнѣе было бы привѣтствовать сотрудничество вожаковъ рабочихъ массъ. Но ихъ предложеніе было отвергнуто. А министерство торговли, забывая свой долгъ по отношенію къ публикѣ, не рѣшается признать право рабочихъ принимать участіе въ руководствѣ предпріятіемъ. Итакъ, значитъ, лучше банкротство и невѣроятное замѣшательство въ дѣлахъ, чѣмъ порядокъ и организація, но при помощи ненавистнаго участія въ контролѣ тѣхъ самыхъ людей, услуги которыхъ прямо неоцѣненны на боевомъ фронтѣ, но совсѣмъ, видите ли, не требуются руководителями нашего министерства торговли. Мы знаемъ, что именно таково традиціонное отношеніе бюрократа къ труду. Но разъ дѣло обстоитъ такъ, то чѣмъ же британцы отличаются отъ нѣмцевъ, подчиняющихся отеческому контролю прусскихъ юнкеровъ? Если демократія не пустое слово, то оно означаетъ „наибольшее благо наибольшаго

числа людей". А поддерживать условія, при которыхъ интересъ этого наибольшаго числа людей неизмѣнно игнорируется, значитъ совершенно отказаться отъ самомалѣйшихъ притязаній на дѣйствительно демократическое управленіе въ нашемъ королевствѣ".

Авторъ ярко подчеркиваетъ разницу въ положеніи и условіяхъ существованія людей, живущихъ капиталами, и людей, пробивающихся исключительно трудомъ:

„Пока что, рабочій классъ долженъ нести бремя повышенныхъ цѣнъ и въ то же время долженъ, видите ли, воздерживаться отъ пользованія единственнымъ доступнымъ ему орудіемъ — стачкой. Короче говоря, кого бы война ни ударила изъ имущихъ, ну хотя бы слегка пониженными дивидендами, но рабочій-то классъ долженъ ужь непремѣнно выносить, не жалуясь, постоянное отодвиганіе его на задній планъ въ такой мѣрѣ, какая не выпадаетъ на долю никакой другой части общества. И въ массахъ, несомнѣнно, существуетъ глубокое раздраженіе, которое выльется въ опредѣленныя формы послѣ войны, если только мы не приведемъ нашего дома въ порядокъ".

„Карлейль—продолжаетъ нашъ авторъ—какъ-то горько жаловался, что иные изъ насъ признаютъ братство людей только въ томъ смыслѣ, что отъ нихъ возможно схватить какую-либо заразительную болѣзнь и... пока наша жизнь и свобода не подвергаются опасности, мы не придаемъ никакого значенія низшимъ классамъ и очень мало симпатизируемъ имъ... А между тѣмъ мы должны признать откровенно, что въ то время, какъ капиталъ является вещью безличною, трудъ представляетъ самую основу всего нашего существованія (fundamental base of our existence). Онъ, замѣтьте это себѣ, не какой-нибудь придатокъ къ нашей элегантной цивилизаціи, но и ея фундаментъ, и стѣны, и кровля, и краеугольный камень, словомъ—все. А разъ мы признали это, то отсюда нашъ умъ сдѣлаетъ естественное заключеніе. Мы воздадимъ должное тому, что достойно, и не будемъ расточать нашихъ наградъ людямъ негоднымъ... Но вѣдь это выходитъ соціализмъ? Да еслибы это былъ даже анархизмъ, но при этомъ справедливость, такъ что же изъ этого? Разъ мы рѣшили осуществить справедливую вещь, неужели насъ отпугнетъ отъ нея слово? Соціализмъ, который будетъ насильственно проведенъ вопреки меньшинству оскорбленнымъ большинствомъ, можетъ быть вещью и очень нежелательной. Но дать рабочему человѣку и классу, откуда онъ вышелъ нѣчто, что позволитъ ему трудиться, чтобы и у него было что терять, явится актомъ благородства, *пока у васъ есть еще возможность выбора*. Завтра къ вамъ, можетъ быть, уже не обратятся за совѣтомъ, и если, напримѣръ, рабочіе транспортныхъ учрежденій, борясь за жалкій лишній пенсъ, чтобы жить хоть мало-мальски сносно, прекратятъ подвозъ вашей пищи, вы поймете, что вы пріобрѣли и нажили себѣ врага, упорная настойчивость котораго

напомнитъ вамъ тогда объ услугахъ, которыя онъ оказываетъ въ борьбѣ за *свою* страну, — не въ такой степени, впрочемъ, за *свою* теперь, какъ она будетъ таковою впослѣдствіи. Подумайте хорошенько объ этомъ!" [1])

III.

Что же дѣлается въ Германіи? Въ общемъ, въ Германіи начинаютъ обнаруживаться все яснѣе два—пока разной силы—теченія. Ибо если патріотическій и во многихъ случаяхъ прямо шовинистскій потокъ продолжаетъ до сихъ поръ увлекать значительную долю націи на борьбу съ врагомъ и въ интересахъ побѣды правительство, имущіе классы и рабочіе стараются сглаживать свои обычныя несогласія, то въ этотъ господствующій потокъ начинаютъ вливаться все болѣе и болѣе замѣтныя струйки антимилитаристскаго духа. Эта двойственность позиціи уже начинаетъ сказываться въ нарушеніи такъ называемаго соціальнаго мира (Burgfriede) между государствомъ и капиталомъ съ одной стороны, трудомъ— съ другой. И еслибы современной германской націи не былъ присущъ значительный организаторскій талантъ, то соціальная неурядица сказывалась бы еще рѣзче. Перейдемъ, впрочемъ, къ нѣкоторымъ фактамъ и подробностямъ, которые помогутъ читателю лучше представить себѣ неоднородность настроенія даже въ увлеченной боевымъ пыломъ Германіи.

Надо сказать, что эти факты внутренней жизни нѣмецкаго народа приходится выуживать изъ взбаламученной прессы воюющихъ державъ, которая заботится гораздо меньше о серьезномъ знакомствѣ съ настоящимъ положеніемъ вещей у врага, чѣмъ о благочестивомъ патріотическомъ обманѣ своихъ же соотечественниковъ. Поэтому приходится съ благодарностью останавливаться на всякой попыткѣ мало-мальски объективнаго наблюденія. Въ частности по отношенію къ русской прессѣ мы не можемъ не отмѣтить освѣдомляющей дѣятельности корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", г. Лурье, который, имѣя возможность свободно знакомиться съ печатью двухъ лагерей на нейтральной почвѣ Стокгольма, даетъ русской читающей публикѣ полезный фактическій матеріалъ.

Что касается до настроенія различныхъ классовъ и группъ населенія въ Германіи, то патріотическое очумѣніе, которое бросаетъ всѣ вещи въ одинъ горшокъ и желаетъ видѣть лишь то, что потворствуетъ разыгравшимся инстинктамъ международной вражды, несомнѣнно начинаетъ понемногу проходить. Лѣвое крыло нѣмецкой соціалъ-демократіи, не смотря на свою слабость, постепенно разростается. И разногласія въ средѣ партіи поднимаютъ все рѣзче свой голосъ. Конечно, тонъ нѣмецкой соціалъ-демократіи задаетъ

[1]) C. J. P., „The Fraud of Democracy"; „The Review of Reviews", 1915, мартъ, стр. 204—206, passim.

по прежнему правое большинство. И принципіальнымъ соціалистамъ не только въ союзныхъ странахъ, но и въ самой Германіи приходится лишь широко раскрывать глаза, когда рабочіе депутаты, вродѣ Вольфганга Гейне, стараются на публичныхъ собраніяхъ перелицевать заднимъ числомъ Карла Маркса въ націоналиста и совѣтуютъ нѣмецкому пролетаріату беречь прежде всего отечественную промышленность и отказаться отъ всякихъ активныхъ выступленій даже по отношенію къ современному германскому государству.

Но надо сказать, что зародыши такого отношенія къ основнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ преизбыточествовали и раньше въ широкихъ слояхъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Теперь они только дали сильные всходы. Лично пишущему эти строки такая эволюція не представляется, напримѣръ, совершенно неожиданной. Задолго до войны и не дожидаясь ея, я указывалъ на отсутствіе настоящаго темперамента въ германскомъ пролетаріатѣ и на сомнительность его интернаціонализма въ области практики. Для меня не лишена комизма развѣ лишь позиція нашихъ либераловъ, которые издѣвались еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ надъ излишнимъ республиканствомъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и укоризненно покачивали головой надъ тѣмъ, что фракція въ парламентѣ выходитъ изъ зала засѣданій, когда предсѣдатель возглашаетъ „ура“ императору, или надъ тѣмъ, что лѣвые соціалъ-демократы неодобрительно косились на умѣренныхъ членовъ своей партіи, жаждавшихъ появляться при дворѣ и на официіальныхъ празднествахъ. Теперь эти же самые либералы съ необыкновеннымъ возмущеніемъ говорятъ о томъ, что нѣмецкая рабочая партія и ея представители оказались монархическими лакеями Вильгельма II и пылаютъ не меньшимъ шовинистскимъ жаромъ, чѣмъ бюргерскія партіи.

Что касается до автора этого обозрѣнія, то неоднократно въ другомъ мѣстѣ онъ указывалъ читателю на традиціонный оппортунизмъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, лишь скрывавшійся за мнимо-революціонными фразами стараго катехизиса. Нѣмецкіе революціонеры или „радикалы“ казались намъ, за немногими исключеніями, столь же мало революціонными, какъ и ревизіонисты. И порою можно было даже видѣть, что въ чисто политической области представители ревизіонизма выступали гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ хранители радикальнаго ковчега завѣта.

Не нужно, конечно, заходить слишкомъ далеко и въ этомъ направленіи и утверждать, что нѣмецкая соціалъ-демократія и нѣмецкія бюргерскія партіи нынѣ во всѣхъ отношеніяхъ едино суть. Какъ ни какъ, а между правительствомъ и имущими классами замѣчается гораздо бо̀льшая общность интересовъ, чѣмъ между ихъ коалиціей и нѣмецкимъ рабочимъ классомъ. Отъ времени до времени это обстоятельство напоминало о себѣ и въ медовые мѣсяцы

соціальнаго единенія. А нынѣ оно прокидывается чаще и рѣзче. Такъ, съ начала этого года подверглось преслѣдованію около полдюжины соціалъ-демократическихъ газетъ. Однѣ изъ нихъ были совсѣмъ запрещены, другія пріостановлены на время, третьи подчинены общей предварительной цензурѣ и т. п. Не меньшему стѣсненію подверглось и право собраній, до такой степени суженное нынѣ хотя бы въ „республиканскомъ" Гамбургѣ или „красномъ королевствѣ" Саксоніи, что демократическая пресса съ неудоумѣніемъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ самой Германіи не публичныя и не преслѣдующія политическихъ цѣлей собранія зависятъ болѣе отъ произвола полиціи, чѣмъ въ захваченной нѣмцами Бельгіи.

Но это касается отношенія администраціи къ различнымъ проявленіямъ партійной жизни соціалъ-демократіи. Однако черная кошка пробѣгаетъ нерѣдко и въ отношеніяхъ соціалъ-демократовъ и бюргерскихъ партій. Такъ, въ Кёльнѣ либеральный муниципалитетъ рѣшительно отказался отъ предоставленія хотя бы одного мѣста соціалъ-демократамъ въ городскомъ управленіи. А передъ открытіемъ прусскаго ландтага всѣ бюргерскія фракціи устроили секретное засѣданіе, исключивъ изъ него соціалъ-демократовъ.

Съ другой стороны, и нѣмецкая рабочая партія, въ лицѣ своего наиболѣе послѣдовательнаго и принципіальнаго меньшинства, начинаетъ все чаще и чаще поднимать вопросы внѣшней и внутренней политики въ смыслѣ, нежелательномъ для сторонниковъ соціальнаго мира. Давно ли Либкнехтъ считался единственнымъ уродомъ и нравственнымъ чудовищемъ въ патріотически настроенной семьѣ соціалъ-демократовъ? Теперь его полку прибыло. Мерингъ, Роза Люксембургъ, Ледебуръ, Штадтхагенъ и т. п. начинаютъ не только вести оппозицію въ нѣдрахъ партіи, но и переносить споръ на публичныя собранія и тамъ порою брать верхъ надъ соціалъ-шовинизмомъ. Такъ, на многолюдномъ рабочемъ собраніи въ Берлинѣ Мерингъ, очень посредственный ораторъ, успѣлъ однако сгруппировать большинство вокругъ своей революціонной резолюціи, тогда какъ умѣющій хорошо говорить Шейдеманъ провалился со своей апологіей голосованія военныхъ кредитовъ. Точно также на собраніи рабочихъ представителей въ Шарлоттенбургѣ громадное большинство голосовъ (52 противъ 2) рѣшительно отвергло точку зрѣнія голосующихъ за кредиты. На собраніи, созванномъ могучимъ синдикатомъ рабочихъ строительнаго дѣла въ Бременѣ, былъ выраженъ рѣшительный протестъ противъ имперіалистскаго направленія мѣстнаго соціалъ-демократическаго еженедѣльника „Grundstein". На одномъ изъ соціалистическихъ митинговъ въ Вюртембергѣ лишь закрытіе собранія полицейскимъ комиссаромъ спасло сторонниковъ Гейне отъ вотума недовѣрія приверженцами Либкнехта. Во время референдума по вопросу о назначеніи

кандидата отъ гамбургской соціалъ-демократической организаціи на открывшуюся въ рейхстагѣ вакансію противники кредитовъ, если и не одержали верха, то все же собрали значительное меньшинство — 2/5 голосовъ—въ лицѣ проповѣдника всеобщей стачки Лауфенбергера. А при выборахъ въ правленіе соціалъ-демократической фракціи рейхстага прошелъ нѣкто Гохъ, который рекомендовалъ своей партіи въ статьѣ, появившейся на столбцахъ „Die Neue Zeit.", голосовать кредиты въ открывавшейся (10 марта н. с.) сессіи лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство сейчасъ же начало переговоры о мирѣ и о возвращеніи Франціи и Бельгіи захваченныхъ нѣмецкими войсками территорій. Кстати сказать, въ настоящій моментъ нѣмецкія соціалъ-демократки распространяютъ въ милліонахъ экземпляровъ призывъ къ миру подъ заглавіемъ „Міръ захлебнулся кровью", гдѣ выражается сожалѣніе, что трудящіяся массы не могли остановить войну, и вмѣняется всѣмъ искреннимъ соціалистамъ въ обязанность начать агитацію въ интересахъ прекращенія бойни. (Въ этомъ же смыслѣ высказалась женская международная конференція, имѣвшая мѣсто 25-27 марта н. с. въ Бернѣ. Представительницы Германіи, между прочимъ, Клара Цеткина, бывшая предсѣдательницею, Голландіи, Англіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи и Россіи голосовали резолюцію, выразившую негодованіе на захватъ Бельгіи нѣмцами и протестъ противъ имперіалистическаго направленія внѣшней политики крупныхъ государствъ).

Оппозиція, образовавшаяся внутри соціалъ-демократіи, рѣзко развила свои взгляды на засѣданіи рейхстага 22 марта, когда короткая, но энергичная рѣчь Ледебура и негодующія восклицанія Либкнехта вызвали цѣлую бурю въ парламентѣ и заставили „патріотовъ своего отечества" кричать о государственной измѣнѣ двухъ смѣльчаковъ. „Deutsche Kurier" прямо озаглавилъ свой отчетъ о засѣданіи „измѣнническая рѣчь Ледебура". „Deutsche Tageszeitung" вопила о „невѣроятномъ и безстыдномъ поведеніи" Ледебура и Либкнехта. А „Reichsbote" торжественно вѣщалъ: „Система государственной измѣны этихъ двухъ нарушителей парламентарнаго мира вызвала единодушное и глубокое негодованіе депутатовъ". Но демократическая пресса отнеслась къ точкѣ зрѣнія „измѣнниковъ" гораздо болѣе снисходительно. „Vorwärts", остающійся до сихъ поръ главнымъ органомъ соціалъ-демократіи, прямо писалъ, что при хладнокровномъ чтеніи стенографическаго отчета мало-мальски безпристрастному человѣку и въ голову не придетъ толковать о какой бы то ни было измѣнѣ.

Что же говорилъ Ледебуръ? Онъ подчеркнулъ вредъ, который проистечетъ для Германіи изъ черезчуръ строгаго приложенія на практикѣ исключительныхъ законовъ. Такъ, мѣры, принятыя военными властями противъ эльзасцевъ, поляковъ, датчанъ, бросаютъ эти народности въ объятія враговъ Германіи. А что касается до угрозы высшаго командованія сжигать по три русскихъ

деревни за каждую нѣмецкую деревню, которую русскіе разрушатъ въ Восточной Пруссіи, то это вещь тѣмъ болѣе постыдная, что она поражаетъ не русское правительство, а мирное населеніе. Между тѣмъ Германія должна была бы не увеличивать своими мѣропріятіями раздраженіе поляковъ и литовцевъ, но стараться всѣми силами пріобрѣсти ихъ симпатіи. Здѣсь консерваторы подняли громкій ропотъ, видя въ разсужденіяхъ Ледебура прямую атаку противъ дѣятельности военнаго управленія. А когда Либкнехтъ крикнулъ въ этотъ моментъ съ своего мѣста: „это варварство", негодованію депутатовъ не было предѣла. Соціалъ-демократы сочли даже нужнымъ послать на трибуну Шейдемана, который заявилъ, что ораторъ не имѣлъ права говорить такъ отъ лица соціалъ-демократической фракціи. И рейхстагъ отсрочилъ свои засѣданія до 18 мая н. с. среди страшнаго волненія патріотически настроенной палаты. Слѣдуетъ однако отмѣтить тотъ фактъ, что при голосованіи бюджета въ этой же сессіи 30 членовъ соціалъ-демократической фракціи, или почти треть ея, демонстративно вышли изъ зала, и въ числѣ ихъ не только радикалы Ледебуръ, Штадтхагенъ, Пейротъ и т. п., но и ревизіонистъ Эдуардъ Бернштейнъ, тотъ самый Эдуардъ Бернштейнъ, который въ мирное время отрицательно относился къ тактикѣ отверженія кредитовъ, практиковавшейся прежде соціалъ-демократами, а тутъ отказался участвовать въ вотумѣ.

Но разногласія внутри соціалъ-демократической партіи еще рѣзче обнаруживаются на ея партійныхъ засѣданіяхъ. Объ этомъ говорилъ въ своихъ печатныхъ сообщеніяхъ депутатъ Генишъ, который на столбцахъ „Vorwärts"'а защищалъ невозможность какого бы то ни было дальнѣйшаго соглашенія между большинствомъ рабочей партіи Германіи и ея революціоннымъ безпочвеннымъ крыломъ, т. е.,—какъ пояснилъ онъ въ слѣдующей статьѣ, стараясь ослабить рѣзкость своихъ заявленій, — „группой Либкнехта, которая вербуется лишь изъ литераторовъ и теоретиковъ, порвавшихъ всякую связь съ реальнымъ рабочимъ движеніемъ".

Изъ предыдущаго читатель однако не долженъ торопиться съ заключеніемъ, будто въ Германіи центробѣжныя тенденціи уже взяли верхъ надъ центростремительными. Не смотря на возникновеніе распрей внутри соціалъ-демократіи съ одной стороны и на проявленіе противорѣчивыхъ интересовъ въ отношеніяхъ между правительствомъ и имущими классами и соціалъ-демократами съ другой, въ Германіи все же есть связующее звено между различными общественными силами. И этимъ звеномъ является организующая дѣятельность всей націи въ соціальной и экономической области, нынѣ проведенная въ имперіи гораздо дальше и полнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ другихъ воюющихъ державъ.

Слабѣе всего эта организаціонная связь проявилась тамъ, гдѣ были замѣшаны интересы крупнаго землевладѣнія и вообще сель-

скихъ хозяевъ. Мы уже видѣли, какихъ усилій стоило демократической Германіи и рабочимъ массамъ настоять на томъ, чтобы имперское правительство назначило максимальную цѣну на хлѣбъ и тому подобные продукты, а затѣмъ ввело и хлѣбную монополію. Любопытно, что до послѣдняго времени правительство, не смотря на очень серьезное положеніе вещей, не рѣшалось ввести картофельную монополію. Этой мѣрѣ сопротивлялись опять-таки аграріи, которые добились того, что 15 февраля н. с. была повышена такса на покупаемый у сельскихъ хозяевъ картофель почти на половину, а 10 дней спустя максимумъ былъ совсѣмъ отмѣненъ въ мелочной торговлѣ. И это въ тотъ самый моментъ, когда дневная порція хлѣба все уменьшается, дойдя до 200 граммъ въ день на человѣка. Аграріи очень носятся съ изобрѣтеннымъ д-ромъ Фриденталемъ способомъ превращенія соломы въ муку, что вызвало довольно ожесточенный споръ между учеными Германіи, одни изъ которыхъ развертывали обольстительныя для человѣка перспективы питанія соломеннымъ хлѣбомъ, обладающимъ, помимо всего прочаго, драгоцѣннымъ свойствомъ вызывать у потребителя иллюзію сытости въ силу самой неудобоваримости своей, тогда какъ другіе гораздо болѣе резонно рекомендовали кормить этимъ хлѣбомъ свиней, а картофель предоставить людямъ.

Опять-таки противъ этого возражали аграріи, прямо говоря, что они вовсе не согласны убивать свиней ради того только, чтобы оставить бóльшій запасъ картофеля для людей. Было высчитано, дѣйствительно, что въ то время, какъ къ 1 марта оставалось въ Германіи всего 16 милліоновъ тоннъ картофелю, до 1 октября 1915 г. нужно было бы располагать 25 милліонами тоннъ этого продукта, а именно 8 милліонами тоннъ для людей и 17 милліонами — для скота. Но аграріи продолжали сопротивляться агитаціи широкихъ слоевъ населенія, требующихъ перебить свиней и увеличить тѣмъ самымъ запасы соленаго мяса, оставивъ картофель для пропитанія самого населенія. „Что же, наконецъ? Свиньи существуютъ для нѣмцевъ или нѣмцы для свиней“? — такова тема, которую съ большимъ или меньшимъ раздраженіемъ разрабатывала демократическая печать, обвиняя правительство въ излишнемъ мирволеніи его любимому дѣтищу, прусскому восточно-эльбскому юнкерству, пока, наконецъ, вотумъ рейхстага не отдалъ преимущество людямъ.

Гораздо лучше организаціонная связь между различными слоями населенія обнаруживается въ области германской промышленности. И здѣсь, дѣйствительно, противникамъ нѣмцевъ есть чему у нихъ поучиться. Наиболѣе интересное явленіе представляетъ нынѣ собою въ экономической области то, что нѣмцы назвали терминомъ „Arbeitsgemeinschaft“ или „трудовое единеніе“. Единенія эти—родъ постоянныхъ промышленныхъ соглашеній между союзами хозяевъ съ одной стороны и рабочими союзами съ дру-

гой. Въ видѣ частнаго явленія такія организаціи существовали еще до войны и сводились къ такъ называемымъ тарифнымъ соглашеніямъ, которыя устанавливались коллективнымъ договоромъ предпринимательскихъ и рабочихъ союзовъ. Но онѣ быстро распространились подъ вліяніемъ исключительныхъ условій и требованій военнаго времени и нынѣ наложили отпечатокъ на всю индустріальную жизнь Германіи. Суть ихъ заключается въ томъ, что въ извѣстной отрасли промышленности образуются изъ равнаго числа хозяевъ и рабочихъ комитеты, которые заботятся о пріобрѣтеніи заказовъ, о распредѣленіи ихъ между различными предпріятіями, входящими въ организацію, о сохраненіи за рабочими по возможности условій мирнаго времени, о сокращеніи общей длины рабочаго дня съ тѣмъ, чтобы помочь большему числу безработныхъ находить занятіе въ индустріи. Въ центрѣ такого объединенія стоитъ главный комитетъ, включающій въ себя представителей капиталистовъ и пролетаріевъ во всей вѣтви даннаго производства. Рядомъ съ этимъ функціонируютъ провинціальные и мѣстные комитеты, работа которыхъ координируется главнымъ комитетомъ, но которые спеціально завѣдуютъ нуждами ремесла въ болѣе мелкихъ подраздѣленіяхъ страны.

Настоящая ихъ дѣятельность является, несомнѣнно, столь значительнымъ отклоненіемъ отъ капиталистической рутины, что на нее въ мирное время имущіе классы, за отдѣльными исключеніями, никогда не шли. Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ теоретики и практики крупной капиталистической промышленности утверждали, что именно въ интересахъ самого производства управленіе на фабрикѣ должно принадлежать хозяину, и только ему. Въ крайнемъ случаѣ, предприниматель можетъ быть конституціоннымъ монархомъ при цензовомъ представительствѣ, когда совѣтъ предпріятія слагается изъ нѣсколькихъ крупныхъ спеціалистовъ, группирующихся вокругъ хозяина. Но еще лучше, когда хозяинъ является самодержцемъ. Между тѣмъ трудовыя единенія, о которыхъ мы говоримъ въ данный моментъ читателямъ, построены на демократическомъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, республиканскомъ принципѣ, такъ какъ рабочіе въ лицѣ своихъ представителей пріобрѣтаютъ наравнѣ съ предпринимателями право не только совѣщательнаго, но и рѣшающаго голоса. Нѣкоторыя подробности о функціонированіи одного изъ главнѣйшихъ трудовыхъ объединеній, а именно строительнаго союза, сообщаемыя г. Лурье [1]), даютъ читателю достаточное понятіе о ближайшихъ причинахъ возникновенія и главныхъ особенностяхъ данной группировки.

Въ составъ ея входятъ 12 союзовъ хозяевъ съ 60.000 участниковъ и 18 рабочихъ союзовъ съ 1 милліономъ членовъ. Любо-

---

[1]) „Дѣловыя объединенія рабочихъ съ хозяевами", „Русскія Вѣдомости", 6 марта 1915

пытно, что предложеніе объединиться съ хозяевами шло отъ представителей рабочихъ союзовъ всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, которые первоначально объединились подъ вліяніемъ пропаганды соціалъ-демократическаго (официально „свободнаго“) союза строительныхъ рабочихъ, насчитывающаго чуть ли не $^1/_3$ всего числа пролетаріевъ, входящихъ нынѣ въ рабочій союзъ.

Такъ какъ въ первые мѣсяцы войны безработица достигла такихъ размѣровъ, что цѣлая четверть оставшихся немобилизованными рабочихъ не находила себѣ занятія, то совѣщаніе рабочихъ союзовъ голосовало резолюцію, исключающую стачки на все время войны въ случаѣ, если предприниматели пожелаютъ вступить въ соглашеніе съ рабочими о поддержаніи заработной платы на прежней высотѣ. Хозяева охотно откликнулись на это предложеніе и въ центрѣ „трудового объединенія“ сталъ комитетъ изъ 5 делегатовъ отъ хозяевъ и изъ 5 делегатовъ отъ рабочихъ. Этотъ комитетъ ходатайствуетъ предъ правительствомъ, парламентомъ, ландтагами и муниципалитетами о заказахъ, причемъ ставитъ заказчикамъ условія обращаться только къ такимъ хозяевамъ, которые въ точности исполняютъ тарифныя соглашенія. Подобнымъ же объединяющимъ дѣятельность мѣстныхъ союзовъ органомъ являются провинціальные комитеты, опять-таки изъ равнаго количества предпринимателей и рабочихъ.

Надо замѣтить, что, кромѣ дѣятельности этихъ союзовъ, обращенной, такъ сказать, на внѣшнюю политику, идетъ дѣятельность внутренняя, регулирующая отношенія между рабочими и хозяевами. Хозяева даютъ обязательство не оказывать никакого давленія на профессіональные союзы, очутившіеся въ тяжеломъ положеніи на время войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ они сокращаютъ рабочій день,—по большей части до 7 часовъ,—чтобы дать работу возможно большему числу трудящихся. Въ результатѣ число безработныхъ въ одномъ только строительномъ ремеслѣ съ 25% упало до 8%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ были даже подняты часовые тарифы (напримѣръ, въ Берлинѣ, на 2 пфеннига за 1 часъ, или на 5 марокъ въ мѣсяцъ). Параллельно съ этимъ, какъ у рабочихъ, такъ и у хозяевъ стачечные и бойкотные фонды пошли на дѣло взаимопомощи. Тѣ деньги, которыя раньше рабочіе союзы приберегали для помощи своимъ членамъ на случай забастовки, обращены были на непосредственныя надобности участниковъ. Также поступили и нѣкоторые союзы предпринимателей съ тѣми суммами, которыя они откладывали для борьбы со стачечниками и для пособія хозяевамъ, организовавшимъ локауты въ цѣляхъ обузданія своихъ пролетаріевъ.

Не предугадывая прочности трудовыхъ объединеній въ мирное время, которое послѣдуетъ за окончаніемъ грандіозной войны, можно во всякомъ случаѣ констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что подъ вліяніемъ этихъ объединеній, а до извѣстной

степени и независимо отъ нихъ, произошло сліяніе прежде враждовавшихъ рабочихъ организацій. Извѣстно, напримѣръ, какую плохую услугу оказала въ 1912 г. дѣлу горнорабочихъ стачечниковъ въ Рейнско-Вестфальскомъ районѣ несогласованность рабочихъ организацій разныхъ оттѣнковъ. Забастовка была подорвана вслѣдствіе того, что почти въ самомъ началѣ рабочаго движенія четыре профессіональныхъ союза шахтеровъ, принадлежащихъ къ различнымъ направленіямъ, стали тянуть въ противоположныя стороны. Нынѣ эти четыре союза,—соціалъ-демократическій, католическій, либеральный и польскій,—составили одну могучую организацію.

Не менѣе интересна современная коллективная дѣятельность кооперативныхъ учрежденій въ Германіи, которыя въ потребительныхъ, кредитныхъ и иныхъ организаціяхъ насчитываютъ болѣе 5½ милліоновъ членовъ (по большей части главъ семействъ, т. е., по крайней мѣрѣ, 20-25 милліоновъ населенія) и располагающихъ капиталомъ въ 6 милліардовъ марокъ[1]). Такая могучая организація не могла не оказать всей націи значительныхъ услугъ во время войны. И если коопераціи, занимавшіяся страхованіемъ жизни, инвалидности, капитала на совершеннолѣтіе и т. п., испытываютъ значительный застой; если кредитныя коопераціи лишь въ послѣднее время стали выходить изъ затруднительнаго положенія, когда выдачи превышали поступленія,—то потребительныя коопераціи, наоборотъ, блистательно выдержали испытаніе и даже возбудили своей дѣятельностью симпатіи какъ среди правительства, такъ и въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общества. Потребители рано почувствовали на себѣ разницу между эксплуататорской дѣятельностью хотя бы мелкихъ торговцевъ, пустившихся взвинчивать цѣны изъ-за эгоистическихъ разсчетовъ при первыхъ же нестроеніяхъ военнаго времени, и планомѣрной работой кооперативовъ, которые рѣшительно пошли противъ этой тактики, стараясь повсюду и на всѣ продукты сохранить прежнія цѣны. Въ результатѣ получился тотъ довольно неожиданный фактъ, что оборотъ потребительскихъ лавокъ не только не упалъ во время войны, но даже поднялся, хотя это расширеніе операцій было въ общемъ и не особенно значительно. Параллельно съ этимъ средній размѣръ покупокъ на каждаго члена нисколько не уменьшился.

И вотъ даже авторитарному германскому правительству пришлось измѣнить свою обычную тактику недовѣрія по отношенію къ кооперативамъ. На нихъ, какъ извѣстно, имперскія власти смотрѣли очень недовѣрчиво, съ одной стороны считая ихъ пропитанными соціалъ-демократическимъ духомъ, а съ другой видя въ

[1]) М. Лурье, „Изъ жизни коопераціи въ Германіи", „Русскія Вѣдомости", 17 марта 1915.

нихъ серьезныхъ конкуррентовъ „здоровому — въ соціальномъ смыслѣ—сословію мелкихъ лавочниковъ". Въ Германіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, это сословіе считалось столь же необходимымъ для устойчивости современнаго соціальнаго и политическаго строя, какъ и „здоровое крестьянство". Правительство даже прямо запрещало зависѣвшимъ отъ него лицамъ,—чиновникамъ, желѣзнодорожникамъ, почтовымъ и телеграфнымъ служащимъ, учителямъ и т. п.,—вступать членами въ кооперацiи. Нынѣ хищническая дѣятельность торговцевъ заставила министра торговли выразить официальную благодарность дѣятельности кооперативовъ, положившихъ извѣстныя препятствія безсовѣстной спекуляціи торговцевъ.

Такимъ образомъ мы видимъ въ данный моментъ Германію окруженною могущественными врагами и все-таки искусно сопротивляющеюся пока политическому и экономическому кризису при помощи того организаторскаго духа, который является положительною стороною нѣмцевъ и отчасти парализуетъ вліяніе ихъ отрицательныхъ сторонъ: ихъ національнаго самомнѣнія, ихъ неумѣнья осуществить внутри страны настоящую политическую свободу, подавляемую полу-феодальнымъ режимомъ.

IV.

Вопросы о дѣйствительномъ количествѣ живыхъ силъ, выдвинутыхъ воюющими державами, начинаютъ все болѣе и болѣе занимать общественное мнѣніе. И спеціалисты стараются различными подсчетами удовлетворить этому вполнѣ законному любопытству публики. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ эти выкладки не отличаются особою достовѣрностью. Существуетъ, напримѣръ, гипотеза, что, когда уляжется вулканическое сотрясеніе войны и разсѣется дымъ, заволакивающій отношенія культурныхъ державъ, то будущій изслѣдователь поразится сравнительно незначительнымъ числомъ солдатъ, выдвинутыхъ двумя борющимися лагерями, несмотря на популярную легенду о великихъ полчищахъ, созданныхъ всеобщей воинской повинностью. Скептики предполагаютъ, что всѣ эти милліоны гражданъ, брошенныхъ на поля брани, имѣются больше на бумагѣ, такъ какъ недостатокъ военнаго матеріала и аммуниціи, все возростающій по мѣрѣ того, какъ борьба затягивается, и физическая разноцѣнность состава огромныхъ армій кладутъ серьезныя препятствія дѣйствительному утилизированію того громаднаго числа солдатъ, которое теоретически существуетъ у сражающихся.

Возьмемъ хотя бы данныя о Германіи. Если, по свѣдѣніямъ французскаго генеральнаго штаба, въ настоящій моментъ число оперирующихъ на обоихъ фронтахъ нѣмецкихъ силъ не превышаетъ $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ, то датскій военный журналъ

„Militaert Tidsscrift", дающій очень опредѣленныя свѣдѣнія о размѣщеніи нѣмцевъ на различныхъ театрахъ войны, идетъ еще дальше въ скромной оцѣнкѣ германскихъ силъ. Онъ, дѣйствительно, принимаетъ ихъ численность въ 60 съ небольшимъ корпусовъ, т. е. около 3 милліоновъ человѣкъ. Куда же дѣвались огромныя полчища, которыми якобы располагала Германія и которыя предполагались двинутыми на оба фронта при самомъ началѣ войны? Въ такомъ случаѣ приходится только недоумѣвать, почему благопріятный для союзниковъ ходъ событій не развертывается быстрѣе.

Такъ, на западномъ театрѣ войны, по французскимъ источникамъ [1]), одна Франція имѣетъ, по крайней мѣрѣ, $2^1/_2$ милліона людей, къ которымъ присоединяется $1^1/_4$ милліона въ непосредственныхъ резервахъ. При этомъ официальный источникъ Французской республики указываетъ, что арміи ея достигли въ настоящее время своей наибольшей боеспособности, такъ какъ вслѣдствіе разнаго стеченія обстоятельствъ и, прежде всего, самаго вліянія войны, командующій составъ арміи значительно обмоложенъ. Средній возрастъ командующихъ арміями и корпусами понизился по сравненію съ недавнимъ временемъ лѣтъ на 10. Указывается, что въ данный моментъ болѣе $^3/_4$ высшаго офицерства моложе 60 лѣтъ отъ роду. Значительное число командировъ армейскихъ корпусовъ находится въ возрастѣ отъ 46 до 54 лѣтъ, а изъ бригадныхъ генераловъ нѣтъ почти никого старше 50. Въ общемъ на фронтѣ остается чрезвычайно мало высшихъ военныхъ чиновъ, имѣющихъ болѣе 60 лѣтъ. Да и тѣ, какъ увѣряетъ официальный документъ, вполнѣ обладаютъ своими умственными и физическими силами.

Въ видѣ вывода авторы упомянутой официальной работы считаютъ возможнымъ сдѣлать общее заключеніе о томъ, что Франція достигла теперь максимума своей боевой энергіи, тогда какъ Германія, повидимому, уже прошла кульминаціонный пунктъ боеспособности и поддерживаетъ свой напоръ на обоихъ фронтахъ лишь крайнимъ напряженіемъ силъ. Въ какой степени эти предположенія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, сказать, конечно, трудно, такъ какъ все въ этой гигантской войнѣ исполнено гадательности и окружено неизвѣстностью, странно контрастирующей съ тѣмъ обстоятельствомъ, что столкновенія происходятъ по большей части въ странахъ цивилизованной Европы, гдѣ существуетъ, казалось бы, столько способовъ ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ вещей...

Но перейдемъ отъ этихъ гипотезъ къ указанію на главнѣйшія событія второй половины восьмого мѣсяца и первой половины девятаго мѣсяца войны.

---

[1]) См. резюме ихъ въ „Таймсѣ" отъ 26 марта 1915.

На западномъ фронтѣ наиболѣе значительной операціей былъ бой у Нёвъ-Шапеля, на крайнемъ востокѣ французскаго департамента Па-де-Калэ, близъ бельгійской границы, гдѣ къ 14 (1) марта англичане продвинулись впередъ на $1^1/_2$ километра на фронтѣ въ 3 километра, что при теперешнихъ гомеопатическихъ порціяхъ, которыми оба лагеря отвоевываютъ другъ у друга позиціи, является уже значительнымъ передвиженіемъ.

Другимъ немаловажнымъ дѣломъ является занятіе французами позиціи къ сѣверу отъ Мениля, въ непосредственныхъ окрестностяхъ ставшей нынѣ популярною „возвышенности 196". Здѣсь 16 (3) марта французы захватили горный гребень протяженіемъ въ 800 метровъ къ западу отъ этой вершины и площадь въ 400 метровъ глубиной къ югу отъ нея. Въ результатѣ этой операціи французскія силы могутъ уже непосредственно обстрѣливать сѣверные склоны значительной холмистой гряды, идущей отъ Перта до Мэзонъ де-Шампань. Важность этой позиціи заставила нѣмцевъ предпринять рядъ ожесточенныхъ контръ-атакъ, но онѣ были отбиты съ значительными потерями для непріятеля. 18 (5) марта эти успѣхи французовъ были подкрѣплены ихъ дальнѣйшимъ продвиженіемъ впередъ въ восточномъ направленіи черезъ оврагъ, ведущій отъ упомянутой возвышенности 196 къ Босежуру. 27 (14) марта французамъ удалось достигнуть значительнаго успѣха въ Эльзасѣ, гдѣ послѣ энергичнаго наступленія втеченіе нѣсколькихъ дней войска республики отбили наконецъ у непріятеля вершину Гартмансвейлеркопфа (между Танномъ и Гебвейлеромъ), достигающую 956 метровъ абсолютной высоты надъ уровнемъ моря и извѣстную знаменитымъ споромъ геологовъ относительно вулканическаго или искусственнаго происхожденія части ея скалъ. Вершина эта, густо покрытая лѣсомъ, имѣетъ въ стратегическомъ отношеніи то значеніе, что даетъ удобное прикрытіе орудіямъ, могущимъ дѣйствовать отсюда на большомъ разстояніи.

Къ 1 апрѣля (19 марта) на многихъ пунктахъ западнаго фронта приняла ожесточенный характеръ минная борьба. Удачными оказались столкновенія для французовъ у Домпьеръ къ юго-западу отъ Пероннъ (деп. Соммы) и близъ фермы Колера, къ сѣверу отъ Берри-о-Бакъ (деп. Энъ). Къ 7 апрѣля (25 марта) въ военныхъ сообщеніяхъ снова начинаетъ встрѣчаться все чаще и чаще названіе Эпаржа, гдѣ французамъ удалось значительно продвинуться впередъ, не смотря на ожесточенныя контръ-атаки. Вообще въ этой части фронта, между Маасомъ и Мозелью, французы къ половинѣ апрѣля н. с. (началу апрѣля с. с.) отняли у нѣмцевъ пространство почти въ 25 кв. километровъ, оттѣснивъ къ сѣверу линію ихъ окоповъ, вдавившуюся клиномъ у Сэнъ-Міэля и угрожавшую важной крѣпости Вердэна. Наконецъ, по даннымъ 15 (2) апрѣля французы отвоевали очень важную позицію къ сѣ-

веру отъ Арраса, а именно весь юго-восточный выступъ возвышенности у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, что закрѣпляетъ за ними успѣхи послѣдняго мѣсяца.

Переходя къ восточному фронту, и прежде всего къ сѣверной его части, гдѣ мы боремся съ нѣмецкими силами, нужно отмѣтить серьезное дѣло 7 марта на правомъ берегу Нѣмана, въ результатѣ котораго нѣмцы были отброшены изъ Таурогена за русскую границу, между тѣмъ какъ другой нашъ отрядъ захватилъ послѣ ожесточеннаго уличнаго боя съ войсками и населеніемъ городъ Мемель. Наше наступленіе въ послѣднемъ направленіи было, впрочемъ, непродолжительно, такъ какъ 10 марта нашъ отрядъ отошелъ изъ Мемеля на нашу территорію. За то въ то же время артиллерія крѣпости Осовца успѣла значительно ослабить огонь германскихъ батарей. 10-17 марта борьба между нашими войсками и нѣмцами за позиціи на правомъ берегу Нарева, въ междурѣчьяхъ трехъ параллельныхъ притоковъ его, — Оржица, Омулева и Шквы,—приняла общій и временами ожесточенный характеръ. Нѣмцы часто вели ураганный огонь, доведенный до максимума напряженія на фронтѣ Завады — Вахъ — Тартанъ. Къ концу этихъ боевъ селеніе Вахъ, находящееся почти въ геометрической срединѣ между теченіемъ Омулева и Шквы, было отбито нами у непріятеля. Вскорѣ послѣ этого центръ наиболѣе дѣятельной борьбы перемѣстился на Нѣманскій фронтъ, достигнувъ 19 марта линіи, проходящей нѣсколько восточнѣе Пильвишекъ, Маріамполя, Кальваріи, Сувалокъ и Августова. 27 марта упорный штыковой бой между Кальваріей и Лидвиновымъ имѣлъ своимъ результатомъ захватъ нами двухъ линій окоповъ. Въ данный моментъ, послѣ напряженія послѣднихъ двухъ недѣль, въ этой части фронта какъ будто наступило затишье, зависящее въ немалой степени отъ весеннихъ разливовъ, сильно препятствующихъ операціямъ какъ здѣсь, такъ особенно въ Карпатахъ, на австрійскомъ фронтѣ.

Изъ событій на этомъ послѣднемъ фронтѣ прежде всего придется отмѣтить взятіе Перемышля, уже давно изнемогавшаго отъ голода и не могшаго, не смотря на энергичныя дѣйствія гарнизона, прорвать желѣзное кольцо нашихъ войскъ. 1 марта мы овладѣли подъ Перемышлемъ непріятельскими позиціями у Малковице. 3 марта, въ результатѣ артиллерійской стрѣльбы, наши войска захватили высоты сѣвернаго фронта крѣпости на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ фортовъ. 5 марта непріятель открылъ ожесточенный огонь по нашимъ позиціямъ, не щадя боевыхъ припасовъ, и на слѣдующій день предпринялъ рѣшительную вылазку къ востоку отъ города. Послѣ 9-часового ожесточеннаго боя, съ 5 часовъ утра до 2 часовъ дня 6 марта, непріятель не могъ прорвать линію нашихъ окоповъ и съ большими потерями былъ отброшенъ на линію фортовъ. 8 марта та же участь постигла

части гарнизона, пытавшіяся пробиться въ сѣверо-восточномъ направленіи. 9 числа утромъ крѣпость Перемышль сдалась: положилъ оружіе командующій генералъ Кусманекъ. Нами взяты въ плѣнъ 9 другихъ генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117.000 нижнихъ чиновъ. Не смотря на то, что австрійцамъ передъ сдачей крѣпости удалось взорвать нѣсколько значительныхъ фортовъ и испортить много орудій, въ наши руки перешло огромное количество пушекъ, артиллерійскаго матеріала и прочаго имущества.

Съ 12 марта пошло быстрымъ темпомъ развитіе нашего наступленія въ Карпатахъ, между Бартфельдомъ (Бардѣевымъ) и Ужкомъ. Между прочимъ, была взята у Лупковскаго перевала очень важная австрійская позиція на главномъ хребтѣ Бескидовъ. Диверсія, произведенная австрійцами 15 марта отъ Черновцевъ черезъ нашу границу на половину разстоянія къ Хотину, была ликвидирована нѣсколькими днями позже. Австрійскіе батальоны, занимавшіе укрѣпленную позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы, потерпѣли тяжелый уронъ. Съ 22 марта мы развили немалые успѣхи въ районѣ Ростокскаго перевала, въ окрестностяхъ котораго мы захватили значительный участокъ главнаго хребта и перешли передовыми частями на южные склоны. Съ 24 марта началось наше наступленіе долиной Ондавы и къ концу марта въ нашихъ рукахъ оказался главный хребетъ на протяженіи 110 верстъ отъ Регетова до Волосате, лишь за исключеніемъ окрестностей Воли-Миховой и Ужка. Такимъ образомъ нашимъ войскамъ предстоитъ, вѣроятно, въ непродолжительномъ будущемъ, движеніе впередъ по Венгерской равнинѣ.

Что касается до балканскаго театра войны, то столкновенія между австрійцами и сербами втеченіе послѣдняго мѣсяца носили лишь частный характеръ. Такъ, 3 марта с. с. происходилъ близъ Бѣлграда артиллерійскій поединокъ, въ которомъ сербамъ удалось взять верхъ надъ непріятелемъ. Таковы же были результаты артиллерійской перестрѣлки у Смедерева и въ направленіи Оршавы, гдѣ сербскія пушки разрушили большое количество судовъ въ гавани Ада-Кале. 4-5 марта австрійская артиллерія, а мѣстами и пѣхота, обстрѣливала черногорскія позиціи противъ Грахова, но не достигла никакого ощутительнаго результата. Наоборотъ, въ ночь на 18 марта сербамъ удалось взорвать артиллерійскимъ огнемъ уже наскочившій предварительно на мину австрійскій пароходъ, шедшій изъ Землина внизъ по Дунаю и окончательно затонувшій у Ритопека. 24-25 марта австрійцы пробовали бомбардировать Бѣлградъ тяжелыми орудіями съ высотъ Бежаніи, причинивъ лишь матеріальный ущербъ, безъ человѣческихъ жертвъ. 30 марта эта бомбардировка была возобновлена, но,

повидимому, имѣла цѣлью лишь опредѣленіе положенія сербскихъ батарей, которыя вовсе не отвѣчали на огонь непріятеля.

На Кавказскомъ фронтѣ весь мартъ мѣсяцъ прошелъ въ незначительныхъ, лишь порою ожесточавшихся стычкахъ съ турками въ Зачорохскомъ краѣ, Алашкертской долинѣ, въ Ардануч скомъ, Ольтинскомъ и Саракамышкомъ направленіяхъ, а также въ передвиженіи нашихъ войскъ къ морю, гдѣ мы, между прочимъ, завладѣли селеніемъ Архаве и заняли позицію у верховья Ареди. Согласно подробному сообщенію отъ штаба Кавказской арміи, появшемуся въ газетахъ 31 марта, „турки и четники на всѣхъ этихъ направленіяхъ были частью уничтожены, а частью отброшены изъ нашихъ предѣловъ въ предѣлы Турціи". Въ Персіи турки отступили въ Азербейджанѣ отъ Хоя къ Котуру, но южнѣе, въ персидскомъ Курдистанѣ, двигаются на Кирманшахъ. 12 апрѣля н. с. (30 марта) англичане нанесли сильное пораженіе 23-тысячному турецкому отряду въ Нижней Месопотаміи, у Шаибы, въ 75 километрахъ къ западу отъ Басры, взятой англичанам нещe въ декабрѣ прошлаго года.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ морского и воздушнаго флотовъ. Въ западныхъ моряхъ нѣмцамъ удавалось почти каждый день взрывать подводными лодками или при помощи минъ англійскіе и нейтральные пароходы. Особенно часты потери были между 26 марта—5 апрѣля н. с. (13-23 марта с. с.), когда отъ минъ и нападеній германскихъ подводныхъ лодокъ погибло 17 грузовыхъ и пассажирскихъ пароходовъ и тралеровъ. Наибольшую сенсацію вызвало потопленіе большого парохода „Фалаба", измѣщающаго почти 5.000 тоннъ и потерявшаго у Мильфорда половину своихъ пассажировъ: 123 изъ 260 человѣкъ. Союзникамъ удалось уничтожить 25 марта подводную лодку „U 29", которая въ районѣ острововъ Силли потопила 6 судовъ. Съ другой стороны, 3 германскихъ парохода затонули въ Балтійскомъ морѣ отъ невполнѣ выясненной причины, натолкнувшись на мину или потопленные подводными лодками. Въ Балтійскомъ морѣ германскія суда бомбардировали 15 марта с. с. Либаву, выпустивъ по городу до 200 снарядовъ, жертвой которыхъ пало 2 мирныхъ жителя. Отмѣтимъ кстати, что съ прибытіемъ (и, стало быть, разоруженіемъ) германскаго крейсера „Кронпринцъ Вильгельмъ" въ сѣверо-американскій портъ Ньюпортъ-Ньюсъ, на атлантическомъ берегу Виргиніи, каперскія операціи германскихъ судовъ въ открытомъ морѣ могутъ считаться покончеными. Всего ими было потоплено до сихъ поръ на 6³/₄ милліона фунтовъ стерлинговъ пароходовъ и грузовъ. Съ другой стороны, появленіе германскихъ военныхъ судовъ вблизи Аландскихъ острововъ 3 апрѣля с. с. вызвало прекращеніе пароходнаго сообщенія между Стокгольмомъ и Або.

Чрезвычайно важные результаты могутъ имѣть энергичныя дѣйствія союзниковъ въ Дарданеллахъ и у Босфора. Быстрое про-

движеніе англо-французской эскадры въ юго-западной, расширенной части Дарданеллъ, было однако временно пріостановлено вслѣдствіе значительныхъ потерь, понесенныхъ союзниками 18 (5) марта въ результатѣ смѣлаго нападенія на центральное суженіе проливовъ. Плавучими минами, несшимися по теченію изъ Дарданеллъ въ Эгейское море, были потоплены старые, но большіе англійскіе броненосцы „Иррезистибель“ и „Океанъ“, а также французскій броненосецъ „Буве“. Въ то же время артиллерійскій огонь турецкихъ фортовъ повредилъ французскій броненосецъ „Голуа“, англійскій броненосецъ „Инфлексибель“ и англійскій же крейсеръ „Аметистъ“. Эти потери были быстро восполнены прибытіемъ новыхъ судовъ союзной эскадры. Руководители сложной и трудной морской операціи рѣшили однако, повидимому, продвигаться медленнѣе, но за то вѣрнѣе, разгромляя одинъ за другимъ форты Дарданеллъ и прямымъ огнемъ, и перекиднымъ съ западной части Галлипольскаго полуострова, гдѣ въ углу Саросскаго залива, у Булаира, подготовляется, повидимому, значительный дессантъ (до 100.000 чел., по сообщенію изъ Александріи). По послѣднимъ свѣдѣніямъ, 12 апрѣля (30 марта) два британскія военныя судна проникли снова въ проливъ на 10 морскихъ миль. На другой оконечности нашъ Черноморскій флотъ довольно успѣшно бомбардировалъ 15 марта с. с. внѣшніе форты и батареи Босфора на обоихъ берегахъ пролива. При этомъ мы отбросили назадъ непріятельскіе миноносцы, пытавшіеся выйти въ море изъ Босфора, и разстрѣляли большой 4-мачтовый турецкій пароходъ, шедшій въ противоположномъ направленіи.

Въ самомъ Черномъ морѣ турки 5 марта обстрѣливали Двухъякорную бухту въ 12 верстахъ отъ Феодосіи, причемъ было повреждено нѣсколько построекъ, но жертвъ убитыми и ранеными не было. Мы же 16 и 17 марта предприняли снова обстрѣлъ Зунгулдака, Козлу, Килимли и Эрегли, разрушивъ исправленныя турками послѣ предыдущихъ бомбардировокъ зданія и сооруженія и потопивъ много угольщиковъ. Новый набѣгъ на тѣ же мѣста и съ подобнымъ же успѣхомъ былъ повторенъ нашимъ миннымъ отрядомъ 4 апрѣля. Еще наканунѣ Пасхи, 21 марта, на нашемъ минномъ загражденіи близь Одессы взорвался турецкій крейсеръ „Меджидіе“ и въ тотъ же день у Крымскаго побережья нашъ флотъ перестрѣливался съ дальняго разстоянія съ крейсерами „Гёбенъ“ и „Бреславль“ и преслѣдовалъ ихъ до пункта, находившагося лишь въ 100 миляхъ отъ Босфора, когда непріятель ускорилъ свой ходъ и уклонился отъ атаки.

Упомянемъ, наконецъ, главнѣйшіе факты борьбы въ воздухѣ. 20 (7) марта по пути изъ Компьена въ Парижъ и обратно германскіе цеппелины сбросили дюжину бомбъ на столицу и столько же на Компьенъ. Въ Парижѣ было ранено 8 человѣкъ и властями были приняты серьезныя мѣры для того, чтобы предотвратить воз-

можность новой атаки на Парижъ. Скоро союзные летчики взяли свой реваншъ. Въ непосредственно слѣдовавшіе за нападеніемъ дни французскими воздушными силами было сброшено 20 бомбъ на нѣмецкій аэродромъ и на станціи Лихтерфельде и Эессенъ, въ Бельгіи; на вокзалъ въ Сернэ и Альткирхѣ и казармы въ Мюльгеймѣ (Эльзасъ); на казармы и вокзалъ въ Фрейбургѣ (Баденъ); и, наконецъ, въ районѣ Энъ, на казармы въ Лаферъ и на зданія вокзаловъ въ Анизи, Шони, Тернье и Куси-ле-Шато. Съ другой стороны, 24 (11) марта англійскіе летчики произвели значительныя разрушенія между германскими подводными лодками, строившимися въ Гобокенѣ, близь Антверпена. Подожжены антверпенскіе морскіе доки; убито и ранено около 100 нѣмецкихъ рабочихъ; повреждены дирижабли въ Сантъ-Агатѣ и Гобокенѣ. 27 (14) марта французскіе летчики снова проникли въ Эльзасъ-Лотарингію и бомбардировали вокзалъ въ Мецѣ и казармы въ окрестностяхъ Страсбурга, а 16 (3) апрѣля повредили центральную электрическую станцію Лизьеръ-лэ-Мецъ, снабжавшую городъ Мецъ и его форты освѣщеніемъ. Въ отвѣтъ на нападеніе нѣмецкаго цеппелина на Нанси (12 апрѣля н. с.), французскіе аэропланы бомбардировали (14 апрѣля) зданіе штаба германскаго императора въ Мезьеръ-Шарлевилль и военныя постройки въ Остенде. 15 апрѣля н. с. нѣмецкіе цеппелины бросали бомбы на юго-восточномъ побережьѣ Англіи, въ Мэльдонѣ (Эссексъ) и Лоустофтѣ, причинивъ лишь не особенно значительный матеріальный ущербъ. Впрочемъ, подробности пока еще неизвѣстны.

На Балканскомъ полуостровѣ австрійскіе аэропланы сбросили десятокъ бомбъ 19 марта с. с. надъ городомъ Антивари, а 26 марта с. с. австрійскій аэропланъ сбросилъ 7 бомбъ на рынкѣ въ Подгорицѣ, убивъ 22 человѣка и ранивъ 62.

Н. С. Русановъ.

ВОПРОСЫ ТЫЛА.

Дороговизна и борьба съ нею.

Начиная въ январѣ статью о вздорожаніи жизни, я разсчитывалъ окончить ее въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, давъ систематическій очеркъ причинъ, которыми обусловлено это явленіе. Послѣднія представлялись въ ту пору достаточно уже выяснившимися, сравнительное значеніе ихъ болѣе или менѣе опредѣлившимся и весь процессъ уже вошедшимъ въ нѣкоторое русло. Казалось, что въ дальнѣйшемъ намъ придется считаться съ дѣйствіемъ уже извѣстныхъ факторовъ.

Въ дѣйствительности однако этотъ процессъ и послѣ того продолжалъ и продолжаетъ наростать съ неимовѣрною силою, раз-

вертываясь все шире и захватывая хозяйственную жизнь все глубже. Появились новые факторы, неожиданно усилились нѣкоторые прежніе,—и теперь уже ясно, что границы интересующаго насъ явленія нельзя считать даже приблизительно намѣтившимися. Во многихъ случаяхъ вопросъ не исчерпывается уже одной дороговизной, приходится считаться чуть не съ полнымъ разстройствомъ обмѣна и ожидать чуть не полной дезорганизаціи установившагося распредѣленія.

Продолжая свою статью въ февралѣ, я долженъ былъ значительно осложнить ея планъ, въ виду необходимости вводить въ изложеніе все новые и новые факты. Теперь, послѣ того, какъ я пропустилъ еще мѣсяцъ, этихъ фактовъ накопилось такъ много и они столь разнообразны, что при всѣхъ усиліяхъ я не въ состояніи былъ бы вмѣстить ихъ въ первоначально намѣченныя мною рамки. Поэтому, не претендуя на систематичность изложенія и не пытаясь охватить вопросъ во всемъ его объемѣ,—что было бы и преждевременно,—я остановлюсь въ дальнѣйшемъ лишь на нѣкоторыхъ его сторонахъ, посвятивъ имъ отдѣльные очерки.

Измѣнивъ форму, я вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько расширю тему и буду говорить не только о дороговизнѣ, но и о борьбѣ съ нею. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что нѣкоторыя мѣры по борьбѣ съ дороговизной только усилили ее и еще больше обострили положеніе.

I. Транспортныя затрудненія.

I.

Въ ряду причинъ, которыми обусловлено быстрое наростаніе дороговизны, за послѣдніе мѣсяцы неожиданно выдвинулись на первый планъ транспортныя затрудненія. Говорю: неожиданно...

Особенно велики, какъ извѣстно, эти затрудненія были въ самомъ началѣ войны, въ періодъ мобилизаціи,—и тогда они были вполнѣ понятны. Коммерческое движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, занятыхъ спѣшной перевозкой войскъ и военныхъ грузовъ, совершенно разстроилось, а на нѣкоторыхъ линіяхъ и вовсе было пріостановлено. Большее или меньшее замѣшательство мобилизація внесла и въ другіе виды транспорта,—особенно въ гужевой, вслѣдствіе реквизиціи значительнаго числа лошадей и повозокъ. Въ результатѣ, отдѣльныя мѣстности оказались въ ту пору какъ бы отрѣзанными одна отъ другой.

Но болѣе или менѣе полная изоляція продолжалась, въ сущности, недолго. Товарное движеніе довольно скоро возобновилось, и казалось, что въ дальнѣйшемъ оно будетъ идти безъ особыхъ затрудненій. Въ сентябрѣ и октябрѣ жалобъ на этотъ счетъ дѣйствительно слышалось немного. Конечно, то тамъ, то здѣсь порою чувствовался недостатокъ въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ, но

это сравнительно легко объяснялось тѣмъ, что внутренній товарообмѣнъ не вполнѣ еще приспособился къ созданнымъ войною условіямъ, а также тѣмъ, что торговцы не успѣли еще пополнить запасы, изсякшіе за время мобилизаціи. Были, далѣе, отдѣльные пути, которые, какъ не трудно было предвидѣть, останутся еще на болѣе или менѣе долгое время перегруженными, и отдѣльныя мѣстности, снабженіе которыхъ всѣмъ необходимымъ и впредь будетъ происходить не безъ стѣсненій. Представлялись, наконецъ, возможными и болѣе или менѣе общія заминки, — напримѣръ, въ случаяхъ усиленнаго подвоза резервовъ къ арміи. Словомъ, испытывались и предусматривались мѣстныя и временныя затрудненія, но въ общемъ, какъ всѣ были увѣрены, внутренній грузооборотъ будетъ идти достаточно гладко и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Однако жалобы на затрудненія, особенно въ желѣзнодорожномъ транспортѣ, неожиданно начали усиливаться и къ срединѣ зимы сдѣлались уже общими. Правда, довольно долго оставалось неяснымъ, насколько эти жалобы основательны. Со стороны официальныхъ лицъ и учрежденій все время раздавались увѣренія, что, если не считать совершенно случайныхъ задержекъ (напримѣръ, изъ-за снѣжныхъ заносовъ), транспортъ идетъ вполнѣ успѣшно и безпокоиться на этотъ счетъ нечего. Въ частности, относительно Петрограда особенно много такихъ успокоительныхъ извѣстій исходило отъ предсѣдателя мѣстнаго порайоннаго комитета по урегулированію желѣзнодорожныхъ перевозокъ, г. Лесневскаго. Въ газетахъ то и дѣло появлялись его письма и основанныя на бесѣдахъ съ нимъ сообщенія, изъ которыхъ „съ полною очевидностью" слѣдовало, что снабженіе столицы всѣмъ необходимымъ идетъ вполнѣ успѣшно—успѣшнѣе даже, чѣмъ въ прежніе годы,—и что жалобы на недостатокъ подвоза не больше, какъ фокусы со стороны торговцевъ [1]). Такъ какъ нарядъ вагоновъ зависитъ отъ порайоннаго комитета, то г. Лесневскому, казалось, и книги въ руки. Его сообщенія, опиравшіяся всякій разъ на цифровыя данныя, несом-

[1]) См. „Новое Время", 27 января, „День" 8 и 10 февраля, „Биржевыя Вѣдомости", 7, 16, 27 февраля и т. д. Самъ г. Лесневскій не всегда ставилъ точку надъ і, но вотъ какіе выводы дѣлали газеты изъ сообщавшихся имъ данныхъ. „Изъ этихъ цифръ—говорилось, напримѣръ, въ „Новомъ Времени" 27 января—съ ясностью видно, что во вздутіи цѣнъ на предметы первой необходимости виноваты во всякомъ случаѣ не желѣзныя дороги". „Изъ письма г. Лесневскаго—говорилось въ „Днѣ" 10 февраля—ясно, что рѣчи о какихъ-либо затрудненіяхъ въ доставкѣ дровъ желѣзными дорогами быть не можетъ". „Намъ прислано—писали „Биржевыя Вѣдомости" 7 февраля — письмо предсѣдателя петроградскаго порайоннаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, инженера И. Лесневскаго, изъ котораго съ полною очевидностью вытекаетъ неосновательность жалобъ торговцевъ", будто „желѣзнодорожная перевозка производится съ значительною замедленностью, сравнительно съ нормальнымъ временемъ, и приблизительно вдвое медленнѣе".

нѣнно, производили впечатлѣніе. Правда, приводимыя имъ цифры не всегда оказывались безспорными, такъ какъ иногда расходились съ данными, имѣвшимися въ другихъ учрежденіяхъ. Подъ конецъ и то стало казаться подозрительнымъ, что черезчуръ ужь усердствуетъ г. Лесневскій, какъ будто на немъ шапка горитъ. Но онъ и до сихъ поръ продолжаетъ сообщать печати самыя успокоительныя свѣдѣнія [1]).

Между тѣмъ послѣдствія транспортныхъ затрудненій начали отливаться въ очень острую и ощутимую для всѣхъ форму. Достаточно напомнить, что приходилось и приходится переживать во многихъ мѣстахъ изъ-за недостаточнаго подвоза топлива. Такъ, Петроградъ, экономя уголь, давно уже живетъ при неполномъ освѣщеніи. Въ Ревелѣ городской газовый заводъ изъ-за недостатка угля съ 26 марта вовсе прекратилъ дѣйствіе, предупредивъ жителей, чтобы они постарались найти себѣ другіе способы освѣщенія. Накануне Пасхи въ Петроградѣ по той же причинѣ чуть не остановился трамвай и этого удалось избѣжать лишь послѣ того, какъ министерство путей сообщенія отпустило городскому управленію 100.000 пуд. угля изъ собственныхъ запасовъ. Были случаи, что закрывались гимназіи—въ Кіевѣ, напримѣръ,—только потому, что топить нечѣмъ. Тюрьмы, конечно, не закрывались, но извѣстно, что, напримѣръ, петроградскія терпятъ большую нужду въ отопленіи. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи многія фабрики и заводы изъ-за невозможности получить уголь въ достаточномъ количествѣ давно уже работаютъ далеко не полнымъ ходомъ. Еще острѣе недостатокъ топлива даетъ о себѣ знать въ обывательскомъ быту. Мѣстами дѣло доходило до того, что приходилось буквально терпѣть холодъ, отказывать себѣ въ банѣ, стиркѣ, даже въ горячей пищѣ. Съ какимъ трудомъ должны были въ послѣднее время добывать себѣ топливо, въ частности, петроградцы, — мы еще увидимъ.

Не смотря на наличность очень острыхъ фактовъ, въ офиціальныхъ кругахъ какъ будто до сихъ поръ не придаютъ серьезнаго значенія транспортнымъ затрудненіямъ и продолжаютъ по прежнему успокаивать публику. Такъ, когда въ Петроградѣ появились слухи, что трамвай, быть можетъ, вынужденъ будетъ остановиться, то чиновники министерства путей сообщенія склонны были принять это просто за бутаду со стороны городского управленія.

---

[1]) „Могу свидѣтельствовать,—заявилъ, напримѣръ, г. Лесневскій сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ концѣ марта—что передъ Пасхой прибытіе было гораздо лучше по сравненію съ февралемъ. Муки гораздо больше подвозили, прибытіе мяса было очень хорошее, съ дровами болѣе, чѣмъ благополучно“ („Биржевыя Вѣдомости“, 26 марта). Въ дальнѣйшемъ читатели еще увидятъ, какое „благополучіе“ было въ Петроградѣ передъ Пасхой съ дровами.

— Удивляюсь,—говорилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей" начальникъ эксплоатаціоннаго отдѣла желѣзныхъ дорогъ, г. Щегловитовъ,—откуда идутъ эти тревожные слухи. Казалось бы, петроградскому городскому управленію жаловаться уже не приходится... Вѣдь не представители городского самоуправленія первые пришли къ министру, а самъ министръ С. В. Рухловъ при первыхъ тревожныхъ признакахъ вызвалъ ихъ къ себѣ и самымъ категорическимъ образомъ заявилъ: „Не безпокойтесь. Что бы ни случилось, Петроградъ не будетъ чувствовать нужды въ углѣ"...

Товарищъ министра путей сообщенія, г. Думитрашко, призналъ, что „въ послѣдніе дни произошла, дѣйствительно, нѣкоторая заминка въ доставкѣ угля въ Петроградъ". „Но винить здѣсь—говорилъ онъ—рѣшительно некого. Заминка произошла вслѣдствіе стихійныхъ причинъ... Образовались снѣжные заносы. Заминка эта, конечно, временная и пройдетъ въ дальнѣйшемъ совершенно безслѣдно". Во всякомъ случаѣ Петрограду безпокоиться нечего: „министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ разъ навсегда приказалъ снабжать Петроградъ углемъ внѣ очереди"...

Самъ министръ приказалъ,—и притомъ министръ, которому предоставлены чрезвычайныя полномочія по распредѣленію топлива. Этого въ глазахъ ближайшихъ его помощниковъ, очевидно, совершенно достаточно, чтобы впредь не было никакихъ затрудненій... Когда городскому головѣ передали эти разсужденія чиновниковъ, то онъ только руками развелъ: какъ можно говорить о временной заминкѣ.

— „Въ декабрѣ—сообщилъ голова—нами было затребовано 1.428 вагоновъ угля, получили 734 вагона; въ январѣ нами было затребовано 1.353 вагона, а получили 149; въ февралѣ нами было затребовано 1.395 вагоновъ, а получили меньше 200; наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ наши требованія были значительно урѣзаны здѣсь, на мѣстѣ, и намъ было разрѣшено 850 вагоновъ. Судя же по тѣмъ дубликатамъ, которые мы до сихъ поръ получили, количество вагоновъ будетъ еще ниже, чѣмъ въ прошлые мѣсяцы... Я, какъ городской голова, утверждаю, что положеніе создалось въ высшей степени критическое и намъ слѣдуетъ готовиться ко всѣмъ трагическимъ послѣдствіямъ такого положенія" [1]).

Эти разговоры происходили 13-го марта, а 18-го управляющій трамваемъ донесъ городской управѣ, что угля осталось только на три дня и что 21-го въ 6 час. вечера трамвай встанетъ. Остановку, какъ я уже сказалъ, удалось предотвратить лишь при помощи желѣзнодорожнаго угля.

Не менѣе характерный споръ, какъ извѣстно, произошелъ между министромъ торговли и промышленности, г. Шаховскимъ, и горнопромышленникомъ Дитмаромъ въ экономическомъ совѣщаніи

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 14 марта.

Государственнаго Совѣта по вопросу о томъ, кто виноватъ въ недостаткѣ топлива: углепромышленники или желѣзныя дороги. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка было совершенно ясно, что „оба виноваты". Углепромышленники, дѣйствительно, рѣзко сократили добычу угля. Такъ, въ Донецкомъ бассейнѣ было добыто минеральнаго топлива въ январѣ 135 мил. пуд., въ февралѣ 121 м. п. и въ мартѣ ожидалось 86 мил. пуд. Между тѣмъ потребность въ донецкомъ минеральномъ топливѣ составляетъ сейчасъ, какъ выяснилось на мартовскихъ совѣщаніяхъ въ Харьковѣ, около 170 мил. п. въ мѣсяцъ; только для желѣзныхъ дорогъ и заводовъ, изготовляющихъ военные заказы, ежемѣсячно требуется 100 мил. пуд. Ясно: добываемаго теперь топлива для всѣхъ хватить не можетъ,—и угроза съ этой стороны чрезвычайно велика. Но это пока только угроза, а ощущаемая всѣми бѣда идетъ отъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія не успѣваютъ вывозить даже то топливо, которое добывается на шахтахъ, и съ каждымъ мѣсяцемъ вывозятъ его все меньше. Въ январѣ было вывезено 117 мил. пуд., въ февралѣ 93 мил. пуд., за первую половину марта всего лишь 36 мил. пуд.,—это при общей ежемѣсячной потребности въ 170 мил. пуд. [1]). На 1 марта въ Донецкомъ районѣ оставалось невывезеннаго топлива 87 мил. пуд.

Для непредубѣжденныхъ людей—повторяю—эти данныя совершенно ясны, но предубѣжденные люди нашли о чемъ поспорить, стараясь цѣликомъ перевалить вину одинъ на другого. Чуть не вся печать всполошилась: не пререканія-де теперь нужны, а мѣры...

„Всѣ необходимыя мѣры—успокаиваютъ насъ—принимаются". И, дѣйствительно, принимаются,—вплоть до того, что уголь въ концѣ марта перевозился по Николаевской желѣзной дорогѣ даже въ пассажирскихъ поѣздахъ [2]). Но дѣло вѣдь не въ углѣ только. Не менѣе остро стоитъ вопросъ и съ другими продуктами. Приведу два-три примѣра.

По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ 3.200.000 пудовъ сѣменного овса, который нужно доставить нуждающемуся населенію, на 1 апрѣля оставались невывезенными 1.325.000 пуд.

---

[1]) По свѣдѣніямъ совѣта съѣздовъ представителей торговли и промышленности (см. „День", 18 марта), въ январѣ потребителями было затребовано 346,3 мил. пуд., а погружено желѣзными дорогами 117 мил. пуд., въ февралѣ затребовано 292, назначено къ погрузкѣ 142, а погружено 93 м. п., на мартъ къ срединѣ этого мѣсяца требованія опредѣлились въ 231 мил. п., а условно было назначено къ погрузкѣ 122 м. п., но и этого, несомнѣнно, желѣзныя дороги не въ состояніи были вывезти. Какъ видно изъ этихъ цифръ, дѣйствительныя требованія потребителей были значительно выше исчисленной нормы въ 170 м. п., но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что многія требованія остаются неудовлетворенными и переходятъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ.

[2]) См. „Новое Время", 29 марта.

Везти его нужно издалека, изъ Сибири, а посѣвъ въ значительной части Россіи уже начался и едва-ли овесъ поспѣетъ. Привезенный изъ Америки хлопокъ до сихъ поръ въ громадной своей части остается во Владивостокѣ, доставить его въ московскій районъ, видимо, удастся не скоро, и неизвѣстно еще, что будетъ въ іюнѣ, когда запасы среднеазіатскаго хлопка, какъ ожидаютъ, будутъ исчерпаны. Петроградъ не разъ уже находился передъ опасностью, что вотъ-вотъ не хватитъ хлѣба, и эту опасность до сихъ поръ нельзя считать устраненной. Столица все время, можно сказать, живетъ со дня на день, совершенно почти не имѣя многихъ необходимыхъ продуктовъ въ запасѣ. Да и одинъ ли Петроградъ находится въ такомъ положеніи?

II.

Какъ это ни странно, но основная причина переживаемыхъ затрудненій во внутреннемъ грузооборотѣ до сихъ поръ остается не совсѣмъ ясной.

Возможно, конечно, что у насъ просто не хватаетъ дорогъ, а тѣ, которыя имѣются, совершенно не въ состояніи пропустить грузы въ тѣхъ количествахъ и въ тѣхъ направленіяхъ, въ какихъ это теперь требуется. Въ такомъ случаѣ ничего, конечно, не остается, какъ спѣшно строить новыя дороги. Кое-гдѣ дѣло, несомнѣнно, такъ именно и обстоитъ. Послѣ того, напримѣръ, какъ проливы были закрыты и у насъ для сношеній съ заграницей остался въ Европѣ одинъ только морской путь, черезъ Бѣлое море, вполнѣ естественно, что единственная ведущая къ нему узкоколейная желѣзная дорога не въ силахъ была успѣшно справляться со всей выпавшей на ея долю работой. И, дѣйствительно, уже осенью Архангельскую дорогу начали перешивать на широкую колею а, кромѣ того, рѣшено съ весны спѣшно строить новую, Мурманскую дорогу. Но вообще-то дорогъ, повидимому, хватаетъ и жалобъ на недостаточную пропускную способность ихъ, поскольку дѣло касается внутренняго грузооборота, слышится немного. При томъ же увеличить пропускную способность существующихъ дорогъ не такъ ужъ трудно: въ большинствѣ случаевъ для этого нѣтъ даже надобности расширять полотно и прокладывать новую колею, — достаточно устроить болѣе частые телеграфные посты и разъѣзды. А за восемь мѣсяцевъ ихъ можно было, конечно, построить не мало. Въ крайнемъ случаѣ можно обойтись и безъ нихъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Троицко-Сергіевская лавра справляла свой 500-лѣтній юбилей, то поѣзда съ богомольцами отъ Москвы и къ Москвѣ отправлялись одинъ за другимъ черезъ каждые 5—10 минутъ, причемъ для предупрежденія столкновеній пользовались просто махальными. Къ махальнымъ можно было бы, конечно, прибѣгнуть и теперь, чтобы довести до максимума пропускную способность наиболѣе перегруженныхъ участковъ желѣз-

нодорожной сѣти. Но о такихъ героическихъ, хотя бы и примитивныхъ, мѣрахъ, теперь не слышно,—и надобности въ нихъ, очевидно, нѣтъ.

Несравненно многочисленнѣе жалобы на недостатокъ вагоновъ, — на этотъ счетъ слышатся прямо вопли, и въ этомъ какъ будто главная суть переживаемыхъ теперь затрудненій. Значитъ ли это однако, что въ вагонахъ у насъ имѣется абсолютный недостатокъ, что при томъ количествѣ ихъ, какое имѣется, совершенно нельзя поднять и доставить въ надлежащія мѣста всѣ нужные грузы? Нѣтъ,—и въ этомъ насъ можетъ убѣдить хотя бы слѣдующій примѣрный разсчетъ.

Вагоновъ у насъ имѣется около 500.000 съ общею грузоподъемностью приблизительно въ 400 милл. пудовъ [1]). Сколько можно перевезти грузовъ втеченіе года при такомъ вагонномъ паркѣ? Это зависитъ, конечно, отъ разстояній, на какія приходится доставлять грузы, и отъ скорости, съ какой они перевозятся. Какъ показываетъ статистика, средній пробѣгъ желѣзнодорожныхъ грузовъ составляетъ у насъ около 500 верстъ. А по дѣйствующимъ— къ слову сказать, очень устарѣлымъ и далеко отставшимъ отъ успѣховъ техники — правиламъ, грузы должны доставляться желѣзными дорогами со скоростью не менѣе 125 верстъ въ сутки, причемъ полагаются еще сутки на нагрузку и другія операціи при отправленіи и сутки — на выгрузку и другія операціи по прибытіи. Такимъ образомъ при среднемъ пробѣгѣ въ 500 верстъ грузъ малой скорости долженъ быть выданъ получателю не позже, какъ черезъ 6 сутокъ (500 : 125 + 2). Если мы представимъ себѣ, что товарный вагонъ все время находится въ работѣ, то втеченіе года, при указанныхъ нормахъ, онъ можетъ доставить грузы 60 разъ (365 : 6), причемъ у него останется еще свободныхъ пять сутокъ для ремонта. Стало быть, весь нашъ вагонный паркъ, еслибы онъ работалъ все время, хотя бы съ указанною минимальною скоростью, могъ бы доставить втеченіе года 24 милліарда пудовъ (400 мил. × 60). По случаю военнаго времени скорость, вѣроятно, можно было бы увеличить. Но уменьшимъ даже приведенную цифру вдвое, т. е. допустимъ, что вагоны будутъ идти съ грузами лишь въ одну сторону, а обратно пустыми, что на отправку и прибытіе будетъ тратиться вдвое больше времени, чѣмъ допускается по правиламъ, и что на ремонтъ требуется не пять, а десять сутокъ втеченіе года. Даже при такой работѣ нашъ вагонный паркъ можетъ перевезти за годъ 12 милліардовъ пудовъ. Между тѣмъ общее количество желѣзнодорожныхъ грузовъ въ послѣдніе годы не достигало у насъ и 8 милліардовъ. Возможно, что по случаю войны оно увеличилось, но, конечно, не на 4 милліарда, не въ

[1]) Вагоны стараго типа поднимаютъ по 600 пуд., новые — по 1.000 пуд Старыхъ остается, кажется, уже немного, но изъ осторожности я принимаю среднюю грузоподъемность вагона въ 800 пуд.

$1^1/_2$ раза и во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы превзойти возможную продуктивность нашего вагоннаго парка [1]).

Куда же дѣвались вагоны? Почему не хватаетъ ихъ? Предполагаютъ, что ихъ угнали на театръ военныхъ дѣйствій и они тамъ застряли. Значительное число вагоновъ, несомнѣнно, задерживается тамъ все время, какъ для текущихъ надобностей войскъ, такъ и на случай, если ихъ понадобится быстро перебросить съ одного фронта на другой. Возможно, что вагоновъ на театрѣ военныхъ дѣйствій остается даже больше, чѣмъ это требуется, но не столько же, чтобы это одно могло создать вагонный голодъ. Горнопромышленники на своемъ декабрьскомъ съѣздѣ опредѣлили общій недостатокъ вагоновъ въ 100.000 или въ 20% общаго ихъ числа. 100.000 вагоновъ могутъ сразу поднять 4.000.000 человѣкъ,—едва-ли столько для арміи требуется и едва-ли столько находится ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но допустимъ даже, что находится 100.000.

[1]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что хотя война взвалила на желѣзныя дороги громадную работу по перевозкѣ войскъ и снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ, но за то лишила другой, тоже огромной работы по экспорту и импорту. Предполагаютъ, далѣе, что количество желѣзнодорожныхъ грузовъ могло значительно увеличиться вслѣдствіе прекращенія большого или дальняго каботажа (изъ одного моря въ другое) и сильнаго сокращенія, если не полнаго прекращенія, малаго каботажа между портами сначала Балтійскаго моря, а потомъ—и Чернаго. Но морской транспортъ въ нашемъ внутреннемъ грузообороте всегда игралъ очень небольшую роль. Такъ, по даннымъ за 1912 г., по желѣзнымъ дорогамъ было перевено 7.111 мил. пуд., большимъ каботажемъ 35 мил. пуд. и малымъ каботажемъ въ Балтійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ 276 мил. пуд. Такимъ образомъ общее количество желѣзнодорожныхъ грузовъ вслѣдствіе только что указанной причины, если и увеличилось, то — maximum — на 4,4%. Наконецъ, количество желѣзнодорожныхъ грузовъ могло еще увеличиться вслѣдствіе того, что нѣкоторыя мѣстности вынуждены теперь получать тѣ или иные продукты изъ другихъ мѣстъ, чѣмъ онѣ получали раньше. Наибольшее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ уголь. До войны Петроградъ, Ревель, Рига и т. д. получали его моремъ изъ-за границы, а теперь вынуждены пріобрѣтать въ Донецкомъ бассейнѣ. Объ этомъ въ послѣднее время такъ много пишутъ, что сама собой является мысль: не изъ-за угля ли происходятъ, главнымъ образомъ, затрудненія? Оказывается однако, что горнозаводскихъ грузовъ отправляется теперь изъ Донецкаго бассейна значительно меньше, чѣмъ въ обычное время. Такъ, за $2^1/_2$ мѣсяца текущаго года минеральнаго топлива оттуда вывезено, какъ мы видѣли, меньше 250 милл. пуд., а въ прошломъ году въ то же время было вывезено больше 300 милл. пуд. Значительно меньше теперь вывозится и другихъ горнозаводскихъ продуктовъ. Каковъ общій итогъ теперешняго грузового движенія по желѣзнымъ дорогамъ, мы не знаемъ, но публикуемыя ежемѣсячно, хотя и съ большимъ запозданіемъ, свѣдѣнія по нѣкоторымъ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ даютъ право думать, что общее количество желѣзнодорожныхъ грузовъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось. И въ этомъ не было бы ничего удивительнаго: помимо рѣзкаго сокращенія внѣшней торговли и промышленность вѣдь за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея отраслей, находится въ упадкѣ и, стало быть, количество потребляемыхъ и производимыхъ ею продуктовъ меньше обычнаго.

Однако продуктивность нашего вагоннаго парка, какъ мы только что видѣли, можно было бы увеличить не на 20%, а гораздо больше.

Что дѣло не въ абсолютномъ недостаткѣ вагоновъ, видно также изъ слѣдующаго. Уже давно, чуть ли не съ осени, американцы предлагаютъ доставить 10.000 вагоновъ по 2.400 пуд. грузоподъемности каждый. Давно, тоже съ осени, домогаются заказовъ и наши вагоностроительные заводы. Вѣдь и горнопромышленники, исчислившіе на своемъ съѣздѣ общій недостатокъ вагоновъ въ 100.000, не совсѣмъ безкорыстно дѣйствовали, а въ разсчетѣ на то, что большіе заказы вагоностроительнымъ заводамъ повлекутъ за собой большой спросъ на горнозаводскіе продукты. Однако совѣтъ министровъ только въ мартѣ мѣсяцѣ рѣшилъ, наконецъ, принять предложеніе американцевъ и заказать вагоны русскимъ заводамъ. Нужно думать, не по небрежности онъ такъ долго медлилъ. Очевидно, у правительства все время оставалась надежда, что удастся обойтись тѣмъ количествомъ вагоновъ, какое имѣется.

Систематическихъ данныхъ о работѣ желѣзныхъ дорогъ мы не имѣемъ, но тѣ свѣдѣнія, какія проникаютъ по этому вопросу въ печать, заставляютъ думать, что основную причину переживаемыхъ теперь транспортныхъ затрудненій нужно искать не столько въ недостаткѣ техническихъ средствъ, сколько въ недостаточно планомѣрной и цѣлесообразной утилизаціи ихъ.

Начать хотя бы съ того же вагоннаго парка. Продуктивность его, судя по всѣмъ даннымъ, за время войны не увеличилась, но, скорѣе, уменьшилась. Прежде всего простой вагоновъ на станціяхъ оказывается настолько большимъ, что съ нимъ нельзя было бы мириться и въ мирное время. То и дѣло приходится читать о загроможденіи станціонныхъ путей то тамъ, то здѣсь вагонами,—нерѣдко тысячами вагоновъ. Изъ-за этого не разъ приходилось прекращать дальнѣйшій пріемъ вагоновъ на станціи и даже нагрузку ихъ на мѣстахъ. Помимо множества частныхъ извѣстій, на этотъ счетъ неоднократно дѣлались офиціозныя и офиціальныя сообщенія.

Такъ, въ срединѣ января въ „Новомъ Времени“ была напечатана замѣтка, присланная, по словамъ газеты, изъ офиціальныхъ источниковъ, въ которой говорилось: „Случаи накопленія большого числа невыгруженныхъ вагоновъ или заполненія складочныхъ помѣщеній невывезенными товарами стали за послѣднее время весьма часты. Это обстоятельство обусловливаетъ задержку вагоновъ, не могущихъ быть принятыми на станцію... Съ другой стороны, такая задержка безполезно сокращаетъ число вагоновъ, которыми дороги могутъ пользоваться для перевозки въ такое время, когда необходимо самое бережное расходованіе ихъ и возможно быстрое обращеніе; наконецъ, нельзя не отмѣтить тотъ ущербъ, который наносится правильной работѣ желѣзныхъ дорогъ изъ-за загромо-

жденія станцій безполезно простаивающими гружеными вагонами, затрудняющими операціи по пріему и отправленію вагоновъ, что отражается на увеличеніи времени, необходимаго на производство этихъ операцій, т. е. опять-таки на уменьшеніи числа полезно работающихъ вагоновъ". Замѣтка кончалась обращеніемъ къ получателямъ, чтобы они позаботились скорѣе выгружать и вывозить грузы. Черезъ двѣ недѣли петроградскій губернаторъ обратился уже съ офиціальнымъ воззваніемъ, „предлагая населенію Петроградской губерніи во имя государственной пользы освобождать прибывающіе вагоны въ кратчайшій срокъ, не допуская простоя вагоновъ" [1]). Однако воззванія плохо дѣйствовали. Въ началѣ марта министерство путей сообщенія издало общее распоряженіе о выгрузкѣ изъ вагоновъ втеченіе не болѣе 9 часовъ по ихъ прибытіи, предупреждая, что по истеченіи этого срока всѣ грузы будутъ выгружаться административнымъ порядкомъ [2]).

Но и послѣ этого случаи загроможденія станціонныхъ путей невыгруженными вагонами не прекратились—они продолжаются до сихъ поръ. „На петроградской товарной станціи Николаевской желѣзной дороги — читали мы уже въ самомъ концѣ марта—скопилось свыше 1.000 вагоновъ съ хлѣбнымъ грузомъ, преимущественно мукой. Въ виду того, что получатели уклоняются отъ разгрузки вагоновъ, управленіе дороги рѣшило противъ товарополучателей принять репрессивныя мѣры, сокративъ до минимума срокъ безплатнаго храненія и повысивъ плату за храненіе до четверного размѣра. Если и эта мѣра окажется малодѣйствительной, прибывшіе грузы предположено реквизировать для военныхъ надобностей". Сообщая объ этомъ, „Новое Время" не преминуло, конечно, и съ своей стороны выступить съ требованіемъ „военныхъ мѣръ". „Война—писала газета—продолжается восемь мѣсяцевъ, а у насъ все еще мѣряютъ на мирные аршины. Если забыли о томъ, что тамъ, на театрѣ войны, все напряжено и все на счету, то не мѣшало бы вспомнить хотя бы о простомъ фактѣ, что Петроградъ находится въ районѣ военныхъ дѣйствій и полумѣрами въ немъ нельзя ограничиваться, а нужно дѣйствовать рѣшительно, чтобы подобныхъ фактовъ не повторялось" [3]). Однако и угрозы плохо дѣйствовали. Спустя 4 дня управленіе Николаевской ж. д. еще продолжало печатать объявленія въ газетахъ, доводя до свѣдѣнія грузополучателей, что „мука всякая, для выгрузки которой не окажется свободныхъ соотвѣтствующихъ складочныхъ помѣщеній, будетъ передаваться для выгрузки и храненія въ частные склады за счетъ и рискъ грузохозяевъ" [4]). Вагоны съ мукой, очевидно, все еще стояли неразгруженными... Къ 6 апрѣля дорога

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 2 февраля.
[2]) „Рѣчь", 3 марта.
[3]) „Новое Время", 29 марта.
[4]) „Биржевыя Вѣдомости", 2 апрѣля.

разгрузила за счетъ получаетелей 150 вагоновъ, но все еще было 500 вагоновъ неразгруженныхъ... [1]).

„Уклоненіе“ получателей отъ выгрузки довольно долго объясняли всецѣло ихъ небрежностью, а также тѣмъ, что торговцы не желаютъ выпускать прибывшіе товары на рынокъ и пользуются вагонами, какъ складами. Но постепенно начали вскрываться и другія причины.

Такъ, оказалось, что назначенныя для выгрузки площадки слишкомъ малы, — какъ будто нельзя было отвести для этого новыя мѣста. Слишкомъ короткимъ, при нерегулярномъ прибытіи грузовъ, оказался и срокъ, на который открываются товарныя конторы при станціяхъ. Этотъ срокъ увеличили, но потомъ еще разъ пришлось увеличить...

Далѣе выяснилось, что въ городѣ не хватаетъ ломовыхъ извозчиковъ, а тѣ, которые имѣются, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ грузополучателей, требуютъ непосильныя для нихъ цѣны. Въ концѣ февраля градоначальникъ разрѣшилъ окрестнымъ крестьянамъ заниматься въ столицѣ втеченіе двухъ мѣсяцевъ извознымъ промысломъ безъ платежа городскихъ налоговъ. Но, помимо того, что эта мѣра была принята съ значительнымъ опозданіемъ, когда зима близилась уже къ концу, — ничего не было сдѣлано, чтобы привлечь крестьянъ и облегчить имъ временное пребываніе въ городѣ. Можно было бы широко оповѣстить окрестное населеніе, устроить въ городѣ заѣзжіе дворы и т. д., а вмѣсто этого отъ пріѣзжающихъ крестьянъ требуютъ свидѣтельство о личности въ двухъ экземплярахъ, да выборку номерныхъ знаковъ, сопряженная же со всѣмъ этимъ волокита стоитъ больше всякаго налога. При такихъ условіяхъ явившихся для промысла крестьянъ оказалось, конечно, немного, и напрасно ихъ поджидали. „Ломовой“ вопросъ и до сихъ поръ остается неурегулированнымъ...

Надо сказать, вскрылись и такія причины медленной разгрузки вагоновъ, въ которыхъ грузополучатели были рѣшительно не при чемъ. Напримѣръ, на станціи Финляндской желѣзной дороги скопились какъ-то тысячи вагоновъ только потому, что чиновники не успѣвали производить таможенный досмотръ.

И если теперь получатели не спѣшатъ выгружать изъ вагоновъ муку, которой такъ мало имѣется въ Петроградѣ, то этому, нужно думать, имѣется та или иная причина. Возможно, что какой-нибудь совсѣмъ маленькій рычажекъ плохо дѣйствуетъ,—но вѣдь въ „маленькихъ недостаткахъ механизма“, въ которыхъ чаще всего и сказывается общій недостатокъ конструкціи, нерѣдко все дѣло. Возможно, напримѣръ, что получатели даже не знаютъ, что ихъ грузы прибыли. Какъ извѣстно, и въ обычное время слѣдить

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 7 апрѣля.

за этимъ было не легко: не разъ и не два иной разъ приходилось получателю посылать на товарную станцію, чтобы узнать о прибытіи груза. А теперь, когда движеніе потеряло всякую правильность, для этого пришлось бы туда ѣздить изо-дня-въ-день цѣлые мѣсяцы. Ну, а это надоѣсть можетъ, да и другія дѣла у грузополучателей имѣются. Между тѣмъ на нихъ хотятъ обрушиться съ „военными мѣрами". Можетъ быть, лучше былобы, если бы управленіе желѣзной дороги печатало въ газетахъ объявленія не съ угрозами, а съ номерами накладныхъ, по которымъ грузы прибыли.

Кромѣ безплоднаго простоя вагоновъ на станціяхъ, продуктивность вагоннаго парка оказывается непомѣрно низкой въ силу цѣлаго ряда и другихъ обстоятельствъ. Много жалобъ, напримѣръ, слышится на неравномѣрное и неправильное распредѣленіе вагоновъ по желѣзнодорожной сѣти. Частныя дороги жалуются, что у нихъ отобрали гораздо болѣе вагоновъ для военныхъ надобностей, чѣмъ у казенныхъ, и тѣ теперь этимъ преимуществомъ пользуются. Особенно сильно обездолили, повидимому, Владикавказскую дорогу,—быть можетъ, потому, что это дорога „богатая", т. е. всегда имѣла много грузовъ. По крайней мѣрѣ, на этой дорогѣ грузовое движеніе, судя по публикуемымъ ею отчетамъ, сократилось за время войны особенно сильно, да и жалобы съ ея стороны особенно настойчивы. Въ то же время приходится читать, что значительное количество вагоновъ безъ особой надобности остается до сихъ поръ на Амурской дорогѣ.

Нерѣдки, повидимому, также случаи, что вагоны въ значительныхъ количествахъ безплодно перегоняются изъ одного края Россіи въ другой. Особенно часты были такіе случаи въ началѣ войны, но, повидимому, они и до сихъ поръ бываютъ. Конечно, каждый разъ ихъ перегоняютъ съ опредѣленною цѣлью, для какой-нибудь надобности, но обстоятельства складываются такъ, что поставленная цѣль остается недостигнутой или не вполнѣ достигнутой и пробѣгъ многихъ вагоновъ оказывается напраснымъ. Вотъ и сейчасъ какъ будто это самое происходитъ. Начальство рѣшило вплотную взяться за уголь, вывезти „всѣ запасы", для чего и стали, вѣроятно, сгонять въ Донецкій районъ вагоны. И вотъ что получилось: 29 марта подано для нагрузки 4.083 вагона, но по отказу отправителей не догружено 1.435 вагоновъ; 30 марта подано 5.671, недогружено 1.581; 31 марта подано 5.744, недогруженъ 1.631 вагонъ [1])... Эти данныя опубликованы со спеціальною цѣлью, чтобы показать: не мы-де виноваты въ недостаткѣ топлива, а углепромышленники. Послѣдніе, вѣроятно, найдутъ, что отвѣтить... Кто бы ни былъ въ концѣ концовъ виноватъ, фактъ тотъ, что многіе вагоны остаются безъ дѣла.

---

[1]) „Рѣчь", 3 апрѣля.

Далѣе, самое движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, судя по всѣмъ даннымъ, далеко отъ той правильности, при которой только оно и могло бы идти успѣшно. Достаточно сказать, что незадолго передъ Пасхой, какъ было сообщено въ свое время петроградскому городскому управленію, въ Москвѣ, т. е. въ важнѣйшемъ нашемъ желѣзнодорожномъ узлѣ, образовалась „пробка" въ нѣсколько тысячъ вагоновъ. Мѣсяцемъ раньше харьковскій порайонный комитетъ сообщилъ московскому обществу фабрикантовъ и заводчиковъ, что между Москвой и южнымъ угольнымъ райономъ образовался „заторъ" въ 2.000 вагоновъ. Газеты сообщали о пробкахъ на многихъ узловыхъ станціяхъ южнѣе Москвы. Самая возможность образованія пробокъ уже показываетъ, что въ движеніи нѣтъ надлежащаго порядка, что оно идетъ безъ достаточно предусмотрительнаго руководства. Характернѣе же всего то, что для уничтоженія пробокъ министерство путей сообщенія прибѣгало къ „преміямъ", считая, очевидно, это средство совершенно достаточнымъ. Если при помощи премій, т. е. наградъ желѣзнодорожнымъ служащимъ можно было уничтожать пробки, то, конечно, еще легче было бы предупреждать ихъ.

Пробки, это—показатель и вмѣстѣ съ тѣмъ факторъ общаго разстройства въ желѣзнодорожномъ движеніи. Какъ движутся теперь отдѣльные грузы, это трудно себѣ и представить. Насколько можно понять изъ оглашенныхъ въ печати ходатайствъ различныхъ городскихъ учрежденій и промышленныхъ организацій, а также изъ циркулярныхъ распоряженій правительственныхъ учрежденій, главная особенность теперешняго движенія заключается въ томъ, что грузы могутъ „застревать" на неопредѣленно долгое время въ пути, причемъ на отправителяхъ какъ будто лежитъ обязанность при каждой остановкѣ заявлять о желаніи продвинуть ихъ впередъ и даже находить удобные для этого случаи [1]).

Впрочемъ, выводить какія-либо нормы для теперешняго движенія на желѣзныхъ дорогахъ трудно,—никакихъ такихъ нормъ нѣтъ, конечно, въ дѣйствительности. Приведу поэтому лучше конкретный примѣръ, который можетъ дать хотя нѣкоторое представленіе, какъ идетъ это движеніе.

---

[1]) Въ началѣ января министерствомъ путей сообщенія былъ разосланъ по всѣмъ станціямъ циркуляръ, которымъ предписывалось, по словамъ „Дня", чтобы продукты, слѣдующіе въ города, гдѣ въ нихъ испытывается недостатокъ, „не застревали на промежуточныхъ станціяхъ, еслибы даже со стороны грузоотправителей и не поступало заявленій о желательности продвинуть ихъ впередъ". Всѣхъ же прочихъ грузоотправителей предписано было предупреждать, „что если они не воспользуются удобнымъ случаемъ, то ихъ грузы могутъ остаться на долгое время на промежуточныхъ станціяхъ". („День", 12 января). Къ слову сказать, этотъ циркуляръ былъ изданъ въ видахъ „обузданія спекуляціи".

Передъ тѣмъ, какъ петроградскій трамвай въ первый разъ остался безъ угля, городская управа имѣла уже въ своихъ рукахъ дубликаты накладныхъ на 88 вагоновъ съ углемъ, которые были отправлены ей изъ Донецкаго района. Тщетно однако она поджидала эти вагоны: нѣтъ и нѣтъ,—и никто не знаетъ, куда они дѣвались. Было извѣстно лишь, что нѣкоторые вагоны прошли Москву и затѣмъ застряли гдѣ-то на совершенно прямомъ уже пути,—на Николаевской дорогѣ. Управа была вынуждена въ концѣ концовъ командировать спеціальное лицо разыскивать эти вагоны. Это лицо уѣхало и вскорѣ отъ него начали получаться телеграммы: „нашелъ восемь вагоновъ", „нашелъ еще тринадцать"... Но нѣкоторые вагоны, хотя послѣдніе изъ нихъ были отправлены 8 марта, до 2 апрѣля не прибыли еще въ Петроградъ. Отъ послѣдняго до Донецкаго района около 1.600 верстъ и это разстояніе вагоны съ углемъ не могли пройти въ 25 сутокъ. Съ такою скоростью движутся грузы даже для Петрограда, которые, какъ мы знаемъ уже, самъ министръ приказалъ доставлять внѣ очереди.

Московскіе промышленники не нашли ничего лучшаго, какъ нанять спеціальныхъ агентовъ и послать ихъ по станціямъ съ тѣмъ, чтобы они подгоняли вагоны съ нужными имъ грузами и не позволяли имъ застревать на станціяхъ. Картина, стало быть, получается буквально такая же, какъ на небольшихъ сплавныхъ рѣчкахъ въ весеннюю пору. Лѣсопромышленники бросаютъ дрова прямо въ воду, не связывая ихъ въ плоты и предоставляя всецѣло теченію. А по берегамъ посылаютъ потомъ рабочихъ, которые идутъ съ длинными шестами и смотрятъ, не застряли ли гдѣ дрова, не прибило ли теченіемъ какое полѣно къ берегу. Вродѣ этого, повидимому, идетъ теперь и желѣзнодорожное движеніе: нагруженный вагонъ пускаютъ по желѣзнодорожной сѣти, а потомъ посылаютъ спеціальныхъ людей смотрѣть, чтобы его не прибило къ какой-либо станціи и чтобы онъ не застрялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока вся страна перейдетъ на мирное положеніе.

Неурядицы въ желѣзнодорожномъ движеніи, несомнѣнно, не ограничиваются технической стороной дѣла, но проникаютъ и въ административную. Вырабатываются общіе планы, въ какую мѣстность сколько слѣдуетъ подавать вагоновъ съ грузами, и эти планы не выполняются. Напримѣръ, для рижскаго района „было признано безусловно необходимымъ давать ежемѣсячно съ октября по декабрь по 2.000 вагоновъ, въ дѣйствительности же получено отъ 529 до 1.765, а въ январѣ 400 вмѣсто назначенныхъ 2.300 вагоновъ". Тѣ же рижскіе фабриканты и заводчики жалуются, что „гор. Ригѣ не подаются вагоны подъ нагрузку готовыхъ товаровъ для вывоза, между тѣмъ наблюдается уходъ вагоновъ порожнемъ съ этой станціи". И вотъ купцы подаютъ докладныя записки, ходатайствуя заразъ передъ двумя министрами (путей сообщенія и торговли и промышленности) о томъ, чтобы „усилить утилизацію имѣющагося

подвижного состава съ возможно большею полезностью, избѣгая непроизводительнаго пробѣга и простоя на станціяхъ" [1]). Какъ будто объ этомъ министровъ просить нужно, какъ будто сами они этого не понимаютъ!..

Далѣе, даются наряды на вагоны отдѣльнымъ грузополучателямъ, и эти наряды не выполняются. Это очень частое явленіе. Петроградскій порайонный комитетъ дастъ нарядъ, а харьковскій отмѣнитъ или урѣжетъ. Выше я привелъ со словъ петроградскаго головы, какъ выполнялись наряды на вагоны съ углемъ для Петрограда, и думаю, что приводить другіе примѣры едва-ли нужно.]

Хуже того. Вагоны, поданные для нагрузки однимъ, грузятся для другихъ, а то отправляются и вовсе пустыми. „Нерѣдко—читаемъ мы—та или другая фирма, которой предоставляются вагоны для перевозки топлива, не можетъ ихъ использовать. Вагоны дѣлаютъ напрасный пробѣгъ къ шахтамъ и обратно порожними. Происходитъ это оттого, что шахтовладѣльцы почему-то распредѣляютъ выдачу топлива такъ, что по росписи приходится получать уголь лицамъ, не имѣющимъ вагоновъ. Предпріятія же, которымъ предоставленъ подвижной составъ, остаются безъ топлива" [2]). Очевидно, порайонные комитеты, распредѣляя вагоны подъ уголь, руководились своими соображеніями, а углепромышленники вели какую-то свою политику. Потомъ выяснилось, что „горнопромышленники юга стараются использовать подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ на возможно короткихъ разстояніяхъ, чтобы сдѣлать больше оборотовъ вагоновъ" [3]). Дальше выяснилось и еще одно: на близкихъ разстояніяхъ къ шахтамъ находится много металлургическихъ заводовъ, въ которыхъ шахтовладѣльцы кровно заинтересованы... Въ концѣ концовъ осталось неяснымъ одно лишь: кто же хозяйничаетъ на желѣзныхъ дорогахъ и зачѣмъ даются какіе-то наряды на вагоны, если послѣдними распоряжаются горнопромышленники по своему усмотрѣнію?

Между тѣмъ транспортныя неурядицы заходятъ еще дальше... Государственная власть распоряжается сейчасъ всею сѣтью желѣзныхъ дорогъ, т. е. главнымъ, а въ зимнее время и единственнымъ видомъ транспорта на болѣе или менѣе дальнія разстоянія. Она имѣетъ такимъ образомъ полную возможность поставить транспортное дѣло вполнѣ планомѣрно и наиболѣе цѣлесообразно, а именно снабжать каждую мѣстность необходимыми ей продуктами изъ наиболѣе близкихъ районовъ, доведя такимъ образомъ до минимума непроизводительный пробѣгъ грузовъ и подвижного состава. Но объ этомъ никто даже не думаетъ, этою цѣлью никто не задается. И въ дѣйствительности происходитъ вотъ что.

---

1) „День", 15 марта.
2) „Новое Время", 7 марта.
3) „Новое Время". 13 марта.

Заготовщики провіанта для Закавказья нашли хлѣбъ во внутреннихъ губерніяхъ на нѣсколько копеекъ дешевле, чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ, купили его и отправили. А въ это время хлѣбъ для внутреннихъ губерній или для сѣвернаго района былъ купленъ на Кавказѣ. И вотъ вагоны съ хлѣбомъ, идущіе на югъ и идущіе на сѣверъ, встрѣчаются въ дорогѣ... И это—не единственный какой-нибудь случай, а, повидимому, настолько распространенное явленіе, что администрація пытается бороться съ нимъ обязательными постановленіями, т. е. штрафами и арестами. Въ одномъ изъ такихъ обязательныхъ постановленій главнаго начальника кіевскаго военнаго округа (отъ 5 марта) читаемъ: „Съ самаго начала войны въ районѣ округа производятся закупки предметовъ провіантскаго и вещевого довольствія цѣлымъ рядомъ учрежденій и лицъ, находящихся внѣ районовъ округа. Закупки эти, совершаемыя въ большинствѣ случаевъ по повышеннымъ цѣнамъ, помимо того, что неблагопріятно вліяютъ на устойчивость существующихъ цѣнъ района на эти предметы, могутъ имѣть послѣдствіемъ, что мѣстныя учрежденія не въ состояніи будутъ удовлетворить требованія армій о снабженіи ихъ необходимыми предметами. Въ цѣляхъ и т. д.... воспрещаю на все время военнаго положенія вывозъ указанныхъ предметовъ“ [1]). Само собой понятно, что за нарушеніе этого обязательнаго постановленія придется расплачиваться штрафами и арестами не тѣмъ, по чьему распоряженію производятся эти покупки, а работающимъ на нихъ мелкимъ подрядчикамъ и, быть можетъ, даже возчикамъ.

Насколько глубоко и прочно вкоренились у насъ вѣдомственныя соображенія и чувства и какъ трудно при наличности ихъ государственной власти планомѣрно поставить транспортное дѣло, это показало второе же засѣданіе главнаго продовольственнаго комитета. Чуть не все оно ушло на то, чтобы уговорить главноуполномоченнаго по снабженію арміи хлѣбомъ т. с. Глинку и помощника другого главноуполномоченнаго г. Окулича взять для нуждъ арміи тотъ овесъ, который лежитъ на станціяхъ въ средней и южной Россіи, и взамѣнъ этого предоставить министерству внутреннихъ дѣлъ необходимое количество вагоновъ на сибирской дорогѣ подъ перевозку сѣменного овса для сѣверныхъ губерній, для которыхъ не годится южный овесъ [2]).

Чтобы показать читателямъ, каковы получаются результаты при указанной постановкѣ транспортнаго дѣла, я приведу только одинъ примѣръ.

Жалобы на недостаточность подвоза продуктовъ первой необ-

---

1) „Кіевская Мысль“, 12 марта.

2) См. отчетъ объ этомъ засѣданіи въ петроградскихъ газетахъ за 3 апрѣля.

ходимости къ Петрограду слышатся все время, а съ конца ноября онѣ сдѣлались неумолчными. Казалось бы, эти жалобы давно нужно провѣрить и выяснить имѣющіеся въ городѣ запасы. Но съ этимъ почему-то медлили, и только на 1 марта соотвѣтствующія данныя были собраны. При этомъ оказалось, что, не считая продуктовъ въ мелочныхъ лавкахъ, въ городѣ имѣется [1]):

Ржи	107.262 пуд.	Пшеницы. . . .	684.159 пуд.
Ржан. муки. .	420.145 „	Пшеничн. муки. .	711.347 „
Итого	527.407 „	Итого	1.395.506 „

Другими словами: бѣлаго хлѣба оказалось почти въ три раза больше, чѣмъ чернаго. Можетъ быть, распоряжающіеся транспортомъ думаютъ, что именно въ такой пропорціи тотъ и другой хлѣбъ потребляются въ Петроградѣ? Въ такомъ случаѣ они ошибаются: по разсчетамъ городского статистическаго отдѣленія, ржи и ржаной муки ежедневно потребляется въ Петроградѣ 38.600 пуд., а пшеницы и пшеничной муки 34.200 п. Изъ этого ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ малы были запасы чернаго хлѣба на 1 марта. Но на 15 марта ихъ оставалось еще меньше, — ржаной муки всего лишь 216 т. п., т. е. меньше, чѣмъ на 6 дней. Городъ съ 2-милліоннымъ населеніемъ находился, въ сущности, въ это время подъ дамокловымъ мечомъ. Легко понять, что при нынѣшнемъ распредѣлительномъ аппаратѣ голодъ могъ наступить раньше, чѣмъ вся эта мука была бы съѣдена, и для этого достаточно было бы, чтобы, напримѣръ, разразилась снѣжная буря на нѣсколько дней.

Но, можетъ быть, запасы бѣлаго хлѣба оказались потому только больше, что его потребляется меньше? Можетъ быть, привезенный еще до войны, онъ съ тѣхъ поръ держится въ Петроградѣ?.. Я разыскалъ успокоительныя сообщенія г. Лесневскаго и еще разъ пересмотрѣлъ приводившіяся имъ цифры. И вотъ что оказалось: за послѣдніе четыре мѣсяца 1914 г. (сентябрь—декабрь) средній ежедневный подвозъ ржаной муки къ Петрограду по желѣзнымъ дорогамъ составлялъ 25 вагоновъ, а пшеничной — вдвое больше, 50 вагоновъ; въ январѣ эта пропорція нѣсколько измѣнилась, но все-таки пшеничной муки подвозилось въ среднемъ ежедневно по 32 вагона, а ржаной только по 26 [2]). Повидимому, къ бѣлому хлѣбу петроградскій порайонный комитетъ питаетъ какое-то трудно преодолимое пристрастіе.

Но пойдемъ дальше. Перепись запасовъ на 1 марта вскрыла еще болѣе любопытныя вещи. Такъ, ржаной муки, какъ мы видѣли, оказалось 420 т. пуд., а сахара—684 т. пуд. Но, можетъ быть, хотя сахаръ былъ подвезенъ еще до войны и поэтому только

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ я пользуюсь цифрами, которыя были оглашены въ „Рѣчи" 8, 13 и 22 марта, въ „Днѣ" 13 марта, въ „Новомъ Времени" 22 марта, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ". 13 марта.

[2]) „Биржевыя Вѣдомости", 16 февраля.

его оказалось такъ много. Нѣтъ, сахару уже во время войны было оказано почему-то исключительное вниманіе. Такъ, за послѣдніе четыре мѣсяца (сентябрь—декабрь), по даннымъ порайоннаго комитета, въ Петроградъ было привезено вагоновъ [1]):

	1913 г.	1914 г.
Сахара-рафинада . . .	427	1.159
Сахара-песка.	146	3.292
	573	4.451

Въ военное время сахара подвозили чуть не въ восемь разъ больше, чѣмъ въ мирное. Если это пристрастіе, то прямо ужь какое-то болѣзненное...

Приведу еще одну „наглядную несообразность". Петроградскіе запасы были приведены въ извѣстность какъ разъ въ срединѣ великаго поста. Оказалось, что крупы всякой имѣется 185 т. пуд., а масла постнаго всякаго 118 т. пуд. Чуть не фунтъ на фунтъ! Во всякомъ случаѣ можно вѣдь подумать, что въ Петроградѣ, какъ

у купца, у Семипалова,
живутъ люди, не говѣючи,
льютъ на кашу масло постное
словно воду, не жалѣючи...

Само собою понятно, что предотвратить подобныя наглядныя несообразности въ снабженіи населенія необходимыми ему продуктами вполнѣ возможно и даже, пожалуй, совсѣмъ не трудно. Во всякомъ случаѣ желѣзныхъ дорогъ для этого хватило бы и на недостатокъ вагоновъ жаловаться не пришлось бы. Да и вообще—повторяю—дѣло, повидимому, совсѣмъ не въ недостаткѣ транспорныхъ средствъ...

И именно поэтому-то, какъ мнѣ кажется, серьезность положенія въ министерствѣ путей сообщенія такъ мало чувствуется. Въ самомъ дѣлѣ: если транспортныхъ средствъ достаточно, то все дѣло, стало быть, въ томъ только, чтобы ихъ надлежащимъ образомъ использовать. И вотъ чиновникамъ представляется, что для этого нужна только, съ ихъ стороны, надлежащая распорядительность,—ну, а ея-то у нихъ хватитъ, особенно теперь они постараются. Правда, вотъ уже восемь мѣсяцевъ транспортъ все никакъ не удается наладить: то одинъ винтикъ испортится, то другой подвинтить нужно... Но вотъ это, кажется, уже послѣдній и дальше все пойдетъ гладко,—особенно теперь, когда министръ получилъ чрезвычайныя полномочія. Такъ, вѣроятно, и живутъ со дня на день, увѣренные, что впредь все пойдетъ какъ нельзя быть лучше.

А винтики все измѣняютъ и измѣняютъ. Иной—совсѣмъ малюсенькій, а можетъ застопорить всю машину. Въ „маленькихъ недостаткахъ механизма"—повторяю — нерѣдко сказывается общій недостатокъ конструкціи. И въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется.

[1]) „День", 8 февраля.

имѣются нѣкоторыя общія причины, препятствующія наладить транспортъ, какъ слѣдуетъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не трудно, пожалуй, указать съ перваго взгляда.

Прежде всего мѣшаетъ, конечно, низкій культурный уровень, вслѣдствіе чего нашъ поѣздъ до сихъ поръ не можетъ идти, „какъ идетъ нѣмецкій". Само собой понятно, что за нѣсколько мѣсяцевъ нельзя восполнить то, что упущено за пятьдесятъ и даже за тысячу лѣтъ. Но кое-что и въ этомъ отношеніи можно было бы сдѣлать. Напримѣръ, можно было бы хотя нѣсколько ослабить послѣдствія той энергичной „чистки", какая произведена была среди путейскихъ служащихъ за послѣднія десять лѣтъ, пополнивъ ихъ составъ наиболѣе культурными силами. Въ мирное время, можетъ быть, и можно было довольствоваться людьми, которые „немножечко дерутъ, но въ ротъ за то хмельного не берутъ". Въ военное же время тѣ, которые „дерутъ", опаснѣе внѣшнихъ враговъ.

Несомнѣнно, мѣшаетъ также правильной и успѣшной постановкѣ транспорта и тотъ общій принципъ, котораго съ начала войны придерживается въ этомъ дѣлѣ правительство. Принципъ же этотъ, если его выразить въ образной формѣ, таковъ: когда идетъ вагонъ съ военнымъ грузомъ, всѣ другіе должны быть немедленно убраны съ дороги, хотя бы имъ до конца войны пришлось застрять гдѣ-нибудь на промежуточныхъ станціяхъ. Принципъ, конечно, вполнѣ понятный, но пора ужь убѣдиться, что онъ нуждается въ очень серьезныхъ коррективахъ. Съ одной стороны, не всѣ „военные грузы" и тѣмъ болѣе не всѣ грузы, которые слѣдуютъ подъ этимъ наименованіемъ, такъ ужь спѣшны; а съ другой—иные мирные грузы подчасъ важнѣе военныхъ. Силою вещей правительство уже вынуждено было допустить цѣлый рядъ отступленій отъ общаго принципа. Оно пытается теперь поставить транспортъ на основѣ „очередей". Однако установить его на этомъ базисѣ трудно. „Заводъ снарядовъ—указалъ какъ-то директоръ „Продаметы", г. Тикстонъ,—внѣ сомнѣнія, стоитъ на первой очереди. А заводъ, который поставляетъ для него металлы, и дальше,—тотъ, который, въ свою очередь, доставляетъ матеріалъ для завода металловъ? Меньшей ли они важности?" [1]). Нужно, конечно, идти еще дальше: а хлѣбопекарня, которая печетъ хлѣбъ для рабочихъ всѣхъ этихъ заводовъ? Или рабочіе могутъ остаться безъ хлѣба? „Градаціи здѣсь почти невозможны". Правительство уже вынуждено одни грузы за другими объявлять „внѣочередными", т. е. приравнивать ихъ къ военнымъ. Если пойдетъ такъ и дальше, то скоро, пожалуй, чуть не всѣ грузы окажутся таковыми,—и получится лишь полный безпорядокъ. Выходъ въ данномъ случаѣ имѣется лишь одинъ и, если война еще долго продолжится, жизнь, несомнѣнно, приведетъ къ нему: государственная власть должна взять на себя

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 18 марта.

заботу о снабженіи всѣмъ необходимымъ не только арміи, но и мирнаго населенія. Взять этакую заботу, конечно, не легко,—и государственная власть видимо, не рѣшается, хотя волей-неволей уже идетъ къ этому.

Несомнѣнно, что такой, какъ и вообще болѣе правильной постановкѣ транспортнаго дѣла, сильно мѣшаетъ и общій характеръ нашей общественной организаціи, при которой государственная власть слышитъ и выполняетъ желанія, въ сущности очень немногочисленныхъ и нерѣдко случайныхъ группъ населенія, совершенно почти не зная нуждъ и вовсе не считаясь съ желаніями всей его массы. Вотъ я привелъ примѣръ: сахаръ усиленно возили, а о черномъ хлѣбѣ недостаточно заботились. Не трудно вѣдь понять, какъ это произошло: сахарозаводчики—народъ вліятельный, они самолично присутствуютъ въ нѣкоторыхъ порайонныхъ комитетахъ и о вагонахъ для себя, конечно, постарались, а интересы тѣхъ, которые питаются чернымъ хлѣбомъ, даже въ этихъ комитетахъ не представлены. Хорошо, если чиновники вспомнятъ... Поэтому, еслибы государственная власть при теперешней ея организаціи взяла на себя цѣликомъ заботу о снабженіи населенія всѣмъ необходимымъ, то, пожалуй, и получилось бы это самое: сахаромъ бы завалили, а о хлѣбѣ забыли бы...

Само собой понятно, что всей цѣпи причинъ нашихъ транспортныхъ неурядицъ мимоходомъ, только „съ перваго взгляда", какъ я выразился, не укажешь. Для этого нужно было бы пойти дальше. Но добираться до первопричины всѣхъ причинъ я, къ сожалѣнію, не имѣю сейчасъ возможности. Помимо всего прочаго, я долженъ еще хотя бы вкратцѣ остановиться и на тѣхъ послѣдствіяхъ, какими транспортныя затрудненія сказались въ обывательской жизни.

III.

Случаи остраго недостатка необходимыхъ продуктовъ, о чемъ мнѣ пришлось упоминать въ предъидущемъ изложеніи, пока не особенно многочисленны. Больше всего пришлось бѣдовать съ топливомъ и нехватка продуктовъ этого рода, пожалуй, отразится еще и на дальнѣйшемъ, такъ какъ она не только заставила сжать потребленіе, но и сократить въ нѣкоторыхъ случаяхъ производство. Можно однако надѣяться, что теперь, съ наступленіемъ теплаго времени и открытіемъ навигаціи по рѣкамъ, вопросъ о топливѣ, поскольку онъ зависѣлъ отъ транспортныхъ затрудненій, потеряетъ свою остроту, да и вообще этихъ затрудненій будетъ меньше. Но это не значитъ, что они совсѣмъ изсчезнутъ, и тѣмъ болѣе, что послѣдствія ихъ быстро сгладятся.

Эти послѣдствія, какъ я только что сказалъ, лишь въ немногихъ сравнительно случаяхъ сказались въ видѣ прямого и общаго недостатка въ продуктахъ; главнымъ же образомъ они отлились

въ другую, менѣе острую, но не менѣе, пожалуй, тяжелую форму,— въ форму быстро нароставшей все время дороговизны.

Уже въ самомъ началѣ войны, вслѣдствіе замѣшательства и даже перерыва во внутреннемъ грузооборотѣ, произведенныхъ мобилизаціей, цѣны на многіе продукты и во многихъ мѣстностяхъ успѣли значительно повыситься. Отдѣльныя мѣстности оказались въ ту пору, какъ я выразился, какъ бы отрѣзанными одна отъ другой, и вмѣсто одного рынка, на которомъ цѣны зависѣли отъ общаго спроса и общаго предложенія, получилось множество совершенно почти изолированныхъ и независимыхъ другъ отъ друга рынковъ,—каждый со своимъ спросомъ и своимъ предложеніемъ. Сразу же почти всюду почувствовался недостатокъ въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ. Это не значитъ, что ихъ прямо не хватало,— чаще такая нехватка только предвидѣлась и еще чаще просто только конкуренція, въ виду невозможности подвоза, рѣзко ослабѣла. Какъ бы то ни было, цѣны на эти продукты начали быстро подниматься. Въ другихъ мѣстахъ, несомнѣнно, имѣлись избытки ихъ, но цѣны замѣтно упали,—да и то не надолго, какъ я уже говорилъ,—лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти продукты находились въ очень слабыхъ рукахъ и пока они не были подхвачены болѣе сильными. Въ большинствѣ же случаевъ цѣны лишь слегка дрогнули, а то и вовсе не пошатнулись; мѣстами, не смотря на имѣвшіеся избытки, онѣ стали даже подниматься. Производители и торговцы, у которыхъ были излишки продуктовъ, заняли выжидательное положеніе, а кое-гдѣ начали и спекулировать, разсчитывая, что, когда возстановится сообщеніе, они раньше другихъ сумѣютъ доставить свои продукты туда, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ, и успѣютъ продать ихъ тамъ по повышеннымъ цѣнамъ.

Быстрое вздорожаніе многихъ продуктовъ, какъ ясно было для всѣхъ, не стояло въ данномъ случаѣ ни въ какой связи ни со стоимостью ихъ производства, ни со стоимостью ихъ доставки. Продавались продукты, завѣдомо произведенные и доставленные еще до войны, при обычныхъ условіяхъ, и продавцы просто пользовались случаемъ, чтобы сорвать за нихъ лишнее. Чрезмѣрную прибыль ихъ нельзя было оправдать въ данномъ случаѣ и тѣмъ, что высокія цѣны нужны для скорѣйшаго привлеченія недостающихъ товаровъ изъ другихъ мѣстностей, Доставка въ это время все равно была невозможна и въ серьезъ никто о ней не думалъ: всѣ ждали, когда окончится мобилизація...

Беззастѣнчиво обираемая публика, естественно, возмущалась, но къ сопротивленію, особенно при данныхъ условіяхъ и при данномъ своемъ настроеніи, была совершенно не способна. Впрочемъ, кое-гдѣ дѣло доходило и до открытыхъ столкновеній. Такъ, въ Петроградѣ въ первые же дни войны, какъ сообщали въ свое время газеты, нѣкоторые рынки были разгромлены покупателями

и, главное, покупательницами, возмущенными безпричиннымъ повышеніемъ цѣнъ чуть не на всѣ продукты. Но это были чисто инстинктивныя движенія толпы,—все равно, что крикъ: караулъ! грабятъ... Нерѣдко вѣдь люди кричатъ это, даже не думая сопротивляться.

Администрація въ довольно многихъ мѣстахъ таксировала продукты первой необходимости, но сдѣлано это было все-таки не вездѣ, сдѣлано въ большинствѣ случаевъ съ опозданіемъ, да и таксированы были, въ сущности, немногіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только единичные, продукты. Главное же, предѣльныя цѣны всюду были назначены выше тѣхъ, какія были до войны. Нерѣдко онѣ превосходили даже тотъ, уже повышенный уровень, какого успѣли достигнуть мѣстныя рыночныя цѣны. Извѣстную роль таксы, конечно, съиграли, но въ общемъ онѣ не предотвратили, даже не предупредили повышенія цѣнъ и скорѣе, пожалуй, только закрѣпили его, а кое-гдѣ и прямо ему содѣйствовали.

Такимъ образомъ цѣны повысились, прежде, чѣмъ созданныя войною условія могли повліять на стоимость производства и доставки товаровъ, даже прежде, чѣмъ эти условія опредѣлились.

Послѣ того, какъ сообщеніе возобновилось и единство рынка было возстановлено, цѣны повсюду, казалось бы, должны были быстро придти къ своему „естественному" уровню, опредѣляемому общимъ спросомъ и общимъ предложеніемъ. Въ дѣйствительности однако процессъ выравниванія ихъ пошелъ очень медленно, при чемъ обнаружилось въ высшей степени характерное и, на первый взглядъ, даже противоестественное явленіе: цѣны сразу же начали и до сихъ поръ продолжаютъ выравниваться не по низшему, какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ, и даже не по среднему, а по высшему уровню, какого онѣ успѣли достигнуть въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что внутренній грузооборотъ оставался все время стѣсненнымъ, а въ дальнѣйшемъ оказался даже и сильно затрудненнымъ. Единство рынка—сказалъ я—было возстановлено, но онъ продолжаетъ представлять изъ себя какъ бы множество отдѣльныхъ сосудовъ, хотя и сообщающихся между собою, но при помощи очень узкихъ каналовъ и притомъ безпрестанно засоряющихся. Товары не могутъ хлынуть изъ одной мѣстности въ другую, они могутъ лишь притекать понемногу, а иногда даже только просачиваться, едва пополняя убыль, происходящую вслѣдствіе потребленія. Но и такое движеніе нерѣдко прерывается.

Если товары не могутъ хлынуть, то, стало быть, конкуренція, которая сразу могла бы уронить цѣны, невозможна. Поэтому торговцы, быстро это сообразившіе и успѣвшіе уже увѣриться въ этомъ, держатъ цѣны тамъ, гдѣ онѣ поднялись, твердо и имѣютъ полную возможность не допустить ихъ паденія. Приведу хотя бы

такой примѣръ. Въ Москвѣ страшно вздорожалъ хлопокъ, дошелъ до 24 р. за пудъ. Ожидаютъ, что первыя же партіи американскаго хлопка, которыя придутъ изъ Владивостока, понизятъ цѣны. „Это, конечно, не такъ, — говоритъ г. Инженеръ. — Первыя партіи уже пришли. Нѣкоторымъ фирмамъ удалось получить уже довольно значительное количество, и однако это нисколько не отразилось на цѣнѣ хлопка въ Москвѣ. Важно не то, что, отдѣльныя фирмы получили или могутъ получить хлопокъ изъ Америки, важно и необходимо, чтобы каждый фабрикантъ могъ дать приказъ на покупку хлопка въ Америкѣ и былъ увѣренъ, что когда хлопокъ прибудетъ во Владивостокъ, онъ прослѣдуетъ дальше и въ опредѣленное, подлежащее разсчету время прибудетъ въ Москву. Этого нѣтъ и, вѣроятно, долго не будетъ“ [1]. Въ сущности, нужно еще больше: нужно, чтобы не только каждый фабрикантъ, но каждый желающій могъ свободно получить хлопокъ въ любомъ количествѣ,—и до тѣхъ поръ, пока этого не будетъ, монополія сохранитъ свою силу и на каждомъ прибывшемъ пудѣ получившая его фирма будетъ „зарабатывать“ до 5 руб. лишнихъ, и только.

Но въ обратную сторону процессъ выравниванія цѣнъ можетъ идти и идетъ безпрепятственно. Тамъ, гдѣ цѣны низки, продавцы имѣютъ полное основаніе ихъ поднимать и при данныхъ условіяхъ не встрѣчаютъ въ этомъ никакой серьезной помѣхи. Приведу тоже конкретный примѣръ.

Новгородъ стоитъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, при узкоколейной вѣткѣ. И въ обычное время онъ не могъ похвалиться своими сообщеніями, даже съ Петроградомъ. Теперь же, когда паровозы и вагоны съ новгородской узкоколейной вѣтки забрали на такую же узкоколейную архангельскую дорогу, онъ и совсѣмъ стѣсненъ въ средствахъ сообщенія. Ни отъ него, ни къ нему товары не могутъ хлынуть. Но кое-какъ новгородцы все-таки обходились, главнымъ образомъ, мѣстными продуктами. Въ частности, съ овсомъ дѣло обстояло совсѣмъ сносно: цѣна была установлена въ шесть съ чѣмъ-то рублей за куль, — и овса было сколько угодно. Но однажды петроградскія газеты пришли съ извѣстіемъ, что въ Петроградѣ установлена такса на овесъ въ 9 руб. съ копейками за куль. Послѣ того овса въ новгородскихъ лавкахъ какъ не бывало: хоть плачь, а не достанешь. Помучились новгородцы день, другой, — и отправились къ губернатору съ просьбой повысить таксу и въ Новгородѣ до 9 руб. Губернаторъ просьбу уважилъ,—и сразу же въ лавкахъ было овса сколько хочешь.

Исторійку эту сообщилъ мнѣ одинъ новгородецъ и я думаю, что она достаточно поучительна. Весь новгородскій овесъ сразу отправить въ Петроградъ было бы, вѣроятно, нельзя, но понемногу отправлять его все-таки можно было. Поэтому каждый тор-

---

[1] „Русскія Вѣдомости“, 2 апрѣля.

говецъ имѣлъ основаніе разсчитывать, что онъ продастъ свой овесъ по 9 руб.; зачѣмъ же онъ сталъ бы продавать по 6 руб.? А такъ какъ торговцы могли подождать, а потребители не въ силахъ были терпѣть, то послѣдніе и должны были безусловно сдаться. Въ конечномъ счетѣ этимъ неравенствомъ силъ, о каковомъ мнѣ уже пришлось писать, и объясняется, конечно, что процессъ выравниванія цѣнъ сразу же получилъ такой характеръ: на рынкахъ потребленія цѣны послѣ возстановленія сообщеній нисколько почти не понизились, на мѣстахъ же производства начали подниматься.

На первоначально достигнутомъ уровнѣ дороговизна однако не остановилась. Вслѣдствіе транспортныхъ неурядицъ она продолжала и продолжаетъ быстро наростать. И происходитъ это такимъ образомъ: сокращеніе подвоза какихъ-либо продуктовъ къ данному пункту, въ силу какихъ бы причинъ оно ни произошло, служитъ основаніемъ для подъема цѣнъ на эти продукты въ данномъ пунктѣ; поднявшись, цѣны уже не опускаются, а по тому предѣлу, до котораго онѣ достигли, начинаютъ выравниваться цѣны и въ другихъ пунктахъ. Такъ оно и идетъ: дороговизна, пользуясь всякой, даже мѣстной, даже небольшой заминкой въ транспортѣ, все ростетъ и ростетъ.

На первый взглядъ такое движеніе—сказалъ я—представляется даже противоестественнымъ. Но, если хотите, ему можно найти аналогію въ природѣ. Каждый, я думаю, знаетъ, что, если человѣку на ходу попадетъ въ рукавъ ячменный колосъ, усиками внизъ, то онъ уже не выпадетъ, а будетъ подниматься все выше и выше, пока не доберется до шиворота. И это понятно: когда рука идущаго человѣка дѣлаетъ такое движеніе, что колосъ долженъ выпасть изъ рукава, этому мѣшаютъ растопыривающіеся книзу его усики; а когда рука дѣлаетъ такое движеніе, которое подталкиваетъ колосъ кверху, онъ легко и свободно скользитъ туда своимъ комелькомъ... Въ такомъ же родѣ идетъ теперь и движеніе цѣнъ.

Когда цѣны должны бы падать, этому противятся торговцы. Само собой это выходитъ: никому вѣдь не хочется сегодня продавать дешевле, чѣмъ онъ продавалъ вчера, и тѣмъ болѣе дешевле, чѣмъ, быть можетъ, самъ онъ купилъ. Естественно, что онъ будетъ противиться, пока въ силахъ,—а тутъ и противиться-то приходится недолго, лишь бы въ первую минуту цѣну выдержать... За то, когда создаются условія, благопріятныя повышенію, всѣ торговцы, какъ одинъ, дружно поднимаютъ цѣны.

Повышательный процессъ идетъ тѣмъ быстрѣе, что дѣло въ данномъ случаѣ не ограничивается одними разрозненными дѣйствіями торговцевъ. Нынѣшняя война разразилась на такой стадіи хозяйственнаго развитія, когда возможны были и дѣйствовали уже міровыя соглашенія производителей и торговцевъ. Внутри отдѣльныхъ странъ синдицированы были уже многія отрасли промышленности и торговли,—въ частности, въ Россіи, подъ защитой тамо-

женной стѣны, всевозможные синдикаты играли уже громадную роль и мы до самой войны не удосужились хоть чѣмъ-нибудь вооружиться противъ нихъ, хотя и знали, что они грабятъ насъ безъ зазрѣнія совѣсти. Какую роль теперь играютъ всѣ эти синдикаты—Продамета, Продуголь, Продарудъ, Ростъ („россійское общество спичечной торговли") и т. д. вплоть до трудно уловимыхъ всевозможныхъ „контрольныхъ организацій", вродѣ банковъ,—едва-ли мы когда въ точности узнаемъ, а если и узнаемъ, то не скоро. Во всякомъ случаѣ никогда не будемъ имѣть точныхъ свѣдѣній о роли болѣе мелкихъ и, главное, менѣе оформленныхъ объединеній и соглашеній, направленныхъ противъ потребителей. Но даже тѣ случайныя и отрывочныя свѣдѣнія, какія мы по этому вопросу имѣемъ, не оставляютъ сомнѣнія, что роль торговопромышленныхъ организацій и соглашеній въ быстро наростающей дороговизнѣ громадна. И это, конечно, вполнѣ понятно.

Отъ заграничной конкуренціи торговцы и промышленники защищены теперь стѣной, которая куда выше даже нашей таможенной, а транспортныя затрудненія и стѣсненія защищаютъ отъ конкуренціи даже ближайшихъ сосѣдей. При такихъ условіяхъ нѣтъ даже надобности быть человѣкомъ высокаго полета и широкаго кругозора, чтобы понять всю выгоду соглашенія. Самые послѣдніе „самоварники" и „аршинники" это сразу же поняли,—и всѣ „архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе" быстро съ этимъ освоились. До и не трудное это теперь дѣло—создать синдикатъ какойнибудь: нерѣдко достаточно нѣсколькимъ человѣкамъ перетолковать гдѣ-нибудь въ трактирѣ, за „парой чая". Теперь вѣдь каждый городъ, чуть не каждое село могутъ устанавливать свои цѣны.

„Аршинники" не только освоились съ „высшими формами" торговой дѣятельности, но и быстро къ новому дѣлу приспособились. Если даже транспортъ работаетъ исправно, они сами способны создать „недостаточность подвоза", о выгодности которой прекрасно теперь знаютъ; если желѣзныя дороги неожиданно почему-либо подвезутъ больше товара, чѣмъ это входитъ въ ихъ разсчеты, они сумѣютъ его спрятать; если спрятать некуда, устроятъ „свалку", т. е. вывезутъ куда-нибудь и тамъ сбудутъ хотя бы задешево, лишь бы не портить цѣнъ въ своемъ мѣстѣ. Оставаясь вѣрнымъ принятой мною системѣ изложенія, я и въ данномъ случаѣ приведу лишь примѣры, даже не пытаясь исчерпать весь матеріалъ.

Вотъ, напримѣръ, послѣдній фортель, который выкинули петроградскіе мясоторговцы, ведущіе сейчасъ упорную борьбу съ таксой. „Группа крупныхъ мясоторговцевъ—читаемъ мы въ газетѣ—разослала своимъ провинціальнымъ агентамъ телеграфныя сообщенія съ предложеніемъ воздержаться отъ посылки въ Петроградъ крупныхъ партій скота, такъ какъ настроеніе мясного рынка слабое". „Достаточно сказать,—прибавляетъ другая газета — что въ

одной Бессарабской губерніи было приготовлено къ отправкѣ 50.000 головъ крупнаго убойнаго скота, который теперь оставленъ на мѣстахъ до установленія болѣе высокихъ цѣнъ" [1]). Подвозъ скота въ Петроградъ рѣзко сократился, въ мясѣ ощущается теперь острый недостатокъ,—и такса, которая сильно уже подалась подъ давленіемъ мясоторговцевъ, едва-ли теперешній фортель выдержитъ.

Кіевскіе мясоторговцы, которые не предупредили какъ-то или не въ силахъ были предотвратить излишній, съ ихъ точки зрѣнія, пригонъ скота, прибѣгли къ такой мѣрѣ. „Они все лишнее мясо изъ города вывозили въ окрестныя мѣстечки и тамъ распродавали его по очень дешевой цѣнѣ—11 коп. фунтъ", удерживая въ то же время въ Кіевѣ цѣну въ 18—20 коп., при себѣстоимости въ 10 коп. [2]).

Когда петроградскіе городскіе дѣятели изобличили мѣстныхъ мясоторговцевъ, что они дерутъ непомѣрныя цѣны и начали ихъ стыдить, то тѣ прямо отвѣтили: „какъ же не поднимать намъ цѣны? такая война бываетъ разъ въ сто лѣтъ; не грѣхъ и нажить сто на сто, а вы мѣшаете"... [3]). И, вотъ, этотъ ячменный колосъ упорно лѣзетъ къ нашему шивороту.

Сто на сто... Но спрашивается: за что же мы платить должны? За какія такія услуги съ ихъ стороны? Вѣдь нельзя себя утѣшить даже тѣмъ, что мы платимъ въ счетъ будущаго. Въ обильномъ количествѣ и по доступной цѣнѣ торговцы нужныхъ намъ продуктовъ все равно не доставятъ. Прежде всего, не захотятъ, конечно, —особенно теперь, когда они узнали вкусъ соглашенія: въ конкуренцію между собою они не вступятъ и со стороны послѣдняя при данныхъ условіяхъ, какія бы цѣны мы ни платили, явиться не можетъ. Но допустимъ даже, что среди торговцевъ найдутся бойкіе люди, которые увидятъ свою выгоду въ томъ, чтобы держаться девиза: „продаемъ дешево, чтобы продавать много; продаемъ много, потому что продаемъ дешево". Таковъ вѣдь принципъ „здоровой конкуренціи". Но они ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать. Въ прежнія времена они могли бы организовать доставку товаровъ, но теперь это не отъ нихъ зависитъ,—транспортомъ распоряжается государство...

Получается явная несообразность. Государственная власть силою вещей вынуждена взять въ свои руки центральную часть мѣнового аппарата—транспортъ [4]). Отъ нея зависитъ, какіе

---

[1]) „Рѣчь" и „Новое Время", 5 апрѣля.

[2]) „Кіевская Мысль", 13 декабря.

[3]) „Новое Время", 18 марта. См. также „Биржевыя Вѣдомости", 17 марта

[4]) Пока она распоряжается только на желѣзныхъ дорогахъ, но, несомнѣнно, ей придется подчинить своему контролю и рѣчныя перевозки,—надъ этимъ уже работаютъ разныя совѣщанія. Во многихъ мѣстахъ, несомнѣнно, назрѣла также необходимость установить контроль и надъ гужевымъ транспортомъ, и послѣдній кое-гдѣ уже таксированъ.

товары и куда везти, причемъ ее нельзя соблазнить даже высокой платой за провозъ,—она возитъ по установленному заранѣе тарифу. Вообще въ этой части мѣновой системы дѣйствуетъ законъ, тѣ или иныя правила, имѣющія въ виду государственную пользу, а не частную выгоду. Возможно, конечно, добиться исключеній и отступленій, но лишь при помощи всякихъ „вліяній", протекціи, взятокъ,— словомъ, при помощи всякихъ злоупотребленій, на которыхъ мнѣ незачѣмъ сейчасъ останавливаться. Суть та, что центральная часть мѣнового механизма уже подчинена принципу государственной пользы, а въ остальныхъ частяхъ тотъ же механизмъ по прежнему чуть не всецѣло предоставленъ свободной игрѣ частныхъ интересовъ. И результаты неизбѣжно получаются такіе: какъ бы государственная власть ни справлялась съ транспортомъ,— худо или хорошо,—потребители неизмѣнно страдаютъ, а продавцы наживаются.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы хлопокъ, который лежитъ во Владивостокѣ. Представимъ себѣ, что государственная власть, преодолѣвъ множество затрудненій, доставитъ цѣлый поѣздъ его въ Москву. Ну, и вручитъ его самой солидной, допустимъ, фирмѣ. Что же получится? Эмиль Циндель наживетъ на каждомъ пудѣ по 5 руб., а на всемъ поѣздѣ—около двухсотъ тысячъ. Представимъ теперь наоборотъ: затрудненія не будутъ преодолѣны и хлопокъ останется во Владивостокѣ. Эмиль Циндель въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ седьмую надбавку на продукты своихъ фабрикъ и наживетъ на тканяхъ изъ средне-азіатскаго хлопка тѣ же двѣсти тысячъ, Конечно, лучше все-таки, если хлопокъ доставятъ: потребитель не останется безъ рубашки. Но въ томъ и другомъ случаѣ онъ все равно уплатитъ мануфактурщикамъ ни за что, ни про что сотни тысячъ.

Дѣло, стало быть, не только въ томъ, чтобы наладить транспортъ, внести въ это дѣло цѣлесообразность и планомѣрность, но и въ томъ, чтобы всю мѣновую систему перестроить на новыхъ началахъ.

„Такая война—говорятъ намъ — бываетъ разъ въ сто лѣтъ". Можетъ быть, хоть эта война откроетъ, наконецъ, людямъ, что мѣновой механизмъ, которымъ они такъ долго пользовались, больше не годится. Мысль, что всякому закону — въ томъ числѣ и „естественному закону спроса и предложенія"—когда-нибудь должна быть премѣна, повидимому, начинаетъ уже проникать въ общественное сознаніе. Эту мысль приходится встрѣчать даже въ такихъ кругахъ, которые надъ подобными вопросами, быть можетъ, никогда до этого даже не задумывались...

Въ приказѣ, изданномъ 2 апрѣля и расклеенномъ по улицамъ въ Петроградѣ, мѣстный главнокомандующій между прочимъ пишетъ: „Въ военное время соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ не можетъ играть въ дѣлѣ опредѣленія цѣнъ рѣшающей

роли, которую оно имѣетъ при мирныхъ условіяхъ государственной жизни... Теперь нужно служить родинѣ, а не заниматься наживой"

Остается только провести этотъ приказъ въ жизнь. Конечно, это не легко сдѣлать. Нынѣшніе лабазы и лавки предназначены по самой природѣ своей для занятія наживой и сами собой въ мѣста общественной службы не превратятся. Быть можетъ, для этого нужны совершенно иныя мѣновыя учрежденія. Во всякомъ случаѣ для постановки обмѣна не на основѣ спроса и предложенія, а на новыхъ началахъ нужны большія силы... Какія же силы для этого имѣются?

II. Никого, кромѣ полиціи.

I.

— Овсомъ мы уже не торгуемъ... Вмѣсто насъ торгуетъ полиція...

Такъ заявилъ одинъ гласный-купецъ въ чрезвычайномъ засѣданіи петроградской городской думы 17 марта, когда обсуждался вопросъ о дороговизнѣ. И это дѣйствительно такъ: овсомъ въ Петроградѣ торгуетъ теперь полиція.

„Каждое утро—описываютъ газеты—извозчики подъѣзжаютъ къ лабазамъ въ тщетной надеждѣ получить хоть куль овса; лабазники заявляютъ, что овса нѣтъ и не будетъ. Извозчики не вѣрятъ, ломятся въ двери, происходитъ атака и контръ-атака; наконецъ, лабазники сломлены и побѣдоносные извозчики вступаютъ въ лабазы". Но овса тамъ, дѣйствительно, не оказывается...

— Попрятали, — галдятъ извозчики,—до такцы продавали по 24 рубля куль, а какъ такцу повѣсили, такъ и овса не стало... Попрятали...

— По карманамъ разсыпали,—смѣются лабазники.

„Очи извозчиковъ устремляются къ Николаевскому вокзалу. Съ товарной станціи ожидается подвозъ... Овса нѣтъ и нѣтъ... Извозчики ждутъ. Наконецъ, показывается возъ, нагруженный кулями".

— Робя, не пусшать!.. Дѣлить на улицѣ... потому попрячутъ!..

— Не пусшать, не пусшать!.. Дѣлить!..—галдятъ извозчики...

„Всѣ бросаются къ возу. Возъ окружаютъ городовые, показывается околоточный и начинается распредѣленіе богатствъ" [1]).

Это происходитъ не только съ овсомъ. Торговля въ Петроградѣ вообще все больше и больше переходитъ въ руки полиціи. Да иначе и нельзя. Пользуясь недостаточностью подвоза, — нерѣдко преднамѣренно созданной и искуственно поддерживаемой, — торговцы вздуваютъ цѣны прямо до невѣроятныхъ размѣровъ

Какъ бы терпимо государственная власть ни относилась къ этому

остаться до конца безучастной она все-таки

---

[1]) „День", 22 марта.

не можетъ: просто съ полицейской точки зрѣнія это становится не безопаснымъ. Между тѣмъ для борьбы съ дороговизной администрація знаетъ только одно средство: таксу. Ну, а торговцы противъ таксы знаютъ цѣлый рядъ средствъ.

Нерѣдко они могутъ прямо опрокинуть ее: такса ударитъ по нимъ и разобьется. Такъ и было съ таксой на овесъ въ Петроградѣ. Градоначальникъ за время войны нѣсколько разъ вводилъ ее, — введетъ, а потомъ недѣли черезъ три-четыре, а иногда и скорѣй, отмѣнитъ: торговцы оказывались сильнѣе. Задержанная на нѣкоторое время таксой цѣна еще быстрѣе послѣ того и уже безъ всякихъ препятствій начинала подниматься.

Такъ было и въ послѣдній разъ. 13 февраля градоначальникъ установилъ таксу на овесъ въ 9 р. 25 коп. за куль шестипудоваго вѣса въ оптовой продажѣ и 9 р. 65 к. — въ розничной. Торговцы прекратили подвозъ или начали овесъ прятать, доставать его становилось все труднѣе и труднѣе,—и 27 февраля такса была отмѣнена. Послѣ того цѣна начала подниматься прямо съ головокружительною быстротою и черезъ двѣ недѣли овесъ продавали уже по 20 и больше рублей за куль, т. е. до 3 р. 50 к. за пудъ (до войны цѣна была 75 — 90 коп.). Съ наиболѣе слабосильныхъ покупателей, покупавшихъ по мелочамъ, драли, если вѣрить извозчикамъ, и по 4 руб. 14-го марта градоначальникъ вновь ввелъ таксу на овесъ. На этотъ разъ цѣна была назначена за куль 12 р. въ оптовой продажѣ и 12 руб. 40 коп. въ розничной. Торговцы прибѣгли къ той же тактикѣ, что и раньше, но на этотъ разъ, увѣренные въ ея успѣхѣ, пошли противъ таксы въ открытую. 15-го марта многіе торговцы овсомъ не открыли своихъ лавокъ и оставили извозчиковъ безъ овса...

Однако градоначальникъ рѣшилъ, повидимому, на этотъ разъ не уступать. „Пристава распорядились, чтобы всѣ торговцы овсомъ открыли свои лавки и торговали. Тогда нѣкоторые изъ торговцевъ заявили, что у нихъ нѣтъ овса. Въ виду этого были произведены осмотры лавокъ этихъ торговцевъ, причемъ было обнаружено, что овесъ имѣется. Втеченіе 15 марта продажа овса производилась подъ наблюденіемъ полиціи по установленной градоначальникомъ таксѣ“ [1]). „Такъ и нужно поступать впредь—писало по этому поводу „Новое Время“—и нечего церемониться съ этими...“ [2])

Такъ и поступаютъ съ того дня: торговля овсомъ идетъ „подъ наблюденіемъ“... Неизвѣстно только, долго ли она продлится. Торговцы, лишенные своихъ хозяйскихъ правъ, легко вѣдь могутъ подставить ей ножку: просто прекратятъ покупку и подвозъ овса,—

---

[1]) „Рѣчь“, 16 марта.

[2]) „Новое Время“, 16 марта. Какое-то крѣпкое слово газета не договорила.

тогда и полиціи торговать будетъ нечѣмъ. А о томъ, чтобы запасти товаръ, никто иной, повидимому, не заботится. И можно бояться, какъ бы лошади въ Петроградѣ въ одинъ несчастный день вовсе не остались безъ корма...

Но пока полиція на тѣхъ же основаніяхъ торгуетъ и дровами. Никѣмъ не регулируемая цѣна на нихъ съ 6-8 руб. за сажень, какъ это было до войны, къ началу марта поднялась до 20 руб. Это—за сажень дровъ 8-вершковой длины; стало быть, кубическая сажень обходилась въ 120 руб. До такихъ размѣровъ цѣна дошла въ Петроградѣ, который со всѣхъ сторонъ, можно сказать, окруженъ лѣсами [1]). Подъ конецъ нѣтоторые торговцы перестали даже продавать дрова саженями и продавали просто „возъ“ за 20-30 руб., а на возъ клали, сколько хотѣли. Положеніе создалось до нельзя острое, раздавались прямо вопли. 3-го марта градоначальникъ, наконецъ, объявилъ таксу: при продажѣ со станцій 8 р. 50 к за сажень березовыхъ дровъ и 7 р. 50 к. за сажень сосновыхъ, а при розничной продажѣ съ дровяныхъ дворовъ 10 р. 50 к. и 9 р. 50 к.

Дровяники-торговцы отвѣтили на это тѣмъ, что закрыли свои склады, а то и просто отказывались продавать. Придетъ покупатель, а они смѣются: „по таксѣ, говорятъ, не торгуемъ, а безъ таксы — протокола не желаемъ“. Или же сухо отвѣчаютъ: „продано“. 10 марта градоначальникомъ отдано было распоряженіе: „назначить дежурство околоточныхъ надзирателей и городовыхъ на дровяныхъ складахъ для надзора за недопущеніемъ отказа въ продажѣ дровъ публикѣ и за отпускомъ дровъ по цѣнамъ, не свыше установленныхъ таксой“. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ дежурятъ пристава и полицеймейстеры,—конечно, не только дежурятъ, но и распоряжаются всей продажей. Чтобы читатели могли себѣ

---

[1]) Насколько эта цѣна велика и прямо ни съ чѣмъ несообразна, ясно хотя бы изъ слѣдующаго. Изъ десятины дровяного лѣса получается, обыкновенно, 40—50 куб. саженъ дровъ, а изъ хорошей—и больше; такимъ образомъ десятина лѣса должна давать дровъ, при этихъ цѣнахъ, на 5—6 тыс. рублей. Конечно, можно сказать: „за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу“. Но въ данномъ случаѣ и этого не было: дрова приходится возить не изъ-за моря, а совсѣмъ поблизости, и желѣзная дорога возитъ ихъ по тому же тарифу, что раньше. А кромѣ того значительная часть дровъ была доставлена еще болѣе дешевымъ путемъ—воднымъ. Вся непомѣрность цѣны на дрова, какую брали торговцы, не менѣе ясна изъ слѣдующаго. Даже маленькія потребительныя общества, какія имѣются въ Петроградѣ, доставляли въ это время своимъ членамъ березовыя дрова по цѣнѣ 9—10 руб. за сажень. Городское управленіе, хотя и поздно организовавшее продажу дровъ, продавало ихъ (безъ доставки) по 6 р. 95 коп. (смѣшанныя) и по 7 р. 95 к. (березовыя) за сажень. Но городскіе склады были устроены за городомъ, доставка дровъ въ нѣкоторыя части обходилась непомѣрно дорого и притомъ дровъ на всѣхъ не хватало, получать ихъ приходилось съ большой волокитой: чтобы получить „номерокъ“ на отпускъ дровъ, нужно было дежурить долгіе часы, иногда дни, „какъ на Шаляпина“.

ясно представить, какъ происходитъ эта продажа, приведу два примѣра изъ газетныхъ описаній.

На станціи Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги продажей дровъ распоряжается командиръ 6-й полицейской роты, капитанъ Саковичъ. Онъ придерживается, такъ сказать, системы посредничества. Являясь въ 8 час. утра, „капитанъ Саковичъ обходитъ торговцевъ и вступаетъ съ ними въ соглашеніе, какая часть вагоновъ можетъ быть уступлена для продажи посаженно. Возникаютъ споры. Торговцы настаиваютъ на томъ, будто имъ необходимо всю партію дровъ поставить въ казенныя и частныя учрежденія. Послѣ торга оказывается, что большую часть вагоновъ торговцы отлично могутъ уступить для продажи посаженно... Желающіе купить дрова образуютъ длинную вереницу и спокойно дожидаютъ очереди“...

На Николаевской желѣзной дорогѣ „установленъ совсѣмъ другой порядокъ продажи дровъ“. Здѣсь примѣняется, такъ сказать, система заранѣе установленныхъ пропорцій. „По инициативѣ капитана Влазнева, изъ каждаго вагона, выдаваемаго на навалочную станцію, двѣ сажени назначаются въ розничную продажу по установленной таксѣ. У конторы, гдѣ дежуритъ публика, капитанъ Влазневъ отбираетъ группы по 18 человѣкъ и самъ разводитъ ихъ по путямъ станціи къ вагонамъ“ [1])...

То же, что съ овсомъ и дровами, происходило и происходитъ сейчасъ съ мясомъ. Надо сказать, что печать съ самаго начала войны усиленно обличаетъ петроградскихъ мясоторговцевъ въ систематическомъ обираніи публики,—обличаетъ, главнымъ образомъ, небольшую кучку оптовыхъ торговцевъ, во главѣ съ однимъ или двумя банками, захватившихъ въ свои руки власть надъ столичнымъ мяснымъ рынкомъ. Для борьбы съ спекуляціей городскому управленію все время настойчиво предлагали открыть свои мясныя лавки,—и особенно благопріятный моментъ для этого былъ въ началѣ осени, когда въ сѣверныхъ губерніяхъ скотъ задешево распродавался изъ-за плохого урожая кормовъ. Тогда можно было сдѣлать большіе запасы, которыхъ, при наличности холодильниковъ, хватило бы надолго. Но городское управленіе все не рѣшалось начать борьбу съ мясоторговцами. „Затѣя городскихъ мясныхъ лавокъ— объяснилъ какъ-то городской голова —провалилась благодаря энергичному противодѣйствію именно торгово-промышленныхъ группъ“ [2]). Какъ бы то ни было, мясоторговцы дѣлали, что хотѣли, на монополизированномъ ими рынкѣ. Правда, на мясо была такса, но это не мѣшало повышенію цѣнъ: такса послушно слѣдовала за ними. Великимъ постомъ цѣна на мясо дошла до 30-32 коп. за фунтъ. Между тѣмъ городское управленіе все-таки

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 16 марта.

[2]) „Новое Время“, 7 января.

раскачалось и незадолго до Пасхи рѣшилось, наконецъ, произвести опытъ покупки мяса. Оказалось, что даже въ это время безъ особыхъ хлопотъ и съ достаточнымъ барышемъ самое лучшее мясо можно продавать по 24 коп. за фунтъ. Это подѣйствовало и на таксу...

16 марта городской голова купилъ мясо, 17 марта объ этомъ появились извѣстія въ газетахъ, а 18 марта „на разсвѣтѣ во всѣхъ полицейскихъ участкахъ столицы были получены срочныя телеграммы съ приказомъ главнокомандующаго о введеніи новой таксы на мясо. Въ шестомъ часу утра въ участки были вызваны всѣ классные чины полиціи, которымъ приказано было немедленно обойти мясныя лавки и объявить владѣльцамъ новую таксу“ [1]). Послѣдняя была назначена именно въ 24 коп. за фунтъ (1-й сортъ). Черезъ два дня градоначальникъ еще понизилъ таксу на 2 коп. [2]). Но полиціи пришлось не только объявить таксу... „Многіе торговцы заявляли, что вынуждены закрыть лавки. Полиція имъ заявляла, что въ этомъ случаѣ лавки будутъ открыты принудительно, владѣльцы ихъ понесутъ строгое наказаніе, а запасы мяса подвергнутся реквизиціи“. Какъ бы то ни было, и мясную торговлю пришлось взять подъ надзоръ,— тѣмъ болѣе, что „дополнительнымъ приказомъ главнокомандующаго участковой полиціи предписано немедленно привлекать къ отвѣтственности всѣхъ продавцовъ мяса, которые будутъ продавать свои продукты выше указанныхъ цѣнъ“ [3]). А времена теперь стоятъ строгія... Такимъ образомъ и мясная торговля происходитъ теперь въ Петроградѣ „подъ наблюденіемъ“.

Я взялъ Петроградъ, но то же самое, несомнѣнно, происходитъ,— а если не происходитъ, то къ этому идетъ дѣло,—и въ другихъ мѣстахъ. Когда пришло первое извѣстіе на этотъ счетъ, то — помню—оно меня нѣсколько поразило и я его отмѣтилъ. Это была телеграмма изъ Тифлиса еще отъ 3 августа: „На базарѣ — говорилось въ ней — разставлены патрули, наблюдающіе, чтобы продукты первой необходимости продавались по утвержденной таксѣ“ [4]). Но потомъ я и отмѣчать не сталъ, — такъ вѣдь и должно быть: если такса не пустой звукъ, то кто-нибудь долженъ наблюдать за ея выполненіемъ, а, кромѣ полиціи, дѣлать это у насъ некому.

---

1) „Рѣчь“, 19 марта.

2) Послѣ того такса успѣла нѣсколько разъ измѣниться и, постепенно повышаясь, дошла уже (по таксѣ 1 апрѣля) до 26 коп. Интересно отмѣтить, что параллельно съ борьбой противъ таксы мясоторговцы повели борьбу и противъ городской мясоторговли (пока еще не открытой). Такъ, частные холодильники отказались принимать дальнѣйшія партіи покупаемаго городомъ мяса. Затѣмъ по городу былъ распространенъ слухъ, что купленное раньше городомъ мясо испортилось, и управѣ для опроверженія этого слуха пришлось прибѣгнуть къ экспертизѣ. О фортелѣ, какой мясоторговцы выкинули въ борьбѣ съ таксой, мнѣ пришлось уже упомянуть выше.

3) „Рѣчь“, 19 марта.

4) „Рѣчь“, 4 августа.

Сами же потребители отстоять свои интересы, даже опираясь на таксы, явно безсильны или неспособны.

Но наблюденіемъ, какъ мы видѣли, дѣло уже не ограничивается. Полиціи приходится вмѣшиваться въ самую торговлю, рѣшать, сколько товара можно продать оптомъ и сколько въ розницу, какой товаръ какому покупателю отпустить—по цѣнѣ, ею же самой назначенной,—и даже откуда этотъ товаръ взять, изъ какого помѣщенія. Еще немного, и полиціи придется, быть можетъ, самой товаръ накладывать, мѣрить и вѣсить. Ну, положимъ, не своими руками она это будетъ дѣлать, а при помощи всецѣло подверженныхъ ей приказчиковъ. Но иначе трудно бороться съ торговымъ обманомъ, обмѣромъ и обвѣсомъ, которые неизмѣнно сопутствуютъ принудительнымъ таксамъ. Суть же та, что хозяйскія права въ торговлѣ все больше и больше будутъ переходить къ полиціи.

Иначе при данныхъ условіяхъ и быть не можетъ, если только администрація, при имѣющихся въ ея распоряженіи рессурсахъ, въ-серьезъ возьмется за дѣло борьбы съ дороговизной. Выводъ, который слѣдуетъ изъ того, что теперь происходитъ въ сферѣ обмѣна, совершенно вѣдь ясенъ и уйти отъ него некуда. Мѣновая организація, съ которой мы такъ долго жили и съ которой, можно сказать, сроднились, въ исключительныхъ условіяхъ переживаемаго теперь времени, оказалась явно несостоятельной и даже опасной. Законъ спроса и предложенія, на которомъ она всецѣло основывается, можетъ привести къ междуусобію. Между тѣмъ замѣнить существующую торговую организацію нечѣмъ; некому даже внести въ нее коррективы, которые ослабили бы ея вредное дѣйствіе. Нѣтъ у насъ ни широко развитой потребительской организаціи, ни самоуправленія настоящаго. Въ низахъ его совсѣмъ нѣтъ, — нѣтъ ни мелкой земской единицы въ селеніяхъ, ни участковаго самоуправленія въ городахъ. Имѣются лишь разрозненные, распыленные обыватели, совершенно безсильные и безпомощные передъ стихіями. Повыше органы самоуправленія какъ будто имѣются, но вообще неудовлетворительные, а для данной задачи и вовсе непригодные. Интересно отмѣтить, что губернаторы, отвѣчая на запросъ министра внутреннихъ дѣлъ, высказались въ томъ смыслѣ, что въ борьбѣ съ дороговизной земству можно еще предоставить руководящую роль, но „положиться на городскія думы, въ составѣ которыхъ есть много заинтересованныхъ въ дороговизнѣ лицъ“, они не считаютъ возможнымъ [1]). Можетъ быть, земскіе дѣятели менѣе заинтересованы въ дороговизнѣ (хотя относительно хлѣба, дровъ, мяса и т. п. этого нельзя, конечно, сказать), но и обезпокоены ею они не такъ ужъ сильно. Все дѣло въ томъ, что представительство наше есть представительство, главнымъ образомъ, имущихъ классовъ, т. е.

[1]) „День“, 18 марта.

производителей, торговцевъ и рентьеровъ, которымъ вздорожаніе продуктовъ прямо выгодно и во всякомъ случаѣ не такъ тягостно, какъ трудящимся массамъ. Поэтому, когда жизнь ставитъ на очередь такія задачи, какъ борьба съ дороговизной, у государственной власти и не оказывается для этого подходящихъ органовъ. Нѣтъ никого, кромѣ полиціи.

II.

Никого, кромѣ полиціи... Словъ нѣтъ, полиція у насъ исполнительная; при выполненіи возложенныхъ на нее порученій она выказываетъ обыкновенно рѣшительность и настойчивость, доходящія иной разъ до стремительнаго натиска; порой она можетъ и по собственной инищіативѣ проявить чрезвычайную распорядительность. Но и за всѣмъ тѣмъ однѣми полицейскими силами справиться съ дороговизной, конечно, не мыслимо.

Прежде всего, этихъ силъ не хватитъ, — не хватитъ даже для торговли только. Такъ, въ Петроградѣ оказалось достаточно полиціи, чтобы назначить дежурство на товарныхъ станціяхъ, въ дровяныхъ дворахъ и даже въ лабазахъ, торгующихъ овсомъ, но для мясныхъ лавокъ, которыхъ гораздо больше, ея уже не хватило. Вмѣсто „стаціонарной" системы пришлось прибѣгнуть къ „разъѣздной" (правильнѣе, къ „разбѣжной", если можно такъ выразиться) и, за невозможностью организовать систематическое наблюденіе за продажей мяса, дѣйствовать спорадическими карами. Полицейскіе чины бѣгаютъ теперь изъ лавки въ лавку и составляютъ протоколы. Ну, а эта система, какъ извѣстно, гораздо менѣе совершенна. Кары на торговцевъ такъ и сыплются; не довольствуясь штрафами и арестами, власти стали прибѣгать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ высылкамъ; были такіе случаи и въ Петроградѣ... [1]) Но все это плохо дѣйствуетъ,—и это видно уже изъ того, что число каръ не

---

[1]) Приведу одинъ изъ нихъ. 13 марта главнымъ начальникомъ петроградскаго военнаго округа объявлено: „Ко мнѣ поступило заявленіе, что дровяной торговецъ Ф. И. Головкинъ (Б. Болотная ул., 33) отказался продать дрова, сославшись на то, что всѣ имѣющіеся у него запасы дровъ на складѣ уже запроданы. Производеннымъ разслѣдованіемъ выяснилось однако, что въ дѣйствительности у него запродана лишь незначительная часть имѣющихся у него дровъ. Съ грустью долженъ отмѣтить, что это — фактъ не единичный. Многіе торговцы позволяютъ себѣ, пользуясь обстоятельствами военнаго времени, прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ ухищреніямъ съ корыстной цѣлью, оставаясь совершенно чуждыми къ интересамъ родины. Подобный способъ торговли въ данное время преступенъ и виновные торговцы не могутъ разсчитывать на пощаду съ моей стороны. Ф. И. Головкинъ высланъ мною изъ Петрограда, а его сына, помогавшаго ему въ сокрытіи дровъ, я приказалъ немедленно посадить за нарушеніе обязательнаго постановленія въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ, а въ случаѣ отсутствія мѣста прислать ко мнѣ въ Петроградскую крѣпость".

уменьшается, а какъ будто даже увеличивается. А извѣстно, что эти кары настигаютъ едва одного изъ многихъ и многихъ, виновныхъ въ томъ же самомъ.

Между тѣмъ въ Петроградѣ взяты подъ особый полицейскій надзоръ пока только три продукта (овесъ, дрова и мясо), въ торговлѣ же ихъ обращаются многія тысячи. Вѣроятно, въ одномъ только Петроградѣ ежедневно совершаются сотни тысячъ покупокъ,—и не мыслимо, чтобы при каждой изъ нихъ присутствовала полиція.

У послѣдней и безъ того дѣлъ безчисленное множество. Положимъ, борьба съ дороговизной является сейчасъ чуть ли не главнымъ дѣломъ, но потомъ вѣдь могутъ найтись другія, болѣе важныя и неотложныя. Да и помимо этого: полицейскимъ чинамъ надоѣстъ вѣдь сидѣть на дровяныхъ дворахъ и въ лабазахъ, надоѣстъ бѣгать изъ лавки въ лавку, вести борьбу изъ-за чужихъ копеекъ, составлять протоколы изъ-за каждой малости,—не говоря уже о томъ, что у нихъ и по другимъ побужденіямъ можетъ явиться склонность къ „снисхожденіямъ“ и „послабленіямъ“. А торговцы—народъ дошлый, каждымъ послабленіемъ воспользуются и изъ маленькихъ копеечекъ большіе рубли составятъ. Главное же, народъ они изобрѣтательный и всякую таксу — какъ выразился г. Шингаревъ въ петроградской думѣ—перехитрятъ.

Впрочемъ, намъ незачѣмъ гадать, какъ можетъ пойти торговля подъ наблюденіемъ полиціи. Опытъ уже имѣется, достаточно присмотрѣться къ нему и его результатамъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы дровяную торговлю въ Петроградѣ.

Въ объявленной градоначальникомъ 3-го марта таксѣ, какъ оказалось, не была предусмотрѣна длина дровъ,—и торговцы немедленно этимъ воспользовались: и безъ того невѣроятно короткія петроградскія дрова они еще больше стали укорачивать. Пришлось таксу спѣшно дополнять спеціальнымъ указаніемъ, что объявленныя въ ней цѣны относятся къ дровамъ восьми-вершковой длины. Но цѣны были назначены только на дрова березовыя и сосновыя, а въ торговлѣ имѣются разныя,—и этимъ торговцы воспользовались: ольховыя дрова и даже осиновыя они стали отпускать не иначе, какъ по цѣнѣ самыхъ дорогихъ, березовыхъ. Березовыхъ нѣтъ, а вотъ осиновыя — извольте. Вновь пришлось дополнять таксу,—тѣмъ временемъ прошло двѣ недѣли,—и 18 марта была назначена цѣна на ольховыя дрова и осиновыя. Но въ продажѣ имѣются еще еловыя дрова и всякія смѣси и варьировать послѣднія можно чуть не до безконечности. Передъ такимъ осложненіемъ вопроса такса остановилась...

Далѣе. Продавать дрова можно съ доставкой и безъ доставки. Цѣны по таксѣ были назначены на дрова безъ доставки. Но какъ только такса была опубликована, то оказалось, что петроградскіе дровяники безъ доставки не продаютъ. „За дрова-то—жаловался

уже черезъ два дня одинъ изъ покупателей въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — дровяникъ беретъ по таксѣ, а за доставку по собственному произволу, т. е. около половины суммы стоимости дровъ“.

— Наживаемъ малость на разстояніи, — пояснилъ елейнымъ голосомъ „благодѣтель“.

А покупатель передъ тѣмъ объяснилъ, что онъ живетъ въ сосѣднемъ домѣ [1]). Другой покупатель — спустя двѣ недѣли — жалуется въ „Рѣчи“ на то же: безъ доставки ему дровъ не дали, а за доставку на разстояніи 20—25 саж. взяли 5 руб. съ сажени и росписку выдали, на бланкѣ фирмы, съ гербовой маркой, все какъ слѣдуетъ: взяли вѣдь на законномъ основаніи,—за дрова по таксѣ, а за доставку по „вольной цѣнѣ“, т. е. сколько вздумалось. Иной дровяникъ соглашается, пожалуй, отпустить и безъ доставки. Обрадованный покупатель бросается къ стоящимъ тутъ же ломовикамъ, но тѣ требуютъ за доставку еще дороже. И это, конечно, понятно: около этого дровяного двора они, можетъ быть, всю жизнь кормятся и не станутъ же его хозяину дѣлать непріятное. Были случаи, что обыватели приводили изъ другихъ мѣстъ подводы, но, пока они за ними ходили, дрова оказывались уже „проданными“... Какъ бы то ни было, и съ этимъ осложненіемъ полиціи приходится считаться. Она проявляетъ, конечно, надлежащую распорядительность, кричитъ на ломовиковъ, грозитъ имъ карами и т. п. Напримѣръ: „Прибывшій полицеймейстеръ Шалфѣевъ—говорится въ газетѣ—заявилъ возчикамъ, что въ случаѣ, если они немедленно не согласятся везти по половинной цѣнѣ, (они требовали по 6-7 руб.) т. е. по 3-3 р. 50 к., то впредь имъ будетъ воспрещенъ въѣздъ на товарную станцію и, кромѣ того, всѣ они подвергнутся административному взысканію. Полк. Шалфѣевъ тутъ же распорядился приступить къ составленію протоколовъ, послѣ чего всѣ возчики немедленно принялись за укладку и развозку дровъ“ [2]). Но и такимъ путемъ не всегда удается добиться скидки [3]). Градоначальникъ обѣщалъ таксировать и доставку, но когда я пишу это — мѣсяцъ спустя послѣ опубликованія дровяной таксы — вопросъ все еще остается неурегулированнымъ и цѣна на дрова продолжаетъ быть, въ сущности, произвольной.

Между тѣмъ доставать дрова стало еще труднѣе. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, нѣкая „домовладѣлица Петроградской части“:

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 7 марта.

[2]) „Биржевыя Вѣдомости“, 18 марта.

[3]) Насколько велика плата даже въ 3-3 р. 50 к. съ сажени, ясно будетъ изъ слѣдующаго. На подводу кладется $1^1/_2$ саж. (при петроградскихъ мостовыхъ и лошадяхъ можно даже больше). Если извозчикъ сдѣлаетъ въ день только два конца, то и то заработаетъ 9—10 р. 50 к. Деньги загребаетъ, конечно, не самъ ломовикъ, а его хозяинъ, выпускающій, быть можетъ, 20—30 подводъ.

„Вотъ уже недѣля, какъ я съ утра рыскаю по всѣмъ вокзаламъ и ищу дровъ... Вчера поѣхала на Лиговку, на Царскосельскую желѣзную дорогу. Не продаютъ. Почему? Смѣются. По таксѣ не продаются. Согласна безъ таксы. Не продаютъ. Почему? „Протокола не желаемъ“. День пропалъ. Сегодня ѣду съ утра на Балтійскій. Повторяется та же исторія. Дровъ много, но съ вами даже не разговариваютъ. Воспользовавшись приходомъ полицейскаго офицера, я обратилась къ нему за протекціей. Онъ заставилъ продать мнѣ дрова, но такъ какъ стоять тутъ же все время онъ не могъ, то какъ только онъ удалился, было объявлено, что продадутъ одну сажень. Согласилась. Нѣтъ кладчиковъ, т. е. ни одинъ не соглашается складывать дрова. Опять къ содѣйствію полиціи. Нашли кладчика. Сложили сажень. Иду нанимать подводу. Даю 4 руб. Не ѣдутъ, не желаютъ. Итакъ, проѣхавшись съ Петроградской стороны на Балтійскій вокзалъ, простоявъ на морозѣ 3 часа, потерявъ день, я вернулась домой безъ дровъ. Посылала на Финляндскій вокзалъ. Не продаютъ. Что намъ, домовладѣльцамъ, дѣлать? Куда и къ кому обратиться? Какъ исполнить взятое на себя обязательство по отношенію къ жильцамъ“? [1]) „Въ моемъ домѣ—писалъ какой-то „управляющій“—есть больныя корью дѣти, одинъ старикъ съ воспаленіемъ легкихъ. А въ квартирѣ 11 градусовъ. И я не могу топить изъ страха остаться на завтра безъ топлива“ [2]). Но отопленіе отъ домовладѣльца дается въ сравнительно немногихъ домахъ. Въ громадномъ же большинствѣ петроградскіе квартиранты сами, оставивъ своихъ дѣтей и стариковъ, должны бѣгать и искать дрова по городу.

И чѣмъ дальше, тѣмъ доставать ихъ становилось труднѣе. „Необходимы экстренныя мѣры,—читали мы въ „Днѣ“ отъ 19 марта.—Вчера населеніе огромной столицы оказалось безъ дровъ. Въ отчаяніи люди метались изъ одного склада въ другой—всюду дровяники отвѣчали: „дровъ нѣтъ“. На городскихъ складахъ дровъ нѣтъ. Можно получить записку и по этой запискѣ вамъ обѣщаютъ чрезъ недѣлю отпустить дрова. На дровяныхъ дворахъ высятся огромные штабеля дровъ. Но все это, говорятъ, продано. На товарныхъ станціяхъ отпускаются небольшія партіи дровъ непосредственно потребителямъ и здѣсь происходятъ тяжелыя сцены: ждутъ очереди по нѣсколько часовъ втеченіе нѣсколькихъ дней и уходятъ ни съ чѣмъ. Какіе-то ловкіе господа умудряются получать дрова внѣ очереди. О цѣнахъ никто уже не спрашиваетъ. Дровяники хранятъ передъ толпами отчаявшихся людей какое-то тупое, грозное молчаніе. Раздается ропотъ измученныхъ поисками женщинъ, въ домахъ которыхъ холодно, кото-

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 8 марта.
[2]) „Биржевыя Вѣдомости“, 28 февраля.

рымъ нельзя приготовить дѣтямъ горячую пищу. На лицахъ печать страданія и крайняго ожесточенія одновременно"...

Такъ обстояло дѣло съ продажей дровъ спустя двѣ-три недѣли послѣ опубликованія таксы,—раздавались вопли, еще болѣе сильные, пожалуй, чѣмъ до ея введенія.

Возможно, конечно, что дрова въ это время продавались „подъ сурдинку", „изъ-подъ полы", такъ сказать, — „по вольной цѣнѣ". Нѣкто г. Б. К. разсказалъ въ „Рѣчи" такую исторію. Въ поискахъ дровъ, послѣ безплоднаго мыканья по дровянымъ дворамъ, его жена отправилась на Николаевскую желѣзную дорогу, но и тамъ дровъ не получила. Распоряжавшійся тамъ продажей ихъ помощникъ пристава сказалъ ей: „Сегодня получили дрова болѣе ста человѣкъ, а приходило за дровами человѣкъ семьсотъ. Сейчасъ много раненыхъ, нужны дрова въ лазареты, и потому всѣхъ удовлетворить не можемъ". „На обратномъ пути съ товарной станціи — продолжаетъ свою „скорбную исторію" г. Б. К. — къ моей женѣ подошелъ какой-то типъ и спросилъ: — Что же, по таксѣ не купили дровъ?—Нѣтъ, не купила.—Да вѣдь дровъ масса. Хотите я вамъ продамъ рублей за 15 сажень? Приходите завтра, я васъ здѣсь найду" [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что тѣ „ловкіе господа", которыхъ замѣтилъ хроникеръ „Дня" и которые „умудрялись получать дрова внѣ очереди",—и были ни больше, ни меньше, какъ измученные поисками покупатели, заранѣе и безъ всякаго шума сдавшіеся на капитуляцію „какимъ-то типамъ". Во всякомъ случаѣ этимъ господамъ дрова обошлись, конечно, дороже таксы..

Но возможно и то, что дровяники, не „желая торговать съ непріятностями", какъ это объяснили г-ну Б. К. на одномъ изъ дровяныхъ складовъ, сократили свою торговлю и ограничили ее поставкой „на мѣста", т. е. контрагентамъ, съ которыми ими были заключены договоры. Помимо „непріятностей", такса спутала вѣдь и ихъ разсчеты. Въ самомъ дѣлѣ: дали имъ возможность вздуть цѣну до 20 руб. за сажень, а потомъ сразу урѣзали ее вдвое. Между тѣмъ въ разсчетѣ на 20-рублевую цѣну они, быть можетъ, уже произвели закупки, подѣлились своими барышами съ другими живущими около дровъ, лицами, и продавать по таксѣ имъ, дѣйствительно, не выгодно. „Чѣмъ по этимъ цѣнамъ работать на людей, такъ мы лучше совсѣмъ торговать не будемъ", — сказали тому же Б. К. на складѣ Головкина (повидимому, того самаго, который въ тотъ же день былъ высланъ изъ Петрограда). И дровяники, быть можетъ, прекратили подвозъ дровъ на склады.

Возможно и то, наконецъ, что острый недостатокъ дровъ, какой пережила столица передъ Пасхой, объяснялся неурядицами на желѣзныхъ дорогахъ, недостаточной подачей ими вагоновъ съ дровами.

Какъ бы то ни было, изъ сказаннаго ясно, что одной распоря-

([1] „Рѣчь", 18 марта.

дительностью въ товарныхъ складахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, какъ бы много этой распорядительности ни проявила полиція, съ дороговизною не сладишь. А если и сладишь, то, пожалуй, оставишь населеніе и безъ дровъ, и безъ хлѣба. Дѣло вѣдь не въ томъ только, чтобы продать имѣющіеся въ складахъ и прибывающіе въ столицу товары, но и въ томъ, чтобы закупить ихъ на мѣстахъ производства и затѣмъ своевременно доставить.

III.

Правда, наша полиція, разъ это нужно, готова взяться даже за производство. Приведу хотя бы такой примѣръ изъ той же петроградской жизни. Въ ряду другихъ продуктовъ здѣсь страшно вздорожали овощи. Достаточно сказать, что каждая картофелина обходится теперь чуть не по копейкѣ, луковица, стоитъ 2-3 коп., за фунтъ свѣжей капусты берутъ 15 коп. (въ прежніе годы въ это время 3 — 3½ коп.). Цѣны прямо безбожныя, но объ этомъ какъ-то даже не говорятъ: всѣ заняты болѣе крупными продуктами, — углемъ, хлѣбомъ, мясомъ, дровами. Но отъ градоначальника и овощи, повидимому, не ускользнули, — по крайней мѣрѣ, при случаѣ онъ и о нихъ вспомнилъ. „При объѣздахъ столицы— прочли мы какъ-то въ газетѣ — онъ обратилъ вниманіе на массу пустующихъ участковъ на окраинахъ города. Разработка на каждомъ свободномъ клочкѣ земли хотя бы небольшого огорода дастъ возможность имѣть на мѣстѣ съ наступленіемъ теплаго времени тѣ продукты, цѣны на которые по недостатку подвоза будутъ довольно высокими". И градоначальникъ немедленно „отдалъ распоряженіе, чтобы при всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи чиновъ градоначальства, были устроены огороды-школы съ привлеченіемъ въ нихъ для обученія воздѣлыванію земли, выращиванію овощей, посадкѣ картофеля, капусты и зелени дѣтей семействъ, призрѣваемыхъ при пріютахъ" [1]).

Легко однако понять, что одной готовности заняться даже производствомъ для борьбы съ дороговизной мало. Вотъ и въ данномъ случаѣ: пустующихъ участковъ въ столицѣ, чтобы снабдить ее овощами, конечно, недостаточно; не хватитъ и полицейскихъ дѣтей, чтобы ихъ воздѣлать; главное же, не хватитъ времени, — дѣтей вѣдь нужно еще обучить выращиванію овощей. Едва-ли поэтому „съ наступленіемъ теплаго времени" петроградцы будутъ имѣть дешевыя овощи. Конечно, и градоначальникъ на это не разсчитывалъ, — вѣроятно, газета уже отъ себя такъ упростила его планъ. Учреждая огороды-школы при полицейскихъ пріютахъ, градоначальникъ, нужно думать, имѣлъ въ виду болѣе отдаленное будущее...

Но я взялъ этотъ примѣръ, такъ какъ онъ вполнѣ ясно пока-

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 2 марта.

зываетъ, что одной полицейской организаціи, какъ бы она ни была развѣтвлена, для борьбы съ дороговизной недостаточно. А другой, которая какъ разъ наиболѣе подходила бы для этого, ни вверху, ни внизу у насъ не имѣется.

Чуть не всѣ наиболѣе крупныя и вліятельныя общественныя и промышленныя организаціи [1]) уже высказались за необходимость учрежденія общеимперскаго комитета съ участіемъ общественныхъ представителей, который вѣдалъ бы вопросъ о дороговизнѣ во всемъ его объемѣ. Менѣе пока привлекаетъ къ себѣ вниманія отсутствіе надлежащей организаціи на мѣстахъ, но потребность въ ней, несомнѣнно, ощущается очень сильно. Извѣстенъ уже цѣлый рядъ попытокъ создать какой-либо суррогатъ ея и внизу.

Была предпринята такая попытка и въ Петроградѣ. Городской голова гр. И. И. Толстой вошелъ съ предложеніемъ въ междувѣдомственное совѣщаніе при штабѣ мѣстнаго военнаго округа объ организаціи мѣстныхъ участковыхъ комитетовъ подъ предсѣдательствомъ участковаго члена управы для непосредственнаго надзора за торговцами—за качествомъ товаровъ, цѣной, вѣсомъ и т. д. Эти комитеты съ своей стороны должны были привлечь мѣстныхъ жителей для наблюденія за торговлей, подѣливъ между ними участки по одному-два квартала на каждаго. Само собой понятно, что комитетамъ предполагалось предоставить нѣкоторую долю власти, хотя и очень небольшую, а именно только право привлекать недобросовѣстныхъ торговцевъ къ законной отвѣтственности. Свое предложеніе городской голова внесъ въ срединѣ февраля и газеты высказывали увѣренность, что „проектъ встрѣтитъ полную поддержку". Черезъ три недѣли коммиссія ген. Зальца разсмотрѣла этотъ проектъ и не нашла возможнымъ съ нимъ согласиться. Съ своей стороны, она рекомендовала городу ближе держаться къ дѣйствующему городовому положенію и на основаніи 103 ст. этого положенія избрать для надзора за торговлей попечителей [2]).

Сообразуясь, повидимому, съ этимъ указаніемъ, городское управленіе выработало проектъ учрежденія городскихъ попечительствъ, который и былъ разсмотрѣнъ въ чрезвычайномъ засѣданіи городской думы 17 марта, созванномъ спеціально для обсужденія вопроса о дороговизнѣ. Здѣсь проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны торговцевъ, но все-таки былъ принятъ думой. Чрезъ нѣсколько дней сдѣлалось однако извѣстнымъ, что думское постановленіе о попечительствахъ опротестовано градоначальникомъ. Сообщая объ этомъ, „Новое Время" замѣтило: „такимъ образомъ, точка зрѣнія административной власти совпала по этому вопросу съ мнѣніемъ гласныхъ купцовъ, возмущавшихся въ засѣданіи думы

[1]) Напримѣръ, петроградская и московская городскія думы, общегородской союзъ, Императорское техническое общество, совѣтъ съѣздовъ представителей торговли и промышленности и т. д.

[2]) См. „День", 18 февраля и 10 марта.

тѣмъ, что надъ ихъ торговой дѣятельностью будетъ учрежденъ надзоръ отъ города и обывателей" [1]).

Вѣроятно, градоначальникъ просто призналъ и положеніе о попечительствахъ не вполнѣ согласованнымъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Возможно и то, что онъ нашелъ его идущимъ въ разрѣзъ съ общимъ курсомъ, котораго держится министерство внутреннихъ дѣлъ, недовѣрчиво относящееся, какъ извѣстно, ко всякимъ организаціямъ изъ-за опасенія возможныхъ съ ихъ стороны политическихъ увлеченій. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что именно политика, какъ это не разъ уже бывало, преградила дорогу экономикѣ.

Какъ бы то ни было, и суррогатовъ создать никакъ не удается. Между тѣмъ не суррогаты въ данномъ случаѣ нужны, а надлежащая, хотя бы и наскоро созданная, общественная организація. Положеніе, если вдуматься въ него, представляется въ высшей степени серьезнымъ и до-нельзя острымъ. Дороговизна наростаетъ съ неимовѣрной быстротой, процессъ получилъ уже стихійный характеръ и, чтобы сладить съ нимъ, даже только задержать его, каждый день дорогъ. Между тѣмъ дѣло не въ дороговизнѣ только, не въ томъ только, что одни граждане незаслуженно обогащаются за счетъ другихъ. Параллельно идетъ еще болѣе грозный процессъ—разстройство обмѣна. Неразрывно связанное съ дороговизной—связанное, и какъ причина, и какъ слѣдствіе,—оно можетъ настолько усилиться, что окажется, пожалуй, грознѣе даже вражескаго нашествія.

Въ самомъ дѣлѣ: вотъ, мы все надѣемся и ждемъ, что Германія сдастся и запроситъ мира у союзниковъ изъ-за недостатка продовольствія. Можетъ быть, оно такъ и будетъ. Но если это произойдетъ, то, несомнѣнно, не раньше, чѣмъ запасы продовольствія у нѣмцевъ, дѣйствительно, будутъ исчерпаны.

Съ нами же можетъ произойти другая, но не менѣе скверная исторія. Даже имѣя хлѣбъ, мы, пожалуй, будемъ голодать и, даже имѣя уголь, остановимъ фабрики. Кое-гдѣ это уже и происходитъ.

Дороговизна является до извѣстной степени показателемъ, какимъ темпомъ идетъ и насколько далеко уже зашелъ этотъ угрожающій народному благополучію процессъ. А дороговизна у насъ наростаетъ такъ быстро, какъ нигдѣ. Цѣны на нѣкоторые продукты, какъ мнѣ приходилось упоминать, у насъ уже увеличились мѣстами на 100, на 200 и даже болѣе процентовъ, — и нерѣдко какъ разъ на тѣ самые продукты, которыми мы богаты. Такого быстраго повышенія цѣнъ не наблюдается даже въ Германіи при всѣхъ ея недостачахъ.

Дошло вѣдь до того, что г. Столыпинъ изъ „Новаго Времени" какъ будто завидуетъ нѣмцамъ Вотъ вѣдь что онъ пишетъ: „При-

[1]) „Новое Время", 24 марта.

ходится отмѣтить, что такіе продукты, какъ мясо, рыба и овощи —вѣроятно, благодаря строгой организаціи,—у нашихъ враговъ очень не дороги. Лососина, напримѣръ, стоитъ 50 пфениговъ за фунтъ, мясо—восемьдесятъ пфениговъ, головка цвѣтной капусты отъ десяти до двадцати пфениговъ. При этомъ надо помнить, что германскій фунтъ равняется нашему фунту съ четвертью. Но что меня поразило, такъ это расцѣнка рябчиковъ по маркѣ десяти пфениговъ. Выходитъ, что какимъ-то образомъ нѣмцы достаютъ нашу сибирскую птицу дешевле, чѣмъ въ Петроградѣ" [1]). Конечно, г. Столыпинъ заинтересовался больше всего лососиной, цвѣтной капустой, рябчиками, но и онъ понимаетъ, что секретъ сравнительной дешевизны въ „строгой организаціи". Правда, организацію онъ представляетъ себѣ, повидимому, довольно своеобразно. „Въ Берлинѣ—говоритъ онъ—ни поваръ, ни кухарка не могутъ втирать очковъ своимъ хозяевамъ, потому что на первой страницѣ газетъ крупнѣйшимъ шрифтомъ и до мелочей подробно напечатаны цѣны рѣшительно всякой провизіи, какая только можетъ потребоваться въ хозяйствѣ". Возможно, что и для Россіи г. Столыпину представляется совершенно достаточной такая организація: крупнѣйшимъ шрифтомъ на первой страницѣ въ „Новомъ Времени" будутъ печатся (конечно, за казенный счетъ) цѣны на всѣ продукты, повара и кухарки не будутъ послѣ этого втирать очки читателямъ газеты,—и все тогда пойдетъ прекрасно.

Но мы уже знаемъ, что дороговизна зависитъ не отъ поваровъ и кухарокъ,—и стало быть, организаціи, направленной только противъ ихъ козней, недостаточно. Можетъ быть, не лишнее было бы этой организаціи въ серьезъ поучиться у нѣмцевъ, — благо и у враговъ учиться можно (учился же Петръ Великій у шведовъ, и еще пилъ потомъ за ихъ здоровье). Тогда мы узнали бы, что на полицію въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной нѣмцы не положились, а обратились къ муниципалитетамъ (гораздо болѣе демократичнымъ, чѣмъ у насъ) и къ другимъ общественнымъ организаціямъ, вплоть до руководимыхъ соціалъ-демократіей профессіональныхъ союзовъ. Поторопились они создать и новыя общественныя организаціи, когда существующихъ не хватало, и не побоялись предоставить имъ столько власти, сколько требуется для успѣха дѣла.

Во всякомъ случаѣ, будемъ или не будемъ мы учиться у нѣмцевъ, секретъ ихъ мы знаемъ. И этимъ секретомъ нужно, какъ можно скорѣе, воспользоваться. Все дѣло — въ организаціи, въ народной организаціи, и съ этого именно необходимо начать планомѣрную борьбу съ дороговизной. При помощи же полиціи только съ нею нельзя справиться...

А. В. Иноходцевъ.

---

[1]) Цитирую по „Кіевской Мысли" отъ 25 января.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ив. Бунинъ. „Чаша жизни“. Разсказы 1913—14 г. Кн-во писателей въ Москвѣ. Стр. 173. Ц. 1 р. 50 к.

Въ художественномъ отношеніи новый сборникъ разсказовъ (и немногихъ стиховъ) г. Бунина выше того, что до сихъ поръ дано было этимъ писателемъ. И это характерно для его творческаго склада, въ томъ отношеніи характерно, что Бунинъ—не частый примѣръ русскаго художника слова, развившаго и продолжающаго упорно развивать свой прирожденный даръ, ни на одинъ моментъ не успокаиваясь на достигнутомъ, не утерявшаго изъ отпущеннаго ему таланта ни единаго грана. При чтеніи его разсказовъ испытываешь чувство прямо противоположное тому, какое рождаютъ въ читателѣ разсказы, напримѣръ даже, Куприна или Андреева. У нихъ, у Куприна особенно, чувствуется перевѣсъ дарованія надъ его культурой, у Бунина—перевѣсъ культуры надъ талантомъ. Онъ не малъ, но культура—много больше. И, отпраздновавъ четверть вѣка своей дѣятельности, онъ все-таки продолжаетъ напряженно работать, шлифовать и шлифовать свой драгоцѣнный камушекъ, продолжаетъ учиться и рости. Талантъ его не настолько великъ, чтобы стихійно укрыть отъ читателя эту свою культуру, порой она даже какъ бы отдѣляется, точно инородная жидкость, и видна читателю въ своемъ изолированномъ бытіи, но *въ общемъ* все-таки остается впечатлѣніе непрерывнаго движенія и совершенствованія художника, постояннаго роста его.

И тѣмъ не менѣе читаешь Бунина всегда съ какимъ-то напряженіемъ, безъ той легкости, когда страницы, что называется, глотаешь, какъ читаешь Тургенева, Чехова. Здѣсь напряженность писательскаго труда Бунина, несомнѣнно, является одной изъ главныхъ причинъ, но не единственной. Равную по значенію роль играетъ и содержаніе его произведеній.

Во-первыхъ—у него обнаруживается (и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе) склонность къ живописи безъ фабулы, всегда объединяющей впечатлѣнія читателя и облегчающей работу его воображенія. Во-вторыхъ—онъ склоненъ къ образному воплощенію отвлеченныхъ философскихъ построеній, довольно сложныхъ порой, и нерѣдко нѣсколько туманныхъ и субъективныхъ. Наконецъ, въ-третьихъ,—колоритъ его философіи въ общемъ довольно мраченъ, что опять-таки сгущаетъ впечатлѣніе напряженности, хотя и иными психологическими путями... „Я еще не буддистъ, но Будда, какъ всѣ великіе религіозные учители, понялъ, что значитъ жизнь Личности, этой преходящей формы, намаруны, какъ онъ называлъ ее, въ этомъ „мірѣ быванія“, въ этой вселенной, которой мы не

постигаемъ—и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ,—и вотъ, только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человѣкъ въ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ этомъ страшномъ Все-Единомъ, только тамъ понимаемъ въ слабой мѣрѣ, что значитъ эта наша жалкая Личность"..

Эта, правда, не новая, мрачная философія, въ которой величіе природы и безмѣрность человѣческой исторіи являются лишь оттѣняющимъ фономъ для жалкой слабости Личности—особенно выразительно звучитъ въ устахъ ея носителя, человѣка съ какой-то остановившейся, окаменѣлой душой, „кое-что чувствующаго и думающаго" исключительно благодаря лишь тому, что и самого себя онъ истерзалъ жестокими испытаніями и уничтожилъ не мало человѣческихъ существованій на всѣхъ широтахъ и долготахъ земного шара.

Тутъ возможенъ, разумѣется „отводъ",—мрачная философія принадлежитъ-де не автору, а его герою,—но отводъ будетъ формаленъ... Та объективная философія, которая сама вытекаетъ изъ жизненныхъ фактовъ, рисуемыхъ Бунинымъ—вполнѣ совпадаетъ и съ мрачной философіей его героя, выраженной къ тому же съ подлиннымъ лирическимъ подъемомъ. Вотъ герои разсказа „Чаша жизни", вся недюжинная отъ природы сила которыхъ цѣликомъ уходитъ въ пустую, на какую-то призрачную борьбу, на какія-то роковыя и при томъ фатальныя ошибки жизни. Вотъ эти *„братья"* (таково названіе разсказа): одинъ рикша, другой его сѣдокъ, уничтожающій перваго такъ, мимоходомъ, для самого себя незамѣтно, бездумно, безъ ненависти, любви и жалости. Вотъ героиня разсказа „При дорогѣ"—дѣвушка съ громадными залежами кипучей женской любви, дремлющей въ душѣ, разбуженной грубой, хищной и жадной, подлинно-вороватой рукой проѣзжаго мѣщанина себѣ и ей на безцѣльную погибель. Вотъ мужикъ („Весенній вечеръ"), убивающій нищаго изъ-за денегъ и кидающій эти деньги прочь отъ себя... Безцѣльная, мрачная гибель людей, точно мелкихъ пресмыкающихся, раздавливаемыхъ какой-то тяжкой стопой, какая-то всемірная асфиксія, всемірная безшумная и безцѣльная гибель. Правда, есть въ книжкѣ и „Святые", но они—лишь одна видимость, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ мірѣ дѣйствительности; эти святые—наполовину измышлены, наполовину вычитаны изъ лубочныхъ книжекъ стариннымъ крѣпостнымъ Арсеничемъ, у котораго вѣдь не даромъ „душа не нонѣшняго вѣку", которому „Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дару старцы

валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ домогаются. Этотъ прелестный даръ слезный даръ называется". Въ слезливо-сантиментальныхъ измышленіяхъ умиленнаго барской лаской двороваго человѣка нашли себѣ послѣдній пріютъ люди святые, если же читателю „понадобится справка о нашемъ времени", о нравахъ и типахъ его, то—замѣчаетъ авторъ въ концѣ *святочнаго* разсказа—„пригодится, можетъ быть, и моя справка, и мой святочный разсказъ въ старомъ, добромъ стилѣ".

Это—разсказъ о дряхломъ, восьмидесятилѣтнемъ земскомъ архиваріусѣ Фисунѣ, который твердо вѣрилъ въ разъ навсегда предустановленный порядокъ жизни, въ силу котораго люди дѣлятся на разряды, на людей нижнихъ и верхнихъ этажей, при чемъ первые, ничтожества, и въ числѣ ихъ самъ Фисунъ, должны стоять на вытяжку передъ вторыми. И развѣ не правъ онъ былъ? Когда историческая весна взломала ледъ русской жизни, Фисунъ первый разъ въ жизни осмѣлился подняться изъ архивнаго подвала въ залъ земскаго собранія, какъ разъ, когда говорилъ рѣчь ветеранъ земскаго либерализма Станкевичъ, „левъ русской гражданственности", призывавшій „безъ страха и сомнѣнія впередъ, на борьбу, во славу демократіи"; „торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ". Но что принесла Фисуну эта первая, услышанная имъ рѣчь? Гибель! И не славную какую-нибудь, въ духѣ рѣчи Станкевича, а самую жалкую и позорную: онъ, не зная порядковъ въ этомъ чуждомъ этажѣ, занялъ уединенное помѣщеніе въ концѣ коридора, предназначенное лишь для высшихъ земскихъ чиновъ, занялъ и, какъ на грѣхъ, задержался по немощи своей старческой, а утомленный демократической рѣчью Станкевичъ, вынужденный долго ждать у двери, какъ только показался Фисунъ, накинулся на него: „Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ? Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господское помѣщеніе?"—и затопалъ ногами старый либералъ на еще болѣе стараго архиваріуса... Обмеръ Фисунъ и черезъ недѣлю Богу душу отдалъ.

Такъ вотъ она справка Бунина „о нашемъ времени". Вотъ какова цѣнность личности, и въ нижнемъ, и въ верхнемъ этажѣ пребывающей. Возможенъ, конечно, споръ если не о правдоподобности описаннаго эпизода („Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ"), то о типичности его, о его, такъ сказать, значимости въ русской жизни, въ извѣстный ея періодъ. Но рѣчь сейчасъ не объ этой объективности, а лишь о Бунинской субъективности. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи сомнѣнія устраняются самимъ авторомъ, который опредѣленно заявляетъ, во-первыхъ, что смерть Фисуна „отчасти смутила кое-кого изъ насъ, въ томъ числѣ и меня", во-вторыхъ недвусмысленно опредѣляетъ и размѣры этого „отчасти", предлагая свой разсказъ не въ качествѣ историческаго рѣдкаго анекдота, но именно въ качествѣ „справки о нашемъ времени"...

Можетъ ли послѣ этого не быть мрачнымъ тонъ, колоритъ и общій философскій смыслъ его разсказовъ?

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ дѣлается это сознательно, но уже установилась традиція, что за мрачными разсказами Бунина слѣдуютъ его прекрасные, свѣтлые, подымающіе стихи,—точно за ядомъ противоядіе. Съ теченіемъ времени и стихи Бунина мѣняются и въ нихъ видна постоянная работа усовершенствованія, но, такъ сказать, въ направленіи, обратномъ его прозѣ. Все прозрачнѣе и теплѣе становится ихъ содержаніе, все проще, „элементарнѣе", примитивнѣе ихъ форма. Большинство помѣщенныхъ въ книгѣ стихотвореній приближается уже къ тому роду, который Д. Н. Овсянико-Куликовскій называетъ „натуральной лирикой",—до того просты ихъ слова, сочетанія, ритмы...

...Вотъ и свѣтлый
Выходъ въ небо, въ лунный блескъ и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
Кажутся вдали дома и церкви! („Въ Венеціи")

И, кажется, во всѣхъ многочисленныхъ „мужицкихъ" разсказахъ Бунина не найти ни одной страницы съ авторскимъ лиризмомъ, хотя бы отдаленно напоминающимъ тотъ, что насквозь проникаетъ его „Причастницъ"—этотъ глубоко-содержательный и законченный шедевръ поэтической миніатюры:

Свѣжа въ апрѣлѣ ранняя заря.
Въ тѣни у хатъ хруститъ ледокъ стеклянный.
Причастницы къ стѣнамъ монастыря
Несутъ дѣтей—исполнить долгъ желанный.
Прими, Господь, счастливыхъ матерей,
Отверзи храмъ съ блистающимъ престоломъ—
И у святыхъ Своихъ дверей
Покрой ихъ звономъ благостно-тяжелымъ.

Очень хороши также „Плачъ ночью", „Тора",—съ ихъ удивительнымъ, какимъ-то благостнымъ и торжественнымъ созерцаніемъ... Да, совсѣмъ различные люди Бунинъ-поэтъ и Бунинъ-прозаикъ!

А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ". Изданіе редакціи журнала „Завѣты". Спб. 1914. Стр. 244. Ц. 1 р.

Книга А. И. Иванчина-Писарева уводитъ читателя въ ту далекую уже отъ насъ эпоху 70-хъ годовъ, когда значительную часть русской интеллигентной молодежи охватило стремленіе „идти въ народъ" и въ совмѣстной жизни съ трудовыми массами прививать имъ свои соціально-политическіе взгляды. Авторъ книги не даетъ общихъ характеристикъ этого движенія, его участниковъ и результатовъ, не строитъ никакихъ широкихъ обобщеній. Онъ просто

разсказываетъ о томъ опытѣ „хожденія въ народъ“, который былъ продѣланъ имъ самимъ въ видѣ службы волостнымъ писаремъ сперва въ Самарской, потомъ въ Саратовской губерніи, и только мимоходомъ, когда это совершенно необходимо для ясности разсказа, касается общихъ условій эпохи. Мимоходомъ же сообщаетъ онъ интересныя свѣдѣнія объ Ю. И. Богдановичѣ, А. К. Соколовѣ, В. Н. Фигнеръ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, шедшихъ въ тѣ годы тою же дорогою, какъ и авторъ воспоминаній, и оставившихъ по себѣ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ въ исторіи нашей общественности. И тѣмъ не менѣе читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ А. И. Иванчина-Писарева не только разсказъ объ интересныхъ людяхъ и интересныхъ жизненныхъ эпизодахъ, но и нѣчто большее,—найдетъ цѣнный матеріалъ для сужденія объ одной изъ наиболѣе любопытныхъ эпохъ нашего общественнаго движенія. Въ простомъ, безхитростномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живомъ и увлекательномъ повѣствованіи автора сами собою ярко обрисовываются и бытъ тогдашней деревни, и характерныя особенности шедшей „въ народъ“ молодежи, и та атмосфера, которую она встрѣчала вокругъ себя съ момента своего „ухода въ народъ“, и тѣ послѣдствія, какія получались при сближеніи этой молодежи съ крестьянскимъ населеніемъ,—и все это естественно складывается въ цѣльную картину, дающую обильный матеріалъ для размышленій и выводовъ. „Незабвенной памяти Николая Константиновича Михайловскаго, любившаго слушать мои деревенскіе разсказы“,—написалъ авторъ въ посвященіи своей книги. И, думается намъ, современные читатели не разойдутся съ покойнымъ писателемъ въ оцѣнкѣ этихъ разсказовъ, и въ письменной передачѣ сохранившихъ свой интересъ и свѣжесть.

В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Изданіе третье, переработанное. Петроградъ. 1915. Стр. 592. Цѣна 3 р. 25 коп.

Новое изданіе работы харьковскаго историка является въ весьма пополненномъ и мѣстами заново обработанномъ видѣ. Уже успѣхъ, выпавшій на долю первыхъ двухъ изданій, быстро разошедшихся, показываетъ, что книга оказалась нужною не только спеціалистамъ, но и широкой публикѣ, ищущей самообразованія. И въ самомъ дѣлѣ, книга проф. Бузескула—лучшее пособіе, какое имѣется на русскомъ языкѣ по данному вопросу. Сухая и схематическая книжка Пельмана, имѣющаяся въ русскомъ переводѣ, не можетъ идти въ сравненіе съ этою работою. Книга проф. Бузескула, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ второго ея изданія, была издана по-чешски чешскою академіею наукъ, и, если не ошибаемся, тоже имѣла тамъ успѣхъ,—хотя чешская наука по исторіи Греціи отнюдь не бѣдна и хотя все, сколько-нибудь значительное, что появляется въ научной литературѣ Германіи, обыкновенно тотчасъ переводится на чешскій языкъ. Этотъ успѣхъ книги въ Россіи и заграницею

объясняется, прежде всего, громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ авторомъ и прекрасно класфицированнымъ, продуманностью общаго плана и частей труда, прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ, безпристрастіемъ автора при изложеніи и критикѣ чужихъ взглядовъ и теорій. Авторъ даетъ сначала обширный обзоръ источниковъ греческой исторіи (посвящая очень содержательныя главы, между прочимъ, современному состоянію папирологіи, а также характеристикѣ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Полибія, Діодора Сицилійскаго),—а затѣмъ переходитъ къ исторіи постепеннаго развитія завоеваній науки въ этой области—въ познаніи судебъ древней Греціи. Мы бы только высказали сожалѣніе, что проф. Бузескулъ такъ скупъ на слова, когда говоритъ объ исторіографіи *до* начала XIX столѣтія. И не слишкомъ ли онъ строгъ и пренебрежителенъ къ великимъ эрудитамъ XVI — XVII столѣтій? Вѣдь все-таки они первые вошли въ дремучій лѣсъ и не всѣ просѣки, ими сдѣланныя, оказались ненужными. Древняя Греція не нашла въ XVII столѣтіи своего Дюканжа, котораго нашла Византія; но исторія европейской эрудиціи будетъ неполна, если мы упорно будемъ замалчивать этихъ первыхъ крупныхъ представителей научной любознательности. За то превосходенъ обзоръ движенія науки въ XIX—XX вв. Предъ читателемъ проходитъ цѣлая галлерея прекрасно схваченныхъ портретовъ; авторъ анализируетъ и находитъ слѣды политическихъ и соціальныхъ предпочтеній и ренденцій, заставлявшихъ того или иного ученаго черпать въ истотіи древней Греціи аргументы, нужные для борьбы, кипѣвшей въ XIX вѣкѣ; рядомъ мы видимъ изслѣдователей, для которыхъ ихъ работа—альфа и омега всѣхъ ихъ усилій, которые цѣнятъ добываемые результаты, безотносительно къ содержанію, къ характеру этихъ результатовъ; предъ нами проходятъ творцы грандіозныхъ конструкцій и концепцій, люди творческаго ума,—и рядомъ—безпощадные критики, торжествующіе, когда имъ удастся открыть недоброкачественность въ самыхъ матеріалахъ для построекъ. Проф. Бузескулъ не любитъ этихъ характерныхъ именно для послѣдняго времени преувеличеній научнаго скептицизма, *гиперкритики*, но нигдѣ читатель не можетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ обходитъ молчаніемъ заслуги представителей этого теченія. Тотъ, кто прочтетъ эту книгу, получитъ ясное представленіе о ходѣ и развитіи научной мысли въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей историческаго вѣдѣнія и о тѣхъ достиженіяхъ, которыя уже могутъ быть занесены—въ данной области—въ активъ науки.

Война и Польша. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Статьи I. Вейсенгоффа, А. Кизеветтера, Л. Козловскаго, Л. Кживицкаго, А. Ледницкаго, П. Милюкова, А. Свентоховскаго и др. Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. М. 1914. Стр. XII + 134. Ц. 75 к.

Редакторъ настоящей книги собралъ въ ней около двухъ десятковъ статей, появившихся въ русскихъ, польскихъ, французскихъ и англійскихъ газетахъ въ началѣ нынѣшней европейской войны и посвященныхъ обсужденію польскаго вопроса въ связи съ этой войною. „Польша, какъ это ни странно, — поясняетъ въ своемъ предисловіи г. Козловскій смыслъ такого сборника — невѣдомая страна, terra incognita, для русскаго человѣка. О любой изъ европейскихъ странъ русскій интеллигентный человѣкъ имѣетъ болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ о Польшѣ. До войны польскимъ вопросомъ въ Россіи не интересовались и, когда появилось воззваніе къ полякамъ, говорящее о „растерзанномъ на куски живомъ тѣлѣ Польши“, то лишь очень немногіе, читая эти слова, могли себѣ представить хотя бы приблизительно очертанія этого тѣла. Нѣсколько историческихъ фактовъ, не связанныхъ другъ съ другомъ, нѣсколько событій изъ современной политической жизни и нѣсколько географическихъ названій — вотъ все, что всплывало изъ тумана забвенія при словѣ „Польша“. При такомъ положеніи дѣла и польскій вопросъ, выдвинутый на первую очередь европейской войной, представлялся чѣмъ-то въ высшей степени неяснымъ и туманнымъ“. Эти соображенія и придали въ глазахъ г. Козловскаго серьезное значеніе сборнику такихъ газетныхъ статей, которыя „давали кромѣ настроенія и фактическій матеріалъ и идейное освѣщеніе польскаго вопроса“ (VII—VIII). Еслибы однако знакомство русскаго общества съ Польшей и съ польскимъ вопросомъ дѣйствительно было таково, какимъ представляетъ его себѣ г. Козловскій, то настоящій сборникъ врядъ-ли могъ бы имѣть какое-либо значеніе. Два десятка газетныхъ статей, по необходимости очень сжатыхъ и общихъ, по необходимости лишь вкратцѣ упоминающихъ о рядѣ важныхъ фактовъ народной жизни и не останавливающихся на нихъ сколько-нибудь подробно, не могутъ, конечно, познакомить съ польскимъ вопросомъ людей, не имѣющихъ о немъ никакого понятія. Но, думается намъ, г. Козловскій одновременно недооцѣниваетъ знакомство русскаго общества съ Польшей и переоцѣниваетъ значеніе для такого знакомства выпущенной подъ его редакціей книги. На дѣлѣ русское интеллигентное общество не такъ ужъ мало знаетъ о Польшѣ. Не все оно, конечно, но значительная часть его давно уже интересуется польскимъ вопросомъ и не со вчерашняго дня выработала себѣ болѣе или менѣе опредѣленные взгляды на этотъ вопросъ. И именно для этой части русскаго общества можетъ представить извѣстный интересъ вышедшая подъ редакціей г. Козловскаго книга, давая ей матеріалъ для сужденія о польскомъ вопросѣ не въ общихъ его очертаніяхъ, а въ освѣщеніи текущаго дня—правда, матеріалъ не особенно богатый и въ значительной степени односторонній. Собранныя въ этой книгѣ статьи обрисовываютъ почти исключительно тѣ обстоятельства, которыя создали въ польскомъ обществѣ съ на-

чаломъ войны т. н. „русскую оріентацію", и тѣ аргументы, которыми пользуются сторонники этой „оріентаціи". Иного рода взгляды совершенно не представлены въ имѣющихся въ книгѣ статьяхъ, какъ не представлена въ нихъ и внутренняя жизнь Польши въ текущій моментъ. Единственное исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляетъ статья Л. Кживицкаго, говорящая о польско-еврейскихъ отношеніяхъ, но ея авторъ не столько вращается въ сферѣ дѣйствительныхъ фактовъ, сколько высказываетъ пожеланія мирнаго сожительства двухъ національностей,—пожеланія, къ сожалѣнію, какъ нельзя болѣе расходящіяся съ той печальной картиной, какую представляетъ собой въ этой области за послѣдніе мѣсяцы польская жизнь. Большого значенія составленной такимъ образомъ книгѣ не приходится придавать, но извѣстный временный интересъ она безусловно имѣетъ.

Н. М. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. Петроградъ. 1915. Стр. VIII + 123. Ц. 80 к.

Галиція вызываетъ сейчасъ къ себѣ большой интересъ въ русскомъ обществѣ и въ соотвѣтствіи съ этимъ на нашемъ книжномъ рынкѣ одно за другимъ появляются изданія, посвященныя ея исторіи и ея современной жизни. Среди этихъ изданій есть болѣе или менѣе цѣнныя, но есть и такія, которыя преслѣдуютъ скорѣе коммерческія, чѣмъ литературныя цѣли. Къ числу этихъ послѣднихъ изданій принадлежитъ и книга г. Лагова. Правда, самъ онъ горячо рекомендуетъ ее читателю. „Нельзя, разумѣется, — говоритъ онъ въ своемъ предисловіи — на сотнѣ съ небольшимъ страницъ вмѣстить всеобъемлющую картину... страны. Тѣмъ не менѣе въ этой книгѣ собрано о Галичинѣ все наиболѣе существенное, начиная съ ея многострадальной исторіи и кончая ея современными особенностями и достопримѣчательностями" (VII — VIII). Но тотъ читатель, который довѣрится этой саморекомендаціи г. Лагова и возьмется за его книгу, испытаетъ горькое разочарованіе. Не мудрствуя лукаво, г, Лаговъ по-просту надергалъ въ свою книгу тѣ свѣдѣнія о Галиціи, какія ему удалось найти въ энциклопедическихъ словаряхъ и въ газетныхъ статьяхъ, и изъ этихъ свѣдѣній, расположенныхъ, вдобавокъ, въ его книгѣ безъ всякаго порядка, ему, конечно, не удалось составить не только „всеобъемлющей", но и вообще сколько-нибудь полной картины. Чтобы дать понятіе о полнотѣ изложенія г. Лагова, достаточно сказать, что онъ умудрился на протяженіи всей своей книги ничего не сообщить читателю о политическомъ и административномъ устройствѣ Галиціи въ моментъ, предшествовавшій началу нынѣшней войны. А, съ другой стороны, тѣ свѣдѣнія, какія г. Лаговъ сообщаетъ читателю, нерѣдко таковы, что было бы, пожалуй, лучше, еслибы авторъ во-

держался отъ сообщенія всякихъ свѣдѣній. Когда г. Лаговъ разсказываетъ исторію Галиціи въ первой половинѣ XIX вѣка, у него выходитъ, что въ этотъ періодъ „польская шляхта забрала въ краѣ въ свои руки все главенство“ и одновременно „Галичина вся подверглась жестокому натиску онѣмечиванія, причемъ безпощадному гоненію подвергнуто было все, что носило хоть малѣйшій отпечатокъ славянства вообще“ (20). Австрійское правительство, по словамъ г. Лагова, проявляло необыкновенное коварство: въ 1848 г. оно „обманомъ опередило собиравшихся отмѣнить барщину помѣщиковъ и отмѣнило ее и всѣ другія крѣпостныя отношенія само“ (21). Заговоривъ о современномъ украинскомъ движеніи въ Галиціи, г. Лаговъ невозмутимо разсказываетъ: „для поддержки украинцевъ денежная помощь приходила даже изъ Берлина, о чемъ хвастливо разболтали они сами“ (27), и только забываетъ указать, гдѣ это украинцы „разболтали“ такую сказку. Но г. Лагову одной сказки мало и онъ немедленно разсказываетъ другую. „Стремясь какъ можно дальше обособиться отъ Россіи, ея духа и языка, украинцы,— повѣствуетъ онъ—не довольствуясь уніей, задались цѣлью формально принять католичество“ (27). „Русскій языкъ галичанъ— сообщаетъ г. Лаговъ въ другомъ мѣстѣ—напоминаетъ малороссійское нарѣчіе, но ближе его къ русскому литературному языку“ (41). „Галичане — разсказываетъ далѣе г. Лаговъ — отлично понимаютъ и съ увлеченіемъ и любовью читаютъ книги на общерусскомъ языкѣ“ (48). Напрасно, стало быть, г. Струве и хлопочетъ устроить дѣла въ Галиціи такимъ образомъ, чтобы всѣ галицкіе русины поскорѣе могли читать Гоголя въ русскомъ оригиналѣ. Если вѣрить г. Лагову, это уже и такъ устроено. Не хуже, впрочемъ, и многія другія сообщенія г. Лагова. „Хохлушки“, по его словамъ, ходятъ въ сарафанахъ и паневахъ (56). Упомянувъ о паркѣ Килинскаго во Львовѣ, г. Лаговъ поясняетъ, что такое названіе дано этому парку „въ честь одного поляка, сапожника по профессіи, который во второй половинѣ XVIII столѣтія отличился въ битвахъ за польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго“ (79 — 80). Эти „битвы за польскаго короля Станислава-Августа“ въ дѣйствительности были ничѣмъ инымъ, какъ возстаніемъ 17 апрѣля 1794 г. въ занятой русскими войсками Варшавѣ, но г. Лагову это, очевидно, осталось неизвѣстнымъ. Неизвѣстно ему и то, что Костюшко былъ разбитъ и плѣненъ русскими войсками при м. Мацѣіовицахъ, а не Марьевицахъ (105). Но и то сказать, — мудрено требовать точной передачи географическихъ названій и фактовъ изъ жизни отдѣльныхъ личностей отъ писателя, столь развязно, какъ г. Лаговъ, обращающагося съ жизнью цѣлаго народа. Казалось бы,—не зная какой-либо страны, нельзя и писать о ней для поученія другихъ. Но г. Лаговъ разсуждаетъ на этотъ счетъ иначе. Онъ нахваталъ кое-какихъ свѣдѣній изъ энциклопедическихъ словарей и газетъ, сдобрилъ эти свѣдѣнія патріотическими тирадами, составилъ

такимъ путемъ книгу о Галичинѣ и желаетъ получить за нее плату съ читателя. Плата эта, правда, скромная—80 копеекъ,—но книга г. Лагова и ея не стоитъ.

Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ Великой Войны 1914 года. Съ картой Галиціи и Буковины съ Угорской Русью. Петроградъ. 1915. Стр. VIII+146. Ц. 1 р. 25 к.

„Въ эти страдные дни,—говоритъ г. Ястребовъ въ предисловіи къ своей книгѣ—когда милліонныя русскія рати, проливая свою кровь, дѣлаютъ великое русское дѣло, всѣ мы, остающіеся на родинѣ въ мирныхъ вообще условіяхъ жизни, должны принять хотя какое-нибудь участіе въ чрезвычайномъ, выпавшемъ на долю русскаго народа трудѣ-подвигѣ, если не совсѣмъ отказавшись отъ своихъ повседневныхъ, мирныхъ вкусовъ и интересовъ, то, по крайней мѣрѣ, направивъ ихъ въ русло современныхъ общенародныхъ интересовъ". Эту общую обязанность г. Ястребовъ, по его словамъ распространилъ и на себя, въ результатѣ чего и появилась въ свѣтъ его книга. „Авторъ настоящей книги,—продолжаетъ онъ—какъ славистъ-историкъ, давно занимается исторіей народа польскаго и—по связи съ нимъ—зарубежныхъ частей народа русскаго, въ томъ числѣ и исторіей той Галиціи, гдѣ судьбы обоихъ народовъ столь тѣсно сплетаются. И по внутреннимъ побужденіямъ, направляемымъ событіями нашихъ дней, и по настойчивымъ пожеланіямъ друзей и товарищей, авторъ рѣшилъ, отказавшись временно отъ своихъ очередныхъ научныхъ работъ, подѣлиться своими знаніями о Галиціи съ широкимъ кругомъ русскихъ людей-читателей" (V, VII).

Этотъ торжественный, приподнятый тонъ предисловія г. Ястребова невольно заставляетъ ожидать отъ его книги нѣсколько больше того, что она даетъ въ дѣйствительности. И невольно испытываешь нѣкоторое разочарованіе, когда, перейдя отъ торжественнаго предисловія г. Ястребова къ самой его книгѣ, убѣждаешься, что эта книга представляетъ собою ничто иное, какъ своего рода учебникъ или справочникъ, заключающій въ себѣ лишь важнѣйшія фактическія данныя о прошлой и современной жизни Галиціи, притомъ справочникъ, составленный довольно поспѣшно и не свободный отъ недостатковъ. Людямъ, незнакомымъ или мало знакомымъ съ Галиціей и съ ея прошлой и настоящей жизнью, книга г. Ястребова можетъ, правда, дать немало свѣдѣній, такъ какъ авторъ поставилъ свою задачу ознакомленія читателя съ Галиціей довольно широко и собралъ въ своей книгѣ значительный фактическій матеріалъ. Послѣдній распредѣленъ въ книгѣ на двѣ части. Въ первой, нѣсколько большей по объему, части г. Ястребовъ говоритъ о природѣ Галиціи, объ ея населеніи, церковныхъ и просвѣтительныхъ организаціяхъ, наконецъ, объ ея хозяйственномъ бытѣ и политическомъ строѣ, какъ они сложились къ моменту, пред-

шествовавшему началу нынѣшней войны. Во второй части книги г. Ястребовъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію Галиціи, сравнительно подробнѣе останавливаясь на позднѣйшихъ моментахъ этой исторіи и давая краткія характеристики польскихъ и малорусскихъ партій, дѣйствовавшихъ и боровшихся въ Галиціи передъ вторженіемъ въ нее русскихъ войскъ. Въ обѣихъ этихъ частяхъ книги г. Ястребова читатель найдетъ довольно обильный фактическій матеріалъ. Но способъ использованія этого матеріала авторомъ оставляетъ желать многаго и врядъ-ли можетъ обезпечить его книгѣ дѣйствительно широкій кругъ читателей. Начать съ того, что со стороны литературной формы изложеніе г. Ястребова носитъ на себѣ явные слѣды слишкомъ поспѣшной работы и нерѣдко страдаетъ большими шероховатостями. Къ тому же во многихъ частяхъ книги ея изложеніе настолько сухо и конспективно, что это прямо затрудняетъ ея чтеніе. И самый матеріалъ, внесенный авторомъ въ книгу, распредѣленъ въ ней несовсѣмъ равномѣрно. Положеніе польской національности въ Галиціи, видимо, больше знакомое г. Ястребову, обрисовывается имъ во многихъ отношеніяхъ подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ положеніе малорусской національности. Говоря о послѣдней, авторъ старается выдержать безпристрастіе, но не всегда это ему удается и порою въ его изложеніи проскальзываютъ такія утвержденія ,для которыхъ у него не было и не могло быть никакого фактическаго матеріала. Странное впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, утвержденіе г. Ястребова, будто митрополитъ Шептицкій „перешелъ изъ католичества въ унію, чтобы стать митрополитомъ и служить орудіемъ окатоличенія уніатовъ и ополяченія малороссовъ Галиціи, подъ покровомъ служенія имъ“ (133). Дѣятельность Шептицкаго, ревностнаго уніата и горячаго „украинца“, не даетъ никакихъ фактовъ для подобнаго обвиненія. На чемъ же основываетъ его г. Ястребовъ? Или онъ читалъ въ сердцѣ гр. Шептицкаго? Не менѣе странно читать у г. Ястребова утвержденіе, будто въ отказѣ галицкихъ „украинцевъ“ отъ участія въ „новославянскомъ“ движеніи сказывались ихъ „симпатіи къ нѣмцамъ вообще, къ Германіи въ частности“ (138—9). Казалось бы, и г. Ястребову должно быть ясно, что воздерживаться отъ всякаго участія въ „неославизмѣ“ и относиться къ нему критически можно было по цѣлому ряду причинъ, независимо отъ какихъ бы то ни было симпатій или антипатій „къ нѣмцамъ вообще, къ Германіи въ частности“

Такихъ неправильныхъ и явно пристрастныхъ утвержденій въ книгѣ г. Ястребова однако не такъ ужь много. И, пожалуй, болѣе серьезнымъ ея недостаткомъ, чѣмъ наличность подобныхъ утвержденій, является другое—полное отсутствіе всякой попытки автора указать нормальный характеръ тѣхъ отношеній, какія должны бы установиться въ Галиціи послѣ занятія ея русскими войсками. Самъ г. Ястребовъ склоненъ, правда, видѣть въ этомъ скорѣе достоинство

своей книги. „Авторъ—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи—не считалъ себя въ правѣ давать здѣсь „политическіе рецепты“ устроителямъ жизни Галиціи: онъ думаетъ, что, какъ ученый, въ правѣ и обязанъ лишь сообщить здѣсь то, что онъ знаетъ о Галиціи въ ея настоящемъ и прошломъ“ (VIII). Но это нежеланіе „давать политическіе рецепты“ распространяется у г. Ястребова не на всѣ области жизни. Въ первой же главѣ своей книги онъ даетъ цѣлый рядъ „рецептовъ“, какъ слѣдуетъ поступить съ Германіей и Австро-Венгріей по окончаніи войны, какія области надо отобрать отъ нихъ для присоединенія къ другимъ государствамъ, какія „для, устроенія государственнаго“ и т. д. Въ дѣйствительности, конечно. ученый имѣетъ такое же право высказываться по вопросамъ внутренней жизни народовъ, какъ и по вопросамъ внѣшней политики Не со вчерашняго дня повелось однако, что наши официальные ученые развязно бесѣдуютъ съ публикой на темы внѣшней политики, кроятъ и перекраиваютъ въ своихъ кабинетахъ карты европейскихъ государствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно воздерживаются отъ указанія „политическихъ рецептовъ“ въ сферѣ внутренней жизни, гдѣ, казалось бы, ихъ голосъ могъ бы имѣть больше значенія. Г. Ястребовъ остался вѣренъ этой традиціонной манерѣ нашей официальной учености и это наложило на его небезполезную въ общемъ книгу печать тусклости и незаконченности.

Галичина. Буковина, Угорская Русь. Составлена сотрудниками журнала „Украинская Жизнь“. Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины, Буковины и Угорской Руси, исполненной въ краскахъ. Книгоиздательство „Задруга“. М. 1915. Стр. 230. Ц. 1 р. 40 к.

Группѣ сотрудниковъ журнала „Украинская Жизнь“ пришла мысль въ отвѣтъ на многочисленные запросы, полученные редакціей этого журнала отъ своихъ читателей по поводу переживаемыхъ событій, выпустить въ свѣтъ спеціальный сборникъ, посвященный тѣмъ заселеннымъ украинскою народностью областямъ, которыя до нынѣшней войны входили въ предѣлы Австро-Венгріи. Осуществленіемъ этой мысли и явилась настоящая книга, заключающая въ себѣ описаніе историческихъ судебъ и современной жизни восточной Галиціи, Буковины и Угорской Руси. „Являясь сборникомъ статей на отдѣльныя темы, связанныя съ важнѣйшими сторонами жизни закордонной Руси, книга эта—говорится въ предисловіи къ ней — не претендуетъ на безупречную систематичность или исчерпывающее содержаніе. Составители имѣли въ виду главнымъ образомъ дать основной фактическій матеріалъ, характеризующій положеніе края наканунѣ текущей войны, и этимъ въ извѣстной мѣрѣ восполнить ощущаемый въ литературѣ пробѣлъ“. Эту главную свою задачу составители книги выполнили съ большимъ успѣхомъ. Въ рядѣ живо и ярко написанныхъ очерковъ

они даютъ читателю достаточно полное представленіе о географіи названныхъ областей, объ этнографическомъ составѣ ихъ населенія, объ ихъ историческомъ прошломъ, о національномъ и литературномъ движеніи, развившемся въ нихъ втеченіе XIX столѣтія, объ ихъ административномъ и политическомъ строѣ, національныхъ и церковныхъ отношеніяхъ, хозяйственной и культурной жизни. Познакомившись съ этими очерками, читатель—даже тотъ читатель, который до такого знакомства очень мало зналъ о восточной Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси, — получитъ возможность составить себѣ опредѣленное понятіе о характерѣ жизни этихъ областей, въ частности—о томъ національномъ украинскомъ движеніи, которое развивалось въ нихъ, и о той яростной національной борьбѣ, въ обстановкѣ которой совершалось это развитіе и которая наложила на него свой отпечатокъ. Правда, въ изображеніи этого движенія составители книги допускаютъ порою нѣкоторую односторонность и чрезмѣрныя преувеличенія. Трудно, напримѣръ, согласиться съ имѣющимся въ книгѣ утвержденіемъ, будто галицкіе москвофилы въ 50-хъ годахъ XIX вѣка представляли собою „такое антидемократическое и противообщественное явленіе, какого напрасно мы стали бы искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ“ (64). Исторія народовъ знаетъ несравненно болѣе антидемократическія и противообщественныя явленія, чѣмъ галицкое москвофильство, и приведенный отзывъ является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ крѣпкими словами, которыхъ лучше было бы избѣгать въ серьезной книгѣ. Это было бы тѣмъ лучше, что и по существу галицкіе москвофилы не всѣ и не всегда являлись антидемократами и противообщественниками. Были среди нихъ и идейные люди, и сами составители разбираемой книги указываютъ, что былъ такой моментъ, когда москвофильство или „старорусинство“ играло въ жизни Галиціи положительную роль, но этотъ моментъ не нашелъ себѣ въ ихъ книгѣ достаточно яснаго изображенія и, встрѣтившись позже съ упоминаніемъ объ немъ, читатель можетъ, пожалуй, испытать даже нѣкоторое недоумѣніе. Въ извѣстное недоумѣніе способно будетъ, пожалуй, привести читателя и утвержденіе составителей книги, будто крайне реакціонный характеръ польской партіи „подоляковъ“, вербующейся изъ помѣщиковъ восточной Галиціи, объясняется тѣмъ, что данная партія состоитъ изъ „ополяченныхъ потомковъ стариннаго украинскаго боярства, въ качествѣ ренегатовъ крайне прямолинейно проводящихъ всепольскую политику“ (92). Вѣдь предки нынѣшнихъ „подоляковъ“ подверглись ополяченію уже давно, и ихъ потомковъ-поляковъ, очевидно, нельзя называть ренегатами и тѣмъ болѣе нельзя объяснять „ренегатствомъ“ ихъ политическіе взгляды и дѣйствія. Къ слову сказать, изображеніе политическихъ партій Галиціи вообще не отличается въ разбираемой книгѣ достаточной выпуклостью и это общее замѣчаніе примѣнимо и къ партіямъ украинскимъ, па-

ціональные идеалы которыхъ въ глазахъ составителей книги подчасъ черезчуръ заслоняютъ собою другія стороны дѣятельности данныхъ партій. Но эти частные недочеты во всякомъ случаѣ не уничтожаютъ большихъ достоинствъ разбираемой книги и нимало не колеблютъ тѣхъ серьезныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ въ результатѣ своего изложенія ея составители.

„Если теперь, послѣ побѣдъ въ Галиціи,—говорятъ они въ заключеніе своей книги — Россія получаетъ свое „наслѣдіе“ не въ видѣ совершенно полонизованнаго края, то она обязана этимъ только украинскому національному движенію, отбившему натискъ польскаго національизма... Галичина сохранила свою „русскость“ въ свойственныхъ ея населенію украинскихъ формахъ, — и въ этомъ видѣ, съ этими формами, со всѣми условіями, благодаря которымъ Галичина выросла до нынѣшняго культурнаго уровня, она должна бы быть принята Россіею безъ предубѣжденія и недоброжелательства“. „И вотъ—продолжаютъ они--возникаетъ жгучій и больной вопросъ: что же въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ «возсоединенную Галицію» въ предѣлахъ новаго отечества? Возобновится ли послѣ войны интенсивная общественная жизнь галицкаго населенія, направленная къ его культурному и экономическому подъему? Получатъ ли вновь силу тѣ формы политической жизни, въ которыхъ галицкіе русины выросли и выростили свои культурныя пріобрѣтенія, все разностороннее богатство своей духовной жизни, весь высокій уровень своей общественности?“ (229--30). Глубокая серьезность—мы готовы были бы даже сказать, глубокій трагизмъ-- этихъ вопросовъ станетъ понятенъ всякому, кто внимательно познакомится съ тѣмъ сборникомъ, въ концѣ котораго они поставлены. И знакомство съ этимъ сборникомъ возможно большаго числа русскихъ читателей является тѣмъ болѣе важнымъ, что въ концѣ концовъ въ пониманіи серьезности этихъ вопросовъ русскимъ обществомъ въ значительной мѣрѣ лежитъ залогъ ихъ правильнаго разрѣшенія.

Чарльзъ Сароли. Англо-германская проблема. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1915. Стр. 224. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Крэмбъ. Германія и Англія. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1915. Стр. 133. Ц. 75 к.

Среди литературы объ англо-германской враждѣ книга Сароли можетъ претендовать на одно изъ видныхъ мѣстъ. Конечно, не смотря на все подчеркиваніе авторомъ собственнаго безпристрастія относительно Германіи, книга проникнута чувствомъ остраго соперничества и подозрительностью; авторъ на каждой страницѣ своей работы (написанной еще до войны) предостерегаетъ соотечественниковъ и высказываетъ глубокое убѣжденіе въ неизбѣжности великаго европейскаго столкновенія. Содержаніе книги—ха-

рактеристика настроеній правительства и общества въ Германіи наканунѣ нынѣшней войны, анализъ и оцѣнка внутренней политики германскаго правительства („Пруссія и Германія“, „Милитаризмъ въ Германіи“, „Какъ Пруссія обращается съ своими собственными подданными“), дѣятельности германской дипломатіи („Недовѣріе Европы къ Германіи“, „Багдадская желѣзная дорога“), характеристика личности Вильгельма („Германскій императоръ“). Перо Сароли—мѣткое, злое, перо памфлетиста скорѣе, чѣмъ ученаго; повидимому, книга по своему тону и основному убѣжденію довольно характерна для средняго англичанина *наканунѣ* войны (теперь эти страсти разгорѣлись яркимъ пламенемъ и книжка Сароли уже можетъ показаться сдержаннымъ и умѣреннымъ разсужденіемъ). Слабѣе въ книгѣ Сароли всѣ тѣ главы, которыя касаются характеристики внутреннихъ отношеній Германіи; лучше—главы, касающіяся развитія англо-германской вражды. Подобно многимъ англичанамъ, Сароли склоненъ преуменьшать степень политическаго развитія германскаго народа и въ этомъ направленіи иногда доходитъ до явныхъ абсурдовъ. „Есть германскія газеты... которыя по внутренней цѣнности равняются хорошей англійской газетѣ. Но у этихъ газетъ мало вліянія, и онѣ не представляютъ большого круга общественнаго мнѣнія. Конечно, и само общественное мнѣніе въ Германіи это только миѳъ, потому что оно неорганизовано и обладаетъ нечленораздѣльною рѣчью“,—читаемъ мы на стр. 84; сказать нѣчто подобное могъ только человѣкъ, очень плохо знающій то, о чемъ судитъ (въ данномъ случаѣ—германское общественное мнѣніе). Правильнѣе другое обобщеніе (относящееся къ германской профессурѣ, вмѣшивающейся въ политику): „Въ Германіи въ первую половину девятнадцатаго столѣтія много профессоровъ университета пострадало за политическія убѣжденія. Въ Германіи нашихъ дней университеты сдѣлались опорой реакціи“.

Авторъ рѣшительно склоненъ характеризовать образъ правленія, царящій въ Германіи, какъ нѣчто довольно близкое къ абсолютизму; онъ полонъ пренебреженія къ гражданскимъ чувствамъ—или отсутствію гражданскихъ чувствъ—у нѣмцевъ. Но тѣмъ пессимистичнѣе онъ смотритъ на создающееся положеніе дѣлъ въ Европѣ: „деспотизмъ, составляющій проклятіе Германіи въ мирное время, можетъ во время войны сдѣлаться элементомъ силы, ибо онъ обезпечиваетъ единство цѣлей, сосредоточеніе энергіи и дисциплину“. Авторъ (писавшій въ концѣ 1911 года) полонъ самыхъ мрачныхъ предчувствій; онъ не сомнѣвается въ томъ, что Германія ищетъ предлога для войны, что ограбленіе Франціи, устраненіе англійской конкуренціи и т. п. соображенія явятся рѣшающими, когда германское правительство удостовѣрится окончательно въ грядущей побѣдѣ. Онъ констатируетъ всеобщее недовѣріе, боязнь предъ Германіею и ея намѣреніями. „Одной изъ самыхъ порази-

тельныхъ особенностей современной политической жизни является трагически-изолированное положеніе Германіи... И не однѣми великими державами ограничивается враждебное чувство къ Германіи. Даже въ такихъ странахъ, какъ Бельгія, Голландія и Швейцарія... даже и тамъ въ настоящее время тевтоны настолько же непопулярны, насколько популярны французы и англичане". Ненависть англичанъ къ Германіи онъ склоненъ объяснять не однимъ только торговымъ соперничествомъ, но прежде и больше всего непобѣдимой антипатіей англичанъ ко всей идеологіи, царящей въ правящихъ германскихъ сферахъ и въ очень большихъ кругахъ всего народа. Въ свободу мысли Германіи авторъ не вѣритъ: „они очень дерзновенны, когда разсматриваютъ божественное право Іисуса Христа, но очень робки, когда разсматриваютъ божественное право короля и императора". Этотъ „имперіалистическій матеріализмъ" противенъ англичанину, прямо нестерпимъ для него. Считая столкновеніе неизбѣжнымъ, нашъ авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не боится Германіи. Онъ убѣжденъ въ ея военной мощи, но весьма презрительно относится къ дипломатическимъ способностямъ германскихъ государственныхъ людей. „Нѣмецкая дипломатія далека отъ того, чтобы играть въ темную. Нѣмецкій политикъ трубитъ о своихъ проектахъ, выбалтываетъ свои планы и, заранѣе предупреждая своихъ соперниковъ, даетъ имъ возможность вооружиться". И авторъ (въ строжайшемъ согласіи съ фактами) указываетъ на то, какъ нѣмецкая „болтовня" быстро открыла англичанамъ глаза на истинное значеніе для нихъ багдадской желѣзной дороги: „если дѣйствительно, какъ говоритъ д-ръ Рорбахъ, конечная цѣль германской политики на Ближнемъ Востокѣ не мирное проникновеніе въ страну и расширеніе своей торговли, но проведеніе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и угроза Египту и Индіи, то, очевидно, священный долгъ англійскаго правительства не содѣйствовать этимъ концессіямъ, а всячески противодѣйствовать имъ". Событія, происшедшія въ іюлѣ 1914 года, подтвердили предъ всѣмъ міромъ правильность воззрѣнія Сароли на германскую дипломатію. Ошибки, совершенныя дипломатіей, послужили какъ бы противоядіемъ противъ колоссальнаго военно-техническаго превосходства Германіи. Откровенныя рѣчи и предложенія Бетмана-Голльвега необычайно ускорили присоединеніе Англіи къ коалиціи.

Небольшая книжка проф. Крэмба, изданная тѣмъ же издательствомъ, написана талантливѣе и ярче работы Сароли. Эта книжка составилась изъ лекцій, которыя Крэмбъ читалъ въ лондонскомъ университетѣ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, весною 1913 года. Книжка Крэмба также носитъ, такъ сказать, предостерегающій характеръ: онъ полагаетъ, что соотечественники мало думаютъ о нависшей надъ ними грозной опасности, о германо-прусскомъ имперіализмѣ и милитаризмѣ. Авторъ даетъ характеристику постепеннаго развитія идеологіи воинствующаго германизма (подробно оста-

навливаясь на Трейчке) и затѣмъ, въ послѣднихъ лекціяхъ, страстно призываетъ Англію къ скорѣйшей организаціи національной обороны. Нужно отмѣтить, что онъ, протестуя, конечно, противъ всего умонастроенія Трейчке, въ то же время не дѣлаетъ почему-то попытокъ критически разобрать цѣлый рядъ фактическихъ неправильностей и фантазерскихъ афоризмовъ, допущенныхъ нѣмецкимъ историкомъ-шовинистомъ. Напр., онъ повторяетъ неосновательнѣйшее хвастливое утвержденіе Трейчке, будто Фридрихъ послѣ Семилѣтней войны могъ бы, еслибъ захотѣлъ, воевать дальше, стремиться къ міровой имперіи, но—онъ *пожелалъ* удовольствоваться Пруссіей. И Крэмбъ не возражаетъ на очевиднѣйшую фантастичность этого національнаго хвастовства, которое Трейчке бросилъ мимоходомъ, не подтвердивъ ничѣмъ, отлично сознавая, что и нельзя его ничѣмъ обосновать. Что касается вопроса объ англо-германской враждѣ, обусловливаемой упорнымъ стремленіемъ Германіи къ европейской гегемоніи и созданію колоніальной имперіи, то Крэмбъ смотритъ на вопросъ, не предаваясь никакимъ иллюзіямъ. „Быть можетъ, для Англіи еще существуетъ другой исходъ, кромѣ войны? Избѣгая войны и молчаливо соглашаясь играть подчиненную роль, Англія можетъ избрать политику уступокъ по отношенію къ врагу, котораго она боится и... постепенно падая, занять второстепенное мѣсто въ европейскихъ и міровыхъ соглашеніяхъ... Судьба Англіи стала бы похожею на судьбу Венеціи въ шестнадцатомъ вѣкѣ“... Но онъ не вѣритъ въ то, что Англія можетъ уподобиться Венеціи или Византіи. Правда: „Англія до сихъ поръ ничего не знала о грозящей ей опасности. Демократическая Англія ничего не знала о войнѣ“, но когда пробьетъ роковой часъ, современная демократія найдетъ въ себѣ духъ и силы для достойнаго продолженія многовѣковой традиціи славы и независимости.

Книги Сароли и Крэмба принадлежатъ къ обширнѣйшей литературѣ *предостереженій*, обращавшихся отдѣльными англійскими писателями (и цѣлыми организаціями) къ англійскому народу наканунѣ великаго столкновенія. Русскій читатель прочтетъ обѣ работы съ интересомъ и пользою. Переводъ обѣихъ удовлетворителенъ; не слѣдуетъ только вмѣсто Рэннимэдъ говорить *Раннимэзъ* (Крэмбъ, 132); слово *верховодящій* недостаточно литературно и точно для передачи значенія domination или supremacy, или leading power и т. п. понятій (Сароли, 179); „онъ только слѣдовалъ логикѣ прусскихъ институтовъ“ (Сароли, 96)—неловко сказано, нужно было бы перевести словомъ *учрежденія*. Есть и еще промахи. Но они не мѣшаютъ читателю при чтеніи и, въ общемъ, не извращаютъ смысла текста.

Г. В. Шварцъ. Изъ вражескаго плѣна. Очерки спасшагося. Петроградъ. 1915. Стр. 258. Ц. 1 р. 25 к.

Среди многочисленныхъ изданій, посвященныхъ описанію мы-

тарствъ русскихъ путешественниковъ, застигнутыхъ войной въ Германіи, книга г. Шварца занимаетъ особое мѣсто. Въ эту печальную литературу г. Шварцъ сумѣлъ вписать забавную страницу — и не одинъ читатель искренно удивится, захлопывая книгу: какъ можно такъ весело смѣяться, разставаясь съ сочиненіемъ, посвященнымъ предмету столь скорбному? Юморъ г. Шварца, надо сказать напередъ, не зависитъ отъ его намѣреній. Наоборотъ авторъ, какъ и полагается лѣтописцу человѣческихъ безобразій суровъ, серьезенъ и наступателенъ. Въ его книгѣ есть все, что есть въ такихъ книгахъ: разсказы о произвольныхъ и непроизвольныхъ насиліяхъ и издѣвательствахъ растерявшихся и освирѣпѣвшихъ нѣмцевъ надъ беззащитными путниками, выраженія законнаго возмущенія, предложеніе соотвѣтственныхъ мѣръ предупрежденія и возмездія и такъ далѣе. Но все это какъ-то отходитъ на второй планъ предъ фигурой автора, ярко выдѣляющейся на фонѣ событій. Не даромъ г. Шварцъ, согласно его сообщенію, четыре мѣсяца употребилъ на составленіе своей книги. Эта книга начинается двумя эпиграфами, отношеніе которыхъ къ ея содержанію остается не вполнѣ яснымъ; въ стихахъ изъ Пушкина говорится о холодномъ ключѣ забвенія, который слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ; но г. Шварцъ ничего изъ пережитаго забывать не намѣренъ; наоборотъ, его стихи, коими достойно заканчивается книга, говорятъ о неистребимой жаждѣ благороднаго возмездія. Здѣсь Вильгельмъ II, съ разрѣшенія начальства, именуется „дерзкой образиной“, „кретиномъ“, „забіякой“ и „мерзавцемъ до мозга костей“.

Пора давно его и сына
Отправить въ сумасшедшій домъ.
Допрежъ по улицамъ Берлина
Обоихъ въ клѣткахъ повеземъ.

Съ опредѣленностью этихъ намѣреній также плохо вяжется другой эпиграфъ—на этотъ разъ изъ Минскаго—о томъ, что награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ, любовь и скорбь одно и то же, но этой скорбью кто скорбѣлъ, тому всѣхъ благъ онѣ дороже. Съ точностью трудно сказать, къ кому и къ чему относятся эти поэтическія строки; едва-ли слѣдуетъ видѣть въ нихъ намекъ на то, что г. Шварцъ себя считаетъ воплощеніемъ этой высокой любви: этому помѣшала бы его скромность. Онъ правда, кой-что сообщаетъ въ своей книгѣ о своемъ вниманіи къ ближнему, о своей ни предъ чѣмъ не останавливающейся энергіи, о своихъ литературныхъ трудахъ, которые, къ печали читателя, дѣлятся на двѣ недоступныя намъ категоріи: одни уже распроданы, другіе „готовятся къ печати“. Но онъ явно намекаетъ не на себя въ эпиграфѣ, загадку котораго открываетъ, быть можетъ, непосредственно слѣдующее за нимъ посвященіе, заполняющее—какъ въ прошлые вѣка—цѣлую страницу: „Его Сіятельству

Барону Карлу Карловичу Буксгевдену, Россійскому Императорскому Посланнику въ Копенгагенѣ, стойкому защитнику русскихъ интересовъ на берегахъ Бельтовъ и Зунда, гуманному сановнику и благородному человѣку, посвящаетъ свой скромный трудъ съ почтительной преданностью Авторъ". Быть можетъ, то, что у Минскаго относится къ Спасителю, у г. Шварца относится къ Карлу Карловичу, и, если хотите, въ этомъ есть извѣстное гражданское мужество, ибо, кто знаетъ, очередной доносъ вечерняго или утренняго „Времени" можетъ быть посвященъ именно г. Шварцу, съ указаніемъ, что безтактно, а то и болѣе чѣмъ безтактно, посвящать въ наши дни книги нѣмецкимъ баронамъ, дерзостно именуя ихъ при этомъ сіятельствомъ, каковой титулъ, какъ извѣстно всѣмъ не столь „почтительно преданнымъ", барону не присвоенъ. Боимся, что тутъ г. Шварцу не поможетъ его пламенное требованіе „культурнаго отреченія отъ нѣмцевъ въ смыслѣ абсолютнаго нашего и вашего—славянскаго міра и тевтонскаго. Примиренія не можетъ быть никогда, во вѣки вѣковъ". При этомъ можетъ—и не безъ нѣкотораго основанія—быть подвергнута сомнѣнію самая принадлежность г. Шварца къ славянскому міру, тѣмъ болѣе, что, по его собственному заявленію, онъ „отлично владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ", что не всегда можно сказать о его русскомъ языкѣ. Правда, и нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣетъ не такъ отлично, какъ ему кажется: слово Kraftausdruck онъ почему-то переводитъ словами „нелитературное выраженіе". Но нельзя отрицать того, что патріотическія чувства его высоки, а обиды, претерпѣнныя отъ нѣмцевъ, горьки: можетъ быть, поэтому его помилуютъ доносчики вечерніе и утренніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, исторія его злоключеній наиболѣе интересна не тамъ, гдѣ онъ, подобно прочимъ, терпѣлъ, но тамъ гдѣ онъ, не въ примѣръ прочимъ, былъ активенъ. Наиболѣе яркое изображеніе этой бурной активности заключается въ главѣ XIII, озаглавленной „За помощью къ тронамъ". Активность эта, правда, выражалась по преимуществу въ телеграммахъ,—но какія телеграммы, какой стиль, какіе расходы, и какой успѣхъ! Уже въ первые дни подневольнаго пребыванія въ Гамбургѣ у г. Шварца „явилась оригинальная, но нѣсколько рискованная мысль": отправить отъ имени задержанныхъ русскихъ коллективную телеграмму въ Генералькомандо слѣдующаго содержанія: „Право на жизнь имѣетъ не всякій, но право на смерть имѣетъ всякій. Не въ силахъ болѣе переносить заключенія, просимъ насъ либо выслать, либо разстрѣлять. Подписи". Вы думаете, эта телеграмма была отправлена? Нѣтъ: „мои компатріоты подписать такую телеграмму не рискнули. А вдругъ положатъ резолюцію: разстрѣлять?" Ахъ, какіе эти компатріоты. Не видно, правда, что помѣшало г. Шварцу послать эту телеграмму отъ себя лично, но согласимся, что виноваты „компатріоты"! Эта неотосланная теле-

грамма не единственная, но это не поможетъ читателю: онъ долженъ знать громозвучный текстъ всѣхъ неотосланныхъ г-номъ Шварцомъ телеграммъ. Ихъ было не мало; бурнопламенный г. Шварцъ „собирался послать циркулярную телеграмму“ германскому военному министру, германскимъ рейхсканцлерамъ настоящему и прошлому и такъ далѣе; *его удержали*. Онъ „собирался послать еще телеграмму въ главное управленіе германскаго Краснаго Креста“; *его удержали*. Тогда онъ послалъ телеграмму „Президенту Соединенныхъ Штатовъ Вильсону. Нью-Іоркъ“. Не смотря на ея возвышенный текстъ—онъ приведенъ въ русскомъ подлинникѣ и англійскомъ переводѣ, принадлежащемъ „очаровательному англичанину мистеру Дайеру“,—не смотря на то, что телеграмма стоила 133 кроны и 75 эровъ (!), на нее получился „отвѣтъ классическаго содержанія: *„президентъ Соединенныхъ Штатовъ въ Нью-Іоркъ не живетъ“*. Г. Шварцъ рѣшилъ тогда телеграфировать папѣ римскому. „Профессіональный переводчикъ Ринальдо Гизальберти взялъ дороже англійскаго, но за то перевелъ звучно“. Читаемъ звучный текстъ съ „имплоріамо бенигна риспоста Суа Сантита̀“—и узнаемъ, что этотъ текстъ *не былъ* отправленъ, такъ какъ копенгагенскій телеграфъ отказался принять телеграмму на итальянскомъ языкѣ. Г. Шварцъ телеграфировалъ королю испанскому, но ни отъ президента, ни отъ папы, ни отъ короля отвѣта *не получилъ*. Тогда онъ телеграфировалъ „Его Величеству Оскару II, Королю Швеціи“. Телеграмма была также звучна и убѣдительна, но—таково жестокосердіе сильныхъ міра сего—въ отвѣтъ г. Шварцъ долженъ былъ узнать, что король Оскаръ II *скончался два года тому назадъ*. Г. Шварцъ „хотѣлъ было, чтобъ досадить нѣмецкому самолюбію“, еще телеграфировать Юаншикаю, но, благодареніе Создателю—„слово въ Китай стоило 3 кроны 40 эровъ“ и г. Шварцъ воздержался. Впрочемъ, г. Шварцъ телеграфировалъ и военному суду въ Берлинъ, предлагая—если ему обезпечатъ безопасность и проѣздъ—явиться туда для присутствія на судѣ надъ русскимъ генераломъ. „Увы, тевтонскія головы, привыкшія мыслить отъ печки, не поняли античности этого жеста и даже не отвѣтили. Я хотѣлъ было потомъ послать имъ ироническую телеграмму съ предложеніемъ обогатить истощенную государственную казну суммой стоимости неиспользованнаго ими обратнаго отвѣта въ размѣрѣ 1 кроны и 10 эровъ, но плюнулъ Не метайте бисера...“

Ахъ, боимся, что русскіе читатели еще меньше поймутъ „античность жестовъ“ и позъ г. Шварца, чѣмъ гнусные тевтоны, и съ позорнымъ равнодушіемъ отнесутся къ предвозвѣщенной имъ „монографіи о Н. Н. Евреиновѣ“. Ужь обращался бы къ тѣмъ, чьимъ языкомъ онъ „отлично владѣетъ“. А на неблагодарной родинѣ не стоитъ; выражаясь нарѣчіемъ г. Шварца, „не метайте бисера“.

Труды второго всероссійскаго съѣзда имени К. Д. Ушинскаго. Подъ редакціей В. А. Зеленко. Выпускъ III. Работы II секціи. Соединенныя засѣданія. Доклады. Изданіе исполнительной финансовой комиссіи съѣзда. Петроградъ. 1914. Стр. 436. Цѣна 1 р. 50 коп.

Состоявшійся въ прошломъ году второй съѣздъ имени Ушинскаго, съѣздъ представителей учительскихъ организацій, прошелъ почти незамѣтно для широкой публики. Происходившій одновременно съ нимъ первый всероссійскій съѣздъ по народному образованію, такъ ярко показавшій настроенія, чаянія и надежды русскаго учительства, какъ бы затмилъ его своимъ значеніемъ. Съѣздъ имени Ушинскаго разрабатывалъ какъ будто только одинъ изъ частныхъ вопросовъ нашего народнаго образованія, вопросъ о матеріальныхъ, правовыхъ и духовныхъ нуждахъ народнаго учительства; но въ этомъ вопросѣ, можетъ быть, выразительнѣе всего раскрылись всѣ нужды нашей народно-просвѣтительной системы, все несоотвѣтствіе нашей дѣйствительности тѣмъ идеаламъ и задачамъ, которые поставлены передъ народнымъ образованіемъ.

Недавно вышедшій третій выпускъ трудовъ съѣзда имени Ушинскаго посвященъ главнымъ образомъ вопросу о развитіи и объединеніи учительскихъ обществъ. И, когда читаешь сдѣланныя на этомъ съѣздѣ сообщенія о дѣятельности заграничныхъ учительскихъ обществъ и потомъ вспоминаешь о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится работать этимъ обществамъ у насъ, то прямо кажется, что попадаешь въ міръ какихъ-то иныхъ измѣреній. Тогда какъ на Западѣ, особенно въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, учительскіе союзы принимаютъ участіе во всѣхъ сторонахъ школьной политики, оказываютъ вліяніе на парламентскіе и муниципальные выборы, разрабатываютъ и проводятъ свои школьные законопроекты, вводятъ свои программы въ городскія школы и признаются органомъ настолько вліятельнымъ и важнымъ, что учительскіе съѣзды привѣтствуются представителями министерства народнаго просвѣщенія, а въ Соед. Штатахъ даже и президентомъ республики; въ то время, какъ въ Германіи, напр., учительскія общества постоянно разрабатываютъ и демонстрируютъ все, что только есть новаго въ педагогическомъ мірѣ, издаютъ 45 собственныхъ періодическихъ органовъ, имѣютъ около 900 собственныхъ библіотекъ (количество томовъ въ одной только лейпцигской учительской библіотекѣ доходитъ до 170.000 томовъ), архивъ печати и т. д., и т. д.; устраиваютъ психо-педагогическіе институты и учительскіе дома, издаютъ учебники, организуютъ выставки дѣтскихъ книгъ и учебной литературы, устраиваютъ клубы, дополнительные курсы и справочныя бюро для окончившихъ городскія школы, устраиваютъ около двадцати тысячъ лекцій въ годъ, словомъ, являются однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ духовномъ развитіи страны,—у насъ даже самое право народныхъ учителей на духовную самодѣятельность поставлено подъ

знакомъ сомнѣнія. Большинство нашихъ учительскихъ обществъ дѣйствуетъ на основаніи такъ называемаго „нормальнаго“ устава 1894 года, который строго ограничиваетъ ихъ дѣятельность обслуживаніемъ однихъ только матеріальныхъ нуждъ своихъ членовъ. О правѣ внести въ соотвѣтствующій параграфъ устава два слова „и духовныхъ“ многія общества хлопочутъ втеченіе многихъ лѣтъ и въ большинствѣ случаевъ безрезультатно. Такъ, одесское общество добилось этого права только послѣ пятилѣтнихъ ходатайствъ, а вологодское общество добивалось этого права втеченіе семнадцати лѣтъ и до сихъ поръ, очевидно, не добилось. Когда балашовское учительское общество возбудило ходатайство о включеніи въ свой уставъ этихъ двухъ запретныхъ словъ, то директоръ нашелъ подобное расширеніе его функцій „преждевременнымъ и не подлежащимъ удовлетворенію“. „Ни одинъ изъ уѣздовъ Саратовской губ.—жалуется при этомъ директоръ—не склоненъ такъ уходить въ сторону отъ установленныхъ нормъ, какъ Балашовскій уѣздъ“. Понятіе о духовныхъ нуждахъ директоръ находитъ слишкомъ неопредѣленнымъ и растяжимымъ, „почему дѣятельность этихъ обществъ можетъ принять въ этомъ отношеніи опасное направленіе или даже перейти границы въ разрѣзъ съ требованіями учебнаго начальства“. Желаніе общества содѣйствовать научно-педагогической дѣятельности своихъ членовъ директоръ нашелъ нужнымъ отклонить, какъ „нелѣпо выраженное и могущее вызвать крупныя недоразумѣнія“ (стр. 99—102).

Олонецкое учительское общество три раза возбуждало въ министерствѣ народнаго просвѣщенія ходатайство о расширеніи своего устава и всякій разъ безрезультатно. „Такъ какъ—гласила мотивировка—представленный проектъ новаго устава цѣлью общества ставитъ оказаніе не только матеріальной, но и духовной помощи учащимъ и учившимъ... что дѣлаетъ его по характеру не столько благотворительнымъ, сколько просвѣтительнымъ“,—министерство народнаго просвѣщенія не можетъ его утвердить.

Такими бытовыми картинками сплошь и рядомъ пестрятъ сообщенія съ мѣстъ. То, что закономъ 4-го марта 1906 года дозволено даже простому россійскому обывателю, право на открытіе просвѣтительныхъ обществъ, рѣшительно и совершенно откровенно оспаривается министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ учителей, въ руки которыхъ вложено воспитаніе подростающаго поколѣнія, все будущее просвѣщеніе страны.

Но и въ узкой сферѣ матеріальной взаимопомощи наши учительскія общества на каждомъ шагу своей дѣятельности натыкаются на препятствія и запреты. Представители отдѣльныхъ обществъ жаловались, напр., на то, что имъ не разрѣшается открывать филіальныя отдѣленія; учительскія общества не обладаютъ правами юридическаго лица и въ большинствѣ случаевъ не

могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность, заключать договоры и т. д.; ходатайство, напр., гродненскаго общества о пріобрѣтеніи участка земли въ Друскеникахъ для устройства учительской санаторіи не было удовлетворено, а оренбургскому учительскому обществу не разрѣшено было даже устройство похоронной кассы (106). Одно изъ главныхъ условій матеріальной взаимопомощи, юридическая помощь, одинаково необходимая какъ для защиты гражданскихъ интересовъ народнаго учителя, такъ и для защиты всего источника его матеріальнаго существованія, его служебнаго положенія, совершенно недоступна для нашихъ учительскихъ обществъ: вѣдь о правѣ организаціи общественной адвокатуры напрасно хлопочутъ у насъ даже земства (163).

И даже въ такомъ урѣзанномъ видѣ учительскія общества все еще продолжаютъ вызывать къ себѣ подозрѣніе и при полномъ безправіи нашего учителя, при полной зависимости его отъ школьнаго начальства послѣднему, конечно, ничего не стоитъ запретить своимъ подчиненнымъ участіе въ учительскихъ обществахъ и лишить эти общества всякой возможности работы. Мы слышимъ на съѣздѣ то о томъ, что директоръ запрещаетъ своимъ подчиненнымъ быть членами „какихъ-нибудь кассъ" (27), то о томъ, что народнымъ учителямъ запрещается давать свѣдѣнія по разосланной учительскими обществами анкетѣ (156), то о томъ, что учителя увольняются отъ должности за участіе въ просвѣтительныхъ обществахъ, или что на съѣздѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ выносится резолюція, рекомендующая начальству слѣдить за тѣмъ, „чтобы участіе учителей въ обществахъ не служило помѣхой ихъ прямымъ обязанностямъ" (135). Правда, въ послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія проявляетъ нѣкоторую благосклонность къ матеріальной взаимопомощи учительскихъ обществъ и нѣкоторыя общества даже субсидируются министерствомъ. Вопросъ о министерскихъ субсидіяхъ былъ поднятъ на съѣздѣ въ связи съ ассигновкой въ 50.000 руб., сдѣланной Госуд. Думою на пособія для воспитанія учительскихъ дѣтей. Съѣздъ, признавая въ принципѣ желательнымъ субсидированіе учительскихъ обществъ со стороны государства, счелъ однако нужнымъ оговорить, чтобы это субсидированіе не обусловливалось вмѣшательствомъ министерства во внутреннюю жизнь и самодѣятельность учительскихъ обществъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи учительскихъ обществъ зависитъ, конечно, не отъ казенныхъ субсидій, а отъ возможности духовной самодѣятельности самихъ этихъ обществъ. Сведеніе всей дѣятельности учительскихъ обществъ къ однѣмъ только функціямъ матеріальной взаимопомощи приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что сама эта матеріальная взаимопомощь не можетъ развиваться. Ибо только духовное общеніе является въ учительскихъ обществахъ тѣмъ цементомъ, ко-

торый связываетъ и объединяетъ между собою учителей и воспитываетъ въ нихъ корпоративное сознаніе, тѣмъ оживляющимъ, возбуждающимъ началомъ, которое даетъ движеніе и размахъ каждому, даже самому незначительному начинанію. Мы узнаемъ изъ сообщеній отдѣльныхъ докладчиковъ о томъ, что общія собранія учительскихъ организацій бываютъ многолюдными только тогда, когда на обсужденіе ставится какой-нибудь общій вопросъ, затрагивающій духовные интересы учителей, что только тогда, когда общества не замыкались въ функціяхъ матеріальной взаимопомощи, члены его проявляли живой интересъ ко всѣмъ сторонамъ его дѣятельности и принимали въ ней активное участіе; что, наоборотъ, отсутствіе духовнаго общенія между членами приводитъ къ тому, что члены относятся ко всѣмъ дѣламъ общества совершенно пассивно и въ результатѣ и всѣ учрежденія матеріальной взаимопомощи обрекаются на прозябаніе. Ссудная дѣятельность, напр., главная функція учительскихъ организацій, почти совершенно не можетъ развиваться; члены-заемщики, не чувствующіе никакой внутренней связи съ обществомъ, не сознаютъ себя отвѣтственными и въ большинствѣ случаевъ до того неисправны въ возвращеніи ссудъ, что фактически ссудная дѣятельность учительскихъ обществъ превращается въ чисто филантропическую.

Этотъ филантропическій характеръ дѣятельности нашихъ учительскихъ обществъ привелъ даже одного изъ докладчиковъ (А. К. Гермоніусъ, стр. 246) къ выводу, что, вообще, матеріальная помощь не можетъ осуществляться путемъ взаимопомощи, корпоративнымъ путемъ, и должна быть поэтому передана въ вѣдѣніе чисто филантропическихъ учрежденій,—мысль совершенно неприемлемая, такъ какъ именно тамъ, гдѣ наиболѣе развита кооперативная жизнь учителей, и гдѣ они проявляютъ наиболѣе оживленную духовную самодѣятельность, лучше всего развиваются и процвѣтаютъ и учрежденія матеріальной взаимопомощи учителей (см., напр., данныя о германскихъ учительскихъ союзахъ въ прекрасномъ докладѣ С. М. Знаменскаго: „Что могутъ дать учительству профессіональныя организаціи"). И нѣтъ сомнѣнія, что устраненіе „нормальнаго устава", тяжелымъ гнетомъ нависшаго надъ всею дѣятельностью учительскихъ обществъ, предоставленіе имъ возможности широкой духовной самодѣятельности, приведетъ къ оживленію не только духовной, но и матеріальной взаимопомощи учительскихъ обществъ.

Понятно, что противъ „нормальнаго" устава, лишившаго учительскія общества всякаго права выражать духовные запросы учителей и толкающаго ихъ дѣятельность на мелкія благотворительныя функціи, направлено было главное остріе съѣзда. Когда читаешь о томъ, какъ, напр., устроенная въ какомъ-то городкѣ

Кубанской области лекція Вахтерова сзываетъ къ себѣ учителей живущихъ на разстояніи 100—150 верстъ отъ желѣзнодорожной станціи (стр. 207), то ясно видишь, какія широкія возможности культурной самодѣятельности подавляются у насъ нормами уставовъ. И, конечно, живая жизнь пробивается и черезъ мертвящія рамки уставовъ и, не смотря на всякіе запреты и нормы, не смотря на весь гнетъ, окружающій учительскія общества, въ нихъ все-таки такъ или иначе прорываются живыя стремленія народнаго учителя, напряженность его духовныхъ интересовъ. И тѣ настроенія, которыя принесли съ собою на съѣздъ съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи представители учительскихъ обществъ, достаточно ярко показали способность русскаго народнаго учителя къ самостоятельному разрѣшенію своихъ культурныхъ нуждъ, его право на широкую самодѣятельность и на активное участіе въ культурномъ строительствѣ страны.

Между первымъ и вторымъ съѣздами имени Ушинскаго прошло одиннадцать лѣтъ. По постановленію участниковъ перваго съѣзда второй съѣздъ долженъ былъ собраться черезъ три года; но „по независящимъ обстоятельствамъ“ произошло запозданіе на цѣлыхъ восемь лѣтъ. Участники второго съѣзда постановили созвать третій съѣздъ уже въ декабрѣ 1915 года. Удастся ли ему избѣгнуть обычнаго запозданія? Будемъ ли мы уже къ тому времени пользоваться благами мира и залечатся ли раны, нанесенныя войною, настолько, чтобы можно было спокойно обсуждать запросы и нужды народныхъ учителей? Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что запросы эти станутъ на первую очередь, когда дѣло дойдетъ до ликвидаціи войны, до устроенія мирнаго культурнаго существованія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Исторія Западной Литературы (1800—1910). П. ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 9-я. Изд. Т-ва Міръ. М. 1915 г.

Б. А. П—і й. Современная Монголія. П. 1915. Ц. 30 к.

Проф. Н. Лазаревскій. Причины и задачи войны. 1914—1915 г. П. Ц. 30 к.

Б. С. Грейденбергъ. Судебно-психіатрическая экспертиза въ уголовномъ процессѣ. П. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

М. И. Синюковъ. Чай и наша чайная проблема. П. 1915.

Н. Бахтинъ. Угорская Русь. П. 1915. Ц. 30 к.

Борисъ Черный. Первая тетрадь разсказовъ. М. 1915. Ц. 25 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1915 г. —Петръ Масловъ. Экономическія причины міровой войны. М. 1915. Ц. 25 к.— Сергѣй Городецкій. Царевна Сластена. Сказка. Ц. 17 коп. —Всѣ въ войнѣ. Разсказы о великой войнѣ. Ц. 15 коп.—Л. Н. Толстой. Казаки. Повѣсть. — Сергій Булгаковъ. Война и русское самосознаніе. Ц. 25 к.

Кн-во „Просвѣщеніе". П. 1915.— А. В. Амфитеатровъ. Риѳмы восьмидесятника. Ц. 1 р. 50 к.—Его-же. „Мандрагора". Ц. 1 р. 50 к. Эмиль Зола. Парижъ. Романъ. 2 тома. Ц. 3 р. —Г. В. Шварцъ. Изъ вражескаго плѣна. Очерки спасшагося. Исторія мытарствъ русскаго журналиста въ Германіи. Ц. 1 р. 25 коп.

Августъ Серментъ. Вай. Исторія одного честолюбія. П. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. П. 1915 г.—Россія, Царьградъ и проливы. Матеріалы и извлеченія. П. ред. и съ предисл. Р. Стрѣльцова. Ц. 1 р. 50 к.—Мемуары графини Потоцкой (1794—1820). Ц. 2 р.—Записки жены декабриста. П. Е. Анненковой. Ц. 1 р. 50 к.—Джекъ Лондонъ. Лунная долина. Ц. 1 р. 50 к.—К. Лемонье. На братскихъ могилахъ. Ц. 80 к.— Уптонъ Синклеръ. Сильвія. Пер. съ англ.—Ц. 1 р. 25 к.—Галлерея современныхъ дѣятелей. И. Ф. Василевскій (Буква). Георгъ V. Ц. 15 к.—Его-же. Вильгельмъ II. Ц. 15 к.—Его-же. Францъ-Іосифъ. Ц. 15 к.

Изд. М. И. Семенова. П. 1915.— М. Кузминъ. Плавающіе-путешествующіе. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.— Ник. Шебуевъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Утѣха воина. Ц. 1 р. Т. II. Версификація (искуство писать стихи). Ц. 1 р. 25 к.—Баденъ-Пауэллъ. Развѣдчики. Повѣсть изъ жизни англійскаго юношества. Ц. 1 р. 25 к.— Елизавета Гадмеръ. Уральскія легенды. Ц. 60 к.—М. Моравская. Стихи о войнѣ. Ц. 20 коп.—Евгеніевъ. Военный словарь. Ц. 15 к.— Владиміровъ. Современная Германія. Ц. 5 к.

Изд-ство писателей. Крэмбъ проф. Германія и Англія. Пер. съ англ. М. 1915. Ц. 75 к.

Г. Яблочковъ. Книга вторая. Слѣпая душа и др. разсказы. М. 915. Ц. 1 р. 25 к.

К. К. Истоминъ. „Старая манера" Тургенева (1834—1855). П. 915.

А. Н. Желтухинъ. Математика и физика въ французскихъ лицеяхъ. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 20 к.

Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Сержантъ Сидоровъ. М. 1915. Ц. 10 к.

Изд-во Т-ва И. Н. Кушнаревъ и К°. М. 1914 г.—Война и Культура: 11. В. Я. Улановъ. Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ. Ц. 15 к.—12. Н. А. Дилевская. Румынія. Ц. 12 к. —13. Н. М. Лукинъ. Борьба за колоніи. Ц. 15 к.—14. В. В. Тѣлеснинъ. Что такое международное право. Ц. 10 к.—15. В. П. Волгинъ. Англія и Германія. Ц. 15 к.—16. Б. Ѳ. Добрынинъ. Имперія Франца-Іосифа. Ц. 10 к.—17. В. В. Чичибабинъ. Германія. Ц. 15 к.—18. С. Червяковъ. Евреи въ Россіи. Ц. 10 к.—19. Э. К. Пименова. Бисмаркъ. Ц. 18 к.—20. О. А. Дилевская. Прибалтійскій Край. Ц. 15 коп.

А. Глазеръ. Савонарола. Исторія-повѣсть. Въ изложеніи для юношества. Д. Д. Т. П. 1915. Ц. 40 к.

Книга короля Альберта. 1915. М. Ц. 1 р. 50 к.

В. Однoблюдовъ. Трагедія современнаго интеллигентнаго общества. Елецъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1911—1913 гг. Самара. 1915 г.

Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губ. Ставропольскій уѣздъ. Самара. 1915.

Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1915 г.— Тути-Намэ. Сказки попугая. Ц. 75 к. —В. И. Симаковъ. Частушки. Ц. 25 к.—Красное и Черное. Хроника 1830 года Стендаля (Генриха Бейля). 2 части. Ц. 2 р. 50 к.

Марко П. Цемовичъ. Современныя славянскія проблемы П. 1915. Ц. 1 р.

Жертвамъ войны. Первый Омскій литературный сборникъ. Омскъ. 1915. Ц. 2 р.

Иванъ Бѣлоусовъ. Атава. Стихотворенія. Вторая книга. М. Ц. 1 р.

Евгеній Елачичъ. Изъ жизни природы. 2 изд. 1915 Ц. 60 к.

Нина Рудникова. Гавріилъ Елачичъ. Люциферъ и антихристъ. Ц. 60 коп.

Христя Алчевская. Изъ галицiйской и нашей литературы. Харьковъ. Ц. 35 к.

Евгеній Недзѣльскій. Радость въ страданіи. Поэзія. М. 1915. Ц. 1 р.

Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій 3 тома. Ц. 3 р. 75 к.

М. Монтессори. Методъ научной педагогики. Т-во „Задруга". М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Франческо Фламини. „Божественная Комедія" Данте. Пособіе для ея изученія. М. 915. Ц. 75 к.

К. А. Кузнецовъ. Очерки по теоріи права. 1915. Ц. 60 к.

И. А. Хмѣльницкій. Судебная реформа въ ея дѣятеляхъ. Од. 1915. Ц. 20 к.

М. Ч. Алавердянцъ. Идеологи освобожденія армянъ. П. 1915. Ц. 40 к.

Г. Г. Швитау. Трудовая помощь въ Россіи. Часть. I и II. П. 1915 г.

Эд. Кормуль-Гулесъ. Трудовая помощь. Пер. п. ред. Г. Г. Швитау. П. 1915.

В. Каневъ. Стихи. П. 1915.

Дѣти и война. Сборникъ статей. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.

Кн. Бернгардъ ф. Бюловъ. Державная Германія. П. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Г. А. Василевскій. Виновата-ли германская культура. П. 1915. Ц. 40 к.

Л. А. Колычевъ. Уставъ врачебный. П. 1915. Ц. 4 р. 50 к.

А. И. Введенскій проф. Психологія безъ всякой метафизики. Изд. 2-е, испр. и доп. П. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

Къ разрѣшенію вопроса о виноградномъ винѣ и пивѣ. Открытое письмо городскимъ и земскимъ самоуправленіямъ Россіи. М. 1915 г. Ц. 20 к.

Кн-во „Наука". М. 1915.—Д. Д. Галанинъ. Исторія методическихъ идей по ариѳметикѣ въ Россіи. Ч. I. XVIII вѣкъ. Ц. 1 р. 50 к.—Систематическій указатель литературы за 1914 г. П. ред. И. В. Владиславлева. Ц. 1 р. 80 к.—И. В. Гульбинскій. Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Біобибліографическій очеркъ. Ц. 50 к.

А. М. Волковъ. Въ отблескѣ кроваваго пожара. Кострома. 1915. Ц. 25 к.

А. Меньшиковъ. О великой европейской войнѣ. 1914—15 г. Вятка. 1915. Ц. 25 к.

Борисъ Демчинскій. Сокровенный смыслъ войны. П. 1915 г. Ц. 80 к.

В. В. Лесевичъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Статьи по философіи. М. 1915. Ц. 3 р.

Чарльзъ Сароли. Англо-Германская проблема. Пер. съ анг. М. 915. Ц. 1 р. 25 к.

Борисъ Лазаревскій. Во время войны. П. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. А. Максимовъ пр.-доц. Введеніе въ общую ботанику. П. 915. Ц. 90 к.

В. Штернъ. Психологическіе методы испытанія умственной одаренности въ ихъ примѣненіи къ дѣтямъ школьнаго возраста. Пер. съ нѣм. П. 915. Ц. 85 к.

Н. Архиповъ. Мужчина Анри. М. 915. Ц. 1 р. 25 к.

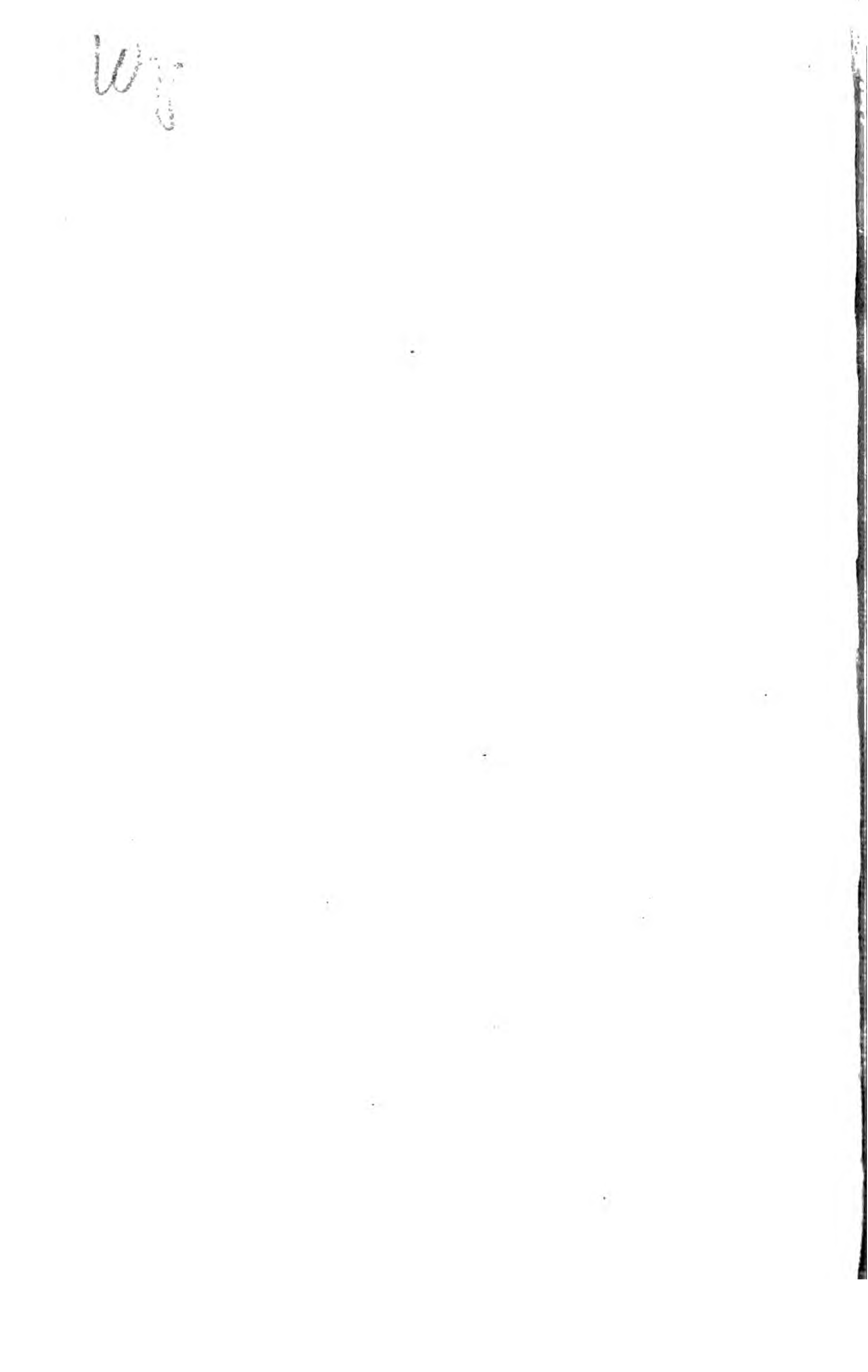
С. Чевкинъ. Торговый домъ „Востровъ и сынъ". Романъ. П. 915. Ц. 1 р. 50 к.

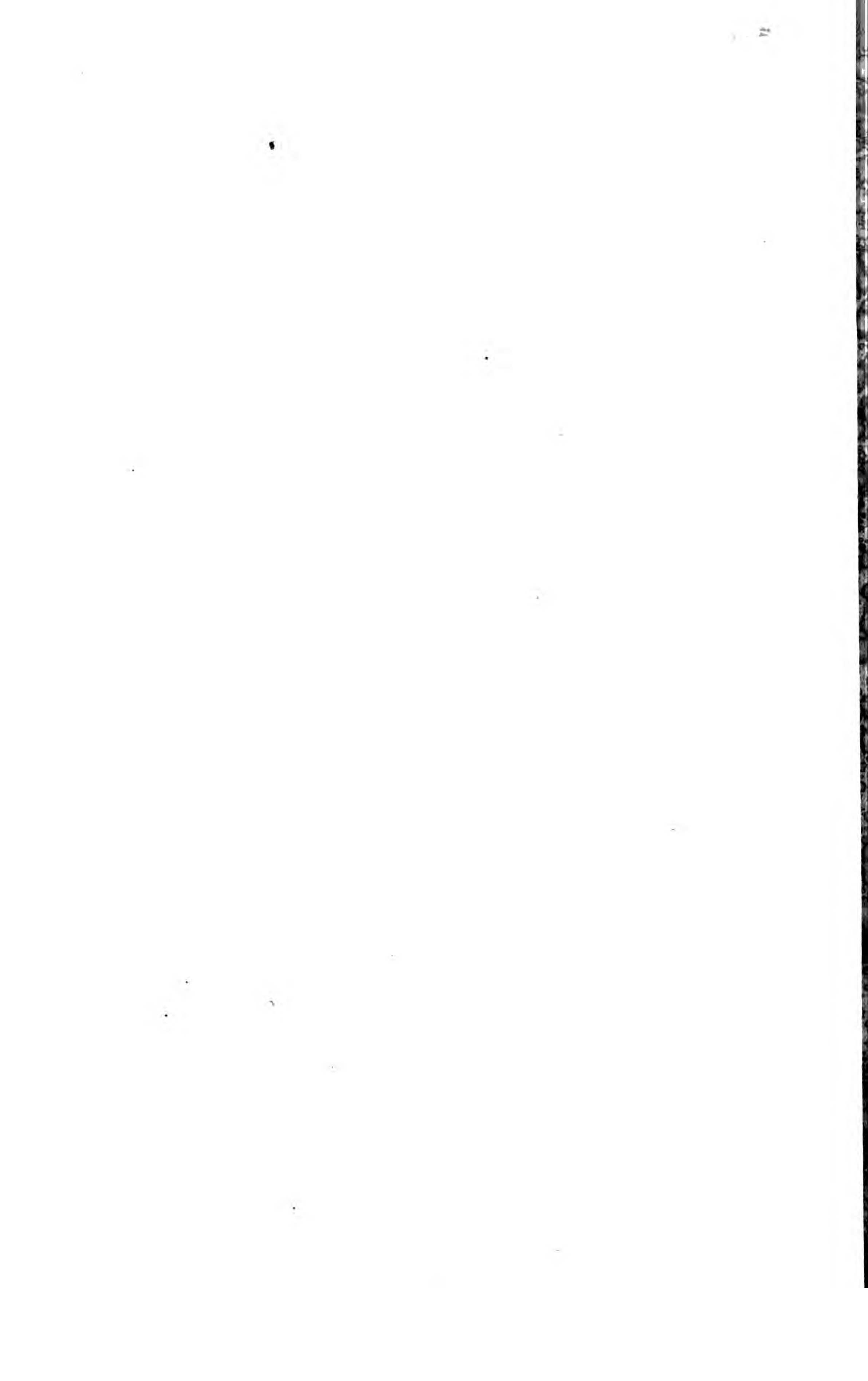
Какъ повліяло прекращеніе продажи водки на жизнь населенія Полтавск. губ. Полтава. 915. Ц. 50 к.

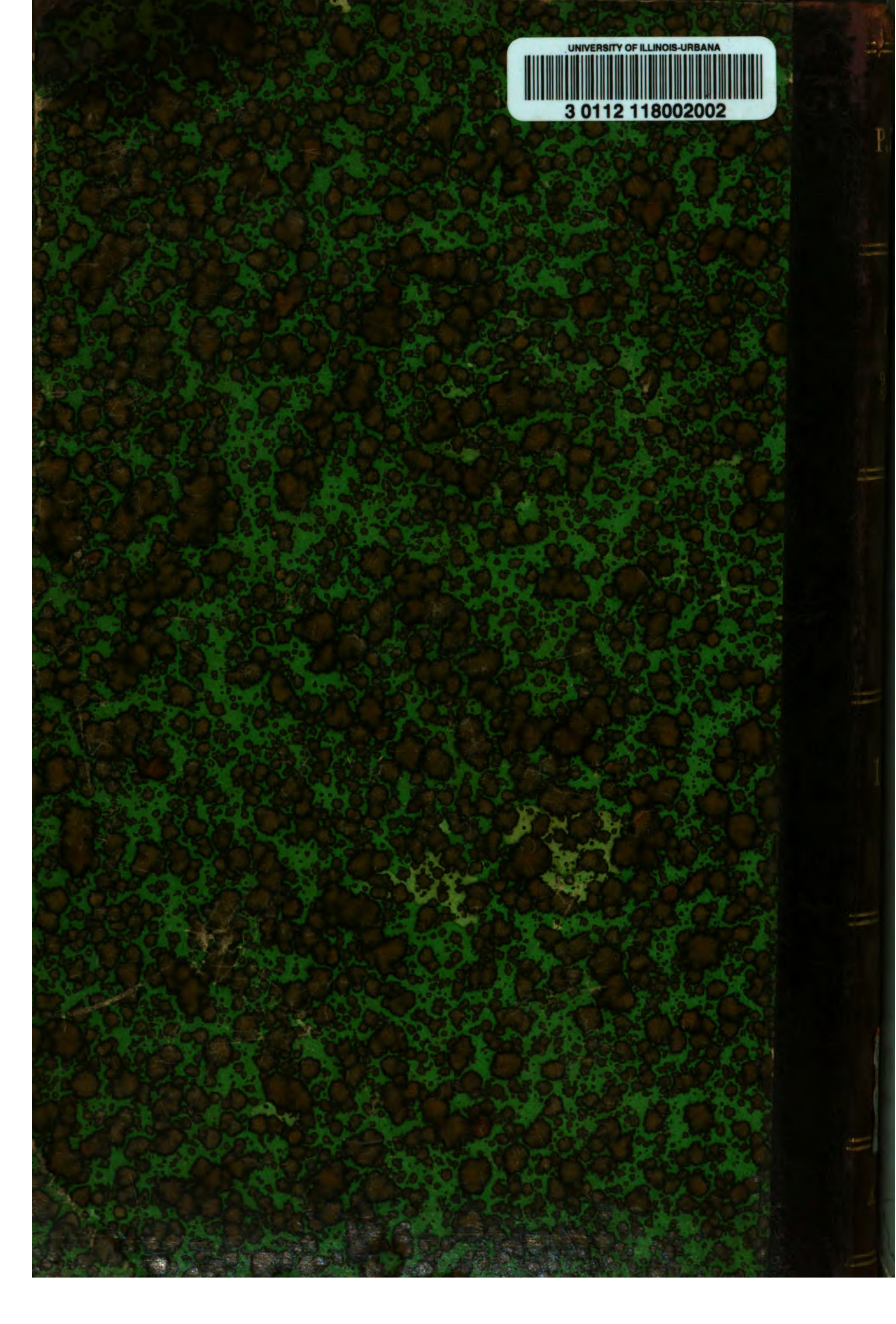
Евг. Барановъ. Война съ Турціей и армяне. М. 915.

Людмила Трубицына. Юристка. Изъ жизни парижской студентки. П. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.






UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002002